

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»**

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(3-5 НОЯБРЯ 2016 ГОДА)**

**Тамбов
«Принт-Сервис»
2016**

УДК 4
ББК 81
Э40

Издание подготовлено на базе научно-образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики факультета филологии и журналистики.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-04-14071з)*

Редакционная коллегия:

В.Ю. Стромов, ректор ТГУ им. Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент; **Е.А. Юрина**, проректор по научной работе, доктор экономических наук, профессор; **В.В. Павлова**, заместитель декана факультета филологии и журналистики, кандидат филологических наук, доцент; **А.Л. Шарандин**, доктор филологических наук, профессор; **Н.Ю. Желтова**, заведующий кафедрой русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, доктор филологических наук, профессор; **А.С. Щербак**, доктор филологических наук, профессор, сопредседатель оргкомитета (отв. ред.); **В.Н. Левина**, заместитель начальника управления фундаментальной и прикладной науки, доктор филологических наук, доцент; **Т.В. Махрачева**, кандидат филологических наук; **А.А. Бурыкин**, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела ИЛИ РАН (Санкт-Петербург); **А.Б. Туманова**, доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби (Казахстан, Алма-Аты); **С.Е. Бирюков**, доктор культурологии Университета имени Мартина Лютера (Германия); **Р.Д. Елибаева**, кандидат филологических наук, доцент (Казахстан, г. Шымкент)

Э40 **Экология** языка и речи : материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года) / отв. ред. А.С. Щербак ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Принт-Сервис, 2016. – 503 с.

ISBN 978-5-905763-75-5

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Экология языка и речи», состоявшейся в г. Тамбове 3-5 ноября 2016 года. Рассматриваются актуальные проблемы экологии языка и речи в контексте языковой ситуации. Материалы сборника вносят вклад в теорию и практику лингвистических разработок и адресованы широкому кругу филологов, журналистов и всем читателям, интересующимся новейшими достижениями лингвистической науки, вопросами современной языковой ситуации и речевого поступка.

**УДК 4
ББК 81**

ISBN 978-5-905763-75-5

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2016
© Оформление. ООО «Принт-Сервис», 2016

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
«G.R. DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY»**

LINGUISTIC AND SPEECH ECOLOGY

**PAPERS
OF THE V INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
(3-5 NOVEMBER 2016)**

**Tambov
«Print-Service»
2016**

The issue is edited on the basis of Research and Education Centre «Russiste» of the Department of the Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism of Faculty of Philology and Journalism.

*Published with financial support from Russian Foundation for Humanities
(Project № 16-04-14071z)*

Editorial Board:

V.Yu. Stromov, Rector of G.R. Derzhavin TSU, Candidate of Law, Assistant Professor; **E.A. Yurina**, Prorector for Research, Doctor of Economics, Professor; **V.V. Pavlova**, Deputy Dean of Faculty of Philology and Journalism, Candidate of Philology, Assistant Professor; **A.L. Sharandin**, Doctor of Philology, Professor; **N.Yu. Zheltova**, Head of the Department of the Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism, Doctor of Philology, Professor; **A.S. Shcherbak**, Doctor of Philology, Professor, Co-Chairman of Organising Committee (Editor-in-Chief); **V.N. Levina**, Deputy Head of Directorate of Fundamental and Applied Sciences, Doctor of Philology, Assistant Professor; **T.V. Makhracheva**, Candidate of Philology; **A.A. Burykin**, Doctor of Philology, Doctor of History, Senior Research Scientist of the Department of Lexicography of Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg); **A.B. Tumanova**, Doctor of Philology, Professor of Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty); **S.E. Biryukov**, Doctor of Cultural Studies of Martin Luther University (Germany); **R.D. Elibaeva**, Candidate of Philology, Assistant Professor (Kazakhstan, Shymkent)

Linguistic and Speech Ecology : Papers of the V International Scientific Conference (3-5 November 2016) / Editor-in-Chief A.S. Shcherbak ; Ministry of Education and Science of RF, FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», Research and Education Centre «Russiste». – Tambov : Print-Service, 2016. – 503 pp.

ISBN 978-5-905763-75-5

Collection contains papers of the V International Scientific Conference «Linguistic and Speech Ecology» held on 3-5 November 2016 in Tambov. It considers topical problems of linguistic and speech ecology in the context of the state of language. The papers of collection contribute to the theory and practice of linguistic developments. It is intended to philologists, journalists and a wide range of readers interested in the latest achievements of linguistics, in problems of modern state of language and speech act.

ISBN 978-5-905763-75-5

© FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», 2016
© Design. LLC «Print-Service», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	17
--------------------------	----

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ: ТРАДИЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>Харченко В.К.</i> Минус-антропоцентризм, или лингвистика – экологии как проект . . .	19
<i>Руделёв В.Г.</i> Реалистический фактор как единственный путь создания адекватной теории русского субстантива	22
<i>Кезина С.В.</i> Экологическая функция языка и духовная семантика слова	29
<i>Худяков С.С.</i> В.В. Путин: к проблеме экологии державности, идеологии, духовности	33
<i>Врублевская О.В.</i> Трансформация антропонимической формулы в восприятии современных носителей русского языка	37
<i>Махрова М.М.</i> Языковая составляющая инфографики в аспекте лингвистической экологии (на материале современного русскоязычного дискурса)	40
<i>Мамирова Ш.К., Саматаева К.Б.</i> Теоретические проблемы языкового изменения сосуществующих систем	42
<i>Янускина В.В.</i> Алфавит как один из ключевых элементов конституционно-правового статуса русского языка	45
<i>Левина В.Н., Моховикова О.Ю.</i> К вопросу о разграничении терминов «эколингвистика» и «лингвоэкология»	48
<i>Е Линь</i> Использование заимствований в современном русском языке	50
<i>Гочияева А.Я., Исахова Г.П.</i> Заимствование в языке – процесс объективный и необратимый	53

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Шарандин А.Л.</i> Лексикография XXI века: основы коммуникативно-дискурсивного словаря русского языка	56
<i>Мамирова Ш.К., Ахметова Д.М., Джумадиллаева Г.Б.</i> Отражение комплексов стилистических помет в словарях русского языка	59
<i>Холодкова М.В.</i> Лексические процессы на границах русского просторечия	63
<i>Логинов А.В.</i> Функционально-семантическая категория интеррогативности в современном русском языке	66
<i>Швецова В.М.</i> Коммуникативное моделирование лексической системы языка как способ развития семантического пространства слова в тексте	71
<i>Фролова И.И.</i> Ситуативное подлежащее: способы выражения и лексико-семантические особенности имён существительных как одного из репрезентантов	75
<i>Темиргазина З.К.</i> Коммуникативные условия осуществления речевого акта <i>ободрения</i> в педдискурсе как проявление экологии речи	79
<i>Ян Пейцзюнь</i> Способы выражения значения феминативности: имя собственное – имя нарицательное	82
<i>Левина В.Н., Пустовалова О.И.</i> Публицистический текст как отражение национальной культуры	85
<i>Баудер Г.А., Левина А.В.</i> Игра – средство коммуникативной культуры	87
<i>Патракеева Е.Б., Патракеева О.А.</i> Перевод англоязычных прецедентных феноменов на русский язык	89

<i>Краснова Т.В.</i> Особенности сюжетной организации рассказа Е.И. Замятина «Землемер»	92
<i>Ван Мэн</i> Зооморфные образы в русском языке: конь – лошадь	95
<i>Левина В.Н., Дай Хуань</i> Художественный текст в аспекте межкультурной коммуникации	98
<i>Ду Чуньян</i> Безэквивалентная лексика и лакуны в структуре русских идиом	100

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Бурыкин А.А.</i> Миниатюры Радзивилловской летописи – авторские иллюстрации к «Слову о полку Игореве». К проблеме тождества иллюстратора Радзивилловской летописи, автора «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и создателя «Слова о полку Игореве»	103
<i>Козырев В.И.</i> Лингвистические и экстралингвистические средства выражения отрицательной оценочности в побудительных высказываниях	110
<i>Павлова В.В.</i> Речевой этикет в эпистолярном тексте	114
<i>Ивашкевич И.Н.</i> Концептуализация социальной сферы человека в образах природного пространства	121
<i>Ляо Хуайшэн, Поповичева И.В.</i> Тема дороги в китайской классической поэзии	126
<i>Сунь Цзя Вень, Хворова Л.Е.</i> О некоторых аспектах семантики луны в китайской словесности и её параллелях с русской классикой	129
<i>Махрачёв Г.С.</i> Семантика образа луны (месяца) в русской народной культуре	133
<i>Трифонов М.Э.</i> Быстротечность жизни в стихотворении М. Кудимовой «Рябина»	136
<i>Попова А.О., Щербак А.С.</i> А.П. Чехов и Тамбовский край	139
<i>Колчанов В.В., Косякова С.А.</i> О приеме ономотопеи в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»	141
<i>Евгений Степанов</i> Метафора. Метаметафора. Метабола	146
<i>Пискунова С.В., Беренгольц-Зотова Е.Г.</i> Символика семантики и функции цвета в системе языковой культуры	152
<i>Перфилова М.Н.</i> Цветообозначение как источник культурной информации (на материале малых жанров русского фольклора)	157
<i>Милосердова П.В.</i> Поэтика цвета и звука в малой прозе Вольфганга Борхерта («Голоса в воздухе – ночью», «В мае, в мае кричала кукушка»)	160
<i>Серебренникова Н.Г.</i> Образ времени в поэзии Е.И. Харланова (на примере стихотворения «Круги времен»)	163
<i>Березина А.С., Моисеева Л.С.</i> Невербальные средства коммуникации в рассказе А.П. Чехова «Репетитор»	165
<i>Абраменкова Л.Е.</i> Особенности детской психологии в изображении А. Бруштейн (на материале трилогии «Дорога уходит в даль...»)	167
<i>Рожкова Е.И.</i> Образ <i>кота</i> в творчестве М.А. Булгакова	170
<i>Наумович В.В.</i> О прагматическом потенциале текста	173
<i>Астраханцева М.В.</i> Особенности синтаксических конструкций в произведениях Л.Н. Толстого	176
<i>Котяева Н.С.</i> О петимтрах и «порче» русского языка	178

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

<i>Горбаневский М.В.</i> Еще раз о проблеме экстремизма и в связи с задачами лингвокриминалистики	182
---	-----

<i>Соколова Т.П.</i> Нейминговая экспертиза в аспекте лингвоэкологии	188
<i>Чайковская И.А., Мельникова О.Ю., Аргунеев Э.П.</i> Возможности психолингвистики в практике судебных экспертиз	193
<i>Чубина Е.А.</i> Использование параграфемных элементов в рекламе с целью маскировки непристойных и оскорбительных образов, сравнений, выражений	195
<i>Николаев Е.Р.</i> Нормативно-правовое регулирование сохранения исконно якутских личных имен	199
<i>Щербак А.С.</i> Способы выражения информации в тексте, представленном на судебно-лингвистическую экспертизу	202

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Бунчук Т.Н.</i> Понятие нормы в диалектной языковой культуре	206
<i>Дубровина С.Ю.</i> Генетическая производность и структурные типы единиц русской диалектной лексики веры и церкви	209
<i>Никифорова О.В.</i> Символы нижегородской невесты: названия и обрядовые значения	215
<i>Федотова К.С.</i> О некоторых диалектных вариантах слова «абрикос»	219
<i>Баудер Г.А., Татарина Е.</i> Игровая лексика как предмет исследования этнолингвистических контактов	222
<i>Галушко Е.Ф.</i> Коды традиционной культуры в названиях дикорастущих трав Ульяновской области	225
<i>Абдуллаева З.Р.</i> Лабиализованные согласные в меусишинском говоре даргинского языка	229
<i>Баранова О.П., Моисеева Л.С.</i> Функционирование [Т – Т'] в говорах Тамбовской области	232
<i>Баудер Г.А., Полунина Л.И.</i> Диалектная лексика тематической групп «Питание» в говорах Тамбовской области	234
<i>Махрачева Т.В., Буцких С.В.</i> Прядение и ткачество на территории Тамбовской области: этнолингвистическое описание	239

ОНОМАСТИКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

<i>Васильева Н.В.</i> О трансформации онимов в дискурсе: онимические фантомы	243
<i>Сироткина Т.А.</i> Эргонимия в аспекте лингвоэкологии	245
<i>Ахметова М.В.</i> Названия жителей <i>Твери</i> в местной печати	248
<i>Багомедов М.Р.</i> Этнонимы в топонимической системе даргинского языка	252
<i>Виктор Шетэля (Szetela)</i> Польские антропонимы в русских текстах разных лет	254
<i>Беленов Н.В.</i> К вопросу о происхождении гидронима «Кондурча»	257
<i>Курбанова П.К.</i> Названия кварталов села в сирхинском диалекте даргинского языка	260
<i>Касьянова В.М.</i> Названия современных детских журналов в аспекте лингвоэкологии	262
<i>Сатиева С.К.</i> Интерпретация ономастического концепта в современной лингвистике	265
<i>Бодрова Е.В.</i> К вопросу об антропонимическом концепте в художественном произведении с точки зрения эколингвистики	269
<i>Рабданова Л.Н.</i> Географические термины в годонимах города Махачкалы	272
<i>Алиханова Н.М.</i> Семантические особенности микропонимов селения Гурбуки Карабудахкентского района республики Дагестан	274
<i>Калинин С.С.</i> Являлся ли экологичным древнегерманский ономастикон?	277

<i>Уразметова А.В.</i> Функциональный потенциал вторичных топонимических номинаций	280
<i>Кушнир О.Н., Тодика М.В.</i> Официальное имя государства: к вопросу об употреблении имени собственного	283
<i>Щербак А.С.</i> Имя собственное как ономастический знак	286
<i>Попова А.О., Беляева К.С.</i> Топоним <i>Тамбов</i> в контексте творчества тамбовских писателей	289
<i>Максимов В.О.</i> Бессуффиксальные русские фамилии: нестандартные или нестандартизированные?	292
<i>Лю Цзюань</i> Тамбовские фамилии, образованные от названий профессий	296
<i>Казанкова А.А.</i> Лингвокультурологическая интерпретация диалектной и ономастической лексики российской провинции	299
<i>Сюй Чунсюань, Син Цзинцзин</i> Лингвокультурологические особенности этнонимов <i>Чжэй Итин, Тянь Юньянь</i> Китайская антропонимия	303
	305

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

<i>Бирюков Сергей</i> Русское поэтическое слово в Германии	309
<i>Потанина Н.Л.</i> Феномен повседневности в современном английском романе: проблема художественной функциональности	316
<i>Белюсова С.В.</i> Роль словообразовательных окказионализмов в объективации индивидуально-авторской картины мира (на примере романа Т. Толстой «Кысь»)	321
<i>Гудин Д.С.</i> Б. Акунин и Дж. Ле Карре: опыт компаративного анализа («Турецкий гамбит», «Маленькая барабанщица»)	325
<i>Лю Яньтин</i> Утренний пейзаж как отражение индивидуально-авторской картины мира С.Н. Сергеева-Ценского	329
<i>Серебренникова Н.Г.</i> Художественный образ времени в картине мира Е.И. Харланова	331
<i>Плужникова А.А.</i> Женские образы в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»	334
<i>Алфёрова Д.А.</i> «Вечный юноша»: А.А. Щеглов о С.А. Есенине	337
<i>Трункова Я.Э.</i> Повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения» в контексте испанской литературной традиции	340
<i>Горячева К.Ю.</i> Роман Б. Шлинка «Возвращение» в оценках Клауса Кёлера	343
<i>Мусабекова У.А., Максат Абилкасым</i> Историческая основа мифопоэтических традиций тюркских народов	346
<i>Хэ Юйдань</i> Топоним Харбин как этнолингвокультурологическая лексема	349

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМА В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Иссерс О.С.</i> Массовая речевая культура как феномен современной коммуникации: в поисках речевого идеала	352
<i>Шаховский В.И., Кислякова Е.Ю.</i> Другой в масс-медийной коммуникации в аспекте эмотивной лингвоэкологии	356
<i>Баско Н.В.</i> Иноязычные заимствования в СМИ и медийной рекламе в аспекте речевой культуры	364
<i>Жигульская А.В., Сорокина Н.В.</i> Жанр юбилейной статьи в творчестве М.В. Кудимовой (на материале статьи о С.Н. Сергееве-Ценском)	370
Григораиш А.М. Антиэкология языка современных СМИ (на материале русскоязычной прессы Украины)	373
<i>Гуськова С.В.</i> Медiateкст регионального интернет-издания в аспекте культуры речи	377

<i>Пискунова С.В., Кирьянова Н.А.</i> Речевые штампы и клише в печатных СМИ Тамбовской области (на примере газеты «Тамбовская жизнь»)	380
<i>Мигранова Л.Ш.</i> Нарушение норм литературного языка в рекламных вывесках (на материале наружной рекламы г. Стерлитамака республики Башкортостан) . . .	384
<i>Фролова С.С.</i> К вопросу об объективности речевого поведения журналиста	386
<i>Видная О.Е.</i> Журналистский текст в новых медиа	388
<i>Лэй Хунъин, Цуй Исинь</i> Текст как особая форма коммуникации	391
<i>Чжу Сяоян</i> Национальная специфика русской лексемы <i>слово</i>	393

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

<i>Гань Сяоцзюань</i> Конкурс русской песни в системе обучения РКИ	397
<i>Ван Хуэй</i> Роль песенного текста в патриотическом воспитании: лингвистический аспект	399
<i>Туманова А.Б.</i> Перспективы изучения курса «Экология языка» в высшей школе . .	401
<i>Сапарова К.О.</i> Методические рекомендации по организации самостоятельной работы обучающихся: научно-методические основы конспектирования	408
<i>Верховых Л.Н.</i> Особенности использования приемов технологии развития критического мышления через чтение и письмо на занятиях по ономастическому лингвокраеведению	410
<i>Клокова Л.Н.</i> Речевые упражнения как необходимый компонент формирования коммуникативной личности учащегося	414
<i>Хворова Л.Е., Ян Кунь</i> Роль междисциплинарных связей в практике преподавания русской словесности	416
<i>Ли Кэн Хой, Поповичева И.В.</i> Воспитательные идеи народной педагогики, отраженные в русских и китайских пословицах и поговорках	419
<i>Блохина Н.Г.</i> Системная организация грамматических уровней русского языка в аспекте экологии	424
<i>Анохина Э.Н.</i> К вопросу о развитии навыков письменной речи на занятиях по русскому языку как иностранном в свете эколингвистики	427
<i>Баудер Г.А., Симонов О.А.</i> Театральная деятельность как элемент эстетического воспитания школьников	430
<i>Жеребцова Ж.И.</i> К вопросу преподавания русского языка как государственного в республике Дагестан	433
<i>Габибова Э.М.</i> К проблеме обучения предложному управлению учащихся-даргинцев на уроках русского языка	436
<i>Полунина Л.И., Попова А.</i> Бытовая лексика: дидактический аспект	439
<i>Коноплева Т.О.</i> Исследование системы образования с точки зрения институциональной экономики	441
<i>Полунина Л.И., Свиридова А.</i> Активизация познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка	444
<i>Григорьева Г.Б.</i> Подготовка будущих журналистов: эколингвистический аспект (к осмыслению темы)	446
<i>Денисова Т.А.</i> Уроки словесности как средство формирования функциональной грамотности.	449
<i>Непрокина Ю.А.</i> Региональный компонент в обучении русскому языку иностранных студентов	452
<i>Джумагулова Г.Ш., Бейсекова Р.Т.</i> Эффективные методики формирования гражданской активности старшеклассников	456

<i>Топоркова И.В.</i> Трейлеры как языковой материал для использования в аудиовизуальном курсе РКИ	460
<i>Дубровина Е.В.</i> Культура речи на уроках русского языка как <i>иностранного</i>	463
<i>Елибаева Р.Д., Джумагулова Г.Ш.</i> Профессионально-речевая культура студентов в условиях кредитной технологии обучения	465
<i>Арсланова Т.М., Головачева Т.А.</i> Игровые приемы и технологии обучения как средство формирования у обучающихся грамматических навыков в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности (для детей с неродным русским языком)	470
<i>Нурғалиева К.Ж.</i> Слова-паразиты в речи учащихся и проблемы культуры речи . . .	479
<i>Ян Пэй</i> Проблемы изучения диалога культур	483

О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ

<i>Маджаева С.И.</i> Коммуникативный круг: человек, язык, эмоции (рецензия на книгу: Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград, 2016)	486
<i>Соколова Т.П.</i> Аннотация на монографию «Нейминговая экспертиза: организация и производство» (М., 2016)	489
<i>Кичикова Н.А., Бурыкин А.А.</i> Аннотация на «Словарь наименований населенных пунктов Юга России» (Элиста, 2016)	491
Сведения об авторах	494

CONTENT

From editor board	17
-----------------------------	----

RUSSIAN LANGUAGE AS STATE LANGUAGE: TRADITIONS, PROBLEMS AND PROSPECTS. MODERN LANGUAGE POLICY

<i>Kharchenko V.K.</i> “Minus-anthropocentrism” or linguistics of ecology as a project	19
<i>Rudelev V.G.</i> Realistic factor as the only one way to create correct theory of Russian substantive	22
<i>Kezina S.V.</i> Ecological function of language and spiritual semantics of the word	29
<i>Khudyakov S.S. V.V.</i> Putin: to the problem of ecology of the great power statehood, ideology, spirituality	33
<i>Vrublevskaya O.V.</i> Transformation of anthroponymic formula in perception of modern native speakers of Russian language	37
<i>Makhrova M.M.</i> Language content of infographics in aspectlinguistics ecology (based on discourse of modern Russian language)	40
<i>Mamirova Sh.K., Samataeva K.B.</i> Theoretical problems of language changing of coexistent systems	42
<i>Yanuskina V.V.</i> Alphabet as one of the key elements of constitutional and legal status of the Russian language	45
<i>Levina V.N., Mokhovikova O.Yu.</i> To the problem of differentiation of terms “ecolinguistics” and “linguistic ecology”	48
<i>E Lin</i> Using linguistic borrowing in modern Russian language	50
<i>Gochiyaeva A.Ya., Isakhova G.P.</i> Linguistic borrowing in language – an objective and inconvertible process	53

PROBLEMS OF LINGUISTIC ECOLOGY AND MODERN CONDITION OF RUSSIAN LANGUAGE

<i>Sharandin A.L.</i> Lexicography of XXI century: basic principles of communicative and discourse dictionary of Russian language	56
<i>Mamirova S.K., Akhmetova D.M., Dzhumadillaeva G.B.</i> Reflexion of complex of usage labels in the dictionaries of Russian language	59
<i>Kholodkova M.V.</i> Lexical processes on the borders of Russian substandard language . .	63
<i>Loginov A.V.</i> Functional and semantic category of interrogative in modern Russian language	66
<i>Shvetsova V.M.</i> Communicative modeling of lexical system of language as a way of development semantic word space in the text	71
<i>Frolova I.I.</i> Situational subject: ways of expression and lexic-semantic special aspects of noun as one of representatives	75
<i>Temirgazina Z.K.</i> Communicative conditions of speech act realization of <i>encouragement</i> in the pedagogical discourse as display of speech ecology	79
<i>Yan Peytzsyun</i> Ways of expressing the meaning of feminization: proper name – generic name	82
<i>Levina V.N., Pustovalova O.I.</i> Publicistic text as reflexion of national culture	85
<i>Bauder G.A., Levina A.V.</i> Game as a way of communicative culture	87

<i>Patrakeeva E.B., Patrakeeva O.A.</i> Translation of precedent phenomena from English into Russian	89
<i>Krasnova T.V.</i> Special aspects of plot organization of E.I. Zamyatin's story "Zemlemer" ("Surveyor")	92
<i>Van Men</i> Zoomorph figures in Russian language: <i>male horse – horse</i>	95
<i>Levina V.N., Day Khuan</i> Literary text in the aspect of intercultural communication.	98
<i>Du Chunyan</i> Non-equivalent vocabulary and lexical gaps in the structure of Russian idioms	100

**FUNCTIONAL AND STYLISTICAL PECULIARITIES
OF RUSSIAN SPEECH:
HISTORY AND MODERNITY**

<i>Burykin A.A.</i> Miniature of Königsberg chronicles – author's illustration to "The Lay of Igor's Campaign". To the problem of sameness of illustrator of Königsberg chronicles, author of "Story of killing Andrew the Pious" and creator of "The Lay of Igor's Campaign"	103
<i>Kozyrev V.I.</i> Linguistic and extralinguistic ways of expression negative evaluativity in imperative sentences	110
<i>Pavlova V.V.</i> Speech etiquette in epistolary text	114
<i>Ivashkevich I.N.</i> Conceptualization of social sphere of human in nature space patterns	121
<i>Liao Khuayshen, Popovicheva I.V.</i> Theme of road in classical Chinese poems	126
<i>Sun Tszya Ven, Khvorova L.E.</i> On some aspects of <i>Moon</i> semantics in Chinese literature and its parallels with Russian classics.	129
<i>Makhrachev G.S.</i> Semantics of <i>Moon (month)</i> pattern in Russian people's culture.	133
<i>Trifonova M.E.</i> The brevity of life in the M. Kudimova's poem "Ryabina" ("Pit").	136
<i>Popova A.O., Shcherbak A.S.</i> A.P. Chekhov and Tambov territory.	139
<i>Kolchanov V.V., Kosyakova S.A.</i> On method of echoism in the M.A. Bulgakov's novel "The White Guard"	141
<i>Evgeniy Stepanov</i> Metaphoric expression. Metametaphore. Metabola	146
<i>Piskunova S.V., Berengolts-Zotova E.G.</i> Symbolic of semantics and functions of the colour in the system of language culture	152
<i>Perfilova M.N.</i> Colour naming as a source of cultural information (based on materials of small forms of Russian folklore)	157
<i>Miloserdova P.V.</i> Poetics of colour and sound in Wolfgang Borchert's short stories ("There are voices in the air – at night", "In may, in may cried the cuckoo")	160
<i>Serebrennikova N.G.</i> Time pattern in the poetics of E.I. Charlanov (based on poem "Krugl vremen" ("Time circles"))	163
<i>Berezina A.S., Moiseeva L.S.</i> Non-verbal means of communication in the A.P. Chekhov's story "The Tutor"	165
<i>Abramenkova L.E.</i> Special aspects of children psychology in images by A. Brustein (based on trilogy "Doroga uhodit vdal" ("The road is going far away"))	167
<i>Rozhkova E.I.</i> Image of <i>acat</i> in works by M.A. Bulgakov.	170
<i>Naumovich V.V.</i> On pragmatic potential of text	173
<i>Astrakhantseva M.V.</i> Special aspects of syntax constructions in works by L.N. Tolstoi	176
<i>Kotyaeva N.S.</i> On dandies and «spoiling» of the Russian language	178

**LEGAL COMMUNICATION
IN THE ASPECT OF LINGUISTIC ECOLOGY**

<i>Gorbanevskiy M.V.</i> Speaking again about problem of extremism and in connection with aims of linguocriminalistics	182
<i>Sokolova T.P.</i> Naming expert investigation in the aspect of linguistic ecology	188
<i>Chaykovskaya I.A., Mel'nikova O.Yu., Arguneev E.P.</i> Possibilities of psycholinguistics in the practice of expert testimony in court	193
<i>Chubina E.A.</i> Using paragraphiastic elements in advertising in order to cover vulgar images, comparisons and phrases	195
<i>Nikolaev E.R.</i> Statutoryregulation of saving originally Yakut personal names	199
<i>Shcherbak A.S.</i> Means of expressing information in the text that is given to the expert linguistic testimony in court	202

**MODERN RUSSIAN DIALECT
IN THE SYTEM OF LANGUAGE CULTURE**

<i>Bunchuk T.N.</i> Concept of norm in dialectal language culture	206
<i>Dubrovina S.Yu.</i> Genetic derivation and structural types of units of Russian dialectual lexis of belief and church	209
<i>Nikiforova O.V.</i> Symbols of bride in Nizny Novgorod: names and rite meanings	215
<i>Fedotova K.S.</i> About some dialectual variants of word “apricot”	219
<i>Bauder G.A., Tatarinova E.</i> Gaming lexis as a object of rthnolinguistic contacts investigation	222
<i>Galushko E.F.</i> Codes of traditional culture in naming of wild grasses Ulyanov Region	225
<i>Abdullaeva Z.R.</i> Labialized consonants in Meusisha dialect of Dargin language	229
<i>Baranova O.P., Moiseeva L.S.</i> Functioning of [T–T'] in the dialects of Tambov Region	232
<i>Bauder G.A., Polunina L.I.</i> Dialectual lexis of thematic group “Food” in the dialects of Tambov Region	234
<i>Makhracheva T.V., Butskikh S.V.</i> Spinning and sewing on the territory of Tambov Region: ethnolinguistic description	239

ONOMASTICS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC ECOLOGY

<i>Vasilyeva N.V.</i> On the transformation of onyms in the discourse: onym phantoms	243
<i>Sirotkina T. A.</i> Ergonomia in aspect of linguistic ecology	245
<i>Akhmetov M.V.</i> Names of Tver citizens in the local press	248
<i>Bagomedov M. R.</i> Ethnonyms in the toponymic system of Dargin language	252
<i>Victor Szetela (Szetela)</i> Polish anthroponyms in Russian texts of different years	254
<i>Belenov N.V.</i> To the problem of the origin of a hydronym “Kondurcha”	257
<i>Kurbanov P.K.</i> Names of the village districts in Sirhin dialect of Dargin language	260
<i>Kasyanova V.M.</i> Title of modern children's magazines in the aspect of linguistic ecology	262
<i>Sapiyev S.K.</i> Onomastic concept interpretation in modern linguistics.	265
<i>Bodrova E.V.</i> To the problem of anthropological concept in literary work from the point of ecolinguistic view	269
<i>Rabadanova L.N.</i> Geographical terms in hodonyms of Makhachkala	272
<i>Alikhanov N.M.</i> Semantic features of microtoponyms of the village Gurbuki of Karabudakhkent district of Republic of Dagestan.	274
<i>Kalinin S.S.</i> Was Germanic onomastic system so eco-friendly?	277

<i>Urazmetova A.V.</i> Functional potential of secondary toponymic nominations	280
<i>Kushnir O.N., Todika M.V.</i> Official name of the state: to the problem of using a proper name	283
<i>Shcherbak A.S.</i> Proper name as onomastic sign	286
<i>Popova A.O., Belyaeva K.S.</i> Toponym <i>Tambov</i> in the context of Tambov writers's art	289
<i>Maksimov V.O.</i> Suffixless Russian surnames: substandard or non-standardized?	292
<i>Liu Juan</i> Tambov surnames formed from names of professions	296
<i>Kazankova A.A.</i> Linguistic and cultural interpretation of dialectual and onomastic lexicon of the Russian province	299
<i>Hsu Chiung-Hsuan, Sin Jingjing</i> Linguoculturological features of ethnicons	303
<i>Zhai Itin, Tian Yunyan</i> Chinese anthroponomy	305

LINGUISTIC PERSONALITY IN LITERARY DISCOURSE

<i>Biryukov Sergey</i> Russian poetical word in Germany	309
<i>Potanina N.L.</i> The phenomenon of daily life in modern English novel: the problem of literary functionality	316
<i>Belousova S.V.</i> Role of word-formative occasionalisms in objectification of author's individual picture of the world (based on T. Tolstaya's story "Kys")	321
<i>Gudin D.S.</i> B. Akunin and G. Le Carre: the experience of comparative analysis ("Turkish gambit", "Little drummer girl")	325
<i>Liu Yanping</i> Morning landscape as a reflection of the author's individual picture of the world of S.N. Sergeev-Tsensky	329
<i>Serebrennikova N.G.</i> Literary image of the time in the world picture of E.I. Kharlanov	331
<i>Pluzhnikova A.A.</i> Female characters in the D. Setterfield's novel "The thirteenth tale"	334
<i>Alferova D.A.</i> "Perpetual youth": A.A. Shcheglov about S.A. Yesenin	337
<i>Trunkova Y.E.</i> Novel "The Life of Lazarillo de Tormes and of His Fortunes and Adversities" in the context of the Spanish literary tradition.	340
<i>Goryacheva K.Y.</i> B. Schlink's novel "Homecoming" criticized by Claus Koehler	343
<i>Musabekova U.A., Maksat Abilkasym</i> Historical basis of the mythical and poetic traditions of the Turkic people	346
<i>Khe Yuydan</i> Toponym Harbin as ethnolinguocultural lexical item	349

LANGUAGE OF MEDIA AND ADVERTISING IN THE ASPECT OF SPEECH CULTURE

<i>Issers O.S.</i> Mass speech culture as a phenomenon of modern communication: in the search of the ideal speech	352
<i>Shakhovskiy V.I., Kislyakova E.Y.</i> Other in mass media communication in the aspect of emotive linguistic ecology	356
<i>Basco N.V.</i> Borrowing from foreign language in media and advertising in the aspect of speech culture	364
<i>Zhigul'skaya A.V., Sorokina N.V.</i> Genre of the commemorative article in the works of M.V. Kudimova (based on the article about S.N. Sergeev-Tsensky)	370
<i>Grigorash A.M.</i> Anti-ecology of language in modern mass media (based on materials of Russian-speaking press of Ukraine)	373
<i>Guskova S.V.</i> Media text of regional Internet-publication in the aspect of speech culture	377

<i>Piskunova S.V., Kiryanova N.A.</i> Clichés in the print media of Tambov Region (based on the example of newspaper “Tambov life”)	380
<i>Migranova L.S.</i> Breaking norms of the literary language in advertising signboards (based on outdoor advertising in Sterlitamak, Republic of Bashkortostan)	384
<i>Frolova S.S.</i> To the problem of the objectivity of verbal behavior of the journalist	386
<i>Vidnaya O.E.</i> Journalistic text in new media	388
<i>Lay Hong-Ying, Cui Yi-Xin</i> Text as a form of communication	391
<i>Zhu Xiaoyang</i> National specificity of the Russian lexical unit <i>word</i>	393

**THE ISSUES OF LINGUISTIC ECOLOGY
IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING IN UNIVERSITY AND SCHOOL**

<i>Gan Syaotszyuan</i> Russian song contest in the educational system of RSL.	397
<i>Van Khuey</i> Role of the song text in the patriotic upbringing: the linguistic aspect.	399
<i>Tumanova A.B.</i> Prospects of studying the course “Language ecology” in high school	401
<i>Saparova K.O.</i> Methodical recommendations on organization of students’ independent work: a research and methodology basic principles of making an abstract.	408
<i>Verkhovykh L.N.</i> Special aspects of using methods of technology of critical thinking development by reading and writing at the lessons of onomastic linguistic regional studies.	410
<i>Klokova L.N.</i> Speech exercises as a necessary component of student’s communicative personality formation.	414
<i>Khvorova L.E., Yang Kun</i> Role of interdisciplinary links in Russian literature teaching practice.	416
<i>Li Ken Khoy, Popovicheva I.V.</i> Educational ideas of people’s pedagogy reflected in Russian and Chinese proverbs and sayings.	419
<i>Blokhina N.G.</i> System organization of grammar levels of Russian language in the aspect of ecology.	424
<i>Anokhina E.N.</i> To the problem of writing skills development at the lessons of Russian as a foreign language in the aspect of ecolinguistics.	427
<i>Bauder G.A., Simonov O.A.</i> Theatrical activity as an element of students’ aesthetic upbringing.	430
<i>Zherebtsova Z.I.</i> To the problem of Russian as a state language teaching in the Republic of Dagestan.	433
<i>Gabibova E.M.</i> To the problem of teaching prepositional management of students of Dargin at the Russian language lessons.	436
<i>Polunin L.I., Popova A.</i> Colloquial vocabulary: didactic aspect.	439
<i>Konopleva T.O.</i> Educational system investigation from the perspective of institutional economics.	441
<i>Polunina L.I., Sviridova A.</i> Activation of the students’ cognitive activity at the Russian language lessons.	444
<i>Grigorieva G.B.</i> Future journalists training: ecolinguistical aspect (to the thinking of the problem)	446
<i>Denisova T.A.</i> Literature lessons as way of functional literacy formation.	449
<i>Neprokina Y.A.</i> Regional component in Russian language teaching for foreign students	452
<i>Dzhumagulova G.S., Beisekova R.T.</i> Effective methods of students’ civil activity formation.	456
<i>Toporkova I.V.</i> Trailers as linguistic material for using in the audiovisual course of RSL	460

<i>Dubrovina E.V.</i> Speech culture at the lessons of Russian as a <i>foreign</i> language	463
<i>Elibaeva R.D., Dzhumagulova G.S.</i> Professional and speech students' culture in conditions of credit technology of education	465
<i>Arslanova T.M., Golovacheva T.A.</i> Game techniques and teaching technologies as way of students' grammatical skills formation in productive and receptive types of speech activity (for children with non-native Russian language)	470
<i>Nurgaliyeva K.Z.</i> Words – parasites in students' speech and speech culture problems . .	479
<i>Yan Pay</i> Problems of studying dialogue of cultures	483

REVIEWS ON NEW PUBLICATIONS

<i>Magaeva S.I.</i> Communicative circle: human, language, emotions (book review: Shakhovskiy V.I. Dissonance of ecology in the communicative circle: human, language, emotions: monograph. Volgograd, 2016)	486
<i>Sokolova T.P.</i> Annotation to the monograph «Naming study: organization and development» (M., 2016)	489
<i>Kichikova N.A., Burykin A.A.</i> Annotation to the «Dictionary of locality names in the South of Russia» (Elista, 2016)	491
Information about authors	494

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

3-5 ноября 2016 года на базе образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина состоялась Пятая Международная научная конференция «Экология языка и речи», где были обсуждены актуальные проблемы в области современной лингвоэкологической ситуации в обществе, подняты стратегически важные вопросы о судьбе и значении нашего государственного языка, его исторических метаморфозах, речевых поступках.

В центре внимания ведущих ученые и молодых исследователей из многих городов России (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, Белгород, Волгоград, Владимир, Мичуринск, Оренбург, Омск, Сургут, Якутск, Сыктывкар, Арзамас, Ульяновск, Махачкала, Самара, Майкоп, Борисоглебск, Кемерово, Уфа, Архангельск, Мирный и др.) и стран дальнего и ближнего зарубежья (Китай, Германия, Польша, Украина, Беларусь, Казахстан, Узбекистан) решались актуальные проблемы в области экологии языка и речи.

Особенностью конференции стало активное участие в её работе молодых ученых – студентов, магистрантов и аспирантов из Китая, учителей средних школ из Казахстана.

На пленарном заседании своими научными открытиями, находками и мыслями поделились ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН А.А. Бурькин (г. Санкт-Петербург), российские профессора В.К. Харченко, С.В. Кезина, украинский ученый А. Григораш (Украина).

Участники конференции выразили заинтересованность в обсуждении путей и конкретных форм сотрудничества с ТГУ имени Г.Р. Державина. В дни проведения конференции был заключен договор о международном сотрудничестве с факультетом международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск); прошел мастер-класс для молодых ученых д.филол. наук, профессора, заведующего кафедрой филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета В.К. Харченко. По итогам проведения летней диалектологической практики студентов-филологов в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН в рамках действующего договора о сотрудничестве состоялось заседание Круглого стола «Русские говоры в системе национального русского языка», в работе которого участвовали студенты-филологи Мичуринского государственного аграрного университета. В рамках действующего договора с Южно-Казахстанским гуманитарным институтом имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент) в работе конференции приняли активное участие ведущие ученые этого вуза.

Проведение V Международной конференции «Экология языка и речи» стало важным событием в нашей стране и за рубежом. Оно свидетельствует о том, что мы переживаем новый период в развитии русского литературного языка. Безусловно, современный русский язык предстаёт в некотором, достаточно видоизмененном виде: он приспособляется, «раскрепощается», появляется яркая речевая игра, свобода рассуждения, свобода образа и выбора слова.

Когда мы произносим сочетание «экология языка и речи», то прежде всего перед нами встает слово в изменяющейся картине мира. И если использовать ломоносовские термины, можно с уверенностью говорить о том, что на первый план выдвигается «средний» стиль. «Высокий» теряет свои позиции, «нижний» приближается к середине. В этом случае для всех сфер литературной речи характерна тенденция к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами. Почему это происходит? Каким же будет русское слово, что может сохранить русскую речь? Теряет ли русский язык качество литературности? На сегодняшний день решение этих вопросов, связанных с экологией языка и речи, – важнейшая задача современной русистики.

Безусловно, всё зависит от словесного поведения самого человека, который должен говорить по-русски. Борис Стругацкий писал: «С русским языком может произойти всё что угодно: перестройка, преобразование, превращение – но только не вымирание. Он слишком велик, могуч, гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять и вдруг исчезнуть. Разве что – вместе С НАМИ».

В настоящее время в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным и сохраняющимся языковым разнообразием, каковых мало осталось в мире. С другой стороны, Россия сохраняет и несет перед миром и самой собой ответственность за один из немногих национальных языков, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.

Хранить и отстаивать национальный язык, его классические литературные нормы и в то же время поддерживать новое, яркое и выразительное – в этом редколлегия видит главную свою задачу, которую определяет название сборника «Экология языка и речи». И пусть для каждого из нас этот тезис будет служить императивом гражданского самосознания и лингвистического мировидения.

А.С. Щербак

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ: ТРАДИЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

МИНУС-АНТРОПОЦЕНТРИЗМ, ИЛИ ЛИНГВИСТИКА – ЭКОЛОГИИ КАК ПРОЕКТ

В.К. Харченко
(г. Белгород, Россия)

Рассматривается проблема взаимоотношения природы и человека, ее отражение в художественных текстах, ставится вопрос о языковых особенностях при создании контекстов, несущих суггестивный заряд.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистика, экология, синергетические механизмы природы, языковая личность

В последнее десятилетие название научной дисциплины «экология» всё чаще используется в переносном смысле, синонимичном словам «защита», «сбережение», «благоговейное отношение». Сказанное относится и к языку, прежде всего, к родному языку, который (кто бы спорил?) нуждается в любви, уважении и сохранности, когда одно чувство естественно вытекает из другого, ответно усиливая породившее его ощущение. Полагаем, однако, что не менее интересным проектом прикладной филологии может стать и прямо противоположный вектор усилий со стороны профессиональных лингвистов, а именно исследование того, как через язык его носители могут помочь не только окружающей человека природе, но природе вообще, «не заинтересованной» подчас в существовании *homo sapiens*. При этом необходимо актуализировать одну, не самую популярную методологическую установку.

География, увы и ах, сейчас не в почёте, доходит до того, что на конференциях, встречах, совещаниях географы предпочитают представляться более престижно как экологи. Некоторые страны, в частности Израиль географию как предмет собираются переименовать в «географию человека», то есть в экологию (Радио России 10 октября 2015 г.), что является весьма тревожным симптомом.

Эколог, как известно, ратует за сохранение благополучия человека на том или ином участке территории, тогда как географ на глубинном уровне изучает тайны мироздания и уникальность, по концепции В.Л. Глазычева и В. Родомана, каждой пяди земли в независимости от того, освоена эта территория человеком или пока ещё нет. Пусть *homo sapiens* не видит явной пользы от какого-либо животного или растения, но и их необходимо сберечь. География должна пестовать, повторим и подчеркнём, *уникальность* каждого территориального фрагмента. В отношении человеческого «присутствия» нечто подобное происходит сейчас и в лингвистике. Редкая диссертация обходится без реверанса в сторону антропо-

центризма, тогда как можно предложить и другие поведенческие установки: теоцентризм (*Бог*), биоцентризм (*жизнь*) *etc.*

Итак, если в качестве рабочего исследовательского лозунга-ориентира взять «минус-антропоцентризм», то мы, филологи, могли бы пристально, прицельно изучать как минимум три блока языкового материала.

Первый такой блок составляют художественные и научно-популярные описания дикой природы. В своей статье мы писали о каталогах Жюль Верна, писателя, сохранявшего экспрессию сюжета, но при этом при описании необитаемых земель умевшего вплетать в перечни знакомые и чарующие новизной незнакомые названия, будь то названия растений, или животных, или минералов [Харченко 2016: 185-186]. Здесь срабатывает, во-первых, суггестивное начало прикладной филологии, опирающееся на древнейший, биологически данный нам инстинкт собирательства: иметь (а как следствие потому и знать!) всего и побольше. Во-вторых, срабатывает и эффект новизны, которым в настоящее время пристально занимается отдельная область знаний – кайнэрастия [Сосланд 2006: 40-41]. Кстати, это – изображения дикой природы в художественной литературе встречаются нечасто, это, скорее, прерогатива книг о путешествиях и путешественниках.

В художественном дискурсе это выступает как встреча, знакомство с дикой природой. Кстати, оценочное определение «дикая» целесообразнее заменять синонимом с мелиоративной коннотацией: «первозданная». Смысл рассказа Валентина Распутина «Век живи – век люби». Чарующая природа, щедрость тайги: ягод, грибов, орехов, богатство растений – всё это перевешивает случившееся. С трудом собранные ягоды, «переночевавшие» в железном ведре, нельзя использовать. Односельчанин из вредности не предупредил мальчика, что нельзя брать оцинкованную ёмкость. «Встреча с первозданной природой» – это особая важнейшая тема творчества писателей, неявная актуальность которой всё острее выступает по мере захвата человеком новых и новых пространств. Методологически здесь просматривается суггестивная идея – учиться у природы, во-первых, разнообразию, во-вторых, гармонии. Известен тезис: культура – это многообразие, но многообразие природы кратно превосходит достижения культурных слов и срезов. «Чем биоценоз разнообразнее, тем он долговечнее».

Актуализировавшиеся в последнее десятилетие синергетические исследования также настоятельно требуют изучения синергетических механизмов природы, то есть её гармонии, парадоксально взаимодействующей с хаосом. «Я говорю вам, – писал Ф. Ницше, – нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Исследование богатства и разнообразия ландшафтов и их составляющих требует, соответственно, и обогащения языка такого описания, а это уже сугубо лингвистический мессидж. А может быть, наш разговор о будущем мире потребует нового словаря? В любом случае перед лицом всё более явственной разнородности мира мы всё ещё чувствуем ограниченность традиционного языка [Капуцинский 2009: 80].

Второй блок исследования образуют контексты, в которых демонстрируется, как природа «приходит в себя» после исчезновения непосредственного её хозяина. Классический пример – это великолепное описание заброшенного сада

Плюшкина. Описанием этого сада, подробно процитировав, восхищался В.В. Набоков [Набоков 2010: 60-61]. Повторим фрагмент гоголевского описания:

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороны гнёзда на трепетные свои вершины. У иных из них отдёренные и не вполне отделённые ветки висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагромождённому, часто без толку, труду человека пройдёт окончательным резцом своим природа, облегчит тяжёлые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создавалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Этим отрывком Н.В. Гоголь даёт прекрасный урок описания природы при уходе человека, создавая свои слова (*грубо-ощутительная правильность*), подбирая эпитеты (*нагромождённому, часто без толку, труду*) – узнаваемая и сейчас картинка!), уважая «частности» описания (*высокорослых, не вровень с другими, осин; отдёренные и не вполне отделённые ветки*). К этому же блоку относятся описания покинутых, «неперспективных» деревень, чернобыльской зоны, рукотворных морей и т.д. и т.п. Разумеется, тема исчезновения человека и человечества волнует не только писателей, особенно писателей-фантастов, она представлена и в научно-популярном дискурсе.

Наконец, третий блок проблематизируемого материала составляют контексты, а то и целые тексты, как человек возвращает природе утраченное: сажает не дерево – целый лес [Тихолоз 2009: 7-39], делает почву наиболее плодороднейшей, защищает исчезающие виды животных и растений, не разрешает детям растаптывать несъедобные грибы, противится поджогам травостоя по причине элементарной лени выпалывать, лелеять землю.

Здесь начинает играть красками суггестивная составляющая прикладной лингвистики (восхищение поступком, действием), когда зарождается желание подражать образцу, тиражировать идеальное отношение к любому природному объекту. Прикладная филология в этом плане может популяризировать контексты, несущие суггестивный заряд. Приведём в качестве таких образцов запись из дневника М.М. Пришвина и наблюдение Виктора Конецкого.

Но деревья мои, тоже личные, как и люди, – каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своими собственными лицами, – все эти деревья выступают без всякого бремени, прекрасные и святые <...> Основной источник благодати, называемой теперь по-учёному геооптимизмом, исходит от деревьев и всего зелёного покрова земли (5 мая 1946 г.) [Пришвин 1986: 475]. В природе не только борьба, но и «всеобщая симпатия», поле сочувствия, связи и сопереживания, к которому причастны даже растения. Может быть, действительно существует пресловутое биологическое поле [Конецкий 1975].

Благоговейное отношение к природе отличало монастырскую культуру. Это, например, известные произведения И.С. Шмелева о Валаамском монастыре [Шмелев 1990], С. Фуделя о Толгской обители [Фудель 1991]. Заметим, однако, что энергия освоения (бережного освоения!) новых территорий нужна и на перспективу. Так, рано или поздно человечеству придётся осваивать другие планеты

[Переслегин 2011: 145-154]. Проблема космоса как территории будущего стоит всё острее, что требует не только ещё большего развития интеллектуальных сил, но и ещё более тонкого воспитания культуры эмоций, а это уже задание, адресуемое языку воздействия на личность, которая не случайно трактуется как *языковая* личность.

Литература

- Капуцинский Р.* Главы из книги «Стремнина истории // Звезда. 2009. № 10.
Конецкий В. Морские сны. Л.: Советский писатель, 1975.
Набоков В.В. «Мёртвые души» // Лекции по русской литературе. Спб.: Изд. группа «АЗБУКА-КЛАССИКА», 2010. С. 45-101.
Переслегин С.Б. В колыбели. Космос как возможность спасения // Нева. 2011. № 4. С. 138-155.
Пришвин М.М. Дневники 1905-1954. Собрание соч. Тт. I-VIII., Т. VIII. М.: Худ. лит., 1986. 759 с.
Сосланд А. Влечение к новизне // Знание – сила. 2006. № 8. С. 40-46.
Тихолоз А. Старик, посадивший лес // Новый мир. 2009. № 3. С. 7-39.
Фудель С. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 182-212.
Харченко В.К. Инженеринг Жюль Верна // Нева. 2016. № 4. С. 181-188.
Шмелёв И.С. Старый Валаам // Москва. 1990. № 9. С. 77-111.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ СОЗДАНИЯ АДЕКВАТНОЙ ТЕОРИИ РУССКОГО СУБСТАНТИВА

В.Г. Руделёв
(г. Тамбов, Россия)

*Посвящается замечательному русскому ученому-лингвисту,
талантливейшему педагогу, прекрасному человеку –
Сакмаре Георгиевне Ильенко*

Теперь уж чистых рек так мало:
нужда в энергии остра...
Сакмара! Милая Сакмара!
Невы достойная сестра
Владимир Руделёв

На примере поэтических текстов А.А. Фета и А. Вознесенского автор статьи рассуждает о теории частях речи в современном русском языке, уделяя особое внимание противопоставленности маркированных частей речи частеречному нулю, коим является существительное.

Ключевые слова: субстантив, частеречная система, оппозиция

Уже на первой стадии нашего исследования, благодаря применению метода оппозиций и нейтрализаций, почерпнутого из теории Н.С. Трубецкого, постро-

енной на фонологическом материале, удалось найти точное место реалиям А.А. Фета типа: *шепот, дыханье, колыханье* и т.д. [Фет 1978: 94]:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Каждая из таких реалий оказалась **архилексемой**, т.е. результатом нейтрализации (смешения) лексемы-глагола с лексемой-существительным, уподоблением одного из них (глагола) другому (существительному):

«шепот» – это «кто-то что-то *шепчет*»,

«робкое дыханье» – это «кто-то робко *дышит*»,

«трели соловья» – это «*поёт*, издаёт *трели*, соловей»

До сих пор (в традиционной лингвистике) такое явление считалось подобием словообразования, и в «существительных» (!) типа *шепот* искали «внутреннюю глагольную форму», т.е. «опредмеченное действие», но ни в коем случае – не сам «глагол»: глагола словно уже не было, а был – якобы субстантив с типичным «предметным» значением [Бабайцева 1971: 81-84].

Такая частеречная эквилибристика умом постигалась с трудом, в виду своей явной нереалистичности. Да ведь и подлинным, абсолютно реальным субстантивам (*человек, собака, береза*) только недавно [Ярцева 199: 488-500] перестали навязывать «предметную» семантику – как и многим иным, подобным этим, и не подобным таковым.

До сих пор частеречные модели, аналогичные динамическим моделям Трубецкого, примененным Мастером на звуковом материале, известны не были. Но теперь уже обходиться без них где-либо в языкознании очень трудно – просто невозможно. Наши первые опыты, связанные с применением метода Н.С. Трубецкого в теории частей речи, представлены в именных сборниках статей – в честь А.А. Кретьова [Руделёв 2011: 244-253] и в честь героини настоящей статьи С.Г. Ильенко [Руделёв 2012а: 9-14].

В работе в честь профессора А.А. Кретьова скоростные глагольные формы типа: **шёпот**, робкое **дыханье**, **трели** соловья, **колыханье** сонного ручья – были представлены как **архилексемы** [глагол: субстантив], т.е. как результаты нейтрализации: [глагол: субстантив], которые, по Трубецкому, можно нужно рассматривать только как **субстантивные формы глагола**.

Значит, это ни в коем случае – не существительные, не «опредмеченные действия» и прочая ирреальность. Нет, это самые натуральные глаголы, с вербальной семантикой, но – в субстантивных «одеждах» (формах): они попали в скоростной речи в субстантивные позиции – и никакие академики-консультанты их больше существительными не сочтут и не позволят счесть, поскольку здравый смысл и объективный реализм подсказывает, что здесь происходит очевидный частеречный маскарад.

Всё становится похоже на **существительное** («частеречный нуль»), аналогичный «вокалическому нулю», почти незвуку [Митрофанова 2016], и в то же время – фонеме [Руделёв 1975].

С нейтрализацией [глагол: субстантив] русская частеречная система, представляемая нами в своем фрагменте как:

[субстантив ← глагол → адъектив ← нумератив]
a¹ a² a³,

с абсолютно не маркированным субстантивом и дважды маркированным глаголом, упрощается до:

[субстантив ← адъектив ← нумератив]
a¹ a²,

когда адъектив (прилагательное), заняв место глагола, мгновенно смешивается (нейтрализуется) с существительным, получая субстантивные формы, подобные теперь уже аналогичным формам глагола. Таковой, например, оказывается фетовская форма «**серебро**»:

Серебро и ***колыханье***
Сонного ручья.

«**Серебро**» – в данном случае не существительное со значением «*argentum*», а только субстантивная форма ***прилагательного*** «**серебряный** – с внутренней субстантивной формой «**серебро**».

Далее, у А.А. Фета идет субстантивная форма прилагательного **светлый**:

Свет ночной ...

Еще дальше – субстантивная форма прилагательного **темный (тени)**:

Ночные **тени**
Тени без конца...

И далее – целый каскад субстантивных форм прилагательных:

В дымных тучках **пурпур** розы,
Отблеск **янтаря**...

Роз, конечно, в дымных тучках никаких нет. Просто много розового **цвета**, ион не просто – **розовый**, он – **пурпурный**. Нейтрализации цветowych адъективов с субстантивами словно создаются для изысканной поэзии.

И, наконец, вершина таковой поэзии – натуральный субстантив **слёзы** в качестве субстантивной формы глагола **плакать** (вместо формы **плач**):

И лобзания, и **слёзы**,
И **заря, заря!**

Последнее слово умопомрачительно. Это – субстантивная форма адъектива или глагола, которого – нет. Ничего страшного. Просто налицо неполная парадигма на службе Поэзии!

Прежде чем описать последнюю нейтрализацию с субстантивом нумератива (числительного), сделаем одно очень важное отступление от текста. Оно, конечно, касается самого текста, демонстрирующего смешения с субстантивом глагола, адъектива и вот теперь – числительного.

Весь наш текст носит индуктивный характер и предшествует общим теоретическим положениям о субстантивах. Он полон поэтому неожиданностей, самая

главная из которых – объявление многих традиционных «существительных» всего лишь субстантивными формами глаголов, прилагательных. И, наконец, теперь уже – числительных. Да, да.

Такие якобы субстантивы, как **двойка**, **тройка**, **сотня**, – не существительные, а только субстантивные формы, и в них уж абсолютно не потребуются надуманные «категории» типа «предметность». И не надо будет вместе с бедными школьниками напрягаться, говоря очевидную ложь о том, что это – существительное, потому, что оно якобы обозначает «предмет».

Существительное как часть речи – *ничего не обозначает*. Это – нуль частеречного значения, видимость субстантива, подобие субстантива. И, как некий субстантив, он выявляется **вычитанием**, а не сложением. Существительное – это не «процесс», не «качество» и не «количество».

Далее мы будем доказывать, что существительное нигде, никогда не причастно к «**пространству**» и «**времени**». Мы вычтем из имени и то, и другое. И это не будет наш последний урок на вычитание из имени.

Итак, мы готовы приступить к самому трудному в отношениях между частями речи русского языка – к отношениям между существительным и наречиями.

Нас, однако, несколько смущает то, что в число частей речи, т.е. слов, лингвисты со спокойной душой относят **число (числительное)**, которое поэты, например, Н.С. Гумилев, склонны помещать где-то за пределами слов:

...А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умною число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.
Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог
И в евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова...

Л.Н. Гумилев, наш любимый поэт, не принудил нас изгнать из подлинных слов, относимых нами к числу частей речи, знаки, которые Патриарх фиксировал (чертил) тростью на песке. Мы не можем и не могли когда-либо это сделать, потому что упомянутый Патриарх, чертя числа на песке, угождал Господу тем, что с помощью этих «недослов» он спасал в трудные годы рабов божьих от голодной смерти, сокращая им суммы долгов, Пусть остается числительное в ставе частей речи, пусть считается **словом**. Лучше выбросить из состава слов действительные *лжеслова*, коими переполнена речь людей: ругательства, междометия и все подобное прочее, хотя и среди междометий встречаются изумительные шедевры, например, в фильме «Необыкновенное чудо» звучит песенка на слова Юлиа Кима:

А бабочка крылышками: бяк-бяк-бяк-бяк.
А за ней воробышек: прыг-прыг-прыг-прыг.
Он ее, голубушку: шмяк-шмяк-шмяк-шмяк,
Ням-ням-ням-ням и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг».

И вот, наконец, мы все-таки обращаемся к наречиям.

Оба безусловных наречия («места» и «времени») образуют особую подсистему в общей системе частей речи, основанную на двух признаках:

b¹ и b²: «локальность» и «темпоральность».

Их отношения с субстантивом могут быть представлены моделью:

Наречие лок. → **субстантив** ← **наречие темп.**

b¹   b²

Локальные наречия выступают в *собственных формах*: **вверху** – **внизу**, **вдалеке** – **вблизии**, **налево** – **направо**, **домой**, **дома** и, естественно, в – субстантивных.

Во втором случае дело обстоит необыкновенно сложно, но чрезвычайно интересно, и именно здесь оно сулит неперемное открытие. Ср. очень старинную хрестоматийную фразу – с Лениным и Сталиным:

*На дубу зеленом
Два сокола ясных
вели разговоры...*

Выделенный фрагмент традиционно и императивно квалифицируется как **субстантив**. Основанием такой квалификации является только субстантивная форма, потому что вопрос, который можно задать к отрывку *на дубу'*, – обстоятельственный (наречный): «где?» И ни в коем случае не субстантивный («на чем?»).

Субстантивный вопрос здесь ломает естественность языка, навязывает языку опасную несвойственность, ирреальность. Но ведь без вопроса *на чём?* не докажешь «субстантивность» слова **дуб** в выражении «на дубу» – еще и с окситональным к тому же ударением! Естественен здесь только вопрос «где?»!

И тогда начинаются непозволительные фокусы с русским языком. Ему навязываются так называемые «учебно-исследовательские» вопросы: «на чем?» вместо «где?» [Сидоренко 1970]. Исследователи могут обходиться и без «учебно-исследовательских» вопросов, ссылаясь на типичные субстантивные формы: они якобы – надежное средство доказательств субстантивности.

Но дело гораздо интереснее и продуктивнее в том случае, если констатируется нейтрализация частей речи: *наречия* и *субстантива*.

В случае нашего примера с *дубом* дело обстоит довольно надежно. В рассмотренной фразе: «на дубу высоком...» – вопрос «где?» свидетельствует совершенно точно об обстоятельственно-наречном характере слова «дуб» и его генетической связи с субстантивом «дуб». Несомненный же субстантив «дуб», т.е. явное *ненаречие*, обнаруживается в пушкинском тексте:

**У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...**

Вопрос «где?» в этом тексте абсолютно не уместен. Здесь полагается совершенно точно вопрос «на ком – на чем?» и ответ: «**на дубе!**» В предшествующем примере слово **дуб** – **наречие**, в новом примере – **не** наречие. Фоновое наречие

здесь – «пространственное» слово «Лукоморье», а «дуб» – всего лишь «точка в пространстве». Здесь, мы совершенно уверены, явный пример из теории семантического словообразования выдающегося казанского исследователя, профессора В.М. Маркова [Марков 1981].

Мы открываем для себя и всех, кто нас примет, интересную закономерность:

1) слово «дуб» в тексте о двух «соколах ясных», связанное с вопросом «где?», – несомненное **наречие**, выступающее как **архилексема**, т.е. в субстантивной форме;

2) продолжив поданный чуть выше текст, мы обнаружим слово «дуб» в **не-наречном** смысле – как название «точки в пространстве». Кстати, это значение **субстантива** было открыто еще М.В. Ломоносовым:

**Открылась бездна, звезд полна.
звездам числа нет, бездне – дна...**

где **бездна** – явное наречие со значением «пространство», а **звезда** (множественное число **звезды**) – субстантив с первым увиденным нами, благодаря Ломоносову, натуральным частеречным значением субстантива.

Это открытие блестяще подтверждено О.А. Руделёвой в ее исследовании поэтического творчества советского поэта А. Вознесенского [Руделева 1990]. Автор приводит совершенно адекватный на этот счет пример текста (стихотворения Вознесенского) «**Бьют женщину**»: «избитая женщина брошена на дороге, невдалеке от лесной просеки, отраженной в небе». Сама просека символизирует некое небесное «пространство», на котором – звезда, как «точка» в этом «пространстве».

*Она, как озеро, лежала.
Стояли очи, как вода.
И не ему принадлежала –
как просека или звезда.*

Поразительно то, что автор стихотворения «Бьют женщину» словно открыл независимо от нас смысл частеречной оппозиции [«пространство» ← «точка в пространстве»], а это открытие по сути в первый раз дает нам возможность **позитивно**, без каких-либо спекуляций, представить семантику этой частеречной оппозиции. Каких-либо более широких выводов мы пока сделать не можем, хотя представляем, что они в принципе возможны и реально необходимы.

О нейтрализациях числительного и существительного см.: [Руделёв 2013, 2015].

Закljučая наше рассуждение о русских частях речи, об их оппозициях субстантиву и о семантике **имени**, т.е **субстантива**, отметим, что эта семантика вычисляется не путем сложения, а путем вычитания – из глагола, из адъектива, из числового слова.

Так еще в русском языкознании никогда не делалось. Но именно это создает уверенность в том, что наш (абсолютно новый) метод исследования вполне надежен, реален и продуктивен.

Особенно объективным представляется вывод о том, что в оппозиции [локальное наречие → существительное] семантическим частеречным множителем является содержательная оппозиция: «**пространство** → **точка в пространстве**».

Аналогичные открытия следует ожидать и во всех иных случаях противопоставленности маркированной части речи частеречному нулю, коим является существительное.

Литература

Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи русского языка // Русский язык в школе, 1971. С. 81-84.

Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1998. С. 499-500.

Гумилев Н. Слово (из книги «Огненный столп») // Стихи – поэмы. Тбилиси, 1989. С. 327.

Ильенко С.Г. На пути к лингвистическому реализму // Вестник Тамбовского университета: Серия гуманитарные науки. Вып. 10 (114). 2012. С. 9-14.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования. Ижевск, 1981. 32 с.

Митрофанова О.В. Сильные позиции современных русских фонем <ь> и <ъ> в тексте детской речи // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2011. № 8. С. 219-224.

Митрофанова О.В. Текстобразование детской речи в современном русском языке: Тамбов, 2016.

Руделёв В.Г. Символы Родины в поэтическом творчестве Анатолия Жигулина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 6. (134). 2014. Отд. вып.

Руделёв В. Стихотворение «Поэтемы». Текст и примечания // Полет Золотой Стрекозы в саду Поэта. Избранные стихотворения и поэмы. Тамбов: Союз российских писателей. 2015.

Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Заметки о подаче слов (лексем) в толковом словаре // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2012. С. 54-94.

Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Пушкинский эпитет // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки, 2013. Вып. 2 (118). С. 144-153.

Руделёв В.Г. «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» // Сборник научных статей к юбилею доктора филол. наук, профессора А.А. Кретьева. Воронеж, 2011. С. 244-253.

Руделёв В.Г. И снова о слове и числе // Языковые категории и единицы. Сб. науч. статей к 85-летию профессора А.Б. Копелиовича. Владимир, 2014. С. 255-267.

Руделёв В.Г. И снова о слове и числе // Языковые категории и единицы: Сборник научных статей к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича. Владимир, 2014. С. 255-267.

Руделёв В.Г. Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): Мат-лы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 13 ноября 2013 г. Санкт-Петербург, 2013. С. 374-382.

Руделёв В.Г. К уточнению термина «динамическая система» применительно к частеречному механизму русского языка // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2014. № 1 (11). С. 71-76.

Руделёв В.Г. Культура русской речи и состояние современной теории частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Вып. 1 (5). С. 5-10.

Руделев В.Г. Метод обработки лингвистического материала в духе фонологической теории Н.С. Трубецкого – как единственный способ преодоления кризисных моментов в современном учении о частях речи русского языка // Когнитивные исследования рус-

ского языка. Сб. трудов. Посвящается юбилею д. филол. наук, профессору Н.Н. Болдыреву. М.-Тамбов, 2016. Вып. 14. С. 588-605.

Руделёв В.Г. Молитва о русском языке // Славянский мир. Духовные традиции и словесность: сборник мат-лов науч. конф. Тамбов, 2013. С. 117-123.

Руделёв В.Г. Слово и число в русских поэтических грамматиках начала XX века (герменевтический анализ стихотворения Н.С. Гумилева «Слово») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 9 (125). 2013. С. 208-213.

Руделёв В.Г. Фонология слова. Спецкурс по русскому языку. Тамбов: Тамб. пед. ин-т, 1975.

Руделёв В.Г., Руделёва О.А. К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка (<пространство> и <время> в поэтических текстах В.В. Маяковского) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2 (118). С. 144-153.

Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Лексема и слово // Язык в слове, фразеологизме и тексте: Коллектив. монография. По материалам Междунар. конф. «Язык в слове, фразеологизме, тексте», посвященная памяти профессора Р.Н. Попова. Орел, 2015. С. 48-52.

Руделёва О.А. Существительное и его семантико-грамматические классы /на материале поэзии Андрея Вознесенского: дис. ... канд. филол. наук, Саратов, 1990.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии (перевод с нем.). М., 1960.

Фет А.А. Соловьиное эхо. Стихотворения. Тула: Приокское книжн. изд-во, 1978.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ДУХОВНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА

С.В. Кезина
(г. Пенза, Россия)

Автор статьи рассуждает об экологических возможностях языка, которые проявляются в тщательном хранении этнокультурной информации, а также в духовном воздействии на тех, кто с нею соприкасается.

Ключевые слова: этнокультурная информация, русский язык, языковая личность, духовная среда

Экологический подход к изучению языка предполагает, что в обеспечении его экологичности участвуют как носители языка, так и сам язык. Говоря об экологических возможностях языка, мы говорим о его экологической функции, которая проявляется *не только в тщательном хранении этнокультурной информации, передаче её потомкам но и, что особенно важно, в духовном воздействии на тех, кто с этой информацией соприкасается.*

В этой функции сосредоточена вся ценность «великого русского слова» – фольклорного, диалектного, художественного – слова, несущего через века высокую культуру духа, выраженную в лучших качествах русского человека.

Многовековому сохранению этнокультурной информации в «экологически чистой среде» способствует системность языка и его самоорганизующийся характер [Бертуланфи 1969; Блауберг 1997], проявляющиеся, в частности, в строгой организации его лексико-семантического пространства и чёткой регуляции процессов в конкретных лексико-семантических группах.

Отметим, что этнокультурная информация русского языка хранится в разных источниках: фольклоре, говорах, памятниках письменности. Такая дистрибуция лексико-семантической системы языка сохраняет как исторические «вехи» слова, так и его семантический и духовный потенциал. Разноисточниковость языковых фактов является своего рода способом их хранения.

Устное народное творчество и говоры русского языка отличает значительный пласт устойчивых выражений – ценнейших «слитков» мысли, духа и опыта многих поколений. Письменная фиксация этнокультурной информации обеспечивает ей длительное существование.

Русская классика является поистине энциклопедией русской жизни и образцом русского литературного слова. На сегодняшний день русская классическая литература оказалась фактически единственным «экологически чистым» источником знаний по истории Отечества. Разные источники информации об истории русского языка, истории Отечества и истории русского характера – важнейшее условие обеспечения чистоты, истинности этой информации.

Лексико-семантическая система языка состоит из подсистем, каждая из которых, как и система в целом, открыта и закрыта одновременно. Степень замкнутости и проницаемости языковых систем регулирует сам язык. Примером может служить специальная лексика русского языка.

Русская лексика живописи, например, восходящая к греко-римской культуре, впитала значительное количество заимствований из греческого, латинского, немецкого, итальянского и французского языков.

Большинство заимствований из французского и итальянского языков. Это связано с «передвижением культуры»: иконописание пришло к нам из Византии, что определило приток греческих и латинских слов, затем русская культура испытала влияние западного изобразительного искусства с центрами в Италии, Франции, Германии, к которым позже присоединились другие страны. Интересно проследить, как параллельно с западноевропейской лексикой искусства развивается исконно русская лексика и занимает в терминологии живописцев довольно прочное положение. Подавляющее большинство русских слов в терминосистеме обслуживает сферу иконописания.

В русской иконописной лексике развиты все базовые тематические группы, репрезентирующие её связь с общественной практикой. Благодаря этой лексике мы узнаём о традициях русского иконного письма, в том числе связанных с коллективным написанием иконы. Например: *личевщик* писал лицо, *доличный* – одежду в иконе, *знаменщик* делал абрис, контур. Икона называлась по-русски *бог* или *лик*, иконописец – *божник*, *богомаз*. Слово *художник* образовано от *художьныи*, одно из значений которого «богобоязненный».

Историческая семантика показывает, что в русском иконописце сливались воедино мастерство и совесть, поэтому иконы писали «одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует» [Лесков 1989: 428]. Лексика иконописания – замкнутая система, благодаря чему хранит знание о русской иконописной культуре и о духе русского художника-иконописца.

Отметим, что терминосистема регулирует процесс заимствований, отбирая слова по какому-то вероятностному принципу: русское слово *батожек* «палочка

для поддержки руки художника во время написания картины» вытеснено немецким *муштабель*, русское *бог* «икона» вытеснено греческим *икона*, *отживка* – немецким *блик* и т.д.

Заемствованными остаются термины, не имеющие русских эквивалентов. Как правило, это слова, обозначающие художественные, в том числе живописные, направления, течения, школы, виды живописи и образованные от них наименования художников: *анимализм*, *абстракционизм*, *кубизм*, *урбанизм*, *анималист*, *абстракционист*, *кубист*, *урбанист* и другие.

Нельзя сказать, что язык наш не пытался создать эквиваленты заимствованным словам. Пытался, конечно. Например, изображение животных называлось у нас *зверописью*, художник, который писал животных, – *зверописцем*. Однако язык «выбирает» слова *анимализм* и *анималист* как оптимальные.

Итак, наличие замкнутых систем (подсистем) в русском языке, устойчивое положение в них исконно русской лексики, регулируемая проницаемость заимствований в эти системы являются очевидным проявлением экологической функции языка.

Говоря о системности языка как способе сохранения слова и его семантики, нельзя не выделить такую систему, как устойчивый словарный фонд русского языка, который связывает прошлое и настоящее, передаёт культурные традиции русского народа и исторические черты русского языка. Устойчивость базисной лексики русского языка обеспечивается самим языком, благодаря чему утверждается его имманентный, а значит, независимый характер.

На примере лексики цвета русского языка покажем тенденцию к стабилизации её состава. Сравнение лексики цвета, относящейся к разным временным пластам (XI–XIV и XV–XVII вв.), показало, что на фоне общего значительного роста цветолексем (102 и 284), сопровождающегося активными словообразовательными процессами в русском языке, чётко выражена тенденция к стабилизации русского колоративного словаря.

Из 386 цветолексем, развитых в истории русского языка в исследуемый период, только 38 оказались ядерными в семантическом поле цвета. Отметим, что среди них всего 5 слов, заимствованных или образованных по русской словообразовательной модели от заимствований: *бурый*, *каурый*, *карий*, *лазоревый*, *алый*. Все они с давних времён обслуживают русский язык. В отборе 38 цветолексем из огромного ряда созданных языком и заимствованных им также проявляется экологическая функция языка.

Языковые факты свидетельствуют о том, что на самом фундаментальном уровне заложена способность к самосохранению языка, выражающаяся в его самоорганизации: в распределении по разным источникам фрагментов лексико-семантической системы, в устойчивости основного словарного фонда, в замкнутости лексико-семантической системы языка и её подсистем, в регуляции степени их проницаемости, в непрерывной генерации лексических единиц и их обновлении.

Однако в современном мире для экологии языка, а значит, для экологии общества, в котором он функционирует, недостаточно усилий только со стороны языка как самоорганизующейся системы. Золотой фонд русской культуры, представленный устным народным творчеством и классической литературой, являв-

шимися на протяжении веков базой нравственного воспитания новых поколений, в настоящее время не выполняет своей конститутивной функции.

Снижение интереса к чтению именно классической литературы, незнание истинной истории России, так необходимой для осмысленного чтения, нерегулируемые и нередко навязываемые потоки информации, не способствующей формированию нравственных качеств подрастающего поколения, резкое падение нравов – всё это ведёт к искажению и разрушению исторической памяти, снижению патриотического настроения в обществе, а значит, к снижению уровня общей и языковой культуры.

Государство предпринимает серьёзные шаги по преодолению кризиса духовной культуры. Значимость происходящих событий, которые определяют будущее России, требует от каждого из нас личного вклада.

В трудные времена русский человек всегда обращался памятью к прошлому. Наши бабушки учили нас не ругаться «чёрным словом», словно предупреждали о какой-то беде. Это знание шло из глубины веков и передавалось из поколения в поколение. И только в наше время наука объяснила суть «чёрного слова». Информация, которую несут слово и мысль, воздействует на человека положительно или отрицательно.

Исследования Мирового института тонкой энергии в Цюрихе, проводимые под руководством доктора информационной медицины Масару Эмото (Япония), показали воздействие звуков (слова, музыки) на кристаллы воды, из которой на 70% состоит человек и вся наша Вселенная. Воду, которой говорили «доброе» и «недоброе», замораживали. Кристаллы воды, получившей разное воздействие, оказывались различными: «добро» создавало шестигранный кристалл красивой формы, «зло» – искажённый кристалл.

Красивые кристаллы получались при воздействии на воду слов с глубоким духовным содержанием: «Бог», «извини», «надежда» и других. Искажённые кристаллы были получены под влиянием слов «ненавижу», «Гитлер» и подобных.

Самый красивый кристалл был получен в эксперименте с сочетанием слов «любовь» и «благодарность». Доктор Эмото считает, что «болезнь – это не только личная проблема, но и результат деформации общества в целом» и что «любовь и признательность могут оказывать на мир огромное влияние» [Масару Эмото].

Эти выводы доктора информационной медицины созвучны выводам доктора филологических наук В.И. Шаховского о здоровьесберегающей функции языка, проявляющейся в защите эмотивной сферы человека [Шаховский 2009].

Слово – прекрасное, благодарное и злое, грубое – всегда достигает своей цели. В результате исправляются искажённые и искажаются правильные потоки энергии, из которых состоят люди и Вселенная. Вот почему на каждом человеке лежит двойная ответственность: за содержание слова, которое произносим, и за мысль, которую выражаем. Экологическая функция языка органично связана с передачей тонкой, духовной, информации. Экологичность/неэкологичность содержания передаваемой информации непосредственно определяет духовное состояние как отдельного человека, так и общества в целом.

Развивая мысль А.А. Штебы об экологичности/неэкологичности общения [Штеба 2014: 18-21], назовём следующие критерии экологичного общения:

- а) благородные намерения говорящего;
- б) толерантность слушающего;
- в) духовный потенциал сказанного обеими сторонами.

Всё сказанное ещё раз убеждает нас в том, что люди с их внутренними мирами и язык с его собственным устройством органично связаны между собой, влияют друг на друга, создавая тем самым ту духовную среду, которая одна только и может обеспечить экологию мысли, языка и общества.

Литература

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.

Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.

Лесков Н.С. Запечатлённый ангел // Лесков Н.С. Собр. соч. Тт. I-XII. М.: Изд-во «Правда», 1989. Т. I. С. 397-456.

Масару Эмото. Послания воды. Тайные коды кристаллов льда // http://www.koob.ru/emoto/the_hidden_messages_in_water.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: Мат-лы 2-й Всерос. науч. конф. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. С. 5-16.

Штеба А.А. К проблеме критериев неэкологичного общения // Экология языка: сб. ст. VII Междунар. науч. конф. / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С.18-21.

В.В. ПУТИН: К ПРОБЛЕМЕ ЭКОЛОГИИ ДЕРЖАВНОСТИ, ИДЕОЛОГИИ, ДУХОВНОСТИ

С.С. Худяков
(г. Тамбов, Россия)

Россия – такая страна,
которая ничего не боится
В.В. Путин

В статье рассматриваются такие понятия, как «идеология», «духовность», «державность», «самоидентификация», обосновывается их роль и значимость для современного российского общества.

Ключевые слова: экология, державность, Россия, идеология, духовность, языковая политика

Если осуществить мысленный экскурс в далекое историческое прошлое России и поразмышлять о таких понятиях, как *духовность*, *державность*, *идеология*, то нельзя не заметить интонацию спокойной, рассудительной аналитики, которая, впрочем, всегда соответствовала русским самобытным традициям. В современной обыденности, напротив, трудно избежать суетливости мысли, эмоций, которые, соответственно, отражаются и в причудливых языковых формах и спо-

собах выражения. В современных политических текстах налицо масса текстологических, стилистических, общезыковых парадоксов, сложностей, вульгаризмов, нередко доходящих до абсурда.

Многие годы В.В. Путин, даже не будучи еще на вершине власти, в своей внутренней политике проводит сложную, кропотливую работу по выработке в обществе осознания, если можно так выразиться, «экологии» этих понятий. Они, в свою очередь, являются для России в силу ее геополитических, межъязыковых, межэтнических и целого спектра иных проблем жизненно важными, вечно актуальными и, если угодно, спасительными, защитными в стремительно и непредсказуемо меняющемся мировом пространстве.

Тревожно, что зачастую интересные, крайне важные послы и призывы Президента не находят должного понимания у многих, даже видных, представителей российской общественности. Так 26 января 2016 года в Международном фонде Славянской письменности и культуры прошло Заседания актива Международной общественной организации «Русское Собрание», на котором напомнили о цели его создания после Валдайской речи Владимира Путина [Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай»], заявившего о необходимости разработки государственной идеологии России. Признавая фундаментальной проблему национальной идентичности, В.В. Путин объявляет, что государство возвращает себе задачу её формирования. Тем самым восстанавливается естественная защита народа от враждебных идеологических вирусов.

Общественная рецепция в целом сводится к довольно банальным постулатам, что размышления на подобные темы лежат в агитационной и пропагандистской плоскости. Но идеология – это явление базисное, исходное, основополагающее; оно не может и ни в коем случае не должно варьироваться сообразно с теми или иными сиюминутными настроениями, в том числе и политического характера. «Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национально-го опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое». Здесь невозможно не опираться на вековые и даже тысячелетние государственные традиции, которые, в свою очередь, немислимы, в том числе и без «культы» (в самом положительном смысле этого слова) языковой политики, если иметь в виду статус русского языка как языка межнационального общения.

Очень важно, на наш взгляд, обратить внимание на тот факт, что в осмыслении содержания нашей идентичности человеку отводится первостепенное место. К сожалению, в истории нашей страны ценность отдельной человеческой жизни часто была невелика. И в этой связи отношение к человеку и его воспитание как личности ставится Путиным в ряд важнейших государственных дел. Важен тот факт, что центральное место в этом процессе отводится ни политикам, ни идеологам, а преподавательскому сообществу, «которое было и остаётся важнейшим хранителем общенациональных ценностей, идей и установок. Это сообщество говорит на одном языке – языке науки, знания, воспитания». Тем значимее роль образования для воспитания личности, патриота. Именно оно должно восстанавливать роль великой русской культуры и литературы. Язык науки, знания и вос-

питания должны быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для понимания национальной идеи. Эту работу В.В. Путин правомерно возвёл в ранг долгосрочной, перспективной стратегии государства и общества.

Представляется, что самые традиционные, позитивные идеологемы в любом государстве, в любом обществе объективно нуждаются в «экологических» изменениях и обновлениях. Старое – привычно, традиционно, оно может сохраниться и укрепиться только в случае разумного «вливания» нового, свежего, обновленного, должно неизбежно опираться не только на многовековой опыт, но и на опыт последних десятилетий и, возможно, даже месяцев и недель в постоянно убыстряющемся мировом калейдоскопе жизненных реалий. Надо навсегда протиться с порочной практикой «разрушения всего до основания», не раз в российской истории наносившей и народу, и государству непоправимый вред.

Нет сомнения в том, что те масштабные исторические изменения, имеющие место в общественно-политическом курсе Путина, не могут быть осуществлены без ответной реакции всего общества в целом, отдельных личностей. Это в какой-то мере даже непрерывный, совместный творческий процесс. Необходимо уделять должное и неформальное внимание тем идеям, которые на протяжении уже более пятнадцати лет высказываются главой государства. Вот здесь как раз и не помешало бы использование вполне позитивной практики старых советских времен, когда активно функционировали различные формы агитационно-пропагандистской работы. Иными словами, не сама идеология должна стать пропагандой, а, напротив, агитационно-пропагандистская работа должна способствовать ее трансформации и разумному обновлению.

Одной из площадок живой и здоровой публицистической мысли в годы начала политического восхождения В.В. Путина была «Независимая газета», редактором которой являлся профессор МГУ В.Т. Третьяков. На ее страницах находим очень важную, на наш взгляд, статью В.В. Путина, бывшего в те годы премьером Российского правительства, «Россия на рубеже тысячелетий». В этой статье и была определена своего рода стратегия действий В.В. Путина на ближайшие годы: *«Браться за формирование и осуществление долгосрочной стратегии следует как можно быстрее... Это проблема... политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая...»* Решение этого вопроса он считал стратегически важным, что было ясно сформулировано уже в заглавии.

Чуть позже, в марте 2000-го, никто из соперников будущего президента на выборах не предложил ничего более значимого: *«... в мире найдется мало государств, на долю которых в уходящем XX столетии выпало бы столько испытаний, сколько выпало на долю России.... Сейчас перед Россией во весь рост встал вопрос о том, что же делать дальше... Каким образом можно преодолеть все еще дающий себя знать глубокий идейный и политический раскол в обществе? Какие стратегические цели могут консолидировать российский народ?»* (здесь и далее выделено нами – С.Х.).

Далее В.В. Путин подчеркивает необходимость ориентации на весь народ в выработке этого жизненно важного для страны вопроса: *«... Без ясного и понятного всему народу ответа на них мы просто не сможем двигаться вперед»*

такими темпами и к таким рубежам, которые достойны нашей великой страны... Ответ на эти вопросы, равно как и само наше будущее, неразрывно связан с тем, какие уроки извлечем мы из нашего прошлого и настоящего».

Вполне очевидна мысль о том, что работа не может быть решена быстро: **«Это работа не на один год и для всего общества... Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами – коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными – ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат. Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет – экономически, политически, психологически и морально. Ответственные общественно-политические силы должны предложить народу стратегию возрождения и расцвета России... Это непреложное требование, вытекающее из положения, в котором находится ныне страна... Опыт 90-х годов красноречиво свидетельствует, что действительно успешное, не сопряженное с чрезмерными издержками обновление нашей Родины не может быть достигнуто простым переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников. Не приведет к успеху и механическое копирование опыта других государств. Каждая страна, в том числе и Россия, обязана искать свой путь обновления. Мы пока не очень преуспели в этом. Свою дорогу, свою модель преобразований мы начали нащупывать только в последние год-два... Таковы основные уроки уходящего столетия. Они позволяют очертить контуры долгосрочной стратегии, призванной обеспечить преодоление в сравнительно короткие по историческим меркам сроки затянувшегося кризиса, создать предпосылки быстрого и устойчивого экономического и социального развития страны. Подчеркиваю, именно быстрого, поскольку сроки на раскачку стране не отпущены... Это работа на многие годы. Поэтому браться за формирование и осуществление долгосрочной стратегии следует как можно быстрее...».**

Показательно, что понятия *идейность*, *духовность* и *нравственность* Президент ставит в один смысловой ряд. Для России эти понятия во все времена отражали самобытность. **«Убежден, что достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества».**

Этапы той стратегии в конце 1999 года В.В. Путин определял на ближайшие 10 и 15 лет. Сегодня мы можем объективно оценить как достижения, так и просчеты, которые допустили в этой кропотливой, рутинной, но жизненно важной деятельности и одновременно наметить ряд приоритетных задач как на ближайшее время, так и на далекое будущее в сотворчестве с Президентом Российской Федерации.

Литература

Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.
Многообразие России для современного мира. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» – 19 сентября 2013 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

О.В. Врублевская
(г. Волгоград, Россия)

Анализируются процессы трансформации антропонимических формул в речи современного носителя русского языка, что свидетельствует о коммуникативном напряжении, вызываемом нарушениями этикетных норм.

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, языковая личность, этикетная норма общения

Имена собственные чутко реагируют на изменения в жизни общества. Одним из самых заметных изменений в употреблении антропонимов стало отсутствие отчества в официальной сфере. Н.В. Васильева рассматривает «падение» отчества как ономастическую реакцию на общие процессы глобализации и ускорение информационного обмена [Васильева 2009: 85].

Анализ теледискурса 1950-80-х гг. показал, что во времена Советского Союза форма *имя + фамилия* использовалась при именовании актеров (*Леонид Харитонов, Людмила Гурченко*), спортсменов (*Ирина Роднина, Валерий Харламов*), комментаторов (*Вадим Синявский, Николай Озеров*), телевизионных ведущих (*Элеонора Беляева, Юрий Николаев*), но была недопустима при упоминании государственных деятелей страны, особенно в официальных новостных программах. Ср.:

«С огромным вниманием смотрели и слушали советские люди выступление генерального секретаря ЦК КПСС, председателя президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева» (программа *Время*, 07.10.1977).

Кроме того, как показывают примеры, обязательен «апеллятивный конвой» (термин Н.В. Васильевой), сопровождающий Ф.И.О.:

«Сегодня на московский металлургический завод «Серп и молот», одно из передовых предприятий социалистической индустрии приехал генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко» (программа *Время*, 29.04. 1984).

Т.М. Николаева, исследуя материал московских газет, приходит к выводу, что в настоящее время «русское отчество из нейтральной номинации становится маркированной» и появляется в следующих ситуациях: при непосредственном обращении к «солидному лицу»; при упоминании «былых времен»; в текстах

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации РГНФ-2016 проект № 15-34-01008

перепечатках из более раннего времени; в рассказах о каком-нибудь знаменитом человеке, вошедшем в русскую культуру и историю; в некоторых рекламных текстах [Николаева 1998: 81; цит. по Васильева 2009: 85]:

В современных новостных программах формула имени государственных деятелей сократилась до *имени + фамилии*, например:

... И еще одно заметное событие недели, президент России Дмитрий Медведев побывал в молодежном лагере Селигер-2010, где осмотрел инновационные достижения молодежи и пригласил иностранных участников встречи приехать работать в Сколково... (Вести, 11.07.2010);

Важная дата, семьдесят лет назад в этот день Красная армия выбила фашистов из Братиславы. Нашу страну на торжествах представлял министр иностранных дел Сергей Лавров... (Вести, 04.04.2015).

Подобные упоминания имен политиков без отчества отрицательно оцениваются носителями современного русского языка, о чем свидетельствуют их рефлексивные высказывания, например:

«Обратила внимание, что в официальных источниках теперь употребляется такая форма: премьер-министр РФ Дмитрий Медведев, президент РФ Владимир Путин, лидер ЛДПР Владимир Жириновский и т.п. Всё бы ничего, но слух режет. Привыкли мы обращаться по имени-отчеству... Как-то не ложатся на слух они по имени и без отчества»; «Есть такая штука. Память называется. Если ты с детства привык слышать, что людей искусства называют по имени и фамилии (Михаил Аникушин, Иосиф Кобзон), а гос. мужей по фамилии имени отчеству, вариант Владимир Ленин, например, режет слух. Память срабатывает и чего-то сразу не хватает. Привычнее, традиционнее звучит либо Ленин, либо Владимир Ильич Ленин. Это российская традиция. – Я с Вами согласна. Режет слух, может и глаз (если так можно сказать)» (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/95038-pochemu-v-rossii-stali-nazyvat-politikov-po-imeni-i-familii-bez-otchestva.html>).

Подобная реакция говорит о том, что отклонения в использовании формулы имени замечают не только лингвисты, но и носители русского языка (преимущественно старшего поколения).

Двучленная формула имени используется и при представлении даже «солидных лиц». Например, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации *Владимира Ивановича Аннушкина*, который ведет передачу «Живое слово» на телеканале Культура, в титрах представляют как *Владимир Аннушкин*.

Гостя программы «Белая студия» Алексея Архиповича Леонова, первого космонавта вышедшего в космос, представляют следующим образом: *В Белой студии дважды герой Советского Союза Алексей Леонов* (Канал Культура, Белая студия, 12.04. 2014). Еще в недавнем прошлом этикетные нормы предписывали не только обращаться к лицам с подобным социальным статусом по имени отчеству, но представлять их, используя отчество. Несоблюдение устоявшихся этикетных норм вызывает недоумение:

«Не могу себе представить, чтобы 70-летнего профессора называли, например, Иван, без отчества», даже возмущение *«Как это... без отчества!!! Мне раньше отчество тоже казалось лишним, а сейчас я стала понимать, что на-*

зывать человека по имени-отчеству – это часть русской культуры. Называя, представляя человека по имени-отчеству ты выказываешь уважение не только ему, но и его отцу....» (<http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/3850442/>).

Как отмечает В.И. Шаховский, эмоционально отрицательное отношение пользователей русского языка к этим новым тенденциям делает их неэкологичными, равно как и коммуникативные ситуации, в которых они используются [Шаховский 2011].

Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию, то есть из бизнеса (в политике используется причудливая смесь нового бизнес-этикета и старого советского). Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству [Кронгауз 2008: 79-80].

Т.С. Жукова, исследуя обращения в регламентированных сферах общения на примерах текстов писем, присланных по электронной почте сервисными службами 115 различных компаний, отмечает, что этикетные нормы электронного письма в российской Интернет-коммуникации находится в стадии становления, но анализ показывает, что «чаще других (31%) используется обращение по полной (паспортной) форме имени в сочетании с эпитетом *уважаемый(ая)* или без него: *Уважаемая Татьяна!* Именно эта форма обращения лидирует сейчас в сфере обращения клиентских/ сервисных служб (независимо от сферы деятельности компании) к своим клиентам по электронной почте» [Жукова 2015: 15]. Такую узуализацию паспортной формы личного имени можно считать ономастической компенсацией исчезновения отчества в официальной сфере [Васильева 2009: 87].

Благодаря СМИ подобная форма именованная *имя + фамилия*, обращение по имени без отчества быстро и широко распространились за пределы масс-медийного пространства. На бейджах администраторов, менеджеров и других специалистов разных фирм и организаций отсутствует отчество; друг к другу принято обращаться по имени, часто, несмотря на разницу в возрасте и статусе, что определяется корпоративной этикой конкретной организации.

Это можно объяснить, с одной стороны, общей модой на всё западное, как результатом процесса глобализации, распространением западных ценностей, и, с другой стороны, модой на молодость, насаждаемой повсеместно (кино, реклама и т.д.). Рефлексивы участников обсуждения тем (*Зачем нужно отчество?, Отчества – старая мода?, Русский человек с именем, но без отчества, разве это нормально?* и под.) на различных форумах подтверждают сказанное выше:

«Некоторые люди считают, что обращение по имени отчеству их старит. И обращение на вы их тоже старит. ...А некоторым нравится американская манера обращения по имени. Считается модно»; «...в фирмах стало модно обращаться друг к другу в виде Вы + имя, Западу подражают:» (<http://slovami.livejournal.com/48334.html>). Однако не все принимают тенденции отказа от отчества в официальной сфере:

«Не понимаю обращения по имени», «Работала преподавателем в вузе. Естественно, там со всеми на Вы и по имени-отчеству, даже не представляла, что бывает иначе. 2 года назад пришла работать в коммерческую фирму, и все сотрудники здесь только по имени, даже с руководителями. Для меня был ужас-

ужас. Мучилась и не могла обратиться, особенно к тем, кто старше меня... и сейчас не могу. Что делать, не знаю...»;

«Ну, если я родную бабушку на Вы и по имени-отчеству, то чего же ждать от меня в отношении посторонних людей... Конечно, когда попала в компанию, где все по имени, пришлось переучиваться, но... всё равно, внутренний дискомфорт испытываю...» (<http://2009-2012.littleone.ru/archive/index.php/t-1404228.html>).

Рефлексивы свидетельствуют о нарушении экологичности речи, что приводит к ощущению дискомфорта участников общения.

Таким образом, анализ рефлексивов носителей русского языка свидетельствует о коммуникативном напряжении, вызываемом нарушениями этикетных норм, связанными с трансформацией формулы имени. Это обуславливает необходимость решения проблемы этикетной нормы, характерной для той или иной сферы общения.

Литература

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Монография, ИЯ РАН. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 224 с.

Жукова Т.С. Обращение в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва: монография. М.: Изд-во Знак, 2008. 231 с.

Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология // Стратегия России. 2011. № 2 (86). С. 65-72.

ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНФОГРАФИКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА)»

М.М. Махрова
(г. Владимир, Россия)

В статье рассматриваются разные виды русскоязычной инфографики, указываются области, в которых это явление получает широкое применение (образование, статистика, журналистика), особое внимание уделяется характерным (типовым) ошибкам, возникающим в процессе использования инфографики.

Ключевые слова: инфографика, лингвистическая экология, современный русскоязычный дискурс

Современное информационно-коммуникационное пространство XXI века характеризуется большим объёмом данных и средств их передачи [Юдина 2010: 11]. Распространённым явлением в образовании, статистике, журналистике, рекламе и других направлениях стала инфографика. Она представляет собой симбиоз изображения и слова, где большой объём информации передаётся в доступной и лаконичной форме с помощью вербальных и невербальных средств.

В средствах массовой информации и рекламе инфографика позволяет привлечь и задержать внимание аудитории, эффективно представить весь объём данных. Отечественные исследователи выделяют инфографику в отдельный жанр журналистики [Некляев 2010: 54], зарубежные специалисты отмечают преимущества инфографики в сфере маркетинга [Крам 2015: 115].

Среди распространённых видов русскоязычной инфографики, которые мы выделили на основании целеполагания в электронных и печатных средствах массовой информации, наиболее часто встречаются *инфографика-рецепт*, *инфографика-рейтинг*, *инфографика-статистическая схема*, *инфографика-хронология*, *инфографика-процесс*, *инфографика-реклама*, *инфографика смешанного типа*.

Каждый из этих видов имеет отличительные особенности: *инфографика-рецепт* представляет собой пошаговую инструкцию по приготовлению блюда; *инфографика-рейтинг* организует информацию в градационный ряд, сопровождаемый комментариями и пояснениями; *инфографика-статистическая схема* представляет данные опросов и исследований; *инфографика-хронология* раскрывает последовательность событий или явлений; *инфографика-процесс* объясняет принцип формирования явления; *инфографика-реклама* представляет преимущества какого-либо продукта. В *инфографике смешанного типа* соединяются несколько видов инфографик.

Согласно мнению Л. Скворцова, лингвоэкология сочетает в себе лингвистические исследования в области языковой культуры, изучает особенности языковой личности, даёт объективную картину развития языка [Скворцов 1996: 16]. Текстовая составляющая большинства инфографик может быть представлена отдельными словами, словосочетаниями, предложениями; на них акцентируется основное внимание аудитории.

Цель инфографики сводится к решению трёх основных задач: проинформировать, заинтересовать, убедить [Крам 2015: 37]. Сочетание текстовой и визуальной составляющих инфографического изображения верифицирует содержание инфографики, таким образом, данные, которые представлены в инфографике, читатель воспринимает как убедительные и достоверные.

В зависимости от темы, которой посвящена инфографика, её текстовая составляющая может иметь положительную и отрицательную коннотацию. В связи с этим особое значение приобретает языковая ответственность создателей инфографики. Объективная информация может отражать позитивные и негативные события [Шаховский 2016: 24]. В рамках интерпретационной среды, в инфографике, даже объективная информация подвергается субъективному осмыслению автора, так как он создаёт информационный и визуальный ряд. Грамотно составленная инфографика в средствах массовой информации выполняет просветительскую функцию, информирует человека, помогает ему сопоставлять данные и факты, формировать собственное мнение. Инфографика-реклама непосредственно обращается к клиентам, привлекает внимание потребителя и конструктивно отражает основные преимущества продукции или услуги.

К сожалению, инфографика в средствах массовой информации и рекламе не всегда отличаются грамотностью. Наиболее частотны в инфографиках следующие ошибки:

1) орфографические ошибки, связанные с пропуском букв или слогов в словах. Это объясняется невнимательностью автора;

2) отмечаются ошибки в заимствованных и словарных словах: *ингредиенты, абонемент*;

3) встречаются ошибки в окончаниях падежных форм: *изменение значение* (именительный падеж) *экспозиции* вместо *изменение значения* (родительный падеж);

4) часто встречаются речевые ошибки тавтологического типа, при этом однокоренные или идентичные слова встречаются в рамках соседних предложений и внутри одного, ср:

Если при прокалывании сок из гуся течёт светлый, значит, он готов. Надо вынуть гуся, снять нитки, вытащить начинку, гуся положить на блюдо; ВВП в разных странах разный.

В современном информационно-коммуникационном пространстве язык постоянно подвергается изменениям и давлению со стороны внешних и внутренних факторов. Следует уделять особое внимание инфографике, где совмещаются вербальные и невербальные средства языка, являя собой отдельный предмет исследования в аспекте лингвоэкологии.

Литература

Крам Р. Инфографика. Визуальное представление данных. СПб.: Питер, 2015.

Некляев С.Э. Инфографика: принципы визуальной журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 53-66.

Скворцов Л.И. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. М.: Просвещение, 1996.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов, 2016.

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ИЗМЕНЕНИЯ СОСУЩЕСТВУЮЩИХ СИСТЕМ

Ш.К. Мамирова, К.Б. Саматаева
(г. Шымкент, Казахстан)

В статье рассматривается взаимодействие языков в многонациональном государстве. Доказывается, что билингвизм является источником языковых изменений.

Ключевые слова: языковая политика, многонациональное государство, билингвизм

Как известно, язык является важнейшим средством человеческого общения и одним из основных признаков нации (народа). Судьба его прямо связана с судьбой всего народа – носителя данного языка, с его духовным миром и самосознанием. «Язык народа, – писал К.Д. Ушинский, – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни... В языке одухо-

творяется весь народ и вся его родина... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно эта самая жизнь. Когда исчезает народный язык, – народа нет более!.. Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ... Отнимите у народа всё – и он всё может воротить; но отнимите язык и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка – никогда; вымер язык в устах народа – вымер и народ» [Ушинский 1954: 541-542].

Значит, язык является не только универсальным средством общения между людьми, но и важнейшим средством выражения, сохранения и передачи из поколения и поколение национальной культуры. Вот почему восстановление в сфере духовной жизни человека национально-ценностных ориентаций, прежде всего, связано с историей и культурой народов, с перспективами их развития, закономерно поставило в центр общественного понимания язык как одно из важнейших средств выражения и сохранения национальной самобытности [Белоусов 1990: 3]. Вот почему проблема жизни языка, его функционирование в обществе выдвигается на первый план, становится предметом всеобщего внимания, обретая политический характер.

В свете сказанного становится очевидной, чрезвычайная актуальность языковой политики и языкового строительства в многонациональном государстве. В русле этих проблем одной из важных составных частей языковой политики в любой многоязычной стране образует решение проблемы двуязычия, которое является необходимым условием нормального сосуществования разноязычных народов, а также решение вопросов, связанных с функционированием каждого из языков в условиях двуязычия.

Двуязычие уходит своими корнями в глубокую древность. Однако его научное исследование началось сравнительно недавно – в конце XIX века. Хотя взаимодействие языков при билингвизме известно давно, небольшой срок прошел с тех пор, когда было осознано, что оно является источником языковых изменений. Всю совокупность фактов этого рода традиционная лингвистика описывает в терминах «языкового смешения» и «заимствования». В настоящее время это явление получило новую, более нейтральную трактовку – «взаимодействие языков». Ситуация взаимодействия языков неизбежно возникает в многонациональном государстве. В этих условиях необходимо, чтобы взаимодействующие языки не только не соперничали, но и дополняли и обогащали друг друга. Возникает сбалансированное двуязычие, которое может сохраняться длительное время.

Теоретически любое речевое явление, представляющее отклонение от нормы и являющееся фактом идиолекта, может со временем приобрести общественный статус, стать фактом языковой системы, обязательным для всех носителей данного языка. Однако известно, что далеко не все речевые отклонения индивида попадают в языковую систему, следовательно, с одной стороны, существуют причины, способствующие проникновению новых речевых явлений в язык, с другой стороны, определенные факты ограничивают доступ новых явлений в языковую систему.

Поскольку любая языковая система в каждый момент находится в состоянии неустойчивого равновесия и полностью обеспечивает потребности общения всех членов данной языковой общности, то теоретически должны отсутствовать внутренние причины её перестройки. Только с возникновением новых потребностей появляется необходимость внутренней реорганизации языка как самонастраивающейся системы. Внешне обстоятельства и, в первую очередь, факторы взаимодействия языков вносит в языковую систему некоторые коррективы. Взаимодействующие языки образуют как бы потенциальное поле возможных изменений. Рассматривая специфику этих процессов с лингвистической точки зрения, необходимо сначала ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом факты речи превращаются в факты языка как общественного феномена?

2. Включаются ли они сразу в языковую систему, преобразуя тем самым её, или же чужие элементы и правила подвергаются определенной модификации под влиянием новой системы?

Не вызывает сомнений, что только определённые элементы чужого языка могут быть непосредственно включены в систему принимающего языка, которые по своим характеристикам не противоречат специфике единиц и правил этого языка. В противном случае они остаются на периферии системы и впоследствии либо подвергаются ассимиляции, либо исчезают вообще.

Таким образом, между двумя состояниями (включение новых элементов в систему через ассимиляцию или исчезновение) лежит определенный период, когда приобретенные и исконные элементы сосуществуют в языке и используются во всех его идиолектах. Речь идёт о сосуществующих системах.

Термин «сосуществующие системы» впервые отмечается в работах Л.В. Щербы, который употребляет его в индивидуально психологическом плане, рассматривая виды «сосуществования двух языков в индивиде». Аналогично, возможно рассматривать сосуществование двух компетенций, способных взаимодействовать в процессе речевой деятельности билингва. Сами языковые системы остаются при этом незатронутыми.

Языковая система – это инвариант всех компетенций идиолектов, которые характеризуются наличием только существенных признаков и абстрагируются от случайно единичных свойств. Поэтому новый элемент или отношение включается в систему не сразу же после вхождения в совокупность компетенций данной монолингвальной общности, а только тогда, когда они в процессе речевой деятельности подвергаются определенным преобразованиям в соответствии со свойствами архисистемы.

Иными словами все неассимилированные элементы, не подчиняющиеся правилам основной системы, следуют относить к сосуществующим подсистемам. Такое состояние, когда в речи монолингвов встречаются попеременно ассимилированные (относящиеся уже к основной системе) и неассимилированные (относящиеся к сосуществующей подсистеме) элементы. Этом случае речь идет о переходном периоде, связанном с вхождением тех или иных элементов в основную языковую систему. Это завершающий этап интеграции в данной области.

Наблюдения над современными языками свидетельствует о том, что элементы сосуществующих систем могут сохранять свои специфические признаки на

протяжении столетий. Этот факт свидетельствует о длительности и сложности диахронных процессов взаимодействия языков, связанных с освоением иноязычных единиц и моделей.

Литература

- Белоусов В.Н.* Родной язык и национально-русское двуязычие // РЯНШ. 1990. № 5. С. 3.
- Ушинский К.Д.* Родное слово. Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. II. С. 541-542.

АЛФАВИТ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. Янускина
(г. Москва, Россия)

В статье подчеркивается важность алфавита не только как графической основы письменной формы, но и как транслятора особенностей мышления русского (шире – славянского) человека.

Ключевые слова: алфавит, конституционно-правовой статус русского языка

Функционирование государственного языка в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления предполагает наличие определенной письменной формы – графической основы. Соответственно графика алфавита государственного языка и сам алфавит являются необходимым и существенным, одним из ключевых компонентов его конституционно-правового статуса.

Вопрос о графике государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик долгое время оставался неурегулированным в языковом законодательстве Российской Федерации. Его можно даже назвать дискуссионным и «болезненным».

Поводом для разработки Государственной Думой в 2002 г. проекта Федерального закона «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» явилось принятие в Республике Татарстан в 1999 г. Закона Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики».

Так, Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» закрепил за алфавитами государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик кириллицу, вместе с тем, констатируя, что иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 16.11. 2004 № 16-П положения п. 6 ст. 3 Закона «О языках народов Российской Федерации» о строении алфавита государственных языков республик на графической основе кириллицы признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку «такое законодательное решение ... обеспечивает – в интересах сохранения государственного единства – гармонизацию и сбалансированное функционирование общефедерального языка и государственных языков республик».

Как справедливо отмечено в постатейном Комментарий к Закону «О языках народов Российской Федерации» Л.Н. Васильевой, п. 6. ст. 3 оставил без внимания вопрос о регламентации на законодательном уровне реформирования или смены графики языков народов России, не обладающих статусом государственных [Васильева 2007].

Таким образом, языковое законодательство Российской Федерации дает ответ на вопрос о графике алфавита русского языка – кириллице. Однако в п.6 ст. 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» не исключается возможность реформирования и даже смены графической основы русского языка, что, на наш взгляд, является угрозой для русского алфавита как исторической и культурной ценности. Более того, отмечаются тенденции дискриминационного характера в отношении конкретных букв русского алфавита.

Глубокое и детальное изучение вопроса о происхождении алфавита не является целью проводимого исследования, однако следует отметить значимость этого события. Изобретение славянского алфавита было попыткой восстановления взаимопонимания и единения славян древности.

С изобретением алфавита, оглашённого 24 мая 863 года в граде Плиске со-луньскими братьями Кириллом и Мефодием, славянские народы получили свою «интеллектуальную конституцию», были упорядочены до этого бесписьменные славянские языки [Костомаров 1994: 8]. Это сыграло существенную роль в развитии каждого славянского языка: азбука кириллица по сей день используется различными славянскими народами.

В работах А.Д. Плешанова в результате расшифровки русского алфавита делается предположение, что значение кириллицы выходит за рамки функций алфавита, так как кириллица – это сложная философская и математическая система, космический код, в котором содержатся знания о структуре Мироздания и управления общественными процессами. Такое объяснение, на первый взгляд, выглядит фантастическим, даже ненаучным. Однако до реформирования русской графики после революции 1917 года буквы имели значение целого слова, т.е. слово представляло собой «аббревиатуру», «словосочетание».

Еще А.С. Шишков в «Славянорусском корнеслове» отмечал: «азбука наша (по другим наречиям, буква) письменами или буквами своими, по порядку читаемыми, **составляет некоторый полный смысл...** Даже первое преподаваемое у нас юношам основание, буквы, стали называться не по-нашему, так что иностранцы, как бы в насмешку, пишут: ... *Б*, буква русского алфавита, раньше называемая *буки*, а теперь *бе*. **Вот до каких в словесности успехов достигла наконец Россия: из *буки* сделала *бе*!** Скоро слово *азбука* будет для нас чуждо, непонятно, потому что имена *аз* и *буки* со временем истребятся и *абесея* их будет

для нас вразумительнее» [Шишков 2002: 214]. Так и произошло в результате ряда государственных реформ.

К настоящему времени сформировался целый пласт дискриминационного законодательства по отношению к букве «ё».

Например, дискриминационные положения содержатся в нормах избирательного права. В соответствии с Постановлениями ЦИК России от 20.01.2016 № 321/1831-6 «Об Инструкции по делопроизводству в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», от 20.01. 2016 № 321/1832-6 «Об утверждении Примерной инструкции по делопроизводству в избирательной комиссии субъекта Российской Федерации», от 20.10. 2011 № 48/406-6 «О Примерной инструкции по делопроизводству в территориальной (районной, городской и иной) комиссии и избирательной комиссии муниципального образования» **«Вместо буквы «Ё» должна употребляться буква «Е» (кроме имен собственных при наличии подтверждающих документов)».**

Безапелляционность формулировки фактически исключает букву «ё» из документов, сопровождающих избирательный процесс, а ведь важность института выборов, которые в соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации являются высшим непосредственным выражением власти народа, никто не ставит под сомнение.

Важно отметить, что опубликованная в актуальной редакции на Официальном интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru Конституция Российской Федерации не содержит букву «Ё».

На федеральном уровне официальная позиция по поводу буквы «Ё» законодательно не урегулирована, а выражена в ряде Писем: Письмо Департамента здравоохранения г. Москвы от 20.06. 2007 № 12-17/453 «Рекомендации по употреблению при написании имен собственных буквы ё» (вместе с письмом Минобрнауки РФ от 03.05. 2007 № АФ-159/03); Письмо Минобрнауки России от 01.10. 2012 № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах»; Письмо Федеральной нотариальной палаты от 15.02. 2013 № 279/06-06 «О написании имен собственных в официальных документах».

Так как в соответствии с Федеральным законом «О государственном языке» при заполнении документов необходимо использовать нормы современного русского языка и правила русской орфографии и пунктуации, которые на данный момент являются предметом спора всего лингвистического сообщества, Письма отсылают нас к Правилам русской орфографии и пунктуации 1956 года, в которых указано, что буква «Ё» пишется в случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, либо когда необходимо указать произношение малоизвестного слова. Имена собственные относятся к этой категории, в связи с чем **применение буквы «ё» в именах собственных должно быть бесспорным и обязательным.**

Интересен факт, что в Письме Минобрнауки от 2012 года по поводу использования буквы «ё» ссылаются «судебный прецедент», что также вызывает определенные вопросы: неужели наша правовая действительность стремится к англо-саксонской системе права, и граждане Российской Федерации вынуждены через суд доказывать право на наличие буквы «ё» в своих именах? В любом случае, к урегулированию вопроса на законодательном уровне это пока не привело.

На наш взгляд, подобные тенденции носят негативный характер, что ведёт к планомерному уничтожению буквы «Ё». По мнению А.Ф. Абрамова-Шубина [Абрамов-Шубин 2000], буква «ё» – символ рождения народа. Буква «Ё» – неотъемлемая часть русской культуры: *Алёнки, матрёшки, ёлки!* Буквы и звуки русского алфавита формируют сложную систему, элементы которой находятся в жесткой взаимосвязи, и разрушение этих связей может привести не просто к утрате языка, но и будущего целого народа, ведь «обрезание Алфавита ... есть обрезание способности русского человека полноценно видеть, слышать, мыслить, отражать мир» [Мирошниченко 2013: 197].

Во избежание таких последствий необходимо закрепить не только графическую основу русского языка – кириллицу, но и количество букв русского алфавита. Более того, должна быть исключена формулировка, допускающая реформирование либо смену графики русского языка. Возможна такая редакция п. 6 ст. 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»: «Алфавит государственного языка Российской Федерации строится на графической основе кириллицы и состоит из 33 букв. Алфавиты государственных языков республик Российской Федерации также строятся на графической основе кириллицы».

Литература

- Абрамов-Шубин А.Ф.* Буковник Всесвятой грамоты. М., 2000.
Васильева Л.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации «О языках народов РФ». М., 2007.
Костомаров В.Г. Жизнь языка. От вятичей до москвичей. М., 1994.
Мирошниченко О.Ф. Кому мешает русский алфавит. Тайны русского алфавита. Книга 2. М., 2013.
Плешанов А.Д. Русский алфавит – код общения людей с Космосом. М., 2002.
Плешанов А.Д. Русский алфавит как инструмент познания Вселенной. М., 2001.
Шишков А.С. Славянорусский корнеслов. СПб., 2002.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ТЕРМИНОВ «ЭКОЛИНГВИСТИКА» И «ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ»

В.Н. Левина, О.Ю. Моховикова
(г. Тамбов, Россия)

Понятие «экология» в эпоху конвергенции гуманитарных и естественных наук стало междисциплинарным. На основе этого факта в данной статье анализируются подходы к разграничению терминов «эколингвистика» и «лингвоэкология» современными филологами и специалистами смежных научных направлений.

Ключевые слова: экология, эколингвистика, лингвоэкология, междисциплинарность научных исследований

В настоящее время в связи с развитием междисциплинарных исследований в области естественнонаучного и гуманитарного направлений вопрос о разграни-

чении таких терминов, как «эколингвистика» и «лингвоэкология» является актуальным.

Обратимся к ключевому понятию, лежащему в основе каждого из вышеприведенных терминов: «Экология» – термин, который был предложен 1866 г. Э. Геккелем: «Экология (от греч. *oikos* – дом – жилище, местопребывание...) – наука об отношениях живых организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой. <...> С 70-х гг. 20 в. складывается экология человека, или социальная экология, изучающая закономерности взаимодействия общества и окружающей среды, а также практические проблемы ее охраны; включает различные философские, социологические, экономические, географические и другие аспекты <...>. В этом смысле говорят об «экологизации» современной науки» [Большой энциклопедический словарь 2000: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/333894/ЭКОЛОГИЯ>]. Термин «экология» появился в естественной науке, а в настоящее время введен и в гуманитарную область науки, что дает возможность рассматривать эколингвистику и лингвоэкологию как междисциплинарные научные области.

По мнению Е.В. Ивановой, «эколингвистика» – «наука о способах взаимодействия между языками, человеком как языковой личностью и окружающей его средой» [Иванова 2007: 34]. В ходе анализа различных подходов в области эколингвистики автор приходит к выводу о том, что «выделение эколингвистики как отдельного раздела языкознания неоправданно, так как предмет ее исследования определяется не специфической стороной исследования языка, а совокупностью методов разных лингвистических дисциплин, направленных на системное изучение языковых процессов для решения актуальных задач, часто выходящих за рамки классической лингвистики» [Иванова 2012: 260].

Лингвоэкологию отождествляют с экологией языка, которая, по мнению А.П. Сквородникова, должна находиться в основе так называемой языковой политики государства: в сферах образования, юриспруденции, делопроизводства, в деятельности средств массовой информации [Сквородников <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>]. А.А. Бернацкая определяет сверхзадачу лингвоэкологии как основу для сохранения нравственного здоровья общества, национальной безопасности государства через «сохранение языковой идентичности этноса» [Бернацкая 2014: 28].

Вопросами изучения соотношения эколингвистики и лингвоэкологии посвящены работы А.В. Пузырева, который убежден в предпочтительности для лингвистов термина «эколингвистика» [Пузырев 2013]. Г.А. Копнина предлагает не считать тождественными понятия экология языка и эколингвистика [Копнина 2014]. О.Б. Сиротинина считает, что общим здесь может лингвоэкология, которая будет включать экологию языка и эколингвистику [Сиротинина 2013]. Как отмечает Н.А. Курашкина, «современная российская эколингвистика находится в процессе систематизации накопленного теоретического и практического знания в данной междисциплинарной сфере» [Курашкина 2014: 143].

Таким образом, вопрос о разграничении терминов «лингвоэкология» и «эколингвистика» в настоящее время в языкознании является дискуссионным, что свидетельствует о необходимости его дополнительного изучения современными учеными.

Литература

Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15-31. <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf> (дата обращения: 05.10.2016).

Большой энциклопедический словарь. 2000. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/333894/ЭКОЛОГИЯ> (дата обращения: 01.10.2016 г.).

Курашкина Н.А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143-156.

Копнина Г.А., Сквородников А.П. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота. С. 101-104. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_8-1_26.pdf/ (дата обращения: 05.10.2016).

Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник ЧелГУ. 2007. № 13. С.34-38.

Иванова Е.В. Экологическое сознание и эколингвистика // Вестник ЧГПУ. 2012. № 7. С. 252-262.

Пузырев А.В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград, 2013. С. 77-89.

Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 177-193.: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/05/Sirotinina.pdf> (дата обращения: 04.10.2016).

Сквородников А.П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы): <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307> (дата обращения: 03.10.2016).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е Линь
(г. Нанкин, Китай)

В статье рассматривается проблема заимствования; на примере англицизмов выявляются наиболее типичные сферы их употребления (питание, одежда, транспорт, бизнес и т.п.); устанавливается, что в определении терминов «транслитерация» и «транскрипция» используется словосочетание «точная передача», что свидетельствует о том, что граница между транскрипцией и транслитерацией не совсем ясна.

Ключевые слова: заимствования, современный русский язык, англицизмы, транслитерация, транскрипция

В настоящее время английский язык служит языком международного общения. В русский язык англицизмы стали проникать ещё на рубеже XVIII-XIX веков, но их приток в лексику русского языка оставался незначительным вплоть до 90-х годов XX столетия. Сегодня англицизмы активно используются в русском интернет-языке и в других сферах, например, в сферах политики, экономики, культуры и спорта, науки и техники, а также и в повседневной жизни.

Интерес к изучению иноязычной лексики объясняется тем, что новые лексические единицы являются отражением динамики современного общественного сознания [Кипарисов 2011].

Заемствования используются для обозначения различных тематических групп. Например:

1) для обозначения питания и кухни: *барбекю* (англ. *barbecue*), *бизнес-ланч* (англ. *business lunch*), *шоппинг* (англ. *topping*), *курица-гриль* (англ. *grilled chicken*), *кулер* (англ. *cooler*), *фритюре* (англ. *deep-fried*), *кофе-машина* (англ. *coffee machine*), *кофе-мейкер* (англ. *coffee maker*), *джиггер* (англ. *jigger*), *триммеры* (англ. *trimmers*), *стрейнер* (англ. *strainer*), *роллер-гриль* (англ. *roller grill*), *питчер* (англ. *pitcher*);

2) для обозначения одежды: *дресс-код* (*dress code*), *лэйбл* (*label*), *фэшн* (*fashion*), *модельный бизнес* (*model business*);

3) для обозначения жилища: *бичдинг* (*building*), *таунхауз* (*townhouse*), *пент-хауз* (*penthouse*), *сплит-система* (*split system*);

4) для обозначения транспорта: *автокар* (*autocar*), *вэн* (*van*), *минивэн* (*minivan*), *коучинг* (*coaching*), *коуч* (*coach*), *краш-тест* (*crash test*), *кроссовер* (*crossover*), *пикап* (*pickup*), *спойлер* (*spoiler*), *фривей* (*freeway*), *хайвей* (*highway*), *хэтчбек* (*hatchback*), *автостоп* (англ. *aui os top*);

5) для обозначения других предметов: *кемпинг* (англ. *camping*), *мультиплекс* (англ. *multiplex*) и т.д.

Англицизмы чаще всего используются в текстах политической направленности для названия новых реалий действительности, например: *вэлфэр* (англ. *welfare*), *истеблишмент* (англ. *establishment*), *хардлайнер* (англ. *hardliner*), *мэр* (англ. *mayor*), *рейтинг* (англ. *rating*), *презентация* (англ. *presentation*), *импичмент* (англ. *impeachment*), *имидж* (англ. *image*), *спикер* (англ. *speaker*), *спичрайтер* (англ. *speechwriter*), *лидер* (англ. *leader*), *инаугурация* (англ. *inauguration*), *лобби* (англ. *lobby*) и ряд других.

Англицизмы используются в текстах научно-технической направленности для названия новых реалий. Приведем пример: *Представитель рекламного агентства Wolff Olins Дэн Брюстер отметил, что браузер долгое время оставался проблемным продуктом, пользователям приходилось его использовать, потому что он шел в наборе с Windows или по настоянию работодателя. Сам по себе браузер, история которого началась в 1995 году, не получил популярности и часто подвергался критике. Microsoft откажется от браузера Internet Explorer, «Аргументы и Факты», 18 марта. 2015).*

Передача средствами русского языка слов иностранного происхождения происходит обычно в рамках сложившихся грамматических и фонетических закономерностей, когда заимствованные слова приобретают категорию рода, числа, падеж имен существительных нарицательных и функционируют в языке как слова исконно русские. Так, тенденция объединения «своего» и «чужого» в области имён собственных проявляется в лексической и грамматической адаптации заимствованных слов. Интересный пример в этом отношении являет собой название ресторана «*Greenberry. Вуски & Закуски*» [Замалетдинова 2016: 117, когда актуализируется грамматическое значение числа: родовая принадлеж-

ность несклоняемого существительного *виски* варьируется в пределах нормы (*мой виски – моё виски*), поскольку гласный основы ассоциируется в русском языковом сознании с флексией множественного числа. Данное восприятие усиливается за счет второго компонента синтагмы – существительного в форме множественного числа *закуски*, что позволяет воспринимать обе лексемы как грамматически однотипные и соотнести их с к такой группой *pluralia tantum*, к которой относятся «вещества, материалы, кушанья...: *белила, дрова, дрожжи, духи, консервы, макароны, обои, румяна, сливки, чернила* и т.п....» [Русская грамматика 1982, Т. I: 474].

Однако трудности возникают в случае записи чуждо звучащего имени собственного. Как известно, существуют два основных способа передачи имени собственного:

1) транслитерация – передача буквенного написания с одного языка на другой;

2) транскрипция – передача звучания чужого имени собственного буквами обычного алфавита.

В случае имён собственных трудность состоит в том, что при определении терминов «транслитерация» и «транскрипция» используется словосочетание «точная передача», что свидетельствует о том, что граница между транскрипцией и транслитерацией не совсем ясна. Ср.:

Транслитерация (от *лат. trans* – через + *litera* – буква) – точная передача текста, написанного с помощью одного алфавита, средствами другого алфавита.

Транскрипция (от *лат. transcriptio* – переписывание) – система письма, используемая для точной передачи звукового состава устной или письменной речи.

На облик имени может влиять английское произношение, и иногда могут возникать варианты, например: *Douglas* – Дуглас и Даглдас, *Charles* – Чарлз и Чарльз, *Catherin* – Катрин, *Katherine* – Кэтрин.

Особую трудность для записи на русском языке представляют фамилии глав государств, политиков, звезд эстрады, спортсменов и случаи, когда известные личности придумывают псевдонимы и имена, создаваемые человеческой фантазией. В связи с этим трудно предположить, что в русском языке установилось какое-то четкое однообразие в передаче заимствованных имен собственных. Самым ярким примером в этом отношении является элемент *International*, который выступает в разных вариантах: *интернэшнл*, однако рок-группа «Иванушки-Интернейшнл».

Возможно, в ближайшее время исчезнет необходимость прибегать к транскрипции западных имен собственных, поскольку они могут печататься латинским шрифтом.

Литература

Е Линь Когнитивные модели семантических инноваций // Когнитивные исследования языка. Вып. XXV. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 179-183.

Замалетдинова Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 204 с.

Кипарисов Г.О. Семантические неологизмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.

Русская грамматика. Тт. I-II. Т. I. М.: Наука, 1982.

ЗАИМСТВОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ – ПРОЦЕСС ОБЪЕКТИВНЫЙ И НЕОБРАТИМЫЙ

А.Я. Гочияева, Г.П. Исахова

(с. Карасу, Сайрамский район,
Южно-Казахстанская область, Казахстан)

В статье рассматриваются процессы заимствования в русском языке, особое внимание уделяется лингвистическим терминам, которые следует рассматривать не как «чужие», а как «общие» и беречь их, как и «свои» слова, тем самым сохраняя культурные, духовные и научные ценности, повышая интерес к языку.

Ключевые слова: заимствования в языке, термины, новые коммуникативные технологии

Заимствованные слова в любом языке обогащают словарный состав, восполняют пробелы в лексике, обозначая политические, социальные, экономические и культурные явления и понятия. Появление заимствований обусловлено потребностью осознать актуальное и востребованное для выражения суждение (умозаключение) о реалиях окружающей действительности. В этом случае можно утверждать, что заимствование в языке – процесс объективный и необратимый, и использование иноязычных слов, например, в средствах массовой информации, привязывает повествование к современности.

Наличие иноязычных слов в любом языке в значительной степени способствуют новые коммуникативные технологии, в первую очередь – интернет (*флешка, файл, сайт, принтер, ноутбук, сканер, браузер, блог, монитор, дисплей*). Многие иноязычные лексемы служат для обозначения новых понятий, например, в области экономики (*бартер, дилер, дистрибьютер, маркетинг, инвестиция, фьючерсные кредиты, аркетинг, менеджер*); в сфере политики (*конгрессмен, парламент; премьер-министр; вице-премьер, мэр, спикер, брифинг, импичмент*); в сфере лингвистики (*дискурс, инфографика, неология, когниция, концептуальная структура, фреймовая семантика, антропоцентризм, репрезентация*); в области спорта (*дайвинг, боулинг, хет-трик*), в массовой культуре (*ремейк, имидж, постер, хит*) и т.п.

В разряд заимствованной лексики входят и так называемые интернационализмы, среди которых особое место занимает терминологическое заимствование. Речь идет не только о переходе терминов из одного языка в другой, но и терминологических элементов, например: *-графия* (орфография), *-логия* (лексикология), *-мета* (метатекст) и др. В этом отношении интерес представляет русская лингвистическая терминология, которая являет собой неоднородную с генетической точки зрения совокупность языковедческих терминов.

Эти термины являются как национальными (*азбука*), так и созданными единицами с помощью греко-латинских корней и аффиксов. «Термины, созданные сочетанием греко-латинских терминологических элементов, как и греко-латинские заимствования, приняты (или могут быть приняты) в качестве международных, так как характеризуются краткостью (ср.: ... система гласных фонем – *вокализм*, система согласных фонем – *консонантизм*)» [Иванова 2006: 118].

Разделяя точку зрения С.Н. Виноградова, подчеркивающего положение об обязательной связи научного термина с научным понятием [Виноградов 2011: 13], обратим внимание на тот факт, что научные термины имеют такой важный признак, как системность, которая проявляется в двух её аспектах:

- 1) взаимоотношение русского языка и метаязыка;
- 2) типология научных терминов как способ выражения системности.

Дело в том, что метаязыком адаптируются не все заимствованные слова, а только те, которые получили терминологическое признание в научном мире, скажем, в европейском языкознании (*генетив, вокатив, субстантив, адъектив, императив, индикатив*), отражая системность языка. Системность лингвистической терминологии проявляется в параллельном функционировании типологических словоупотреблений. Ср.:

*существительное в форме родительного падежа – генетив,
форма звательного падежа, то же, что и обращение – вокатив,
переход других частей речи в разряд прилагательного – адъектив,
глагол в повелительном наклонении – императив,
глагол в изъявительном наклонении – индикатив.*

Как показывают приведенные примеры, наблюдается экономия лексических средств, т.е. слова-термины характеризуются лаконичностью только в метаязыке, и как заимствованная дефиниция по времени является более поздней.

Понятие «экономия языковых средств» было сформулировано французским лингвистом А. Мартинетом, который считал, что изменение языка происходит в результате стремления человека к минимизации коммуникативных усилий. Ученый подчеркивает, что постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может считаться определяющими в изменении языковой системы.

Языковая система включает основные уровни русской языковой структуры, которые обозначены терминами: *фонетический (фонологический), морфемный, словообразовательный (деривационный) морфологический, лексический, синтаксический.*

Так, обращает на себя внимание термин *деривация*, который используется при образовании слов в прямом и переносном значениях. Ср.:

словообразовательная деривация: *ишак – ишачить*,

семантическая деривация: *ишак – животное, ишак – человек, выполняющий неблагодарную работу*,

номинативная деривация: *работает как ишак, безропотный как ишак, идет как ишак.*

В лингвистическом энциклопедическом словаре отмечается, что состав русского языка включает более 10% интернационализмов, в число которых входит и заимствованная лингвистическая терминология. Будучи заимствованными, мно-

гие русские лингвистические термины, некогда являвшие собой неологизмы, в настоящее время прочно вошли в состав активной лексики: *залог, падеж, причастие, существительное, билингвизм, окказионализм*.

В казахском языке отмечаются заимствованные слова не только из английского, но также много слов и из французского, германского языков, в основном это английские слова, используемые в казахском языке через русский язык. Освоение многих иностранных слов связано с быстрым экономическим развитием Казахстана. Это означает сведение на нет употребление некоторых терминов, иностранных слов с переводом на казахский язык. Иными словами, происходит расширение словарного запаса казахского языка и демонстрируется его совершенство.

В настоящее время в Казахстане наблюдается процесс возвращения к национальным ценностям. Казахстанцы поняли историческую значимость языка, оценили его культуру. Безусловно, чтобы сохранить народ, нужно больше внимания уделять проблемам лингвоэкологии национального языка, поэтому считаем, что иностранные слова в языке необходимо подвергать анализу.

В аспекте экологии языка заимствованные лингвистические термины следует рассматривать не как «чужие», а как «общие» и беречь их, как и «свои» слова, тем самым сохраняя культурные, духовные и научные ценности, повышая интерес к языку.

Литература

Виноградов С.Н. Знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии: автореф. дис. ... доктор. филол. наук, Нижний Новгород, 2011. 38 с.

Иванова Галина Русская лингвистическая терминология: проблемы заимствования // *Studia Rossica Hjnaniensia. Zeszyt XXXIII. Poznań*, 2006. С.115-122.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 158-159; 197.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОГРАФИЯ XXI ВЕКА: ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка осмыслить возможности коммуникативно-дискурсивного описания русского языка для лексикографической практики в связи с развитием приоритетных для XXI в. научных направлений – функционально-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного.

Ключевые слова: лексикография, русский язык, основы коммуникативно-дискурсивного словаря

Рассмотрение лексикографических проблем в аспекте экологии языка и речи вполне закономерно, учитывая, что отношение к решению проблем в данном аспекте определяется в большей степени не отношением к языку (речи) вообще, а отношением к языку, который является национальным достоянием народа и определяет единство и самобытность той или иной нации в мире, «дух народа». С этих позиций, учитывая, что предметом экологии является, в частности, «комплекс научных дисциплин и практических мер по изучению воздействия деятельности человека на природу; забота об окружающей среде»; и *перен.* «чистота, правильность, обусловленные гармоничным соотношением элементов; забота о такой чистоте» [Толковый словарь ... XXI века 2007: 1088], лексикография оказывается той научной и практической дисциплиной, которая формирует отношение к слову, включение которых в словарь оказывается своего рода хранилищем культурных ценностей и «духа народа». Поэтому *отношение к слову – это показатель нравственности человека*, его осознания себя в мире и в отношениях с другими людьми, отраженных в *словарной картине мира*, статичной по форме, но динамичной по содержанию.

Как отмечают В.А. Козырев и В.Д. Черняк, «диалог «человек – словарь» является важной формой коммуникативной и познавательной деятельности» [Козырев, Черняк 2015: 10]. Однако при этом, по их признанию, «наблюдаемый сегодня «лексикографический бум», отражающий как наметившееся осознание ценности культуры, так и чисто прагматические запросы, пока меняет ситуацию главным образом в количественном, но не в содержательном аспекте» [Козырев, Черняк 2000: 10].

Действительно, многие факты свидетельствуют о том, что лексикографическая продукция не всегда сориентирована на учет «чистоты и правильности»

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации РГНФ-2016 проект № 15-04-00448.

представленного в ней материала. А это значит, что «экология русского слова» оказывается нарушенной, особенно на нынешнем этапе современного состояния русского языка, когда «тревожное снижение общего уровня речевой культуры заставляет остро осознать роль словаря как самого важного и незаменимого пособия, формирующего навыки сознательного отношения к своей речи.

Очевидно, что *лексикографическую культуру* как необходимый этап в развитии общей культуры отдельного человека и как определенный показатель культуры общества следует воспитывать, и начинать эту работу необходимо в школе» [Козырев, Черняк 2015: 13].

Цель настоящей статьи состоит в попытке осмыслить возможности коммуникативно-дискурсивного описания русского языка для лексикографической практики в связи с развитием приоритетных для XXI века научных направлений – функционально-коммуникативная и когнитивно-дискурсивная лингвистика. Такая взаимосвязь не случайна, ибо история лексикографии – это не только эволюция практического лексикографического опыта, но и история научных концепций в плане их реализации в различных типах словарей. Думается, результаты концептуального и категориального анализа слова в рамках когнитивно-дискурсивного осмысления его содержания могли бы стать той основой, которая позволила бы добиться качественных изменений в практике составления словарей активного типа, и прежде всего толкового словаря.

Теоретическим фактором, во многом определяющим лицо современных исследований языка, стало обращение исследователей к действительности языка с позиций антропоцентрического подхода. Если раньше язык рассматривался просто как средство коммуникации и выражения мыслей, то теперь сама коммуникация погружается в структуры сознания и языка, образуя концептуальное пространство, в котором разворачиваются те или иные языковые формы, имеющие когнитивную и дискурсивную (языковую) основу. В связи с этим разработка теории языковой формы оказывается актуальной не только для описания языка в системно-структурном плане, но и для коммуникативно-дискурсивного подхода, который в большей степени сориентирован на антропоцентризм и когнитивизм как главные принципы описания языка в современных исследованиях.

Языковые формы выполняют, по крайней мере, *две взаимосвязанные функции*: 1) они отражают определенное видение действительности человеком, тем самым концептуализируя и категоризируя ее в языке; 2) они, будучи содержательными сущностями, оформляют, структурируют лексическую объективацию словарного концепта.

В основе предлагаемого проекта *толкового коммуникативно-дискурсивного словаря* лежит, во-первых, понимание того, что, в принципе, любой словарь структурирует определенные знания о мире в языке, сформировавшиеся в результате концептуализации и категоризации мира и языка. В наибольшей степени это отражает толковый словарь. Во-вторых, формы слова оказываются единицами, совмещающими выполнение языком двух его основных функций – коммуникативной и когнитивной. При этом коммуникативная функция определяет функционирование слова как языкового знака в его дискурсивной форме, а когнитивная функция проявляется в объективации и репрезентации как пред-

метно-понятийного содержания посредством слова, так и дискурсивного содержания языковой формы. В этом случае толковый словарь может рассматриваться как функциональная система слов, в которой объективация концепта представлена лексическим значением, структурированным семантикой языковых форм. Эти формы исключаются из числа лексических единиц, отражающих мир и подлежащих словарной классификации. Но при этом они включаются в состав парадигмы лексемы и тем самым фиксируют её семантическое пространство с точки зрения уникальности плана концептуального содержания лексемы, что, в свою очередь, должно найти *отражение в лексикографической практике* [Шарандин 2015].

Предполагается использование широкого понимания языковой формы слова по сравнению с узким подходом к ее определению как только грамматической формы. На наш взгляд, можно выделить следующие *виды (типы) деривационных процессов*, направленных на образование различных форм слова.

В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексеообразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции, признака), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

Дискурсивные формы слова-лексемы – это структуры словесного типа, которые имеют тождественное лексическое содержание в различных синтагматических позициях в составе высказывания и предстают в них в той или иной деривационной форме, совокупность которых образует языковую репрезентативную дискурсивную парадигму лексемы в целом.

Словарная статья строится по гнездовому принципу, но это гнездо очерчивает *лексическое пространство только одной лексемы*. Специфика этого описания состоит в том, что она включает разные средства для оформления своего лексического пространства, его границ и объемного представления в нашем сознании. Эта «объемность» создается, прежде всего, взаимодействием лексического значения слова с грамматическими, а также с коннотативными и стилистическими значениями. *Механизм этого взаимодействия* состоит в том, что слово-лексема, имеющее то или иное лексическое значение, будет иметь тот набор грамматических, коннотативных и стилистических форм, который соответствует данному лексическому значению, не противоречит ему.

Проект структуры словарной статьи [Шарандин 2016].

1. Лексема, представленная основной (словарной) формой.
2. Абстрактная лексическая семантика, отражающая типовую коммуникативную ситуацию, общее понятие о предмете или явлении действительности.
3. Конкретная лексическая семантика, отражающая номинативные признаки предметов и явлений действительности.
4. Реализуемые языковые формы:
  - морфологические формы;
  - синтаксические формы;

- способы представления частеречного значения (способы глагольного действия (процессуальности), способы субстантивной предметности, способы признаковой качественности);
- коннотативные формы;
- стилистические формы.

Литература

Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший, СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2015.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2000.

Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2007.

Шарандин А.Л. Когнитивно-дискурсивный потенциал глагольного слова и его словарное представление // Когнитивные исследования языка. Вып. 20. 2015. С. 167-177.

Шарандин А.Л. Лексикографический потенциал лексемы в толковом словаре русского языка // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 226-236.

ОТРАЖЕНИЕ КОМПЛЕКСОВ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ш.К. Мамирова, Д.М. Ахметова, Г.Б. Джумадилаева
(г. Шымкент, Казахстан)

В статье предпринята попытка проанализировать и описать комплекс стилистических помет восьми основных словарей современного русского языка.

Ключевые слова: стилистические пометы, стилистика, словари русского языка

Обзор научной литературы по языкознанию показывает, насколько широк спектр актуальных проблем современной русской стилистики, который обусловлен постоянным развитием языка и влиянием на него как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Стилистическая маркированность самостоятельных частей речи (в данной статье – имён прилагательных) в словарях русского языка – одна из самых интересных тем для дальнейших исследований.

Основная задача научной статьи выражается в анализе и описании комплексов (банков) стилистических помет восьми основных словарей современного русского языка, которые обуславливают выявление, анализ и описание факторов, влияющих на разные качественно-количественные показатели типов и видов стилистической окраски имени прилагательного на словарном уровне. Источниками исследования в данной статье явились:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка». Тт. I-IV. 6-е изд. М.: Русский язык, 1981-1982. Т. 1. (далее – СД).

2. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Тт. I-IV. Государственный институт, СЭ. М.: Огиз, 1935-1940. (далее – СУ).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 18, стереотипное. М.: Русский язык, 1984. (далее – СО).
4. Словарь русского языка в 4-х томах / Глав. ред. А.П. Евгеньева и др. Изд. 2, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1986. Т.1. (далее – МАС).
5. Словарь современного русского литературного языка в 20-ти томах. Тт. I-II. М.: АН СССР, 1991.Т.1. (далее – БАС).
6. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Глав. ред. Г.Н. Складаревская. СПб.: Фолио-пресс, 1998. (далее – ЯИ).
7. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азъ, 2000.
8. Большой толковый словарь современного русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. (далее – БТС).

Итак, самым многополюсным считается Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ). Ранее С.И. Ожегов дал такую оценку этому словарю: «Живые лексические процессы, в которых отражались и новые общественные идеологические отношения, создавали новое взаимоотношение активного и пассивного лексического запаса в литературном языке, новые стилистические и эмоциональные оттенки. Эти процессы в языке и должен был представить «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова» [СО 1984: 4]. Конечно, стилистическая оценка нынешних слов не соответствует той стилистической оценке, которую получали слова в СУ, так как произошли существенные изменения в лексико-семантическом значении слова, и значит в стилистической маркировке прилагательных.

МАС намного упростил классификацию словарных стилистических помет, уже нет такой качественной номенклатуры, как в СУ, помет, указывающих на историко-временное пространство, а лишь один маркер (*устар.*), но выделяются такие пометы, как (*нар.-поэт.*), (*трад.-поэт.*), (*уничж.*), (*почтит.*), (*торж.*).

Остальные словари современного русского языка, а именно СО, БАС, СОШ имеют примерно одинаковое количество стилистических помет (15, 13, 16), что вдвое меньше, чем в СУ и МАС. Это говорит о периоде развития стилистики русского языка, когда авторы словарей стремились прийти к единообразию в принципах выделения тех или иных словарных стилистических помет. СОШ выпущен в сравнительно недавнее время, т.е. после образования СНГ, где в корне казалось бы, должна была измениться стилистическая оценка слова, измениться состав стилистических помет и т.д., но этого не произошло. СОШ в принципах построения словаря повторяет СО, но издаётся уже в соавторстве с Н.Ю. Шведовой. Тем не менее, этот словарь остаётся одним из самых востребованных, популярных и нормативных словарей среди пользователей.

Особо следует сказать о СД – всего восемь помет. В.И. Даль стремился показать всю «мощь, красоту и богатство» русского языка, но в тот исторический период стилистика и лексикография как научные дисциплины не имели того уровня развития, который характерен для них сегодня, поэтому он представляет собой «диалектно-толковый», ненормативный тип словарей [СД 1981: 4]. Нам же словарь интересен с точки зрения отражения в нём стилистических маркеров.

Стилистические пометы в СД можно разделить на три стиля: а) высокий стиль: (*стар.*), (*церк.*); б) нейтральный стиль: (*нар.*), (*пес.*) (т.е. песенное), (*сказ.*); в) низкий стиль: (*бран.*), (*приветл.*), (*шуточ.*).

Словарь ЯИ явился новым толчком в развитии системы стилистических помет, так как коренные изменения в политической, экономической, социально-духовной, общественной сфере (экстралингвистические факторы) на территории СНГ повлияли на русский язык и русскую речь. В новейший период развития русского языка произошло переосмысление старых значений некоторых слов, вытеснены из лексического состава словаря некоторые устаревшие слова, в связи с появлением и интенсивным развитием таких технических наук, как кибернетика, космология, парапсихология, логистика, стали привычными новые заимствования [ЯИ 1998: 4].

Е. Колтунова, рассматривая причины изменения системы помет в словарях, отмечает, что «язык СМИ повышенно эмоционален, излишне пронизан и ориентирован не просто на периферийные языковые средства, а на сниженные языковые средства... А скорость их распространения, которую задают СМИ, создаёт условия для нобилизации изменений» [Колтунова 2003: 121].

Возможно поэтому в ЯИ имеют место такие новые стилистические пометы, как (*жарг.*) (т.е. жаргонное), (*лаг. жарг.*) (т.е. лагерный жаргон), (*совет.*) (т.е. советское), которые указывают на социальное положение в обществе, следовательно, социальную окраску и пометы.

Значимым достижением лексикографии стало создание однотомного БТС, имеющего в своем составе более 130000 лексических единиц. Классификация словарных стилистических помет включает 32 маркера. В нём представлены новые значения лексем с детальной разработкой их исторически оправданного стилистического многообразия с точки зрения современного литературного языка. Словарь, краткий и популярный, стремится в активной нормализации современной литературной речи, так как уже стало нормой в художественной литературе, и в разговорной речи, и в публицистике использование некоторых жаргонных слов. Вероятно, «жаргонизация языка и речи» происходит и в остальных иностранных языках, прежде всего, в речи некоторых президентов, лидеров оппозиционных группировок, выступающих по телевидению (вообще в СМИ). Они «частенько» используют нелитературные слова и свойственную им жестикуляцию, но ведь человек восприимчив, особенно молодежь.

С.А. Кузнецов в БТС более дифференцированно подходит к стилистической оценке лексем, соответственно и выделяет новые пометы, как (*жарг.*), (*трад.-лит.*), (*нар.-поэт.*), (*разг.-сниж.*), (*вульг.*) и т.д. В некоторых пометах БТС повторяет СУ, например (*фам.*), (*публ.*), (*вульг.*). В словаре подвергнут подробной маркировке сам литературный язык, есть пометы (*нар.-поэт.*), (*нар.-разг.*), (*трад.-нар.*), (*трад.-поэт.*), (*трад.-лит.*), (*разг.-сниж.*).

Надо отметить, что переход на новые общественно-экономические отношения после 1990 года сопровождался такими же тенденциями в языковой и речевой практике общества, которые во многом напоминают социально-речевые изменения 20-х годов XX века, т.е. когда создавался СУ. В.Г. Костомаров отмечает, что язык «как 20-е, так и 90-е годы XX века характеризуются:

- политизацией языка;
- ярко выраженным оценочным отношением к словам;
- превращением многих слов в символы принадлежности человека к определённой общественно-политической или социальной группе;
- расшатыванием языковых и речевых норм в массовом употреблении, у отдельных заметных общественных деятелей;
- ростом взаимного недопонимания между социальными группами» [Костомаров 1994: 181].

Другой причиной такого явления можно считать недостаточную разработанность науки о стилях языка и речи, поскольку до сих пор границы стилистических понятий «разговорный стиль» и «просторечие», «литературный язык» и «язык художественной литературы», «сниженность» и «вульгарность», «специальное», «профессиональное» и «научное», на наш взгляд, являются всё ещё неопределёнными (разнотолкуемыми).

Несомненно, толковые словари служат незаменимым руководством при разграничении разговорных и просторечных языковых единиц (имён прилагательных), книжных и стилистически нейтральных средств, при выявлении наличия или отсутствия эмоционально-экспрессивной окраски слов и выражений.

Что же касается МАС и СОШ, то в них, хотя и есть помета (*книжн.*), но употребляется она непоследовательно. Например, в МАС следующие имена прилагательные характеризуются как книжные слова: *всевластный, гневный, докторальный, зиждительный, злонамеренный*. И в то же время остаются без соответствующей стилистической пометы прилагательные: *аналогичный, doskonaльный, гармоничный, гнусный, закостенелый* и многие десятки других таких прилагательных, книжный характер которых, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Таким образом, в разных словарях стилистическая окраска имён прилагательных отражена не полностью; в некоторых случаях она описана непоследовательно и не всегда точно. Различие в составе стилистических помет восьми словарей русского языка и стилистической оценке имени прилагательного в них, зависит от лингвистических факторов:

- 1) разные цели и задачи существующих словарей;
- 2) разные принципы построения словаря и структуры словарной статьи;
- 3) неодинаковый иллюстративный материал и разные виды толкования слов;
- 4) разные подходы авторов словарей к проблеме стилистической нормативности лексических единиц;
- 5) особенности развития лексикографической и стилистической науки в историко-временном пространстве создания словарей.

Немаловажное значение для разработки системы стилистических маркеров имеют и экстралингвистические факторы: 1) неодинаковый объём и состав словника; 2) разные периоды издания и сбора словарной картотеки; 3) существенные изменения в общественно-политическом строе; 4) развитие разносторонних международных отношений; 5) наличие в обществе маргинальных социальных группировок; 6) появление новых направлений человеческого знания типа кибернетика, парапсихология, экстрасенсорика и др.); 7) интенсивное развитие средств

массовой информации, в том числе глобальной сети Интернет и телефонии; 8) усложнение технической составляющей окружения человека; 9) активная «европеизация», «жаргонизация» и «нейтрализация» литературной речи под влиянием языка СМИ и массовой литературы.

Отсюда следует, что пока не будет глубоко описана стилистическая структура русского языка и русской речи, пока не будут найдены научные критерии стилистической оценки языковых элементов, не будет единства и в стилистических пометах толковых словарей. Комплексы словарных стилистических помет имён прилагательных нуждаются в системном изучении для оптимизации представления стилистической окраски лексем в словарях.

Литература

Колтунова Е.О. О стилистических пометах в словарях современного русского языка // Studia Rossica Posnaniensia, Познаньский ун-т им. А. Мицкевича. Познань, 2003. Вып. XXXI. С. 121-128.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994. 242 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ГРАНИЦАХ РУССКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

М.В. Холодкова
(г. Тамбов, Россия)

В статье анализируются условия, способствующие проникновению жаргонной и диалектной лексики в состав просторечия, подчеркивается особая роль средств массовой информации, а также текстов художественной литературы в этих процессах.

Ключевые слова: лексические процессы, просторечие, жаргонная лексика, современный русский язык

В современном русском языке наблюдается тенденция к активизации различных лексических процессов – «лексический взрыв» [Сулименко 2006: 51]. В литературный язык стремительно проникают просторечная, жаргонная, диалектная стихии. Отметим, что проникновение неcodифицированных языковых средств в литературный язык осуществляется в основном через границы просторечия, исполняющего роль посредника или проводника лексем.

Особая роль просторечия-проводника определяется его промежуточным положением в структуре современного русского языка: просторечие примыкает, с одной стороны, к жаргонам и диалектам, а с другой – к литературно-разговорной речи. Следует подчеркнуть, что границы просторечия отличаются открытостью как на его нижнем уровне, или в зонах контактирования просторечия с другими неcodифицированными языковыми подсистемами, так и на верхнем его уровне, примыкающем к литературно-разговорной речи.

На границах просторечной лексики, или в зонах взаимодействия просторечия и жаргонов, просторечия и диалектов, просторечия и литературно-разговорной речи,

активно проходят процессы так называемых «внутренних заимствований, или вхождений» [Сулименко 2006: 69], которые означают пополнение лексического состава просторечия за счет слов жаргонного или диалектного происхождения, а также состава литературно-разговорной лексики за счет просторечных средств.

Распространенными в просторечии становятся, например, такие лексемы жаргонного происхождения, как *беспредел* (действия, далеко выходящие за рамки допустимого), *разборка* (выяснение отношений, обычно с применением силы и даже оружия), *тусовка* (неформальное общение; неформальная группировка), *бабки* (деньги), *лимон* (миллион) и многие другие. Из диалектных лексем, проникающих в просторечие, отметим следующие: *шибко* (сильно, очень), *харчи* (еда, пища), *давеча* (недавно), *намедни* (недавно, на днях), *уважить* (оказать внимание), *признать* (узнать).

Рассматривая состояние современного русского языка, важно указать не только на движение лексем через жаргонно-просторечную и диалектно-просторечную границы, но и на переход лексем через просторечно-разговорную границу, поскольку последнее приводит к нейтрализации или нормированию лексем жаргонного и диалектного происхождения.

Л.И. Скворцов в статье «Что угрожает литературному языку?» отметил такие «словесные перлы наших дней, ставшие обычными и чуть ли не стилистически нейтральными», как *бомбить*, *наезжать*, *обуть*, *кидать*, *тащиться*, *разборки*, *крутые тусовки*, *беспредел*, *халява*, *пудрить мозги* [Скворцов 1994: 101]. По словам В.В. Химика, образования *расклад*, *промазать*, *прокрутить*, *втереть очки*, *по благу*, *подначивать* и прочие – «элементы недавнего просторечия, прежде служившие в более узком значении номинациями для криминальных реалий», – ныне воспринимаются как литературно-разговорные и нормативные, но уже не вульгарно-просторечные [Химик 2000: 18]. Приведем также примеры лексем диалектного происхождения, прошедших просторечно-разговорные пласты общенародного языка и ставших в конечном счете нейтральными: *буханка*, *выжарки*, *дотошный*, *кошелка*, *мельтешить*, *продешевить*, *сухомятка*.

Подчеркнем, что слова жаргонного происхождения не только проникают в просторечие и через него в литературно-разговорный язык, но зачастую и вытесняют свои книжные варианты: например, *баксы* (доллары), *лимон* (миллион), *зэк* (заключенный) и другие. Так, в статье о побеге заключенного, опубликованной в «Российской газете» (РГ), лексема *зэк* употребляется более активно, чем ее литературные варианты *заключенный*, *арестант*. Вот некоторые примеры из статьи. «*Зэк* просто ушел». «*Зэк* же у нас хворый». «Сегодня *зэки* еще более изобретательны». «Фантазия *зэков* не знает границ» [РГ. 22.07.2007]. О переходном положении этой лексемы свидетельствует то, что она не имеет однозначной функционально-стилистической квалификации в современных словарях.

Сравним пометы лексемы *зэк* в трех словарях и получим разные результаты: в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов 1997] данное слово сопровождается пометой «*просторечное*», в «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» [Квеселевич 2005] – «*жаргонное*», в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004] – «*разговорное*». Приведенные пометы позволяют описать движение лексемы *зэк*, которая, имея жаргонное про-

исхождение, получает распространение в просторечии и через разговорно-просторечную границу проникает в разговорную речь, приближаясь к лексическому составу литературной речи.

Несмотря на активное взаимодействие просторечной и жаргонной лексики, просторечной и диалектной лексики, следует подчеркнуть, что просторечие и жаргоны, а также просторечие и диалекты – это не одно и то же. Основное отличие просторечия от жаргонов заключается в том, что жаргоны ограничены социально, профессионально или по возрастным показателям, просторечие же – это «массовая» речь [Химик 2000: 10].

От диалектов просторечие отличается, прежде всего, своей внетерриториальностью. Поэтому для проникновения жаргонной и диалектной лексики в состав просторечия необходимы определенные условия, среди которых следует особо отметить расширение сферы употребления жаргонных и диалектных лексем за счет средств массовой информации, а также художественной литературы.

Кроме того, укреплению позиций этих лексем в составе просторечия способствует их распространение «сверху». Слова *разбазарить* (впустую, бессмысленно растратить), *мочить* (убивать, позорить, преследовать), *беспредел*, *достать* (довести до крайнего раздражения, приставая, надоедая), *кинуть* (огрابتь, обмануть, отобрать) и другие в речи, например, руководителей страны в определенных ситуациях воспринимаются как уместные и более точные, чем их литературные варианты.

Однако частое использование подобных лексем в телеэфире, в печатных изданиях способствует стиранию их криминального происхождения, проникновению в просторечие, в «массовую» культуру и далее в разговорную речь. Так, на страницах «Российской газеты» при цитировании речи первого лица государства приводится жаргонно-просторечная лексема «*разбазаривая*» [РГ. 22.11.2007].

Следует отметить неоднозначное отношение в современной лингвистике к тем процессам, которые проходят на границах просторечной лексики. С одной стороны, процессы пополнения лексического состава просторечия словами жаргонного и диалектного происхождения, а также проникновение просторечных лексем в литературно-разговорную речь связываются с демократизацией языка, свойственной современному его состоянию [Сулименко 2006], а просторечие, исполняющее роль проводника лексем, определяется как своеобразный «котел», который «переваривает» речевые единицы ограниченного употребления, пропускает их через «фильтры языкового вкуса» [Золотова 1998: 17] и допускает некоторые из них к общепринятой коммуникации. С другой стороны, активное проникновение просторечных лексем в современный литературный язык рассматривается как «подлинная», а не «мнимая болезнь языка» [Скворцов 1994: 100]. Неоспоримым же представляется то, что активизация лексических процессов на границах просторечия, «лексический взрыв», тесно связаны с современными социальными изменениями.

Литература

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во филол. ф-та МГУ, 1998. 528 с.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 1021 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 44 с.

Скворцов Л.И. Что угрожает литературному языку? (Размышления о состоянии современной речи) // Русский язык в школе. 1994. №5. С. 99-105.

Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2006. 352 с.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 764 с.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. 272 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Логинов
(г. Мичуринск, Россия)

Категория интеррогативности представлена в статье как полевая моноцентрическая организация с синтаксической категорией в качестве ядра, которая по признаку системных связей относится к категориям смешанного типа.

Ключевые слова: категория интеррогативности, интеррогативное высказывание, современный русский язык, полевая многоцентрическая организация

Вопросительные (интеррогативные) конструкции существуют в языке и в речи не сами по себе, а в определенном текстовом континууме и требуют осмысления на категориальном уровне. Категориальный статус языкового явления учитывает три компонента: семантику, реализацию в коммуникативной ситуации, структурную организацию. Применительно к вопросительным предложениям каждый из указанных компонентов характеризуется специфическими чертами, позволяющими отличить от компонентов других типов высказываний. Но самым важным является то, что их совокупные отношения формируют категорию интеррогативности.

Категория интеррогативности (КИ) понимается нами как неотрывная часть общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность. Структурообразующим и функционально-значимым компонентом категории интеррогативности выступает интеррогативное (вопросительное) высказывание (ИВ), выражающее потребность в информации о каком-либо положении дел или его уточнении. Рассмотрим основные аспекты данного явления.

1. КИ относится к языковым категориям, организованным по принципу поля, ядерным компонентом которого является синтаксическая парадигма, выступающая в качестве специализированного средства и понимаемая как «система

синтаксических структур, обладающих общим смысловым и/или функциональным синтаксическим признаком, модификации которого представлены в структурах, образующих систему» [Адмони 1988: 120].

Синтаксические категории – это структуры, основывающиеся на противопоставлении форм и однородных значений. По мнению А.В. Бондарко, к ним относятся и оппозиции повествовательных и вопросительных конструкций [Бондарко 1976: 15]. В этом случае функционально-семантическая категория (ФСК) опирается не на формальные показатели морфологического характера, а на синтаксическую общность, основанную на близости выражаемых синтаксическими конструкциями синтаксических значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной действительности.

ИВ обладает самым широким спектром функциональных характеристик: от собственно запроса информации до выражения приказа, мольбы, констатации, возражения, эмоциональной реакции, иронического замечания. Способность к реализации вторичных функций возможна тогда, когда в процессе коммуникативного акта первичная функция отступает на второй план и служит фоном для реализации неинтеррогативных интенций.

Но, прежде всего, ИВ характеризуется своей собственной категориальной семантикой, стоящей в оппозиции семантике побуждения, просьбы, волеизъявления, бытийности и т.д. Это, во-первых, то, что отличает один тип языковой конструкции от другого на семантическом уровне, который реализует свое грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств. Инвариантное значение интеррогатива «выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали». Во-вторых, то, «что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам типа «Интересно, что случилось?» [Вежицка 1985: 261].

О том, что в основе организации ФСП интеррогативности лежит синтаксическая категория, свидетельствует и тот факт, что ИВ организуют не только ядро, но и принимают самое активное участие в структурировании периферии ФСК. К ядерным компонентам относятся высказывания, реализующие первичную функцию – функцию запроса, то есть такие, в которых форма и значение совпадают. Их структурная организация представлена разными типами простых и сложных предложений, из которых наиболее частотна модель простого двусоставного предложения:

А вы читаете по-английски?

С трудом, но читаю... (И.А. Гончаров. «Обломов», 2, VIII).

Периферия ФСП интеррогативности неоднородна. Ближняя периферия представлена синтаксическими конструкциями с нарушением в плане выражения (форме): побудительными предложениями (приказ или просьба совершить речевое действие): *Скажите мне, кто ваш друг*, повествовательными предложениями, констатирующими волю адресанта получить ту или иную информацию: *Я хочу знать, кто вы*.

К особому случаю относятся ИВ, употребляемые во внутренней речи: они направлены не столько на узнавание нового, сколько представляют собой попыт-

ку организовать и упорядочить речемыслительную деятельность, причем адресатом и адресантом будет одно и то же лицо:

Райский сердито шел домой. «Где же она, эта красавица, теперь? – думал он злобно, – вероятно на любимой скамье зевает по сторонам – пойти посмотреть!» (И.А. Гончаров «Обрыв», II, XXI).

Специфическая природа КИ и образующей ее полевой системы языковых средств и значений выражается в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающимися под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения. Употребление ИВ в несвойственных им функциях ведет к нарушению принципа изоморфизма в плане содержания и «отбрасывает» их на дальнюю периферию ФСП интеррогативности. К таким случаям относятся:

– риторические вопросы:

Откуда вы знаете, как меня зовут?

Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает (М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита», 1, 1);

– конструкции, в которых выражено побуждение к действию:

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчас выносить надо (Л.Н. Толстой «Власть тьмы», или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 4, 8).

Происходит нейтрализация семантики интеррогативности и актуализация других компонентов значения в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта.

Таким образом, при определении отнесенности ИВ к ядру или периферии поля интеррогативности учитывается степень выражения категориального значения, форма ее представления, прагматическая установка адресанта в коммуникативной ситуации.

2. Все классифицированные ФСК по структурному типу относятся либо к моноцентрическим, либо полицентрическим. Моноцентрической считается такая ФСК, в центре которой находится определенная грамматическая категория (например, аспектуальность), а полицентрической – где эти условия не соблюдаются (например, таксис). Синтаксическая категория относится к разряду грамматических категорий, структурообразующим компонентом которой выступает тот или иной конкретный коммуникативный тип предложения. Тем самым мы считаем, что категория интеррогативности представляет собой моноцентрический структурный тип поля. Это подтверждается и тем неоспоримым фактом, что вся система равноуровневых средств выражения вопросительного значения реализуется только в ИВ.

На фонетическом уровне средством создания интеррогативности выступает интонация. Не относясь к формализованным средствам языка, она распространяется на всю категорию, играя разную роль в организации вопросительной семантики. В тех случаях, когда участвуют эксплицитные компоненты выражения интеррогативности, интонация выполняет сопутствующую функцию (1), тогда же, когда задействованы периферийные или имплицитные средства, на нее ложится основная структурообразующая нагрузка (2):

1) *Как вы узнали?* – удивился я. – Я ведь об этом никому не рассказывал.

Не беспокойтесь, я тоже не расскажу никому (В. Войнович «Москва 2042»).

2) *Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.*

Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих (Л.Н. Толстой «Война и мир», I, 3, XVI).

Интонационный рисунок ИВ дифференцируется в зависимости от типа предложения, но есть общие признаки, которые позволяют отличить вопрос от других коммуникативных типов. (Общеизвестна типология интонационных конструкций [Русская грамматика 1980: 99-122]).

На лексико-грамматическом уровне интеррогативное значение также формируется в виде полевой структуры. Ядро и периферию составляют лексемы со значением познания, которое осуществляется в три этапа: от незнания через узнавание к знанию. Именно промежуточный компонент в данной триаде (узнавание, чью сему можно определить как «запрос информации») лежит в основе семного структурирования ИВ. Поэтому к ядерным компонентам будут относиться те лексические единицы, в которых сема «узнавание» выражена эксплицитно.

Структура ядра, представленная разнородными компонентами, несет в себе различные стороны лексико-грамматической репрезентации категории интеррогативности. Отсюда и дифференциация роли лексических единиц в структурировании ИВ. В организации ядра участвуют следующие составляющие:

– вопросительные местоимения и наречия:

Откуда же ты? – торопливо спросил он (Обломов – А.Л.).

Из магазина, – отвечала она (Ольга – А.Л.) (И.А. Гончаров «Обломов», 3, V).

– вопросительные частицы:

Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.

Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», I, 12).

– глаголы и идиоматические сочетания, обозначающие активные познавательные процессы:

По какому случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – *Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?* (А.П. Чехов «Хамелеон»)

– отдельные группы существительных, наречий и слов категории состояния (интересно, интерес), т.е. лексемы, в семантике которых уже «заложена» сема «запрос информации»:

Папа читал что-то и на вопрос мой: «Бывают ли синие зайцы?», не поднимая головы, отвечал: «Бывают, мой друг, бывают» (Л.Н. Толстой «Отрочество», XI).

Что касается организации лексической периферии, то она формируется практически всем лексическим составом языка: в определенных коммуникативных условиях любое слово может нести запрос информации.

Следовательно, связи между конституентами поля наиболее тесны в ядерной части и ослабляются по направлению к периферии. Этот переход осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удаленных от ядра и с разными возможностями реализации значения интеррогативности.

3. Классификация КИ по признаку системных связей является наиболее сложной. Это связано с тем, что категория интеррогативности «слишком коммуникативна», по выражению С.Г. Ильенко. Эта «излишняя» коммуникативность проявляется в том, что в ИВ реализуется весь огромный спектр человеческих потенций, связанных с модальной оценкой положения дел, «устремленностью» на адресата, желанием, с одной стороны, получить новую информацию и, с другой стороны, желанием показать, какой информацией владеет адресант и т.д.

Классификация, представленная в трудах А.В. Бондарко, не позволяет отнести нашу категорию к какому-то определенному типу [Бондарко 2002: 315]. Причина этого – в сложном характере взаимоотношений разнородных семантических компонентов, «переплетенных» в одной понятийной категории.

Во-первых, интеррогативность (вопросительность), по мнению большинства исследователей, является одним из компонентов модальности предложения. В этом случае ФСП интеррогативности следует относить к ФСП с предикативным ядром. Кроме модальности к данному типу относится и ФСП персональности. В значении вопросительного высказывания реализуется значение персональности, ведь любое высказывание имеет своего отправителя.

Во-вторых, интеррогативная конструкция формирует коммуникативную перспективу высказывания, нацеленную на устранение неопределенности и неизвестности. А это требует реализации определенных субъектно-объектных отношений, т.е. налицо признаки ФСП с субъектно-объектным ядром.

В-третьих, интеррогативные конструкции несут в себе определенную долю информации, что в некотором роде сближает их с повествовательными бытийными высказываниями, участвующих в формировании категории бытийности, относящейся к ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром.

Мы считаем, что по своей сути ФСП интеррогативности является ФСП смешанного (интегративного) типа, в котором проявляются признаки нескольких ФСП. Иначе говоря, ФСП интеррогативности находится в зоне пересечения нескольких ФСП, а категория интеррогативности участвует в организации семантического пространства категорий модальности, коммуникативной перспективы высказывания, определенности-неопределенности, персональности, субъектности, бытийности, побудительности. Большая или меньшая зона пересечения с другим полем зависит от конкретной коммуникативной обстановки, от того, каково намерение говорящего и чего он ждет от адресата.

В ИВ выделяются два семантических блока: один несет в себе информацию об известном (пересечение с категорией бытийности), другой – о неизвестном (пересечение с категорией неопределенности). Именно эта неопределенность формирует коммуникативную перспективу ИВ, создающуюся с определенной целью и направленную на адресата. Кроме этого, высказывается модальная оценка ситуации: *Вы имеете понятия о страданиях? Позвольте: вас в детстве секли? Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям* (А.П. Чехов «Палата № 6», X).

Адресант на собственном опыте знает, что дети могут подвергаться физическому насилию со стороны родителей, осуждает это, и обращается к конкретному адресату с вопросом о его детстве, ответ на который определяет дальнейшую стратегию диалога.

Если ИВ функционирует как риторический вопрос, то ее семантика «тяготет» к бытийным эмоционально окрашенным высказываниям, направленным на определенного адресата и передающим субъективное отношение говорящего к сложившейся ситуации:

Какое вы имеете право кричать? – сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начинал сам сердиться (Л.Н. Толстой «Юность», XVI).

Подводя итог нашим рассуждениям, еще раз подчеркнем, что категория интеррогативности (КИ) – полевая моноцентрическая организация с синтаксической категорией в качестве ядра, по признаку системных связей относящаяся к категориям смешанного типа.

Литература

Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.

Русская грамматика. Тт. I-II. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

КОММУНИКАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЛОВА В ТЕКСТЕ

В.М. Швецова
(г. Мичуринск, Россия)

В статье рассматриваются особенности коммуникативного моделирования как особого вида организации нового, расширенного значения слова в тексте, приводящего к увеличению его информационного объема. На уровне лексической и ассоциативной природы текстовых единиц анализируются базовые коммуникативные модели семантики.

Ключевые слова: актуализация текстовой единицы, базовое и ассоциативное значение текстовой единицы, коммуникативное моделирование семантики слова, модель семантического расширения слова в тексте

Особенности формирования современного языкового коммуникативного пространства требуют специального изучения. Процесс получения и организации нового знания непосредственно связан с теорией текстового развития семантики.

В современных социально-экономических, политических условиях существования общества формируются и новые этапы в развитии ассоциативного мышления, что приводит к изменению ментальных установок (что и как видит человек в этом мире; каким он ему представляется, убеждения и ценности, из которых он исходит в восприятии окружающего мира), ментальных проблем (сложности и противоречия в таких «видениях» и восприятии), а также к осознанию

функции единиц языка, их содержательной стороны. В таких условиях развиваются иные типы языкового общения, например, в виде компьютерно-опосредованной коммуникации.

Это во многом способствует переформатированию основных параметров языковой картины мира, замене личной и общественной смысловых матриц. Активно создаются тексты различного типа, которые могут сопровождаться определёнными коммуникативными сбоями и сдвигами, обусловленными психологическими, социальными причинами. Поэтому изучение семантики необходимо осуществлять на уровне лингвистического моделирования, способного передать специфику динамических преобразований в семантической структуре слова и текста, их коммуникативном пространстве.

Коммуникативное моделирование семантики слова в тексте осуществляется в процессе порождения и восприятия информационного потенциала языковых единиц. Непосредственное взаимодействие различных типов ресурсов текстовых единиц, обладающих потенциальной значимостью, направлено на развитие их лексико-семантических, содержательно-смысловых, коммуникативных возможностей. Результатом реализации данного процесса является увеличение объёма значения конкретного слова и семантическое расширение системы языка, которое может реализоваться в сознании коммуниканта; в единицах системы языка – компонентах текста; в слове-единице, реализованной в смысловом поле определенного текста; в момент порождения с учётом авторских единиц, а также в момент восприятия с учётом моделей получателя информации. Коммуникативное моделирование осложнено условиями общения, наложением разнокодовых систем, состоянием коммуникантов, уровнем их компетенции.

Коммуникативное моделирование лексической системы как способ развития семантического пространства текста реализуется в результате взаимодействия внутренних, потенциально значимых ресурсов всех типов единиц с продуктивной текстовой реализацией. Данный вид моделирования семантики представляет полифункциональный процесс, который связан с *актуализацией* текстовой единицы, то есть процесс маркирования её внутреннего потенциала в смысловом поле конкретного текста в целях дальнейшего развития. В результате в сознании коммуниканта происходит идентификация единицы, получающей семантическую трансформацию, и единицы, стимулирующей новое значение.

Теория актуализации языковых знаков связана с именами Ш. Балли и В. Матезиуса. Они ввели в лингвистическую науку понятие актуализации смысловых отношений в предложении [Балли 1955; Матезиус 2003]. Актуализация рассматривается нами в узком смысле: она ограничена условиями художественного текста, направлена на расширение возможностей семантической природы конкретного слова. Активизация данного процесса обусловлена возможностями единиц с продуктивной текстовой реализацией. Они обладают значительной системой лексико-семантических, содержательно-смысловых и других ресурсов, раскрывающихся в полном объёме в случае их непосредственного взаимодействия в информационном поле: чем больше возникает условий для реализации отношений, способствующих выделению возможной семантической доминанты в виде текстовой единицы, тем эффективнее развивается процесс актуализации её семантики в системе русского языка.

При актуализации семантики языковой единицы в сознании коммуниканта через смысловое поле конкретного текста осуществляется маркирование лексико-семантических, ассоциативных и других ресурсов голографической единицы (или составляющих ее компонентов). На уровне психики человека механизм развития этого процесса можно представить следующим образом. В смысловом поле текста выявляются возможные связи между его единицами, определяются принципы, способы взаимодействия их ресурсов. На этой основе устанавливается характер возникающих связей, их результативность, а именно: способствует ли развитие данных отношений выделению нового понятия, его признака в пространстве смыслового поля конкретного текста. Далее в сознании коммуниканта определяется единица, выполняющая функцию возможной семантической доминанты маркированного понятия.

Следует также отметить, что именно на стадии формирования процесса актуализации единицы, получающей собственное развитие в тексте, фактически устанавливается второй тип единиц, который не только непосредственно участвует в моделировании новой семантики, но и выполняет одну из главных функций, способствующих эффективному развитию данного процесса. Речь идет о единицах, стимулирующих семантическую трансформацию. В дальнейшем ими провоцируется развитие нового значения на базе системы собственных ресурсов. Этот процесс осуществляется путём установления возможных видов реакций (на ассоциативном, эмоциональном, когнитивном и других уровнях), возникающих между данными типами единиц.

Актуализация текстовой единицы провоцирует развитие механизмов коммуникативного моделирования, под которым понимается прямая семантико-ассоциативная реакция, возникающая на основе взаимодействия ресурсов всех типов текстовых единиц [Швецова 2015: 145]. Формируется *базовое значение* (то есть участки обобщённой семантики, которые возникают в результате совокупной реализации лексико-семантических ресурсов текстовых единиц). Их число зависит от возможностей стимуляторов.

Механизмы коммуникативного моделирования провоцируют развитие *ассоциативного значения текстовой единицы* с трансформируемой семантикой, под которым понимается упорядоченная система вербализованных ассоциаций, порожденных в сознании коммуниканта различными видами взаимодействия единиц с продуктивной текстовой реализацией, например, внутрисловными или межсловными связями. Оно формируется в зависимости от индивидуального опыта человека, а также от возможностей конкретного текста (его сюжетные линии, авторская позиция, единицы, составляющие его пространство и др.).

В результате взаимодействия и синтеза базовых и ассоциативных значений организуется *модель семантического расширения* слова в тексте (это структура, объединяющая результаты содержательно-смыслового развития языковой единицы в период порождения и восприятия текста, его смыслового поля). В связи с этим в лингвистическую практику было введено понятие модели текста, которая С.В. Пискуновой была определена состоянием коммуникативного процесса в различные моменты речи: исходное, порождение, восприятие, коррекция [Пискунова 2002].

Опыт моделирования системы единиц, их внутреннего устройства и выполнения функций были во многом определены исследованиями Н.С. Трубецкого [Трубецкой 1960], продолжены В.Г. Руделевым при структурировании фонетической системы русского литературного языка и его диалектов [Руделев 2002], А.Л. Шарандиным при описании грамматических классов слов и синтаксических композиций [Шарандин 2001]. В исходном положении модели семантики текста могут не совпадать, а в тексте они образуют единую группу.

Следовательно, выделяются базовые коммуникативные модели семантической организации, которые сохраняются в языке и эффективно им используются, а также единичные (развивающиеся) модели, не получившие своего статуса, о продуктивности которых еще рано судить. По своему характеру они являются аналитическими. На «входе» при анализе следует опираться на слова (в единичном их представлении, в качестве части предложения и т.д.), а «на выходе» результатом являются новые семантико-смысловые структуры текста.

В тексте А.И. Солженицына «Раковый корпус» коммуникативное моделирование семантики текстовой единицы *досадно-промедлительная* организуется путём сферического наложения значений её компонентов (модель «Двойная сферическая плоскость»):

Никогда она не сказала, но зинуло вдруг ему, что вся неуступчивость ее, такая досадно-промедлительная, так обижавшая его, совсем не кокетство, а страх: переступить черту от не вечного – к вечному [Солженицын 1991: 56].

Единица *досадно-промедлительная* представляет собой сложную структуру, основанную на одноплановой или разноплановой сочетаемости структур (*досадный* – «досаждающий, причиняющий кому-то досаду» [Даль, Т. 1, 2003: 475]; «вызывающий досаду, неприятный» [Лопатин, 2001: 144]; «раздражающий, вызывающий досаду» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 1015]; *промедлительный* – «задерживающий дело, замешканный» [Даль, Т. 3, 2003: 495]).

Автор текста выстраивает словообразовательную структуру данной единицы таким образом, что ее первая часть выражает своеобразную эмоциональную оценку того признака, который заключен во второй части сложения: неуступчивость была *промедлительной*, то есть «задерживающий по каким-то причинам и непонятный для кого-то», и досадной, то есть «обидной для кого-то». Находясь в условиях текстовой ограниченности, компоненты единицы с актуализируемой семантикой взаимодействуют, оказывая друг на друга определенное давление: через собственное значение формируют общую текстовую семантику определённого слова. Сфера как вид поля текста, пространство которого реализуется частично (на ярусном уровне), превращается в плоскость. Базовое значение исследуемой единицы имеет следующий вид: «глупая, ненужная и поэтому непонятная».

При взаимодействии компонентов единицы *досадно-промедлительный* возникает система вербализованных ассоциаций: подобное странное поведение человека, связанное с необъяснимым, непонятным, а порой и обижающим кого-то ограничением, вызывает у людей гнев: я не могу этого понять, и меня это раздражает! Путём наложения двух типов значений, сформированных на основе разноплановых признаков, развивается её текстовая семантика: «раздражающий своей робостью, сомнением». Выявляется доминирующий компонент «гнев, злость», на базе которого моделируется новое содержание.

Итак, коммуникативное моделирование текстовой семантики слова реализуется в процессе порождения и восприятия информационного потенциала языковых единиц. Сочетание текстовых единиц, организованных по определенным моделям, а также комбинация готовых (исходных) знаков языка оказываются способными выражать и передавать новые идеи, новые концепты, создавать новые тексты и таким образом расширять поле языковой системы, а затем на выходе за пределы известного – и языка в целом.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: монография. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. Тт. I-IV. Т. I. М.: Рус.яз. Медиа, 2003. 699 с.

Лопатин В.В. Русский толковый словарь: около 35000 слов: 70000 словосочетаний. 7-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 877 с.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (Грамматическая форма и семантика текста): монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 408 с.

Руделёв В.Г. Принципы сегментации поэтической речи. Тт. VI. Т. VI. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. 178 с.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 1339 с.

Солженицын А.И. Раковый корпус. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 464 с.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; ред. С.Д. Кацнельсона; послесл. А.А. Реформатского. М., 1960. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: морфология. Тамбов, 2001. 313 с.

Швецова В.М., Пискунова С.В. Принципы семантического расширения слова в тексте и индивидуальной языковой системе А.И. Солженицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8: Чч. I-II., Ч.1. С. 145-147.

СИТУАТИВНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ОДНОГО ИЗ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ

И.И. Фролова
(г. Тамбов, Россия)

В центре внимания автора статьи – рассмотрение ситуативного подлежащего, способы его выражения и лексико-семантические особенности имен существительных как одного из репрезентантов предложения.

Ключевые слова: русский синтаксис, ситуативное подлежащее, «идентифицирующие» имена

Главные члены предложения являются определяющими при формировании как формальной, так и номинативной структуры предложения. Однако роль од-

ного и того же члена при формировании номинативной структуры может быть различна. Грамматическое подлежащее в предложениях с семантикой признака, являясь субъектом, определяемым (характеризуемым) исходным компонентом структуры, выражается именем с конкретной референцией. Грамматическое сказуемое – это предикат, определяющий компонент структуры, выражается словом с понятийной референцией.

Среди имен существительных – основных репрезентантов подлежащего – выделяются своей семантикой имена конкретные, называющие собственно предметы. Это «идентифицирующие» имена [Арутюнова 1980: 156-242]. Конкретным именам противопоставляются слова, обозначающие события (ситуации, факты, положения дел реальные и гипотетические), их существование мыслится во временной протяженности. Это пласт так называемой ситуативной, пропозитивной лексики [Арутюнова 1976: 78; Ирисханова 1977].

Учитывая именно такое деление существительных, подлежащие, в свою очередь, можно классифицировать по семантическому признаку на собственно-предметные и ситуативные (непропозитивные и пропозитивные) [Аймагамбетова 1989; Ломов 1994; Фролова 2008, 2009, 2011].

Среди типичных способов выражения пропозитивного подлежащего можно выделить 5 способов.

1. Самым распространенным является выражение подлежащего при помощи **имен существительных пропозитивной семантики** в именительном падеже (отглагольные, отадъективные слова; слова факт, случай, событие). Они обозначают явления, процессы, ситуации, поступки (поездка, тревога, мороз, дождь, грохот, ливень, поломка, заседание, зрелище, поиски, положение, объяснение и др.): *Зрелище это страшное и притягательное, как пожар* (Л. Андреев «Спокойных не будет»); *Моя поездка в Македонию была короткой* (В. Пикуль «Честь имею»); *События в его жизни были редки* (В. Максимов «Мы обживаем Землю»).

2. Нередки случаи, когда позицию пропозитивного подлежащего в составе предложений с семантикой признака занимают местоимения **оно** и **всё**. Их употребление в данном качестве довольно специфично. Они носят строевой характер и логически оформляют предложение:

– *Что же вы не поженились? – Теперь-то, оно, конечно, обидно, – ответил старик и остановился отдохнуть* (К. Паустовский «Старик в потертой шинели»); *Кругом все бело и воздушно*.

3. Довольно широко в двусоставных предложениях с семантикой признака представлены конструкции, в которых ситуативное подлежащее выражено местоимениями **это** и **что**, обладающие способностью самостоятельно представлять подлежащее, заключая в себе указание на предшествующее или последующее высказывание (гораздо реже): *Как же он устраивается, что все с него как с гуся вода? Вот это-то и удивительно* (П. Романов «Детство»).

4. Обычным явлением в рассматриваемых нами предложениях считается выражение пропозитивного подлежащего **инфинитивом**. Как известно, инфинитив – глагольная форма, когда-то бывшая именем, но впоследствии утратившая все грамматические признаки имени. Но эта форма сохранила свою номинативную функцию – называние действия, состояния, процесса безотносительно к деятелю (то есть в отличие от финитного глагола не осложнена значением лица, наклоне-

ния, времени и, следовательно, вполне обоснованно может занимать место подлежащего в двусоставном предложении: *Видеть своими глазами всегда интереснее, чем прочитать в книге* (С. Крутили «Липяги»); *Возвращаться домой, одному, было особенно грустно и странно* (И. Бунин «Жизнь Арсеньева»).

5. Еще один стандартный способ выражения анализируемых подлежащих в наших предложениях – это **пониженные в ранге предикативные единицы**, с помощью которых осуществляется неполная номинализация пропозиции [Арутюнова 1980: 247; 1988: 105-106], или предикативная номинализация [Черемисина, Колосова 1987: 30]. Эти конструкции связаны со сказуемым при помощи союзных скреп или интонационно. Содержание предикативных единиц, которые занимают позицию подлежащего, приобретает в данных конструкциях предметно-номинативный характер, а сами единицы как бы частично субстантивируются» [Лекант 1986: 19]: *В эти минуты казалось понятным, что заставляло шелестеть и клониться друг к другу эти ночные тени* (Б. Пастернак «Доктор Живаго»); *И поэтому кажется удивительным, что в доме спокойно горит свет, поет радио, мягкие ковры заглушают шаги, а на столах лежат раскрытые книги и рукописи* (К. Паустовский «Золотая роза»).

Нестандартным (нетипичным) способом выражения ситуативного подлежащего мы считаем способ, когда позиция подлежащего оказывается незамещенной, то есть подлежащее не находит в подобной конструкции лексического выражения. В этих случаях происходит смещение коммуникативного акцента с обозначения самой пропозиции на способ ее осуществления; здесь необходима отсылка к контексту: *Каждый думает о себе. Так практичнее* (В. Максимов «Жив человек»); *Нет, давайте где-нибудь встретимся. Так мне удобнее* (Ю. Авдеенко «Дикий хмель»).

Основным репрезентантом ситуативного подлежащего, как отмечалось выше, является существительное пропозитивной семантики. На выражении «определенной ситуации» специализируются девербативные (образованные от глагольного корня: стук, чтение, поездка, грохот и т.д.) и деадъективные (образованные от корня адъектива: строгость, красота и др.) существительные. Наряду с ними пропозитивным значением обладают существительные типа **событие, факт, случай** и им подобные, а также местоимения **это (что), такое, какое**, предполагающие соответственно отсылку к предыдущему или последующему контексту.

Пропозитивные существительные, по мнению П. Адамца, могут выполнять в предложениях синтаксические функции тройного типа:

1. Те же функции, что и другие существительные, т.е. функции субстантивных компонентов предложения с предметным значением (теряют глагольность или адъективность и обозначают понятия конкретно-предметного или абстрактно-предметного характера (Мы читали это объявление; Ты говоришь глупости).

2. Функцию содержательного ядра семантического предиката предложения. В таких случаях происходит разрыв между семантической и синтаксической структурой предложения: с формально-синтаксической точки зрения названные существительные выполняют роль именных (непредикатных) компонентов предложения (подлежащего, дополнения), но с точки зрения семантической они представляют собой составную часть предиката. Глагол в личной форме в таких

случаях полностью, или почти полностью, делексикализуется, превращаясь в своеобразную связку (*Центр ведёт обработку информации*).

3. Функцию главного члена номинализованной, второй (зависимой) предикации. С формально-синтаксической точки зрения предложения с девербативами и деадъективами в этой функции имеют только одну предикацию и не отличаются в этом отношении от обыкновенных простых предложений. Однако с точки зрения функционально-трансформационного анализа перед нами в таких случаях двухбазовые структуры, содержащие главную и зависимую предикацию, причём зависимая предикация выражена пропозитивным существительным (*Я рад приходу Петра*) [Адамец 1973: 40]. В подобных случаях мы имеем дело с полипропозитивными предложениями.

Указанные существительные сочетаются с компонентами, имеющими временное значение (короткое собрание, зимние соревнования). Сочетаемость пропозитивных (событийных) существительных с временным показателем и есть проявление того, что они суть свёрнутая (небазисная) пропозиция. И поскольку всякая развёрнутая пропозиция выражается предикативной конструкцией и, следовательно, предполагает временные характеристики, то и свёрнутая пропозиция сохраняет возможность временной характеристики.

Как уже отмечалось выше, существительные пропозитивной семантики противопоставлены существительным с конкретно-предметным значением, так как находятся в разных параметрических плоскостях, к тому же пропозитивные значения ориентированы не на саму субстанцию, а на ее основные свойства, то есть они абстрактны.

Пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. Она обладает следующими свойствами: а) предметно соотносима с осью времени; б) мыслится в отношении к предметам и событиям; в) реализуется предложениями и его трансформами, опирающимися на предикат.

Пропозитивной семантикой могут обладать и имена собственные со значением лица. Лица ассоциируются с действиями, поступками, поведением предмета. Имена лиц поэтому нередко употребляются в позициях, предназначенных для событийной лексики. Такие имена в позиции подлежащего включают в свою семантику элементы смысла «работа», «творчество», «труд», «результат творчества», который может быть эксплицирован [Величко и др. 1988: 54-55]: *Бетховен, Шопен, Моцарт – и не только в самых известных вещах – были ему своими* (В. Лакшин «Открытая дверь»).

Литература

Адамец П.О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филологические науки. М., 1973. № 4.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Аймагамбетова А.Ш. Структура простых предложений с пропозициональным подлежащим: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Величко А.В. и др. Простое предложение: Опыт семантического описания. М., 1988.

Ирисханова О.К. Семантика событийных имён существительных в языке и речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1977.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие для филол. спец. пед. ин-тов. М., 1986.

Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.

Фролова И.И. Двусоставные предложения с семантикой признака в современном русском языке»: автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

Фролова И.И. Словосочетание как репрезентант подлежащего // XIV Державинские чтения. Институт филологии: материалы Общерос. науч. конф. Февр. 2009 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009.

Фролова И.И. Лексико-семантические и морфологические свойства собственно-предметных подлежащих в двусоставных признаковых предложениях // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11.

Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

КОММУНИКАТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА *ОБОДРЕНИЯ* В ПЕДДИСКУРСЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИИ РЕЧИ

З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Казахстан)

В статье рассматриваются специфические условия использования речевого акта *ободрения* в педагогическом дискурсе; доказывается, что использование речевого акта *ободрения* в педагогическом дискурсе регулируется определенными лингвоэкологическими требованиями, обеспечивающими его эффективность и значимость в институциональном дискурсе.

Ключевые слова: речевой акт, *ободрение*, экология речи, педдискурс, коммуникативная среда

В статье рассматриваются специфические условия использования речевого акта (далее – РА) *ободрения* в педагогическом дискурсе, которые являются отражением экологии речи, обеспечивающей наибольшую эффективность речевых действий педагога.

Ободрение в прагматической науке рассматривалось в самых общих чертах в кругу других видов побудительных актов [Голубничая 1994], в работах А.А. Кузнецовой оно изучалось как вербальное выражение эмпатии и включалось в класс экспрессивов [Кузнецова 2010]. Можно назвать лишь исследование О.О. Гузерчук, в котором *ободрение* рассматривалось как самостоятельное речевое действие, а также была разработана детальная классификация РА *ободрения* и описаны его функционально-семантические характеристики [Гузерчук 2013].

Помимо того факта, что *ободрение* «играет значительную роль в межличностном общении и, следовательно, заслуживает внимания исследователей» [Гузерчук 2013: 1], оно занимает особое место именно в педагогическом общении, поэтому, на наш взгляд, полноценное описание педагогического дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте невозможно представить без РА *ободрения*.

Использование ободрения в педагогическом дискурсе определяется рядом коммуникативных обстоятельств, к которым в первую очередь относится психологическое состояние адресата и влияние, оказываемое на него названным РА. Адресат (ученик) находится в угнетённом психоэмоциональном состоянии, испытывает трудности в определённой ситуации с предвидением своего следующего действия, с выбором того или иного способа действия. Адресант (педагог), определив подобное состояние адресата, использует речевой акт ободрения для нормализации его состояния, подсказывая адресату, какой выбор сделать, как действовать дальше. Не случайно, ряд исследователей характеризуют РА ободрения как вербальное выражение эмпатии, включают его в понятие «утешение» как один из способов психологической поддержки [Азнабаева 2005: 121-125; Кузнецова 2010: 361]. Приведем цитату из книги Ричарда ДеВоса: «На самом деле суть в том, что простая фраза ободрения может изменить чью-то жизнь. Вопрос состоит в том, какие фразы действительны? Какие высказывания оказали влияние на вашу жизнь? Что вы собираетесь предпринять: создать негативную или позитивную атмосферу для людей? Хотите ли вы унижить их или поддержать? Я решил быть человеком, несущим мир и радость, человеком-опорой. Такие простые, но обладающие огромной силой фразы, как: «Я горжусь тобой», «Ты нужен мне», «Я верю в тебя», «Я люблю тебя» – могут изменить мировоззрение человека в целом, и они должны быть вашими постоянными спутниками...» [ДеВос].

Психологическая цель ободрения – повышение эмоционального и психического тонуса собеседника – очень важна во взаимоотношениях учителя и ученика. Основным условием эффективности вербального ободрения выступает внимательное отношение учителя к адресату – ученику, стремление вселить в него надежду. В интенциональном плане ободрение может выступать как гомогенное явление и как гетерогенное, синкретичное явление, поскольку в нем совмещаются прагматические значения побудительного типа (директивы: совет, рекомендация) и положительной оценки, обещания помощи, внушения надежды (промиссивы).

Наиболее распространены в педагогическом дискурсе:

1) гомогенная модель ободрения:

а) РА директивного типа, которые имеют:

– прямой характер выражения: *Выше нос, Наташа* (разг.); *Ребята, верьте в себя* (разг.); *Take it easy* (разг.);

– косвенный характер выражения, в них побуждение-призыв выражается конструкциями (модальные слова со значением необходимости, долженствования) + (инфинитив): *Класс, надо взять себя в руки и продолжать дальше готовиться к экзамену* (разг.); *Егор, ты прежде всего должен собрать себя в кулак* (разг.);

б) РА со значением внушения надежды, уверенности: *Ты сможешь, Щербакова, я знаю, что ты сможешь* (разг.); *Ребята, да, контрольная сложная, но вы справитесь* (разг.); *У тебя на ЕНТ все получится, ты готова, еще потом радоваться будешь* (разг.); *Things will come right; Susan, let's hope for the best (давай надеяться на лучшее)* (разг.).

2) гетерогенная модель:

а) директивно-оценочная (совет + позитивная оценка):

Ты же у нас математический гений, так что давай успокойся, соберись с мыслями (разг.); I mean, it's the sort of thing that you can do better than any on ein the world (разг.); It's a wonderful project (разг.), I know that (разг.).

б) директивно-промиссивная (совет + обещание):

Соберись. Не получилось в этот раз – получится в следующий (разг.); Не переживай – все наладится (разг.); Don't worry, come tomorrow and I will explain you how to fixit (разг.).

В русском языке употребительны высказывания одобрения, в которых учитель использует форму совместной деятельности, объединяя себя с учеником в первом лице множественного числа будущего времени индикатива, что добавляет в высказывание имплицатуру «я помогу тебе», «мы справимся вместе»: *Давай соберемся, Артем, время еще есть, успеем (разг.); Давайте, ребята, забудем эту неприятность и заново начнем подготовку к тестам, чтобы показать, что мы не лыком шиты (разг.).*

Языковые средства выражения ободрения ситуативно обусловлены, чаще всего относятся к разговорному стилю. К типичным разговорным формулам ободрения в русскоязычном и англоязычном педагогическом дискурсе относятся выражения: *все наладится; выше нос; things will come right, take it easy* и др.

Директивный характер высказываний ободрения передается в глагольных формах повелительного наклонения в русском языке: *соберись, не переживай, успокойся, верь в себя*; в английском языке в форме Imperative Mood: *calm down (успокойся), cheer up (веселись/выше нос), don't worry (не беспокойся)* [Кузнецова 2010: 20].

Многие формулы ободрения носят фразеологический/идиоматический характер типа *держи нос выше, не падай духом, keep your chin up, calm down*. Они основаны на метафорическом сопоставлении психологического состояния человека с пространственными перемещениями по вертикали «вниз – вверх», свойственном русской и английской языковым картинам мира: положительные эмоции поднимают дух человека вверх (*возвышаться духом, воспрянуть душой, держать нос выше; ris ein spirit, soul rise, to cheer up*), негативные – опускают вниз (*падать духом, упало настроение; the mood has fallen, to calm down*). См. также другие идиомы, частотные в РА ободрения в русском и английском языках: *соберись с мыслями, возьми себя в руки, собери в кулак; collect the thoughts, collect the strength, get it together, collectin a fist*, которые основаны на ассоциациях негативного психологического состояния человека с чем-то распавшимся, рассыпавшимся, расклеившимся, с тем, что необходимо собрать в единое, склеить.

Одобрение не подвергается интенсификации речевого действия, как, например, похвала (очень/ не очень хвалить и т.п.). Но одобрение, в отличие от похвалы, можно квалифицировать с точки зрения полноты охвата объекта действия. Например, в русском и английском языке функционируют устойчивые сочетания *полностью одобрить (проект), неполностью/частично одобрить (проект), to approve completely, to approve short/partially*, передающие семантику полноты охвата объекта положительной оценкой. См. также невозможность сочетаний: **полностью/неполностью похвалить/хвалить*.

С точки зрения невербальных средств выражения РА ободрения относится к маркированным, он может сопровождаться и дополняться невербальными спо-

собами или полностью выражаться только ими. См., например: *ободряющая улыбка, ободряюще кивнул, ободряюще похлопал.*

В количественном отношении РА ободрения более частотны в русскоязычном педагогическом дискурсе, чем в англоязычном, почти в два раза: 67% (124 речевых акта) и 33% (62), что, возможно, объясняется большей эмоциональностью и экспрессивностью русского коммуникативного поведения.

Таким образом, использование речевого акта ободрения в педагогическом дискурсе регулируется определенными лингвоэкологическими требованиями, обеспечивающими его эффективность и значимость в институциональном дискурсе.

Литература

Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге. Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. 198 с.

Голубничая О.И. Семантико-функциональные особенности высказываний, направленных на поддержку адресата (на материале английского языка): дис. .... канд. филол. наук. К., 1994. 171 с.

Гузержук О.О. Обоснование классификации структурных и функционально-семантических признаков высказываний ободрения // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат-лам XXIX междунар. науч.-практ. конф. № 10 (29). Новосибирск: СибАК, 2013. URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxix/34519>. Дата обращения: 25.10.2016.

ДеВос Р. 10 убедительных фраз для позитивно настроенных людей. URL: <http://www.rulit.me/books/prosto-rich-uroki-zhizni-ot-odnogo-iz-osnovatelej-amway-read-401563-1.html>. Дата обращения: 25.10.2016.

Кузнецова А.А. Иллокутивные типы вербального проявления эмпатии (на материале франц.яз.) // Вестник Башкирского ун-та. 2010. Т.15. С. 360-363.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ФЕМИНАТИВНОСТИ: ИМЯ СОБСТВЕННОЕ – ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ

Ян Пейцзюнь
(г. Хайнань, Китай)

В статье рассматриваются словообразовательные способы выражения значения феминативности в русском языке; устанавливается, что в современном русском языке самым активным способом выражения словообразовательного значения феминативности является суффикс *-К*.

Ключевые слова: русский язык, признаковая семантика, способы выражения феминативности

В научной литературе собственное имя определяется как «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Лингвистический энциклопедический словарь 1900: 473]. Обращает на себя внимание и ставшее традиционным определение: «Имя собственное» – существительное, являющееся именем кого-либо, чего-либо, обозначением единичного пред-

мета или лица, часто без всякого отношения к его признакам: например: Петр, Москва» [Словарь русского языка 1988, Т. IV: 172].

В последнем определении указывается, что имя собственное служит для обозначения единичного предмета или лица, часто без всякого отношения к его признакам. В данном контексте обращают на себя внимание слово ЧАСТО и слово ПРИЗНАК (признакам).

А.Л. Шарандин при рассмотрении класса имен собственных подчеркивает их признаковую семантику. «Имена собственные в узком смысле слова не называют предметов, а определяют предмет, который назван существительным. В этом случае речь идет о таком явлении в русской грамматике, как приложение, которое стремится к уникальности» [Шарандин 2001: 121], т.е. к тому, чтобы по этому определению в сознании носителей русского языка возникал и сам субъект номинации.

Представление о ЖЕНЩИНЕ, которое в первую очередь объективируют собственные имена (антропонимы), репрезентируют различные лексемы, словосочетания пословицы и поговорки, фразеологизмы, прецедентные имена и тексты, т.е. единицы разных уровней. Эта множественность реализаций свидетельствует о том, насколько значим образ ЖЕНЩИНА для русской культуры.

Обратим внимание на название заглавия рассказа А.П. Чехова «*Душечка*», содержащий всего 12 страниц. Рассказ ярко отражает тональность отношения читателя и самого автора к героине рассказа – *Оленьке*. Заметим, что рассказ называется не по настоящему имени персонажа – Оленька, а «*Душечка*». Попробуем ответить, почему это так?

Наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *-К* и в имени Оленька и суффикса *-ЕЧК* в слове «*душечка*» невольно вызывает чувство умиления, чувство любования этой героиней, оставляющей о себе впечатление «любящей женщины» и до сих пор вызывающей взаимоисключающие суждения.

Так, Максим Горький считал *Душечку* безликой рабой своих «любовных» привязанностей, в то время как Л.Н. Толстой считал, что это воплощение истинного предназначения женщины. Русский писатель руководствовался своими взглядами на назначение женщины, он был очарован чеховской героиней потому, что видел в ней дар самоотвержения ради любви к ближнему (мужьям, а впоследствии к мальчику-гимназисту).

В современном русском языке самым активным способом выражения словообразовательного значения феминативности является суффикс *-К*. Этим суффиксом обозначают лиц женского пола. Например: *студентка, кандидатка, пианистка, конькобежка* и др. В подобного рода словах к значению мотивирующего существительного добавляется лишь некоторый дополнительный элемент смысла, который не меняет лексическое значение этого существительного [Русская грамматика 1980, Т I: 183, 265].

Для образования феминативов с суффиксом *-К* выступают как мотивированные, так и немотивированные имена нарицательные служащие для обозначения лиц мужского пола (ср.: абитуриент – *абитуриентка*, ветеран – *ветеранка*, пажон – *пажонка*, почтальон – *почтальонка*, юрист – *юристка*, акробат – *акробатистка* и др.).

Замечено нами, что феминативный суффикс *-К* часто служит средством стилистической окраски создаваемых с его помощью слов. Такие образования, как *интеллектуалка* и *филологичка*, возникшие на структурно-семантической базе стилистически нейтральных слов (*интеллектуал* и *филолог*), являют собой стилистически сниженные слова, созданные в целях речевой экспрессии и установки на разговорную тональность. Нередко встречаются и многочисленные ряды словообразовательных синонимов типа *шефня – шефша – шефка*, *учителка – учительница – учителяша – шофёрка – шофёрша – шоферица – шорфериха* и др.

Большинство новых феминативов на *-К* служит для женских наименований лиц, например, по национальности (*китайка, гвинейка, кампучийка, фиджийка* и др.), по профессиональному занятию (*радиожурналистка, кинематографистка, линотипистка* и др.), для наименования спортсменок типа *аквалангистка, гандболистка, культуристка*.

Однако в первую очередь мы оцениваем физический облик женщины. Её внешний вид с точки зрения восприятия красоты оценивается эмоционально: всматриваемся в её **лицо** (*красавица, красотка, прелесть, очарование, прекрасное создание, милашка* и т.п.), рассматриваем **части тела** (глаза, волосы, ноги, губы, руки, пальцы, ногти, ресницы, ноги и т.п.).

В зависимости от этого мы используем такие лексемы, как *баба, бабенка, бабеч, девица, девушка, девка, деваха, молодая женщина, молодуха, женщина, старуха*, и др.).

Примеры из художественной литературы дают нам традиционное представление о женщине в русской картине мира. Например:

Это была именно та красота, созерцание которой, бог весть откуда, вселяет в вас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармоничный аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту; вам кажется почему-то, что у идеально красивой женщины должен быть именно такой нос, как у Маши, прямой, с небольшой горбинкой, такие большие темные глаза, такие же длинные ресницы, такой же томный взгляд, что ее черные кудрявые волосы и брови так же идут к нежному, белому цветку лба и щек, как зеленый камыш к тихой речке; белая шея Маши и ее молодая грудь слабо развиты, но чтобы суметь изваять их, вам кажется, нужно обладать громадным творческим талантом.

Быть может, ему было грустно и не хотелось ходить от красавицы и весеннего вечера в душный вагон, или, быть может, ему, как и мне, было безотчетно жаль и красавицы, и себя, и меня, и всех пассажиров, которые вяло и нехотя брели к своим вагонам ...

А.П. Чехов «Красавицы»

Таким образом, примеры употребления имен нарицательных и названия произведения А.П. Чехова «Душечка» в значении «женщина» дают нам представление о роли женщины в русской картине мира, особо выделяя внешний вид и качества женского характера.

Литература

- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1900.
Словарь русского языка. Тт. I-IV. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. язык, 1985-1988.
Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология: учебное пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2001. 313 с.
Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Тт. I-II. Т. I. М., 1980.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В.Н. Левина, О.И. Пустовалова
(г. Тамбов, Россия)

Рассматривается проблема трансформации понятия «публицистический текст» под воздействием медийного пространства. Публицистический текст определяется как транслятор ценностей национальной культуры для современного читателя.

Ключевые слова: публицистический текст, национальная культура, медиатекст, медийное пространство

С каждым годом все больше возрастает интерес к феномену культуры. Современное общество стремится преобразить мир не только вокруг себя, но и внутри социума. Культура выступает как мощнейший инструмент воздействия на человека, как средство его самореализации. Национальная культура находит свое отражение в продуктах материального и духовного труда человека, результаты которого нередко отражены в текстах в широком смысле этого понятия.

Лингвистика также расширила понятие текста до понятия культуры, о чем свидетельствуют, например, исследования В.А. Масловой, рассматривающей тексты как «плоть и кровь культуры», «какместилище информации, которая должна быть извлечена, и как уникальное, порожденное своеобразием личности автора произведение, которое ценно само по себе» [Маслова 2001: 14].

На данном этапе своего развития текст является зеркалом общественного состояния, он показывает уровень развития и образованности общества, которое формирует определенные требования к содержанию текста на основе свойственных социуму культурных ценностей.

В связи с этим весьма перспективным видится изучение публицистических текстов, об этом свидетельствуют диссертационные исследования, тематика научных конференций, научные статьи и монографические работы (М.Н. Володин, Я.Н. Засурский, Л.П. Крысин, Г.Я. Солганик и др.). Так, по мнению Г.Я. Солганика, «публицистические тексты выдвигаются в настоящее время в центр стилистической системы литературного языка» [Клушина 2008: 7]. Вы-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых российских ученых – докторов наук (проект № МД-3375.2015.6, 2015-2016 гг.).

ступая как средство отражения картины мира, публицистический текст раскрывает современные тенденции развития культуры как отдельного человека, так и общества в целом.

Публицистический текст являет собой уникальное явление: с одной стороны, он является продуктом деятельности журналиста, результатом его миропознания и самопознания, с другой стороны, публицистический текст – это особый акт коммуникации между автором текста и аудиторией. Посредством текста автор делится с читателем информацией, полученной в результате его познавательной деятельности. Текст в таком случае выступает как результат познания окружающего мира.

Медиатекст, как правило, направлен не на конкретного человека, а на массовую аудиторию, он обращается к национальному сознанию определенной культуры. В связи с этим феномен «национального» следует рассматривать и в отношении публицистического текста. Так, например, в статье «Россия начинается с семьи» уже в заглавии имплицитно транслируется национальная черта русского человека. На протяжении текста всей статьи прослеживается ориентация на такие ценностные установки, как *семья, мать, дети* (05.10.2016 г. URL: <http://lgz.ru>).

Особенно часто публицистические тексты оперируют понятиями *Родина, Россия*, тем самым взывая к таким чувствам читателей, как патриотизм. Например, автор обращает внимание читателя на то, что учиться любви к Родине следует у М.Ю. Лермонтова (15.07.2015 г. URL: <http://lgz.ru>). Или в отношении других людей автор словами «человек счастлив, пока у него есть родина» подчеркивает мысль о значимости родины в судьбе человека (17.10.2012 г. URL: <http://lgz.ru>).

Лень, или «обломовщина», – еще одна национальная черта русского человека. Так, в статье «И это без революции?» автор выделяет эту характерную черту и отмечает: «Мешает нам наша обломовщина: мнится нам, что всё случится как-то само собой» (27.08.2014 г. URL: <http://lgz.ru>).

В статье «Мой герой, поэт и деспот» обращается внимание на характерное для русского человека чувство тоски. Автор статьи сознательно обращается к поэзии, чтобы усилить экспрессивность звучания мотива тоски и печали на протяжении всего текста статьи. В заключение автор отмечает, что даже «сейчас нашу душу щемит такая тоска по Родине» (28.10.2009 г. URL: <http://lgz.ru>).

В эпоху конвергенции текст выступает как точка пересечения исследовательского интереса многих наук, поэтому на данном этапе своего развития текст, в частности публицистический, является зеркалом общественного состояния, он показывает уровень развития и образованности современного общества, которое формирует определенные требования к содержанию текста на основе культурных ценностей, что позволяет говорить о том, что публицистический текст отражает национальную картину мира.

Литература

- Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

ИГРА – СРЕДСТВО КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.А. Баудер, А.В. Левина
(г. Мичуринск, Россия)

Автор статьи обращает внимание на роль и значение самодельной игрушки, которая выполняла не только игровую функцию, но и выступала как обрядовый атрибут; устанавливается, что самые первые куклы делались из золы.

Ключевые слова: игра, русская кукла, средство коммуникативной культуры, «экология культуры»

В число системообразующих компонентов психологии нации представители многих наук включают национальный характер, национальный темперамент, национальный склад ума, национальные чувства и настроения, национальные традиции и привычки. Понятие «национальный характер» вошло в оборот из обыденной жизни, повседневного языка и имеет собирательное, обобщающее значение. Общеизвестно, что люди, принадлежащие к разным народам и этническим группам, отличаются друг от друга своим поведением, культурой, нравами, обычаями. Как можно охарактеризовать русский национальный характер? Порывистый, горячий, добродушный, искренний, смелый, вспыльчивый. Результаты исследований отечественных и зарубежных психологов и этнологов подтверждают, что русскому человеку свойственны откровенность, щедрость, бесшабашность, всепрощение, непрактичность, доверчивость, миролюбие.

Черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национального характера, – это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Взаимопроникновение различных культур, определенная стандартизация образа жизни, прогрессирующая урбанизация вызывают у разных народов стремление самоутвердиться в своих специфических культурно-психологических ценностях. Культурное самоотождествление теснейшим образом связано с проявлением этнического самосознания народов, что отражается в быте народа, в его жизненных ориентациях, в неповторимом типе мировосприятия, в духовной культуре, играх.

Не случайно в наши дни особое значение и звучание приобрело понятие «экология культуры», которое обозначает и сбережение культурной среды, и активную действенную память о прошлом, и понимание несовместимости разрушения памятников и явлений культуры, и осознание страшной опасности забвения. Это понятие существенно необходимо для этики, для нравственной среды, в которой живет как отдельный человек, так и целый народ. Издавна любимой формой проведения досуга для людей всех возрастных групп была игра. Ученые считают, что игра – осознанная потребность человека [Забылин 1992: 1]. Одной из характерных черт обрядовых игр является пронизывающая их идея продолжения жизни, бессмертия человеческого рода, призыв к счастью, благополучию, долголетию, богатому урожаю, хорошему приплоду скота и т.д.

В сельской местности глагольная лексема «играть» повсеместна и до сих пор активна в употреблении среди других «обрядовых лексем»: «играть крести-

ны», «играть проводы», «играть песни», «играть похороны», «играть мотаню». Слово «играть» в тамбовских говорах чаще всего выступает в значении «веселиться», «шутить», «баловаться», «миловаться», «целоваться».

Чтобы сохранить и передать поколениям культурные и нравственные ценности нашего народа, нужно возвращать в нашу жизнь и в жизнь наших детей самодельную куклу. В последнее время народная кукла, как и народное творчество в целом, становится все более популярной. Русская кукла считается одним из самых загадочных символов России. Это не просто детская игрушка, это неотъемлемый атрибут древних обрядов, поскольку каждая кукла – это небольшой шедевр рукоделия, она несет в себе определенный образ, ориентирована на семейные ценности, подчеркивает роль мужчины и женщины в семье [Крысько 2004].

Словарь В.И. Даля утверждает, что игра – то, чем играют и во что играют; забава, установленная по правилам, и вещи для того служащие. Народные сборища, сходбища для забавы, увеселения, представления разного рода для потехи [Даль, 1992, II: 7]. В русском языке слово «кукла» имеет несколько значений: 1) детская игрушка в виде фигурки человека; 2) в театральном представлении фигура человека или животного, сделанная из разных материалов и управляемая актером (кукловодом); 3) фигура, воспроизводящая человека в полный рост.

Русское слово «кукла» родственно греческому «киклос» («круг») и означает нечто свернутое, например, деревяшку или пучок соломы, которые девочки издавна пеленали и завертывали, подчиняясь инстинкту материнства. Кукла, куколка, кукляшка, кукляшечка, кукленок, кукленочек – сделанное из трепья, кожи, битой бумаги, дерева подобие человека, а иногда и животного [Даль, 1992, II: 213]. Кукла как олицетворение божества использовалась в религиозных обрядах. В некоторых религиях кукла считаласьместилищем душ предков, ей давали имена. Обрядовых кукол почитали и ставили в избе, в красный угол. *Красный угол* в избе – передний, старший, где иконы и стол [Даль, 1992, II: 187].

Куклы имели ритуальное назначение. Лицо куклы, как правило, оставалось белым. Смысл этого намного глубже – кукла без лица считалась недоступной для вселения в нее злых сил. Старинные куклы, явно магического характера, выполняли роль оберегов от зла. Оберег – талисман, ладанка, привеска от сглазу, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и т.д. [Даль, 1992, II: 579].

Самые первые куклы делались из золы. Из очагов бралась зола, смешивалась с водой, потом скатывался шарик, к которому прикреплялась юбка. Такая кукла называлась Баба – женское божество. Баба – замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодой, молодичью или вдова [Даль, 1992, I: 32].

Для того чтобы в доме сытно и богато было, хозяйка дома делала куклу *Зерновушку* (*Крупеничку*). Зерновушка, зерно – крупинка, кроха, мелкая частица чего-либо или целое крошечных размеров, семечко растения [Даль, 1992, II: 681]. Ср.: [З'ирнавУшк'и кАжна хаз'Айка в дОм'и бл'улА] (Паршина В.В., 1938 г.р., Мичуринский р-н, Тамбовская обл., с. Крюковка).

Кукла *Купавка* – обрядовая кукла одного дня. «Купавка» олицетворяла собой начало купаний. [КупАфк'и крас'Ивыи д'Елал'и, ан'И б'идУ одган'Ал'и, гОр'ь] (Семина М.М., 1940, г.р., Мичуринский р-н, Тамбовская обл., с. Хмелевое).

Кукла *Кубышка-травница* наполнена душистой лекарственной травой. Кубышка-Травница следит за тем, чтобы болезнь не проникла в дом. [Травницу фе'Э б'ир'игл'И, анА спасАла ат л'ихОва глАза и хвОр'и] (Семина М.М., 1940 г.р., Мичуринский р-н, Тамбовская обл., с. Хмелевое).

В играх с куклами дети учатся общаться, фантазировать, творить, проявлять милосердие, тренируют память. Главное в этих играх – эмоциональный контакт с куклой. Мы склонны разделять рассуждения Л.А. Тульцевой о том, что «игре, как и обрядовому поведению, надо обучать...» [Тульцева, 1985: 170].

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1998.
Забылин М. Русский народ. М., 1992.
Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2004. 313с.
Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. 191 с.
Энциклопедия по истории. М., 2004.

ПЕРЕВОД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.Б. Патракеева, О.А. Патракеева
(г. Тамбов, Россия)

В центре внимания автора статьи оказывается перевод прецедентных феноменов, которые обладают маркированностью для представителей определенной лингвокультурной среды и способны выступать в качестве образца, эталона для многих других фактов, сходных по структуре; доказыва-ется, что переводчикам следует учитывать этот факт и использовать различные способы, чтобы точнее передать тему и идею произведения.

Ключевые слова: перевод текста, теория прецедентности, лингвокультурная среда

Теория прецедентности – это одно из самых развивающихся и перспективных направлений в современной лингвистической науке. Наиболее распространенными источниками прецедентности в наше время можно считать литературу, театр, кино, политику. Не остаются в стороне и такие сферы, как музыка, экономика, спорт, реклама и т.д.

Под прецедентными понимаются широко известные тексты художественной литературы или цитаты из них, мифы, предания, различные виды устного народного творчества (притчи, анекдоты, сказки, частушки, загадки и др.). Многие исследователи относят к прецедентным популярные кинофильмы, имена киногероев или их реплики, названия произведений искусства (скульптуры, картины), уникальные архитектурные памятники и т.п.

Прецедентные феномены можно считать одним из главных условий формирования культурно-языковой компетенции.

Впервые данная теория была предложена и научно обоснована Ю.Н. Карауловым. К числу прецедентных феноменов он относил готовые, интеллектуально-

эмоциональные блоки, которые весьма значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, они хорошо известны в обществе и постоянно используемые в коммуникации [Караулов 1987].

Особую группу прецедентов, которая определяется как прецедентные феномены, можно выделить внутри прецедентов в широком понимании. Это различные тексты, высказывания, имена и ситуации.

По мнению Д.Б. Гудкова, прецедентные феномены – это основные или ядерные элементы когнитивной базы, которая является совокупностью знаний и представлений всех говорящих на данном языке [Гудков 2003]. К числу прецедентных ученых относил следующие феномены:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»). Эти феномены имеют общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия.

2) актуальные в когнитивном, а именно познавательном и эмоциональном планах. За прецедентным феноменом, как правило, стоит представление о нем, которое является общим и обязательным для всех носителей определенного национально-культурного менталитета, делающий все обращения к прецедентному феномену понятными, коннотативно окрашенными.

3) широко повторяющиеся в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества. Собеседнику всегда понятна апелляция к ним без дополнительной расшифровки и комментариев, хотя она и не всегда бывает такой частотной.

Данные признаки являются общими, они объединяют все прецедентные феномены, которые могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыки т.д.). Среди вербальных прецедентных феноменов можно выделить собственно вербальные (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые, к которым относятся прецедентный текст и прецедентная ситуация [Гудков 2003].

Важно отметить, что в целом прецедентность является многоаспектным, очень сложным явлением, требующим углубленного изучения с разных точек зрения.

Существуют разнообразные способы перевода прецедентных имен, которые выбирают авторы переводов с учетом особенностей языка, культуры и традиций. Чтобы решить, какой способ перевода использовать в каждом конкретном случае, переводчику необходимо понять замысел автора оригинального текста посредством анализа тех дифференциальных признаков прецедентного имени, которые в нем актуализируются. Далее переводчик должен рассмотреть разные варианты перевода и выбрать вариант, наиболее полно отвечающий заданным требованиям, чтобы в конечном итоге переводной текст оказал воздействие на читателя.

В качестве примера можно привести следующие переводы:

В отрывке «Yet nowa little fearsome, if vain and contemptuous, for the situation was beginning to take on a gloomy look. But just the same when Johnny Martin, one of his companions and another aspirant for street corner and Lothario honors, remarked:

«I saw her here last night lookin' for you, Ed. Betterlookout...» [Dreiser 1960] прецедентное имя передано способом подбора аналога.

Прецедентному имени *Lothario* дается следующее определение в словаре: «(lothario):1) тот, чей главный интерес – соблазнение женщин; ловелас; 2) человек, который ведет себя эгоистично в отношениях с женщинами) [<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=lothario>].

Следовательно, в данном прецедентном имени актуализируются следующие признаки: *libertine, seducer, deceiver, ladies' man, lady-killer, skirtchaser* (развратник, обольститель, обманщик, ловелас, сердцеед, бабник).

В русском тексте данное имя переводится как *Дон Жуан*: При всем своем тщеславии и заносчивости он был немного испуган тем, что дело принимает неприятный оборот. Но все-таки, когда Джонни Мартин, его приятель, тоже претендент на славу местного Дона Жуана, заметил: «Я видел, она тебя тут вчера искала, Эд. Гляди в оба» (перевод: И. Стефен, В. Любимова). Следовательно, инвариант *Lothario* передается именем *Дон Жуан*, определяемое в словаре как «...один из «вечных образов» литературы Нового времени: ненасытный обольститель женщин, родом испанец. Его имя стало таким же нарицательным обозначением повесы и распутника, как имена Ловеласа и Казановы» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дон_Жуан].

В данном переводе в аналоге имени актуализируются такие признаки, как «неутомимый искатель любовных приключений», «покоритель женских сердец», «женолюбец», что обеспечивает его адекватность.

Рассмотрим пример перевода на русский язык: «Я его стянул у служанки из комнаты, – поведал Бык Маллиган. – Ей в самый раз такое. Тетушка ради Мэйлахи всегда нанимает неказистых. Не введи его во искушение. И зовут-то *Урсулой*» (перевод: С. Хоружий, В. Хинкис). В данном случае использовано прецедентное имя *Ursula*.

Используя данное прецедентное имя, имеющее религиозное происхождение, Джеймс Джойс отсылает читателя к известному литературно-историческому источнику. *Урсула* – это имя христианской святой, мученицы, героини легенды, широко распространенной в Средние века в западноевропейских странах. Она была предводительницей «похода 11 тысяч дев», проповедовавших безбрачие и девство [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1141082>].

Однако данное имя с яркой национальной окраской, переданное методом транслитерации, теряет в русском языке прецедентность для людей, не обладающих подобными знаниями, и переходит в разряд «семантически ненаполненных».

В предложении «Thinko fthegreat DiMaggio» упомянуто прецедентное имя *DiMaggio*. Согласно словарю, «Джо» ДиМаджо (25 ноября 1914, Мартинес, Калифорния – 8 марта 1999, Голливуд, Флорида) – американский бейсболист. Один из самых выдающихся игроков за всю историю бейсбола, был трехкратным обладателем награды «Самый полезный игрок» и 13 раз принимал участие в матчах всех звёзд (единственный бейсболист, игравший в матчах всех звёзд в каждом сезоне, в котором он участвовал). Был принят в Зал славы бейсбола в 1955 году [Dreiser 1960].

В русском тексте данное прецедентное имя имеет следующий вариант перевода: «Не бойся, сынок. Вспомни о великом ДиМаджо» (перевод: Е. Голышева

и Б. Изаков). У английских читателей оно, несомненно, актуализирует эмоциональные представления о человеке, присутствие которого гарантирует победу и вселяет уверенность. Однако это имя ничего не говорит представителям русского лингвокультурного сообщества. Англоязычное прецедентное имя имеет не прецедентный вариант перевода, поэтому не вызывает у русского читателя никаких ассоциаций.

Таким образом, за любым прецедентным феноменом стоит некоторый факт – то, что существовало или существует в действительности. Данный факт становится маркированным для представителей определенной лингвокультурной среды и выступает в качестве образца, эталона для многих других фактов, сходных по структуре. Авторы русских переводов используют различные способы, чтобы точнее передать тему и идею произведения.

Литература

Dreiser Th. Typhoon // Modern American Short Stories. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. P. 68-100.

Hemingway E. The old man and the sea. N.Y., Charles Scribner'S Sons, 1952.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: «Гнозис», 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Энциклопедии и Словари. Википедия. ДиМаджо. //ru.wikipedia.org/wiki/Ди_Маджо,
Джо

Энциклопедии и Словари. Википедия. Дон Жуан //ru.wikipedia.org/wiki/Дон_Жуан

Энциклопедии и Словари. Академик. Святая Урсула ://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/
1141082

Энциклопедии и Словари. Urban Dictionary. Lothario. //www.urbandictionary.com/define.php?term=lothario

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАССКАЗА Е.И. ЗАМЯТИНА «ЗЕМЛЕМЕР»

Т.В. Краснова
(г. Тамбов, Россия)

Автор статьи обращается к произведению Е.И. Замятина «Землемер» и анализирует совокупность событийных и эмоциональных особенностей повествования, рассматривает систему поэтических средств, способствующих реализации художественной идеи писателя.

Ключевые слова: Замятин Е.И., рассказ, «Землемер», сюжетная теория

Евгений Иванович Замятин (1884-1937), прозаик и драматург, публицист и литературный критик, теоретик и историк литературы, воспитатель литературной молодёжи, редактор и переводчик, литературно-общественный деятель вызывает неизменный интерес уже на протяжении целого столетия.

Особенное внимание Замятин уделял работе со словом, со структурой произведения. Он разработал оригинальную сюжетную теорию и воплощал свои теоретические выкладки в собственных произведениях. Замятинские сюжеты

можно классифицировать по разным признакам. Например, по характеру структурно-композиционного расположения сюжетных компонентов сюжеты Замятина делятся на *однолинейные* и *многолинейные*; последние, в свою очередь, имеют несколько разновидностей. Каждый из названных типов сюжета выполняет собственные функции в процессе реализации основного идейно-художественного замысла писателя.

Сюжет рассказа «Землемер» (1918) стоит в ряду многолинейных сюжетов с переплетающимися событийными рядами. Масштаб событий, составивших основу сюжетного действия, на первый взгляд, невелик: Е.И. Замятин показывает переломный момент в жизни Лизаветы Петровны. Обстоятельства вынуждают её покинуть собственное имение и искать приют в монастырских «номерах» в сопровождении землемера, имени которого, кстати, автор нам так и не открывает, но к которому она испытывает глубокие и нежные чувства. Предполагается, что и землемер равнодушен к помещице, однако он не спешит открыто говорить об этом. В финале рассказа Лизавета Петровна остаётся покинутой возлюбленным в одном из «номеров» после прихода няньки Авдеевны, сообщившей о полном разорении барского дома и усадьбы. Причиной столь бедственного положения барыни являются взбунтовавшиеся мужики, которые, хоть и относились к ней с уважением, не сумели вовремя остановиться и нарушили обещание не трогать хозяйский дом.

Видимо, в лице Лизаветы Петровны писатель изобразил большинство представителей помещичьей среды, оказавшихся в годы революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны в таком же незавидном положении: лишённые семьи, друзей, состояния, родового имения, а самое главное – без надежды обрести вновь всё утраченное.

Место действия в рассказе обозначено автором лишь контурно: «Угрюмо с вешками шли каликинские мужики... оглядывал – последний раз – жёлтые одонья хлеба, лиловые чаберные луга, ослепшую от зноя Мечь внизу – и всё складывал в заветную шкатулочку: «Увезти с собой в Москву» [Замятин 1990: 326]. Несмотря на присутствие в процитированном фрагменте имён собственных, это описание может быть справедливым практически для любой помещичьей усадьбы, располагавшейся в Центрально-Чернозёмной России. Подобный охват событий полностью соответствует определению «эпический».

Необходимо заметить, что в начале рассказа полностью отсутствует какое-либо вступление, автор моментально погружает читателя в действие произведения. Возникает впечатление, будто поднимается занавес и перед нами разыгрывается определённый акт одного из действий какого-то невероятного спектакля. Жизненный путь персонажей до начала описываемого момента, особенности характеров, становление взаимоотношений, дальнейшая судьба героев – всё это неведомо читателю-зрителю. Ретроспективность, равно как и мимолётный взгляд в будущее, чужды анализируемому сюжету.

При конструировании событий рассказа в единое, логически обусловленное целое, как и во всех ранее написанных произведениях Е.И. Замятина, значительную роль играет художественная деталь. Она появляется, например, при создании портретных характеристик персонажей. Описывая внешность безымянного землемера, автор неоднократно акцентирует внимание на его голове: «Большая,

прекрасная, с длинными чёрными волосами землемера голова нелепо болталась – чужая мушиным ножкам голова – с трудом нёс чужую голову» [Замятин 1990: 327]; «Твёрдо ступая ножками на французских каблуках, понёс землемер свою – чужую – голову» [Замятин 1990: 332].

Е.И. Замятин даёт понять, что перед нами персонаж, который едва ли станет жить и совершать поступки согласно собственным внутренним убеждениям или желаниям. Он всегда будет руководствоваться чем-то иным. Этот человек носит на плечах чужую голову, а значит, проживает не свою жизнь. Возможно, сцена прощания с Лизаветой Петровной является единственным эпизодом, когда он живёт настоящей жизнью и делает то, что действительно хочет делать. А может быть, и этот случай является частью его плана, составленного с целью очаровать провинциальную барышню и навсегда оставить её, позаботившись, чтобы память о нём надолго сохранилась в её сердце. Скорее всего, наиболее верным является именно последнее предположение. Об этом свидетельствует некоторая театральность поведения героя, пристальный взгляд, тихий голос и единственное слово, которое должно навеки остаться в памяти Лизаветы Петровны: «Смотрел землемер, не отрывался.

– Запомнишь, как мы в монастыре пили чай? – очень тихо сказал землемер. Как-то само сказалось: *запомнишь*, очень захотелось сказать так.

И сразу от *запомнишь* утихла Лизавета Петровна, как и не было смеха, сидела, покорно опустив голову... Было ещё девять, но знал землемер: поздно уже, всё уже решено... Долго, прощально, нежно целовал колени сквозь шёлк... Нагнулся землемер к Лизавете Петровне, к уху,дохнул: *запомнишь?* – и выше» [Замятин 1990: 336-337].

Очевидно, в данном контексте немаловажной деталью является вскользь обронённое замечание автора: «Курил землемер папиросу за папиросой» [Замятин 1990: 337], – которое всё же свидетельствует о душевных переживаниях этого персонажа.

Самой примечательной особенностью в облике Лизаветы Петровны автор делает не какую-либо портретную деталь, а её комнатную собачку Фунтика, с которой у землемера прочно ассоциируется образ помещицы:

«– Лизавета Петровна – что ж: никаких закононарушительных пороков за нею не знаем. Прогуливает себя с белой собачкой, только и делов... да-с...

Кипенно-белого Лизаветы Петровны фокса землемер тоже запер в шкатулочку и заковылял дальше» [Замятин 1990: 327].

Напрашивается параллель с чеховским образом дамы с собачкой – хрупкой и нежной. Отношение главного героя к питомцу барыни является ключом к разгадке его отношения к ней самой: «На дорожке увидел землемер белого Фунтика. Подозвал к себе – взял на руки. Но оглянулся назад на окна: в окне что-то белело. Скинул Фунтика с дорожки ногой – и пошёл прямо, к пустырю» [Замятин 1990: 329].

На наш взгляд, процитированный фрагмент рассказа является миниатюрной схемой отношений землемера и Лизаветы Петровны. С нежностью относясь к ней глубоко в душе, вдали от посторонних глаз, с появлением поблизости кого-либо из окружающих главный действующий персонаж мгновенно замыкается в себе, отрицает наличие каких бы то ни было тёплых чувств.

Примечательна следующая деталь: землемер уходит в сторону пустыря, в такое место, где нет ничего. Вместо человеческого общества, тёплых отношений, душевной доброты он выбирает одиночество. В замятинском рассказе комнатная собачка барышни, «чуть лепитой, хрустальной» [Замятин 1990: 328], олицетворяет уходящий в небытие образ жизни уездного помещичества, где есть место мечтательности, надежде и лёгкой грусти, где всё идёт своим чередом, по раз и навсегда заведённому порядку. Гибель его является гибелью всего прежнего уклада, причём не закономерной, а насильственной, страшной и нелепой. Это грубая перестройка жизни не отдельно взятого человека, а всего общества в целом, что является ещё одним аргументом в пользу эпичности рассматриваемого сюжета.

Своеобразными скрепами, соединяющими эпизоды в единое сюжетное пространство, являются временные характеристики произведения. Описанные события разворачиваются в преддверии Яблочного Спаса и непосредственно в день праздника: «Канун второго Спаса, бабы скребли пол, сажали пироги с яблоками в печь» [Замятин 1990: 330]; «обедня была праздничная, церковь битком набита. Вчера святили яблоки, ещё осталась на клиросе чья-то корзинка с янтарным аркадом: пахло яблоками, воском и новым, нестиранным ситцем» [Замятин 1990: 333].

Таким образом, тематика произведения в совокупности с особенностями событийным и эмоциональным параметрами повествования, а также с системой поэтических средств, призванных помочь автору в реализации его художественной идеи, позволяет сделать утверждение, что сюжет рассказа «Землемер» является собой типичный пример замятинского сюжета.

Литература

Замятин Е.И. Избранные произведения: Тт. I-II. Т. I. М., 1990.

ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОНЬ – ЛОШАДЬ

Ван Мэн
(г. Хайнянь, Китай)

Предложен анализ зооморфных образов на примере оппозиции *конь-лошадь*, автор убедительно доказывает, что подобные единицы способны воплощать не один какой-нибудь смысл, указанный в словарной статье, а целостный образ с присущими ему парадигматическими и синтагматическими связями.

Ключевые слова: зооморфные образы, оппозиция *конь-лошадь*, русский язык

В русском языке базовые наименования животных **КОНЬ** и **ЛОШАДЬ** слабо дифференцированы между собой по значению. Обращает на себя внимание тот факт, что Словарь С.И. Ожегова толкует лексему *конь* через синоним *лошадь*.

Согласно словарным дефинициям, «лошадь – крупное домашнее однокопытное животное» [Ожегов 1986: 284], «конь – лошадь (преимущественно о самце)» [Ожегов 1986: 232]. Иными словами, и *конь*, и *лошадь* – это крупное домашнее животное из семейства лошадиных, ходящее в упряжи или под седлом, используемое для перевозки людей, грузов и т.п.

Между тем, еще в древнерусских памятниках употребление слова КОНЬ было в значении «боевая верховая лошадь» [Одинцов 1980: 92, 102].

Судя по пословицам русского народа, тоже нельзя четко определить разницу в значении этих слов. Так, в одной и той же пословице говорится:

Сытая лошадь ест меньше. Конь тощий – хозяин скупой.

И лошадь кашляет. Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается [Даль, Т. II: 355-355]:

В русских пословицах В.И. Даля отмечается множество пословиц, в которых лошадь и конь воспринимаются как одно животное. Ср.:

Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу.

Сыть коню мешком (холь, гладь коня мешком), так не будешь ходить пешком.

Погоняй коня не кнутом, а овсецом.

В худого коня корм тратить, что в худую кадуюшку воду лить.

Настолько убил клячу, насколько и уехал.

Большая лошадь хозяину не ко двору: травы не достанет.

Сенным конем не ездить, соломенным волом не орать.

Узда наборная, лошадь задорная (о плохой лошади и сбруе).

Конь бежит, земля дрожит.

Различия между животными КОНЬ и ЛОШАДЬ касаются степени яркости разных потенциальных сем и сфер преимущественного употребления.

Значения наименований разновидностей этого животного различаются дополнительными оттенками в значении слова, указывающем на различные его признаки. Ср:

– **пол** – жеребец, мерин, кобыла, кобылиц. Ср.:

Ели жеребец по зорям много играет – волки съедят [Даль, Т. II: 356]:

– **порода** – рысак, арабский скакун, орловский рысак, русский рысак, английский скакун, тяжеловоз, донской скакун, дончак, битюк и др.; в этом случае отмечается факт вхождения многозначного слова одновременно в несколько лексических парадигм.

Калмыцкую лошадь один только калмык им переупрямит.

Кто донских лошадей объезжает, тот отца с матерью не почитает. [там же.]

– **масть** – буланый, бурый, бурка, вороной, воронко, гнедой, карий, каурый, каурка, пегий, рыжий, саврасый, сивый, сивка, соловый, чалый, чубарый; заметим, что это субстантивированные прилагательные и производные от них существительные. Ср.:

Савраска да каурка – на два веку.

Чалый с ленцой, да с тягою.

Вороной да серый мужику не ко двору.

Ему серая (пегая, саврасая) не ко двору приходится.

– **назначение** – по профилю использования выделяются: *верховая, скаковая, упряжная, беговая, ломовая, пахотная, выездная*, среди которых отмечается:

а) использование для перевозки тяжестей, предполагающее особую физическую выносливость, ср.: *двужильная лошадь и двужильный конь, ломовой конь и ломовая лошадь* (тяжеловоз);

б) использование в качестве транспорта, предполагающее высокие скоростные качества – *скакун, рысак*.

– **физиологические особенности**, связанные с предназначением лошади: *мерин* (кастрированный жеребец), среди этих особенностей выделяются:

а) особый способ хода или бега: *иноходец* (иноходь – «способ бега, при котором лошадь попеременно выносит и опускает то обе правые, то обе левые ноги»);

– **возраст** – *жеребёнок, стригун/стригунок* (годовалый жеребёнок, которому обычно подстригают гриву), *третьяк* (животное на третьем году жизни);

– **плохое физическое состояние** – *кляча* (заморенная лошадь, старая лошадь), *буцефал* (плохая лошадь), *росинант* (исхудавшая, изнуренная лошадь);

– **размер** – *пони, жеребёнок, стригун, аргамак* (порода рослых туркменских скаковых лошадей), *арабская лошадь* (отличающаяся небольшим ростом), *першеронская лошадь* (крупная лошадь-тяжеловоз).

В произведениях многих писателей отмечаются названия и клички лошадей и коней, скажем, известных исторических деятелей и литературных персонажей, мифологических существ (в том числе ставшие нарицательными).

Например: лексема ПЕГАС (сказочный крылатый конь у древних греков, символизирующий поэтическое творчество, вдохновение), БУЦЕФАЛ (неукротимый конь, по преданию, усмирённый Александром Македонским), РОСИНАНТ (конь Доне Кихота), ХОЛСТОМСЕР (персонаж произведения Л.Н. Толстого), КЕНТАВР (согласно греческой мифологии, это существо с конским туловищем и человеческой головой, грудью).

Рассматривая тюркское мировоззрение, ученые подчеркивают: «Неразрывность единого существа – человекоконя – проявляется с древних эпических сказаний от том, что батыр часто получает имя по своему коню, например в «Манасе» [Сабитова 2007: 183].

В традициях Древней Руси *конь* был символом воинской чести и доблести. Русские былинные богатыри изображались как всадники. Известен памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому, скачущему на могучем коне.

Таким образом, среди наименований животных *лошадь* и *конь* в русском языке чаще употребляются лексические единицы: *конь, кобыла, кляча, жеребец, мерин, скакун*. Подобного рода единицы способны воплощать не один какой-нибудь смысл, указанный в словарной статье, а целостный образ с присущими ему парадигматическими и синтагматическими связями между словами.

Наиболее отчетливо в значении анализируемых лексем отражается глагольный признак, на что указывает целый ряд фразеологических сочетаний типа «Ржать как сивый мерин» (громкий смех человека), «Встать на дыбы», «Закусить удила» и др.

Заметим, что в настоящее время в русском языке лексемы *лошадь* и *конь* в большей степени актуализирует зрительные и иные впечатления о человеке

(старая лошадь, старая кляча, рабочая лошадь, глуп как сивый мерин, бред сивой кобылы, лошадиная доза и ряд др.)

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа. Тт. I-II. М.: Художественная литература, 1984.

Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980. 223 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Сабитова З.К. Прошлое и настоящее. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы: Қазақ университеті, 2007 320 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.Н. Левина, Дай Хуань

(г. Тамбов, Россия, Хайнань, Китай)

В статье рассматриваются потенциал художественного текста как поля для межкультурного взаимодействия; обращается внимание на роль художественных текстов в обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: художественный текст, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный

Художественный текст в настоящее время является языковым социокультурным динамически развивающимся явлением. Именно в нем отражены особенности национального мировидения, мировосприятия как отдельного автора, так и целого этноса, «именно они [тексты] напрямую связаны с культурой, хранят информацию об истории, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всех составляющих культуры» [Бобкова 2009: 471]. Поэтому при изучении иностранного языка художественный текст становится бесценным культурологическим материалом для изучения всей национальной палитры языковой культуры, так как «текст – объект реального мира и в то же время – художественно освоенное и эстетически переосмысленное отражение мира реальности. Эта особенность художественных произведений диктует необходимость при их анализе учитывать и экстралингвистические параметры текста» [Бобкова 2009: 472]. «Перед иноязычным читателем, носителем другой культуры, встает целый ряд проблем: лакуны фоновых знаний, разница в менталитете, различные картины мира, отдаленность текста по времени и др.», которые можно решать в процессе анализа художественных текстов [Лесохина 2015: 176].

В Китайской народной республике распространенным явлением стало использование на занятиях по русскому языку как иностранному текстов русских писателей и поэтов: А.П. Чехова, А.С. Пушкина. Н.В. Гоголя и др. В работе с магистрантами (вторая ступень высшего образования) в российском вузе, на наш взгляд, целесообразно не отказываться от такой практики. Например, на занятиях по дисциплине «Лингвистика текста и межкультурная коммуникация»

такой опыт будет способствовать продуктивности обучения, так как «тексты художественных произведений содержат ценную лингвокультурологическую информацию и наиболее точно отражают концептуальную картину мира того лингвокультурного сообщества, которое их создало» [Лесохина, Мирошниченко 2015: 177].

Так, в частности, на занятиях с магистрантами 1 курса были использованы стихи об осени А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина, которые позволили показать специфику поэтического текста, отработать понятия *тема текста* и *основная мысль текста*, определить значение незнакомых слов, которые связаны с межкультурной спецификой текста, а также объяснить значение этого времени года в русской культуре («Унылая пора! Очей очарованье...» А.С. Пушкин).

В качестве учебного материала, на наш взгляд, можно использовать ранние рассказы А.П. Чехова. Во-первых, это знакомый многим обучающимся из КНР писатель; во-вторых, стиль изложения, его краткость и ясность позволяют лучше понять содержание иноязычным читателем. Например, рассказ «Толстый и тонкий», использованный на занятии, позволил познакомиться с реалиями России XIX в.: имя героя Порфирий, чины, звания и др. признаками той эпохи.

Кроме того, художественный текст позволяет преподавателю апеллировать к ассоциативному образному восприятию тех или иных явлений действительности иностранными студентами, так как «коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом. Однако общности знаков оказывается недостаточно для адекватной коммуникации, необходима общность значений ассоциаций и коннотаций этих знаков, детерминируемая внекодовыми знаниями коммуникантов» [Гудков 1997: 117].

Продуктивными приемами работы при обучении русскому языку иностранных учащихся могут стать «приемы, способствующие усвоению ЛКИ (лингвокультурной информации) иноязычных художественных текстов, – это приемы семантизации лексики с культурным компонентом семантики (ККС), приемы, направленные на овладение ЛКИ прецедентных текстов, приемы, направленные на выявление стереотипных представлений и преодоление культурной чуждости [Лесохина, Мирошниченко 2015:177].

Комплексная работа с художественным текстом позволяет проводить межпредметные параллели. Текст является хорошей базой для усвоения лингвистических понятий, единицей, которая интегрирует значение всех языковых единиц [Евтушенко 2015].

Таким образом, художественный текст играет важную роль в межкультурной коммуникации. Он является средством обучения, так как в ходе его лингвистического анализа совершенствуются коммуникативные и лингвистические навыки.

Вместе с тем, такой текст становится определителем уровня владения русским языком, особенно если в ходе работы используются неадаптированные тексты. Кроме того, это очень серьезная мотивация к изучению русского языка, так как, как показывает практика преподавания, например, студенты из КНР, стремятся читать произведения русских авторов в оригинале.

Литература

Бобкова Т.А. Художественное произведение в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 471-475.

Гудков Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 114-127.

Евтушенко С.Я. Текст как объект изучения (в аспекте русского языка как иностранного) // Молодой ученый. 2015. № 16. С. 478-481.

Лесохина А.М., Мирошниченко С.А. Методические приемы при обучении чтению иноязычных художественных текстов в контексте диалога культур // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 176-182.

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ЛАКУНЫ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ ИДИОМ

Ду Чуньян
(г. Хайнань, Китай)

В статье анализируются фразеологические единицы русского языка, в которых фиксируется указание на этнографические реалии, исторические элементы, ритуалы.

Ключевые слова: лингвоэкология, фразеологизмы, русский язык, безэквивалентная лексика

На сегодня наука, изучающая вместе язык, культуру, историю, нравы и обычаи, фольклор, художественную литературу и быт народа во многом определяется как лингвоэкологическое направление.

В этом плане особый интерес представляют фразеологические единицы русского языка, поскольку компоненты, закрепленные во фразеологических единицах, содержат указание на этнографические реалии, исторические элементы, ритуалы.

– ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ: *лапоть* (известная обувь времён старой Руси, которая плелась из лыка, охватывала только стопу) в идиоме «Лаптем щи хлебать», «Плести лапти» [Фразеологический словарь русского языка 1978: 221]; *самовар* – «В Тулу со своим самоваром не ездят»; *изба* – «Не красна изба углами, красна пирогами»; *аршин* (мера дины, равная 6 вершкам, около 71 сантиметра), например:

Всяк на свой *аршин* меряет.

На свой *аршин* не меряй.

Сидит как *аршин* проглотил.

Аршин да кафтан да два на заплаты.

Старичок с кувшин, борода с *аршин*.

Многочисленны поговорки и пословицы про *лапоть*. В качестве примера приведем некоторые из них:

Дом вести – не *лапти* плести.

Не учась и *лаптя* не сплетешь.

Променял сапоги на лапти.
Босой *лаптей* не износит.
Без настроения и *лаптей* не сплетишь.
Нет у попа сапог, служит и в *лаптях*.
Обул корову в *лапти*.
Обули молодца из сапог в *лапти*.
Одна нога в *лапте*, другая в сапоге.
Не слуга в *лаптях*: купи сапоги!

– ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ: например, *ижица*. Идиома «Прописать ижицу» означает «проучить», наказать». Ижица, как известно, – это название последней 43 буквы церковно-славянской азбуки. По своей форме буква напоминала римскую цифру «пять». Прописать – это значит тщательно выписать. Некогда в российских школах учеников пороли так, что на теле ребёнка оставались следы, которые были похожи на ижицу, что и послужило основанием для образования фразеологической единицы.

– РИТУАЛЫ: среди русских идиом обращает на себя внимание фразеологизм «Выносить сор из избы», что означает «разглашать сведения, касающиеся только близких людей». Между тем, нужно скрывать от посторонних лиц то, что происходит в семье, родном доме, потому что «чужие» люди могут навести порчу. И как оберег возникли фразеологизмы «Не выносить сор из избы, а сжигать в печи» или «Ссору из избы не выноси, а в печи топи».

Сочетание «Хлеб-соль» означает «каравай хлеба и солонка с солью», т.е. «преподнести хлеб-соль» – это значит «оказать почести при встрече гостей».

В одной из учебных аудиторий факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина организована постоянная выставка «Почему мы так говорим?».

На фоне выставки представлены предметы домашнего обихода тамбовских деревенских жителей, имеющие диалектные названия. Например, *махотка* (крынка, кувшин), *рубель* (предмет, при помощи которого гладили, прообраз современного утюга), *утирка* (полотенце), *кочет* (петух). Диалектное слово несёт в себе богатую информацию о традициях жителей, о том, как они ориентировались в повседневной жизни с помощью этих слов. Многие слова передают сюжеты из жизни.

Вот о чем может рассказать тамбовский фразеологизм «*Выйти замуж по важе / жениться по важе*», который не отмечен ни одним лингвистическим словарём.

Это словосочетание употребляется тогда, когда речь идет о замужестве или женитьбе, и содержит в себе смысл подготовительного этапа свадебного действия. Наречие *по важе* восходит к существительному *вага*, одним из значений которого является понятие ВЕС. Устойчивое выражение «*Выйти замуж по важе / жениться по важе*» следует понимать так: надо «взвешивать жениха и невесту», чтобы они подходили друг другу. Сами же носители языка говорят: «выйти замуж по важе» означает «выйти замуж по породе», т.е. «взвешивая» породу. Следовательно, если жених крепок здоровьем, добротный, то и невеста должны быть здоровая, умелая, способная хорошо и добротнo вести хозяйство. Если же невеста была «квёлая» (здоровьем слабая), то и жених должен быть ей под стать, что-

бы «породу не попортить». Таким образом, народная мудрость гласит, нужно *важить* жениха и невестку (взвешивать), и каждому их них «быть взвешиваемому».

При изучении русских фразеологических единиц необходимо уметь интерпретировать внутреннюю форму единицы, которая нацеливает на понимание русского народного менталитета и национального пространства русского языкового сообщества [Зимин 2006: 133-140].

Обращают на себя внимание фразеологические единицы, в которых теряется безэквивалентная лексика, например: «С суконным рылом да в калашный ряд». В этом случае надо было бы так: «..... с посконным рылом ...» [Вартаньян 2009: 184]. Посконь – это домотканая ткань из конопляного волокна, она гораздо дешевле сукна. Этот фразеологизм употребляется в значении «не по чину, не по праву и достоинству равнять себя с людьми высокопоставленными».

Таким образом, главным для выяснения содержания любой фразеологической единицы является осмысление внутренней формы уникальных, редкостных слов, уходящих постепенно из употребления, которые являют собой образ мыслей носителей языка, образ их жизни и отражают этничность в семантике слова.

Литература

- Вартаньян Э.А.* Из жизни слов. М.: Детская литература, 2009.
Зимин Валентин Культурная коннотация фразеологизмов русского языка // *Studia Rossica Posnaniensia. Poznań*, 2006.
Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МИНИАТЮРЫ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ – АВТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ». К ПРОБЛЕМЕ ТОЖДЕСТВА ИЛЛЮСТРАТОРА РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ, АВТОРА «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО» И СОЗДАТЕЛЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Россия)

В статье предпринята попытка установить, что на нескольких миниатюрах Радзивилловской летописи мы можем увидеть автопортретный образ самого автора «Слова о полку Игореве», изучить, насколько словесные картины повествования о походе Игоря Святославича на половцев летом 1185 года соотносятся с художественным и предметным миром миниатюр Радзивилловской летописи.

Ключевые слова: Радзивилловская летопись, автор «Слова о полку Игореве», «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»

Проблема установления автора «Слова о полку Игореве» до недавнего времени выглядела неразрешимой. Многие десятки предположений представляют себе чисто гипотетическую связь того или иного имени, известного из «Слова» или какого-либо из современных ему памятников последней трети XII века с текстом этого произведения.

При этом профессия автора определяется предположительно и находится в диапазоне от воина-дружинника или князя – даже самого Игоря Святославича до политического деятеля ранга тысяцкого, на чем настаивал Б.А. Рыбаков, написавший несколько работ о Петре Бориславиче как авторе «Слова» [Рыбаков 1972, 1991].

Практически во всех таких гипотезах остается непонятной и не поддается обоснованию отношение предполагаемого автора к литературному творчеству, возможность атрибуции тому или иному автору еще каких-либо текстов, с другой стороны, лингвисты, изучавшие язык «Слова», прежде всего С.П. Обнорский и А.А. Зализняк, при всей тщательности анализа фактов не предпринимали попыток соотнести особенности языка «Слова» с языком каких-либо других памятников, соотносимых с ним по времени создания.

Автор настоящей работы еще в конце 1980-х годов на основе наблюдений над сходствами лексики «Слова о полку Игореве» и словарного состава переводных произведений, находившихся в одном сборнике со «Словом», известным в литературе как Мусин-Пушкинский сборник, высказал предположение,

что «Слово» и переводы «Сказания об Индийском царстве», «Повести об Акире премудром» и «Девгениева деяния» – это результат работы одного и того же автора.

Недавно, при возможности составления словарей к изучаемым текстам при помощи компьютера, мы получили возможность подтвердить данное предположение, существенно увеличив число наблюдаемых лексических сходств и указав на редкие слова, общие для рассматриваемых произведений [Бурыкин 2015].

Продолжение исследования в направлении поисков текстов второй половины XII века со сходным лексиконом дало неожиданный результат: единственным литературным памятником, язык которого обнаружил черты сходства со «Словом» и переводными повестями Мусин-Пушкинского сборника, оказалась летописная «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» [Бурыкин 2016].

Автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского» известен с достаточной надежностью – это Кузьмище Киянин, приглашенный Андреем во Владимир и в Боголюбово [Рыбаков 1972, 83, 87, 88, 89, 113, 124 и сл.]. Определена и его профессия – это архитектор и золотых дел мастер (специалист по внутренней отделке храмов) [Рыбаков 1972, 90, 91-95, 98-100]. Оказавшись свидетелем убийства князя 29 июня 1174 г., он описал эти драматические события в своей Повести, включенной в летописный свод. Это заставило признать киевского зодчего Кузьмища Киянина также и создателем «Слова о полку Игореве» и переводчиком трех повестей, оказавших влияние на развитие древнерусской литературы XII-XIII веков (на основании анализа лексики с должной надежностью определено, что никакой другой из известных памятников второй половины XII века – ни «Слова о князьях», ни «Сказание о князьях Владимирских», ни обе летописные повести о походе Игоря на половцев 1185 года (по Ипатьевской и по Лаврентьевской летописям) не имеют отношения к выявленному нами кругу текстов. Это существенно для того, чтобы понять следующее: автор миниатюр иллюстрировал текст летописной повести, однако его объем знаний о событиях оказался несколько больше информации, содержащейся в летописной повести, а в образах и эмоциональной оценке миниатюр РЛ отразилось и его собственное сочинение на ту же тему – «Слово о полку Игореве»).

Б.А. Рыбаков отметил, что летописные фрагменты, которые предположительно написаны Кузьмищем, имеют иллюстрации в Радзивилловской летописи [Рыбаков 1972, 125-126] (новейшее издание Радзивилловской летописи [Радзивилловская летопись 1994] доступно в электронной форме в виде отдельных частей на сайте <http://www.runivers.ru/lib/book19625/580522/>. Описание миниатюр памятника там же: http://www.runivers.ru/doc/rusland/letopisi/?SECTION_ID=19639

Странно, что этого не высказал цитируемый автор – судя по всему, именно Кузьмище является и автором миниатюр, повествующих об убийстве Андрея Боголюбского заговорщиками: как считается, миниатюры даже точнее передают обстоятельства гибели князя: обследование его останков подтвердило, что у князя была отрублена левая рука, в то время как в тексте речь идет о «деснице» – правой руке (см. [Рыбаков 1972, 127, илл. на с.101]. Вероятно, в тексте повести противопоставление правая рука – левая рука словесно выражено не по характеристике тела князя, а по тому, как это видит наблюдатель: левая рука князя находится справа от точки взгляда, и поэтому именуется десницей).

События в Боголюбове и Владимире, связанные с гибелью Андрея Боголюбского, стали темой шести миниатюр в летописи (с. 438-441, илл. 541-546) – на такое количество стоило обратить внимание, хотя Б.А. Рыбаков склонен атрибутировать их какому-то иному автору, нежели другие рисунки летописи [Рыбаков 1972: 127]. Впрочем, единство исполнения миниатюр протографа РЛ в XII веке сильно пострадало при его копировании и создании собственно Радзивилловской летописи в XV веке.

Б.А. Рыбаков, давший фундаментальный портрет Кузьмища Киянина как архитектора и летописца, но отвергнувший его кандидатуру на авторство «Слова» по политическим мотивам: зодчий-де не мог на равных разговаривать с князьями [Рыбаков 1972: 500], полагал, что Кузьмище был приглашен для составления отдельных статей Киевского летописного свода, вошедшего в Ипатьевскую летопись.

Принимая во внимание детали миниатюр, мы склонны думать, что главная задача Кузьмища-зодчего заключалась не в работе над текстом летописи, а в иллюстрировании летописного свода начала XIII века – протографа Радзивилловской летописи. Однако мы пока не видим возможности продолжить наблюдения Б.А. Рыбакова и более авторитетно атрибутировать Кузьмищу с большей или меньшей надежностью какие-либо фрагменты Киевского летописания второй половины, точнее – последней трети или последней четверти XII века.

Наша задача в данной работе – изучить, насколько словесные картины повествования о походе Игоря Святославича на половцев летом 1185 года соотносятся с художественным и предметным миром миниатюр Радзивилловской летописи.

Исследователи считают, что Радзивилловская летопись, переписанная в XV веке с более раннего оригинала, воспроизводит ее протограф начала XIII века или даже конца XII века [Радзивилловская летопись 1902, 116], иллюстрации которого происходили «от одной руки» [Радзивилловская летопись 1902, 115]. Мы разделяем это утверждение, и полагаем, что зодчий Кузьмище Киянин был автором большей части, если не всех миниатюр протографа Радзивилловской летописи.

Начнем наше изложение с того, что эпизоды событий 1185 года, отраженных в «Слове», представлены в восьми миниатюрах (С. 474-478, Илл. С. 583-590), и это составляет наибольшее число миниатюр на одно событие, по крайней мере в пределах последней трети XII века – в период жизни создателей протографа Радзивилловской летописи. Как и шесть миниатюр, показывающих эпизоды гибели Андрея Боголюбского, данное число иллюстраций свидетельствует об особом внимании иллюстратора к изображаемым событиям.

Миниатюры к летописной статье о походе Игоря Святославича 1185 года показывают нам только то, о чем повествует летописная статья, и даже менее того – эпизоды сражений с половцами (4 рисунка, илл. 583-586), съезд князей у Святослава (илл. 587), нападение половцев на Переяславль (илл. 588-589), бегство Игоря из плена (илл. 590). Это понятно, автор миниатюр иллюстрировал летописный текст и не уклонялся от него, даже если и имел какие-то дополнительные сведения.

Принципиальный вопрос при рассмотрении проблемы авторства и личности автора «Слова» – это его исторический и политический кругозор. Д.С. Лихачев, детально изучивший фрагменты «Слова о полку Игореве», пришел к выводу, что основным источником сведений по истории Руси X – начала XII века была «По-

весть временных лет». Мы попытаемся рассмотреть, как именно события ранней истории Киевской Руси, отраженные в «Слове», были зафиксированы в миниатюрах РЛ.

«Старый Ярослав», «давный великий Ярослав», о ком сказано, что Всеслав «расшибе славу Ярославу» – Ярослав Мудрый (ок. 978-1054) и его деяния, чаще всего походы и победы, представлены в РЛ не менее чем в 27 миниатюрах (илл. 156, 164, 165, 170-178, 180, 181, 185-191, 194-197, 203-204), в то время как в «Слове» он упомянут всего трижды и в таких контекстах, что непонятно, о ком идет речь. Видимо, для автора «Слова» времена Ярослава были глубокой стариной.

Победа князя Мстислава Владимировича в единоборстве с касожским князем Редедей (1022 г.) отражена в трех миниатюрах РЛ (илл. 182-184), последняя миниатюра связана с построением церкви Богородицы, а строительные сюжеты вне всего остального вызывают ассоциации с зодчим Кузьмищем Киянином.

Три миниатюры РЛ (илл. 264-266) показывают события битвы на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. («*Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе и на Канину зелену напоному (ему) постла*», «*Съ тоя же Каялы Святополкъ полелѣя отца своего межю угорьскыми иноходьцы*»). При этом на одной из них (илл. 265) изображена гибель Изяслава, на другой (илл. 264) пораженный воин в дружине в правой стороне рисунка может быть Борисом Вячеславичем. На третьем рисунке (илл. 266) представлен эпизод доставления гроба с погибшим Изяславом Ярославичем в ладье к городцу и встреча его киевлянами. Этот эпизод в «Слове» подан иначе, погибшего князя везут «межю угорьскыми иноходьцы»; по видимому, разные источники отражают разные этапы транспортировки тела погибшего князя.

Четыре миниатюры (илл. 264, 265, 284-285) связаны с походами Олега Святославича (Гориславича: (ок. 1053 – 1 августа 1115: «*Тъ бо Олегъ мечемь крاملу коваше и стрѣлы по земли съяше*»), две из них – уже отмеченные иллюстрации к битве на Нежатиной Ниве, две другие показывают поход 1094 г. на Чернигов, где княжил Владимир Всеволодович (Мономах): «*А сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чърниговѣ*»); с 1097 по 1115 г. Олег княжил в Новгороде-Северском.

Одна миниатюра (илл. 352) изображает поход Ярослава Волынского на ятвягов, упомянутых в «Слове» среди побежденных народов.

Из событий конца XI века привлекает к себе внимание стычка отрядов Владимира Володаревича Галицкого и Изяслава Мстиславича Киевского при реке Стугне 26 мая 1093 г. (илл. 459) – это то сражение, в котором погиб (утонул) юный Ростислав Всеволодович (– 1093), князь переяславский: «*рѣка Стугна, худу струю имѣя, ... уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ*».

На этой миниатюре, как на всех батальных сценах РЛ, отсутствует пейзаж, но она является примером, где «розно ся имѣ хоботы пашнотѣ», что в иллюстрациях показывает междоусобный конфликт между князьями.

Нельзя оставить без внимания миниатюру РЛ с закладкой церкви Богородицы Пирогощей (илл. 382), построенной в 1132-1136 гг., церкви, которая служит пространственным и событийным ориентиром в «Слове» – «*Игорь ѿдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи*».

Общая для рисунков РЛ и «Слова» тема – история Всеслава Брячиславича Полоцкого (ум. 1101). Она, конечно, должна быть отмечена как предмет особого внимания автора «Слова» и как объект иллюстраций летописи, несмотря на то, что между рассказом «Слова» и текстом и миниатюрами РЛ есть существенные фактологические и хронологические расхождения.

Двенадцать иллюстраций РЛ отражают драматическую биографию Всеслава Брячиславича в линейной последовательности с достаточной полнотой, без нарушений хронологии, хотя и с перерывами, когда миниатюры отражают какие-то другие события. Рассказ о Всеславе в «Слове» имеет иную структуру – он начинается с вокняжения в Киеве, за ним следует бегство из Белгорода от своих сторонников, и лишь после этого перечисляются более ранние события – взятие Новгорода и битва на Немиге.

Элиминация из повествования о Всеславе рассказа о его вероломном пленении и заточении в поруб в контексте «Слова» в конце концов оказывается понятной – автор, рассказывая о князе, попавшем в руки врагов, явно не желал вольно или невольно показывать читателям драматическую судьбу одного из своих героев и наводить их на ассоциации в судьбе двух князей.

В «Слове о полку Игореве» ориентиром для повествователя служат православные храмы – София Киевская, церковь Богородицы Пирогощей, София Полоцкая. На миниатюрах РЛ мы находим более 20 изображений храмов, в том числе основание Церкви Богородицы Пирогощей (илл. 382).

Более того, как писал Н.П. Кондаков, «Радзивилловский список обнаруживает замечательную близость изображенных церквей к суздальской архитектуре» [Радзивилловская летопись 1902: 122].

Наше внимание привлекают три миниатюры со строительными сюжетами – это строительство печерской церкви (илл. 247). Строительство каменного храма Спаса в Переяславле Залесском по повелению Андрея Боголюбского, (илл. 508), и Строительство Успенского собора во Владимире, сооружаемого по повелению Андрея Боголюбского (илл. 516) – событие, относящееся к 1158-1160 гг.

Отметим, что на илл. 508 вместе с двумя каменотесами художник изобразил еще три фигуры, вероятно, это сам князь, архитектор и кто-то из надзиравших за постройкой. На илл. 516 изображены три каменотеса с топориками около выстраиваемой стены, и человек, сидящий слева и дающий указания строителям (характерный жест рукой) – очевидно, архитектор. В таком случае, как бы это ни было неожиданным, в этом изображении мы можем видеть автопортрет Кузьмища Киянина – зодчего, внесшего огромный вклад в строительство храмов при Андрее Боголюбском, ставшего свидетелем убиения Андрея Боголюбского и позднее описавшего в прозе гибель князя от рук заговорщиков.

В связи со сказанным хочется также обратить внимание на илл. 544 Радзивилловской летописи, изображающую отпевание Андрея Боголюбского, которое было совершено игуменом церкви «святую Кузмы и Демьяна» Арсением. На этом рисунке в головах убитого князя стоит игумен Арсений, рядом поп с кадиллом, в некотором отдалении рядом с ними – человек с книгой за поясом. Похоже, что это еще один автопортрет Кузьмища, содержащий указание на себя самого уже как на автора книжного повествования об изображаемых событиях. Любопытно тут и совпадение имени повествователя – Кузьмище – с именем одного из

тех святых, в почитание которых был построен храм, где в конце концов отпели убитого князя. Складывается впечатление, что Кузьмище не случайно отправился в храм своего небесного покровителя с просьбой об отпевании убитого князя.

Подведем итоги. Из 613 миниатюр Радзивилловской летописи 8 миниатюр относятся к рассказу о походе Игоря Святославича на половцев 1185 года, и еще по крайней мере 22 миниатюры связаны с историческими событиями, о которых ведется рассказ в «Слове».

Д.С. Лихачев писал: «Целый ряд признаков указывает на то, что автор «Слова» был знаком с «Повестью временных лет». Прежде всего отметим, что его исторические воспоминания все связаны с событиями, отмеченными в «Повести», и не выходят за ее пределы. Автор «Слова» упоминает события от Владимира «старого» до Владимира Мономаха. Мономах – последний из упоминаемых им князей прошлого. За ним, минуя всех русских князей первой половины XII в., автор «Слова» упоминает только князей – своих современников. Автор «Слова» как будто бы не знает киевской летописи XII в., он не упоминает ни одного события русской истории первой половины XII в., но зато хорошо осведомлен о событиях XI в., получивших свое отражение в «Повести» [Лихачев 1985: 83]. Далее Д.С. Лихачев замечает: «Нельзя не видеть, какие жемчужины поэзии отобраны автором «Слова» в «Повести временных лет»: поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедю, трагическая смерть Бориса Вячеславича, трагическая безвременная смерть «уноши» Ростислава и оплакивание его матерью» [Лихачев 1985, 89].

Отметим, что два события из названных здесь Д.С. Лихачевым, отражены в рисунках РЛ, третье – битва на реке Стугне – не обойдено вниманием иллюстратора, но включено в общий контекст топики и эстетики батальных сцен РЛ, где плачущим матерям не находится места.

По существу мы можем внести уточнение в рассуждения Д.С. Лихачева – «исторические воспоминания» автора «Слова» не выходят не только за пределы текста «Повести временных лет», но укладываются в подборку миниатюр Радзивилловской летописи, относящихся к «Повести временных лет». Собственно говоря, в «Слове» нет ничего из «Повести временных лет», что не было бы изображено в миниатюрах Радзивилловской летописи, хотя, без сомнения, автор «Слова» тщательно отбирал исторические события, рассказы о которых он включал в свое повествование.

Мы начинали свое исследование с системы гипотез:

1. «Слово о полку Игореве» и три перевода повестей, вошедшие в Мусин-Пушкинский сборник, могут принадлежать одному и тому же автору.

2. Единственным аналогом языка текстов Мусин-Пушкинского сборника является «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», написанная примерно в 1174 г., что позволяет предполагать единство автора названных текстов.

3. Автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» является киевский зодчий Кузьмище Киянин.

4. Кузьмище Киянин при его роде занятий (архитектор и дизайнер, специалист по отделке интерьера зданий) должен был привлекаться к работе над летописными сводами в первую очередь как иллюстратор-миниатюрист, а не только как автор текстов – архитектор должен был уметь рисовать, тем более что в ми-

ниатюрах Радзивилловской летописи просматривается стиль, характерный для фресковой живописи.

5. Исторический кругозор автора «Слова о полку Игореве» по его тексту соответствует не только повествованию «Повести Временных лет», но тем ее сюжетам, которые отражены в миниатюрах Радзивилловской летописи.

Исходя из этого, мы можем полагать, что миниатюры Радзивилловской летописи, связанные с событиями, описанными в «Слове о полку Игореве» и в летописных повестях 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев, являются иллюстрациями, выполненными автором «Слова о полку Игореве».

Если зодчий Кузьмище Киянин, иллюстратор протографа Радзивилловской летописи и автор «Слова» – одно и то же лицо, то среди художественного наследия этого великого мастера, сочетавшего в себе самые разные дарования, мы можем предполагать, что на нескольких миниатюрах Радзивилловской летописи мы можем увидеть автопортретный образ этого человека. Речь идет о миниатюре 516 с изображением архитектора Успенского собора во Владимире, и миниатюра 544, где рядом со священниками, отпевающими убиенного князя Андрея Боголюбского, изображен человек с книгой за поясом – вероятно, писатель и, как мы знаем по Мусин-Пушкинскому сборнику, переводчик.

Более детальное исследование художественного мира миниатюр Радзивилловской летописи в сравнении с художественной картиной мира «Слова о полку Игореве», как можно казать при опережении изложения результатов работы в этой области, вскрывает удивительное единство художественных канонов для летописных иллюстраций и словесного текста воинской повести – «Слова о полку Игореве».

Но эти вопросы – новая тема наших исследований.

Литература

Бурыкин А.А. Мог ли переводчик «Повести об Акире Премудром», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве»? (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 424-433.

Бурыкин А.А. Киевский зодчий Кузьмище Киянин – автор «Слова о полку Игореве»? // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова, 2016, Т. 22. №.1. С. 121-129.

Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985.

Радзивилловская летопись. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись II // Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902.

Радзивилловская летопись. М., 1989 (Полное собрание русских летописей, Т. 38).

Радзивилловская летопись. Тт. I-II. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. Санкт-Петербург–Москва. Глагол-Искусство. 1994. 528 с.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

В.И. Козырев
(г. Мичуринск, Россия)

В статье рассматриваются фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические средства, а также комбинации лингвистических и экстралингвистических средств передачи отрицательной оценочности в побудительных высказываниях.

Ключевые слова: побудительные высказывания, средства выражения оценочных значений, современный русский язык

В системе современного русского языка представлены разнообразные средства выражения оценочных значений, реализуемых при побуждении. К ним относятся формальные средства выражения отрицательной и положительной оценочности. В данной статье рассматриваются средства передачи отрицательной оценочности [Козырев 2008: 147-162].

Отрицательная оценочность выражается фонетическими, словообразовательными, морфологическими, лексическими, синтаксическими средствами, а также комбинациями лингвистических и экстралингвистических средств.

1. Фонетические средства выражения оценочности не отличаются разнообразием и часто выступают во взаимодействии с другими средствами. Например:

– **Во-одки!** – *вдруг заорал кто-то отчаянным голосом* (В. Слепцов «Трудное время»);

– **Пшел!** – *крикнул Кулешов. – Пшел вон!* (О. Кириллов «Сполохи»);

– **Под колесо лезешь, дьява-а-ал! Прочь!** (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Ти-ха! Ти-ха!** – *взывал к юнгам Росомаха* (В. Пикуль «Мальчики с бантиками»);

– **Прррямо!** – *разрешил старшина следовать дальше* (В. Пикуль «Мальчики с бантиками»);

– **Выхо-ди-и!.. Седлай!** – *закричали со двора* (М. Шолохов «Тихий Дон»).

2. К числу стилистических ресурсов словообразования относятся суффиксы субъективной оценки, которые иначе называются экспрессивными или эмоциональными. Оттенок увеличительности, как правило связанный с отрицательной оценочностью, сопровождается экспрессией грубости, пренебрежения, неодобрения, иронии и т.д. Например:

– **Уйди, Дашка!** – *не помня себя, дико закричал он и, не рассчитав, толкнул Дарью в грудь* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Послушай, Петруха,** – *закричала она звонким голосом, – если скажешь хоть единое слово, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью!...* (М. Лермонтов «Вадим»);

– **Ну, Ванюха, трогай,** да смотри, не больно круто спущай!.. (Д. Григорович «Антон-горемыка»);

– **Отпусти... Слышишь Васька...– прохрипел Андрей. – Отпусти...** (О. Кириллов «Сполохи»).

3. Морфологическими средствами выражения отрицательной оценочности являются наречия в значении междометий (*Прочь! Вон!*), императивные междометия (*марш, стоп, баста, ату, ну* и др.), модально-волевые частицы (*же*). Например:

– **Прочь!** *Еще тут с поклонами! Нечего с ней прохлаждаться: вытащите ее и позовите сюда жену убийцы* (А. Писемский «Горькая судьбина»);

– *Вот как возьмем вас в штыхы!.. А ну, прочь! Отойди! Ей-богу, сейчас первому пулю всажу!..* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Вон!** – *громовым голосом завопил Калашников. – Пошел вон!*

Из будки возле крытого гаража уже вылезал сонный охранник (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– *Хозяин! А ну, выходи!* (М. Шолохов. Тихий Дон);

– *Ату его! Ату его! – слышались дисканты на другом конце* (А. Писемский «Тысяча душ»);

– **Ша!** *Сюда Кравцов идет...* (В. Пикуль «Мальчики с бантиками»).

4. Наиболее представительным уровнем выражения оценочных значений является лексический.

Отрицательная оценочность побудительных высказываний содержится в ядре конструкций данного типа – предикатах. Например:

– **Проваливай!** – *отвечал младший слепой, не снимая шапки, – много будешь знать, скоро состаришься.*

– *Дурень!* – *закричал один опричник, – аль не видишь, кто перед тобой* (А. Толстой «Князь Серебряный»);

– *Харламбий, не дури!* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– *Да идите вы к черту! Слушайте и не рыпайтесь!* (И. Ильф, Е. Петров «12 стульев»);

– **Трескай** *без разговоров, – был ответ...* (В. Пикуль «Мальчики с бантиками»);

– **Не таракти!** *Не понимаю хохлячьего твоего языка, – перебил его Григорий* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Не каркай!** *Чем зря языком трепать, наблюдай* (В. Катаев. «Сын полка»);

– **Ну и катись ты со своей долбаной этикой,** – *усмехнулся Артем, – я позвоню Смальцеву, он за такие деньги куда угодно со мной поедет и что угодно снимет* (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– *Не будешь – вали отсюда! ... Все, катись, надоел!* (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– **У себя пошарь...** *может, и найдешь на сигареты* (О. Кириллов «Сполохи»);

– *Григорий, не дури... оставь!* – *Степан бледнел, слабо упирался* (М. Шолохов «Тихий Дон»).

Пейоративная оценочность, представленная в рассмотренных предикатах, тесно связана со стилистической системой языка. Наблюдается такая закономерность: чем ниже расположены пейоративы относительно нейтральных языковых средств, тем интенсивнее проявляется отрицательная экспрессия в ряду просторечных, фамильярных, грубо-просторечных слов, а также вульгаризмов. Аналогичная тенденция проявляется, когда императивные высказывания представлены фразеологизмами. Например:

– **Не морочь мне голову**, Орлова, – усмехнулась собеседница, – я назовусь, а ты сразу ментам меня сдашь. Прямо сегодня. И плакали мои денежки.

В трубке слышались частые гудки. Катя выключила диктофон. Жанночка все это время стояла на пороге комнаты, широко открыв глаза и прижав ко рту руки, обсыпанные мукой (П. Дашкова «Место под солнцем»);

Обе женщины замерли...

– Сейчас на ноги и говори толком, а не то метлой выгнать велю!.. Шлюхи!.. и поспать не дадут!..

– Батюшка! – начала было опять старуха...

– Иван! – закричал инспектор, – **гони их в шею!**..

Обе женщины вскопили на ноги... (Н. Помяловский «Очерки бурсы»);

– **Ты мне на горло не наступай!**(М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Эти шутки бросьте!** – Канищев вернулся на свое место, сел... (М. Обухов. «Разные судьбы»);

– **Не морочь себе голову, понял?** – говорил ему какой-то внутренний голос (М. Обухов «Разные судьбы»);

– **Ты мне мораль не читай.** Ты лучше в себе разберись (О. Кириллов «Сполохи»).

К языковым средствам выражения отрицательной оценочности относятся пейоративные вокативы, многие из которых носят оскорбительный характер [Жельвис 1995: 24-31]. Исследование оценочности в речевых актах побуждения позволяет сделать вывод о существовании денотативной (рациональной) оценки и коннотативной (эмоционально-экспрессивной) оценочности. Например:

– Если ты, **мерзавка**, не успокоишься, пеняй на себя! – выкрикнула она в трубку и только после этого нажала кнопку отбоя.

А потом накинулась на Катю:

– **Всему есть предел!** Надо рассказать следователю, пусть эту гадину вычислят, привлекут по какой-нибудь статье. Ведь есть же статья: шантаж, угрозы, хулиганство, в конце концов. Надо что-то делать! Так нельзя! Ты должна хотя бы пригрозить, напугать, заткнуть! Ну я не знаю, ты прямо каменная какая-то (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– **Поклонись, дура**, сама-то ему в ноги! (А. Писемский «Горькая судьбина»);

– **Да сядьте вы, идиот проклятый**, навязался на мою голову! – зашипел Остап. – **Сядьте**, я вам говорю! (И. Ильф, Е. Петров «12 стульев»);

– **Карты, болван!** – крикнул Калинович (А. Писемский «Тысяча душ»);

– **Ешь, дрянь такая!** – кричала Ирина и, скосив глаза, следила, сколько ложек сахара кладет себе в чай Евгений Николаевич (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– **Уйди отсюда!** – крикнул он. – **Уйди, гад!** (О. Кириллов «Сполохи»);

Человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами.

– **Вставай, сука!** (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Пусти, стерва!** – старик рванулся и вплотную ощутил тупой живот снохи (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– **Убирайся, шваль этакая!** Не видишь, кто идет? (А. Писемский «Тысяча душ»);

– **Отстань, осел!** (Н. Помяловский «Очерки бурсы»);

– *Бери, бандит!.. Сволочь!* (М. Шолохов «Тихий Дон»);
– *Ты не смеешь, поганец! Людей на смерть водишь, супротив власти поднял* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– *Молчи, шалава! Буду я им котел оставлять!* (М. Шолохов «Тихий Дон»).

5. В значении повелительного наклонения при выражении отрицательной оценочности используются некоторые синтаксические средства, в частности инфинитив в составе инфинитивных предложений. Например:

– *Взять его!* – приказал Лобов. – *Никто ни с места!* (Н. Помяловский «Очерки бурсы»);

– *Расстрелять! Всех!* (М. Шолохов «Тихий Дон»).

6. Семантика отрицательной оценочности часто выражается комбинацией лингвистических и экстралингвистических средств. Например:

– *Крестовская! Выйди из класса! И чтобы завтра с родителями!*

– *А в чем дело? – Маргоша смерила учительницу математики надменным насмешливым взглядом.*

– *Вон, я сказала! – Голос учительницы сорвался до визга.*

Маргоша повела плечами, не спеша поднялась и очень медленно, плавной походкой манекенщицы направилась к двери. Класс молчал. Математичка провожала худенькую длинноногую девочку в слишком короткой форме, со слишком красивыми огненно-рыжими волосами ненавидящим взглядом.

Маргоша небрежно толкнула дверь ногой. Она старалась ничего не задеть руками. Тонкие пальцы были напряженно растопырены. На длинных ногтях еще не высох свежий бледно-розовый лак. Оставшись в проеме двери, она оглянулась, сверкнула яркой зеленью глаз и громко, нараспев, произнесла:

– *Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.* Пушкин. «Евгений Онегин» (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– *Замолчи, дрянь такая! Выйди вон!* – Учительница крикнула так громко, что сорвала голос, хрипло закашлялась.

– *Да, Крестовская, – поморщился директор, – выйди и подожди в коридоре* (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– *Поддай укус! – приказывал он. – То бишь не укус, а прованское масло! – кричал он, топая ногами. – Куда же ты пошел, скотина?* (А. Чехов «Дуэль»);

– *Значит, ты разрешаешь мне спать с ним? – тихо уточнила Катя. – Ты разрешаешь? И печать шлепнешь, и подпись свою поставишь? А как – по расписанию? Или у нас будет скользящий график?*

– *Прекрати! – Он шарахнул кулаком по столу и опять стал орать.*

– *Глеб, скажи мне честно, – попросила Катя, когда он успокоился, – за эти восемь лет был хотя бы один месяц без «солнышек»?*

– *Я мужчина. Мне можно* (П. Дашкова «Место под солнцем»);

– *Замолчи!.. – крикнул он, моргая побелевшими от бешенства глазами* (М. Шолохов «Тихий Дон»);

– *А! старый ворон! старый филин! ... мы тебя выучим воздушной пляске... пожалуй-ка сюда... да выходи же, – сказал один, подтверждая приказание ударом плетью...* (М. Лермонтов «Вадим»);

– *Отпри проворнее!.. – закричал он громовым голосом.*

– Экой скорый! – пробормотала солдатка, захлопнув окно, – подождешь, не замерзнешь! (М. Лермонтов «Вадим»).

Таким образом, лингвистические средства выражения отрицательной оценочности часто выступают в комбинации с экстралингвистическими.

Литература

Жельвис В.И. некоторые эмоциональные особенности инвективного общения // Язык и эмоции: сб. науч. тр. ВПГУ. Волгоград, 1995. С. 24-32.

Козырев В.И. Актуализационная семантика императива и оценочность: монография. Мичуринск: МГПИ, 2008. 203 с.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

В.В. Павлова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена анализу особенностей проявления речевого этикета в эпистолярных текстах на примере писем Б.Л. Пастернака

Ключевые слова: речевой этикет, культура, эпистолярный текст, письма Б.Л. Пастернака

Исследование формул речевого этикета является актуальным направлением современной лингвистики, т.к. комплексный анализ этикетных речевых актов базируется на взаимосвязи экстралингвистических и лингвистических компонентов коммуникации.

Очевидна связь речевого этикета с культурой, потому что именно речевой этикет обеспечивает культуру поведения в обществе.

В многочисленных исследованиях речевой этикет рассматривается как система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке.

В настоящей статье рассматриваются особенности проявления речевого этикета в эпистолярных текстах на примере писем Б.Л. Пастернака.

Эпистолярный жанр дает не только богатейший материал для изучения индивидуального стиля того или иного писателя, но и воспитывает культуру эпистолярного общения, во многом утраченную в настоящее время. Неумение выразить соболезнование, проявить сочувствие, сделать комплимент, к сожалению, достаточно частое явление, это характерно и для устной, и для письменной речи.

Письмо – это особый (эпистолярный) жанр, который диктует большую стереотипизированность выражений, чем устное общение, отсюда особый, свойственный эпистолярному жанру набор этикетных выражений.

Композиционно письмо состоит из трех частей: зачина (обращение, приветствие и т.д.), информационной части и концовки. Зачин и концовка образуют этикетную рамку письма, языковыми средствами выражения которой являются

этикетные эпистолярные формулы. Мы намерены рассмотреть в данной работе этикетные формулы приветствия, обращения, прощания.

Обращение – это самый яркий и самый употребительный этикетный знак [Формановская 2002: 69]. В проанализированных письмах Б.Л. Пастернака обращения отражают отношение автора к адресату. Разумеется, отправляя официальное послание, Пастернак мобилизовал все формы почтительного обращения: *«Глубокоуважаемый Дмитрий Петрович!»* (Д.П. Гордееву 16 декабря 1915, Москва) [Пастернак 1992: 87].

«Глубокоуважаемый Павел Николаевич!» (П.Н. Медведеву. 10 января 1929, Москва) [там же: 259].

«Глубокоуважаемый Борис Сергеевич!» (Б.С. Кузину 7 марта 1948, Москва) [там же: 465].

«Глубокоуважаемый тов. Обрадович!» (А.С. Обрадовичу. 29 августа 1927, Мутовки) [там же: 211].

Приветствия в дружеских письмах часто оформляются в виде обращения, оно обычно состоит из имени адресата, которое может сопровождаться прилагательными (*дорогой, милейший, любезнейший* и другими) и существительными, указывающими на родственные и дружеские отношения пишущего и адресата. Так, например, к двоюродной сестре, известному филологу Ольге Михайловне Фрейденберг, Пастернак обращается:

«Олюша, дорогая моя сестра!» [там же: 141],

«Дорогая моя Олечка, сестра моя!» [там же: 525],

«Родная Оля!» [там же: 10],

«Дорогая Оля!» [там же: 7],

«Дорогая Олюшка!» [там же: 143],

«Олечка, дорогой мой друг!» [там же: 315],

«Радость моя» [там же: 529],

«Золото мое» [там же: 535].

В письмах к родителям и родственникам Б.Л. Пастернак использует следующие обращения:

«Дорогая» [там же: 25],

«Дорогие, золотые мои папа и мама!» [там же: 367],

«Дорогие мои!» [там же: 56],

«Милый папа!» [там же: 55],

«Дорогой папа!» [там же: 38],

«Мамочка моя, родная сестра моя Олюша!» [там же: 524],

«Дорогая тётя Ася!» [там же: 161],

«Моя дорогая тётя Ася!» [там же: 23],

«Милый, золотой Лидок!» [там же: 36],

«Дорогая моя Жонюрка!» [там же: 63],

«Моя дорогая, вдумчивая Жоничка!» [там же: 30].

Б.Л. Пастернак часто использует обращение по имени – отчеству:

«Дорогой Александр Максимович!» (А.М. Горькому 5 февраля 1921, Москва) [там же: 117],

«Дорогой Вячеслав Павлович!» (В.П. Полонскому лето 1921, Москва) [там же: 121],

«Дорогой Юрий Иванович!» (Ю.И. Юркуну 14 июня 1922, Москва) [там же: 124],

«Дорогой Валерий Яковлевич!» (В.Я. Брюсову 15 августа, 1922, Петроград) [там же: 131],

«Дорогой Осип Эмильевич!» (О.Э. Мандельштаму 19 сентября 1924, Москва) [там же: 144],

«Дорогой Вячеслав Павлович!» (В.И. Полонскому 1 июня 1927, Мутовки) [там же: 209],

«Дорогой Сергей Павлович» (С.П. Боброву 2 июля 1913, Молоди) [там же: 73],

«Дорогой Николай Семёнович» (Н.С. Тихонову 21 апреля 1924, Москва) [там же: 140],

«Милый, дорогой мой Константин Александрович!» (К.А. Федину. 6 декабря 1928, Москва) [там же: 253],

«Тамара Георгиевна, милая, бедная, дорогая моя!» (Т.Г. Яшвили. 28 августа 1937, Переделкино) [там же: 372],

«Дорогая, дорогая Анна Андреевна!» (А.А. Ахматовой. 17 апреля 1926, Москва) [там же: 184],

«Милый Николай Корнеевич» (Н.К. Чуковскому. 11 июня 1922, Москва) [там же: 128],

«Милая Зельма Федоровна!» (З. Руфф. 12 мая 1956, Москва) [там же: 544],

«Милая Ольга Тимофеевна!» (О.Т. Збарской. декабрь 1917, Москва) [там же: 106], «Милая Надежда Александровна!» (Н.А. Павлович. 28 июня 1920, Москва) [там же: 113].

Обращение в форме полного паспортного имени Б.Л. Пастернак использует сравнительно нечасто:

«Дорогой Сергей!» (С.П. Боброву. 2 августа 1913, Молоди) [там же: 74],

«Дорогой Дмитрий!» (Д.В. Петровскому. 6 апреля 1920, Москва) [там же: 109].

Наиболее употребительна сокращенная форма имени:

«Дорогой Костя!» (К.Г. Локсу. 19 мая, Марбург) [там же: 36],

«Дорогой Сережа!» (С.Д. Спасскому. 5 ноября 1954, Переделкино), [там же: 534],

«Дорогой Коля!» (Н.Н. Асееву. 21 декабря 1927, Москва) [там же: 230],

«Аля, родная» (А.С. Эфрон. 5 декабря 1950, Москва) [там же: 493].

В письмах к друзьям Б.Л. Пастернак использует уменьшительно-ласкательные имена-обращения, определения «дорогой», «милый» и другие:

К Н.А. Табидзе:

«Дорогая Нинуша» [там же: 561],

«Дорогая моя Ниночка!» [там же: 495],

«Дорогая Нина, любимый друг мой!» [там же: 540],

«Милый, милый, милый друг!» [там же: 512],

«Дорогой мой друг Нина» [там же: 425],

К А. Л. Штиху:

«Шура!» [там же: 80],

«Дорога душа!» [там же: 51],

К С. Д. и С. Г. Спасским:

«Дорогие друзья!» [там же: 329].

Б.Л. Пастернак вместо стандартного набора речевых формул использует: «*Великий, обожаемый поэт!*» (к Р.М. Рильке 12 апреля 1926, Москва) [там же: 181],

«*Милый мой мучитель!*» (к О.Э. Мандельштаму май 1925, Москва) [там же: 169].

Б.Л. Пастернак никогда не использует обращение только по отчеству (Егоровна, Васильевич), по признакам профессии и социальной роли (товарищ милиционер, товарищ начальник), по признакам возраста или пола (молодой человек).

Обращения на «Вы» Б.Л. Пастернак пишет с большой буквы:

«*Дорогая Нина! Простите, что давно не пишу Вам и оставил столько писем без ответа*» (Н.А. Табидзе 4 апреля 1953, Москва) [там же: 511],

«*Дорогой Кома, извините, что я так задержал Вас ответом*» (В.Вс. Иванову 1 июля 1958, Переделкино) [там же: 563],

«*Дорогой Вячеслав Павлович! У меня к Вам большая личная просьба*» (В.П. Полонскому 1 июня 1927, Мутовки) [там же: 209],

«*Дорогой мой друг Нина, целую, целую, целую, целую Вас*» (Н.А. Табидзе 30 марта 1944, Москва) [там же: 425],

«*Дорогой Осип Эмильевич! У меня к Вам большая просьба*» (О.Э. Мандельштаму 24 октября 1924, Москва) [там же: 155],

«*Меня чрезвычайно тронуло Ваше предложение*» (Д.П. Гордееву. 16 декабря 1915, Москва) [там же: 155],

«*Спасибо, дорогой мой Олег Гончаров! Если бы Вы знали, как были сегодня впору, как кстати были Ваши любящие строки!*» (О. Гончарову. 18 февраля 1959, Москва) [там же: 569],

«*Глубокоуважаемая Ольга Ивановна! Как хорошо Вы сделали, что догадались написать мне, – спасибо Вам!*» (О.И. Александровой. 25 октября 1949, Москва) [там же: 480],

«*Дорогая Мария Казимировна, поздравляю Вас с рождением внука*» (М.К. Баранович. 25 января 1960, Москва) [там же: 511],

«*Дорогой Костя! Простите, что так долго не отвечал Вам на доброе Ваше письмо*» (К.Г. Локсу. 13 февраля 1917, Тихие Горы) [там же: 102].

К родителям Пастернак обращается на «ты»:

«*Дорогой папа! Поздравляю тебя с днем рождения!*» (Л.О. Пастернаку. 29 мая 1912, Марбург) [там же: 38],

«*Спасибо тебе за большое письмо, дорогой папа!*» (Л.О. Пастернаку. 29 мая 1912, Марбург) [там же: 38],

«*Благодарю тебя, папа, за большое, живое, молодое твое письмо*» (Л.О. и Р.И. Пастернак. 12 февраля 1937, Москва) [там же: 367].

Прощание в письмах Б.Л. Пастернака включает следующие эпистолярные формулы. Письма близким он обычно подписывает своим уменьшительным именем:

«*Боря*» (О.М. Фрейденберг 23 июля 1910, Москва) [там же: 15],

«*Боря*» (А.Л. Штиху 3 августа 1912, Венеция) [там же: 73],

«*Боря*» (Л.О. и Р.И. Пастернак 9 декабря 1916, Тихие Горы) [там же: 97],

«*Твой Боря*» (О.М. Фрейденберг 23 июля 1910, Москва) [там же: 17],

«*Твой Боря*» (А.Л. Штиху 1 июля 1914, Петровское) [там же: 82],

«Ваш Боря» (Л.О. Пастернаку 4 июля 1912, Марбург) [там же: 56],
 «Ваш Боря» (К.Г. Локсу 13 февраля 1917, Тихие Горы) [там же: 106],
 «Ваш Боря» (Н.А. Табидзе 21 августа 1957, Переделкино) [там же: 552].
 Подпись может состоять из инициалов его имени и фамилии:
 «Ваш Б. Пастернак» (Н.Б. Сологуб 29 июля 1959, Переделкино) [там же: 554],
 «Ваш Б. Пастернак» (Н.В. Завадской 25 декабря 1913, Москва) [там же: 79],
 «Ваш Б. Пастернак» (Д.П. Гордееву 16 декабря 1915, Москва) [там же: 87],
 «Ваш Б. Пастернак» (А.М. Горькому 5 февраля 1921, Москва) [там же: 119],
 «Ваш Б. Пастернак» (К.Г. Пастернаку 6 января 1958, Москва) [там же: 559],
 «Б. Пастернак» (С. Чиковани 23 августа 1957, Переделкино) [там же: 553].
 Иногда Пастернак ставит лишь инициалы в конце письма:
 «Б. П.» (С.П. Боброву 8 ноября 1916, Тихие Горы) [там же: 93],
 «Б. П.» (К.Г. Локсу 28 января 1917, Тихие Горы) [там же: 99],
 «Твой Б. П.» (С.П. Боброву 21 сентября 1913, Москва) [там же: 77],
 «Ваш Б. П.» (Б.К. Зайцеву 4 октября 1959, Переделкино) [там же: 575].
 Перед подписью, как правило, располагаются стереотипные формулы уверения в уважении, дружбе, любви. В соответствии с этим наиболее употребляемые *твой, ваш, любящий вас, преданный вам*.
 «Твой Борис» (С.П. Боброву 8 июля 1914, Петровское) [там же: 83],
 «Твой Б.» (А.Л. Штиху 25 июля 1912, Марбург) [там же: 71],
 «Весь твой Б.» (М.И. Цветаевой 30 июля 1926, Москва) [там же: 203],
 «Твой Борис Пастернак» (С.П. Боброву 2 июля 1913, Молоди) [там же: 74],
 «Любящий Вас Б. П.» (К.И. Чуковскому 25 июня 1958, Переделкино) [там же: 563],
 «Любящий Вас Б. П.» (К.А. Федину 6 декабря 1928, Москва) [там же: 256],
 «Любящий Вас Б. Пастернак» (В.Я. Брюсову 15 августа 1922, Петроград) [там же: 135],
 «Любящий Вас Б. Пастернак» (О.Э. Мандельштаму 31 января 1925, Москва) [там же: 168],
 «Крепко любящий Вас и преданный Б. Пастернак» (А. Белому январь 1933, Москва),
 «Любящий Вас Б. Пастернак» (В.Я. Брюсову 15 августа 1922, Петроград) [там же: 335],
 «Преданный Вам Б. Пастернак» (А.А. Ахматовой 17 апреля 1926, Москва) [там же: 186],
 «Глубоко Вам преданный Б. Пастернак» (А.М. Горькому 10 октября 1927, Москва) [там же: 126],
 «Всей душой преданный Вам Б. П.» (А.А. Ахматовой 6 апреля 1929, Москва) [там же: 268],
 «Глубоко Вам признательный Б. П.» (В.С. Познеру 1 мая 1929, Москва) [там же: 271],
 «Целую тысячекратно Боря» (Л.О. и Р.И. Пастернак июль 1914, Петровское) [там же: 86].
 Есть у Пастернака письма, где подписи нет вообще.

В концовке писем в прощании и выражениях, сопровождающих прощание, наиболее частотным является употребление выражений комбинированного типа, которые представляют собой синтез в различных сочетаниях пожеланий здоровья, счастья и благополучия, выражений со ссылкой на небесные силы, а также выражений с описанием жеста.

В письмах к родным Пастернак обычно использует такие слова, как «целую», «обнимаю»:

«Крепко целую вас всех и без конца обнимаю» (Л.О. и Р.И. Пастернак 12 февраля 1937, Москва) [там же: 369],

«Целую всех. Феде напишу на днях, пока обнимаю и кланяюсь» (Т.Л. Пастернак 17 мая 1912, Марбург) [там же: 36],

«Крепко целую тебя, тётю и Сашу» (О.М. Фрейденберг 25 июля 1924, Тайцы) [там же: 143],

«Итак, если Бог даст, – до пятницы. Целую тебя и тётю. Поклон Саше и его жене» (О. М. Фрейденберг 2 августа 1924, Тайцы) [там же: 144],

«Крепко тебя и тётю Асю целую» (О.М. Фрейденберг конец сентября 1924, Москва) [там же: 146],

«Целую тебя. До скорого свиданья» (О.М. Фрейденберг 6 октября 1924, Москва) [там же: 153],

«Крепко вас обнимаю. Прошу прощенья за грустное письмо» (О.М. Фрейденберг 11 июня 1930, Москва) [там же: 305],

«Крепко целую и обнимаю» (О.М. Фрейденберг 5 декабря 1930, Москва) [там же: 316],

«Без конца целую и обнимаю вас» (О.М. Фрейденберг 5 ноября 1943, Москва) [там же: 423],

«Крепко вас всех целую и очень люблю» (О.М. Фрейденберг середина октября, 1948, Москва) [там же: 472].

Безупречно вежливым и доброжелательным Б.Л. Пастернак остается, прощаясь с коллегой и добрым другом:

«Дружески жму Вашу руку» (О.Т. Збарской декабря 1917, Москва) [там же: 108],

«Христос с Вами, Нина, целую Вас» (Н.А. Табидзе 15 октября 1949, Москва) [там же: 480],

«Я очень люблю Вас и крепко целую» (Б.К. Зайцеву 4 октября 1959, Переделкино) [там же: 575],

«Крепко жму Вашу руку. Привет супруге» (О.Э. Мандельштаму 31 января 1925, Москва) [там же: 168],

«Обнимаю Вас. Сердечный привет Надежде Яковлевне. Жена, с соответствующими перемещениями, присоединяется» (О.Э. Мандельштаму 24 октября 1924, Москва) [там же: 155],

«Жму Вашу руку. Всего лучшего» (С.А. Обрадовичу 29 августа 1927, Мутовки) (О.Э. Мандельштаму 31 января 1925, Москва) [там же: 213],

«Крепко обнимаю Вас. Софья Гитмановна, целую Вашу руку и желаю здоровья. Как палец? На это вопрос ответьте сами – и открыткой» (С.Д. и С.Г. Спасским 22 октября 1932, Москва) [там же: 330],

«Крепко, крепко обнимаю Вас. Сердечный привет Софье Гитмоновне» (С.Д. Спасскому 29 сентября 1930, Москва) [там же: 311],

«Крепко жму Вашу руку. Всего, всего Вам лучшего» (П.Н. Медведеву 20 августа 1929, Огневский Овраг) [там же: 280],

«Крепко жму Вашу руку. Всего, всего Вам лучшего. Благодарю Вас за письмо, простите, что не ответил» (П.Н. Медведеву 6 ноября 1929, Москва) [там же: 284],

«Старое сердце моё с Вами» (Г.С. Улановой 13 декабря 1945, Москва) [там же: 437],

«Целую Вашу руку, Вы – дорогая, милая, – благодарю Вас» (Е.А. Благинской 16 декабря 1957, Москва) [там же: 558],

«Дорогая Анна Андреевна, целую Вашу руку и крепко жму Вашу, Николай Николаевич. Ещё раз большое спасибо за доверье и скорое известие. Выздоровляйте!» (Н.Н. Пунину и А. А. Ахматовой 19 октября 1932, Москва) [там же: 329],

«Целую Вашу руку и от души желаю Вам всего лучшего. С нетерпением жду осени, когда я, наконец, увижу Вас в спектакле и в жизни» (А.К. Тарасовой 5 августа 1957, Переделкино) [там же: 549].

Часто Пастернак заканчивает письма добрыми прощаниями – пожеланиями:

«Желаю радости и счастья Вам и Вашим близким» (О.И. Александровой 25 октября 1949, Москва) [там же: 481],

«От души всего лучшего вам. Ещё раз за всё спасибо, крепко вас люблю и целую» (Н.А. Табидзе 25 ноября 1948, Москва) [там же: 474],

«Всего тебе лучшего. Крепко обнимаю и целую тебя. Будь здорова» (О.М. Фрейденберг 30 ноября 1948, Москва) [там же: 475],

«Всего лучшего. Поклон вашему мужу. Если у него будет желание прочесть роман и потом написать мне, я буду очень рад» (О.И. Александровой 20 ноября 1949, Москва) [там же: 482],

«От всего сердце желаю Вам здоровья» (А.А. Ахматовой 1 ноября 1940, Переделкино) [там же: 389],

«Будь здорова, не болей, ради Бога, и приезжай, приезжай!» (О.М. Фрейденберг 21 июня 1945, Москва) [там же: 429],

«Будьте здоровы. Не сердитесь на меня. Я верю в Ваше будущее» (В.Т. Шаламову 9 июля 1952, Переделкино) [там же: 530],

«Будь здоров. Крепко целую тебя. Как всегда, я очень занят, здоров, хорошо себя чувствую. Кланяйся маме и поцелуй её» (Е.Б. Пастернаку 12 июня 1954, Переделкино) [там же: 532],

«Будьте здоровы, крепко обнимаю Вас» (К.Г. Паустовскому 6 января 1958, Москва) [там же: 559].

В зависимости от характера и содержания письма, Б.Л. Пастернак иногда заключает его словами: «прощайте», «до свидания»:

«Ну до свиданья. Целую Вашу руку» (А.А. Ахматовой 28 июля 1940, Переделкино) [там же: 386],

«До свиданья. Поблагодарите, пожалуйста, Веру Алексеевну за её бесценную приписку собственной рукою. Сердечный привет Вашему мужу. Покажите некоторые места письма Вашему папе, мы как бы беседовали все вместе сообща» (Н.Б. Соллогуб 29 июля 1959, Переделкино) [там же: 574].

В письмах Б.Л. Пастернака представлено многообразие эпистолярных форм, употребление которых зависит от следующих факторов:

1) характера взаимоотношений между Б.Л. Пастернаком и адресатом, а именно степени близости, отношений и эмоций, которые автор испытывает к адресату;

2) от целей, которые преследует Б.Л. Пастернак в своих письмах.

Полученные нами в ходе исследования данные позволяют не только судить об уровне владения Б.Л. Пастернаком эпистолярной культурой, но могут послужить материалом для создания методических пособий, направленных на формирование речевой культуры, культуры общения, что весьма актуально в настоящее время.

Таким образом, письма несут богатейшую информацию, и их изучение представляет несомненный интерес.

Литература

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. Тт. I-V. Т.5. Письма. М., 1992. 703 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002. 160 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗАХ ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА

И.Н. Ивашкевич
(г. Минск, Беларусь)

В статье рассматриваются природные объекты как активная сферисточник репрезентации внешнего или социального мира человека в рамках когнитивных процессов вторичной концептуализации реальной действительности; в ходе анализа эмпирического материала устанавливается, что одним из самых продуктивных метафорических переносов рассматриваемой концептосферы является когнитивная модель *природные пространства* → *социальный мир человека*.

Ключевые слова: социальная сфера человека, географическое пространство, когнитивная лингвистика

Исследование экологических аспектов языка и речи является одним из приоритетных направлений когнитивной лингвистики на современном этапе ее развития. Особое внимание ученых сфокусировано на изучении так называемой географической среды, или географического пространства.

О важной роли географического пространства в пространственном конструировании мира в сознании человека, о его тесной связи с общей картиной мира, неоднократно писал Ю.М. Лотман (1996). Данной проблематике были посвящены многие исследования в рамках социальных и гуманитарных наук в их тесной интеграции со смежными дисциплинами. Примерами могут служить «экологическая теория восприятия» психолога Дж. Гибсона, «семантическое простран-

ство» в психосемантике (В. Петренко), концепция «подсознательного чувства размерности» психосоциолога Эд. Холла, «социальная топология» социолога П. Бурдьё, «теория центральных мест» географа В. Кристаллера, экологическое и структурное пространство и время социального антрополога Э. Эванс-Причарда, метод «grin-group analysis» его ученицы М. Дуглас, образы города и всадника литературоведа Х.Л. Борхеса, «этнические поля» и «антропогенные ландшафты» историка и географа Л. Гумилева» (см.: подробно [Касавин 2000]).

В связи с обсуждаемой проблемой злободневно звучит вывод ученых о том, что географическое пространство во многом определяет культуру, психологию, историческую судьбу и менталитет нации. Большую роль в становлении менталитета народов сыграли поймы великих рек, архипелаги и скопления островов, горы, степи, пустыни, морское и океаническое побережье, тундра и тайга, тропические джунгли и т.д. [Кондаков 2003: 494]. (см. работы Н.А. Бердяева, Т.И. Вендиной, Г. Гачева, Л.Н. Гумилева, В.О. Ключевского, И.В. Кондакова, О.А. Корнилова, И.Б. Левонтиной, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, А.Д. Шмелева, И.А. Шмелевой, А.С. Щербак и др.). Отметим, что такая фундаментальная сфера человеческого опыта как природное пространство находит свое детальное языковое воплощение в семантике языковых форм, номинирующих его. В значении этих первичных имен вербализованы различные структуры знания и общественно-исторического опыта английского социума о многовековом существовании природных реалий и их глобальной роли в жизнедеятельности англичан. Мы разделяем мнение о том, что языковые значения представляют собой «социально закрепленные смыслы, которые хранятся в коллективном сознании говорящих» [Демьянков 1994: 41]. Такие социальные, исторические, религиозные и другие смыслы отражены в семантике имён, конституирующих базовую концептосферу «Природные пространства», которая «выступает в качестве индивидуальной когнитивной схемы структурирования мира и знаний о нем, которые использует человек в процессах восприятия и интерпретации объектов, событий и их взаимосвязей» [Болдырев 2014:39].

В когнитивных процессах вторичной номинации различные структуры представления перцептивного и пространственного знания, вербализованные в первичном значении наименований природных пространств, являются салиентными и выступают основой метафорического означивания многих непространственных значений, например, числа, научных понятий, эмоций, событий и пр., концептуализируя абстрактные понятия в терминах конкретных реалий и образуя систему пространственных метафор [Ивашкевич 2010; 2011].

Цель настоящей статьи – представить природные объекты как активную сферу-источник репрезентации внешнего или социального мира человека в рамках когнитивных процессов вторичной концептуализации реальной действительности. В ходе анализа эмпирического материала установлено, что одним из самых продуктивных метафорических переносов рассматриваемой концептосферы является когнитивная модель **природные пространства → социальный мир человека**.

В данной метафорической пространственной модели сквозь призму природных реалий инкорпорированы различные структуры знания о социальных устоях жизни английского социума, его социальной деятельности, социальных и меж-

личностных отношениях, об определенных социальных связях в обществе, о традициях, привычках, социальном статусе личности, социальных условиях жизни человека с определенной структурой отношений, иерархией власти, правилами поведения и т.д. Иными словами, это «экстериоризованные стороны» социальных явлений, событий и отношений **ЧЕЛОВЕКА СОЦИАЛЬНОГО**. Мы разделяем мнение Ю.М. Лотмана о том, что самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделенными **пространственными характеристиками** то в виде противопоставления «небо – земля» или «земля – подземное царство» (вертикальная трехчленная структура, организованная по оси верх – низ), то в форме некоторой **социально-политической иерархии** с отмеченным противопоставлением «верхов» «низам», то в виде нравственной отмеченности противопоставления «правое – левое» [Лотман 1998: 15]. Подчеркнем, что провести четкую грань между концептуальными пространствами, репрезентирующими внешний (социальный) и внутренний мир человека, довольно сложно, учитывая взаимопересечение этих категорий. Так, в первичном значении слово «*rift*»:

1) large crack or opening in the ground, rocks etc. означает «трещину»; «расщелину»; «разлом» (образовавшиеся вследствие разлома земной поверхности, горной породы).

Во вторичной номинации в результате когнитивного механизма профилирования концептуализируется значение «разрыв отношений», т.е. происходит смена концептуальной области и осуществляется переход из области природного пространства в сферу социальных отношений с ярко выраженной отрицательной коннотацией: отчуждение, холодок в отношениях; размолвка, разрыв, разлад:

2) a serious disagreement between people that stops their relationship from continuing. The rift within the party deepened. Efforts to heal the rift between the two countries have failed.

Ср. также появление устойчивого выражения «*rift within the lute*»: 1) разлад в отношениях; 2) начало болезни. Вполне естественно, что трещина в земной поверхности (т.е. нарушение целостности объекта) предполагает такой же негативный процесс и в отношениях между людьми (т.е. метафорическую «трещину» в отношениях или разрыв отношений).

Таким образом, данный пример свидетельствует о совмещении или пересечении границ категорий, называющих внешний и внутренний мир человека: разрыв социальных отношений непосредственно связан с концептуализацией определенных негативных чувств и эмоций.

Внутри многочисленных репрезентаций социального пространства в рамках вторичной номинации выявлены следующие модели пространственной метафоры, которые концептуализируют:

1) определенные события исторического, религиозного и иного характера. Отметим, вслед за Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 507], что мы понимаем событие как концепт, служащий языковым классификатором непредметных значений, отражающих все то, что происходит с действительностью (процесс, ситуация, состояние, действие, изменение, положение дел и пр.):

a) The election of Mary Robinson in 1990 was a **watershed** in Irish politics.

b) The importance of this event comes into historical **prominence**.

c) ...the **rise and fall** of the British Empire.

d) ... the ancient empire's slow **descent** into barbarism.

2) знания о социальных изменениях (позитивных или деструктивных) в жизни английского социума; различных кризисных политических ситуациях, экономических и политических потрясениях; о сложных житейских обстоятельствах, ситуациях и т.д. Эти структуры знания актуализируют в первую очередь наименования болот, а также отдельные наименования земной поверхности, ее границы. Вероятно, концептуальный опыт любого этноса ассоциативно связывает эти образы с грозящей опасностью, гибелью, хаосом:

a) The company is now on the edge of a **precipice**.

b) The government was sinking deeper and deeper into the **mire**.

c) We have no intention of being drawn into a political **quagmire**.

d) ...the economic **slough** of the interwar years.

e) Failure to communicate had brought the two nations to the **brink** of war.

3) определенную информацию об инфраструктуре, обеспечивающей деятельность общества: об общественно-политической, деловой, культурной областях жизни общества (например, о деловых и официальных встречах, публичных выступлениях, демонстрациях, акциях протеста и пр.):

a) The nation has been buffeted by a **wave** of strikes.

b) ...next week's Washington **summit**.

c) There was some **decline** in stock prices at the end of the trading session.

d) Education remains in a state of **flux** which will take some time to settle down.

4) структуры представления знания о моделировании социальных отношений в английском обществе (социальный статус личности, положении в коллективе, чины, титулы, ранги, достижения, успехи/неудачи в продвижении по карьерной лестнице, социальная стратификация, социальная дистанция, как разделяющая людей в процессе взаимодействия и др.).

a) John Major has reached **the pinnacle** of British politics. ...

b) He reached **the summit** of his career three years ago.

c) His **Eminence** Cardinal Hume celebrated Mass.

d) The **apex** of his career was when he hoisted aloft the World Cup.

e) The team was at its **peak** in the 1980s.

f) He had worked in the theatre for many years, starting at the **bottom**.

В когнитивных процессах вторичной номинации положительную маркированность природных реалий актуализируют наименования частей возвышенностей, каузируя высшую степень, кульминационный пункт проявления/развития человека в какой-либо социальной или трудовой деятельности. Отрицательно маркированные значения в данной метафорической модели репрезентируют отдельные наименования частей природных пространств (например, дно водоема): He was always bottom of the class.

Базовая онтологическая категория «Природные пространства» относится к важнейшим категориям, репрезентирующим онтологию мира и особенности его картирования, в английском языковом сознании. Изучение данной категории в экологическом аспекте способствует «... выведению некоторых общих положений о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей ми-

рождения, закономерностей устройства мира, как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в **его социальной организации** и по всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок [Кубрякова 2004: 336].

Концептуализация социальной сферы английского социума в зеркале природного пространства в процессах вторичного означивания действительности базируется в основном на **метафоризации вертикального пространства**. Вертикальное измерение, которое можно представить с помощью базовых пространственных оппозиций «high vs. low», является релевантным для метафорической репрезентации социальной жизни английского социума и его иерархии в целом, фиксируя оценочную характеристику внешнего мира человека и его личностной сферы.

Таким образом, пространственная метафора как определенный способ репрезентации знаний о мире способствует установлению корреляций между языком и когнитивной деятельностью субъекта по освоению мира физического.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 33-39.

Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.

Ивашкевич И.Н. О когнитивных аспектах лексического значения (на примере английских имен существительных с пространственным значением) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 2 (29).

Ивашкевич И.Н. К вопросу о роли перцепции в процессах вторичной номинации // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2011. №2.

Ивашкевич И.Н. О языковой репрезентации пространственных концептов (на материале английских имен существительных) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 3.

Касавин И.Т. Пространство и время: в поисках «естественной онтологии» знания // Общественные науки и современность. М.: Наука, 2000. № 1.

Кондаков И.В. Культурология: история культуры России: Курс лекций. М.: ВРА Омега-Л, Высш. шк., 2003.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Изд-во Языки славянской культуры, 2004.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 14-288.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996.

Merriam-Webster Online. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.m-w.com/>
Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2005.

ТЕМА ДОРОГИ В КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Ляо Хуайшэн, И.В. Поповичева
(г. Хайнань, Китай)

На материале китайской поэзии периодов династий Тан и Сун исследуется тема *дороги*; стихи, в которых звучит тема дороги, представлены образом человека, покинувшего (или покидающего) родной дом, и ситуациями расставаний, недолгих встреч, жизни в разлуке с семьей, любимым человеком, другом, описаниями странствий, душевного состояния тоски, одиночества.

Ключевые слова: тема дороги, китайская классическая поэзия, династии Тан и Сун

Китайская классическая поэзия по праву считается одним из самых больших художественных достижений китайской цивилизации и, как известно, является одной из древнейших национальных поэтических традиций в мире. Первым в Китае сборником стихотворений явилась («Книга песен»). В сборник вошли 3 тысячи народных песен, созданных в XI–VI вв. до н.э. и отражающих многообразные явления духовной и социальной жизни того времени. Известные среди населения различных княжеств в устной форме тексты песен были записаны специально назначенными императором чиновниками. В VI в. до н.э. Конфуций отобрал 305 из собранных в народе песен и объединил их в один сборник («300 Стихов»). Исследователи китайской культуры единодушны во мнении, что «Книга песен» заложила основу китайской поэзии: определила ее базовые темы, мотивы и коренной пласт изобразительных средств» [Культура Китая 2015: 129]. На русский язык «Книга песен» была переведена известным русским филологом-востоковедом А.А. Штукиным в 1957 году.

«Книга песен» относится к ранней поэзии Китая. Поэзию последующего времени (начиная с династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и до окончания периода правления династии Сун (1279 г.)) принято классифицировать как китайскую классическую поэзию.

«Что важно и наиболее привлекательно для нас в китайской классической поэзии?» – задается вопросом в предисловии к сборнику «Китайская классическая поэзия» известный филолог-китаист Л. Эйдлин. Отвечая, переводчик совершенно обоснованно отмечает, что переводы прекрасных ее образцов и сегодня притягивают к себе сердца читателей, так как главное в китайской поэзии «общечеловеческое ее начало, содержащееся в ней и до перевода скрытое от неподготовленного взгляда за таинственно-завораживающей орнаментальной стеной из иероглифов» [Китайская классическая поэзия 1975].

Обращаясь к анализу произведений традиционной китайской поэзии, следует указать основные поэтические жанры китайской литературы и некоторые типичные обстоятельства написания стихов.

Традиционная поэзия Китая разделяется на «ши» (кит. 詩 – стихи, состоящие из двух или более парных строк), «цы» (кит. 詞 – стихи, которые имеют свои слоговые и тональные модели выражения смысла: состоят из неравнословных строк, сочинялись на определенные мелодии – вначале музыка, а затем стихи),

«цюй» (кит. 曲 – поэтический стиль, восходящий к монгольским традициям, свободен от различных форм), «фу» (кит. 賦 – описательно-содержательные стихотворения, которые содержат как прозу, так и куплеты). Интересно, что все традиционные формы китайской поэзии рифмованы, но не все рифмованные тексты классифицируются как поэзия (например, «Книга Перемен»).

Согласно древним китайским правилам и традициям каждый чиновник должен был уметь писать стихи. Поэтому поэтами, как правило, были чиновники. Чтобы получить должность чиновника, соискатели должны были сдать экзамены, наиболее важным считался экзамен по собственной литературе. Большинство из получивших должность уезжало на службу в чужие края. Часто меняя место службы и проживания, чиновники много времени проводили в разъездах. Так в китайской поэзии возникла тема дороги (пути, странствий), мотивы расставания, разлуки, одиночества, тоски по родному дому, друзьям, природе.

Величайшими китайскими поэтами династии Тан (618-907 гг.) по праву считаются Ду Фу (712-770 гг.) и Ли Бо (Ли Бай) (701-762 гг.), а династии Сун (960-1279 гг.) – Су Тунпо (Су Ши) (1037-1101 гг.).

Лирические герои их произведений, как правило, находятся вдалеке от родины. Предметом поэтического описания авторов становятся душевная тоска о родном крае, противопоставление родины чужбине, где автору «холодно» и одиноко.

Стосковавшись // По родному краю, // Забываюсь я // Тяжелым сном... // Я не только ночью // Засыпаю – // Сплю теперь я // Даже ясным днем. (Ду Фу «Мне снится днем...», перевод А.И. Гитовича).

Куда меня гнало и гонит донныне // По тысячам разных дорог? // На старой террасе, на горной вершине, // Я снова совсем одинок. // Сижу, позабывший о прежней отраде, // Покрыла виски седина – // Печальный изгнанник, сижу я, не глядя // На чару хмельного вина. (Ду Фу «Поднявшись на высоту», перевод А.И. Гитовича).

У дома иволга поет // Средь зелени ветвей. // По небу синему плывет // Клин белых журавлей. // Под шапкой вековых снегов // Гора в окне видна. // Но как же, как же далеко // Родная сторона! (Ду Фу Без названия, перевод Б. Мещерякова).

Легла от луны дорожка. // А может быть, это иней? – // Я сам хорошо не знаю. // Я голову поднимаю – // Гляжу на луну в окошко. // Я голову опускаю – // И родину вспоминаю. (Ли Бо «У самой моей постели», перевод В.М. Алексеева).

Жизнь в разлуке с близкими людьми, любимым человеком, расставания с семьей, друзьями были традиционными сюжетами произведений китайских поэтов того времени.

Уехал муж далеко, далеко // На белом своем коне, // И тучи песка оббегают его // В холодной чужой стране. // Как вынесу тяжкие времена?.. // Мысли мои о нем, // Они все печальнее, все грустней // И горестнее с каждым днем. (Ли Бо «Тоска о муже», перевод А.И. Гитовича).

Смотри, как ветви ивы // Глядят воду – // Они склоняются // Под ветерком // ... А там красавица // Сидит тоскливо, // Глядит на север, // На простор долин, // И вот – // Она срывает ветку ивы // И посылает – мысленно // В Лунтин. (Ли Бо «Ветка ивы», перевод А.И. Гитовича). Здесь следует сказать, что в китайской куль-

туре сорванная ветка ивы является символом разлуки. Более того: в китайской поэзии существовал особый жанр произведений о разлуке, который так и назывался – «Сорванная ветка ивы». По одной из традиций, у городских ворот уезжающему человеку ломали и дарили на память ветку ивы, чтобы он посадил ее на чужбине как воспоминание о родине [Китайская классическая поэзия 1975].

Нету отдыха мне // Никогда и нигде – // Путь все дальше ведет // От родимого края. // ... Не дано нам с тобою // Скитаться вдвоем, // Ты на севере, // Я на томительном юге. // С той поры // Как семью я покинул и дом, // Что я знаю – три года – // О милой супруге? // Побледнело лицо, // На висках седина – // Как вернуть бы // Твою молодую улыбку? (Ли Бо «С осеннего берега посылаю жене», перевод А.И. Гитовича).

Когда – старик – // Домой вернулся я, // То не забыл // Вчерашнюю тревогу. // Сынишка // Не отходит от меня, // Боится: // Снова я уйду в дорогу. (Ду Фу «Закат», перевод А.И. Гитовича).

«Разлука так и осталась "неразлучной" с китайской поэзией, – писал Л. Эйлин. – На смену разлуке любящих пришла разлука друзей. Чиновников, переезжающих на другое место службы, опальных сановников, ссылаемых в качестве правителей на окраины государства, неудачников, так и не добившихся должности и одиноко живущих в глубинах лесов и гор, монахов в затерянных буддийских и даосских храмах» [там же].

Осенние волны // печальная гонит река, // Гора бирюзовую // кажется изда- лека. // Нам в разные стороны // велено ехать судьбой – // Последние кубки // Сейчас осушаем с тобой. (Ли Бо «Провожая Ду Фу на восток округа Лу у горы Шымэнь», перевод А. Гитовича; поэты Ли Бо и Ду Фу были современниками, оба жили в Чан Ане – столице династии Тан).

Как известно, переезды в те времена были трудными, долгими, утомительными и небезопасными.

Ветер в одежде свистит, цветы // Опадают и там и тут. // Деревня слева, деревня справа, // В шелковарне нити поют. // На ивах мох, и желтые тыквы // Здесь продают. // Испил вина, но дорога длинна, // Мечтаю только о сне. (Су Ши Ветер в одежде свистит, перевод Е. Витковского).

Скиталец бездомен, словно монах – // Бредет всегда налегке. // Кисточку взял, но замерзла тушь, // Тушечница холодна. (Су Ши «В Сычжоу снег; ночью накануне Нового года Хуан Шиши посылает мне вино и Рыбу», перевод Е. Витковского; Хуан Шиши – один из друзей Су Ши).

В стихах Ду Фу тема дороги нередко вплетена в поэтические описания военных событий того времени.

Как давно я // Покинул своих стариков! // Надо мной не подиутись // Я старый солдат, // Я семьи не забыл, // Но и к смерти готов, // Если долг мой и родина // Это велят. (Ду Фу из первого цикла «В поход за Великую стену», перевод А.И. Гитовича).

Три сына моих // У Ечэна сражались с врагами. // Один написал нам // В письме из далекого края, // Что двое погибли // В жестоких боях на границе. // Он жив еще, третий. // Но это недолго, я знаю, // С тремя сыновьями // Мне надо навеки проститься. (Ду Фу «Чиновник в Шихао», перевод А.И. Гитовича).

*Все еще мира // Нет на белом свете, // Я стар и слаб, // Но нет и мне покою.
// Погибли внуки, // И погибли дети, // Зачем же я // Помилован судьбою? // Иду
из дома, // Бросив посох грубый. // Пусть спутников // Ничто не беспокоит – //
Мне повезло, // Что сохранились зубы, // И только // Кости старческие ноют. //
Начальника, // Как это подобает, // Приветствую, // Чтоб было все в порядке. //
Жена-старуха // На ветру рыдает, // Ей холодно, // А платье без подкладки. // Не
навсегда ли // Наше расставание? // Но за нее // Душа моя в тревоге. // И, уходя,
// Я слышу причитанья // О том, чтоб я // Берег себя в дороге. (Ду Фу «Проща-
нье старика», перевод А.И. Гитовича).*

Тему дороги можно считать одним из основных элементов поэтики китайской поэзии периодов династий Тан и Сун. Стихи, в которых звучит тема дороги, представлены образом человека, покинувшего (или покидающего) родной дом, и ситуациями расставаний, недолгих встреч, жизни в разлуке с семьей, любимым человеком, другом, описаниями странствий, душевного состояния тоски, одиночества. Китайские поэты последующих времен восприняли эту традицию, и дорога (путь), странствия (путешествия) стали важными элементами содержания их многих поэтических произведений.

Литература

Антология китайской классической поэзии «ши» VI-XVI веков в переводах Бориса Мещерякова // http://lib.ru/POECHIN/china_shi.txt (Дата обращения 15.10.2016)

Китайская классическая поэзия. В пер. Л.З. Эйдлина. М., 1975.

Культура Китая. 中国文化简明教程:俄语版/李磊荣编著.—上海:上海外语教育出版社, 2015

Поэзия Ду Фу в переводах А.И. Гитовича // http://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt (Дата обращения 15.10.2016)

Поэзия эпохи Тан VII-X вв. / Составление и вступительная статья Л. Эйдлина. М., 1987.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СЕМАНТИКИ ЛУНЫ В КИТАЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЕЁ ПАРАЛЛЕЛЯХ С РУССКОЙ КЛАССИКОЙ

Сунь Цзя Вень, Л.Е. Хворова
(Гяньцзинь, Китай – Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка сопоставить некоторые аспекты семантики лексемы Луна в китайской и русской культурах и выявить общие и специфические особенности в интерпретации этого многозначного образа.

Ключевые слова: китайская словесность, русская классика, Луна, «семантические ряды» «лунных» символов

С глубокой древности китайский народ почитает Луну. В народном творчестве существует множество легенд об этом необычном природном светиле,

к примеру, очень популярна песнь «Чжань Э летает к луне». Кроме того, в народной культуре Луна является Богом любви, брака («Дедушка Луны»).

Поклонение Луне в Китае имеет давнюю историю. Её в какой-то степени олицетворяет Храм Луны, Юе Тань, который находится в Пекине. Он был построен династией Мин специально для моления Луне. Один из самых дорогих и торжественных праздников является праздник Луны, который отмечается с 15 августа по лунному календарю, а праздник Йюань Цао – с 15 января по лунному календарю.

В китайском древнем эпосе и китайской литературе символика *луны* широко известна, начиная с «Ши Цзин» Чжен Фун, а также Сию Чжу.

В сборнике 300 древних стихов Династии Тани символ луны изображен гораздо ярче, нежели образы других природных светил (солнце, небо, звёзды и т.п.), предметы, растения и др. Весьма красноречив и тот факт, что в сборник входят все известные поэты, чьи творения были посвящены именно этому небесному светилу.

Луна в китайской словесности необыкновенно богата символикой. Следует выделять семантическое наполнение *формы* этого небесного светила и его *содержания*, а также *объем* формально-содержательных характеристик. Встречаются словосочетания *полная луна, холодная луна, новая луна, осенняя луна, луна в воде, косая луна, остаточная луна* и т.д.

Выделяются следующие «семантические ряды» «лунных» символов.

1. Эстетический символ. Во многих буколичках, изображающих природу, всегда имело место немалое количество символов луны, несущих чувство красоты и тишины; упорядочение хаоса с восходом солнца («Проживание в селе», Тао Йюнь Минь).

2. Выражение собственных чувств и стремлений посредством лунной символики. В каждом историческом периоде находились талантливые представители интеллигенции, которые так или иначе высказывали несогласие с какими-либо общественными устоями или выражали настроение, печаль, грусть, тоску. В этом случае образ луны служил неким контрапунктом и символизировал чистоту и душевную верность.

3. Символ дружбы. В случае, когда человек беспомощен в делах, неудачлив в карьере, он ищет эмоциональную защиту, обращаясь к луне, и в этом смысле луна исполняет роль друга. Образ луны способен передать грустное, меланхолическое настроение поэта, если он одинок, в его представлении луна – это вечный спутник его тоски и печали.

4. Символ вечности, что означает: луна на небе неизменна в веках с древнейших времен, и перед вечной луной жизнь человека коротка и нестабильна.

5. Символ неустроенности жизни. Сравнительно с человеческой жизнью луна вечна, но в то же время она постоянно переменчива: она может быть *полной* и *остаточной*, как и человеческая жизнь в целом, которая то счастлива, то бедна, то тосклива. Другими словами, изменчивость луны созвучна природе, специфике человеческой жизни. Близкие люди собираются ночью, в полнолуние, чтобы быть вместе. Напротив, остаточная луна символизирует разлуку.

6. Символ тоски влюбленных. Одно из самых известных стихотворений о луне написано великим поэтом Ли Бо (701-762). На луну смотрят, любуются, подняв голову, а скучают по родному городу, опустив голову:

Когда над морем встает луна,
То где бы мы ни были
Мы одинаково будем любоваться ею.
Думы тихой ночью
У самой моей постели
Легла от луны дорожка,
А может быть, это иней?
Я сам хорошо не знаю,
Я голову поднимаю,
Гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю
И родину вспоминаю.

Итак, Луна – это символ красоты, который создает соответствующее настроение, является носителем человеческих эмоций, передает чувства влюбленных, отражает память человека о родном городе, друзьях и родственниках. Когда человек смотрит в тёмную даль ночного неба и видит яркую луну, то его разум всегда вызывает философию настроения, необъяснимую задумчивость.

К облику луны не обращаются как к Богу. Не обращаются к облику луны и за помощью о здоровье. Образ луны не связан с буддизмом.

Луна у китайского народа – символ вечности. Этот образ олицетворяет огромное космическое пространство, имеет историческое и культурологическое значение. Облик луны побуждает человека к поиску правды жизни, развивает, вдохновляет людей на размышления о мироздании.

Если сравнить восприятие этого природного компонента в русской духовной традиции, то следует учесть момент, что в ее рамках различаются, прежде всего, понятия света и тьмы. В Библии читаем: «И назвал Бог свет днем, а тьму – ночью» (Быт. 1. 4, 5). В соответствии с этим были созданы Богом два светила; светило большое, для управления днем и светило меньшее для управления ночью и звезды». В Толковой Библии дается следующее объяснение: «хотя эти великие светила и не названы здесь по имени, но совершенно ясно, что здесьразумеются солнце и луна». Дневной характер солнца и ночной – луны обозначил в русской литературе противопоставление. Ночной свет – обманчивый, ложный, ненастоящий, дневной – истинный, правдивый.

Русские религиозные философы в своих трудах не раз высказывались о значении лунного и солнечного света. Павел Флоренский писал, что «в ночь лунную (...) всё призраком готово стать», а «полная луна высасывает душу» [Флоренский, 1990: 18]. В. Розанов отмечал, что «луна и ночь обратны горячему солнышку» ... Солнце – супружество»... луна – вечное обещание, грёза, томление, ожидание, надежда, что-то совершенно противоположное действительному» [Розанов 1990: 14-17]. А. Лосев подчеркивал: «лунный свет есть гипноз» [Лосев 1990: 439].

О значении противопоставления солнца и луны в русской классической культуре писал И.А. Есаулов, посвятив довольно много места подобным рассуждениям в своей известной монографии «Категория соборности в русской литературе» [Есаулов 1995], подчеркивая «смысловую окрашенность» лунного света, его «нейтральность», противоположность «свету солнечному». Он рассмотрел целый ряд произведений в этом аспекте.

В повести «Капитанская дочка» мы имеем возможность наблюдать развёртывание роковых событий как бы по возрастающей – от месяца, который видит Гринев (заметим: он фактически лишь созерцает трагические события) до яркой луны, осветившей повешенных. Да и самому герою впоследствии придется пережить немало трагических испытаний.

Если обратиться к другим произведениям, то обнаруживается сходная картина. «В «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева живописное описание теплой летней ночи, которая согревает, успокаивает влюбленных Лаврецкого и Лизу, завершается неожиданно. Как бы резко обрывая повествование, автор предсказывает, что счастье это не будет долговечным, и мечты не сбудутся: «ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмах и долинах; и стали, издали, из ее благовоной глубины, Бог знает откуда, с неба ли, с земли ли, тянуло тихим и мягким теплом». И далее: «Следующий день прошел довольно вяло. С утра падал дождь».

Счастье не будет настоящим, крепким, но героям хорошо, они расслабились, покорились тихой, ласковой ночи: «Лиза наклонилась вперед; только что поднявшийся месяц светил ей в лицо. Ей было хорошо. Рука ее опиралась на дверцы кареты, рядом с рукой Лаврецкого. И ему было хорошо».

Обращает на себя внимание и то, что Тургенев, выдающийся мастер художественного слова, на фоне пейзажа дважды использует нарочно сухой и как бы «пустое» словосочетание «было хорошо», словно желая подчеркнуть искусственность ситуации. Действительно, «неполный месяц блестел твердым блеском»; свет его развивался голубым потоком по небу и падал пятном дымчатого золота на проходившие близко тонкие тучки...» [Хворова 2000: 14-15].

И.А. Есаулов подробно анализирует ставший уже хрестоматийным эпизод из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» лунной ночи в Отрадном, где лунный свет словно бы вторгается в жизнь героев и «соединяет пару» и обрекает ее «на распад».

Несмотря на различия в оценках значения образа луны в китайской и русской культурах, в переводных вариантах, например, Анны Ахматовой (как известно, у А. Ахматовой есть немало переводов китайских стихов на русский язык, в том числе стихов Ли Бо) находим и некоторые совпадения. Это относится к стихотворению Ли Бо «Луна над пограничными горами».

Ситуация у А.С. Пушкина («Капитанская дочка», «пропущенная глава») и Ли Бо похожи: и в одном, и другом случае воссоздана трагическая картина после битвы:

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла,
И бел облаков океан,
И ветер принёсся за тысячу ли
Сюда от заставы Юймынь.
С тех пор, как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И войны мрачно глядят за рубеж,
Возрата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

Луна рождает красивые, возвышенные, чистые и тихие чувства. Внешний вид месяца или луны вдохновлял и вдохновляет китайских поэтов на создание возвышенных стихов, а у читателей вызывает схожие ассоциации. Рецептивно облик луны также вызывает чувства очарования поэзией и прозой.

Литература

- Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. М., 1990. С. 18.
Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 14-17.
Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 439.
Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе». Петрозаводск, 1995.
Хворова Л.Е. Сила распятой правды: к истокам самобытности русской литературы»: Тамбов: Тамбовский гос. техн. университет, 2000. С. 14-15.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЛУНЫ (МЕСЯЦА) В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Г.С. Махрачёв
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка проанализировать семантику образа Луны в традиционной народной культуре Тамбовского края.

Ключевые слова: образ Луны, традиционная народная культура, русская народная астрономия, Тамбовская область

Немногочисленные материалы, собранные нами при целенаправленном опросе в диалектологической экспедиции в селах Тамбовской области по теме «Русская народная астрономия» (включающая собственные названия планет, астрономических тел, звезд, созвездий, Млечного Пути и т.п., которые можно увидеть на ночном небе не вооруженным глазом), убеждают нас в том, что региональный материал в научной литературе представлен недостаточно.

С одной стороны, это связано с географическими, ландшафтными, климатическими особенностями региона и традиционной трудовой деятельностью человека, в которой рыболовство и охотничество не было единственной или приоритетной отраслью хозяйства: регион в целом был ориентирован на сельскохозяйственную деятельность.

С другой стороны, со спецификой русского сознания и отражающей его русской языковой картины мира, в которой на современном этапе данной теме уже отводится менее значительное место, а сведения астрономического характера, как правило, хранятся в пассивном запасе. На это же указывают и исследования, проводимые в других регионах: «Русская народная астрономия, – пишут уральские ученые, – собственные названия объектов звездного неба <...> в ономастике современных русских народных говоров занимает весьма незначительное место. Даже в ходе направленного опроса редко выявляется сколько-нибудь систематизированный набор астрономов (обычно информанты вспоминают одно-

два названия, не всегда умея идентифицировать их с конкретными созвездиями или звездами)» [Рут 2003:108].

Характерной для большинства носителей тамбовских говоров неосведомленности о расположении небесных тел, их конфигурации, места и времени появления на небе, можно противопоставить «популярность» определенных объектов звездного неба и их «включенность» в обряды для получения магического эффекта и/или утилитарной выгоды. Одним из таких «популярных» небесных тел можно признать Луну и ее фазы (нарождающаяся и убывающая, чаще номинируемые как месяц), ср.: «о нарождающемся месяце» – *пологий месяц* (см.: подробнее [Белова, Толстая 2004: 143-147; Белова, Толстая 2004: 147-150]).

Семантика образа Луны (а также ее фаз: нарождающаяся и убывающая луна, месяц) и ее интерпретация становится понятной и логичной, если ее рассматривать в рамках культурологических оппозиций, таких, как молодой (новый)/старый, первый/последний, рождение/смерть, а также часть/целое (см. подробнее об оппозициях [Байбурина 1994: 35-48; Валенцовой 2002: 192-208]).

Заметим, что в традиционной народной культуре члены оппозиции нередко соотносятся с определенной оценкой, причем, *левый*, как правило, с положительной, а *правый* – с отрицательной. В нашем же случае оценка членов оппозиции варьируется в зависимости от ситуации. Например, основу семантики большинства обрядов, поверий и гаданий на фазу зарождающейся Луны, составляют представления о «приросте, увеличении, прибыли, жизненной силе», которые отражают визуальные изменения небесного тела. Ср.:

Вопрос: *В какое время необходимо собирать травы, чтобы они сохраняли свои лечебные свойства?*

Ответ: Ну, период, конечно, они сочные и хорошие получаются на растущей луне, луна растёт, на растущей: народилась луна, и она всё прибавляет, прибавляет, растёт, вот бывает..., растёт. Вот на этой, на растущей луне, весь сок наверху, вот тогда и собираем, стараемся (Назарьева Евгения Николаевна, 1937 г.р., с. Покрово-Марфино, Знаменский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачёвой, 2001 г.).

Не менее интересны и представления, связанные с самой возможностью изменения или получения чего-то качественно нового одновременно с «рождением» небесного тела, например, жениха, здоровья, небесного покровительства и т.п.:

Потом ещё вот такое есть поверье. Вот, например, луна, когда она зарождаётся только, обычно она зарождается – какая эт у нас сторона-то... запад? Север, юг... восточная сторона, восток (далее слово неразборчиво – прим. автора). Она с этой стороны всегда всходит, у нас тут обязательно на неё надо помолиться, попросить что тебе захочется, попросить. Да, это вот я...

Вопрос: *Сбудется?*

Ответ: Это сбудется. Это будет она, она как бы тебя бережёт и до сих пор это вот такое. Я, например, всегда так делаю, всегда. Только как я увидела – сверху она: О, – говорю, – Луна зародилась, Господи, не хуже, Царица Небесная Матушка, Мать Божья, помоги, Господи, например, что дай, Господи, или там доб-

рого здоровья кому-нибудь там желаю и себе, и своим родным, вот... А кто иё знает, может, она и помогает. Мне так говорили, что она помогает. Это и Вы запомните. Когда только зарождаица вот, попроси: дай, Господи, мне хорошего жениха... (Андросова Нина Николаевна, 1937 г.р., с. Песковатка, Петровский р-н, запись Т.В. Махрачевой, 2002 г.).

Однако фаза нарождающейся луны может быть использована и в противоположном значении, с целью что-то «известить, уничтожить». Несмотря на то, что в нашей базе данных такие примеры малочисленны, однако само их наличие представляет определенный интерес:

Вот, допустим, около дома стоит дерево, оно мешает... там крыше иль фундаменту, ну, может какой-то ущерб нанести этому дому или там помещению. И вот надо это дерево спилить или срубить и не просто так, для того, чтобы вреда не нанести природе считалось так: с восходом, значит, с рождением луны дерево весной надо полить солёной водой, вот. И дерево постепенно начнёт погибать, поток, наверное, жидкости идёт и его в любое время можно спилить. Да, спилить или срубить (Худякова Тамара Аркадьевна, 1948 г.р., с. Ольгино, Ржаксинский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачёвой, 2001 г.).

Сема «известить, уничтожить» актуализируется в обрядах, связанных со знахарской практикой, и, как правило, приурочивается к фазе убывающей луны.

Вопрос: *Как лечили бородавки?*

Ответ: Так, а бородавки вот правильно заговаривали. Пшено брали, катали по бородавкам и говорили: «Месяц под исход, бородавкам сход. Месяц под исход, бородавкам сход». Так повторялось три раза... [...] А бородавки заговаривали их, когда месяц сходил, то он нарождается, а то наоборот. Конец месяца, когда он уже делается круглый, вот тогда бородавки заговаривали: «Месяц под исход, бородавкам сход»... (Кривенцева Валентина Николаевна, 1949 г.р., г. Рассказово, Рассказовский р-н, Тамбовская обл., запись Д.Н. Лоскутовой, 2003 г.).

Литература

Байбурин А.К. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С.А. Токарева / Сост. В.Л. Петрухин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

Белова О.В., Толстая С.М. Луна // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I-V. Т. III. К(Круг) – П (Перепелка) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международ. отношения, 2004.

Белова О.В., Толстая С.М. Лунное время // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I-V. Т. III. К(Круг) – П (Перепелка) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международ. отношения, 2004.

Валенцова М.М. Первый в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство в культуре/ Отв. ред. С.М. Толстая. М.: «Индрик», 2002.

Рут М.Э. Русская народная астрономия //Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып.2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 108-112.

БЫСТРОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ В СТИХОТВОРЕНИИ М. КУДИМОВОЙ «РЯБИНА»

М.Э. Трифонова
(г. Тамбов, Россия)

Автор статьи анализирует стихотворение М. Кудиновой «Рябина», в котором поэт раскрывает концепцию своей философии, показывает, что символика этого дерева в данном стихотворении отражает движение человеческой жизни; устанавливается параллель со стихотворением М. Цветаевой «Красной кистью...».

Ключевые слова: поэзия М.В. Кудиновой, стихотворение «Рябина», М. Цветаева, быстротечность жизни

Поэзия М.В. Кудиновой многогранна, сложна, оригинальна. Своеобразие и тайна поэтических творений заключаются в бескрайней глубине мыслей и образов, которые далеко не сразу становятся понятными читателям, ибо всё великое и по-настоящему значительное требует напряженной и продолжительной работы ума. Поэтические строки дают мощный толчок к рассуждениям о вечных темах и проблемах человечества, которые разливаются во времени и пространстве. Очень метко замечание Е.А. Евтушенко, который сразу увидел и по достоинству оценил выдающиеся способности этой удивительной личности: «Нечто кентаврье есть в мощной поэзии Кудиновой, в которой тем не менее прорываются всплески крыл царевны-лебеди, скрытой под напускным богатырством» [Евтушенко 1999: 939].

Таким выразительным, живым и оригинальным является стихотворение «Рябина», которое входит в сборник «Перечень причин» (1982). В произведении поднимается тема скоротечности времени и земной жизни. Совершенно не случайно стихотворение получило такое название. У М. Кудиновой нет ничего спонтанного. Чувствуется, что каждое слово, каждое выражение глубоко продумано и взвешено. Согласно А.Н. Афанасьеву, рябина в народных представлениях символизирует мудрость, одиночество, но вместе с тем стойкость, поскольку ее ягоды становятся сладкими после наступления морозов [Афанасьев 1968: 106]. Символика этого дерева в данном стихотворении, несомненно, отражает движение человеческой жизни. Каждый человек на своем пути неизбежно сталкивается с осознанием того, что он не становится моложе, а, напротив, год за годом «обмирает по рябине-ягоде». Понимая тщетность попыток противостоять судьбе, повернуть ее вспять, человек покорно смиряется перед ней и с мудрым спокойствием продолжает плыть по волнам времени, которые медленно, но верно уносят его к бескрайним берегам вечности.

Стихотворение М. Кудиновой насыщено яркими метафорами, образными выражениями:

Я, потворствуя судьбине,
С половодья, загодя,
Обмираю по рябине,
По рябине-ягоде.
Грежу, рдеет на угоре,
День откуда – кубарем.

*На осеннем на майдане
При разборе шапочном
Мы стоим, как могикане, –
Приглянулось так уж нам [Кудимова 1982: 65].*
[Здесь и далее курсив наш. – Т.М.]

Неожиданные сравнения, которые всегда содержат в себе некую загадку, придают неповторимость и нестандартность произведениям:

Грежу, рдеет на угоре
День откуда – кубарем.
*Словно бы младенец в кори
Или отрок в угорьях;*
На осеннем на майдане
При разборе шапочном
Мы стоим, как *могикане*, –
Приглянулось так уж нам.

Поэт словно играет с читателем, ожидая от него для понимания смысла написанного и проникновения в суть произведения решения своеобразного «словесного ребуса».

В стихотворении М. Кудимовой «Рябина» отчетливо прослеживается параллель со стихотворением М. Цветаевой «Красной кистью...», в центре которого также стоит образ-символ рябины. Параллели между творчеством М. Цветаевой и М. Кудимовой проводились несколькими исследователями. М.Ф. Пьяных, отталкиваясь от образной оценки Е.А. Евтушенко, сопоставил личностное и творческое сходство поэтесс, разделенных десятилетиями: «Этот кентавризм и парадоксализм роднит Кудимову прежде всего с М. Цветаевой, но не уподобляет ей. Свое родство с Цветаевой Кудимова обнаруживает во многом, но главное – в природном темпераменте, соединяющем женственность с мужественностью. Будучи самостоятельной, сильной и волевой личностью, Кудимова не подражает Цветаевой, а обнаруживает глубинное родство с ней» [Пьяных 2005].

Г. Яропольский в статье «Кудимовские кудеса» замечает в характере Марины Кудимовой, всегда положительно отзывавшейся о Цветаевой, наличие тех качеств и черт, которые представляются наиболее значимыми для нее самой или которые поэтесса хотела бы видеть в себе [Яропольский 2010]. Рассуждая о личности М. Цветаевой, она невольно сравнивает свою деятельность с ее поэтическим своеобразием, подчеркивая тем самым нерасторжимую духовную связь, определенную схожесть творческих путей, задач, целей и взглядов между собой и ею.

Сама М. Кудимова в статье «Обитель на горе» с неподдельным интересом к творчеству поэта Серебряного века пишет: «Её роман с русским языком, намертво отдаленным сегодняшней культмассовой Ходышкой, занимательнее её эротических переживаний, часто разжигаемых в вечном страхе поэта перед творческой немотой. Метру и ритму – двум жестоким, не хранящим в кармане альтернативного пряника укротителям стиховой стихии, Цветаева покорялась, как ни одной из своих страстей» [Кудимова 2012]. Эти слова демонстрируют соотнесенность с самим автором статьи. И для М. Кудимовой, и для М. Цветаевой рус-

ский язык стал большой любовью, настоящим пылким «романом-ураганом», а «стиховая стихия», великая и непобедимая, сильнейшей, пленяющей страстью.

М. Цветаева всегда с особым вниманием относилась к знакам судьбы, посылаемых свыше, видела в них тайные намеки, угадывала значения посылаемых символов. И рябина, это загадочное дерево, «навсегда вошла в геральдику ее поэзии». «Пылающая и горькая, на излете осени, в преддверии зимы – она стала символом судьбы, тоже переходной и горькой, пылающей творчеством и уходящей в зиму забвения» [Павловский 1989: 18].

Яркий костер рябиновых ветвей, налитых соком, полных свежести, стойкости, молодости, ассоциируется в стихотворении М. Цветаевой с вечностью в противовес земному человеческому бытию, скоротечному и преходящему. Багряные гроздья рябины расцветивают унылый осенний пейзаж, вдыхая в него жизнь. Но если это дерево, предстающее во всем своем пышном великолепии, каждый год возрождается, то человеческое существование мимолетно, ограничено жесткими рамками времени. И преодолеть их невозможно. Пусть и хочется «доныне грызть жаркой рябины горькую кисть». Никто не властен над конечным пунктом своей земной жизни, и противиться судьбе не имеет смысла.

В стихотворении М. Кудимовой звучит мотив уходящей юности. Человек переходит в новую фазу жизненного цикла. Однако его не страшит забвение, наступление заката жизни, потому что бесценные годы прожитого закалили душу и характер, сделали человека стойким, сильным, уверенным, как рябину лютые, безжалостные морозы превратили в выносливое и крепкое дерево. Он, говоря, что «охвачен не тленьем – переходным возрастом», оптимистически настроен на грядущие перемены. Научившийся жизненной мудрости знает, что впереди бессмертие, а значит ему не стоит бояться того переходного состояния, к которому он неуклонно приближается.

С высоты времени и накопленного опыта намного легче принимать все то, что происходит вокруг человека. Повидавшему многое на своем пути открывается покоренная вершина жизни, откуда он взирает на сложный, многообразный и насыщенный событиями мир. Метафора «рдеет на угоре день откуда – кубарем» подчеркивает, как быстро проходит жизнь, как пролетают годы, бесценные и неповторимые. Человек «грезит», физически ощущает и явственно видит, как «рдеет» еще один проходящий день и миг исчезает, срываясь вниз. В свершающихся событиях человек видит для себя нечто очень значимое. С высоты времени рассуждая о прожитом, он представляет себя «могиканом», стоящим на «осеннем майдане» (на базарной площади, сборном месте) при «шапочном разборе» (фразеологический оборот, означающий окончание чего-либо, в данном стихотворении говорит об окончании юности, о проходящей жизни). Человек на закате своих лет чувствует себя подобно могиканам, представителям вымирающего направления, могущественному индийскому племени, которое отживает свой век. Такое сравнение подчеркивает величие и особенность для каждого человека событий и явлений его жизни.

И все-таки М. Кудимова, размышляя о проходящей жизни, печальном уходе юности, заканчивает свое стихотворение «Рябина» на высокой оптимистической ноте. «Мы охвачены не тленьем – переходным возрастом», – говорится в нем. М. Кудимова, как настоящий философ, умудренный богатым опытом, разрешает проблему уходящей юности. Да, время неизбежно движется вперед. Но осень

жизни – это еще не ее конец. Поэт уверен, что с уходом юности душа человека не меркнет, не угасает: она полна воспоминаний, «лестных» дум о незабываемо прекрасных событиях молодых лет. Память об этой славной поре будет согревать сердце человека всю оставшуюся жизнь. Ему незачем отчаиваться и унывать. Воспоминания будут дарить радость, освещать жизнь человека лучами летнего солнца, когда он осенью станет думать об отгремевшей молодости...

Литература

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Тт. I-III. Т.1. М., 1995.
Евтушенко Е.А. Десять веков русской поэзии. М., 1999.
Кудимова М. Перечень причин: Стихи. М., 1982.
Кудимова М.В. Обитель на горе // Литературная газета. 2012. № 39.
Павловский А.И. Куст рябины: о поэзии Марины Цветаевой. Л., 1989.
Пьяных М.Ф. Кудимова Марина Владимировна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. Тт. I-III. / под ред. Н.Н. Скотова. М., 2005. <http://www.az-libr.ru/Persons/000/Src/0010/03212fb0.shtml> (Дата обращения 25.09.2016).
Яропольский Г. Тамбовская волчица, живущая в Переделкине // 45-я параллель. 2010. № 31 https://45parallel.net/marina_kudimova/ (Дата обращения 15.09.2016)

А.П. ЧЕХОВ И ТАМБОВСКИЙ КРАЙ

А.О. Попова, А.С. Щербак
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка проанализировать связь известного писателя XIX в. А.П. Чехова с Тамбовским краем и установить его заметное влияние на творчество писателя.

Ключевые слова: А.П. Чехов и Тамбовский край, рассказ «Каштанка», ономастикон

Тамбовский край оказал заметное влияние на творческий процесс А.П. Чехова. Предположительно, в 1892 году Чехов навестил в Рассказово Тамбовской губернии своих «однокашников» по Московскому университету М.В. Асева и А.И. Петэна.

Примечательно, что темой для создания произведения «Каштанка» послужил рассказ актёра из Тамбова Василия Григорьева, который и рассказал случае с собакой, попавшей в тамбовский цирк. Однако существует и другая версия, что «историю Каштанки рассказал писателю дрессировщик В.Л. Дуров, у которого одной из первых дрессированных собак была молоденькая рыжая Каштанка» [Супрун 2000: 135]. Интересен тот факт, что годом раньше был написан рассказ «Ванька» (1886), в котором фигурирует *старая Каштанка*.

Собака по кличке *Каштанка* описывается в рассказе так:

«Молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Услыхав свое имя, помесь такса с дворняжкой вышла из-под вер-

стака, где она спала на стружках, сладко потянулась и побежала за хозяином» [Чехов 1984: 113].

Уже в самом начале автор конкретно даёт нам ответ на вопрос, почему собака носит кличку *Каштанка*. В русском языке эта кличка относится к так называемым мотивированным кличкам, которые определяются некоторыми характерологическими признаками: «*Совсем лисица*», «*А ты, пыжик, не бойся...*», «*Подняла вверх свою лисью морду*»

Подобными словесными контекстами А.П. Чехов дает читателю понять, что кличку Каштанка получила за свой рыжий цвет шерсти, который обычно бывает у лисиц. По нашим наблюдениям, почти четверть кличек современных собак отражает характерные внешние особенности наших домашних любимцев (собак и кошек).

В начале рассказа мы видим размышления Каштанки о том, почему она осталась одна, почему заблудилась. Каштанка могла разделять людей на хозяев и заказчиков, понимала, на кого можно лаять, на кого нельзя.

По мере развития сюжета мы замечаем, что собаке снится сон. После того, как Каштанка потерялась, её жизнь разделяется на две части: первая – это жизнь у столяра, и вторая – жизнь у циркача. А.П. Чехов очень тонко проводит грань между прошлым и настоящим собаки. В прошлой жизни её звали *Каштанкой*, а в настоящей жизни *Теткой*. Каштанку постоянно били и ругали, а Тетку хвалили и называли талантом.

В конце рассказа мы видим, что преданность собаки взяла вершину над чувствами Каштанки, и она вернулась к прежнему хозяину. Возможно, ей было неважно, как её кормят, восхваляют, она была преданна своему хозяину, и то, что было с Каштанкой в доме циркача, осталось в памяти как «*перепутанный, тяжёлый сон*» [Чехов 1984: 123]. Обращает на себя внимание тот факт, что автор наделяет собаку такими качествами, которые свойственны человеку, а именно: разумом, любовью, состраданием.

В этом рассказе А.П. Чехов даёт имя и отчество коту – *Иван Иванович*, и гусю – *Федор Тимофееч*, и свинье – *Хавронье Ивановне*. Это обусловливается тем, что животные выполняли больше работы, чем люди: они тренировались, выполняли команды, которые очень трудно выполнимы. Чехов иронически описывает гуся, которого трудно дрессировать, и кота, который делал всё с неохотой. Но тем не менее, как бы героям не хотелось этого делать, они все равно привыкли выполнять свои трюки. Подобного рода имена и отчества животных выполняют содержательную и стилистическую роль в произведении.

Заметим, что многочисленные герои известных русских сказок имеют отчества. Ср.: Змей Горыныч, Ворон Воронович, Лиса Патрикеевна, Михаил Потапыч, Месяц Месяцovich, Пастухан Пастуханovich, Лазарь Лазоревич, Курихан/Курхан Куриханovich. Сказочная Баба-Яга, которая бывает и доброй, и злой по отношению к герою, имеет не одно отчество, ср.: Яга Яговна (Ягивовна, Ягишишна, Яганишна, Ягишна, Ягишня и т.д.), и даже черт имеет отчество – Иван Иванович; «Марья Васильевна да Василь Василич» (коза с козлом).

За этими фольклорными художественно-поэтическими именованиями отражается не только народная традиция русской антропонимической модели, а нечто большее. За ними стоит русская этическая традиция именования лиц в национальной культуре.

Как свидетельствуют лингвистические источники [Горбаневский 1988], первые русские слова, оканчивающиеся на -ОВИЧ, -ЕВИЧ служили для именованя детей знати и духовенства. Ср.: царь – царевич, король – королевич. В далеком прошлом суффикс -ИЧ имел значение не отчества, как сейчас, а значение «не-взрослости», который впоследствии заменился суффиксом -ОНОК/ЁНОК. Это особенно наглядно проявляется в названиях детенышей животных (соколич, козлёнок, телёнок, воронёнок, курёнок), т.е. со временем назначение суффикса -ИЧ изменилось. В сочетании с личными именами он стал использоваться для образования отчеств.

Имя столяра *Лука Андреич* отражает разговорный вариант сокращенного отчества (Андреевич). А.П. Чехов, называя своих персонажей, наделяет их определёнными качествами. Так, *Лука* переводится с латинского как «свет» [Суперанская 2005: 158]. Наличие суффикса *-ич-* в отчестве Андреич несет негативную окраску. Тем самым, в персонаже сочетается как светлое начало от имени, так и тёмное, негативное от отчества.

В.И. Супрун подчеркивает, что «рассказ «Каштанка» по праву может быть назван раем для зоонимиста. В этом произведении ... зоонимы составляют 98% всех ономастических единиц текста» [Супрун 2000: 135].

Таким образом, имена собственные в структуре художественного текста способствуют формированию образной структуры произведения, о чем неоднократно писали многие лингвисты (Н.В. Васильева, М.В. Горбаневский, В.И. Супрун, О.И. Фонякова, Н.К. Фролов и мн. др.).

Литература

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000.

Чехов А.П. Рассказы. Повести. Пьесы. М.: Просвещение, 1984.

О ПРИЕМЕ ОНОМАТОПЕИ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

В.В. Колчанов, С.А. Косякова
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматривается функция приёма ономотопеи, который представляет собой уникальный случай – дьявольскую провокацию-наваждение в тексте булгаковского романа «Белая гвардия»; данный приём дает возможность писателю продолжить на материале русской действительности всемирную тему глумления бесовского над человеческим.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, роман «Белая гвардия», прием ономотопеи

Исследование творчества М. Булгакова по праву можно назвать «расширяющейся вселенной»: десятки новых монографий, статей, докладов далеко не исчерпывают всего многообразия его подходов к языку. Ускользает от внимания

ученых и такой немаловажный аспект, как модернистские приемы искажения языка, показывающие общественный распад, разрушение и гибель личности в периоды социальных катаклизмов и экономических потрясений.

К одному из таких приемов относится прием оноματοпеи, связанный со «звукоподражанием, образованием слов, условно воспроизводящих природные звуки, крики животных <...>, а также созданием слов путем звукоподражания» [Розенталь, Теленкова 1985: 177].

В качестве примера возьмём текст романа «Белая гвардия» С одной стороны, потому, что он как нельзя лучше отражает основную духовную сторону кровопролитной Гражданской войны – апокалиптические чаяния русского народа, с другой – потому что разложение и гибель «белой гвардии» являются его основной темой.

Во-первых, к приёму оноματοпеи относятся всевозможные невербальные шумы, исходящие от неживых предметов: уханье, бормотание, ворчание и др. «Самовар... поет зловеще и плюётся», «Бу-у, бу-у...», – «поют», «как в вату», пушки; «У-уух», – «откуда-то, из утробы земли, звучит за городом»; «грозно» и «неприятно» «завывает» паровоз»; «дико завывает» или «тихонько и злобно сипит» с «огненным брюхом», с «хоботом», в «глухом наморднике» «жаба»-бронепоезд; «ворчит» глоссолалиями «серенькая зимняя даль»: «Гу...гу...гу... Бу...бу...бу...»; «поют», «заводят музыку» «похожие на злых комаров пулеметы»: «Арррррррррррррррррр-па-па-па-па-па! Па! Па! Па! Рррррррррррррррр р!»; «предостерегающе» «хрипят» и «презрительно» «давятся» часы: «Тонкрх... тонкрх...», «Тонк-танк»; ружейная трескотня вливается в телефонный зуммер: «Дррррр! – Тиу... Дррррр... Ти... ти... ти...» и т.п.; «адовый грохот молотков взламывает молчание подвалов гимназии»; «Топы-топы-топы», – «бренчат шпоры».

Во-вторых, к данному приёму принадлежит имитация птичьего пения, выбор которого относительно интересующей нас темы не случаен. В мифологической традиции птице принадлежит роль вестницы беды. Поэтому запутавшаяся в паутине птица из сна Николки «оглушительно стучит», свистит, «протяжно орет», предвещая смертельную болезнь брата: «Тикитики, тики, тики. Фью. Фи-у! Тики! Тики. Фу ты, черт! ...Ник, Ник! Кто, кто, кто, кто, кто, кто, так!... Фи-ти! Фи-у! Фьюх!»; «Трики, фит, фит, трики» и т.д., а «картавый клекот» «галльских петухов» предвещает приход «Пэтурры». «Поминутно поют» в вагоне-салоне петлюровского командира «корпуса облоги» Торопца «телефонные птицы», «тихие нежные петушки» («Ти-у... пи-у... слушаю! пи-у... ти-у...») и т.д.), голоса которых провоцируют «бесследное исчезновение» адъютантов Щеткина, самого полковника Щеткина и броневого дивизиона вместе с его командиром. Вот как, например, это происходит с составом последнего:

«Утром возле трех машин в мутном рассвете была горестная суета с фонарями. Капитан Плешко был бледен, оглядывался, как волк, и требовал механика. Тут-то и начались катастрофы. Механик исчез. Выяснилось, что адрес его в дивизионе, вопреки всем правилам, совершенно неизвестен. Прошел слух, что механик внезапно заболел сыпным тифом. Это было в восемь часов, а в восемь часов тридцать минут капитана Плешко постиг второй удар. Прапорщик Шполянский, уехавший в четыре часа ночи после возни с машинами на Печерск на мотоциклете, управляемой Щуром, не вернулся. Возвратился один Щур и рассказал

горестную историю <...>. Щур ждал прапорщика два часа, хотя тот приказал ждать его всего лишь один час, а после этого вернулся в дивизион, дабы не подвергать опасности себя и казенную мотоциклетку № 8175.

Капитан Плешко стал еще бледнее после рассказа Щура. Птички в телефоне из штаба гетмана и генерала Картузова вперебой пели и требовали выхода машин. В девять часов вернулся на четвертой машине с позиций румяный энтузиаст Страшкевич, и часть его румянца передалась на щеки командиру дивизиона. Энтузиаст повел машину на Печерск, и она, как уже было сказано, заперла Суворовскую улицу.

В десять часов утра бледность Плешко стала неизменной. Бесследно исчезли два наводчика, два шофера и один пулеметчик. Все попытки двинуть машины остались без результата. Не вернулся с позиции Щур, ушедший по приказанию капитана Плешко на мотоциклетке. Не вернулась, само собой понятно, и мотоциклетка, потому что не может же она сама вернуться! Птички в телефонах начали угрожать. Чем больше рассветал день, тем больше чудес происходило в дивизионе. Исчезли артиллеристы Дуван и Мальцев и еще парочка пулеметчиков. Машины приобрели какой-то загадочный и брошенный вид, возле них валялись гайки, ключи и какие-то ведра.

А в полдень, в полдень исчез сам командир дивизиона капитан Плешко» [Булгаков 1997, Т. VII: 161-162].

О том, что в период петушиного концерта человеческая жизнь поставлена на карточный кон, красноречиво говорит не только фамилия петлюровского полковника Козыря-Лешко, первым ворвавшегося в город, но и мистическое число 21, получающееся путем сложения цифр в номере казенной мотоциклетки № 8175, на которой ушли в ночную разведку боем Шполянский и Щур. В раскладе игральных карт число 21 означает тюремную игру «Очко», выигрыши от которой идут в казну крупного тюремного авторитета (в романе это тюремная камера с мистическим числом № 666, в которой, по «мифу», сидит Петлюра); в раскладе мистических карт Таро число 21 символизирует цепь вечных жизненных превращений, если после нее не вступает карта «0» («Шут», «Дурак», «Слепец»), означающая конец жизненной драмы, финал жизненного пути героев. Вот на этом модернистски преображенном числе и выезжают черти-заговорщики: организатор «городского литературного ордена» «Магнитный Триолет» прапорщик Шполянский («с ног до головы <...> вымазанный в машинном масле (даже лицо) и почему-то в саже») и водитель Щур (укр. *крыса*; русск. *чур-домовой*). Вкупе с другими заговорщиками – Копыловым (читай: с копытами) и «курносый Петрухиным» (читай: Петухиным; или читай: героем одного из романов украинского писателя В.К. Винниченко (1880-1951) – «Курносый Мефистофелем») квартет прочитывается, как: черти с копытами во главе с Мефистофелем. Присутствует в этом приеме беглого маркирования, использованного Булгаковым, и литературная игра-пародия с украинскими собратьями по перу в период правления Симона Петлюры.

Шполянский – настоящая фамилия российского поэта и сатирика Шполянского, выступающего под псевдонимом Дон-Аминадо (1888-1957), не принявшего революции и уехавшего в 1918 году в Киев, где печатался в газетах «Киевская мысль», «Утро» и «Вечер» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>], а «курносый Петрухи-

ным» мог стать сам украинский писатель В.К. Винниченко, автор романа «Записки Курносого Мефистофеля» и глава петлюровской Директории (Председатель Директории Украинской Народной Республики). Сближает их и то обстоятельство, что оба писателя родились в уездном городе Елисаветграде Херсонской губернии и умерли во Франции.

«Телефонные птицы» нарушают войсковые связи, разрушают «диспозиции», разрешают от «бремени» чести и отваги. Мы приведем еще несколько отрывков, следующих в романе со страничным интервалом, чтобы показать «поминутную» работу «нежных петушков», зародившихся в штабном вагоне командира петлюровского корпуса облоги, полковника Торопца:

«В вагоне-салоне с зашарканным суконным полом поминутно пели тихие нежные петушки, и телефонисты Франько и Гарась, не спавшие целую ночь, начинали дуреть.

– Ти-у... пи-у... слушаю! Пи-у... ти-у...» [Булгаков 1997, Т. VII: 146].

«Нет, никто не поймет, что происходило в Городе днем четырнадцатого декабря.

Звенели штабные телефоны, но правда, все реже, и реже, и реже...

Реже!

Реже!

Дрррр!..

– Тиу...

– Что у вас делается?

– Тиу...

– Пошлите патроны полковнику...

– Степанову.

– Иванову.

– Антонову!

– Стратонову!..

– На Дон... На Дон бы, братцы... что-то ни черта у нас не выходит.

– Ти-у...» [Булгаков 1997, Т. VII: 149-150].

«И в центре Города получилось отражение:

стали потухать петухи в штабных телефонах.

Пищат с батареи в штаб дивизиона. Что за чертовщина, не отвечают! Пищат в уши из дружины в штаб командующего, чего-то добиваются. А голос в ответ бормочет какую-то чепуху.

– Ваши офицеры в погонах?

– А, что такое?

– Ти-у... Ти-у...

– Выслать немедленно отряд на Печерск!

– А, что такое?

– Ти-у... [Булгаков 1997, Т. VII: 151].

«Поехала околесина на дрожках:

– Болботун – великий князь Михаил Александрович.

– Наоборот: Болботун – великий князь Николай Николаевич.

– Болботун – просто Болботун!

– Будет еврейский погром.

«Вы в раю, полковник?» – спрашивает во сне Алексей Турбин одетого в бу-тафорские средневековые латы мертвого Най-Турса, а тот ему голосом чёрта с его характерным мимическим жестом-подмигиванием – отвечает: «Умигать – не в помигушки иг'ать. В гаю».

Литература

Булгаков М.А. Собр. соч.: Тт. I-X., Т. VII., М.: Голос, 1997.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%90%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BE> [Дата обращения: 17.10.2016]

МЕТАФОРА. МЕТАМЕТАФОРА. МЕТАБОЛА

Евгений Степанов
(г. Москва, Россия)

В статье делается попытка дать определение терминам «метафора», «метабола» и «метаметафора», определить их место в однородном ряду, а также рассмотреть их как стилистический прием в творчестве Геннадия Айги и Виктора Сосноры.

Ключевые слова: метафора, метабола, метаметафора

Метафора как универсальный троп, применяемый и в поэзии, и в прозе, и в повседневной речи является предметом исследования на протяжении столетий.

Одну из первых дефиниций дал Аристотель, который считал, что метафора «есть перенесение имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии... Слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство (в природе)» [Аристотель, цитата из // Квятковский 1966: 156].

В. Жирмунский, развивая точку зрения Аристотеля, видел смысл метафоры в дифференциации семантики: «С тропами мы встречаемся и в обыденном языке. Изменения смысла слов происходит в языке по тем же категориям, по каким оно происходит в поэзии. Слова в определенном контексте могут менять в языке свое значение. Из этого окказионального (на данный случай) изменения слова в конце концов происходит и замещение значение слова узуальное, т.е. устанавливается узус, обыкновение, по которому слово может употребляться в другом значении, уже связанном с языковым обычаем» [Жирмунский 2009: 323]. Р. Якобсон отмечал, что «Метафора устанавливает продуктивную ассоциацию путем аналогии или контраста» [Квятковский 1966: 156].

В целом, русская филологическая наука основательно изучила и продолжает изучать различные аспекты метафоры.

Наша дефиниция предельно проста и основана на точке зрения В. Жирмунского: метафора – это замена окказионального значения слова на узуальное; прием, служащий определенной художественной задаче.

Исходя из вышеприведенного постулата, мы и будем в дальнейшем анализировать предмет нашего исследования.

Речь метафорична по своей природе, именно метафора раздвигает границы сознания и познания, обогащая язык (иначе он просто не смог бы существовать и развиваться!) и рацио. Метафора может быть выражена существительным, прилагательным, глаголом – это подвижная и универсальная лингвистическая структура, которая объединяет язык поэзии и прозы, делает верлибр верлибром, а язык практический и прозаический – языком поэтическим. Метафора повсеместна. Предельно лаконично и убедительно по этому поводу высказался А. Квятковский: «Наша бытовая речь пестрит метафорами.: идет дождь, он потерял голову, кружится голова, торговая сеть, горячее сердце, убит горем, встает солнце, пришла весна, железная воля, у нее кровь с молоком, горящие глаза, тонкий голос, тяжелый характер и т.д.»[Квятковский1966: 156].

Однако метафоры подобны нарядам – рано или поздно устаревают. То, что вчера казалось новым, сегодня оказывается штампом. Об этом много лет назад точно заметил Р. Якобсон, который в книге «Работы по поэтике» писал: «Трактуя о языковых явлениях прошлого, трудно избежать схематизации и некоторого рода механизации. Сегодняшний уличный разговор понятней языка «Стоглава» не только обывателю, но и филологу. Точно также стихи Пушкина как поэтический факт сейчас непонятнее, невразумительнее Маяковского или Хлебникова» [Якобсон 1987: 272].

В. Жирмунский употреблял термин «поблекшие метафоры», т.е. «метафоры, которые не оказывают в обычной прозаической речи никакого особого эмоционального художественного воздействия» [Жирмунский 2009: 327.] Поблекших метафор в отечественной изящной словесности накопилось множество. И, конечно, в современной поэтической речи они выглядят не всегда уместно. Между тем, роль поблекших метафор амбивалентна, и рассматривать их только с отрицательной точки зрения нельзя, именно на их фоне появляются новые имажинативные системы. Появляются, соответственно, и новые термины. Р. Якобсон подчеркивал: «Когда в какой-то метафорической системе метафорическая функция сильно акцентирована, традиционные классификации рушатся, и предметы вовлекаются в новые конфигурации, подчиненные новым классификационным признакам»

В 1986 году Константин Кедров предложил термин «метаметафора» и сформулировал квинтэссенцию «метафоры, где каждая вещь – вселенная» [Кедров 1999: 189]. «Такой метафоры, – пишет К. Кедров, – раньше не было. Раньше все сравнивали. Поэт как солнце, или как река, или как трамвай. У Парщикова (*поэт Алексей Парщиков. – Е.С.*) не сравнение, не уподобление. Он и есть все то, о чем пишет. Здесь нет дерева отдельно от земли, земли отдельно от неба, неба отдельно от космоса, космоса отдельно от человека. Это зрение человека вселенной. Это метаметафора» [Кедров 1999: 189-190]

Михаил Эпштейн создал термин «метабола». «Метафора или сравнение – это вспышка, более или менее яркая, но неизбежно гаснущая, ибо привносится в реальность откуда-то извне, чтобы на миг осветить ее и запечатлеть. Новая поэзия ищет источник света в самом освещаемом предмете, раздвигая изнутри границы его реальности, раскрывая его одновременную и безусловную принадлежность разным мирам. Такой поэтический образ, в котором нет деления на «реаль-

ное» и «иллюзорное», «прямое» и «переносное», но есть непрерывность перехода от одного к другому, их подлинная взаимопричастность, мы, в отличие от метафоры, назовем метаболой (древнегреческое «перемещение», «превращение», «поворот»)» [Эпштейн 1988: 166-167].

«Метабола – это образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вместе с тем единой реальности. Природа и завод превращаются друг в друга через лесообразные постройку, которые растут по собственным непостижимым законам, – техника имеет свою органику, и вместе они составляют одну реальность, в которой узнаваемо и жутко переплелись растительные и металлургические черты» [Эпштейн 1988: 167].

Интересный факт: Константин Кедров и Михаил Эпштейн, предлагая новые филологические термины, рассматривают творчество *одного* круга поэтов – Александра Ерёмченко, Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Ильи Кутика и других. Очевидно, что потребность в новой терминологии в 80-е годы прошлого века активно назревала, возникали новые имена, новые течения. Однако возникали они не на пустом месте, и необходимая рецепция распространилась, как это часто бывает в литературоведении, на предмет, безусловно, интересный, но, тем не менее, в т о р ч н ы й.

Кедров и Эпштейн точно выразили возникшее явление, сформулировали потребность его зафиксировать и осмыслить. Они развили тезис В. Жирмунского о поблекших метафорах, показав, что любая троповая система, если не самообновляется, с течением времени устаревает и тогда проявляет (во многом!) дисфункциональную антиэстетическую и антивыразительную доминанту.

Между тем, новые выразительные конфигурации, новая метафорическая система (метаметафора или метабола), в которой (упрощая!) каждое слово и явление самоценны и не сравнимы, возникли задолго до появления знаменитой тройки (Ерёмченко – Парщиков – Жданов). Как минимум – поколением раньше. Авангардного принципа построения метафоры поэты-метаметафористы не создали, они развили уже с у щ е с т в о в а в ш и е традиции. В связи с этим нельзя не вспомнить двух ярких поэтов, пришедших в литературу в середине XX века и раскрывших свои дарования в конце XX – начале XXI веков. Речь идёт о Геннадие Айги (1934-2006) и Викторе Сосноре.

Именно эти поэты создали н о в ы й тип р у с с к о г о стихотворения. Стихотворение-метафору. Они также опирались на традицию, однако прежде всего на традицию западной поэзии Целана и французских сюрреалистов (Бретон, Супо, Тцара). Вольно или невольно Айги и Соснора (блестящие знатоки и популяризаторы иностранной поэзии) абсорбировали западные литературные нанотехнологии, пойдя в этом смысле проторенной тропой национального гения – Пушкина.

О сложных метафорических поэтиках Айги и Сосноры создана обширная научная литература. Достаточно вспомнить статьи В. Новикова, С. Бирюкова, Ю. Орлицкого, Д. Бака, А. Мирзаева, Д. Голышко-Вольфсона, Л. Робеля, Ю. Милорава, Т. Грауз, В. Амурского, Н. Азаровой, Л.Зубовой, А.Арьева и многих других исследователей. Любопытный факт: Айги и Соснора, будучи абсолютно разными по литературному темпераменту авторами, отдают предпочтение в извест-

ной мере статичным (по сравнению с глагольными!) метафорам – метафорам-существительным.

Айги: мама-синица, бого-костер; Жизнесмерть; Россия-река; Опять – шорохи-и-шуршания. Это – брат мой; Зимы-Отклоненья!; о Матери-Древе...

Соснора: толпа – протоплазма!; Наше сердце – север-сфинкс; море-цепь, море-гать; Страдальцы спермы; Солнце-Дамокл; Свеча-сердечко; Ласточка-луна; Рай-бал...

Глагольные метафоры чаще использует Соснора, поэт, несомненно, более экспрессивный и ритмизованный. Он, например, мастерски «оживляет» ставшую бытовой идиому «идет дождь», добавляя в структуру предложения сравнение: *дождь идет по улицам, как лошадь*. Поблекшая метафора в руках мастера обретает второе рождение. Нередко в качестве развернутой метафоры и Айги, и Соснора употребляют стихотворение и даже целую книгу (Виктор Соснора пишет не стихи, не циклы стихов, а книги. Это его творческое кредо).

Ходит и ходит
на цепи птица
с костяным клювом.
И стучит клювом
по стальным стеклам
моего неба.
Кто ты есть, птица?
Ты – судьба стаи?
Ты – ничья клятва?
Ты – мои мысли?
Ты – мои крылья?
Ты – мои цепи?
Клавиши света.
Мрамор кладбища.
Вопли ведьм пьяных.
Странности страсти
каменных комнат, –
о, объятья!
Лают псы в псарнях,
родились люди
для работ рабства.
Вот ушли луны,
унесли звезды, –
царствует солнце!
В небесах – нимбы!
Написать мне быстро страниц солнца.
Виктор Соснора

Полисемантический образ птицы («судьба стаи», «ничья клятва», «мои крылья» и т.п.) пронизывает все стихотворение. Сумма метафор создает единую, сложную и развернутую метаметафору, работает на сократившую рецепцию читателя.

Айги:

Перед картинами Андреи Шомбург окна Духа на этих холстах (приснившиеся зренью души в виде полей и полян) стойко-спокойные в их неподвижности

внутренне скользят и подрагивают у нас на глазах становясь (будто ровно и вечно) живущими (как безымянная зелень): – о да: драгоценностями! – целомудрия чувств и болящей (тонко) руки

Геннадий Айги, 30 ноября 1992, Берлин

В стихотворении-метафоре Айги (фактически это одно предложение) нет точки. Метаметафора (термин Кедрова здесь определенно уместен) создана из метафорической россыпи: «окна Духа»; «зренью души»; «целомудрия чувств» и т.п.). Красота избегает красотостей. Новую (не поблекшую) метафору следует искать, на мой взгляд, там, где ее никто не ищет. Нередко она находится в прозе или в предельно прозаизированных поэтических текстах.

Кстати говоря, мастером метафоры в прозе был Лев Толстой. Его метафоры, как правило, развернутые. Одна влечет за собой другую, метафорический ряд проясняет не только позицию героев произведения, но и выражает взгляд писателя на описываемые события. Характерны в этом смысле рассказы (повести) писателя: «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей» и даже романы.

Не случайно В. Брюсов считал произведения автора «Анны Карениной» поэзией. Он рассматривал поэзию как универсальную и максимально емкую языковую систему, в частности, писал: «В смысле широком «поэзия» – все создания искусства, выраженные словом. Тогда и роман, например, «Война и мир», также – поэзия. В более узком (и более подлинном) смысле, «поэзия» – особый род словесного искусства, противопоставляемый «художественной прозе» [Брюсов 2010: 181].

Вспомним рассказ «Смерть Ивана Ильича»: «Тотчас же (*Иван Ильич. – Е.С.*) уходил в свой отдельный, выгороженный им мир службы и в нем находил приятности»; «Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, помертвевши, утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба...» [Толстой 2008: 321].

Ключевое слово в метафорической системе Толстого – мир. Мир как мироздание и как индивидуальный космос.

Поэты и прозаики иногда меняются местами. В современной России немало поэтов, работающих в жанре «зарифмованный рассказ». Они, опираясь на лучшие российские (советские) стихотворные традиции середины и конца прошлого века (Борис Слуцкий, Александр Межиров, Аркадий Кутилов, Александр Ханьжов, Олег Григорьев) ужесточили черты современной просодии, рифмованный текст стал еще более прозаизирован, в стихах появились максимально густая плотность, усиленная аллитерационными возможностями языка, максимум просторечной, бытовой и даже обценной лексики. Это поэзия жесткая, нелицеприятная, зачастую граничащая с физиологическим очерком.

И вот на этом фоне в рамках непоэтического контекста особенно ярко и суггестивно выглядит метафора, развернутая метафора как часть поэтического языка. Именно контекст в данном случае подчеркивает текстовое своеобразие.

Характерна в этом смысле поэма «Выпускной-77» выдающегося русского национального поэта Валерия Прокошина (1959-2009) построенная как большая и единая развернутая метафора.

Суть этой поэмы-метафоры (предлагаю такой окказиональный термин), о которой уже много написано, заключается в том, что автор рассказывает о судьбах

выпускников одного класса обычной провинциальной школы. И эти трагические судьбы (один спился, второй повесился, третья умерла от малокровия и т.п.) вырастают в одну страшную, гибельную суицидальную метафору, говорящую о современной (нестоличной) России больше, чем любые статистические отчеты. Развернутая метафора в поэме Прокошина существует не ради самой себя, а выполняет важную смыслообразующую, выразительную суггестивную роль, становится образом, еще точнее – аллегорией.

Колька Тожин – спился и умер в 37 Геша Спирин – чемпион области по лыжам на короткие дистанции спился и то ли выпал то ли выбросился из окна Галочка Давыдова учившая меня танцевать шейк курить пить вино целоваться погибла в совхозе-миллионере под копытами сорвавшегося с цепи совхозного быка вместе с ней скончались дочь и сын она была на 8-ом месяце беременности Шурик Вишневецкий – после армии постоянно пропадал в тюрьмах последний раз ему дали пожизненно за тройное убийство матери отца и соседки Иришка Пахомовская – школьная красавица по ней сходили с ума многие старшеклассники говорили что она трахается с третьего класса нарожала кучу детей 6 или 7 а может быть даже 8 стала бабкой в 34 года вечерами она часто сидит на лавочке у подъезда вместе с настоящими старухами и точит лясы вставными челюстями Мишка Колотилихин – второгодник прогульщик двоечник кажется в четвертом или пятом классе после урока математики мы с ним мерялись членами в школьной уборной пьяным сгорел в своем доме через 9 лет после выпускного вечера Денис Завьялов – спился и умер в 40 лет Сема Семашко – журналист районной газеты «за коммунизм» пьяным утонул в протве на глазах матери отца брата двоих сестер жены сына дочери двух племянников друга и его подруги Оксана Мартынова – хохотушка и сплетница в 28 лет была зарезана пьяным любовником прямо на крыльце больницы в которой она сделала очередной аборт [Прокошин 2007: 5-6].

Финал этой поэмы безрадостен. На встречу выпускников приходит только автор (которого в настоящий момент тоже нет в живых). Точка поставлена. Окациональное становится узуальным. Метафора. Жизнь.

Литература

- Брюсов В.Я.* Синтетика поэзии: мысли и замечания. М.: КРАСАНД, 2010.
- Виктор Соснора.* «Зинзивер», 2010.
- Геннадий Айги.* «Новый мир», 2007. № 2, № 3 // <http://www.magazines.russ.ru>.
- Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение Курс лекций / Под ред. З.И. Плавкина, В.М. Жирмунской. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: «Советская Энциклопедия», 1966.
- Константин Кедров.* Метакод и метаметафор. М.: «ДООС», Издание Елены Пахомовой, 1999. С. 189, 190.
- Михаил Эпштейн.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Советский писатель, 1988. С. 166, 167.
- Прокошин В.* «Выпускной-77» // Дети Ра, 2007. № 5-6. <http://www.magazines.russ.ru>.
- Толстой Л.Н.* Отец Сергей: Повести. М.: Профиздат, 2008.
- Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 328-329, 331.

СИМВОЛИКА СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИИ ЦВЕТА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С.В. Пискунова, Е.Г. Беренгольц-Зотова
(г. Тамбов, Россия)

Рассматривая проблему развития символического значения цвета в информационном поле слова и текста, автор утверждает, что цветолексемы носят общепринятый коммуникативный характер, обладают творческим потенциалом и являются актуальными для носителей языка, поскольку отражают национальные знания и традиции.

Ключевые слова: семантика, символика цвета, языковая культура, текст

Семантическая структура слова как основного компонента текстовой коммуникации представляет собой сложное информационное образование, которое состоит из нескольких уровней.

Наличие исходного содержания является основой любой лексемы в системе языковых единиц. Данное значение сложилось исторически, имеет опыт традиционного употребления коммуникантами с опорой на знания, договора. Оно достаточно статично, но в процессе общения способно развиваться, приобретать дополнительные смыслы. Именно текстовое информационное поле приводит к расширению семантики слова, что во многом обусловлено аналитическими способностями, адекватностью речевого поведения коммуникантов.

Успех полноценного восприятия семантического объема слова зависит от многих обстоятельств. Прежде всего, это касается качества знаний участников общения, что приводит к достаточно объективному пониманию информации в творческом развитии языковой личности, чему способствуют:

- 1) семиологические значимости единиц собственно языковой системы;
- 2) категории предметного мира, своеобразно отраженные в категориях и единицах языка;
- 3) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- 4) прагматические факторы коммуникативного назначения» [Уфимцева 2002: 36].

Из этого следует, что в содержании слова может находиться несколько информационных пластов. Семантический объем слова отражает особенности неоднородной структуры текста, формирующейся за счет всей совокупности входящих в него лексем. Функциональная актуализация отдельных текстовых единиц приводит к одному или нескольким информационным типам, влияющим на развитие семантики слова, адекватность речевого общения коммуникантов, дальнейшую судьбу языковой системы как накопителя опыта поколений людей [Пискунова 1987]. Уровень смыслового содержания слова, который зависит от исторического и современного состояния языка, создает одну из актуальнейших экологических проблем языковой культуры.

В истории различных лингвистических учений исследователи неоднократно обращались к определению семантической структуры слова, информативности

текста: первичность, вторичность, побочность, дополнительность сведений [Дридзе 1980: 46, 60 и сл.]; социально-психологическая приращённая или диагностическая информация [Рубакин 1977; Сорокин 1985; Риффатер 1980; Васильев 1988 и др.]; контекстуальная, ситуативная, энциклопедическая [Гураева 1986: 14]; содержательно-фактуальная, индивидуально-авторская, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая информации [Гальперин 1981: 27-28] и др.

Следовательно, информация в тексте – многоаспектное явление, которое включает несколько уровней содержания: внешний, внутренний (глубинный), событийный, социальный, философский, психологический; реализованный и скрытый; объективно-реальный и объективно-ошибочный; исходный, приращённый, диагностический; экспрессивный, эстетический [Пискунова 2002]. Кроме этого, «любое явление действительности, попадая в сферу искусства, имеет значение только явления действительности, но в то же время становится знаком внутреннего мира художника» [Горбов 1929: 35], т.е. коммуникант, как творческая личность языковой культуры, способен влиять на формирование семантики текста, его слова и всей системы языка. Для этого необходимы экологически значимые условия общения.

В связи с этим заслуживает внимания рассуждение Умберто Эко о том, что «первоначальная задача семиологического анализа заключается в том, чтобы по возможности свести любое спонтанное явление к условности, любой естественный фактор к фактору культуры, любую аналогию и соответствие к коду, любой предмет к символу, любой относительный признак к соответствующему смыслу и, наконец, любое проявление действительности к «социальному понятию» [Эко 1984: 79-101].

Таким образом, в семантике слова присутствует еще и символическое значение, т.е. дополнительная или потенциальная информация, а также и основная по отношению ко времени существования лексики в истории языка, современной позиции в процессе общения, условий коммуникаций. Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, именно человек «формирует значения», «сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации» [Болдырев 2004: 24]. Поэтому в системе языка происходит развитие символического значения в структуре слова с функцией, например, цветообозначения. Наиболее ярко этот процесс можно проследить на примере прилагательного *красный*.

Говоря об обрядах и традициях русской культуры, И.Н. Котова и А.С. Котова обращают внимание на особую роль и символику цвета в крестьянском быту. Так, *белый* цвет символизирует святую, *зеленый* – жизнь, *синий* – тайну, *красный* – жертвенность, *оранжевый* – благодать Божию и Его присутствие, *голубой* – чистоту и невинность; *желтый* – цвет тепла и любви, *пурпурный* – победу, *багряный* – цвет величия, *бирюзовый* – цвет молодости, *розовый* – детство, *черный* – цвет пустоты и отсутствие счастья, *черный вместе с синим* – тайну, *черный вместе с зеленым* – старость [Котова 2005: 172].

Следует отметить, из перечисленных авторами цветов к красному спектру близки еще четыре. Цветовая символика в создании человека воспринимается по ассоциации с окружающим миром, опирается на опыт предшествую-

щих поколений с соответствующими нормами знаний, закрепленными в языке. Так, зафиксировано представление о **красном** цвете как окраска цветов, плодов, крови, солнца, земли, что также отражает психологическое состояние человека в его внешности, охотничий инстинкт, эротическое влечение, стремление к овладению благами окружающей жизни [Собчик 1990: 6-7].

В системе русского языка прилагательное *красный* синонимично *алому, рдяному, пунцовому, кровавому, кумачовому и кумачному, карминному и карминову, киноварному, гранатовому, рубиновому и рубинному, шарлахову, червлённому*, а также по семантике и функции соотносится со словами *багровый, красивый* [Словарь синонимов... 1975: 206]. Данная синонимичность в процессе употребления, в тексте, приобретает условный оценочный характер, т.к. слова имеют еще и дополнительную признаковость: терминологичность, функциональность, актуализацию текстовой позиции. Нарастание семантики приводит к образованию омонимии, новых слов.

В связи с этим требуется отдельно рассмотреть вопрос о степени востребованности данного слова в речи, насколько адекватно представление о значимости лексемы для знаний человека о природе, окружающем мире, опыте людей, национальных традициях, отраженных в языковой культуре. Поэтому необходимо обратиться к анализу словарных статей.

Основное содержание слова *красный* связано с наименованием цвета, заместителями которого в системе русского языка, по мнению В.И. Даля, являются: *рудой, алый, чермный, червленой, кирпичный, малиновый, огневой* [Даль, 1955, Т. II: 187]. В словаре отмечаются случаи употребления *красный* со значением «доброта» и «красота», приводятся термины (*красный железняк, красное железо, красная глина, красное дерево* (swieteniamahagoni), *красный* (хвойный) лес и др. Но в других сочетаниях у таких наименований появляется дополнительный смысл: *красный хлеб* – пшеница; *красный гриб* – боровик, осиновик, рыжик; *красный товар* – аршинный, панский; *красный зверь* – медведь, волк, лиса, рысь; *красная дичь* – высокая, все виды бекасов, от борового кулика (слуки) до заморозка (гаршнепа), а также крупная столовая дичь (косуля, лебедь, драхва, глухарь). Определение *красный* как разновидность видов, подвигов имеет отношение не только к животному миру, но также устойчиво при выделении сортов *белой и красной* рыбы.

В крестьянском быту данное слово приобрело также исторически закрепленную семантику: *красная изба, красная печь, красный угол, красное окно, красная лавка*. Именно в этом употреблении можно проследить за тем, насколько информация об исторических знаниях не только известна носителям русского языка, но и приобретает особую значимость. Поэтому актуально следующее определение термина «семантика», приобретающей символический характер, данное В.И. Далем: «*Красный уголь, въ избе, передній, старій, где иконы и столъ*»; «*Красный уголь обычно обращень къ юго-востоку; солнце утромъ входитъ въ избу передними, красными окнами; солнце съ избы, съ красныхъ оконъ своротило, перешло за полдень*».

Поэтому в системе языка происходит развитие дополнительно социально-исторического смысла в новых сочетаниях, что также приобретает символиче-

ское значение для коммуникантов: *красный брус* в шахтах или на мельнице при водопуске, а также *красный – столб* с тем же значением, «но отъ правительства, и выше черты воду держать не дозволено, для устранения подтопа». И вновь в той же словарной статье В.И. Даля использованы примеры, в которых получает наращение символическая семантика: *красный молодец, девица* (красавец), но «*въ народе то же, что дикОй, полоУмный. Что тебе тут ..., красному?*» Интересно то, что в этом примере использована ассоциация при переводе с французского – «отъявленный республиканецъ» [Даль 1955, Т. II: 187].

Лексема *красный* на постоянной основе вошла в тематические группы различных обрядов: *красная горка* (Фомина неделя), *красный поезд и стол* (свадьба). Русские пословичные тексты сохранили признаковый характер данной лексемы за счет расширения символики для многих речевых ситуаций в сочетании со следующими единицами системы языка: *солнышко, огонь, цветок, руда* (кровь), *свекла, кирпич, клюква, маков цвет, месяц, яичко, ягодка* (девушка), *лучина, добро, сын, дочь, похороны* (проводы любимой жены), *звон* (слова), *жена* (любимая), *сапожки, день* (свадьба), *утро, день, речь, слово, гость*. Следует отметить, что слово *красный* объединило в одно информационное поле все то, что связано с жизнью человека: вера, родные люди, любовь, жизнь и смерть, день, красота, уважение, природа и т.п.

Расширение семантики и приобретение символической функции привело к образованию устойчивой коммуникативной модели, что нашло свое отражение в современных речевых действиях: от *красной армии, красной гвардии, красного флага* к *красной дорожке, красной ленте и красной зоне, красной черте, красному государству*.

Отличительной особенностью текстовой позиции *красного* обозначения цвета является то, что этот признак используется при употреблении субстантивов и создает определенную статику, текстовое развитие происходит за счет глаголов и наречий, и это усиливает ассоциативно символику художественного образа: *красный – краснеть* (лицо – стыд, смущение, удовольствие, растерянность, переживание; болезнь; особенности физического состояния после определенных нагрузок и т.д.); *краснеется* (природа – заря, небо, солнце, зарница; события – пожар, тревога); *красно* (состояние мира – война) и т.д.

Подобное употребление при отсутствии конкретных указаний на объект действия связано с исторической памятью слова, словосочетаний, отражающих мир людей. Например, традиционное сочетание *калина красная* не только свидетельствует о природе, пейзаже, лекарственном средстве. Но для русского человека это символ наступления осени, холодной зимы, птиц. Особую ассоциацию вызывает наименование киноромана и фильма В.М. Шукшина, его таланта, судьбы, а затем и мироощущений целого поколения людей XX века, для которых появление этих произведений стало знаковым событием. В современной политологии прилагательное расширяет границы своего информационного поля, что является признаком развития символики цвета.

Словарная статья *красный* в академическом издании [ССРЛЯ 1956, Т 5: 802-804] сохраняет исходную и приращенную на протяжении XX века семантики, связанные с отражением в языковой культуре представлением об окраске пред-

метов, явлений окружающей действительности, психологическом состоянии человека, что подтверждается использованием данной лексемы и ее сочетаний в художественных и публицистических текстах, когда особое развитие получает именно символическое наращение смысла. Всего зафиксировано 88 употреблений, во многом повторяющих значения, отмеченные в словаре В.И. Даля, что придает информации энциклопедический характер. Безусловно, наличие символической семантики в структуре текстовых единиц и текстов как нестандартных, индивидуально-авторских проявлениях языковой личности подтверждает перспективность и актуальность данных способов развития речевой коммуникации.

Таким образом, семантика и функция цвета, развитие символического значения имеют общепринятый коммуникативный характер, они актуальны для носителей языка, требуют бережного отношения и культуре народа, обладают творческим потенциалом.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004, № 1. С. 18-36.

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Горбов Д. Поиски Галатеи. Статьи о литературе. М., 1929.

Гураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. Т. II. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1955.

Дридзе Т.М. Языки социальная психология. М.: Высшая школа, 1980.

Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. СПб.: Паритет, 2005.

Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): Монография. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.

Пискунова С.В. Фонология на службе поэзии. Консонантный рисунок Блока // Исследования по русской фонологии. Тамбов: Ин-т языкозн. АН СССР, ТГПИ, 1987. С. 124-146.

Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980. С. 69-97.

Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. V. И–К. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Словарь синонимов: Справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука Ленинградское отделение, 1975.

Собчик Л.Н. Метод цветových выборов. Модифицированный цветовой тест Люшера (Методическое руководство. Сер. 2. Методы психологической диагностики). М.: МКЦ, 1990.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста, М. 1985.

Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Елиторнал УРСС, 2002. С. 36.

Эко У. О членении кинематографического кода // Строение фильма. М.: Радуга, 1984. С. 79-101.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА)

М.Н. Перфилова
(г. Пенза, Россия)

На материале малых жанров русского фольклора рассматриваются лексемы с семантикой цветообозначения, которые несут культурную информацию об опыте русского народа, его истории и передают многовековую культурную информацию потомкам.

Ключевые слова: колоронимы, культурная информация, малые жанры русского фольклора

Цветовое зрение одинаково у всех народов Земли. Осмысление же цвета у каждого народа идёт по-своему. С цветом связываются самые важные явления жизни, и эта связь закрепляется в языке при помощи особых слов – цветообозначений – и сохраняется во времени. Колоративы и их культурное значение были предметом рассмотрения в загадках [Павлова, Перфилова 2014: 122-128]. Мы рассмотрим цветковые слова, встречающиеся в таких малых жанрах русского фольклора, как пословицы, поговорки и частушки

Малые жанры русского фольклора содержат в себе лексемы с семантикой цветообозначения, которые несут культурную информацию в двух направлениях. С одной стороны, они используются для передачи народных представлений о качествах человека, с другой – сохраняют сведения о жизни социальных групп, объединённых по возрасту, достатку и проч.

Для первого направления характерны, прежде всего, колоронимы, называющие *белый, красный и чёрный* цвета, цвета-архетипы, присутствующие не только в русской культуре – в культуре почти всех народов на Земле: «В наскальной живописи первобытных народов чаще всего встречаются три цвета – белый, чёрный и красный, что позволяет сделать вывод об особой роли этих цветов в жизни древних людей» [Базыма 2005: 5]. У русского народа *белый, красный и чёрный* цвета являются основными, когда речь идёт об осмыслении предмета действительности, принадлежащего к понятиям «добро» и «зло».

Белый цвет, называемый колоративом *белый* и образованиями от него, часто фигурирует как символ святости, божественной чистоты: *Съ бѣленькой котомкой – Христось на пути* [Даль 1879, Т. I: 84]. В частушках этот цвет тесно связан с положительными переживаниями, светлыми сторонами любви: любимую девушку называли «беляночкой» и «беленьким цветком», а любимого юношу – «беленьким», «белым дролей»: *Шель бѣленькій съ ярмарки, / Зашель къ садовой яблонькѣ, / Сѣль на доску тонкую, / Развель тальянку звонкую* [Симаков 1913: 86].

Но в пословицах и поговорках белый цвет (и колороним, его называющий) используется также для передачи мудрой мысли о том, что не всегда кажущееся хорошим таковым является. Так, *белые руки* – признак женской красоты, но также и руки ленивого человека. Цветообозначение *белый* приобретает оценку, положительную или отрицательную, в противопоставлении с *чёрным*.

Такая оппозиция имеет символическую значимость: «Прилагательное *чёрный* в древних памятниках используется, как и белый, в христианской символике, где *чёрный* значит, в противоположность *белому*, «принадлежащий тёмным силам», «причастный сонмищу бесов»...» [Бахилина 1975: 29]. Например: *Рубашка бѣленька, да душа черненька* [Даль 1879, т. I: 613].

Колороним *чёрный* тоже имеет как отрицательную, так и положительную оценку: *Черныя ризы не спасутъ, а бѣлыи не погубятъ* [Даль 1879, Т. I: 20]. *Черень, да задорень; бѣль, да не смѣль* [Даль 1879, Т. II: 246]. В частушках *чёрный* – непереманный признак глаз и одежды любимого человека: *У забавы черны глазки, / Ему полно красоты: / На его люди глядѣли – / Я стояла безъ души* [Симаков 1913: 83]. Другой излюбленный цвет глаз в частушках – серый: «Серый цвет глаз нередко говорит о серьёзности и вдумчивости их носителя; в русскоязычном ареале такие глаза являются ценностью» [Кульпина 2007: 172].

С помощью колоронима *чёрный* в частушках выражают и глубокую тоску, вызванную разлукой с дорогим человеком или его смертью: *Что ты, милушка, не тужишь, / Платье черное не шьешь? / Повезутъ меня въ солдаты: / Провожать-то въ чемъ пойдешь?* [Симаков 1913: 446].

Цветолексема *красный* чаще всего употребляется в значении «красивый», «прекрасный»: *Глупому мужу красная жена дороже красного яйца* [Даль 1879, Т. I: 462]. *Палка кра'сна – бьетъ напрасно; палка бѣла – бьетъ за дѣло* [Даль 1879, Т. I: 257].

Последний пример показывает, что красный цвет в русском понимании может находиться в оппозиции к белому и чёрному, и цветолексема *красный* приобретает при этом как негативное значение, так и положительное.

Существует психологическое объяснение тому, почему красный цвет выступает в оппозиции с белым и чёрным: «В отличие от белого и чёрного он относится к хроматическим цветам и из всех трех является наиболее амбивалентным символом<...> Все «красные вещи» разделяются на две категории, в зависимости от того, приносят они добро или зло» [Базыма 2005: 8]. Чисто положительное значение имеет цветочное слово *красный*, если является народным эпитетом: *Не все ненастье, проглянетъ и красно солнышко* [Даль 1879, Т. I: 28]. *Ѥшь конь сѣно, поминай красное лѣто!* [Даль 1879, Т. I: 356].

В частушках цветочному слову *красный* предпочитают слова *алый* и *аленький*. *Аленький цветок* – ласковое обращение к любимому человеку: *Шура, аленькѣй цвѣточекъ, / Шура, ягодка моя, / Не съ росой ли ты спустилась, / Не во снѣ ли вижу я?* [Симаков 1913: 40]. В основном *алый* связан с радостными моментами любви и молодости, а лента алого цвета – традиционный символ девичьей красоты в фольклоре. Девушки, надевавшие её на молодёжные гулянья, показывали свой статус незамужних. *У моей бѣляночки / Въ косѣ лента алая, / Всѣ товарки ротозѣйки, / А она удалая* [Симаков 1913: 47].

Цветобозначение *серый* является постоянным эпитетом для уточки – образа любимой девушки, и этот эпитет взят из народных лирических песен: *Видалъ утку, видалъ сѣру, / Видель милку не веселу, / Не веселу, скучную, / Печальную, горемычную* [Симаков 1913: 36]. В сочетании со словами «кукушка», «камушек», «дым» колороним передаёт грусть: *Въ полѣ сѣрая кукушечка / Сѣрый камушекъ клюетъ; / Въ незнакомую семейку / Тятя замужъ отдаеть* [Симаков 1913: 351].

Цветовое слово *жёлтый* употребляется в основном в частушках и загадках. В частушечных текстах употребляется в форме деминутива, сочетаясь со словом *песок* и образуя устойчивый признак могилы: *Я подь бѣлюю березкой / Поплачу голоскомъ: / Не услышитъ ли родной батюшка / Подь желтенькимъ пескомъ* [Симаков 1913: 417].

Зелёный имеет в пословицах и поговорках значение «неопытный»: *Ахъ, макъ, да зелень; хороишь малый, да молодъ* [Даль 1879, Т. I: 442]. Народ установил ассоциативные связи между незрелостью плодов и юностью человека, и зелёный цвет в данном случае приобрёл неодобрительную оценку. Но молодость, незрелость в народном понимании не всегда осуждается за неопытность: *Молодъ – просмѣется, зелень – дойдетъ* [Даль 1879, Т. I: 449].

Колороним *зелёный* тесно связан с культурой солдатской жизни. Поговорка *Кафтанъ зелень, да битъ ежедень* [Даль 1879, Т. I: 295] отражает тот факт, что офицеры ранее носили зелёные кафтаны, и, хотя офицер был званием старше рядового солдата, его это (а значит, и цвет кафтана) не спасало от наказаний со стороны начальства, о чём и повествует поговорка. *Пройтись по зеленой улицѣ* (т.е., сквозь строй) [Даль 1879, Т. I: 254] – тоже выражение из солдатской среды: «Способ наказания в дореволюционную пору, при котором наказываемый проходил между двумя рядами солдат, ударяющих прутьями или шпигрутенами» [см. также: Словарь современного русского литературного языка 1955].

«Зеленая – определение, выросшее на ассоциации с цветом ивовых прутьев, которыми били осужденного», – поясняет возникновение цветового эпитета А.А. Брагина [Брагина 1967: 106-111]. Зелёный, как и множество других колоративов, относится к тальянке и гармоню, и их красочность говорит о любви русского народа к этим инструментам: *Тальяночка зеленый мѣхъ, / Тальянщика любить не грѣхъ: / За игрока, за сватушка, / Не браница матушка* [Симаков 1913: 7]. *Ты, гармошка, синий мѣхъ, / Распусти-ко славу – смѣхъ, / Распусти-ко славушку, / Про мою сударушку* [Симаков 1913: 2]. *У тальянки ясны планки, / Золоты бо-риночки, / Я по голосу узнала, / Што гармонь кровиночки* [Симаков 1913: 7].

Культуру отдельных общественных групп отражают разные цветообозначения. Называемый колоративом *серый* цвет является цветом крестьянства: «...в дореволюционной России крестьяне носили из домотканого грубого сукна, некрашеного сукна серого цвета сермягу» [Кругликова 1995: 108]. Например: *У мужика кафтанъ сѣрь, да умъ у него не волкъ (не чортъ) сѣль* [Даль 1879, Т. II: 553]. *Сѣрь мужичокъ, да сердитъ на роботу* [Даль 1879, Т. I: 667]. Отмечается противопоставление цветовых слов *серый* и *синий*: *У сѣраго армяка казна толста (а синий армякъ мотъ)* [Даль 1879, Т. II: 246].

Краска синего цвета добывалась труднее и стоила дороже, поэтому синюю одежду могли позволить себе только зажиточные люди. В частушках таким же признаком богатства являются голубые рубашка, зонтик и платье.

Итак, лексика цвета аккумулирует опыт русского народа, его историю и передаёт многовековую культурную информацию потомкам.

Литература

Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. Харьков: Речь, 2005. 112 с.

- Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
- Брагина А.А.* Красное и зелёное. О семантическом развитии слов // Русский язык в школе. 1967. № 5. С. 106-111.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: Т. I-II. СПб.-М.: Издание М.О. Вольфа, 1879.
- Кругликова Л.Е.* «Серые» люди // Русская речь. 1995. № 3. С. 108-111.
- Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
- Павлова К.В., Перфилова М.Н.* Русская загадка как хранитель слова и мысли // Экология языка: сб. ст. VII Междунар. науч. конф. / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. Пенза: ПГУ, 2014. С. 122-128.
- Симаков В.И.* Сборник деревенских частушек. Ярославль: Типография К.Ф. Некрасова, 1913. 364 с.
- Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955.

**ПОЭТИКА ЦВЕТА И ЗВУКА
В МАЛОЙ ПРОЗЕ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА
(«ГОЛОСА В ВОЗДУХЕ – НОЧЬЮ», «В МАЕ, В МАЕ КРИЧАЛА КУКУШКА»)**

П.В. Милосердова
(г. Тамбов, Россия)

В данной статье рассматриваются особенности поэтики немецкого прозаика и драматурга Вольфганга Борхерта, жизнь и творчество которого оказываются тесно переплетенными с военными событиями Второй мировой войны.

Ключевые слова: поэтика цвета и звука, малая проза, В. Борхет, новеллы «Голоса в воздухе – ночью», «В мае, в мае кричала кукушка»

Как известно, термин «поэтика» был введён Аристотелем (384-382 гг. до н.э.), и в эпоху античности под ним понималось учение о художественной литературе в целом. Современное литературоведение даёт более широкое определение: «Поэтика – это наука о строении поэтических произведений и системе эстетических средств, в них используемых, а также об исторических законах их изменения, о возможных способах художественного воплощения авторского замысла» [Инжиев 2010: 131]. Поэтику подразделяют на частную, общую и историческую. Объектом изучения частной поэтики является конкретное произведение, его особенности и художественное своеобразие; общая поэтика изучает языковые, образные и звуковые составляющие текста, а историческая – эволюцию отдельных поэтических приёмов в литературе народов мира.

Поэтика произведений каждого писателя уникальна. В данной статье рассматриваются особенности поэтики немецкого прозаика и драматурга Вольфганга Борхерта (Wolfgang Borchert, 1921-1947). Писатель жил в один из самых трудных периодов в истории Германии. Его творчество стало голосом «поколения вернувшихся», тех кто «... приходит домой и всё же домой не приходит, потому что для них больше нет дома. Их «дома» на улице перед дверью. Их Германия – ночью на улице, когда хлещет дождь» [Борхерт 1977: 19]. Борхерт родился 20 мая

1921 года в Гамбурге. Большое влияние на его становление оказала семья: отец, школьный учитель, и мать, занимавшаяся литературным творчеством.

В годы фашизма семья Борхерта считалась политически неблагонадёжной, и в 18 лет он был впервые арестован. Переломным моментом в жизни писателя стало его участие во Второй мировой войне (1939-1945). Именно на фронте сформировалась его художественная манера, он приобрёл трагический опыт, определивший главную интонацию малой прозы и драматургии. «В течение неполных двух лет Борхерт писал наперегонки со смертью. Писал как одержимый, с фанатической страстью, преодолевая голод<...>, холод нетопленных комнат, мучительную болезнь. Он писал, как бы выполняя обет, данный миллионам погибших ровесников, миллионам калек и одиноких, бездомных бродяг, вернувшихся к остывшим очагам, разрушенным домам, могилам близких людей» [Фрадкин 1977: 5]. За период болезни им было написано 59 прозаических произведений. Вольфганг Борхерт скончался 20 ноября 1947 года в возрасте 26 лет.

Малая проза писателя наполнена ароматами, звуками, цветовыми и световыми бликами, составляющими органичную часть поэтики произведений. Так, например, новелла «Голоса в воздухе – ночью» (1946) содержит экспозицию, которая напоминает читателю импрессионистическую зарисовку: «Трамвай шёл сквозь туманный промозглый день. День был *серый*, а трамвай *жёлтый*, и он терялся в *серости*. Потому что стоял ноябрь и улицы были *пустынны, бесшумны, хмуры*. Только *желтизна* трамвая одиноко проплывала в тумане. Но в трамвае сидели люди, *тёплые, дышащие, взволнованные*. Человек пять или шесть, потерянных в ноябрьском дне, одиноких. Но скрывшихся от тумана. Сидели под *тусклыми* лампочками, сидели разобщённо, скрывшись от тумана. Пусто было в трамвае» [Борхерт 1977: 90; курсив наш – П.М.].

Цветопись – один из наиболее любимых поэтических приёмов Борхерта. В рассказе практически отсутствует сюжет в его традиционном понимании, автор повествует о шести беглецах, укrywшихся от ноябрьского дня, одиночества и бед в жёлтом трамвае. Шесть незнакомых людей, которых объединяет общая трагедия – война.

Разговор в трамвае начинает пожилой человек со *слёзными мешками*, упрекая молодых в том, что «они могут спать. Днём. Ночью. В ноябре. Всегда. Они не слышат мертвецов» [Борхерт 1977: 93]. Его слова обращены к *бледному* молодому человеку. Ирония повествования состоит в том, что сетования пожилого героя безосновательны – молодой человек принадлежит к военному поколению, испытывавшему на себе всю тяжесть войны и горечь утраты близкого человека. Война превратила его в *бледно-серую одинокую тень*:

« – У вас скверный вид. У вас что, нет пальто? Ведь ноябрь на дворе?

– Я знаю, знаю, – отвечал бледный молодой человек. – Моя мать каждое утро говорит, чтобы я надел пальто, ноябрь, мол, на дворе. Да, я знаю. Но она уже три года как умерла. Вот она и не знает, что у меня больше нет пальто. Каждое утро моя мать говорит: ноябрь на дворе, говорит. Но она же ничего не знает про пальто, она умерла» [Борхерт 1977: 93].

Образу трамвая (поезда) Борхерт сообщает особое смысловое значение. Что такое – этот трамвай? Куда он везёт своих пассажиров и от чего? К новой ли жизни? Возможно... Трамвай – единственное яркое пятно на сером фоне про-

мозглового ноябрьского дня. На подсознательном уровне за каждым цветом закреплены определённые ассоциации. Серый цвет ассоциируется с тоской, одиночеством и отчаянием. В новелле Борхерта описан *серый туманный, промозглый* день. Туман размывает границы всего происходящего, и жёлтый трамвай превращается в нечто иллюзорное, несуществующее в реальности. Жёлтый цвет ассоциируется с солнцем, теплом и вызывает положительные эмоции, но за ним закрепились и другие коннотации. Так, например, в некоторых странах он символизирует отчаяние, разлуку, измену или смерть. Трамвай, изображённый писателем, – пристанище для больных, истерзанных и вымотанных войной душ, мечтающих о крове, защите, надёжности.

Цветопись дополняется в творчестве Борхерта звукописью. Обратимся к новелле «В мае, в мае кричала кукушка» (1947). Как отмечает Н.И. Платицына, перевод заглавия новеллы на русский язык не соответствует лексико-семантической логике оригинала: «<...> экспрессивный глагол **кричать**, **вопить** (нем. schreien) заменен нейтральным глаголом **куковать** (нем. kuckucken). Подобная подмена в контексте произведения, на наш взгляд, совершенно не обоснована, поскольку значительно ослабляет аудиальный эффект ведущего слова-лейтмотива «der Schrei». Если иметь в виду, что весь художественный текст «наполнен» криком паровозов и локомотивов, кошек и девушек, то безумный крик самой кукушки становится органичной частью этого «всемирного крика» [Платицына 2009: 126]. Новелла «В мае, в мае кричала кукушка» условно разделена на две части. В первой части Борхерт размышляет о судьбе «поколения вернувшихся». Во второй – воспроизводится судьба солдата, вернувшегося с войны.

Смысловой доминантой новеллы становятся мотивы одиночества, безысходности, тоски. Здесь перемежаются крики, вопли, бормотание: «*Это крики мартовского утра, истошные крики паровозов на реке, это ночные ноябрьские крики паровозов над посеребренными рельсами в посинелых от страха лесах, но мы знаем ещё и вскрики кларнета по вечерам в сентябре <...>; и знаем апрельские крики котов, жуткие, сладострастные, знаем июльские вскрики шестнадцатилетних девушек, которых запрокидывают над перилами первого попавшегося моста, куда слёзы не выступят у них на глазах; мы знаем и морозно-январские, дикие вскрики юношей, вскрики непризнанных гениев над несостоявшимися драмами и неудавшимися стихами*» [Борхерт 1977: 190; курсив наш – П.М.]. Апогеем подлинно вселенского крика становится *истошный, громкий и пронзительный* крик кукушки. Борхерт отождествляет своих героев с этой брошенной всеми птицей, за криком которой слышен отчаянный вопль «поколения вернувшихся». Этот крик нельзя описать, нельзя вместить в текст новеллы. Он повисает в воздухе, превращаясь из крика кукушки во всемирный плач человечества: «*... и мы бежим, таща за собой свою кукушечью судьбу, и, ах, не сбросить нам своего кукушечьего жребия, этого рока, нависшего над нами, бежим среди росистой ночи. Кукушка, кукушка! Кукуй о своем одиночестве весне и маю, кричи, кукушка, сестра моя, птица, отверженная, покинутая, я знаю, сестра моя кукушка, все твоё кукование – это вопль о матери, оставившей тебя на произвол майской ночи, тебя, чужую, подброшенную чужим; кричи, кукушка, звёздам своё сердце, кричи...*» [Борхерт 1977: 191]. В данной новелле звукопись направлена на эмо-

циональное углубление конфликта «человек и война», психологизм его отображения и рефлексии.

Художественный стиль Вольфганга Борхерта уникален. Изобразительно-выразительные приёмы, языковые средства, используемые автором, позволяют составить представление о проблематике и поэтике его малой прозы.

Литература

Борхерт В. Избранное. М.: Художественная литература, 1977.

Инджиев А.А. Словарь литературоведческих терминов для выпускников и абитуриентов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Платицына Н.И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Е.И. ХАРЛАНОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «КРУГИ ВРЕМЕН»)

Н.Г. Серебренникова
(г. Тамбов, Россия)

В статье предложен анализ концепта *время* в поэзии Е.И. Харланова, для которого время предстает в виде постоянно повторяющихся кругов, спирали, а витки создают ощущение вечного движения, наполненности событиями, в пределах которых можно перемещаться, попадая из одной эпохи в другую лишь силой своего воображения.

Ключевые слова: образ времени, поэзия Е.И. Харланова, стихотворение «Круги времен»

Концепт-образ «время» у каждого поэта или писателя часто получает свою интерпретацию, отличную или, наоборот, схожую с научным представлением о категории времени. И.В. Подольская отмечает, что данный концепт часто интуитивно выделяется исследователями как наиболее важный [Подольская 2004: 55]. К тому же, этот образ является сложным и загадочным не только для исследователей, но и для самих поэтов: «У поэтов концепт-образ «Время» нередко представлен весьма неопределенно, расплывчато, словно время – абсолютно непостижимая сущность...» [Подольская 2004: 55]. Что же касается Е.И. Харланова, то для него этот концепт, наряду с концептом «пространство», оказывается основным, центральным, формирующим другие художественные образы. С помощью концепта «время» во многом создается языковая картина мира Е.И. Харланова, в которой отчетливо видна личность автора-философа, математика, т.е. человека рассудочного и в то же время – глубоко чувствующего, в чем-то иррационального, наделенного сильным воображением. И это не случайно. Человек, познавая мир, способен представлять результаты этого познания в виде концептов и категорий разной степени сложности [Болдырев, Дубровская 2016: 30]. Картины мира Е.И. Харланова, причудливую и многообразную, во многом создаёт отношение автора к предметам и явлениям окружающего мира, выражающееся, как уже отмечалось, в понимании такой сложной категории, как время.

В творчестве Е.И. Харланова этот образ сильно отличается от научного представления об этой категории. Время у поэта предстает в виде постоянно повторяющихся кругов, спирали. Такие витки времени создают ощущение вечного движения, непрерывности бытия в своём развитии, создают ощущение не только протяженности, но и глубины времени, наполненности его событиями, в пределах которых можно перемещаться, попадая из одной эпохи в другую, из одного временного пласта сразу в другой лишь силой своего воображения. Например, И.В. Подольская по этому поводу замечает: «Помимо протяжённости, Время ещё имеет толщу (толщину) или глубину, что связано, конечно, с его спиральной протяженностью...» [Подольская 2004: 58]. Таким образом, поэт способен путешествовать по этой временной спирали из современной эпохи в далекое прошлое напрямую, минуя некоторые витки. В данном случае примечательно стихотворение Е.И. Харланова, которое называется «Круги времён» [Харланов 1993: 107].

Вначале поэт описывает знойный день:

«Песок и тот от зноя пел,
Облизывая губы.
Река плыла сама в себе,
счастливая, как гунны».
«А лес стоял, как ватерпас,
безмолвно, отделённо.
И заводь, как стрекозий глаз,
сверкала отдалённо».

Казалось бы, здесь еще ничего не говорится о времени, только описывается река и лес. Это делается с помощью сравнений, среди которых, пожалуй, самым интересным является сравнение течения реки с гуннами. Сравнение это, несмотря на свою необычность, понятно: река такая же свободолюбивая, дикая, как древний народ гунны. Однако «гунны» нужны были Е.И. Харланову не только для описания реки. Они потребовались, чтобы сделать отсылку к давно минувшим эпохам, чтобы читатель с самого начала задумался о «кругах времён», о том, что и раньше, много сотен лет назад, так же текла свободная река на фоне безмолвного леса. А далее поэт заставляет читателя увидеть суть вещей, увидеть эту картину совершенно с другой стороны, даже не своими глазами. Поэт говорит, что заводь «стрекозьим глазом» с каким-то для нее самой непонятным чувством рассматривает этот странный мир. Поэт будто бы характеризует чувства этой живой заводи, а на самом деле – уже и не заводи вовсе. Её взгляд – это взгляд гунна из глубины веков, с другой стороны временного круга смотрящего на ту же реку и лес [Харланов 1993: 107-108].

«Как будто первый гунн в седле
иль в плачущей повозке
избу увидел на земле,
журавль на перекрестке».
«И до него за тыщи дней
нашло, как рябь на воду,
предчувство гибели своей
и своего народа...»

Гунн, стоя на берегу реки несколько сотен лет назад, случайно попадает во временной водоворот, в спираль времени. И ему вдруг становится понятно будущее, потому что он увидел его напрямую, минуя многие столетия, расположенные на временной спирали. Но поэт также способен заглянуть в толщу веков и может со своей стороны временного круга увидеть гунна и понять его чувства. Так, словно дорогой, только идущей вглубь, соединяются временные круги спирали. Картины, описываемые автором, будто располагаются параллельно на кругах этой спирали, но они прозрачны, доступны для зрения людей, находящихся на разных витках времени. Именно поэтому стихотворение называется «Круги времен».

Таким образом, рисуется сложная по структуре картина мира. Оказывается, что возможно проходить насквозь временные пласты, потому что время имеет толщину и глубину, оно имеет вид спирали и способно повторяться вновь и вновь. Именно это, как следует из художественного текста, определяет основу нашего представления о человеке и природе.

Литература

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016, Т. 75. № 1. С. 29-39.

Подольская И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова): монография. Тамбов, 2004.

Харланов Е. У придорожного камня: Стихи. Тамбов, 1993.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «РЕПЕТИТОР»

А.С. Березина, Л.С. Моисеева
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка проанализировать кинесику и ее вербальные репрезентации в тексте художественного произведения А.П. Чехова, что позволит глубже раскрыть характеры и поступки героев.

Ключевые слова: кинесика, рассказы, А.П. Чехов, «Репетитор»

Изучение невербальных средств коммуникации, как неречевой формы общения, включающей в себя жесты, мимику, позы, визуальный контакт, тембр голоса, прикосновения и передающей образное и эмоциональное содержание, в рамках художественного текста занимает важное место.

В современной лингвистической парадигме под кинесикой в широком смысле понимают науку о языке тела и его частей, а в более узком понимании кинесика – это учение о жестах, прежде всего жестах рук [Березина, Моисеева 2015: 29-30], о мимических жестах.

Иными словами, кинесика рассматривает внешние проявления человеческих чувств и эмоций посредством анализа мимики, жестов и пантомимики. В тексте художественного произведения кинесика и ее вербальная репрезентация имеет

особую значимость, что позволяет глубже раскрыть характеры и поступки героев, создает яркую запоминающуюся картину изображаемого.

Кинесические элементы как совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения в рассказе А.П. Чехова «Репетитор» используются явно преднамеренно, что придаёт произведению [<http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/12-zhesty.doc> – Николаева] эмоциональный и выразительный характер, делает рассказ более убедительным, наглядным, экспрессивным. Подобного рода выразительные средства позволяют лучше понять, глубже прочувствовать состояние персонажей, создает яркую, запоминающуюся картину.

В рассказе присутствует множество жестов и символов, которое во всей полноте раскрывает образы героев. А.П. Чехов использовал описания жестов, которые в большей степени несут эмоциональную нагрузку: *милостиво подает руку, плюет на доску и стирает рукавом, ероша волосы, одобрительно кивает головой* и др.

Ярко описаны мимические элементы, изменения выражения лиц героев. Выражение лица человека способно передавать эмоциональный и содержательный подтекст словесно выраженного содержания, позволяет реализовать обратную связь, контролировать ход коммуникации, координировать последовательность реплик, регулировать саму процедуру общения, делая его более эффективным. В текстах автор использует несколько типов мимики: выражение лица (*ехидно улыбается*), движения глазам (*бормочет, не глядя на Зиберова*) и др.

Жесты и мимика выражают эмоциональное состояние персонажей: удивление (*думает он, ероша волосы и краснея*); опасение (*просит он робко, начинает ходить из угла в угол, конфузится, заикается, краснеет, бледнеет, быстро стирает, становится жутко*), нетерпение или раздражительность (*говорит, вставая*), задумчивость (*долго глядит в потолок, долго шевелит губами*) и т.д.

Анализ словесной репрезентации кинесических элементов, используемых в рассказе, позволяет констатировать, что невербальные компоненты речевого общения находят свое отражение в виде определенного языкового обозначения. Базисной моделью вербализации кинесических элементов в рассказах являются следующие конструкции:

– глагол или глагольная форма (опорный компонент) + существительное в косвенном падеже (вспомогательный компонент): *закуривая папиросу, плюет на доску, ероша волосы*; или глагольная форма (обстоятельство) + существительное в косвенном падеже + глагольная форма (однородное одиночное обстоятельство): *протягивая руку и вздыхая*.

– глагол или глагольная форма (опорный компонент) + наречие (вспомогательный компонент): *милостиво подает, тяжело вздохнув, быстро стирает, ехидно улыбается, становится жутко, просит робко*.

– существительное (опорный компонент) + прилагательное (вспомогательный компонент): *кашляющий голос*.

Говоря о стилистической характеристике кинесического элемента в тексте рассказа, мы установили, что при описаниях используются как стилистически нейтральные слова, которые не обладают яркой экспрессией, так и стилистически маркированные, наиболее полно отображающие всю гамму чувств и переживаний персонажей.

Эти экспрессивные элементы могут быть как стилистически сниженными, фамильярными, так и высокими. Слова, которые сопровождают жест, мимический элемент или являются вербальной формулировкой кинесического элемента, могут характеризовать человека как социального индивида и отражать внутреннее состояние героев.

Словесная репрезентация невербальных средств коммуникации в произведении помогает читателю понять чувства героев, увидеть их отношение к другим и к самим себе.

Литература

Березина А.С., Моисеева Л.С. Функциональная значимость вербальной репрезентации кинесических элементов в рассказе А.П. Чехова «Толстый и тонкий» // Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве. Мат-лы Межд. науч.-практич. конф. Минск: РИВШ, 2015. С. 29-30.

Николаева Ю. Кинетические средства общения. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/12-zhesty.doc>

Садохин А.П. Межкультурная коммуникация и компетентность в современной коммуникации (Опыт системного анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 156-166.

Чехов А.П. «Репетитор» – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1103/p.1/index.html>

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ А. БРУШТЕЙН (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ «ДОРОГА УХОДИТ В ДАЛЬ...»)

Л.Е. Абраменкова
(г. Тамбов, Россия)

В статье анализируется автобиографическая трилогия А.Я. Бруштейн «Дорогая уходит в даль...», в центре которой история подростка; устанавливается, что автор трилогии фокусирует свое внимание на изображении внутреннего мира взрослеющей девочки, Сашеньки Яновской, создавая психологический портрет героини.

Ключевые слова: детская психология, психологический портрет, автобиографическая трилогия, «Дорога уходит в даль...», А.Я. Бруштейн

Автобиографическая трилогия А.Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль...» посвящена истории взросления девочки по имени Сашенька Яновская, её становления как личности. Безусловно, понимание этих процессов невозможно без анализа психологических особенностей героини. В произведении передаются мысли, чувства Сашеньки, рассказывается о её интересах, поступках. Из них складывается цельный психологический портрет героини.

Произведений, посвящённых порою взросления, немало. Но у трилогии А. Бруштейн есть свойства, выделяющие книгу из общего ряда. Они определяются спецификой изображения внутреннего мира Сашеньки Яновской.

Писательница получила известность как автор 60 драматических произведений для детей и юношества и как одна из основателей детского театра в СССР. Значит, А. Бруштейн была погружена в мир детства и юношества в достаточной мере для того, чтобы со знанием дела писать об этом. Это была не стихийная тема в её творчестве, а основная, ключевая, последовательно разрабатываемая. Поэтому логично ожидать от трилогии углублённого психологизма, основательности и полноты в художественном раскрытии особенностей детской психологии.

Особое звучание проблеме становления личности придаёт то обстоятельство, что действие трилогии разворачивается в непростой исторический период. Это время нарастающего протеста, неуклонно приближающихся коренных изменений. Это предреволюционные годы. Много о героине мы узнаём через призму её суждений об исторических событиях и их участниках. Здесь можно говорить о психологизме, сопряжённом с историзмом.

Наконец, интересна сама манера повествования. Перед нами не просто герой-повествователь. Повествование, действительно, ведётся от первого лица, но рассказывает свою историю не маленькая девочка или взрослая женщина, с высоты прожитых лет оценивающая своё прошлое (хотя фактически это именно взрослая женщина). Скорее, можно говорить о «сплаве», синтезе, этих двух возрастных реалий. С одной стороны, некоторые суждения слишком сложны для девочки (к примеру, рассуждения о тюремных врачах в главе 16 книги 1). Подумать нечто подобное она могла, но не облекая свои мысли в такую непростую форму. Это имело место на чувственном уровне, но не на рациональном. С другой стороны, зачастую делается попытка воссоздать, воспроизвести психологические процессы, происходившие в сознании ребёнка (в частности, в главе 1 книги 1).

Опираясь на выделенные особенности и конкретизируя, доказывая их присутствие в тексте художественного произведения, попробуем составить психологический портрет героини.

Исследователи по-разному оценивали особенности трилогии А. Бруштейн. И. Кротова справедливо заостряет внимание на оппозиции «маленького “мирка”» и «большого “мира”» [Кротова 2006: 663]. Исследователь рассматривает внутренний мир героини, опираясь исключительно на социально-исторические аспекты произведения. Мы уже говорили о психологизме, сопряжённом с историзмом, поэтому следует признать действенность такого подхода. Девочка сталкивается со многими жизненными несправедливостями («голодные дети рабочих пивовара Шабанова» [Кротова 2006: 664], унижительное положение евреев и т.д.). Они формируют её мировоззрение, пробуждают жажду справедливости, вызывают неприятие существующего порядка, сочувствие по отношению к борцам за равенство и правду. Так, после встречи с Юлькой Сашенька впервые замечает: «Почти во всех домах – крохотные оконца на уровне тротуара. Теперь я знаю, что это окна подвалов, где живут люди» [Бруштейн 2006: 65]. А своё состояние героиня оценивает как «очень подавленное» [Бруштейн 2006: 66]. Девочка соприкоснулась с иным, ужасающим своей безысходностью миром, и теперь он уже никогда не уйдёт из её сердца.

Д.Л. Быков [Быков 2014] и М. М. Гельфонд [Гельфонд 2012] делали акцент на автобиографической составляющей трилогии. Такой подход также нельзя отвергать. Сам жанр произведения подталкивает к обращению к биографии писа-

тельницы. Можно искать параллели в жизни автора и героини. И их будет великое множество. Например, образ отца в трилогии соответствует, по свидетельствам биографии писательницы, отцу А. Бруштейн.

Можно сказать, что указанные исследовательские подходы несколько односторонни. Им не хватает комплексности, синтетичности. Однако важно понимать, что художественный образ всегда в первую очередь служит художественным задачам, а уже потом является зеркалом действительности. Поэтому при анализе попытаемся оттолкнуться только от художественной реальности.

Уже в первых строчках книги можно обнаружить пример проявления одного из важнейших свойств Сашенькиной натуры. Сашенька жалеет, что у неё нет братьев и сестёр, т.к. не с кем общаться, играть. Девочка в этом смысле одинока, но жаждет общения. Причём ей нужен не просто собеседник-подражатель, собеседник-последователь, но друг, который может в чём-то не согласиться, поспорить с ней («Вот если бы я закивала «Да, да!», а которая-нибудь из зеркальных девочек замотала бы головой «Нет, нет!». Или другая из них засмеялась бы, когда я не смеюсь, а третья вдруг вовсе взяла бы да ушла!» [Бруштейн 2006: 10]).

Органично дополняют складывающуюся картину такие свойства Сашеньки, как своеволие (даже бунтарство), внутренняя свобода и независимость в суждениях. Это особенно ярко проявляется при общении девочки с фрейлейн Цецильхен. Как бы ни пыталась воспитательница морализаторствовать, навязывать девочке свои принципы и взгляды, внутри Сашеньки действует внутренняя критическая «проверка» всех сказанных ею слов, и зачастую они не принимаются, оспариваются. Показателен в этом отношении диалог Цецильхен и Сашеньки о Боге. Девочка воспринимает рассказы Цецильхен с несколько прагматической, житейской и в то же время гуманной точки зрения. Жизнь человека для Сашеньки – высшая ценность. И любой, кто отнимает её, в глазах героини не может быть хорошим.

Характерной чертой Сашеньки также является наблюдательность, точность суждений. Достаточно вспомнить, какого она мнения о фрейлейн Цецильхен. Девочка, сравнивая себя и её, тонко подмечает, что её учительница явно отстаёт от неё в обучаемости и желании узнавать что-то новое («за это время я выучилась бойко сыпать по-немецки и даже читать, а Цецильхен всё ещё не знает самых простых русских слов») [Бруштейн 2006: 10].

Нельзя не сказать и о таком свойстве девочки, как любознательность. Она сама прямо говорит о себе: «Обожаю задавать вопросы» [Бруштейн 2006: 10]. «Самые чудесные минуты» для героини – это минуты познания нового, получения ответов на свои вопросы [Бруштейн 2006: 12]. По умению отвечать на свои вопросы Сашенька иногда и оценивает людей (например, ту же Цецильхен). Любознательность и объясняет необычайную развитость девочки.

Важной составляющей духовного облика героини является её способность к эмпатии. Этим она выделяется из общего ряда своих сверстников, ведь многие дети эгоистичны, увлечены собой (как, например, сёстры Шабановы). Эта черта проявляется у Сашеньки, когда она остро переживает увиденные картины нищеты и голода детей рабочих, пытается помочь Юльке, отстающим одноклассникам.

Сашенька всегда готова заступиться за близких, преданна и решительна в этом отношении. Не смогла она стерпеть, услышав, как Юзефа назвала её отца «Антипкой». Сашенька сразу принялась его защищать [Бруштейн 2006: 13-14].

Девочка очень чувствительна и проницательна. Она не всё понимает, но тонко чувствует. Когда Юзефа лишь пространно намекает на смерть Сашенькиного отца, героине в её словах «что-то ... смутно не нравится... Так не нравится, что вот – расплакалась бы...» [Бруштейн 2006: 13].

Несмотря на всю душевную зрелость, местами всё же ощущается простодушность героини. Например, то, что её отец «знает не всё на свете», становится для неё открытием [Бруштейн 2006: 12].

Если говорить о человеке, оказавшем решающее влияние на формирование личности Сашеньки, то это, безусловно, её отец. Это можно объяснить тем, что только отец честно и подробно отвечает на вопросы Сашеньки. Он не боится признаться, если чего-то не знает. В речи героини часты отсылки к словам отца, его мнению по тому или иному вопросу («папа мой говорит...») [Бруштейн 2006: 10].

На основании представленного краткого психологического портрета главной героини трилогии А. Бруштейн «Дорога уходит в даль...», проведенного с опорой на сформулированные особенности произведения как «трилогии взросления», можно выделить такие особенности изображения детской психологии в трилогии, как многоаспектность раскрытия внутреннего мира героини (социально-исторический, автобиографический, художественный аспекты), особая манера повествования («смешанная») и установка на изображение очень зрелой в духовном и интеллектуальном отношении героини.

Литература

Бруштейн А. Дорога уходит в даль... СПб., 2006.

Кротова И. Книга и её автор // Бруштейн А. Дорога уходит в даль... СПб., 2006.

Быков Д. Александра Бруштейн // Дилетант. 2014. № 7. <http://lyudi-knigi.livejournal.com/84413.html> (дата обращения 1.10.2016).

Гельфонд М.М. Трилогия Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...»: опыт комментирования // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). <http://cyberleninka.ru/article/n/trilogiya-aleksandry-brushteyn-doroga-uhodit-v-dal-opyt-kommentirovaniya> (дата обращения 1.10.2016).

ОБРАЗ КОТА В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

Е.И. Рожкова
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка проанализировать образ *кота* в творчестве М.А. Булгакова, где самым ярким, многогранным оказывается кот Бегемот; доказывается, что сложность этого образа продиктована большим количеством аллюзий и реминисценций из мировой культуры и литературы.

Ключевые слова: зооморфный символизм, М.А. Булгаков, художественное произведение, кот Бегемот

В творчестве М.А. Булгакова значительную роль играл животный символизм, сложные смысловые отношения, возникающие между пластами тотемиче-

ских мотивов. Это является частью более широкого мифопоэтического подтекста, включающего (помимо сказочных) многочисленные заимствования из других жанров русского фольклора, преимущественно связанных с низшей мифологией.

Животный символизм весьма важен в булгаковских текстах. Кошачьи мотивы в качестве подсистемы входят в более широкое ассоциативное поле мифопоэтических аллюзий, составляющих оппозицию *христианство – язычество*.

Исследователи булгаковского творчества приходят к выводу, что «присутствие мифа и связанных с ним архетипических представлений и мотивов влияет на внутреннее устройство романа таким образом, что почти в каждой точке его повествования образуются дополнительные, множасьиесмыслы и значения, протупауют исходные контексты ...» [Сазонова 1996: 763].

С учетом мистического мировоззрения писателя можно заметить, что его интерес к более ранним эпохам продиктован стремлением подчеркнуть мифологическое сходство отдаленных периодов истории, проявляющееся в ситуации культурного слома, смены культурной парадигмы, начало нового исторического времени, в котором ему пришлось жить и творить.

Символизм образа кота, его движение сквозь время находит отражение во взгляде на литературу как бесконечную спираль искусства, в которой борьба культур выглядит как скоротечное и быстро преходящее, а искусство – универсальным и бесконечным. В этом смысле мышление Булгакова архетипично, всегда направлено на демонстрацию знаков различных культурных и литературных эпох.

Мифологизм булгаковского текста, его фольклоризм и библейские аллюзии и реминисценции противостоят в его творениях как языческие и христианские, но те и другие слиты в одно человеческое единство. Именно в язычестве писатель обнаруживает связь образа с наиболее фундаментальными мифологическими функциями этого животного: защитника, психопомпа, просветителя.

Кошка в мифологии – самое загадочное животное. С нею связано множество примет. Перебежала дорогу черная кошка – ждите беды, либо обходите это место, в кошек черного цвета превращаются ведьмы.

Кошка играет важную роль в мифах и русских сказках. Она может проявлять себя в различных видах. Как правило, в русских сказках кошки могли быть проводниками, домовыми, а также разрушителями. В народно-христианской мифологии кошки представлялись помощниками черта, ведьмы и чаще всего выступали в облики ведьмы. У славян результатом проделок черных кошек являлись болезни, сглаз, а иногда и смерть. В добрых же сказках коты являлись оберегами, символами добра и благополучия (Кот Котович).

Кошки традиционно были символами уюта в доме, являлись хранителями домашнего очага. Когда человек покупал дом, сначала обязательно впускал в него кошку как символ счастья и мира: где кошка ляжет, положено было ставить кровать. Считалось, что кошка имеет несколько жизней, поэтому, впуская ее первой в дом, верили, что она может подарить человеку еще одну жизнь – спасти его от беды, принять на себя все горести и беды.

С детских лет каждый русский человек знает «ученого кота» А.С. Пушкина, который «ходит по цепи кругом» [Пушкин 1982: 57]. Он добрый, безобидный,

его противоположностью служит кот-злодей Баюн, сидящий на железном столбе и читающий сказки.

Символизм кошки/кота происходил от ее культа, того тотемического времени в истории существования человечества, когда этот зверь считался сакральным. Поэтому именно кот становится неприкосновенным и священным животным в творчестве Булгакова, причем этот кот под пером писателя превращается в романтического демона, злодея-защитника.

Таких котов-защитников мы наблюдаем уже в ранних повестях Булгакова. В «Дьяволиаде» и «Собачьем сердце» коты еще не являются главными героями, их образ еще не становится ведущим, но уже здесь они символизируют собой сверхъестественные силы. В «Дьяволиаде» мы наблюдаем, как Кальсонер превращается в черного кота с фосфорными глазами, и нам становится понятно, почему сюжет имеет данную перипетию. Автор перевоплотил Кальсонера в мистическое существо, символизирующее собой хаос и полное сумасшествие Короткова. В «Собачьем сердце» также ясно, почему мерзкими животными котов считает пёс Шарик – «по наследственности» [Булгаков 1990: 148], так как кошки и собаки враждуют между собой. Кот приносит Полиграфу Полиграфовичу Шарикову неприятности и в стихии водной – в ванне, и в стихии подземной – подвалах, знаменующих собой преисподнюю.

А вот кот в «Театральном романе» уже приобретает ведущие позиции, становится чуть ли не главным действующим лицом в сюжете, его присутствие добавляет красок в мистическое начало: он предвидит, предчувствует обман, ложь и своим поведением предохраняет героя от безрассудного действия.

Кот Бегемот из романа «Мастер и Маргарита» становится еще более ярким и завораживающим персонажем. Он получает глобальную прототипизацию. Это и морское чудовище Бегемот, и демон из книги М.А. Орлова «История сношений человека с дьяволом» [Орлов 1904]. В контексте этих книг демонология кота получает старозаветный оттенок.

Даже имя человека-кота Бегемота восходит к Ветхому Завету и принадлежит демону, обитающему в пустыне и «управляющему» желаниями желудка (поэтому булгаковский Кот Бегемот постоянно ест).

Больше всего образ кота Бегемота в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» восходит к образам в прозе Н. Гоголя и А. Погорельского. В мифопоэтике Н. Гоголя приход/уход кошки означает раздел мира на живое и мёртвое. В фантастической повести «Лафертовская маковница» А. Погорельского кот превращается в мужчину небольшого роста с хитрым взглядом и вкрадчивым поведением.

Булгаковский кот Бегемот – образ яркий, многогранный, его сложность продиктована большим количеством аллюзий и реминисценций из мировой культуры и литературы.

В ранней редакции романа Бегемот похож на слона. Но впоследствии бесслон обретает черты домашнего кота Флюшки. В окончательном варианте получилось существо, способное превращаться то в огромного кота, то в обычного человека. У читателя появилось устойчивое ощущение, что обе эти личины – лишь маски, под которыми скрывается нечто принадлежащее совершенно иной реальности.

Кот-шут обладает тонким чувством юмора, не прочь пофилософствовать, речь его грамотна, изобилует афоризмами. Такие черты традиционно присущи цирковой маске белого клоуна, умничающего, склонного к риторике и комическим поучениям.

Таким образом, литературные истоки образа кота в творчестве М.А. Булгакова очень разнообразны.

М. Булгаков воплощает древнее содержание в новую форму: «ученый медведь» становится «ученым котом», поскольку черный кот – фигура, безусловно, более демоническая.

Литература

Булгаков М.А. Собачье сердце. Повести и рассказы. М.: Правда, 1990.

Булгаков М.А. Собр. соч.: Тт. I-VIII. Т. 4. СПб.: Азбука-классика, 2002.

Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. М., 1904.

Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М.: Эксмо, 2007.

Пушкин А.С. Руслан и Людмила. Собр. соч.: Тт. I-X., Т. 3. М., 1981.

Сазонова Л.И., Робинсон М.А. Миф о дьяволе в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ТЕКСТА

В.В. Наумович
(г. Минск, Беларусь)

В статье рассматриваются актуальные проблемы перевода, особое место отводится вопросам прагматической реализации поэтического текста, устанавливается, что прагматический потенциал текста является результатом выбора источника содержания сообщения и способа его языкового выражения.

Ключевые слова: текст, перевод, двуязычная коммуникация, культура, прагматика

Перевод – это сложный и многогранный процесс трансформации текста на одном языке в текст на другом языке, сложнейшая часть двуязычной коммуникации, при которой сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературные традиции, разные эпохи, разные уровни развития личности. Как отмечает Л.С. Бархударов, «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов 1975: 11].

Всякий перевод «с одного языка на другой» осуществляется с целью получить определенный коммуникативный эффект, оказать конкретное прагматическое воздействие. Отсюда следует вывод, что и в тексте перевода важную роль играет его прагматика, степень и характер воздействия на читателя. Следова-

тельно, переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизведя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Поэтому изучение прагматических аспектов перевода составляет одну из центральных задач лингвистики перевода и теории перевода вообще. «Следует подчеркнуть, – отмечает В.Н. Комиссаров – соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, и прагматическая адекватность перевода необязательно заключается в сохранении прагматики исходного текста» [Комиссаров 2002: 136].

В единстве художественно-переводного процесса «исходный текст + переводной текст» можно отметить не только языковые соответствия и трансформации взаимодействия эстетических принципов и социально-культурных традиций, но и взаимодействие коммуникативно-прагматических импликаций автора и переводчика. Рассматривая художественный текст как авторскую «модель мира», мы видим, что эта модель строится на метафорическом, ассоциативном принципе: следуя за автором и его ассоциативной силой художественного знака, переводчиквольно или невольно допускает неопределенно большое число интерпретаций, «прочтений» данного текста читателями. Переводчик вынужден вводить некую дополнительную информацию при прочтении для достижения большей художественно-переводческой коммуникации. Иногда появляются дополнительные информационные «шумы»; новые интерпретации, что заставляет использовать в тексте знаков с большим художественно-прагматическим потенциалом.

Прагматика оригинала, как правило, основывается на его грамматике и семантике, может быть присуща всему поэтическому произведению в целом, его содержанию. Например, Л.С. Бархударов относит к числу прагматических значений стилистическую характеристику слова, его регистр (экспрессивную характеристику) и эмоциональную окраску слова, а также те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка [Бархударов 1975: 123].

Например, ассоциация «белого пуха вишен» у белоруса обязательно связана с ранней весной. В системе «языковых выражений» по А.Д. Швейцеру, содержание перевода должно больше сохранять в плане прагматического значения функционально-стилистическую окраску. Это в особенности касается поэзии. Многие исследователи полагают, что прагматическое требование при переводе заключается в необходимости добиться такой же ясности текста перевода для ПР (переводческой речи), какой обладает оригинал для ИР на уровне прагматических сущностей.

Различают два вида художественно-переводческой коммуникации и её прагматических аспектов. Это психологически зависимая и психологически свободная информация. Психологическая независимость включает весь информационно-семиологический потенциал текста, рассчитанный на множество коммуникативных ситуаций. Информация, психологически зависимая, так называемая «молчаливая» речь переводчика, всегда связана с проникновением в индивидуальную психику, как автора поэтического текста, так и в свое видение, восприятие стиха, объединяя тем самым в себе и в тексте перевода автора, переводчика и того, кто в дальнейшем будет осваивать текст переводимой поэзии. При этом переводчик стремится исходить из прагматического потенциала, а не из своего личного отношения к правильности или уместности исходного сообщения. Эк-

вивалентное воспроизведение содержания оригинала обеспечивает и передачу в переводе прагматического потенциала. Даже в тех случаях, когда переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода, внося в свой текст необходимые изменения, тои тогда достигается основная цель – обеспечение адекватного понимания сообщения рецепторике перевода.

Таким образом, прагматика является основным фактором адекватности перевода поэзии. Проблема передачи прагматической информации при создании стихотворных переводов средствами другого языка стала одной из наиболее актуальных в современной науке о переводе.

Лингвистическая организация поэтической речи имеет свои особенности. Известный переводчик М. Лозинский считает, что переводчик поэзии должен как бы перевоплотиться в автора, принимая его манеру, язык, интонацию, ритм, звуковую организацию, сохраняя при этом верность своему языку и в чем-то своей поэтической индивидуальности. При переводе иноязычных стихов на другой язык следует учитывать все элементы поэтического текста в их сложной и живой лингвистической связи. В переводах стихов присутствует «личностное» начало поэтического, проявляющееся в специфической организации образной системы стиха.

Поэтические тексты переводов рассматриваются так, что при сходности внешних особенностей поэтического: метрических соответствий, специфическим образом организованного синтаксиса, грамматических трансформаций, лексического своеобразия – поэтический текст в англоязычном переводе остается явлением феноменологическим.

Прагматическая реализация поэтического текста здесь есть те составляющие, за счет которых он становится таковым в социально-культурном пространстве коммуникации, то есть за счет чего он оказывает специфическое воздействие на читателя именно как поэтико-лингвистический текст. Способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматическое отношение к сообщаемому, называется прагматикой текста. Под прагматическими аспектами перевода следует понимать *прагматический потенциал* текста как такового, *прагматическую направленность* текста оригинала и его перевода, *прагматическую адаптацию* текста перевода и *прагматическое значение* лексических единиц исходного и переводного текста.

Прагматический потенциал текста является результатом выбора источника содержания сообщения и способа его языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением Источник отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коммуникативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. В результате созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, возможность произвести некоторый эффект на его Рецептора.

Прагматическое отношение Рецептора к тексту зависит не только от прагматики текста, но и от того, что собой представляет данный Рецептор, от его личности, фоновых знаний предыдущего опыта, психического состояния и других особенностей. Анализ прагматики текста дает возможность лишь предположительно предусмотреть потенциальный коммуникативный эффект текста по отношению к типовому (усредненному) Рецептору. «Даже самый «точный» пере-

вод не достигает цели, если он остается непонятным для тех, кому он предназначен», – отмечает Л.С. Бархударов [Бархударов 1977: 57]. Поэтому учет прагматического фактора является необходимым условием достижения полной переводческой адекватности.

Поэтический текст относится к социально-культурной реальности человека, транслирует ее опыт: от эпохи к эпохе, от традиции к традиции, от народа к народу формирует саму реальность поэтического.

Коммуникативная направленность поэтического текста как сообщения, информации о другом народе и другом видении мира действительно здесь выше любого другого текста. Соответственно, выше и стремление реципиента осуществить понимание поэзии.

Таким образом, с прагматической точки зрения наиболее адекватным переводом поэтического текста может быть тот вариант (здесь отметим переводы Веры Рич с пониманием национальной специфики языка), который ориентируется на семиотическую составляющую поэтического текста. При этом важным является тот факт, какие сегменты (стороны) бытия другого народа переводчик обозначает и моделирует для носителей культуры иностранного языка.

Литература

Бархударов Л.С., Рецкер Я.И. Курс лекций по теории перевода. Минск: Высшая школа, 1977 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Минск: Международные отношения, 1975.

Комиссаров, В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 2002.

Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Высшая школа, 1988.

Neubert A. Text and Translation. Oxford, 1981.

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

М.В. Астраханцева
(г. Тамбов, Россия)

Автор статьи анализирует роль различных типов сложных предложений расчленённой структуры, которые использует Л.Н. Толстой в своих произведениях, и приходит к выводу, что с их помощью классик создает уникальную систему художественных образов, назначение которых разнообразно: от представления внешности героев до раскрытия динамики их душевного состояния.

Ключевые слова: русский синтаксис, расчленённые конструкции, художественное произведение, Л.Н. Толстой

В произведениях Льва Николаевича Толстого представлены наиболее полно все виды расчленённых предложений. Характерной чертой данных предложений является столкновение двух противоположных тенденций: с одной стороны,

сложный характер логико-синтаксических отношений компонентов расчленения, возникающий на базе увеличения объёма информации или при осложнении добавочными функциями синтаксического и семантического характера; с другой стороны – благодаря расчленению происходит упрощение синтаксической конструкции. Это, видимо, связано с высокой степенью оформленности и организованности грамматической системы современного русского языка и, в частности, системы сложноподчинённого предложения.

В художественном произведении наряду с основной коммуникативной функцией, связанной с сообщением какой-либо сложной мысли, расчленённые конструкции могут использоваться как средство эмоциональной выразительности, где уже выполняют дополнительную, экспрессивную функцию, способны глубоко отражать явления действительности.

Используя в художественном тексте различные типы сложных предложений расчленённой структуры, Л.Н. Толстой создаёт уникальную систему художественных образов, назначение которых в произведениях разнообразно: одни дают представления о внешности героев, другие раскрывают динамику их душевного состояния, третьи вносят эмоционально-оценочный элемент. Например:

Цель-состояние, которая может иметь несколько значений:

а) физическое состояние: *Схватившаяся за грудь, чтобы не задохнуться, Соня, бледная и дрожащая от страха и волнения, села в кресло и залилась слезами.*

б) психическое состояние: *Он старательно изыскивал все самые больные места её, чтобы как можно жесточе нравственно мучить её.*

в) эмоциональное состояние: *Это я сожгла, чтобы показать её любовь.*

Возможность расчленённого употребления придаточной части вытекает из самой природы этой части, а именно: входя в состав сложного предложения, придаточная часть, подобно простому предложению, обладает признаками предикативности, хотя и не функционирует в качестве отдельной коммуникативной единицы. Таким образом, предпосылки для расчленения уже заложены в самой формуле сложноподчинённого предложения, и в этих случаях образуются, в первую очередь, расчленённые конструкции.

Различная степень употребительности расчленённых конструкций обусловлена неодинаковой степенью распространённости в современном русском синтаксисе соответствующих сложноподчинённых предложений. Так, например, сложноподчинённые предложения с придаточными времени, причины, цели являются наиболее распространёнными среди других типов сложноподчинённого предложения. Например:

а) *Это выражение часто было на лице Долохова, когда он смотрел на него.*

б) *Я люблю её, потому что у неё характер рассудительный – очень хороший.*

в) *Один из солдат сердито, злобно, болезненно крикнул на Пьера, чтобы он вернулся.*

В свою очередь, меньшая степень распространённости, например, расчленённых конструкций с придаточными условия или сравнения обусловлена меньшей степенью распространения соответствующих сложноподчинённых предложений. Например:

а) *Ежели бы вы мне дали Петербург и Москву, я бы не принял этих условий.*

б) *Княжна Марья радостно отвечала, как будто её уроки геометрии были одним из самых радостных впечатлений её жизни.*

Исследование синтаксических функций расчленённых предложений с подчинительными союзами показало, что логико-синтаксические отношения компонентов расчленения нельзя ограничивать только рамками «присоединения» или «подчинения»: они более разнообразны и имеют ряд специфических средств в отличие от присоединительных отношений или подчинительного характера связи.

В синтаксических конструкциях присоединительные отношения отмечаются только в тех случаях, когда предложение с подчинительным союзом содержит добавочные, уточняющие и т.п. сведения по поводу содержания предыдущего предложения. Такие отношения чаще всего обнаруживаются в расчленённых конструкциях с условными и временными союзами.

Наряду с этим расчленение формулы сложноподчинённого предложения зависит от ряда условий, природа которых специфична для расчленённых конструкций. Это объясняется особенностями синтаксической связи компонентов расчленения и семантикой предложения с подчинительным союзом.

Анализируя произведения Л.Н. Толстого с точки зрения синтаксиса, следует отметить, что функционирование в них сложноподчинённых предложений расчленённой структуры оправдано, так как отображает не только внутреннее состояние художника слова, но и заданную тематику произведения, которая обуславливает наличие этих синтаксических конструкций. Данные виды синтаксических конструкций участвуют в выполнении разного рода коммуникативных функций: в тексте они могут выражать контраст, выделить важное, новое.

Являясь наиболее частыми средствами оформления текста, сложноподчинённые предложения расчленённой структуры представляют собой необходимую составную часть любого философского произведения.

О ПЕТИМЕТРАХ И «ПОРЧЕ» РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.С. Котяева
(г. Элиста, Россия)

На материале русских комедий XVIII века в статье рассматриваются иноязычные слова, среди которых выделяется существительное *петиметр* в значении *щёголь, господинчик*; устанавливается, что язык петиметров отличался обилием бытовавших в ту пору жаргонов, модных слов и выражений, а самих петиметров высмеивали за франтовство, нравственную пустоту и глупость.

Ключевые слова: русские комедии XVIII века, петиметр, судьба русского языка

XVIII век в России – время уникальное, когда, пожалуй, впервые на страницах литературных произведений, в частности драматических, так остро звучит вопрос о чистоте русского языка, хаотичном наплыве иноязычных заимствований, их беспорядочном и неосознанном использовании.

Как известно, основная функция комедии, предначертанная А.П. Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве», – сатирическая: «издевкой править нрав, смешить и пользовать – прямой её устав». И в различных по жанровой направленности комедиях (лирических, слезных, морализующих, антикрепостнических, политических и др.) высмеивались пороки русской действительности – галломания, невежество дворян, «лихоимство», ведь «основным оружием и сатирической стрелой комедии XVIII в. был яд, составляющий ударную силу русской комедиографии» [Янковский 1964: 18].

В пьесах выдающихся драматургов А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, В.И. Лукина, И.А. Крылова, А.И. Клушина, Д.И. Волкова, Д.И. Хвостова и др. подвергались осмеянию *петиметры* (от фр. «petit – maître» – «петиметр, щёголь, господинчик»), излюбленным средством общения которых был русско-французский жаргон, «смешенье языков французского с нижегородским», следование во всём французской моде.

Распространению галломании, как известно, способствовала европеизация русского быта, проникновение французской культуры, литературы, и особенно французских пьес на сцену театра. В популярном журнале того времени «Живописец» даже был помещён «Опыт модного словаря щёгольского наречия», в котором приводились и сатирически толковались бытовавшие в ту пору модные выражения, а самих петиметров и кокеток высмеивали за франтовство, нравственную пустоту и глупость. Известна также «Сатира на употребление французских слов в русских разговорах» И.С. Баркова и мн. др.

Один из героев комедии А.И. Клушина «Смех и горе» даёт петиметрам такую характеристику: «**Плаксин.** *Вы с ног до головы похожи на машину, Котора действует через свою пружину. Когда ту заведут, лепечет и визжит, И франт теперешней так точно говорит. Von jour ton bien, madam! ta cher! Coman vous va! Дрягает, корчитя, французски врёт слова, А русского совсем не понимает. Науки, ум его: в жаботах и манжетах; Неустрашимой дух: в рисованных железах. Кто это, спросите? все франты таковы!» [Клушин 1793: 79].*

Характерно, что сами петиметры в комедии считают себя образованными («педантами») и прекрасно осведомлены о том, что их образ вызывает неприязнь окружающих: «**Ветрон.** *Но оба мы педанты, Я знаю то, что вам не нравимся мы, франты!» [Клушин 1793: 79].* Слово «педант», 1742 г., от ит. «pedante» (лат. «воспитатель, ученый человек»).

В речевых партиях других персонажей-петиметров – Ветрона и Вздоровой – также широко употребляются новые иноязычные слова со специфическими значениями – *клуб, маскерад, рандеву, дансер, контроданс, брильян, фижбины, лиф.*

В комедиях А.П. Сумарокова также высмеиваются русские «галантомы, петиметры», портящие язык, и с этим явлением, считает автор, необходимо бороться как с общественным бедствием. Так, в комедии «Пустая ссора» представлен шаржированный образец жаргона галломанов с обилием французской лексики. Диалог петиметров Дюлижа и Деламида, о которых автор сказал, что «*петиметерка петиметра далеко видит*», представлен в гротескно-сатирическом виде: «**Деламида.** *Вы мне так флатируете, что уж невозможно. Дюлиж.* *Вы мне не поверите, что я вас адорирую. Деламида.* *Я этого, сударь, не меритирую» [Сумароков 1990: 344].*

Следует подчеркнуть, что вопрос о заимствованиях был актуальным ещё и потому, что наплыв иноязычных слов в то время требовал быстрого осмысления нового, подчас хаотического языкового материала. И спектр его использования в массовых комедиях данного времени был необычайно широк – от употребления слов в прямом значении до имитации иноязычной, в первую очередь, французской речи, – явления, которое еще не получило своей квалификации в рамках теории взаимодействия кодов. По мнению исследователя А.А. Бурыкина, это своего рода соприкосновение кодов или системная кодовая аттракция, характерные для жаргона и более поздних периодов (к примеру, сленг хиппи). От этого явления надо отличать факты собственно переключения кодов – иноязычные вставки или имитации иноязычной речи в русской графике, также имеющие место в нашем материале.

В комедиях В.И. Лукина, «теоретика русской драмы», также воспроизводится речь петиметров, звучит тревога о судьбе русского языка. Это оригинальная комедия «Мот, любовью исправленный» и «Щепетильник» – перевод комедии французского драматурга Патю. Осуждая галломанию, автор стремится к использованию разнообразных французских слов и выражений, составляющих основу жаргона щеголей, а речь персонажа Верхоглядова похожа на реплики сумароковского Дюлижа:

«Верхоглядов. А пар дие! Рад я, что тебя вижу в добром здоровье, господин Щепетильник. О! проклятый твой титул колет и дерёт уши. Пожалуй, брось это варварское имя, а называйся галантерейщиком. Это будет тре-галан, и ты сам галантомом почитаться станешь» [Лукин 1956: 214-215]. Щепетильник возражает ему, и тогда Верхоглядов выдаёт новую чудовищную тираду:

«О, фидом! на нашем языке! Вот ещё какой странный эксклюзив! Наш язык самой зверзской и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на него добрым людям без ореру дискутировать было не можно. Кель диавле! Уж нынче не говорят риваль, а говорят солубовник. Ха, ха, ха! Какое униоранство! Ах! эти слова умертвят меня» [там же: 225].

Комедии И.А. Крылова «Кофейница», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Пирог», «Проказники» также дают показательные примеры петиметров, использования ими иноязычных слов в самых разных диалогических ситуациях. Так, *галломанствующая* помещица Новомодова в экспрессивных, и даже бранных репликах широко употребляет заимствованную лексику: *«О, проклятые лакеи; дюжина столовых ложек; ни на одной бестии живого места не оставлю; Я шельму вора в гроб прибью; кофей»* [Крылов 1946: 18]. Да и само название этой комедии – просторечное слово «кофейница» («гадалка на кофейной гуще») – образовано от иноязычного слова «кофе». Его варианты – *кофей, кофь, кафе, кафа*, от тур. «Kahve» – «семена кофейного дерева; напиток из молотых кофейных зерен – кава»; «кофейница» – «сосуд для хранения кофе; простореч. и простонар. гадалка на кофейной гуще» [СРЯ XVIII].

Заметим, что этимология слова «кофе» – благородного напитка, входящего во вкусы дворян, довольно неоднозначна. Существует мнение, что первоисточником слова «кофе» могло быть арабское «qahwa» – «кофе»; «в русском языке «кофе» восходит, вероятно, к голл. «koffie» – «кофе», ср. также англ. «coffee» [Черных, 1993, Т. 1: 436]. Попытки городского просторечия придать слову бла-

гообразный русский вид, считает исследователь В.В. Колесов, удались не совсем, и слово сохранилось без окончания – «кофе» [Колесов, 1991: 168-169]. Многие писатели и поэты данного времени не решались употреблять его, а Тургенев в письме к Фету писал, что если невозможно обойтись без слов «карамель» и «кофе», то лучше употребите «марципан» и «баваруаз».

Таким образом, тексты русских комедий второй половины XVIII в. дают нам четкое представление о самих петиметрах, о смешном и странном жаргоне петиметров, портящем русский язык, а между строк драматических реплик звучит страстный призыв автора – беречь чистоту и богатство русского языка, употреблять иноязычную лексику не по «буйственному пристрастию», а «нужды ради».

Литература

1. Клушин А.И. Смех и горе // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. СПб., 1793. Ч. XL. С. 3-151.
2. Колесов В.В. Язык города. Л.: Наука, 1991. С. 168-69.
3. Крылов И.А. Кофейница // Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Худ. лит., 1946. С. 19-38.
4. Лукин В.И. Щепетильник // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. М.: Учпедгиз, 1956. С. 265-297.
5. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806 1822. Ч. 1-6.
6. Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин; Ред. Л.Л. Кутина. Вып. 1-18. Л.: СПб.: Наука, 1984-2015. Вып. 1-21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 25.10.2016).
7. Сумароков А.П. Пустая ссора // Драматические сочинения. Л.: Искусство, 1990. С. 294-412.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык. 1993. Тт. I-II.
9. Янковский М.О. Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. (вступление). М.-Л.: Сов. писатель, 1964. С. 18.

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ЭКСТРЕМИЗМА В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ

М.В. Горбаневский
(г. Москва, Россия)

Автор статьи обращается к сложной проблеме, связанной с определением в лингвокриминалистике дифференцирующих признаков, которые позволяют выделить и интерпретировать такие понятия, как «словесный экстремизм», «социальная группа», «экстремистская деятельность», «экстремистские материалы».

Ключевые слова: лингвокриминалистика, спорное высказывание, экстремизм

Действующее российское законодательство устанавливает запрет на любую дискриминацию. В соответствии со ст. 29 Конституции РФ не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации», не допускается использование средств массовой информации в целях разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни.

В ст. 19 Конституции РФ закрепляется принцип равенства и абсолютный запрет на любую форму дискриминации, в ст. 29 Конституции РФ гарантируется свобода мысли и слова.

Конституционные ценности нередко конфликтуют между собой, но неизбывным принципом является положение о том, что гарантии прав и свобод одних людей не должны ограничивать права и свободы других. Никто не вправе, спекулируя на праве свободы убеждений, слова, выражения мнений и оценок, подавать ксенофобские и подстрекательские материалы под соусом выражения в них патриотических идей и убеждений с благородными целями.

Словесный экстремизм, экстремистские высказывания, озвученные и напечатанные в средствах массовой информации – в печати, на телевидении, в Интернете и т.д. – несут в себе огромную общественную опасность. В то же время к этой проблеме нужно подходить с крайней осторожностью. Важная причина, заставляющая вспомнить об осторожности, – сомнения в отношении эффективности законов, направленных на борьбу с высказываниями, разжигающими вражду и ненависть. Такие сомнения высказывают многие правоведы, международные специалисты по вопросам свободы слова. Борьба со словесным экстремизмом не должна привести к злоупотреблению законами со стороны государства для подавления инакомыслия.

Право на свободное выражение своего мнения закреплено в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где предусмотрены лишь два ограничения этого права, «которые установлены законом и являются необходимыми:

- а) для защиты прав и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения».

Но при этом ст. 19 может и должна рассматриваться совместно со ст. 20 того же пакта, которая запрещает «всякую пропаганду войны» и – что особенно важно в данном случае – «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию».

Действует также ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, где отмечено, что государства-участники «объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения...».

Определение экстремистских материалов содержится в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

экстремистские материалы – предназначенные для обнаружения документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном определении используется понятие **экстремистской деятельности**, к которой относятся, согласно определению, данному в той же статье:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 уголовного кодекса российской федерации;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику

Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда.

В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистики, иных экспертов, определение экстремизма или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения.

Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь в своем исследовании дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., необходимым образом обратит особое внимание всех заинтере-

ресованных сторон на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В.В. Путиным в январе 2003 г.):

«"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено мной – М.Г.) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

И хотя п.1.2 данной статьи содержит важную оговорку («Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье»), мы полагаем, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нуждается в оптимизации Федеральным Собранием РФ, в том числе, в части доработки и уточнения принятых в нем дефиниций.

Особо следует отметить такое понятие, как «возбуждение социальной розни», поскольку социальной рознью можно считать вообще любое противоречие в обществе, что создает возможность при наличии определенных предпосылок, которые могут носить как объективный, так и, что важно подчеркнуть, субъективный характер, обвинить в экстремистском высказывании любого человека, который публично высказывается о каком-то конфликте или выступает против кого-либо.

Не менее важным является то обстоятельство, что, исходя из известной специалистам-лингвистам практики судебно-экспертной деятельности, в настоящее время отсутствует единое (общепринятое, устоявшееся) определение понятия **социальной группы**.

Разные эксперты и специалисты пользуются разными критериями и системами критериев отнесения тех или иных сообществ людей к разряду социальных групп, что создает предпосылки для нарушения единства судебной практики.

Предпочтительным решением данной проблемы было бы законодательное уточнение данного понятия, например, через введение списка социальных групп, достоинство которых охраняется законом (или соответствующих словесных обозначений), однако такого списка на данный момент не существует.

В общем случае при отнесении того или иного сообщества граждан к разряду социальных групп, достоинство которых охраняется законом, следует учитывать целый ряд разнородных факторов, например:

- наличие объективной и субъективной общности интересов членов группы;
- характер совпадающих интересов (демографический, экономический, политический, морально-этический, социально-психологический, собственно социальный и т.п.). Данный фактор позволяет, к примеру, выделять в особую категорию так называемые «малые» группы, имеющие социально-психологический характер, общность членов в которых мотивируется и поддерживается исключительно межличностными связями (например, сообщество друзей

или коллектив сотрудников одного подразделения фирмы, объединяемых совместной работой);

- является ли отнесение гражданина к данной группе вопросом его самоидентификации;

- требуется ли выполнение каких-то формальных требований или процедур для вступления в группу (для признания гражданина ее членом) и какова их природа;

- может ли гражданин быть лишен статуса члена группы принудительно;

- манифестируется ли группа в обществе через некую общую для всех ее членов деятельность, преследующую определенную цель;

- существуют ли общие для членов группы система ценностей и мировоззрение;

- насколько обособленной является группа;

- обладает ли группа внутренней организацией;

- существуют ли социальные институты, регулирующие отношения в группе;

- являются такие институты формальными или неформальными;

- *etc.*

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена социальной (а также конфессиональной, национальной и т.п.) группы соответствующим ей формальным социальным институтом. (Ср. цитируемую выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть выражение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые, безусловно, удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, однако достоинство и интересы которых при этом не подлежат правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте.

Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной группе – или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе и т.п.

НЕЙМИНГОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ¹

Т.П. Соколова
(г. Москва, Россия)

Автором статьи предпринята попытка продемонстрировать возможности нейминговой экспертизы в защите русского языка и в гармонизации городского ономастического пространства; доказывается, что нарушение этических и эстетических норм граждан свидетельствует о необходимости нейминговой экспертизы урбанонимов.

Ключевые слова: лингвоэкология, нейминговая экспертиза

Речевая ситуация России начала XXI в. характеризуется развитием коммерческой номинации, под которой мы вслед за М.Е. Новичихиной понимаем «языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели» [Новичихина 2004: 3].

Субъекты предпринимательской деятельности используют в качестве средств индивидуализации товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения, которые могут быть размещены на городских вывесках [Соколова 2016], то есть входят в городское пространство как рекламные имена [Крюкова 2004: 5].

Речевая деятельность, результатом которой становятся многочисленные урбанонимы (названия городских объектов: магазинов, кафе, ресторанов, салонов красоты, жилых комплексов, туристических агентств и т.д.), носит креативный характер, обусловлена активными языковыми процессами и прагматическими намерениями номинатора [Ремчукова, Соколова, Махиянова 2015] и вместе с тем порождает скандальные и неудачные названия, разрушающие ономастическое пространство города.

За последнее время в России значительно возросло число городских названий, которые нарушают нормы языка и способны породить конфликтные ситуации в социуме. Такие конфликтогенные урбанонимы вовлекаются в сферу правовых отношений и становятся объектами нового вида судебной лингвистической экспертизы – нейминговой экспертизы, которая представляет собой «процессуально регламентированное лингвистическое исследование нейма как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии» [Соколова 2016: 32].

Цель данной статьи – показать возможности нейминговой экспертизы в защите русского языка и в гармонизации городского ономастического пространства.

Материалом исследования послужили урбанонимы Московского и других регионов России, которые были получены путем сплошной выборки из различных источников (электронные СМИ, интернет-сайты, блоги и т.д.), а также из судебно-экспертной практики.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00282.

Результатом городской номинации часто становятся названия магазинов, ресторанов, рекламных и туристических агентств, парикмахерских, жилых комплексов, нарушающие литературные нормы и правила транслитерации («Гринхауз», «ZONA», «Фудболки», «Авиню»), разговорные и грубые просторечные слова («Бухни», «Свалка», «Самоволка», «Прибамбасы», «Ёшкин кот») [Агеева, Соколова 2012: 316-319].

Обращения возмущенных таким отношением к русскому языку, нарушением этических и эстетических норм граждан в муниципальные органы власти, в ФАС (Федеральную антимонопольную службу РФ) и в СМИ свидетельствуют о необходимости нейминговой экспертизы урбанонимов.

Урбанонимы могут быть зарегистрированы как товарный знак или знак обслуживания – и в этом случае экспертизу обычно проводят в Институте интеллектуальной собственности в рамках процедуры подачи заявки. Однако такая экспертиза нередко носит формальный характер и не выявляет факторов нарушения норм русского языка.

Урбаноним может иметь статус фирменного наименования юридического лица (например, торговой или строительной компании), которое вносится в Единый реестр юридических лиц по формальным основаниям (без экспертизы). Результатом часто становятся названия на базе варваризмов, жаргонизмов, эвфемизмов, например: ООО «ROYAL WAYS», ЗАО «РОЯЛ РЕЙЧОС», ООО «Откат», ООО «ПРЕВЕД», ООО «МЕДВЕД», ООО «НАХ» [ЕГРЮЛ].

Урбаноним может также иметь юридический статус коммерческого обозначения, которое не подлежит регистрации. Экспертизы такие названия не проходят и попадают в сферу внимания ФАС или Роспатента в случае обращения собственников, потребителей, граждан.

Обладая специальными знаниями, эксперт-речевед может определить лингвистические и экстралингвистические факторы конфликтогенности урбанонимов, проанализировать причины и следствия появления спорных наименований, помочь горожанам в борьбе с неграмотными и некорректными вывесками.

Одна из задач нейминговой экспертизы – выявление негативной семантики названия, его семантической и лексической двусмысленности, нарушение этической и эстетической, а также орфографической или грамматической нормы в названии, использование просторечий, жаргонизмов, арготизмов, профессионализмов, заимствований (в том числе варваризмов), фразеологизмов, неуместное или некорректное использование на вывеске прецедентных имен.

Так, глава Российского клуба толстяков Сергей Назаров призвал бойкотировать кафе «Жиртрест» из-за обидного названия [<https://lenta.ru/news/2016/01/20/fatprotest/>]. Действительно слово «жиртрест» в значении «Об очень полном человеке» имеет помету «Грубо» [БТС 2000, 307].

В Тюмени поднялась волна недовольства «гангстерским» названием ресторана «Мафиози», что в итоге привело к закрытию заведения [<http://www.nashgorod.ru/otdih/journal/news70081.htm>].

Сотрудники МВД Первоуральска сочли оскорбительным, умаляющим их честь, достоинство и деловую репутацию название арт-кафе «Лежачий полицейский» и обратились в суд (конфликт разрешился тем, что после проведения ряда

экспертиз стороны пришли к досудебному соглашению: владельцы заведения убрали из названия слово «полицейский») [www.city-n.ru/view/326666.html].

По требованию жителей Белогорска владелец кафе «*New York*» переименовал свое заведение в «*Амур бистро*» и убрал с вывески американскую символику [<https://rusevik.ru/.../204858-kafe-new-york-pereimenovali-v-amur-bistr.>]. В том же Белогорске два года длился конфликт местных властей с владельцем магазина нижнего белья по поводу вывески «*Sisin dom*». Поясним: первый компонент урбанонима образован по модели притяжательного прилагательного с продуктивным суффиксом *-in* от слова «сиси» – «разговорное сниженное название женской груди» [БТС 2000, 1190].

Жителей Нижнего Новгорода возмутило название ресторана, открывшегося в 2014 г. на центральной улице, – «*Сталинская дача*», его начали называть «чёртовой дачей», некоторые пользователи соцсетей объявили бойкот заведению [www.nnnews.nnov.ru]. Активисты устраивали напротив ресторана читку «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и другие акции протеста, и 8 января 2016 г. в СМИ появилось сообщение о закрытии ресторана. Интеллигенция Нижнего Новгорода возрадовалась, однако заведение снова открылось, и с тем же скандальным названием.

Для борьбы с подобным «креативным» неймингом нужны не акции протеста, а нейминговая экспертиза, с которой можно пойти в ФАС и в суд. Заметим, что отсутствие обоснованного заключения нейминговой экспертизы привело к тому, что длившаяся три года борьба нижегородцев с названием стриптиз клуба «*Peshkov*» (подлинная фамилия Максима Горького), расположенного напротив музея детства писателя, завершилась победой коммерческого скандального урбанонима.

Нейминговая экспертиза поможет установить, что конфликтогенность названия клуба «*BarSouk*» обусловлена языковой игрой (на основе капитализации «S»), в результате которой часть потенциальных посетителей чувствует себя оскорбленной. Негативная семантика и сниженная стилистическая окрашенность второго компонента названия («Сука – *Грубо*. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно женщине)») [БТС 2000, 1288]) легко распознаётся носителями языка.

Об этом свидетельствуют данные опросов и интернет-форумов, например: «от названия данного кафе веет помойкой!»; «Не пойду, потому, что так и написано Бар Сук, я себя к сукам не отношу» [pln-pskov.ru/forum/116568.html].

Вызывают негативную реакцию части потенциальных клиентов и такие «шедевры нейминга», как названия салонов красоты «*Лысый стриж*» (Казань), «*Баба Яга*» (Рязань; здесь обещают скидки пожилым женщинам), парикмахерской «*Сам пришёл*» (Череповец), турфирмы «*Сусанин*» (Челябинск), аптеки «*Медя*» (Воркута), жилых комплексов «*Каретный плаза*», «*Barkli Virgin House*», «*Knightsbridge Private Park / Найтсбридж Привэйт Парк*» (Москва) и многие другие.

Нейминговая экспертиза позволяет установить несоответствие названия жилого комплекса «*Katrin-house*»/«*Катрин-хаус*» этическим критериям: в названии некорректно обыгрывается имя Героя Советского Союза лётчицы Екатерины Будановой, в память которой была названа улица, где расположен дом. К примерам

подобного неудачного нейминга можно отнести и названия жилых комплексов, копирующих генитивную модель номинации улиц: «*Маршала Василевского*», «*Гоголя-2*», «*Чехова 4*», «*Одиннадцать Станиславского*».

Высокой степенью конфликтогенности обладают урбанонимы, нарушающие стилистические нормы современного русского языка. Об этом свидетельствуют публикации в СМИ, активные дискуссии в Интернете, а также обращения граждан в ФАС.

Так, во многих городах (Москве, Петербурге, Тамбове, Екатеринбурге, Северодонске, Каменске и др.) появились магазины и пивные ларьки с названием «*Бухен Хауз*», что побудило горожан выразить удивление и возмущение по поводу уродливого урбанонима: «жаль, что нет такой структуры, которая бы отслеживала названия магазинов», «посредственное содержание, скрашиваемое попыткой создать образ», «после таких названий город [Екатеринбург – пояснение автора] только Ёбургом и можно назвать», «название это не более чем проявление «таланта» хозяина» [www.liveinternet.ru/users/zanzi/post130989750/].

Челябинское УФАС России откликнулось на жалобы горожан и провело опрос среди интернет-пользователей, в частности по вопросу «Что, по Вашему мнению, означает словосочетание «*Бухен хауз*»?»

Согласно полученным данным, 48% опрошенных считают словосочетание «*Бухен хауз*» иностранным выражением; 62% – воспринимают словосочетание «*Бухен хауз*» в значении «употреблять спиртные напитки», кроме того словосочетание «*Бухен хауз*» в совокупности с изображением людей, держащих во рту кружки с пенным напитком, воспринимается негативно в значении «распитие алкогольной продукции» в данном заведении (доме)» [www.chel.fas.gov.ru/news/7310?&page=29].

Таким образом, большинство носителей языка в разных городах увидели в этом искусственном названии связь со словом «бухать» – «выпивать, употреблять спиртные напитки», причём лексикографическое исследование показывает, что сниженная стилистическая окрашенность глагола «бухать» и его производных осознается не только специалистами, но и рядовыми пользователями.

Данная лексема вошла в Большой толковый словарь русского языка с пометой «разговорное, сниженное» [БТС 2000: 106]. Однако другими лексикографическими источниками глагол «бухать» квалифицируется как *арготизм* или *жаргонизм*, *грубый* и *вульгарный*, с явно негативной коннотацией. Слова «бухать», «бухло», «бухой» и др. производные включены в «Словарь русского арго» [Елистратов 2000: 51], в «Словарь русского сленга» [Юганов, Юганова 1997: 40], в словари «Русская фея» [Быков 1994: 36], «Современный русский жаргон уголовного мира» [Дубягина, Смирнов 2001: 40], «Ключевые концепты молодежной культуры» [Никитина 2013: 46], «Горячее городское арго» [Риндау 2014: 19].

Если рассматривать нейм «*Бухен хауз*» как иностранный, то и «немецкий след» содержит отрицательно-оценочный коннотат: *buhen gl., разг.* «освистывать, выражать неодобрение, шикать, улюлюкать», *Naus суиц.* «дом, здание» [Multitran <http://www.multitran.ru/>].

Дискуссия об уместности «*Бухен Хаузов*» на улицах современных городов продолжается, и существенную помощь региональным органам, регламентирующим городское пространство, может оказать нейминговая экспертиза.

Таким образом, мониторинг сферы городской коммерческой номинации позволил выявить постоянно расширяющуюся зону экологически вредных урбанонимов, активно обсуждаемых в Интернете, в СМИ и вовлекаемых в правовое поле. Нейминговая экспертиза, как юрико-лингвистический феномен, обладает возможностями и инструментарием для выявления «топонимической плесени» [Горбаневский 2012: 18].

На этапе проверки заявленного обозначения, на этапе регистрации фирменного наименования и размещения на городской вывеске коммерческого обозначения нейминговая экспертиза может служить мерой профилактики появления скандальных урбанонимов, а на этапе рассмотрения жалоб граждан в ФАС и судебных разбирательств – способствовать вынесению обоснованных решений и гармонизации ономастического пространства русских городов.

Литература

Агеева Р.А., Соколова Т.П. О московских эргонимах // Экология языка и речи. Материалы Международной научной конференции (17-18 ноября 2011 года). Тамбов, 2012. С. 316-319.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А Кузнецова. СПб., 2000.

Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.

Горбаневский М.В. Топонимическая плесень // Экология языка и речи: Материалы Международной научной конференции (17-18 ноября 2011 года). Тамбов, 2012. С. 18-23.

Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. М., 2001.

ЕГРЮЛ – Сведения о регистрации юридических лиц [Электронный ресурс]. URL: www.egrul.ru/ (дата обращения: 12.09.2016)

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. М., 2000.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.

Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб., 2013.

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004.

Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П., Махиянова Л.Р. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 328-333.

Риндау Э. Горячее городское арго: Русско-русский разговорник. М., 2014.

Сайт Челябинское УФАС. www.chel.fas.gov.ru/news/7310?&page=29 (дата обращения: 27.08.2016).

Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография. М., 2016.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов). М., 1997.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В ПРАКТИКЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

И.А. Чайковская, О.Ю. Мельникова, Э.П. Аргунеев
(г. Оренбург, Россия)

В статье предпринимается попытка определить границы и возможности психолингвистического исследования, которое позволяет выявить процессы, когда человек порождает речь и воспринимает речь, что нельзя не учитывать при анализе спорного текста в судебно-лингвистической экспертизе.

Ключевые слова: судебная экспертиза, речевое поведение, психолингвистика

На сегодняшний день увеличивается количество гражданско-правовых споров, вследствие бурного развития социально-экономических отношений в обществе и деловой активности граждан. Одним из значимых доказательств, которые лежат в основе судебного постановления является заключение эксперта. Психолингвистические экспертизы становятся все более востребованными, поскольку могут ответить на широкий спектр вопросов.

В данной статье мы делаем попытку определить границы психолингвистического исследования и определить ее возможности. Актуальность вопроса о месте и границах психолингвистики как науки обусловлена несколькими факторами. Во-первых, психолингвистика молодая отрасль науки, в научной литературе до сих пор существуют споры об области знаний этой науки и затрагиваемых проблемах. Во-вторых, отметим практические возможности психолингвистики, а именно о возможностях судебной психолингвистической экспертизы. Исходя из опыта экспертной деятельности, можно сделать вывод о том, что психолингвистическая экспертиза способна ответить на широкий спектр вопросов, в некоторых случаях гораздо более широкий, нежели лингвистическая экспертиза.

В исследовательских работах лингвистов и психологов формирование психолингвистики соотносится, как мы уже отмечали, с общей тенденцией возникновения новых наук «на стыке» ранее существовавших традиционных научных подходов, не полностью отвечавших задачам современности. А.А. Леонтьев справедливо отмечал, что психолингвистика «возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным» [Леонтьев 1990: 404]. В свою очередь Р.М. Фрумкина [Фрумкина 2001: 17] утверждает, что психолингвистика по определению была замыслена с целью возместить недостаток, связанный с тем, что лингвисты много лет отказывались описывать язык как психологический феномен.

В свою очередь недостаточным оказался и чисто психологический подход к решению подобных практических и теоретических задач, а сама постановка вопросов, поиски путей их решения интерпретации получаемых результатов требовали обобщений на более высоких уровнях.

Таким образом, психолингвистика – это комплексная наука, которая относится к дисциплинам лингвистическим, поскольку изучает язык, и к дисципли-

нам психологическим, поскольку изучает его в определенном аспекте – как психический феномен. Исходя из того что язык как знаковая система обслуживает социальное общество, психолингвистика входит в круг дисциплин, изучающих социальные коммуникации, в том числе оформление и передачу знаний.

Необходимо отметить, что предметом лингвистики является система языковых средств, используемых в коммуникации. Лингвистика рассматривает систему языковых знаков и принципы устройства знаковой системы.

В свою очередь предметом психолингвистики является абстрактная система объектов или система некоторых абстрактных объектов. Другими словами, психолингвистика исследует психические процессы, когда человек порождает речь и воспринимает речь.

Так, рассмотрим приведенный тезис на конкретном примере лингвистической экспертизы.

Пример 1. Эксперту были представлены рекламные тексты со следующим содержанием: «Японуться теперь можно» и «ПИЦЦАнутья теперь можно» в контексте рекламы продуктов питания.

Необходимо было ответить на следующие вопросы:

Носят ли фразы «японуться теперь можно» и «теперь можно пиццануться» в представленных макетах рекламной продукции оскорбительный характер и относятся ли они к бранной лексике?

В заключении эксперт отметил: «Оба глагола – «японуться» и «пиццануться» образованы суффиксально-постфиксальным способом от существительных «Япония» и «Пицца» соответственно, по этой причине не могут относиться к бранной лексике».

Такое заключение считается совершенно справедливым с точки зрения лингвистики. Однако если же рассмотреть данный вопрос с точки зрения психолингвистики, выводы будут совершенно другими.

При возможном произнесении их вслух у носителя русского языка могут возникнуть ассоциации с нецензурными выражениями, обозначающие женский половой орган и процесс совокупления. Возникновением у читателя подобных ассоциаций исследует психолингвистика.

Необходимо пояснить, что лингвистическая экспертиза работает с языковым фактом, но не с возможностью языкового факта. Возникновение ассоциаций с указанными нецензурными словами не является необходимым и непреложным следствием из восприятия слоганов «Японуться теперь можно» и «ПИЦЦАнутья теперь можно» и является сугубо индивидуальным психологическим явлением, не подлежащим лингвистическому исследованию. В данном примере мы видим, что лингвистический анализ включает в себя содержательно-смысловую, формальную стороны речевого произведения.

Пример 2. В разбирательстве об оскорблении, представлен случай, когда адресат в своей коммуникации использует бранную лексику по отношению к адресанту.

Так, если рассматривать данные выражения с точки зрения лингвистики, то определённо они будут являться оскорблением. Поскольку все исследуемые лексемы относятся к инвективной лексике, унижающие честь и достоинство другого лица.

В конкретной ситуации рассматривается случай, когда латентная ссора перешла в острую стадию конфликта, когда целью становится переход от аргументов к претензиям и личным выпадам. Аргументы сопровождаются яркой эмоциональной окраской. В данном случае конфликт смещается с рационального плана на уровень эмоций, налицо, рост иерархического ранга, нарушаемых и защищаемых интересов и их поляризация.

Данные выражения в контексте конфликта в стадии эскалации между адресатом и адресантом, являются не целью унижить честь и достоинства адресанта, а доказать свою правоту. В данной ситуации конфликт является средством защиты. Поэтому результаты психолингвистической экспертизы не совпадают с выводами лингвистической экспертизы.

В данных примерах важно именно не эклитическое смешение фрагментарных положений, заимствованных из отдельных разделов лингвистики и психологии, а именно в наличии синтезирующей части.

Таким образом, психолингвистика является междисциплинарной наукой и может охватить широкий круг проблем, в отличие от лингвистики и психологии как отдельных наук. Экспертам важна не только речь, как изучаемый феномен, а именно наблюдаемое речевое поведение. Один и тот же речевой фрагмент может иметь в различных контекстах социального взаимодействия разную содержательную наполненность. Поэтому преимуществом психолингвистического исследования является возможность более объективно дифференцировать многозначность содержания речевого фрагмента и стать фактором снижения риска экспертной ошибки.

Литература

- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2000. 287 с.
Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебник. М., 2001. 320 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАГРАФЕМНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РЕКЛАМЕ С ЦЕЛЬЮ МАСКИРОВКИ НЕПРИСТОЙНЫХ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ, СРАВНЕНИЙ, ВЫРАЖЕНИЙ

Е.А. Чубина
(г. Москва, Россия)

На большом фактическом материале автор статьи демонстрирует использование параграфемного элемента в рекламе с целью маскировки непристойных и оскорбительных образов и выражений.

Ключевые слова: реклама, параграфемный элемент, синграфемика, супраграфемика, топографемика

Создатели рекламы никогда не скрывали, что сексуальный инстинкт как один из самых сильных биологических стимулов используется ими с определенными целями: воздействовать не принуждением, а соблазнением и искушением, привлекать внимание и обещать удовольствие.

Сексуальные мотивы использовались в рекламе уже в самые ранние периоды ее существования (о чем говорят раскопки города Помпеи), используются они и сейчас: «Крути меня как хочешь, ненасытный» (реклама спортивного магазина), «Отдамся за копейки. Твоя цена» (реклама магазина «Эльдорадо»), «Пыль сосу за копейки» (реклама магазина «Эльдорадо»), «Каждому сосну. При покупке участка...» (реклама поселка «Чеховские дачи»), «Послушные корейки» (реклама корейских автомобилей), «Давай по-быстрому и без обязательств» (реклама сотового оператора Skylink).

Используются как вербальные средства («Суши просто японуться», «Не приходи к *** рукав» (реклама магазина молодежной одежды, «Суй в пальто» (реклама сигарет), «Вы уху ели?» (ресторан «Дикое море»), «Ни *** себе, все людям» («Евросет»)), так и невербальные (изображения откровенных поз, призывных взглядов и эротично оголенных участков тела).

Чтобы избежать административной ответственности, предусмотренной статьей 14.3 КоАП РФ за нарушения ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», в том числе за использование в рекламе бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, недобросовестные создатели рекламы используют самые разные средства, среди которых не последнее место занимают параграфемные элементы разных групп (синграфемика, супраграфемика и топографемика).

Цель – создать то, что в рекламоведении называется *двусмысленное утверждение (ambiguous statement)*, утверждение, которое может реализовывать различные значения.

Синграфемика использует выразительные возможности знаков препинания и пунктуационных комплексов. Например, такого знака, как астериск (*) – из греческого aster – звезда, нередко его называют собственно русским словом «звездочка» (считается, что он был введен во II веке до н. э. в текстах Александрийской библиотеки античным филологом Аристофаном Византийским для обозначения неясностей).

В рекламе и СМИ используется для кодирования нецензурных выражений: часть букв в середине или в конце слова заменяется на звездочки: *Наша пицца за***бись*» (в вариантах после буквы «а» и до буквы «б» часть букв закрыта изображением пиццы или молодого человека, кусающего пиццу), *Автошкола ЗАЕ*ИСЬ! Запишись и убедись!* (в вариантах вместо буквы «б» использован автомобильный знак «У» в треугольнике для учебных машин), *Факты без косметики. В Омске Х***Я экология* или *Факты без косметики. В Омске Х***Й бюджет* (как вариант на билбордах был выполнен пролом от буквы Х до Й или Я). Реклама «*Антисанкционные бургеры от «S» – F*ckthe MAC 260 с говядиной 300 гр. F*ckthe MAC 220 с курицей 300 гр. Реальное фото реального бургера*», где астериск использован в иноязычном слове: рекламодатель настаивал на Fake (ненастоящий), однако написание слова *F*ck* в совокупности с другими элементами (в том числе – невербальными) говорит об обценном слове *Fuck*, которое в глагольной форме обозначает «иметь половое сношение».

Наряду с астериском используется точка: скандальная реклама московского представительства шотландского производителя горнолыжной одежды Trespass «*Если ты не п...ас, покупай себе Trespass*», реклама магазина молодежной одеж-

ды «Здесь будет самый о...енный магазин», «ОХУ...! ПИВКО!», «Лаки, краски и клея – их на базе до...!» (база хозтоваров), реклама ТРК «Комсомолл»: «КОМ-СОМОЛЛ» Увидел и «ОХ...!»».

В процессе криптования используются и иные символы. В рекламе стоматологической клиники «Имп****ция. Устанавливаем чтобы стояло» звездочки были выполнены в виде корон (головных уборов, являющихся знаками монархической власти), однако попытка создателей рекламы сыграть на созвучии слов *корона – коронка* не снимает имеющейся двусмысленности, тем более что *коронка* и *имплант* – понятия разные.

Супраграфемные средства связаны со шрифтовым варьированием, изменяется размер, цвет шрифта, например: *НЕ Хочешь ИСКАТЬ ГДЕ ДЕШЕВЛЕ – ИДИ В ТЕТРИС* (магазин стройматериалов «Тетрис»), *ДАЕМ ВСЕМ гарантии на хороший отдых, ПИВ&ко. ОХ какАЯ бонусная программа!* (магазина «Пив&Ко»), *И вдруг, ГЛЯДЬ, такая куртка!* (магазин одежды «Мегастиль»), *Теперь можно ПИЦЦАнуться. 50% скидка на всю пиццу* (реклама ресторана), *оНООСНенные фрукты!* (алкогольный напиток Nooch). Несложно заметить, что шрифтовое выделение используется не только для выделения товарного знака, названия продукта или профиля деятельности организации.

Супраграфемные средства используются для привлечения внимания, а зацепляющим крючком является все та же двусмысленность, которая достигается столкновением разных значений слова (например, слова *дать*) в одном контексте «*ДАЕМ ВСЕМ гарантии на хороший отдых*»; столкновением омоформ (например, «сосну» от существительного «сосна» и «сосну» от глагола «сосать», означающего на языке жаргона «совершать орально-генитальный половой акт») в рекламе «*КАЖДОМУ СОСНУ или ель при покупке участка в экологически чистой зоне*»; созвучием компонентов (например, *скука* и *сука* в рекламе «*Замочи эту СкУКУ*», где слово «скука» с сильно уменьшенной по размеру первой «к» в сочетании с глаголом «замочить» прочитывается как жаргонное выражение); скрытыми рифмами (*И вдруг, ГЛЯДЬ, такая куртка!*).

Создатели рекламы идут и на другие хитрости: оспаривая решение УФАС в суде, ООО «Твинс-Урал», разместившее рекламу «*Все \$уки как \$уки, а я царица!*» на средствах общественного транспорта г. Челябинска, заявило, что слово «\$уки» следует читать как «долларуки», где «уки» – это название некоего экзотического животного. То, что в рекламе изображена собака с короной на голове, ООО «Твинс-Урал» не смутило.

Думается, рекламодаватель лукавит: во-первых, использована популярная и уже нашумевшая (рекламная кампания ЦУМ «*Все люди, как люди, а я в Burberry*») к этому моменту конструкция «*Все X как X, а я Y*», ставшая даже причиной авторских притязаний, во-вторых, столкновение в одном контексте двух значений слова *сука* («самка собаки» и *бран.* «похотливая легкомысленная женщина») рождает двусмысленность, которая обращает на себя внимание, а привлечение внимания к объекту, как известно, и есть основная цель рекламы.

Можно привести примеры использования графических символов, которых не существует в алфавите русского языка: «*Обана! Цены снижены! На мебель!*», примеры нетрадиционного размещения графических символов, например, поста-

новки надстрочного знака буквы «й» над буквой «х», что способствует иному прочтению рекламной фразы «У вас старая кухня? А у нас скидки до 50%»

Параграфемные элементы часто используются комплексно, создатели рекламы с целью получения большего воздействия одновременно используют элементы всех трех групп. Спорная реклама сети ресторанов нового поколения «ВСЕ ПО...ПОесть, ПОпить, ПОиграть, Поговорить» была выполнена следующим образом: в левом верхнем углу белым шрифтом на черном фоне располагается надпись «Сеть ресторанов нового поколения», вверху рекламного щита изображены две большие буквы оранжевого цвета «ВГ», ниже белым шрифтом на черном фоне «Всё ПО...», ниже этой фразы «ПОесть, ПОпить, ПОиграть, Поговорить. Рокоссовского, 62». Анализируя текст, эксперт указал, что «в силу сочетаемости с определительным местоимением, в силу беспредложного управления и в силу прописного написания «ПО» данный языковой фрагмент ассоциируется именно с наречным значением «Всё как?» <...> «Всё ПО Х...» (несколько смягченный вариант – «Все ПО фиг»)).

На наш взгляд, не стоит уходить в область ассоциаций (тогда мы уходим и за пределы лингвистической экспертизы). Лучше указать на то, что конструкция *все по...* как редуцированный вариант конструкции *все по Х* (где *Х* вариативен (хрен, фиг, х.й) фиксируется корпусом русского языка (например, «Нашему народу и книжки несли, и волю, и всеобщие тайные выборы. А ему все по... – Он покосился на Веру Николаевну. (Хруцкий «Окаянные дни Ивана Алексеевича» («Звезда», 2001) и языковым сознанием воспринимается как ненормативное выражение, причем опущение компонента *Х* этому способствует.

Комплексное использование параграфемных средств реализуется, среди прочего, в таких речевых продуктах: «Я и бал принцесс», где отсутствие интервалов между словами *я* и *бал* способствует прочтению этого сочетания как обценного выражения, аналогичный результат дает сокращение интервалов, игра с цветом и комбинаторика фразы «Вы уху ели?» (реклама ресторана), «Ах, у ели, Ах, у елки» (развлекательный комплекс «Галактика»).

Исследование рекламы, при создании которой были задействованы параграфемные средства, невозможно без использования специальных лингвистических знаний. В противном случае кажущаяся простота ситуации способна сыграть злую шутку с правоприменителем, решившим обойтись без привлечения специалистов. Приведем пример.

В основу решения суда о нарушении части 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе» ООО «Такси Сатурн Волгоград», распространившим рекламу «АХ УЕХАЛ ВАШ АВТОБУС», положено следующее доказательство, представленное УФАС по Волгоградской области: «при вводе в поисковую строку словаря на сайте <http://dic.academic.ru/>. первым пунктом выдает нецензурное бранное слово, являющееся неологизмом и синонимом указанному выражению». Данное доказательство представляется нам весьма спорным по ряду причин: во-первых, при вводе фразы «Ах, у ели, Ах, у елки», в первой части которой имеется аналогичная омонимия обценного глагола и предложно-падежного словосочетания, <http://dic.academic.ru> не упоминает о каких-либо нецензурных словах, во-вторых, сомнительна авторитетность самого ресурса <http://dic.academic.ru>, это всего лишь сервис для поиска по базе словарей, энциклопедий (где нередко имело место не-

соблюдение авторских прав на используемые материалы, в связи с чем возникает вопрос правомерности обращения УФАС к такому источнику), в-третьих, ошибочно считать неологизмом обценный глагол *о..еть* – общ., грубо-просторечное «1. Неодобр. Одуреть, потерять всякое соображение. 2. одобр. Сильно удивиться, восхититься» [Мокиенко, Никитина 2008: 162] и считать его синонимом выражения «*АХ УЕХАЛ ВАШ АВТОБУС*».

Таким образом, говорить о том, что рекламу как сложный речевой продукт суду легко анализировать с опорой только на общеизвестное знание, нельзя. Наиболее верным решением ситуации является привлечение лиц, обладающих специальными лингвистическими знаниями, – эксперта или специалиста. Однако только четкое понимание ими теоретических и методических основ судебной лингвистической экспертизы рекламного текста будет способствовать решению спорных ситуаций, а в конечном итоге – повышению доказательственного значения экспертных заключений по делам о нарушении законодательства в области рекламы.

Литература

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. М.: ЗАО «Олма Медиа групп», 2008. С. 162.

Судебные и нормативные акты РФ 2015. Режим доступа: <http://sudact.ru>

Словарь английских маркетинговых терминов: http://www.eso-online.ru/bank_informacii/slovari/slovar_anglijskih_marketingovyh_terminov/ (дата обращения: 09.12. 2014).

Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» // «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.16).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОХРАНЕНИЯ ИСКОННО ЯКУТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Е.Р. Николаев
(г. Якутск, Россия)

Статья посвящена рассмотрению проблемы сохранения традиций имянаречения и возрождению исконного якутского именника; предлагаются конкретные рекомендации по графической фиксации антропонимов, способствующих адекватному восприятию якутского личного имени без утраты сакрального, этнического своеобразия.

Ключевые слова: региональная ономастика, миноритарные языки, Якутия Саха

Региональная ономастика в условиях проблемы защиты миноритарных языков России в настоящее время нуждается в своевременном законодательном сопровождении. В данном аспекте сохранение особенностей якутских личных имен, а именно графическая передача якутских звуков *h, o, b, y, n* в неизменном виде нашло свое отражение в сравнительно новом законе Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2012 года 1065-3 N 1031-IV «О присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государст-

венной регистрации рождения» [Закон 2012]. Настоящий Закон устанавливает право родителей на присвоение фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения на территории Республики Саха (Якутия).

П. 1 ст. 3 данного закона указывает, что родители имеют право при государственной регистрации рождения присвоить ребенку фамилию и (или) отчество в соответствии с якутскими национальными обычаями, т.е. фамилия ребенку может быть присвоена в соответствии с якутским национальным обычаем по названию рода. Под названием рода следует понимать слово, образованное от имени прародителя рода или названия местности, на территории которой проживал (проживает) данный род. Также этот закон разрешил и такое положение, как «отчество ребенку может быть присвоено в соответствии с якутским национальным обычаем путем прибавления к имени отца ребенка слова «уола» (для ребенка мужского пола) и «кыыһа» (для ребенка женского пола)».

Нормы закона стали активно внедряться в жизнь. По данным ЗАГС республики, в 2013 году переименовали имя, фамилию и даже отчество 1053 представителя якутской национальности [Гребнева 2016]. Можно привести конкретные примеры:

Арчын уола Айдын Байдын, Арчын кыыба Айыллаана Байдын, Хомустаан кыыба Дайаана Дойдун, Арыяан уола Айархан Харатаала, Талбан уола Арылхан Сэбээн, Уйгун уола Дьулус Ортоо, Ньырбан кыыба Намыына Намылыар, Тулуна кыыба Кубайа Таргыл, Добун кыыба Санаайа Ньурбачаан, Эгэй кыыба Мичийэ Тоокой, Бэли уола Айгын Хадан, Хабар кыыба Куннэй Харысхаана [Харыстас саха аатын 2016].

Здесь, как известно автору статьи, присутствуют новорожденные и взрослые, которые раньше назывались русскими именами. Возрождение исконно якутских личных имен в связи именами предков, с территорией, принадлежавшей тому или иному роду, стало актуальным на Дальнем Востоке, Сибири. Названия исконных земель неразрывно связаны с этносами и с их личными именами, которые проживали здесь издревле. Переименование тесно связано с якутским обычаем именования, который существовал до прихода служивых казаков, до официального распространения христианства (30-е годы XVII в.). Новое поколение народа саха древние имена предков может почерпнуть из архивных материалов, которые доступны для всех интересующихся в виде родословных [Захаров 1993].

В 2014 году вышел «Справочник якутских личных имен и фамилий» [Справочник 2014], где в приложении «Правописание якутских личных имен на русском языке» включены основные правила правописания якутских личных имён, отчеств и фамилий на русский язык с учётом передачи фонологических особенностей якутского языка, например, *Айсен – Айсизэн, Ньююр – Ньюур, Ньюргун – Ньюргун, Ньюргуяна – Ньюргуяана, Ньюргууна – Ньюргууна* и т.д. Подобная передача предусматривает приближенные и точные формы транслитерации имён, отчеств и фамилий на русский язык.

В качестве исключения при обозначении отчества лиц женского пола пост-позитивный компонент *кыыһа* сохраняет исконную форму, содержащую специфическую якутскую фонему **-h**, например, *Айыы Сизэн кыыһа (Айыы Сизэновна), Кэскил кыыһа (Кэскиловна), Сарыал кыыһа (Сарыаловна)* и т.д.

Как видно из материала, остается еще одна проблема – искажение якутских личных имен при графической передаче. При всей универсальности, кириллица в полной мере не имеет возможности передавать якутские звуки (буквы), в результате чего происходит не только графическое, но и семантическое расхождение.

Автор допускает, что выход из этой проблемы заключается в передаче якутских личных имен в упрощенной транслитерации латинскими буквами, которую можно использовать в составлении региональных именников, в банковских карточках, в различных ведомственных документах, а также в научных исследованиях [Николаев 2016]: *Айдын Айхан уола Габышев – Ajdyn Ajhan uola Gabyshev, Хабар кыыа Куннэй Харысхаана – Habar kuu'a Kunnej Haryshaana.*

Такое решение может помочь адекватному восприятию якутского личного имени без утраты сакрального, этнического своеобразия.

Таким образом, сохранение традиций имянаречения, возрождение исконного именника на данном этапе идет по пути регулирования, создания региональной нормативно-правовой базы в соответствии с российским законодательством в сфере ЗАГС.

По нашему мнению, общество само себе создало такие условия в ходе обсуждения на форумах в местных информационно-развлекательных сайтах. Сохранение якутского антропонимикона – в руках самих носителей языка, которые борются за чистоту и сохранность собственно якутских личных имен.

Литература

Горчаков Д. Жители Якутии меняют имена // www.5-tv.ru/news/55803/ (дата обращения: 08.10.2016)

Гребнева Н. Назвался Уйбааном. Якуты стали чаще менять русские имена на национальные // smartnews.ru/regions/yakutsk/14865.html#ixzz2rUENnoZp (дата обращения: 08.10.2016)

Закон Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2012 года 1065-3 № 1031-IV «О присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения» // <http://iltumen.ru/node/5020> (дата обращения: 08.10.2016)

Захаров Ф.Ф. Боотурускай улуус схемаларын төрүт уустара (Родословия якутов Боотурусского улуса): документальный очерк / на якут. яз. Чурапча, 1993. 64 с.

Николаев Е.Р. Некоторые аспекты проблемы транслитерации якутских имен собственных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всерос. конф. (с международным участием): Мат-лы XVI Всерос. конф. Уфа, 2016. С. 192-193.

Справочник якутских личных имен и фамилий [электронный вариант] // Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по инновационной политике и науке; Министерство образования Республики Саха (Якутия); Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Якутск, 2014.

Харыстас саха аатын. Дьин сахалыы манньк ааттар баар буоллулар (Теперь якутские имена стали такими) // forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=3077750 (дата обращения: 08.10.2016)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОМ НА СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ЭКСПЕРТИЗУ

А.С. Щербак
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматриваются различные типы информации, которые содержатся в представленных на судебно-лингвистическую экспертизу единицах языка и речи, текстах; утверждается, что при анализе любого спорного текста важно различать имеющуюся в нём денотативную и коннотативную информацию.

Ключевые слова: анализ спорного текста, способы передачи информация, судебно-лингвистическая экспертиза

Под термином «*информация*» понимается «совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 137].

Информация, содержащаяся в представленных на судебно-лингвистическую экспертизу единицах языка и речи, текстах (на любом носителе) [Россинская, Галяшина 2011: 341], может быть выражена несколькими способами:

– *Открытая вербальная (словесная) форма*, в этом случае сведения даны в виде отдельного высказывания (или взаимосвязанных высказываний), причем новая информация (рема) заложена в предикативной части, т.е. является предикатом, логическим сказуемым. Например: по Договору процентного займа от 10 февраля 2014 года «*Займодавец*» ПЕРЕДАЛ в собственность «*Заемщику*» денежные средства в размере...».

Значение прошедшего времени глагола ПЕРЕДАЛ, выполняющего в предложении функцию простого глагольного сказуемого, реализуется в перфектном значении, которое обозначает, что действие, имевшее место в прошлом, завершилось, и в настоящем (в момент речи) имеется его результат. В этом случае речь идет о глагольной форме, которая обозначает действие, состоявшееся в прошлом и не связанное своим результатом с настоящим. (Ср.: например, предложение: *Поднялся я и пошел к Генке... (Распопов)* [Краткий справочник по современному русскому языку. 1991: 243].

– *Скрытая вербальная форма*, в этом случае сведения выражены словесно, но в неявной форме. Так, вышеприведенное предложение содержит не только информацию о передаче денег, но и информацию о том, кто передал деньги, кому они переданы.

– *Затекстовая форма*, в этом случае информация подразумевается на основе фоновых знаний как автора, так и читателя или слушателя (заметим, что в российском языкознании вопрос о фоновых знаниях был впервые рассмотрен в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», определение фоновых знаний дает В.Г. Томахин [Томахин 1988: 77]).

Как правило, *затекст* – это отсылка к реальным событиям или явлениям, но в данном случае они активизируются, становятся существенными для понимания

анализируемых единиц языка и речи. Формированию затекста способствует намерение автора расширить представления читателя или слушателя о тех или иных событиях или явлениях.

Предполагается, что вся информация выражается без подтекста, прямо, однако лингвист должен выявлять и подтекст, а не только оперировать конкретными высказываниями.

– *Подтекстовая форма*, в этом случае информация не содержится в самом тексте, но она легко «извлекается» из него читателем или слушателем из контекста высказывания.

В разных речевых актах актуализируются разные виды информации, в частности:

– *фактическая*, когда речь идет о конкретной ситуации, происшествии или событии, о конкретном поступке или поведении физического лица и т.д. Это так называемая событийная информация, которая может быть подвергнута верификации, например, в случае информации, связанной с законом о защите чести, достоинства и деловой репутации. Порочащей может признаваться только такая информация, которая не соответствует действительности.

– *нейтральная* информация отражает информацию без оценки «хорошо» или «плохо», в этом случае речь идет о лице, поступках лица, событиях, ситуации, которые в стандартной картине мира не содержат ценностные категории.

Однако в ходе судебно-лингвистической экспертизы анализу подлежит оспариваемая истцом *негативная (отрицательная)* информация], которая содержит отрицательную характеристику физического или юридического лица или его деятельности (см. подробно: [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 137-138].

– *модусная*, информация, или этически-оценочная, включает в себя три параметра: оценочную, эмоциональную и стилистическую информацию. Однако оценочная информация являет собой субъективную оценку, которая не верифицируется.

Поскольку проведение судебно-лингвистической экспертизы состоит в аргументированных ответах специалиста-филолога, то наиболее частотными вопросами являются следующие, которые, например, предлагаются судами по искам о защите чести и достоинства (см. подробнее: [Цена слова, 2002: 135-136]):

1. Содержит ли текст информацию о данном лице?
2. Содержит ли текст негативную информацию о лице?
3. В какой форме – утверждение, предположение – дана эта информация?

Так, на разрешение специалиста-лингвиста был поставлен следующий вопрос:

Содержат ли слова *нахал* и *издеватель* негативную информацию о лице?

Употребленные слова НАХАЛ и ИЗДЕВАТЕЛЬ в адрес истца имеет следующие значения:

НАХАЛ – беззастенчивый грубо бесцеремонный и дерзкий человек [Ожегов 1988: 339]). Слово относится к разговорной лексике, на что указывает помета «разг». Толковый словарь Д.Н. Ушакова отмечает это слово в значении «наглец, беззастенчивый и дерзко-назойливый человек». В качестве примера приводится цитата из текста А.П. Чехова «Я не желаю разговаривать с нахалами! Извольте убираться вон».

Нахал – то же, что наглец, т.е. синонимом является слово «наглец» – беззастенчивый и дерзко назойливый человек

Существительное **ИЗДЕВАТЕЛЬ** образовано от глагола *издеваться*, *Издеваться* – «зло, оскорбительно высмеивать кого-либо, что-либо, глумиться над кем-либо, чем-либо» (Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб: «Рипол-Норинт», 2008.). Отглагольное существительное *издеватель* – это слово, относящееся к так называемым окказионализмам.

Слова **НАХАЛ** и **ИЗДЕВАТЕЛЬ** прямо адресовано конкретному лицу, при этом имеет место ярко выраженная экспрессивность, эмоциональность адресата. Слова характеризуют отдельный поступок человека и дают обобщенную оценку его личности [Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского, М., 2002. С. 340].

Безусловно, слова *НАХАЛ* и *ИЗДЕВАТЕЛЬ* могут быть для человека *обидными*, но они не обладают свойством непристойности, неприличности, следовательно, к оскорбительной лексике их отнести нельзя. Оскорбительные слова следует отличать от обидных слов, которые определяются, например, как неприятные человеку. Лингвистические диагностирующие контексты обиды не существуют.

Обида определяется как «оскорбление, огорчение, причиненное кому-либо несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова]. Это отрицательная эмоционально-психологическая реакция человека на слова, в частности на сообщение о нем негативно оценочной информации, на действия или бездействие собеседника, что осознается, согласно исследованиям, как незаслуженно плохое отношение. Сильное негативное чувство в связи с критикой или замечанием в свой адрес человек может *назвать или обидой, или оскорблением – это его право, его субъективная реакция.*

Стилистический анализ языковых единиц **НАХАЛ** и **ИЗДЕВАТЕЛЬ** показывает, что в языковом употреблении они содержат обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации – лица и относятся к разговорной лексике, то есть к лексике устной речи.

Слова **НАХАЛ** и **ИЗДЕВАТЕЛЬ**, безусловно, осуждаются общественным сознанием, но не запрещены. Употребление подобной разговорной лексики не характеризуются обществом с морально-нравственной стороны, а характеризуются лишь с точки зрения культуры речи – уместность, неуместность употребления.

Таким образом, анализ исследуемых слов показал следующее.

1. Слово **НАХАЛ** – это стилистически разговорное слово, оно не принадлежит к ненормативной лексике и не является нецензурным (непристойным), следовательно, не имеет статуса оскорбительной языковой формы в юридическом смысле слова. Слово **ИЗДЕВАТЕЛЬ** не относится к словам, выраженным в неприличной форме.

2. Слова **НАХАЛ** и **ИЗДЕВАТЕЛЬ** несут этически-оценочную информацию субъективного характера, данные оценочные высказывания являются частным, они выражают отрицательное отношение одного субъекта к другому.

Таким образом, в целом вся информация, зафиксированная в единицах языка и речи, делится на денотативную и коннотативную. При анализе любого спорно-

го текста важно различать имеющуюся в нём денотативную и коннотативную информацию (в другой терминологии – событие/оценка, сведения/мнения, утверждение о фактах/оценочное суждение).

Литература

Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сб. мат-лов. М.: ИПК «Информкнига», 2010.

Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Русский язык, 1993. 246 с.

Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М., 1991. С. 243-244.

Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2011 464 с.

Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 24 -241.

Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. М., 1981. С. 330-331.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа. 1988. 239 с.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ПОНЯТИЕ НОРМЫ В ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Т.Н. Бунчук
(г. Сыктывкар, Россия)

В статье делается попытка рассмотрения понятия «норма» в диалектной языковой культуре; утверждается, что стихийно сложившаяся норма представляет собой своеобразный маркер принадлежности человека к относительно замкнутому культурно-языковому сообществу, что это регулятор коммуникативного и даже социального взаимодействия людей.

Ключевые слова: речевая норма, диалектная языковая культура, культурно-языковая оппозиция

Широкое понимание языковой нормы позволяет рассматривать под этим понятием такие средства и способы речи, которые воспринимаются как образцовые для определенного культурно-языкового сообщества. В этом случае можно говорить о норме не только относительно литературного языка (стандартизированной формы национального языка), но и относительно территориальных и отчасти социальных диалектов [Крысин 2005; 2007].

Нормой для носителя диалекта будут такие речевые произведения, которые следуют принятым в данном сообществе речевым традициям (обычаю/узусу). Именно эти речевые традиции обеспечивают не только эффективность коммуникативных свойств речи, но и способствуют выражению культурно-языковой целостности данного сообщества.

Территориальные диалекты русского языка, как известно, существуют преимущественно в деревенском дискурсе, характерным свойством которого является ориентация на народную (традиционную) культуру. Понятие нормы в ее философском понимании имеет специфические черты в традиционном обществе. Источником нормы здесь является прецедент – первоиступок мифологических предков, сведения о котором передавались из поколения в поколение изустным путем, посредством фольклорных текстов, обрядов, предписаний, запретов и т.п. В основе традиционной культуры и, соответственно, понимания социальных отношений лежит мифологическая модель мира, опирающаяся на бинарную систему, которая в общем виде реализует отношения *свой vs чужой* [Иванов, Топоров 1965].

Такое понимание нормы выработало и определенное отношение к свойствам речи. С одной стороны, за счет сохранения традиционного отношения к прошлому как идеалу, образцу «консервируются» многие языковые особенности речи носителей традиционной культуры (*так говорили и поступали наши предки, и это было более правильным*). Например: «Мы так шлёпам, а в городе другая. Мы всё по-деревенски шлёпаем, баем, все *старого* придерживались» [Бондаренко 2016: 112].

Именно благодаря этому «культурному вектору» говоры давно привлекаются в качестве источника изучения истории русского языка: в них до сих пор обнаруживаются и фонетические, и грамматические, и лексико-семантические архаизмы. С другой стороны, носители говора довольно отчетливо проявляют «лингвистический» интерес к своей и чужой речи, актуализируя эту культурную оппозицию разными способами [Бондаренко 2016].

Особенно выразительно культурно-языковая оппозиция проявляется в отношении «деревня vs город». Город в традиционной культуре, безусловно, локус «чужого». Поэтому все, что связывается с городской культурой, приобретает амбивалентные характеристики в деревенской, традиционной культуре. Городская культура ассоциируется с образом «чужого», которое есть изнанка «своего», а значит, в городе все неправильное и опасное. Вследствие этого город и городская культура в крестьянском традиционном мировосприятии выступают как «нечистый» локус и антикультура [Семенов 1992: 96-98]. Это выражается как в обрядовой практике, поведенческом модусе, так и в языке. В популярных деревенских анекдотах часто фигурируют городские жители, не понимающие деревенской речи и потому предстающие немного глуповатыми в сравнении с местными (своими). Например: «Давняя история, ещё до моего рождения. Появился у нас новый родственник из города. Ему говорят: «Пошли картошку грабить!» Он подумал: «Ну и в семейку попал!» (*грабить* в говоре значит «собирать, сгребать») [Картотека]; «Моя городская приятельница разговаривает с моей мамой, та собирается в гости к дочери съездить, подруга её подбадривает, дескать, завтра погостить поедете, вот, мол, хорошо. Мама тоже поддерживает беседу и говорит: «Иное неловко бывает да». Подруга с удивлением: «Вы что, как это стесняетесь к родной дочке ехать? Что в этом неудобного!» (*неловко* в говоре значит «плохо со здоровьем, нездоровится») [Картотека]. Известно древнее бранное слово «посак», обнаруженное в новгородской берестяной грамоте, которое обозначало буквально «посадский, горожанин» [Зализняк 2016].

Подобное отношение отражается и в квалификативной характеристике речи – (говорить) *нормально, по-нашему, по-русски, по-вологодски, по-лоемчки* и т.п.: «Колды да толды – это *по-нашему, по-лоемчки*, а *по-вашему* – тогда да когда» [Картотека]; «Не пойду на Вятку замуж, там леса-леса-леса, говорят там не *по-русскому*: наелся, напился». У нас-то ведь говорят: «Наеўся, напиўся». А там-то: «Наелся, напился»; «У ёмтальских разговор совсем другой, наши все *нормально* говорят, а они по-другому» [Бондаренко 2016: 103, 108]. Отражается противопоставление своего / деревенского и чужого / городского и в системе имен. Например: «По бумагам, может, и Аксинья, а зовём Аксиютушка» [Бондаренко 2016: 124]; «В деревне-то всё Симко да Самойко, по-нашему-ту так, а так-то Изосим и Самуил» [Картотека].

С другой стороны, городская культура ассоциируется с книжной (письменной) культурой, «государственным» (*казённым*) образом жизни, где все регламентировано правилом, «писанным» законом [Толстой 1995]. Отсюда формируется отношение к литературной норме речи как строгому, «государственному» правилу. Это речь правильная, речь городских образованных людей (культурная в значении «принадлежащая городской образованной культуре»). Однако эта речь остается для носителей говора чужой, новой, что находит отражение в вер-

бальной характеристике речи: (говорить) *высокородно, по-писаному, по-правильному / по-культурному / по-городски / по-вашему*, например: «У нас так «лешак» говорят, а по-культурному-то «лешой»; «Я ведь не городская, век свой деревенская дак, я не умию по-горочки-то говорить-то» [Картотека]; «Ох и гимзят тут комары, вот кусаются надоели совсем, «гимзят» по-нашему, а по-правильному «кусают» [Картотека]. «“Князёк”, по-вятски-то это “князёк”, *по-писаному-то* – “конёк”» [Бондаренко 2016: 109]. «В Шонорове высокогородно говорят, в Попово сглаживают, в Лукерино у тувашей по-другому, а у нас по-простому» [Бондаренко 2016: 108].

Несмотря на то, что литературная речь, бесспорно, осознается носителями говорков престижной, она все же остается маркером «чужого», в отличие от речи диалектной, например: «Раз по-лоемчки баёшь – своя девка!» [Картотека]. Такого рода культурно-языковое противоречие может стать причиной конфликтов. Так, например, в официальной речи нашло закрепление наименования населенного пункта – *поселение* «вид муниципальных образований в России, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления» (городское поселение, сельское поселение). Однако слово, в частности у жителей с. Лойма Прилузского района Республики Коми, носителей русского говора, вызвало резко негативную реакцию: «Наши деды здесь жили, родители, мы от века тут живём, а нас теперь поселенцами зовут» [Картотека]. Слово «поселение» в говоре имеет значение «место, куда отселили, выселки; место, освоенное пришлыми, чужими людьми». В результате в деревенском социуме усилилось неприятие органов власти и недоверие к ним. В частности, на последней предвыборной кампании кандидат на пост главы местной администрации вызвал недовольство жителей села, употребив в отношении их литературное слово «поселение», совершив тем самым коммуникативный промах, повлиявший на ход выборной кампании.

Таким образом, стихийно сложившаяся диалектная языковая «норма» и сегодня, когда влияние стандартизированной, обработанной литературной речи на речь носителей говорков довольно велико, представляет собой своеобразный маркер принадлежности к относительно замкнутому культурно-языковому сообществу, регулятор коммуникативного и даже социального взаимодействия людей.

Литература

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолитингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Зализняк А.А. Две лекции о берестяных грамотах из раскопок сезона 2016 года // philologist.livejournal.com/8785784.html (дата обращения 20.10.2016).

Иванов Вяч.Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Картотека Словаря говора села Лойма, хранящейся в Научно-образовательном центре Сыктывкарского государственного университета «Духовная культура Европейского севера России».

Крысин Л.П. Языковая норма и языковая практика // Отечественные записки 2005. № 2 (23) // www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-norma-i-recheyaya-praktika (дата обращения 2.10.2016).

Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 2 (14). С. 5-17.

Семенов В.А. «Город и деревня» в контексте русской ментальности // Сольвычегодск в истории русской культуры: Науч. конф.: тезисы докладов. Сольвычегодск, 1992. С. 96-98.

Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 15-26.

Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В.Я. Порхо-мовский, Н.Н. Семенюк. М., 1996.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ВЕРЫ И ЦЕРКВИ

С.Ю. Дубровина
(г. Тамбов, Россия)

Автор обращается к ключевым проблемам теории номинации и на региональном материале убедительно показывает механизм «создания» христианской лексики в традиционной народной культуре.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, христианство, народная культура

Современная языковая ситуация находится под влиянием общегуманитарных изменений в общественном сознании. Интерес к теме христианства в народной культуре сильно оживился в последнее время в антропоцентрических исследованиях разных научных школ. Объектом настоящей статьи является анализ номинации лексики, эксплицирующей представления о православии и народных традициях, связанных с вероубеждением, в языке русских говоров. Анализируется структура диалектных лексем и фразем, прослеживается динамика становления номинативного типа, рассматривается состав однословных и двусловных наименований, выделяются генетические пласты лексики христианства.

Идеографическая классификация материала обеспечивает соотношение денотативного, семантического и структурного плана исследуемой лексики и является важным шагом на пути к более подробному формальному анализу номинаций. Так как роль формальных средств, реализующих языковые возможности, всегда остается велика, требуется более подробно остановиться на структурных показателях.

В современной теории номинации активно употребляются термины «акты номинации», «процессы номинации», «типы номинации», под которыми понимается обычно характер указания именем на действительность. Этот характер предполагает различение первичной (первообразной, прямой) и вторичной (непрямой, косвенно-производной) номинации [Журавлев 1982; Толстая 2008, 2010; Вендина 2009; Телия 1977, 1981]. Первичные номинации раскрываются через внутреннюю форму слова и хранят его генетическую память. Постольку первичная мотивация поддается восстановлению лишь путем этимологической реконструкции, именно этимологи и дериватологи достигают здесь значительных успехов

[Варбот 1998; Журавлев 1998; Ковалев 2003; Меркулова 1967; Мызников 1994; Шаброва 2005; Бродский И.В.; Пыхов 2014; Воропаева 2014; Шульгач 2014 и др.].

Вторичные номинации являются косвенно-производными продуктами уже существующих единиц и используют основу этих единиц для нового обозначаемого.

Большинство вторичных номинаций возникают в результате способности слова к образованию переносных значений. Коннотативные смыслы, составляющие содержание производных номинаций, отражают языковой опыт носителей языка.

Подавляющее большинство манифестантов идеограмм христианской лексики являются вторичными номинациями. Исключение составляют библейские имена (*Моисей, Вавилон, Адам, Ева*) и заимствования (*Пасха, литургия*), числа, ментальные универсалии (*вера, крест, суд*), «святые предметы» в ряду артефактов (*икона, угол*). К ним примыкают непрямые наименования знаков культуры (*зерно, вода, свеча*), втягивающиеся в зону энциклопедической информации о православии.

Вторичные номинации могут быть однословными (*госпожинка, омовение, приземлять, христосанье, христосаться, святник, христопродавец, постовать, каята*, в том числе композитами – *вербохлест, богохульник, судибоги, христарадничать*); двусловными и представленными в виде фразеосхем, например: *неделя обновления, адамова голова* «растение *Atropa mandragora, Etingium campestre, Orchidea Juss*», *Аспосов день, летний пост, лесной херувим, Малая Пречистая, на два бога жить, гореть Божеею милосью, в грех вводить, в грех упасть, земной поклон, заславлять Христа*.

Вторичные номинации христианской лексики создаются, как правило, на основе метонимических и метафорических связей, они образны и несут оценочные смыслы, не относящиеся к содержанию вероучения.

Так, глагол *алалуить*, производный от церковного возгласа «аллилуйя» – «хвалите Господа», в диалектах трансформировал семантику этимона на противоположную – «мямлить, говорить неразборчиво». При этом высокая «слава» сменилась на ироничное, пренебрежительное значение. Аналогичное изменение претерпело книжное слово *блаженный* – «благо держащий», употребляющееся в говорах со сниженными значениями – «малоумный, дурачок, простофиля». Диалектный глагол *благостить* при церковнославянском «благовестить» – «бить в колокола» в русских говорах приобрел значения с низкими оценочными коннотациями: *благостить* – «дурить, притворяться дураком», *блажить* – «вести себя ненормально, безобразничать» (о человеке), «вести себя беспокойно, отказываться от корма» (о животном); *сблажить, сблажить* – «сдурить, сойти с ума»; *блазнить* – «прельщать, соблазнять»; ср. также *божеволиться* – «сходить с ума, дурить, сумасбродить», *приубожиться* – 1. Прибедниться. 2. Испытывать удовольствие. Залезла свинья в лужу и лежит, приубожилась, хрюкает, довольная.

Во многих случаях источником нейтральной бытовой лексики явились семантические и словообразовательные деривации церковных слов: *просвирня* – «женщина, выпекающая просфоры». С другой стороны, утверждение церковных символов происходило на славянской языковой почве, о чем свидетельствуют корреляции «обычных» и «религиозных» значений слов: *крест* в аграрной и хозяйст-

венной практике – «крестообразная укладка снопов», «дощечки на ведра с водой», «треугольник на шее животных» наряду с *крест* – «символ христианства».

В результате диалектного словопроизводства закрепляется деформация «церковной» семантики и сходит на нет семиотика выстроенности, искусности. В говорах высокий стиль мимикрирует под нейтральный и, изменяясь, расширяет лексический запас повседневного словоупотребления. При этом сохраняют активность нейтральные слова и словосочетания.

Внутреннее содержание вторичных единиц христианской лексики обусловлено мотивацией текста-прецедента и активными принципами номинации, действующими в тех или иных семантических полях.

Самый общий взгляд на данные показывает, что в христианской лексике смешиваются два основных, генетически неоднородных пласта: 1) номинации праславянского происхождения, составляющие древнейший фонд русской лексики; 2) заимствования и библеизмы.

Номинации первого типа являются общеупотребительными в активной лексике русского языка, они задействованы в повседневном общении и представлены манифестантами разных идеограмм: акций – *венчать, говеть, каяться, крестить, кропить, погружать, молить, служить, утреневать*; обрядов – *пост, поклон, крестины, христосанье*; артефактов – *угол, божница, лесенки, яйцо, верба, берёза, онучи*; названий праздников – *Воздвиженье, Вознесенье, Вишестье, Духов день, Крещенье, Престол, Святая, Троица, Спажин день, Аспожска*.

Диалектам знакомы широко употребительные церковнославянизмы с исконно славянскими корнями: *бессребреник, блаженный, мощи, мученик, обожение* (возможность «незаемного» характера слав. *bogъ, «в противовес достаточно распространенному мнению о нем как о результате иранского влияния на славянский» аргументирует А.Ф. Журавлев данными семантических сближений категорий доли и меры [Журавлев 1998: 74]); кальки – *благоверный, благотворить, благовестить, великомученик, преподобномученик, равноапостольный, лихоимствие, маловер, лжепророк*.

Номинации второго типа представлены заимствованиями, переведенными на церковнославянский и вошедшими в русский язык книжным путем: *артос, апостол, инок, клобук, ладан, монах, херувимы, серафимы, хоругвь, епитимья, лампада, просфора, евангелие, псалтырь, Пасха, проскомидия, икона, нимб*.

Как первый, так и второй пласт христианской лексики представлены в диалектах своими лексическими вариантами. Так, «акции», помимо известных литературных названий обрядовых действий (*венчать, крестить, погребать, молиться, говеть, поминать*), включают диалектные обрядовые (*погружать, брать молитву, давать креста, быть на духу, лежать крыжсом*) и необрядовые (*вероваться, возновиться, божить* «ругать»). Церковные ритуалы «домысливаются» через народные обряды, приобретая расширенную семантику обихода.

Просторечная и диалектная лексика находится в тесной словообразовательной связи с литературной, ср. *вера – из веры вывестись* «перестать верить»; *грех – согрешить, прогрезиться, в грех упасть*; *Бог – бога «иконы», на два бога жить*; *Каин – каяться, окаянный*, *Христос – христосики «лапти»*, *Адам – адамовы веки*, *Соломон – соломан, круг царя соломона*, *Иордань – ярдань, воярдань*, *Вавилон – вавилоны «изгибы реки»*.

Более прочная формальная связь с церковно-обрядовой лексикой, закреплённая в структуре новообразований, прослеживается в терминах, производных от церковных слов и имен, заимствованный характер которых продолжает ощущаться. Фонетическая и семантическая деформация в диалекте свидетельствует об усвоении канонических слов на русской почве. Ср. *алялюшки* «печёные изделия», *зааминить* «закончить», *адить* «копить», *питиньё*, *просвирка*, *явангильчик*, *пысалтирь*, *Паска*, *проскомица*.

Словообразование вводит в язык новые номинации, среди которых много дериватов, образованных от агионимов: «христосики» – «лапти», «христовник» – «праздничный кафтан», «адамиха» – «растение», «ильинка» – «плоды, созревающие на Ильин день». Имена наиболее почитаемых святых обладают высокой словообразовательной потенцией.

Перечислим структурные типы единиц христианской лексики:

I. Первичные номинации, представленные, как правило, ключевыми словами – концептами и реалиями, связанными с церковной обрядностью (*Бог*, *вера*, *душа*, *грех*, *чудо*, *вода*, *крест*, *огонь*, *свеча*, *колокол*, *ковчег*, *купина*, *церковь*, *чаща*, *число «три»*, *храм* ...). Сюда же относятся заимствования высокого стилистического разряда – *архирей*, *митра*, *антидор*, *агиасма*, *амвон*, *аскет*, *смирна*, *омофор*, *миняя*, *диптих*, *синаксарь*, *пролог* и др.

Среди первичных номинаций выделяются: а) слова в исходной форме; б) уменьшительно-увеличительные формы, сохранившие элементы первичной семантики (*душенька* – «ласковое обращение к человеку»; *грешок* – «незначительный грех»; *церквушка* – «небольшая церковь»; *храмина* – «большая постройка»).

II. Вторичные номинации представляют:

1. Цельнооформленные отыменные и отглагольные дериваты:

а) аффиксально производные существительные (*амишка*, *богопротивница* – «кусочек лодки», *боженье*, *безбожие*, *загвения*, *Дмитра*, *ильинка* – «сорт яблок и груш», *иорданка* – «ружье, заговоренное при водосвятии», *киётка*, *поминальник*, *смутители*, *крестбины*, *посарма*, *свечки* – «праздник перед Крещением», *хресцы*, *христовник*, *христовщина* – «хлысты», *христосанье* – «целование на Пасху»);

б) существительные, образованные субстантивацией (*Светлая*, *Святая* – «Пасха», *скоровное*);

в) прилагательные (*ангельский*, *ахидный*, *благой*, *божественный*, *душевный*, *грешный*, *казанская*, *коренной*, *святой*, *скорбящая*);

г) глаголы (*адить*, *алалакать*, *ахинеть*, *безбожить*, *богарадить*, *возновиться*, *каяться*, *кститься*, *молебствовать*, *перекститься*, *погружать*, *похристоситься*, *приубожиться*, *благовестить*, *христосаться*, *утреневати*).

2. Композиты (*борисдень*, *вербохлест*, *крестопоклонная*, *кузьмодемьяна*, *миропомазание*, *солдохрестье*, *христарадничать*, *христородавец*);

3. Раздельнооформленные устойчивые сочетания:

а) субстантивные (*круг царя Соломона*, *крест с Иисусом*, *Восход к Господу*, *Крест Ивана Великого*, *Митрев день*, *неделя обновления* – «2-ая неделя после Пасхи», *поясной поклон*, *земной поклон*);

б) атрибутивные (*адамова голова*, *ангельская слеза*, *антониева пища*, *святая вода*, *крещенская вода*, *христовское яйцо*, *живые помощи*, *херувимский ладан*,

божий огонь, отходная свеча, татарский пролог, успенская просвирка, иудино лобзанье);

в) предикативные (*окстить в горшке, Алексей пролей кувшин, бог заплатил, встречать иконы, ходить со славой, ходить под Богом, давидски каяться, прослуживать молебны, взять молитву, ходить на престол, искать Христа, пригрозить Богом, суди Бог, на каю стать, умереть о Пасхе, с веры сбиться, ад разорить, в грех вводить, с Богом думала*);

г) разноструктурные с адвербиальным значением (*лежать крыжом, по-божественному, с Богом, смерть как хочется, ради Бога, Христа ради, слава Богу*);

д) устойчивые сочетания, по структуре соответствующие предложению (*дай Бог, Бог тебя суди, ангели над тобой, чем Бог тебя порадует, Бога прогневили, Бог посетил, Иус бывал, Иус ночевал*).

Возможна и более детальная характеристика формальной структуры номинаций. Систематизация типов структуры открывает новое деление, основанное на частеречной принадлежности производящего:

а) производные от существительных: *приобщаться, молебствовать, в числе*;

б) производные от прилагательных: *Казанская (икона) → Казанская (день календаря), святой → Святая «Пасх»*;

в) производные от числительных: *двенадцатой, девятина, сороковины, Троица, Шостое*;

г) производные от глаголов: *заговенье, загвения; перекстить* и т.п.

Раздельнооформленные устойчивые сочетания слов имеют структуру, соответствующую моделям фразеологических оборотов, с прямыми и косвенными определениями. Признак является определяющим словом: «Восход к Господу» (*восход какой?*), «Крест Ивана Великого» (*крест какой?*), *божья милость, храмоздательная грамота, пасхальное яйцо, красильная суббота, убогие блины, адамова кость, Духов день, Тихонская Божья Мать, Васильев вечер, Фролов день, Красная Горка, сердитая неделя*. Имя или аппеллятив, транслирующие какой-либо мотив, символ, ключевое понятие определяют сакральность языкового знака.

Среди синтаксических моделей словосочетаний выделяются:

– модель «имя прилагательное + имя существительное». Доминирует в количественном отношении по сравнению с представленностью других моделей (*отходная свеча, успенская просвирка, божий огонь, херувимский ладан* и мн. др.);

– модель «родительный падеж имени прилагательного + родительный падеж имени существительного» (*тёплого дня*);

– модель «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже» (*Аксинья полухлебница, Акулина гречушница*);

– модель «именительный падеж имени существительного + форма родительного падежа имени собственного» (*род Адамля*);

– модель «форма родительного падежа имени собственного + форма родительного падежа имени нарицательного» (*Анисьи желудочницы, Акулины комарницы, Агафона огуменника, Агафьи коровятницы, Антипы половода*);

– модель «имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного» (*Бог в помощь, Алексея с гор вода*);

– модель «родительный падеж имени собственного + форма множественного числа имени нарицательного (*Андрея наливь*);

– устойчивые сочетания, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами (*Петра и Павла, Кузьмы и Демьяна*).

Список устойчивых конструкций, характерных для фразеологии лексики веры и церкви, можно продолжить.

Совмещение этимологических значений разной диахронии в лексике веры и церкви, разнотипность структур номинаций, разнообразие синтаксиса фразеосхем в очередной раз убеждают нас в многочисленности и открытости макрополя христианской лексики. Обладая большими деривационными способностями, русская концептосфера православия имеет потенциальные возможности для лексемного и семантического расширения.

Литература

Бродский И.В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2014. С. 124-139.

Варбот Ж.Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии: к реконструкции славянской картины мира // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. Доклады российской делегации / Отв. ред. акад. О.Н. Трубачев. М., 1998. С. 115-130.

Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика) / Институт славяноведения РАН. М., 2009.

Воропаева Е.А. Словообразовательное гнездо с вершиной вода (на материале смоленских говоров) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014: Сб. статей. СПб., 2014. С. 67-75.

Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45-109.

Журавлев А.Ф. К реконструкции древнеславянского мировидения: О категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Межд. съезду славистов. М., 1998. С. 71-87.

Ковалев Г.Ф. Ономастические данные в Словаре В.И. Даля // Материалы по русско-слав. языкознанию: Межд. сб. науч. тр. Выпуск 26. Воронеж, 2003. С. 34-40.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (травы, грибы, ягоды). М., 1967.

Мызников С.А. Заимствованная лексика и словообразовательные инварианты в Оболенье // X Всерос. диалектол. совещание «Лексический атлас русских нар. говоров» – 94: тез. докл. СПб., 1994. С. 74-76.

Пыхов В.А. Структура русских диалектных номинаций // Лексический атлас русских народных говоров 2014. СПб., 2014. С. 684-699.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 129-222.

Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.

Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.

Шаброва Е.Н. Морфемика современных вологодских говоров. Глагол: Монография. Вологда: ВГПУ, 2005.

Шульгач В.П. Русское диалектное варзать и этимологическое гнездо с корнем * възь // Мат-лы Межд. научн. конф., посвященной 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова. СПб., 2014. С. 248.

СИМВОЛЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ НЕВЕСТЫ: НАЗВАНИЯ И ОБРЯДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

О.В. Никифорова
(г. Арзамас, Россия)

В статье представлен анализ символики и обрядового значения одного из актов свадебного обряда – расставание невесты с красотой, демонстрируя лексические и семантические особенности значения этого действия на региональном, нижегородском, материале.

Ключевые слова: свадебная обрядность, невеста, расставание невесты с красотой, Нижегородский край

Расставание невесты с красотой, сливающееся с последним оформлением ее волос по-девичьи или тесно с ним связанное, – самый трагичный акт в восточно-славянской свадьбе. Принято считать, что трагический настрой этого обряда вызван прощанием невесты с девичеством и переходом ее из вольного девичьего житья в подневольное бабье. Однако расставание с красотой – это не только прощание невесты с девичеством. По мнению исследователей, это один из актов многосоставного и многослойного, протяженного во времени прощания невесты со всем, что происходило с ней и окружало ее в девической жизни [Бернштам 1982: 43].

И.М. Колесницкой и Л.М. Телегиной выдвинут тезис о «трех слагаемых» обряда расставания с красотой – прощание с венком (головным убором), расплетание косы и действия с украшенным деревцем [Колесницкая, Телегина 1977: 112]. Поэтому среди свадебных атрибутов обряда расставания невесты с красотой важнейшая роль соответственно принадлежит девичьему головному украшению – венку, лентам, повязке – и украшенному деревцу, репейнику.

Особенностью нижегородской свадьбы является мотив ряженого деревца, елочки или сосенки как символов девичества. С зажженными свечами, украшенная цветной бумагой, лентами, а позднее и конфетами, елочка использовалась или в качестве символической передачи невесты семье жениха во время помолвки, или при передаче действительной – во время приезда свадебного поезда.

В Нижегородской крае принят и другой растительный символ девичества – ряженный репей, который жених выкупает на девичнике. Как правило, елочка сопровождает действия в доме девушки, а репей несут в дом жениха. Еще одним символическим предметом, используемым в нижегородской свадьбе в обряде прощания с девичьей волей, является алая лента, которую накануне свадебного пира на девичнике выплетает из косы невесты. Группа наименований названных реалий представлена в нижегородских говорах следующими лексическими единицами: *красота*, *краса́* (*кроса́*), *курник*, *куст*, *цветок* (*цвет*, *свет*).

В говорах Нижегородской области реализуются разные значения лексемы *красота*. Так, в южных районах *красотой* называют ленту. В с. Григорово Большемурашкинского р-на утром в день свадьбы приезжает сваха, выплетает ленту из косы невесты, передает на тарелке с угощениями подругам, приговари-

вая: «Сватушка, свaxonька, примите *красоту*. Поили-кормили, на ум поставили, нам предоставляли».

В д. Плотинка Борского р-на сваха со стороны жениха *красоту* – ленту – на тарелке с пряником подает матери невесты и говорит: «Спасибо, вспоили, вскормили».

В.И. Даль указывает на употребление слова *красота* в северо-восточных говорах со значением «род венца из лент и цветов, который ставится на девичнике перед невестой, ленты эти она раздает подругам, которые в песнях оплакивают девью красоту, а лучше отдает в церковь» [Даль, Т. II: 189]. По данным СРНГ, слово *красота* имеет значение «в свадебном обряде – лента (ленты), которую невеста дарит подругам, отдает в церковь как символ девичества» и отмечено в архангельских, воронежских, пермских, уральских говорах [СРНГ: 15: 198]. А.К. Байбуурин отмечал, что в свадебной обрядности ленты, имеющие «... связь с головой, точнее волосами, косой...», символизируют «девичью красоту» [Байбуурин 1993: 69].

Лексема *красота* в значении «коса» зафиксирована в Тонкинском районе. После пропоя невеста носит «печальную» одежду: темное платье и темный платок. В это время к коньку дома невесты вывешивается *красота* – украшенная коса (с. Полянское). В СРНГ слово отмечено с пометой *фольк*. «заплетенные волосы, коса» в ярославских, ленинградских, воронежских, новосибирских, пермских говорах [СРНГ: 15: 199].

Помимо ленты, косы, *красотой* в нижегородских говорах называются елка, березка, репейник. В день венчания на дом невесты вывешивают *красоту* (елку) в с. Дерябино Варнавинского р-на, *красоту* (березовые ветки) в д. Осинки Семеновского р-на. В с. Качалово Сергачского р-на накануне свадьбы подруги невесты ходят к жениху продавать *красоту* (репейник). Родные жениха стараются подменить *красоту*. Затем ее привешивают к коньку дома или к дуге лошади в свадебном поезде. В Воротынском, Спасском р-нах *красоту* (репейник) сжигают, когда свадебный поезд отправляется к венцу. В СРНГ слово *красота* зафиксировано со значением «в свадебном обряде – украшенное маленькое деревце, цветок» в московских, ярославских, владимирских, тверских, костромских говорах [СРНГ: 15: 199].

Кроме лексемы *красота* для наименования элементов обряда прощания невесты с девичеством в нижегородских говорах функционируют другие лексические единицы.

Лексема *краса* известна украинскому и белорусскому свадебному ритуалу, в котором она, так же как и в русском, связана с актом заплетания/расплетания косы невесты. *Красой* в Нижегородской области называют ленту розового или красного цвета. Так, в д. Кудрешки Богородского р-на *красу* (розовую ленту) крестная снимает с головы невесты и отдает свекрови. В с. Б. Содомово Борского р-на женихова сваха расплетает косу, отдает *красу* (красную ленту) матери невесты или кладет на кокуру в тарелку. В с. Смирновка Городецкого р-на в день свадьбы невеста сидит в закуте, на голове приколот розовый бант – *девичья краса*. Сваха снимает *красу* на тарелку с конфетками, с приговором: «Спасибо вам!» – отдает матери невесты. Слово *краса* в указанном значении отмечено также в Воскресенском, Княгининском р-нах. По данным СРНГ, лексема *краса* имеет

значение «лента из косы невесты как символ девичества» и встречается в псковских, новгородских, московских, новосибирских говорах [СРНГ 15: 171]

В нижегородских говорах слово *краса* имеет еще значение, так называют елку, символизирующую девичество. В с. Никол-Погост Городецкого р-на девушки несут *красу́* (елку), говорят: «Раздайся, народ! *Краса* девичья идет!». СРНГ отмечает лексему *краса* в значении «в свадебном обряде – украшенное маленькое деревце, цветок» в псковских, московских, ярославских, костромских говорах [СРНГ 15: 171]

Фонетический вариант *крóса* употребляется в Нижегородской области для обозначения ленты. В с. Шеляхово Балахнинского р-на утром в день свадьбы мать невесты заплетает ей косу, вплетает в косу *девичью кросу* – ленту, затем покрывает невесту платком. В СРНГ слова *крóса* дано с пометой фольк. «коса невесты или лента, вплетаемая в косу невесты», функционирует в орловских говорах [СРНГ 15: 282]. В Городецком р-не *крóсой* называют елку. На сговоре в с. Гришманово близкие родные подруги рядят елочку – *кросу*, зажигают на ней свечи, ставят перед молодыми и при этом поют: «Гори, гори, *девичья крóса*». В с. Курбатово Гагинского р-на существует обряд *спускать кросу*: утром в день свадьбы невеста причитает, сидя за столом.

В говорах Нижегородской области слово *курник* имеет значение «елка, репейник». В д. Моргуша Дальнеконстантиновского р-на *курник* (наряженный репейник) выкупают за свадебным столом по частям. В южных районах (Вадский, Первомайский, Лукояновский, Перевозский, Починковский) *курник* – елку – на заре подруги наряжают цветами из бумаги, на свадьбе елку по веточкам выкупают, давая взамен подарок.

В словаре В.И. Даля лексема *курник* реализует свадебное значение «род калача, с запеченною курицею, это свадебный хлеб-соль молодым от всех родных» в донских говорах [Даль, Т. II: 225].

СРНГ фиксирует *курник* в значении «свадебный хлеб» во многих русских народных говорах [СРНГ 16: 134-136].

Слово *куст* в нижегородских говорах используется для обозначения березовой или липовой ветки, репейника, елки. Ареал слова *куст* широкий: Гагинский, Княгининский, Починковский, Сергачский, Сеченовский, Бутурлинский, Пильнинский, Краснооктябрьский, Большеболдинский районы. В с. Толба Сергачского р-на накануне свадьбы девушки рядят бумажками *куст* репейника и идут с *кустом* к жениху на запой. Коренная подруга садится с *кустом* в красный угол. Поют, продавая *куст*: «Цвети, *кустик*, не упадай. Ваня, *кустик* покупай, подороже выкупай».

На второй день свадьбы в с. Гагино Гагинского р-на гуляют по деревне с украшенным *кустом* – репейником. В с. Озерки Княгининского р-на в день девичника девушки и парни идут с наряженным *кустом* – репейником к жениху. После угощения они сжигают *куст* и возвращаются к невесте с женихом. Дружка на первую лошадь в свадебном поезде крепит наряженный *куст* (елку), принесенный накануне девушками (с. Шишадеево Починковского р-на).

В с. Васильев-Майдан Починковского р-на подруги накануне свадьбы идут к жениху с *кустом* (репейник, украшенный грамотами и вырезами – цветной бу-

магой), потом этот *куст* украшает дугу лошади, на которой жениха и невесту везут к венцу. Относят также с *кустом* кисет, рубаху, брюки, платок носовой, шелковый пояс, шитые невестой. СРНГ фиксирует *куст* в значении «верхушка сосны или небольшая сосенка с разнородными украшениями, которая ставилась на стол в предсвадебный девичник» с пометой «смол.» [СРНГ 16: 159].

Лексема *цветок* в нижегородских говорах имеет значения «сосна, репейник». В д. Матвеевка Борского р-на на сговоре перед свадьбой у невесты присутствуют родственники с обеих сторон. Подруги делают *цветок* из ветки сосны, украшают бантами и свечами, ставят на стол и приговаривают: «Вот вам, сватушки, *цвет*, а больше никому нет». В с. Нелюбово Большемурашкинского р-на вечером в день девичника девушки рядят две сосенки: ту, что побольше вешают на карниз дома жениха, а другую подруги везут тоже к жениху. Этот обряд называют *ехать с цветком*. Жених сжигает *цвет-сосну*, а девушки поют. В д. Грязновка Сосновского р-на накануне свадьбы подруги идут к жениху с *цветком-репейником*, украшенным разноцветной бумагой. После гуляния жених сжигает *цветок*. В с. М. Сущево Сосновского р-на жених не сжигает, а ломает верх *цветка* – наряженного репейника.

Слово *цвет* в нижегородских говорах выступает в фонетическом варианте *свет*. Так, в с. Тугарино Борского р-на накануне свадьбы девушки рядят *свет* – елочку, идут с ней к жениху. Там зажигают на елочке свечи и отдают жениху. Девушек угощают. На столе лежат два пирога: один съедают здесь, другой несут невесте вместе со *светом* – елкой. В с. Прудищи Спасского р-на девушки ходят к жениху со *светом* – репейником.

Таким образом, в нижегородских говорах представлены разнообразные названия элементов обряда расставания с красотой, которые олицетворяют невесту и главное ее качество – девичество. Каждое диалектное слово – это большая и ценная информация этнографического характера, определяющая специфику народного мировоззрения, сохранившая в себе историю быта и культуры русского народа.

Литература

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993.

Бернштам Т.А. Обряд «расставания с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР Сб. МАЭ XXXVIII. Л.: Наука, 1982.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV., ТИ. II. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

Колесническая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 15. Л.: Наука, 1979.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 16. Л.: Наука, 1980.

О НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ВАРИАНТАХ СЛОВА «АБРИКОС»

К.С. Федотова
(г. Донецк, Украина)

В статье анализируются диалектные варианты слова «абрикос в южно-русских и южноукраинских говорах», устанавливается этимология и семантические границы диалектизмов.

Ключевые слова: диалектные синонимы, лексема абрикос

Прежде чем рассмотреть диалектные синонимы слова «абрикос», обратимся к истории этого слова и самого плодового дерева, ставшего неотъемлемой частью русского садоводства, дерева, из которого в наше время производят компоты, повидла, обычные и «царские» варенья и даже водку.

На Руси абрикосы не росли. Во всяком случае, в центральной и северной России о них не знали до XVII в. В русских словарях слово «абрикос» появляется с XVIII в. Своим появлением в России это дерево обязано эпохе Просвещения.

В энциклопедии под ред. Брокгауза и Ефрона дано латинское (научное) название абрикоса «*prunus armeniaca*», дословно означающее «армянская слива». Это название авторы словаря объясняют тем, что дерево было привезено в Европу из Армении после войн Александра Македонского. Синонимичное название указанного вида – «*armeniaca vulgaris*», то есть «абрикос обыкновенный» – именно этот вид, вероятно, и был известен уже римлянам, родиной же этого дерева считают Северный Китай [Новак 1982: 221]. По другой версии, абрикос завезли в Средиземноморье арабы, откуда дерево со временем распространилось в другие европейские страны (см. Абрикос. Энциклопедия декоративный растений).

Слово «абрикос» заимствовано в русский язык из голландского «*abrikoos*», а в северный голландский язык это слово пришло от французов, которые именовали плоды и само южное дерево «*apricot*». К французам абрикосы, вероятно, пришли из Испании, где им дали название «*albercoque*», адаптировав под свое произношение арабское слово «*al-birquq*» [Фасмер 1986: 57], что вполне соотносится с «арабской» версией появления этого дерева в Европе. Ср., например нем. «*Aprikose*» (плод), «*Aprikosebaum*» (дерево), англ. «*apricot*» (плоды и их цвет), итал. «*albicossa*» (плод), исп. (соврем.) «*albaricoque*» (плод).

От западноевропейских языков и получил абрикос свое название в русском языке. Считается, что к первой половине XVIII в. абрикосы стали специально выращивать не только в царских садах и теплицах, но и на южных окраинах империи.

Но если это светолюбивое южное дерево самостоятельно не росло в Петербурге и Москве, значит ли это, что его не знали и на юге России, например, на берегах Дона, в Одессе, Николаеве – полиэтнических местностях, где, кроме русских, с давних времен проживают украинцы, греки, евреи, армяне, татары? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к материалу диалектов и других славянских языков.

Например, в словаре синонимов современного украинского языка к слову «абрикоса» даны варианты «жердэля», «морэля» [Караванський 2000: 11]. Жердэля: 1. «Вид абрикосів з дрібними плодами». 2. «Плід цієї рослини» (*перевод:*

1. «Вид абрикоса с мелкими плодами». 2. «Плод этого дерева») [Тлумачний словник: 366]. Словом «жердэля» и сейчас называют мелкие абрикосы в южных диалектах Украины, где преимущественно говорят на русском языке.

Отмечено это слово и в словаре Даля в форме «жерделё»: «дерево и плод абрикос, априкос, курага, желтослив» [Даль 2006: 589] с пометой *дон.* – донское наречие. Однако в словаре XI-XVII вв. этого слова нет, хотя это и не значит, что его не было, возможно, этот диалектизм существовал в среде татарского или тюркского населения Крыма или Донских земель.

Но зато в «Словаре русских народных говоров» даны даже несколько других форм этого слова, и все они относятся к южнорусскому наречию: *жердэлы*, *жерделá*. Иллюстративные примеры взяты из речи жителей Ростова, Кубани, Краснодара [Словарь русских народных говоров 1972: 130-131]. Вот несколько современных примеров употребления этого диалектизма из сети интернет: «**Жердели** – дикий вид, а абрикосы – культурный» (ИМ-1); «Если честно, то *для* меня, человека, прожившего не один год на юге, **жердели** – это самые что ни на есть полноценные культурные плодовые деревья» (ИМ-2). Второй пример показателен: диалектное слово «жердела» в современном русском языке иногда выступает как синоним слову «абрикос», а в украинском – только как один из видов этого дерева. Вероятней всего, «жерделы» привнесли в русский язык тюркские народы, и скорее всего, не только в русский. На одном из англоязычных сайтов по продаже абрикос написано следующее: «Apricot (also called **Jardalu**, Khubani & Khumani) is a very delightful and healthy fruit» (ИМ-3): Абрикос (называемый также «жардалы», «кубани» и «кумани») – очень вкусный и полезный фрукт».

Название «Khubani», употребленное в приведенном примере, требует отдельного рассмотрения. Что же касается слова «Jardalu», то трудно сказать, когда оно появилось на периферии английского языка, но, например, в академическом словаре «Longman» его нет.

Это слово имеет очень древнее происхождение, возможно, восходит к древнеиранскому. Такая гипотеза существует, описывать ее здесь не будем, отметим только, что и сейчас в Иране часто готовят традиционное блюдо из абрикосов и сыра, которое называется «Maloos Zard'aloos» («красивые абрикосы») (см. Charming Apricot).

Диалектизм «мореля», возможно, пришел на Украину, бывшую в составе Российской империи, из польского языка: польск. «morela» – «абрикос». Но в украинском у этого слова несколько значений: 1. «Сорт абрикоси з дрібними плодами». 2. «Плід цього дерева». 3. «Сорт вишні» (*перевод*: 1. «Сорт абрикоса с мелкими плодами». 2. «Плод этого дерева». 3. «Сорт вишни») [Тлумачний словник: 690].

Так же и в словаре Даля, где слово «морéля» дано в формах «морéль» и «морéла»: 1. «Желтосливник, мелкий абрикос, курега, *Prunus armenica*». 2. «Порода сладкой, крупной вишни» [Даль 2006: 355], но почему-то уже без диалектных помет. Удивительно, что это слово в форме «морель» употреблено в «Словаре русского языка XI-XVII в.», то есть оно старше (!) слова «абрикос»: «морель» – «сорт мелких абрикосов» с примером, датируемым 1667 годом: «Прислано съ Киева съ садовником ... 1 дерево **морели**» [Словарь русского языка 1982: 264]

Возможно, так на Руси называли «абрикосы» до полного «приживления» в русском языке их голландского собрата. Откуда и почему у слова «мореля»

развилося значение «вишня», неизвестно, но очевидно, что значение это появилось позднее.

Итак, диалектизм «жерделя» в современном русском языке с некоторыми отличиями в произношении и написании встречается на Кубани, на Дону и в говорах южной Украины. Слово «мореля» употребляется русскоязычным населением юга Украины, пришло, скорее всего, из польского языка и даже отмечено в словаре русского языка XI-XVII в. и в словаре В.И. Даля, бытовало до заимствования из голландского слова «абрикос», но в современном русском языке практически вытеснено.

Остается неясным происхождение загадочного слова «бобрки», которое бытует и сейчас в речи детей Донецка, Запорожья, Одессы, Николаева и других городов Украины преимущественно для обозначения незрелых абрикосов. Вот несколько примеров из сети интернет (орфография авторов сохранена): «а еще у нас были пацык дяпан (мужик) тетенька (тетя) **бобрки** (абрикосы)» (автор фразы из Донецка, Украина) (ИМ-4); «Поперлись жи мы туда, а там и скрывались наши так сказать «друзья» и как будто специально там были деревья а на них росли **бобрки** (для тех кто в танке **бобрки** это абрикосы)» (автор рассказа из Макеевки, Донецкая область, Украина) (ИМ-6); «У нас (по крайней мере в Симферополе) **бобрки** – это недоспелые абрикосы» (ИМ-5). Еще несколько примеров можно найти на сайте Abbuu lingvo, один из них: «Вчера младший сын принес с улицы новое слово – **бобрки**». Оказалось, это абрикосы» (автор примера из Запорожья) (ИМ-7). Снова, как и со словом «жерделя», наблюдается расхождение в значениях: в примере 1 и 2 под «бобрками» понимают любые абрикосы, а в примерах 3 и 4 – недоспелые.

Вряд ли диалектные «бобрки» как-то связаны с древнерусским «бобръ» – «бобер». Ключ к разгадке здесь лежит, возможно, в полиэтничности указанных местностей, исторически заселяемых греками (особенно территория Донбасса). В греческом языке плод абрикоса называют βερύκοκο, а дерево – βερυκοκία. Так или иначе, этот диалектизм – свойство донских говоров.

Итак, слово «абрикос» пришло в русский язык в XVII в. посредством голландского языка. Но и сейчас в южнорусских и южноукраинских говорах встречаются диалектизмы, восходящие, вероятно, к более давним временам. К этим диалектизмам относятся слова «жерделя», «мореля» и «бобрки».

Литература

Абрикос. Энциклопедия декоративных садовых растений. URL: <http://flower.onego.ru/kustar/armeniatic.html>.

Базовый немецко-русский, русско-немецкий словарь / Сост. Н.В. Могарт; под общ. ред. В. Т. Бусела. Х.: Изд-во «Ранок», К; Ирпень: ВТФ «Перун», 2012. 672 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Тт. I-IV. М.: ООО ИД «Рипол класик», 2006. Т. 1 (А – З), Т. 2 (И. – О).

Испанско-русский визуальный словарь. М.: АСТ, 2014. 511 с.

Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. Київ: Українська книга, 2000. 480 с.

Новак Ф.А. Иллюстрированная энциклопедия растений / Пер. О. Северовой. Прага: Артия, 1982. 624 с.

Польско-русский словарь. Около 50000 слов и выражений. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 816 с.

Сальнова А.В. Греческо-русский и русско-греческий словарь. Около 22000 слов. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 586 с.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 9. Л.: Наука, 1972. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. (М). М.: Наука, 1982.

Словник: Італійсько-російський. Російсько-італійський: Посіб. для загальноосвіт. шк. та вищ. навч. закладів / Уклад.: О.В. Дмитрієв, Г.В. Степенко. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002. 576 с.

Тлумачний словник сучасної української мови. / гл. ред. В.Т. Бусел. Київ: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2012. 1720 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. (А – Д): пер. с нем. и доп. О.Д. Трубачева. 2-изд., стереот. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I (А – Алтай). СПб, 1890.

Charming Apricot. Maloos Zard'alo. URL: <https://food52.com/recipes/18386-charming-apricot-maloos-zard-alo> (дата посещения 19.07.2016).

Longman. Dictionary of Contemporary English. For advanced learners. – 2012.

Источники иллюстративного материала

ИМ-1. Абрикосы и жердели. В чем разница? URL: <https://otvet.mail.ru/question/17083200> (дата посещения 19.07.2016).

ИМ-2. Дикий абрикос. Жердель. URL: <http://help-in-gardening.com/dikij-abrikos-zherdel/> (дата обращения 19.07.2016).

ИМ-3. Apricot. Prunus Armeniaca. URL: <https://www.ayurtimes.com/apricot-prunus-armeniaca-jardalu-khubani-khumani/> (дата посещения 19.07.2016).

ИМ-4. Архивы нашего детства. URL: https://new.vk.com/topic-232389_23241157?post=464478 (дата обращения 19.07.2016).

ИМ-5. Местные название растений (и не только). URL: <http://myflora.org.ua/forum/viewtopic.php?f=10&t=1143&start=15> (дата посещения 19.07.2016).

ИМ-6. Ржачные истории. URL: https://new.vk.com/wall-57031614_6 (дата посещения 19.07.2016).

ИМ-7. Abby Lingvo. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=134812> (дата посещения 19.07.2016).

ИГРОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

Г.А. Баудер, Е. Татарина
(г. Мичуринск, Россия)

В статье рассматривается региональная игровая лексика как предмет исследования этнокультурных контактов; интерпретируется информация о тамбовских обрядовых традициях «нетрудового времяпрепровождения» человека, трактуются особенности общения и поведения диалектоносителей.

Ключевые слова: тамбовская игровая лексика, этнолингвистические контакты, народная педагогика, традиционная народная культура

Народ – единственный и неиссякаемый источник духовных ценностей. Не случайно народная педагогика большое значение уделяла играм. Игровая куль-

тура – это своего рода педагогика в действии, где все элементы взаимосвязаны. Игра – это самая эффективная практическая педагогика, удивительно разнообразная и богатая сфера деятельности детей. Вместе с игрой в их жизнь приходит искусство. Игра связана с песнями, танцами, плясками, сказками, загадками, скороговорками, речитативами, жеребьевками и другими видами народного творчества как средствами народной педагогики. Игры являют собой уроки жизни, они учат ребенка общению с другими людьми. Это материализация сказки-мечты, мифов-желаний, фантазий-сновидений, драматизация воспоминаний о начале жизненного пути человечества.

В играх наиболее полно проявляются такие особенности народного воспитания, народной педагогики, как естественность, непрерывность, массовость, комплексность, завершенность. В процессе игры дети рано включаются в самовоспитание.

В процессе творческой игры ребенок может создавать образы как реальные, так и ирреальные – продукты собственной фантазии и воображения, наполненные эмоциональными, чувственными и интеллектуальными представлениями.

В игре дети живут. Все житейское далеко отстоит от них в это время. Их самодетельность, творчество проявляется здесь во всей силе, в игре вырастает облик играющих с их вкусами, наклонностями, умственным складом и дарованием. Процесс игры приводит в движение все существо играющего (физическое и духовное). Начиная играть, дети хотят именно играть, т.е. приятно провести время, и эта приятность игры побуждает иногда детей играть до полного утомления, до тех пор, пока есть у них «какие-нибудь силы для игры» [Соболев 1915: 2].

Тамбовская игровая лексика, сформировавшаяся на основе языковой, исторической и культурной общности народов, некогда заселявших данный регион, подверглась семантическим изменениям и заимствованиям из одного языка в другой, так как различия в языковой системе одних говоров при переходе из одной культуры в другую не были ограничены. Это же наблюдается и в отношении к верованиям, обрядам и обычаям, связанным с играми.

Игровая лексика как предмет исследования этнокультурных контактов, наряду с пищей и жилищем, одеждой и трудовой деятельностью, является важнейшим и необходимейшим элементом материальной культуры. Данный компонент входил в систему материального «жизнесуществования» тамбовского народа, поэтому он содержит в себе богатейшую информацию. Игры были обрядовые и повседневные, детские и юношеские, уличные и проходившие в помещении, игры зимние, осенние и летне-весенние, развлекательные и интеллектуальные. Все они отражали русский менталитет.

Под словом «менталитет» понимают систему взглядов, представлений, воззрений. Менталитет есть результат того, что уже сформировалось в языковом сознании человека в результате мирозерцания и мироосмысления. Он формирует «картину мира» и включает в себя психологическое восприятие и видение мира, что в свою очередь получает развернутое выражение через представления (зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, эмоциональное, интеллектуальное). Менталитет определяет отношение к окружающему нас миру, событиям, фактам действительности, к тем или иным явлениям и т.д. Менталитет проявляется в результате мышления, а конкретно в нашем случае – в результатах игрового мышления (игровой текст).

Игра ярко отражает ментальность игроков (как индивидуальную, так и национальную, а также интернациональную). Результаты «игрового» речевого мышления отражают и нечто большее: в текстах создается новая информация, осмысливается жизненная позиция, часто неизвестная самому игроку до момента игры.

Основная задача ментального описания – выявление и извлечение семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании, выраженного словесным знаком концепта. В этом концепте и содержится значение «национального колорита», который отражает средство мышления и общения.

Развитие семантики слова осмысливается как постоянное существование во времени, т.е. в границах данной культуры происходит развертывание внутренней формы слова до логического предела. Тогда и появляется символ игры, который в народном менталитете проявляется постоянно и составляет обыденное сознание человека этой культуры. Это генная память народа.

Игровая лексика, появившаяся на Тамбовщине в результате этнокультурных контактов, несет в себе важную и богатую информацию об обрядовых традициях «нетрудового времяпрепровождения» человека, отражает русский национальный колорит, выражающийся в особенностях мышления, общения, поведения диалектоносителей, что и составляет содержание понятия «ментальность».

Особенность русского менталитета проявляется в образах, создаваемых детьми. Несмотря на разнообразие смыслов, которые «несут» или содержат в себе игры, ярко проявляется постоянство образов – персонажей.

Игровая диалектная лексика разнообразна по своему лексическому составу и принадлежности к лексико-грамматическим разрядам и словообразовательным моделям. Значительный пласт словарного состава данной тематической группы составляют лексемы, объединенные понятием «человек». Среди них выделяются слова, называющие людей по морально-нравственным и интеллектуальным качествам, признакам пола и возраста, социальному положению и т.д. («обыграла», «затевала», «зачинщик», «ящерка»). Большинство из них имеют эмоционально-оценочный характер.

Игровые ситуации носят динамический характер, поэтому в игровом тексте по частотности употребления не на последнем месте стоит глагольная лексика («вышибать», «кобениться», «ловчиться», «пристраститься», «развливать», «разгалиться», «разгалиндаться», «разгартыивать», «разжиговывать», «раззадоривать», «ремезить», «сноравливать»...).

Для диалектной лексики игр характерна лексико-семантическая вариативность. Так, игровая лексема «прятки» имеет синонимические дублиеты «кулючки», «прятушки», «прятышки», «хоронючки», «пряталки». Данные лексемы выявлены почти во всех районах Тамбовской области. На наш взгляд, это объясняется тем, что словообразование, происходящее в ходе речевого спонтанного общения диалектоносителей, всегда синхронный процесс.

Пласт игровых лексем изменчив и подвижен, как и всякая другая лексическая подсистема. В нем до сих пор сохраняются лексические единицы, отражающие древние наименования игр («хоровод», «прятки», «лапта»). Тамбовские говоры хранят и заимствования. Например, игра «статуи». Появляются новые названия, отражающие современное представление об окружающем нас мире (игра «ниндзя»).

Судьба игровых лексем складывалась по-разному. Некоторые маркированы пометой «просторечное» и в словарях современного русского языка, в частности, в словаре С.И. Ожегова, ее имеют лексемы: *гвоздить, пролаза, треснуть, шельма*. Другая часть лексем дана с пометой «разг.»: *болтун, волочиться, детина, журишь, крикун, каверзы, мыкаться, обомлеть, оторопеть, пхнуть, проныра, хвастать, хвастун*. В отношении таких лексем, как *жеманиться, прибаутка* можно сделать вывод, что ими утрачена стилистическая окраска, т.к. в словаре они приводятся без особых стилистических помет [Ожегов 1983].

Нами отмечены диалектные игровые лексемы, не зафиксированные в словарях русского языка с пометой «т.мб.». Например:

блазень – веселый игрок, шутник;

жируха – девушка, которая любит игру;

иорза – приткая, ловкая в игре девка;

махоночка – самая маленькая участница игры;

шебола – неумеха, неповоротливый игрок;

шеболда – неумелый, нерасторопный игрок;

шикан – игрок, мешающий в играх, не имеющий большого желания играть.

Работа с игровой лексикой является элементом познания этнолингвистической культуры региона. Посредством игр ребенку прививалось уважение к существующему порядку вещей, народным обычаям, обрядам, осуществлялось приобщение его к правилам поведения.

Литература

Аникин В.П. Народная игра как художественный феномен // Филологические науки 1996. № 3. С. 14-25.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983.

Соболев А.Н. Детские игры и песни. Владимир, 1915. 48 с.

КОДЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЗВАНИЯХ ДИКОРАСТУЩИХ ТРАВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Ф. Галушко
(г. Ульяновск, Россия)

Автор статьи описывает преломление традиционных культурных кодов в метафорических названиях дикорастущих растений на материале говоров Ульяновской области.

Ключевые слова: коды, традиционная народная культура, названия дикорастущих растений, Ульяновская область

Изучение народных названий растений как микросистемы, закрепившей практический и культурный опыт освоения природы, имеет давнюю традицию. Материалы многих источников XIX-XX веков аккумулированы в «Словаре русских народных говоров» [Словарь 1965: 21-160].

На современном этапе развития науки идёт представление завершённых проектов (например, опубликован комментарий к оформленным картам «Лингвистического атласа русских народных говоров» [Алёшина, Вендина 2007: 539-549]). Продолжаются исследования, в которых решаются актуальные задачи:

1) структурированное описание инвентаря народных фитонимов (в данной статье не анализируются споры по поводу уместности использования данного термина применительно к нарицательным именам существительным) в говорах определенного региона по материалам полевых наблюдений [Баженова 2013; Русина 2011];

2) определение набора «мотивационных признаков, положенных в основу наименования» [Алёшина 2014: 25];

3) обобщение словообразовательных, этимологических и других особенностей народных наименований растений [Колосова 2010; Шелепова 2008; Дубровина 2012];

4) характеристика предъявления народных наименований растений в современных лексикографических проектах [Картавенко 2012].

Поскольку диалектный материал есть факт традиционной культуры, то представляет интерес преломление традиционных культурных кодов в метафорических названиях дикорастущих растений.

Материалом для настоящего исследования послужили наименования дикорастущих трав в говорах Ульяновской области, собранные в ходе полевых наблюдений (2006-2016 гг.). В обобщении результатов исследования приведены как зафиксированные однословные номинации, так и описательные конструкции, полное название населённого пункта даётся при его первом упоминании. Следует отметить, что в «Словаре русских народных говоров» есть лексические единицы изучаемой семантики с пометами *симбирское* и *ульяновское*. Однако изменения в диалектах, в «природной экологии» [Дубровина 2012: 359] привели к тому, что некоторые растения исчезли, а некоторые стали неактуальными для носителей диалектов. Так, не удалось найти в речи жителей региона некогда симбирские слова, например: *адали'м* («полевой ленок») [Словарь 1965: 205], *бры'сик* («просянка») [Словарь 1968: 218], *расстре'л* («борец семейства лютиковых») [Словарь 2000: 231].

Полученные в ходе полевых наблюдений факты позволяют говорить о наличии инвариантов в исследуемой группе слов. Синонимические ряды составляют лексические единицы со значением «сорные травы»: *быльё* (Новоульяновск, Ундоры Ульяновского р-на), *были'нник* (Поливаново Барышского р-на), *бурья'н* (Адоевщина Радищевского р-на), *дурни'ца* (Ульяновск); *дуря'нка*, *соря'к* (п. Плодовый), *ли'твень* (Ясашная Ташла Теренгульского р-на). Общее название колючих сорных трав: *колю'чки* (Большие Ключищи Ульяновского р-на, Молвино Теренгульского р-на, Ясашная Ташла, Новоульяновск, Чеботаевка Сурского р-на), *колю'шник* (Адоевщина); *мордв'нник* (Молвино, Адоевщина); *пусты'рник* (посёлок Плодовый в составе административно-территориального образования город Ульяновск). Слово *дри'нник* имеет дополнительную сему «вьющийся» (Адоевщина).

Повсеместно встречаются слова: *берёзка* «вьюнок полевой»; *борщ*, *борщовики'* (*Heracleum boreahs*, семейства зонтичных) [Словарь 1968: 121-122]. Омо-

нимичное слово *борц* «щавель» зафиксировано только в речи некоторых жителей п. Плодовый. Объяснения носителей диалекта были таковы: «назван так, потому что с ним готовят «зеленый» борц».

В говорах региона присутствует оппозиция «общеизвестное / диалектное слово»: *девясил* (Ундоры) – *горище'тка* (Новое Томышево Новоспасского района); *колоко'льчик* – *колоко'лец* (Новоульяновск); *крати'ва* (Ясашная Ташла) – *жгучка* (Кремёнки Старомайнского р-на, Новое Томышево, Новоульяновск, Ульяновск, Ундоры, Языково Карсунского р-на); *молоча'й* (Ундоры) – *молоча'жник* (п. Плодовый); *череда'* – *золотуха* (п. Плодовый); *чистотел* – *бурья'нец* (п. Плодовый).

В ряде случаев один из членов оппозиции существует в нескольких словообразовательных вариантах, например, *щавель* (Ясашная Ташла) – *кисли'ца* (Ундоры), *кисе'лька*, *кисли'нка* (Языково), *кисля'нка* (Большие Ключищи), *кисля'тик* (Адоевщина). Доминантным признаком при назывании выступает кислый вкус растения. Характерно, что *кислицу* в п. Плодовый называют *заячьей капустой*, *заячьим щавелём*.

Наряду со словом *василёк* (Ясашная Ташла) бытуют синонимичные названия *васили'ски*, *васю'та*, встречается в речи жителей региона и слово *голубе'ц* с тем же значением (Языково, Ульяновск).

Наибольшее количество вариантов сопутствуют в говорах слову *кле'вер* (Новое Томышево). Это: *ба'бочник*, *бабо'шки* (Междуречье Инзенского р-на), *бобы'лик* (Крестовое Городище Чердаклинского р-на), *куку'шкины башмачки'* (Молвино), *куку'шкин хлеб* (Крестовое Городище), *па'пошник* (Языково), *птич'кин хлеб* (Новоульяновск), *троели'стник* (п. Плодовый). В последнем случае отличительный признак, лёгший в основу номинации, – форма пальчато-тройчатого листа. Очевиден ярко проявляющийся зоонимический код (в сравнении с кукушкой, хронологически более поздний вариант – с птичкой), единично фитонимический – *бобылик*, т.е. маленький боб. Представлен в составе сложного кода предметный код (хлеб, башмачки, бабошки – «комочки нерастворившейся в жидкости муки» [Словарь 1966: 27]). Антропонимический код, возможно, имеет место в словах *бабочник* (бабка «знахарка») и *папошник* (фонетический вариант с заменой начального согласного и диссимиляцией по способу действия).

Довольно многочисленны зафиксированные синонимы к слову *полы'нь* – *ба'ер*, *буды'льник* (Ульяновск), *вдо'вья трава'*, *грудни'ца* (п. Плодовый), *го'ркая трава'* (Чеботаевка), *кобы'льник* (Ундоры), *полы'нок*, *чернобы'льник* (Ясашная Ташла). Среди доминантных признаков можно назвать вкус (*горькая трава*), цвет (*чернобыльник*), назначение (*грудница*, по объяснениям носителей диалекта, «получила свое название из-за того, что ею лечат женскую болезнь – *грудницу* (болезнь женских молочных желез)»), внешний вид стебля (*будыльник*). Обнаружилась связь названий с антропонимическим кодом (*вдовья*, т.е. горькая трава, сродни вдовой судьбе в народном понимании) и кодом зоонимическим (трава, любимая кобылами).

В говорах региона жители называют *лопух* – *ди'гилем* (Адоевщина), *дурма'ном* (Языково, Ульяновск), *репе'йником* (Ясашная Ташла); *подоро'жник* называют *доро'жником* (Новоульяновск), *тропи'нником* (Ундоры), *ле'карем* (Чеботаевка). В последнем случае основным свойством, лёгшим в основу номинации,

следует считать назначение растения – лечить, причём представленным здесь оказался антропонимический код «лекарь» (человек, который лечит практически профессионально). Представлены также другие коды, например, пространственный (*дорожник, тропинник*).

Зафиксирован в речи жителей (п. Плодовый) и библейский код: растение *Тимьян* («*троицкая травка*»), из которого делали украшения на Троицу. В Приволье Кузоватовского р-на распространено словосочетание «*богоро'дна трава*» в том же значении.

Антропонимический, зоонимический, предметный коды представлены в народных названиях *одуванчика*: *де'дка* (Ундоры); *мохна'тка* («очень пушистый и крупный одуванчик (п. Плодовый); *огонёк, пушистые фона'рики* (п. Плодовый). Метеорологический – в номинации *ветроду'й* (Языково).

В народных названиях *ромашки* либо актуализируется один из её видов – *попо'вник* (Новое Томышево), либо цвет сердцевины – *жёлтоголо'вка* (Ульяновск) и лепестков *белогла'зка* (Ульяновск), *белогла'з* (Языково). Примечательно, что доминирование белого цвета в сложных номинациях с корнем *глаз-* становится понятным при сопоставлении со словом *белоце'т* «большое скопление ромашек в одном месте» (п. Плодовый). Восприятие массива белых цветов среди зелёной травы, видимо, и вызвало ассоциацию с белком глаза, сформировало метафорическую номинацию *ромашка – белоглазка*.

Антропонимический код также представлен в народной описательной конструкции *друг сердца* – «пустырник пятилопастный» (п. Плодовый).

Таким образом, для изучаемых говоров региона частотны номинации дикорастущих трав по модели метафорического переноса, в названиях обнаружены коды традиционной культуры (фитонимический, зоонимический, антропонимический, предметный, пространственный, библейский, метеорологический).

Исследование состава и соотношений внутри лексического объединения «названия полевых дикорастущих растений» в русских говорах Ульяновской области позволяет выявить отражённый в названиях жизненный опыт наших предков и современников и может рассматриваться «как составная часть детального изучения психологического склада нации» [Галушко 2015: 64].

Литература

Алёшина Л.М. Мотивация наименований подорожника как способ отражения опыта освоения носителями говоров мира растений (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 25-30.

Алёшина Л.М., Вендина Т.И. Карта № 2 ЛСЛ 145 Подорожник // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2007. Ч. 2. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 539-549.

Баженова Т.Е. Лексика по теме «Растительный мир» в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2013. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 21-29.

Галушко Е.Ф. «Горе» и «радость» в русском языке: лексикографический аспект // Экология языка: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. (г. Пенза, 17 апреля 2015 г.) / под ред. д.ф.н. Е.Н. Сердобинцевой. Пенза: ПГУ, 2015. С. 60-65.

Дубровина С.Ю. Русские названия растений, производные от орнитонима «воробей», на общеславянском фоне // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. / Ин-т лингв. исслед. СПб: Наука, 2012. С. 358-372.

Картавенко Б.С. Способы описания и представления слов-фитонимов в «Словаре смоленских говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 157-163.

Колосова В.Б. Этноботанические заметки. IV. Цикорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2010. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2010. С. 284-293.

Русинова И.И. Название травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2011. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2011. С. 358-364.

Словарь русских народных говоров. Вып. I-46. Л-СПб., 1965-2013.

<http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>. (дата обращения: 09.10. 2016).

Шелепова Л.И. Этимологическое исследование лексики русских говоров Алтая // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2008. С. 497-505.

ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ В МЕУСИШИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

З.Р. Абдуллаева
(г. Махачкала, Россия)

Автор статьи, обращаясь к анализу меусишинского говора даргинского языка, отмечает наличие 27 лабиализованных согласных, которые проявляются в разных позициях в отличие от современного даргинского литературного языка.

Ключевые слова: лабиализованные согласные, меусишинский говор, даргинский язык

Говор с. Меусиш в исследованиях даргиноведов отмечается как меусишинский говор даргинского языка, который ученые выделяют как самостоятельный говор [Абдулаев 1954]. Особенности меусишинского говора были предметом рассмотрения М.Р. Багомедова [2012: 172-176; 2013], Ф.О. Абакаровой [Абакарова 1956], С.М. Гасановой [Гасанова 1971], которая сделала попытку провести краткий анализ фонетических и морфологических особенностей меусишинского говора. Не умаляя проделанную автором работу, считаем необходимым обратить внимание тот факт, что ряд примеров ученым подается неточно, что, к сожалению, повлияло на последующие выводы.

Особый интерес вызывают онимы меусишинского говора, которые рассматривались в работах М.Р. Багомедова [Багомедов 2013], где анализируются, например: *Гъвярица къатте хIуркI* («Узкого ущелья река»), *ХIинтIин ше гIиници* («Родник красной воды»), *РурчанишегIиници* («Родник кипящей воды»), *ЧиГIя шурагъи* («Камышовый пруд») и др. [Багомедов 2012: 173-175].

Между тем, меусишинский говор изучен недостаточно, и до настоящего времени не рассматривался с позиции комплексного подхода.

Богатая консонантная система меусишинского говора даргинского языка обуславливается наличием лабиализованных согласных. Общеизвестно, что в современном даргинском литературном языке лабиализованные согласные, наряду с непрдыхательными глухими и геминированными согласными, отсутствуют. Основной характеристикой лабиализованных звуков является наличие дополнительной артикуляции в виде активного участия губ, т.е. от соотносимых с ними звуков лабиализованные согласные отличаются дополнительной губной артикуляцией.

С.М. Гасанова отмечает, что в меусишинском говоре наличествует восемь лабиализованных согласных: *къв* – *къвал* («корова»); *кв* – *квани* («живот»); *ккв* – *кквэ* («запах»), *гъэзабакквар* («без мучений»); *гъв* – *гъви* («семя»); *гълв* – *багълвин* («посей»); *хв* – *хви* («собака»); *кълв* – *кълвинтл* («губа»); *млв* – *битлва* («мучной»), которые зафиксированы в разных позициях: в начальной позиции слова, в основе слов, в составе уступительного союза, в словах с отрицанием, перед гласными [Гасанова 1971: 233-234].

В диалектах даргинского языка исследователи зафиксировали разное количество лабиализованных согласных: 12 в кубачинском [Магомедов 1963: 50], 18 в кайтагском [Темирбулатова 2004: 38] и сирхинском (но они не совпадают с кайтагскими) [Кадибагамаев 1985: 12], 33 в урахинском [Абдуллаев 1993.1: 185] и др.

В меусишинском говоре зафиксированы следующие лабиализованные согласные: *бв*, *гв*, *гъв*, *гъв*, *гълв*, *кв*, *ккв*, *къв*, *къв*, *кълв*, *лв*, *мв*, *нв*, *пв*, *св*, *тв*, *хв*, *хъв*, *хъв*, *хълв*, *цв*, *цъв*, *чв*, *чъв*, *шв*. Проиллюстрируем их на примерах:

бв: Им. п. *гълэбул* («гвоздь») – Род. п. *гълэбва*, Им. п. *булбул* («соловей») – Род. п. *булбва*, Им. п. *сэглэбун* («мыло») – Род. п. *сэглэбва* и др. Как видно из примеров, *бв* отмечен только при образовании Род. п.:

гв: *гванза* («земля»), *гвэргэчл* («твёрдый камень округлой формы»), *бижгвара* («раздражиться»), *Вижгва* букв. «быстро обижающийся» (прозвище), Им. п. *мургул* «муж» – Род. п. *мургва*;

гъв: *гъвабза* («храбрец; джигит»), *вайгъвабза* («негодяй, подлец»), *гъваб* («лемех»), *гъвинчл* («усмешка»), *гъвэричла* («узкий»), *Байгъвэричл* («Середина узкая» – микропоним), Им. п. *агъу* («яд») – Род.п. *агъва*;

гълв: *гъви* («семя; семена»), *велгъвани* («ритуальная повязка из ткани сопровождающего жениха и невесту на свадьбе»), *шаргъвар* («брюки»), *тлагъва* («бурдюк»), *биргъвар* («бывает»), *хълэсигъвара* («обидеться»), *виргъвай* («если может»), *балгъвали* («если знает»), *аравигъвара* («выздороветь»), *бергъвана* («посеять»), *белгъвана* («зарезать»), *игъва* («брось»), Им. п. *гъуни* («дорога») – Род.п. *гъва*;

гълв: *багълана* («посеять»);

кв: *квэххи* («совок»), *квани* («живот»), *кваниула* («ремень, подвязываемый к животу осла, лошади при креплении седла»), *берквала* («еда»), *квашин* («шумовка»), *кве* («баран»), *квачли* («лапа»), *гъирквва* («закуска»), *никва* («ноготь»), *уквай* («если будет кушать»), *берквин* («покушай»);

ккв: *кквэгл* («запах»), *ккви* («струна»), *дарккван* («даргинец»), *кквачча* («самка»), *ттыкквва* («ослёнок»), Им. п. *ккули* («шкура») – Род.п. *кквва*, *хъулбиакквар* («безглазый»), *ччакквел* («красивый»), *аккварил* («не существующий»), *арзакквва* («развяжи же»), *гъгайакквва* («скажи же»);

къв: *укъвали/укъкъвай* («если будет копать»), *бикъвали (бикъвай)* («если будет носить»), *уркабикъвали/урсабикъвай* («если будет обратно приносить»);

къв: *къвѧл* («корова»), *къви* («жареное зерно»), *къвани* («сундук»), *къвѧли* («если идёт»), *Къвѧлиукъѧхъѧ* («если идёт, пусть идёт»), *цакъвила* («немножко»);

кІв: *кІвинтІ* («губа»), *къякІва* («клубок»), *кІвалтІа* («название свадебного обряда, совершаемый после привода в дом жениха невесты»), Им. п. *букІун* («чабан») – Род.п. *букІва*, *тѧхІукІван* («прыгающий»), *чІѧрикІван* («кричащий»), *кІвел* («два»), *шикъайкІван* («двигающийся»), *гьекІвай/гьикІвай* («так; таким образом, как там наверху»), *акІви* («родись; выживи»), *бикІвар* («говорят»), *гъайбикІвара* («чтоб говорить»), *гъайвикІви* («говори»), *белкІвана* («написать»);

лв: *гьелвай/гьилвай* («так; таким образом как там на месте»), Им. п. *балун* («баллон») – Род.п. *балва*;

мв: Им. п. *ккамул* («палец ноги») – Род.п. *камва*;

нв: Им. п. *хьунул* («жена») – Род.п. *хьунва*;

пв: Им. п. *птул* («узел») – Род.п. *птва*;

св: Им. п. *ссукул* («рожь») – Род.п. *ссусса*, *уссвали* (1. «если будет спать»; 2. «если будет кромсать»);

тв: Им. п. *иту* («утог») – Род.п. *итва*; *гьетвай (гьитвай)* («так; таким образом как там на стороне»);

тІв: Им. п. *битІу* («мука») – Род.п. *битІва*, Им. п. *тІул* («палец») – Род. п. *тІва*;

хв: *хви* («собака»), но: *хи* («белая пыль, оседаемая на стенах мельницы в процессе образования муки из зерна»), *гьехвай/гьихвай* («так; таким образом как там внизу»), *уррхвѧли* («если будет прятаться»);

ххв: *хІгІваххва* («кровотокающая рана»), *уххвѧли* («если будет втыкать»);

хъв: *хъвѧнтІи* («затылок»), *хъвѧдхъвѧдѧк* («птица», *перен.* «болтун», *хъвѧни* («ненастная, пасмурная погода»), *хъви* («клятва»), *ттахъва* («петух»), *дирихъвѧла* («полено»), *гъайхъвали* («если будет занавешивать»), *учІахъвали* («если заставят учиться»), Им. п. *хъу* («пашня») – Род.п. *хъва*, Им. п. *бухъу* («желток») – Род. п. *бухъва*; *пашкабихъвара* («разрушиться»);

хъв: Им. п. *урхъу* («море») – Род.п. *урхъва*, *белхъвана* («сварить»);

хІв: Им. п. *хІули* («глаз») – Род.п. *хІва*, *умхІвали/умхІвай* (1. «если будет резвиться»; «если промокнет»);

цв: Им. п. *цула* «зуб») – Род.п. *цва*, *урцвали/урцвай* («если будет летать»), Им. п. *урцули* «дрова») – Род. п. *урцва*;

цѧв: *уцѧвали/уцѧвай* («если будет работать»), *вицѧвали* («если будет купаться»);

чв: *уччвали /уччвай* («если будет пить»);

чІв: *учІвали/учІвай* («если будет читать»);

шв: *швал* («пятъ»), *гьешва/гьешвай* («так; таким образом, как здесь»), Им. п. *гІяшул* («плѣнка на глазу») – Род.п. *гІяшва*, *убшвай* («если будет убежать») и др.

Таким образом, в исследуемом говоре отмечены двадцать семь лабиализованных согласных. Они встречаются в двух позициях (в начале слова и внутри слова, в конечной позиции не отмечены) в основе имѣн и глаголов перед гласными, в словах с отрицанием, в составе уступительного союза, как в нарицательных словах, так и в собственных именах (антропонимах и топонимах), в именах существительных в форме родительного падежа и др.

Литература

- Абакарова Ф.О.* Именное склонение в уркарлахском диалекте даргинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1956. 13 с.
- Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык. I. Фонетика. М.: Наука, 1993. 287 с.
- Абдуллаев С.Н.* Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1954. 216 с.
- Багомедов М.Р.* Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. 347 с.
- Багомедов М.Р.* Функционирование гидронимов в топонимической системе Дарга // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Вып. 2 (99). С. 172-176.
- Гасанова С.М.* Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1971. 328 с.
- Кадибагомаев А.А.* Фонетические особенности сирхинского диалекта даргинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1985. 28 с.
- Магомедов А.А.* Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси: АН Груз. ССР, 1963. 340 с.
- Темирбулатова С.М.* Хайдакский диалект даргинского языка: Монография. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004. 305 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ [Т – Т'] В ГОВОРАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О.П. Баранова, Л.С. Моисеева
(г. Тамбов, Россия)

В статье делается попытка доказать, что на территории Тамбовской области, относящейся к территории южновеликорусских говоров, в речи диалектоносителей ярко проявляют себя языковые черты севернорусского наречия.

Ключевые слова: говоры Тамбовской области, глагол, черты севернорусского и южнорусского наречия

Традиционно Тамбовскую область относят к зоне южновеликорусского наречия по целому ряду специфических фонетических, лексических, грамматических особенностей.

Исследования последних десятилетий говоров Тамбовской области показывают присутствие в регионе не только южнорусских черт, но и севернорусских языковых элементов. Например, таких, как употребление в формах глаголов 3 лица единственного и множественного числа $[m]$ – твердого (что характерно для севернорусских говоров, но можно было бы объяснить влиянием орфографической традиции на произношение) или отсутствие ($[m]$, $[m']$) в исследуемых глагольных формах (что уже никак не соответствует нормам правописания).

Глаголы – это самая информативная и наиболее значимая часть речи, которая характеризуется богатством грамматических форм и разнообразием значений не только в литературном языке, но и в диалектах. В говорах формы глагола 3 лица единственного и множественного числа могут выступать с фонемами $[m]$, $[m']$ или без ($[m]$, $[m']$).

На протяжении многих лет диалектологи ТГУ им. Г.Р. Державина упорно собирают говоры. В настоящее время в глагольной системе тамбовских говоров отмечено присутствие всех вариантов употребления форм глагола 3 лица единственного и множественного числа: с [m], [m'] и без ([m], [m']).

– [m'] мягкий употребляется в следующих районах Тамбовской области: Гавриловском бягу[m'], Умётском думаю[m'], играю[m'], Кирсановском читаю[m'], видя[m'], Котовском бегу[m'], Знаменском иду[m'], Петровском сиди[m'], Пичаевском пече[m'], Мучкапском пе[к]е[m'];

– [m'] и [m]. В некоторых районах наряду с [m'] употребляется [m] твёрдый: в Ржаксинском районе вместе с формой бегу[m'] присутствует форма бегу[m], то же наблюдается и в Бондарском районе: идё[m] и идё[m'].

– без конечного [m-m']. Употребление глаголов без конечного [m-m'] характерно для таких районов, как: Токарёвский район [н'ас'о, б'аг'о], Гавриловский [кол'а, ст'ырај'а], Староюрьевский [с'эј'а, паша, м'н'о] и др., причём [m-m'] может отсутствовать как в формах глаголов единственного, так и множественного числа: он игра[ј'э], ([ј'а]) (играет), ве[д'о] (ведёт), хо[д'а] (ходит), не[с'о] (несет); они игра[ј'а] (играют), хо[д'а] (ходят), кри[ч'а] (кричат).

В селах Петровского района (Тынково, Красиловка, Лосиная лука), а также в селе Малиновка Тамбовского района в речи информаторов нами были отмечены явные сходства и различия в употреблении форм глагола 3 лица единственного и множественного числа с конечным [m'] и с [m] в глаголах 3 л.мн.ч., а также формы без ([m], [m']).

Например: «Не знаю я. Наверное, тоже до шести. Когда шесть недель поминаю [m'], душу провожаю[m']» (с. Тофино, Петровский район, Тамбовская область, информатор Мухортова Нина Фёдоровна, 1932 г.р.);

«Да их что ли поймешь, как они буду[m'] дела[m']» (с. Малиновка, Тамбовский район, Тамбовская область, информатор Инякина Екатерина Ивановна, 1928 г.р.)

В данных текстах мы видим употребление в 3 лице единственном числе (глаголов с [m'] мягким буду[m'], поминаю[m'], провожаю[m']), несмотря на разное географическое местоположении информаторов. В речи других жителей этих сел также можно обнаружить активное использование глаголов с [m] – твердым в глаголе 3 лица множественного числа:

«Он был председателем у меня. Че ни че возьме[m']. Но в колхозе взять нечего было, даже председателю взять нечего было, хлеб даже нельзя было взять» (с. Красиловка Петровский район, Тамбовская область, Шальнев Юрий Максимович, 1938 г.р.);

«Бывает уйду[m'] на всю ночь, бывает – нет, пораньше приду [m'], но ничего не поделаешь, такое время было. А жили все равно получше нынешнего» (с. Малиновка, Тамбовский район, Тамбовская область, информатор Инякина Екатерина Ивановна, 1928 г.р.)

Конечно, употребление глаголов с [m] – твердым в глаголах 3 лица единственного и множественного числа в речи диалектоносителей сразу становится заметным: (живе[m], приду[m]). Но интересен тот факт, что в одном предложении информатор может активно употреблять сразу два вида произношения (иду[m'] – приду[m], живе[m'] – живе[m]).

Иногда в речи одного и того же информатора можно выявить и все три варианта произношения: [т'] – мягкий и [т] – твердый и без ([т], [т']) в формах глаголов 3 лица единственного и множественного числа. Например:

«Я самый старший. Сестра умерла на второй год, потом другая в Липецке сейчас живе[т]. Сестра, так еще брат с тридцать девятого года живе[т'] в Тольятти, и последняя с сорокового сестра в Липецке живё» (с. Тынково, Петровский район, Тамбовская область, информатор Костин Виктор Николаевич).

Собранный материал показывает, что на территории Тамбовской области на фоне преобладания южнорусских элементов в речи диалектоносителей ярко проявляют себя языковые черты севернорусского наречия. Эти факты наводят на мысль, что в результате междиалектного взаимодействия особенно в последние десятилетия говор нивелируется.

На сегодняшний день тамбовские говоры можно охарактеризовать как говоры смешанного типа или отнести их к числу акающих среднерусских.

Литература

Звучащая хрестоматия. Южновеликорусские говоры Тамбовской области. Вып. 2 / Авт.-сост.: Моисеева Л.С., Щербак А.С. (отв. ред.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 87 с.

Межерский Н.А. Русская диалектология. Учебное пособие. М.: Издательство Высшая школа, 1972. С. 22-26.

Моисеева Л.С. Некоторые фонетические и грамматические особенности говоров Тамбовской области // Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Вып. 5. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 24-34.

Моисеева Л.С. Словарь диалектных глаголов Тамбовской области: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. 59 с.

Моисеева Л.С. Глагольная лексика говоров Тамбовской области как предмет изучения на диалектологической практике (пособие для студентов) Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 150 с.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИТАНИЕ» В ГОВОРАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.А. Баудер, Л.И. Полунина
(г. Мичуринск, Россия)

В статье дается описание диалектной лексики на примере тематической группы «Питание»; анализируются номинации обрядовой кухни.

Ключевые слова: диалектная лексика, тематические группы, Тамбовская область

Функционирование диалектной лексики тематической группы «Питание» в говорах Тамбовской области сохранилось в речи старшего поколения и позволяет судить об особенностях языковой культуры. Главное место в питании занимал хлеб во всех его видах (*хлеб* – мучное печенье из кислого теста, печеный хлеб, готовый на пищу [Даль 1991, Т. IV: 549]).

В будние дни употребляли ржаной хлеб, который пекли сами. В зависимости от вида муки различали хлеб ситный, решётный, пшеничный.

[ПяклИ калачИ, каравАи, каврИги, сАйки, любИмыми бЫли пирогИ с рЫбай, мясам, твОрагам, кАшый, авашАми.] – с. Хмелевое, Мичуринский р-н, Федоров Ю.В., 1920 г.р. (*калач* – белый, пшеничный хлеб вообще; пшеничный сгибень с дужкою, из жидкого тест; сайка из крутого. [Даль 1989, Т. II, 76]).

пышник – пирог с картофельной начинкой. [*ПатОм пЫшник паспЕить, явО пьядИм. Он сЫтный.*] /с. Устья, Моршанский р-н, Метельникова А.П., 1919 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Лакомством взрослых и детей были оладьи и блины с маслом и мёдом.

пухавки – блины небольшого размера. [*КрУзлыи, нибальшЫи блины – эт пухАфки.*] /с. Заречье, Пичаевский р-н, Теляев М.С., 1924 г.р./

И летом, и зимой ели ячменные, пшённые, гречневые каши (*каша* – густоватая пища, крупа вареная на воде или молоке [Даль 1989, Т. II, 100]).

[Из талакна (мука из обжаренного овса) гатОвили кисилИ] – с. Ранино, Мичуринского р-на, Седов П.С., 1926 г.р. (*кисель* – (кислый) мучнистый студень; овсяный, ржаной, пшеничный кисель, ставится на опаре и закваске; гороховый, пресный [Даль 1989, Т. II: 110]).

Широко распространена была рыбная пища. Рыбу ловили на реках Цне, Челновой, Вороне, Воронеже и их притоках.

зубарёк – крючок для ловли рыб. [*На зубарЁк рЫбу лавИли. Да хто как ивО дЕлал. Провылычку сагНуть, и Весь зубарёк.*] /с. Вирятино, Сосновский р-н, Жирякова П.М., 1911 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Карасей, линей, плотву, окуней, щук, сомов использовали для местного потребления, везли на продажу в соседние города и даже в Москву. В тамбовских говорах сохранились диалектные названия рыб.

карявый – карась. [*Щюк лАвили, а карявых дАжы ни брАли.*] /с. Липовка, Пичаевский р-н, Макаева М.С., 1930 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории];

платушка – рыба плотва. [*Рыба-та, была ана рАзныя. ЩУка, платУшка... ПлатУшка, так ана нибальшАя. Ясь – Энта бальшОй, а платУшка – малинькая.*] /с. Сомовка, Мордовский р-н, Воропаева Е.К., 1910 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Через Тамбов и Козлов шёл торговый путь с Поволжья в Москву, поэтому на местных рынках продавали стерлядь, осетров, белуг, севрюг. Их везли в копчёном и солёном виде. На столах у богатых людей обычной была чёрная икра, которую пудами возили через Тамбов. Цены на рыбную продукцию были доступны широкому кругу населения.

Мясо употреблялось значительно реже. Средний тамбовчанин за год съедал не более 6 кг мяса. Церковь ограничивала употребление мяса в постные дни, которые составляли более трети года. Бедность вынуждала многих поститься и в скоромные дни. Мясные блюда готовились из баранины, свинины, говядины, птицы. На зиму заготавливалась солонина (*солонина* – посоленная впрок говядина [Даль 1991, Т. IV: 268]). Ежедневным горячим блюдом служили постные, реже мясные щи из кислой капусты, репы. Из свиных голов варили студень. Природа Тамбовского края позволяла разнообразить рацион мясом диких животных

и птиц: зайцев, лосей, кабанов, рябчиков, тетеревов, уток [Историческое краеведение 2007: 90].

В скромные дни широко употребляли молочные продукты: молоко свежее, кислое и топленое, сливки, сметану, творог, сыр. Растительная пища включала разные овощи в свежем и солёном виде. На огородах росли капуста, репа, горох, свёкла, брюква, огурцы, морковь. Употребляли ягоды и грибы, особенно любили грузди и рыжики. У домов росли яблони, груши, вишни.

жавика – ягода ежевика. [Пашла за жавИкай, за Ягыдай на тОт бок, гдЕ тятЕрь наш кардон. Ягыда Энта сИня такАя, как малИна, тОлька стЕлица на зимЛЕ.] /с. Вирятино, Сосновский р-н, Буркина Е. М., 1898 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории];

каменка – ягода костяника. [КАминка – Эта Ягада такАя, в лясУ растЁть, ны малИну свЕтам пахОжа]. /с. Горелое, Тамбовский р-н, Кулаева Валентина Ивановна, 1948 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории: 86] (*каменка* – каменица – костеника, костянка, растение [Даль 1989, Т.: II, 81]).

Среди напитков предпочитали квас, мёд, пиво, водку. Квас использовался не только как питьё – из него готовили окрошку (*квас* – кислота, кислотность; русский напиток из квашеной ржаной муки или из печеного хлеба с солодом (по В.И. Далю)). Пиво разрешали варить самостоятельно только по большим праздникам, а в обычное время его покупали в государственных кабаках (*пиво* – хмельной напиток, который варят из солода и хмеля (по словарю В.И. Даля)); *водка* – перегонное вино, хлебное, а иногда из плодов (по словарю В.И. Даля).

Традиционная пища на Тамбовщине обычно готовилась в русской печи, с использованием всего ее внутреннего пространства: для быстрого приготовления – загнетка в передней части, для длительного тушения – дальняя часть, где тепло сохраняется дольше, копчение – в верхней части и дымоходе. Приготовление пищи всегда входило в обязанности хозяйки дома. В рационе преобладали продукты растительного происхождения. Основу питания составляли блюда из зерновых культур, прежде всего из муки.

кулага – блюдо из ржаной муки. [АржанУя тЕсту станОвють, ана сладЕить. Патом дабавляЮть наквАску, и станОвють ф тЁплью мЕсту. А патом чириз нЕсколько часОф ф пЕчку, и фсЁ Эта далжно патамИца ф пичИ]. /с. Хорошавка, Инжавинский р-н, Ураева А.Н., 1929 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории: 103] (*кулага* – саламата; гуща, заvara; сырое сложеное тесто, иногда с калиною; пареное сложеное тесто; это лакомое постное блюдо (по словарю В.И. Даля).

пышник – пирог с картофельной начинкой. [ПатОм пЫшник паспЕить. явО пычдИм. Он сЫтный]. /с. Устья, Моршанский р-н, Метельникова А.П., 1919 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Хлеб пекли дома из кислого теста, используя только ржаную муку. В неурожайные годы подмешивали сухие толченые травы: лебеду, хвощ и др. Пшеничную муку сельские жители и многие горожане покупали лишь к праздникам – на куличи, калачи, церковные просфоры [Тамбовская энциклопедия 2004: 371].

Пироги были обязательны на всех праздниках. Пирожки с начинкой из овощей, ягод, грибов, творога, мяса или рыбы выпекали на поду русской печи (подоу) или жарили на сковороде в масле (пряженые). Пироги и пирожки могли заменять хлеб на праздничном столе. Блины (блюдо обрядового и праздничного

стола) готовили из кислого теста, используя муку разных сортов, для их выпечки также использовали пшениный кулеш и манную кашу.

пухавки – блины небольшого размера. [*КрУзлыи, нибольшЫи блины – эт ну-хАфки*]. /с. Заречье, Пичаевский р-н, Теляев М.С., 1924 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Из пресного теста жарили *блинцы* (*каравайчики* – в Бондарском р-не). Широко распространено было *тесто*, *кулага* – пропаренное в печи ржаное тесто, иногда с добавлением ягод. В Мучкапском и Инжавинском р-нах добавляли калину, и за блюдом закрепилось название *калинник*. Как лакомство жарили на сковороде в кипящем масле кусочки сдобного теста, которое скатывали шариками (Бондарский, Пичаевский, Инжавинский и др. р-ны) или рулетиком, делали в виде сладких маленьких пышечек-*увачей* (Кирсановский р-н). Обычно их подавали на свадьбах, на Масленицу. Напитки готовили из мучных и хлебных продуктов.

До конца XIX в. варили из ржи домашнее пиво с использованием солода, из пшеницы гнали *водку-самосидку*. В старину любимым напитком был забродивший мед, его заквашивали ржаным хлебом или хмелем, для аромата и вкуса добавляли ягоды, пряности. На ярмарках продавали горячий медовый напиток – *сбитень*, в XVII-XIX вв. вытесненный чаем. Из крупяных блюд в тамбовском крае преобладала пшенная каша. В Пичаевском и Моршанском р-нах варили *кулеш*, *ушник* и *сливную кашу*, которая по густоте походила на суп.

ушник – суп из пшена, приготовленный на бульоне из субпродуктов (легких или кишок). [*ШтОп пыбыстрЕи, прАвили ушнИк. Кишки свОрим. пашына за-сЫтим да картОшычки. А Если Есть, тАк и лЁхкая тудЫ ш*]. /с. Беломестная Двойня, Тамбовский р-н, Скворцова А.А., 1926 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории: 178].

В прошлом во время страды стряпали полевою кашу с лещом. На праздник подавали иногда две каши: гречневую, потом пшеничную, что означало конец застолья. Овощи занимали 2-е место по значимости после злаков, но их набор был беден. Внедрение разнообразных овощных культур (зелень, огурцы, помидоры) началось со 2-й половины XX в. К концу XIX в. основной овощной культурой стал картофель.

бодяга – картофельное блюдо. [*Ис картОшки бадЯгу дЕлали*] /с. Нижняя Нечаевка, Гавриловский р-н, Жутова Полина Андреевна, 1902 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории: 39] (*бодяга* – *водяга*, *вита*, *надожник*, водяное растение (по В.И. Далю) *картофельник* – пирог с картофельной начинкой. [*Ат начИнки картОфильник дОлга ни чирствИить*]. /с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, Ермакова А.В., 1921 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории];

картошечный суп – суп с картофелем, луком. [*Да ис картОшки варИли, и ничяО ни было в нЁм болия. Соль-та и тО ни фсигда клАли. Ну картОшка навАри-стая, а жышка Эта Очинь налЕзна*] /с. Шилово, Бондарский р-н, Галаева А.И., 1912 г.р./ [Материалы картотеки лаборатории].

Картофель отваривали неочищенным в воде («в шинелях»), затем очищали, разминали и получали кисель. Вареный очищенный и растолченный картофель называли *тушенкой* или *мякушкой* (Моршанский р-н), чаще – *тюре*; *мякушка* – мягкий, суслиной пряник; размякший, испорченный древесный плод, гнилой (по словарю В.И. Даля).

Рыба широко использовалась в народной кулинарии. Для долгого хранения ее засаливали или провяливали, более всего запасали леща. Растительное масло служило приправой к постной пище.

[вада ў в'эдуу' була ран'шэ ч'істы' // рыбы баўаць разны' було // ўадоў двацэт' назат иш'э п'падал'ис' быч'к'и // и данскај'ь рыб'ь п'пдал'ьс' / б'ир'уч'к'и / сталб'эч'ик'и // баўаць було парас'ч'к'и / но д'ужь ана травој' пахн'ыт' / шо ј'іэс'т' ныэ мо́жнь // така крас'ивъ рыб'к' / с'ин'б'ь / ўлаза крас'ны'ь / ў поладон'и такај'ь // хлопцы рукам'и и нал'имъ из но́р д'ьставал'и // сл_дна на в'ип'лскъ ўалаўч'ик п'падал'ь // а тап'эр' вада така ўр'іэзна сталь' / шо и рыбы пач'т'и ныэма // быч'коў ныэма / тэл'к'и кр'снаўлас'к' / д'ь_укл'эј'к'ь // ў_камн'ах л'эж'ьн' ј'э // нъ уд'ил'н'ик'и мал'ь кто рыба'чит' //лаз'б'ј'ут' с_пацак'ьм'и // рыбы ныэ то / шо ран'шэ було //] – (Мичуринский р-н, с. Крюковка, Полуказаков А.П., 1940 г.р.).

Мясопродукты были праздничной пищей. Мясо обычно варили или тушили. Отварное мясо подавали мелко нарезанным в щах и похлебках. Чаше всего готовили свинину, баранину, курятину. Говядину употребляли только зажиточные хозяева.

[картошк'и не хватала/ н'и то шта хл'эба // вар'ил'и сл'иву́ху/ эта каша пшоннај'а/ абарку/ св'икол'н'ик // вар'ил'и картошку ф_чуунах/ ана бывалыч'а закапт'ит'с'а фс'а/ ч'ерн'ушшај'а/ накр'ыт' была н'еч'им // эл'и картошку му́туј'у/ пустуј'у/ с_квасам//] – (Мичуринский р-н, с. Круглое, Ремнева А.В., 1933 г.р.).

При забое скота было принято приглашать гостей на печенку. Повседневный стол в XIX в. составляли щи и каша. В пост ели щи из серой капусты (верхних листьев). При подаче на стол кидали в них ложку тертого хрена, иногда подливали конопляного масла, крошили сырую луковицу.

[ўатоўл'у ў п'эч'к'ь усэ // жар'у ў_скваротк'ь / вар'у ў кастр'ул'ь // борш' вару / ј'іэич'к'и / кашу // картох'и на_сал'ь жар'у // а в'іэч'эр'им ч'ај' / м'ялако // ў празнык бл'инк'эў п'іэку // м'ялако у сас'эд'б'ј' п'купај'у / у ј'их кароў'ь ј'э // ух и лоўк'ь м'ялако / ўк'снај'ь // н'вар'у кашу / трошк'и сах'ьрку и з_м'ялаком // у_манэ ўнуч'к'ь так'и л'уб'ь // ўаўор'ит манэ / баб'ь / када кашу зварыш //] – (Мичуринский р-н, с. Терское, Булавина Т.Ф., 1934 г.р.).

В скоромные дни ели щи с салом. Праздничный стол был разнообразнее:

[па_празн'икам п'акл'и ч'ин'онк'и (п'ираўи) са_св'иклој' / с_капустај' // до_сыта не_была // ч'ај' п'ил'и ис_чууна/ пастав'ут' на_стол // завар'ивал' зв'ирабойм/ лажил'и ево ф_к'ип'аток/ он и завар'ивалс'и // сахар коланыј' ел'и/ мэлкава саару н'э_была//] – (Мичуринский р-н, с. Круглое, Ремнева А.В., 1933 г.р.).

На Рождество и Новый год исстари стремились накрыть богатый стол, что, по народным поверьям, должно было обеспечить изобилие на весь год. Хозяйки подавали в эти праздники свиной окорок или жареного гуся. Масленица славилась разгулом и пиршествами. Главное обрядовое блюдо – *блины*, в иных местах еще и *оладьи*. На Пасху пекли пышные сдобные куличи, делали сладкую, жирную сырную пасху, варили и пекли яйца. В обрядовой весенне-летней пище широко использовали яйца – символ плодородия. Обрядовую пищу готовили и на семейные праздники. Навещающая роженицу, ее подруги и родственницы приносили выпечку, а для поддержания сил – вино с соком редьки. После кре-

щения младенца родители угощали родственников и крестных блинами, вином, пивом, родственники приносили пироги, хлеб. Свадьба выделялась обилием выпивки. Обрядовое блюдо – *хлеб*, его подавали на разных этапах торжества как символ благополучия и богатства. Свадебный стол всегда был скоромным и изобиловал мясными блюдами. Ритуальными блюдами похоронно-поминальной обрядности являлись *кутья* (обычно рис с изюмом), *кислые блины*, *белый квас*, в него иногда добавляли вареный горох, *кисель* [Тамбовская энциклопедия 2004: 372].

Важнейшим условием успешной профессиональной деятельности социального педагога, классного руководителя, учителя-предметника является компетентность в сохранении собственного здоровья и обучение этому подрастающего поколения, чему способствует осмысление лексики тематической группы «Питание» в тамбовских говорах

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. / М., 1989-1991.
- Историческое краеведение: история Тамбовского края. Учебное пособие для учащихся 7-9-х классов. Тамбов: ООО «Издательство Юлис». 2007. 304 с.
- Тамбовская кухня: от прошлого к будущему. Методические рекомендации / Авторы-составители: В.Е. Андреев, В.А. Бабушкин и др. под общ. ред. Е.С. Симбирских. Мичуринск: «БиС», 2014. 64с.
- Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Администрация Тамбовской обл., Тамбов: ООО «Издательство Юлис». 2004. 704 с.

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Т.В. Махрачева, С.В. Буцких
(г. Тамбов, Россия)

На региональном материале предложено этнолингвистическое описание этапов обработки волокнистых растений, а также инструментов, используемых в процессе обработки волокнистых растений.

Ключевые слова: этнолингвистика, Тамбовская область, прядение и ткачество, волокнистые растения

Обработка волокнистых растений у русских на территории Тамбовской области (и шире – у русских на территории России) началась значительно позже большинства таких производственных процессов как обработка и выделывание шкур, древесной коры.

На территории области крестьяне повсеместно занимались обработкой конопли, которую сеяли преимущественно рядом с домом. В памяти диалектоносителей не сохранилось специального названия участка, засеянного коноплей, но о том, что такое наименование некогда существовало у русских, позволяют су-

дить этнографические данные, приведенные Д.К. Зелениным в известной работе «Восточнославянская этнография». «Участок земли, отведенный под коноплю, – сообщает Д.К. Зеленин, – имеет особые названия: *коноплянник* (южрус.)» [Зеленин 1991: 178-179]. Специальное название получают и стебли растения, которые дифференцируются по роду. За мужскими стеблями закрепляются названия: *посконь*, а за женскими преимущественно – *моченец*, *конопи*. Созревшую коноплю женщины собирали руками, выдергивая ее с корнем из земли. Затем стебли вязали в пучки и просушивали на плотках, сделанных из жердей. Обмолачивали коноплю цепами в ригах.

Стебли конопли вымачивали в стоячей воде в течение 2-6 недель. На территории области ее мочили преимущественно в реках, однако известны случаи вымачивания на болотах. Затем коноплю очищали от кострики – *трясли*, пользуясь мялкой:

«Бывало, мама и бабушка, бывало, прядуть, а мы на печке сидим. Вот. Прядуть, прядуть коноплю. Сами. Потом эту коноплю отпрядуть, потом яё эта... как вас сказать-то, сначала яё убяруть, потом мочуть в речке, в снопы, яё в речке мочуть. Эт как яё, уж забыла, называется. Мочили там яё. Прям вот рядами, вот так, этими. [*А как называется?*] Мочень. Нет, нет. Моченица – это когда сомнут, побольше. Потом яё сушут, потом яё мнут, мялки такая были. Вот эту коноплю, яё мяли. Мялка вот такая, вот, например, была. Вот такая вот штуковина, она, и тут у няё приделаны ещё вот такая палка. И вот эт берёшь, вот она, и тут у няё приделаны ещё вот такая палка. И вот эт берёшь, вот так палка прибита. И вот коноплю эту берёшь если в руки, вот берёшь там горсть, горсть конопли; она же длинная, и вот этой мялкой мнёшь яё. Вот этой рукой держишь, а этой вот так яё. Трясёшь. Но вы не поймёте, не представите. А потом трясут яё. От кострики, чтоб чистая была. [*А что такое кострика?*] Ну это с ней, остаётся одна мягкая, а ета с ней отлетает. Да. И пряли потом. Материал этот бабушки наши пряли» (Грачева Клавдия Тимофеевна, 1930 г.р., д. Казинские Выселки, Мичуринский р-н, запись А.А. Чемерчевой, 2004 г.).

Мялка представляла собой длинное, примерно 2 метра в длину, бревно, в паз которого помещали стебли растения и деревянным ножом били, чтобы раздробить кострику. Действие получило название *трепать коноплю*. Чтобы окончательно очистить коноплю от сора, использовали ступу и толкач, которым били (*мяли, толкли*) раздробленные стебли. Ступа представляла собой трапециевидное бревно с выдолбленной серединой:

«Коноплю на городах сеяли, раньше ткали ткань. И вот нас мама заставляла, какая посконь..., а осенью собирали эту, что с зерном. Пока дёргаешь – руки, она такая твёрдая и толстая, дёргаешь, прямо руки огнём горели, и кружилась голова. Вот, наверно, оттого сейчас и не стали коноплю сеять, это наркотик. Дёргаем, дёргаем, голова закружилась, ой, всё, пьяная делается. Замачивали в речке, коноплю эту, замачивали, а потом её разбивали, сушили. А потом такая мялка была, мялкой этой мяли, вытряхнуть эту всю, к костру эту, а после этого в ступе, ступа, она была такая глубокая, она так в сторону разлатая такая, мелкая, и толкач, толкли, вытрясали, а потом пряли» (Логинова Зинаида Степановна, 1927 г.р., д. Трофимовка, Кирсановский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачёвой, 2001 г.).

После очистки мятой конопли, получившееся волокно попадало на прялку. На территории области повсеместно получили распространение простые прялки, которые изготавливались в каждой семье. Ее верхняя часть состояла из гребня, а нижняя – из плоской доски, получившей название *донце*. На зубья гребня надевали волокно, из которого пряжа вытягивала тонкую нить и наматывала ее на веретено. Затем пряжу перематывали на *мотовило*.

Прядение и ткачество на территории области считалось преимущественно женским видом домашней хозяйственной деятельности, к которой девочек приучали уже с раннего возраста. Обучению придавалось большое значение, особенно на начальном этапе: «С десяти лет девочек прясть учили, а ткали женщины. Если девочка долго не могла прясть научиться, то её на посиделки не пускали и неудачой называли, и замуж её не очень-то брали» (Коропева Лидия Степановна, 1932 г.р., с. Гурово, Пичаевский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачевой, 1995 г.).

Ориентированность на мастерство, искусность в этом деле причудливым образом закрепились в сферах, которые напрямую не связаны с ремеслом. Например, при делении куска мяса примечали: кому какая часть достанется: «Когда щи разольют, то мясо делят. Если тебе достался мосольчик, то приговаривают, что: «Ты будешь посольщик. Куды пошлют – туды и пойдёшь». А если жилочка...потоньше отделяешь от мяса, то «ты прясть тонко будешь и красиво» (Мотыцына Любовь Семёновна, с. Пахотный Угол, Бондарский р-н, Тамбовская обл., 1910 г.р., запись Т.В. Махрачевой, 1994г.).

С прядением и ткачеством оказываются связаны мифологические, демонологические, космогонические представления, отраженные в поверьях, обрядах, запретах (подробнее на общеславянском материале см. [Валенцова 2012: 278-279; Валенцова 2009:321-328]). Повсеместно известен запрет на прядение и ткачество по пятницам, чтобы овцы не кружились: «[Вопрос: *Был ли специальный день, с которого начинали прясть?*]. «Нет, в любой день... вот в пятницу шерсть не пряли, конопи пряли, сеяли... как её назвать-то... семя коноплянное. Вот. Вот из них получалась конопля, и её обрабатывали, вот это пряли по пятницам, вроде какой день, и среду, и пятницу, он и щас теперь, вроде они...они постные дни, и не стирают, нет. Нет, и не пряли шерсть. Почему, потому что овцы кружиться будут. Вот так вот. Вот Бог знает. Правда или неправда – не хочу говорить, но было так» (Топлёвина Мария Никитична, 1930 г.р., с. Оголиновка, Инжавинский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачевой, 2002 г.). Разветвленная система запретов на разные виды прядильных и ткацких работ имеет календарную приуроченность [Махрачева 2008: 12-15, 51-52].

Вплоть до 30-х годов XX века на территории Тамбовского края в жизни крестьян значительное место отводилось такому ремеслу, как прядение и ткачество.

Литература

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. К.Д. Цивинной / примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович и К.В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.

Валенцова М.М. Прядение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I-V., Т. IV. П (Переправа через реку) – С(Сито) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009.

Валенцова М.М. Ткачество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I-V., Т. V. С (Сказка) – Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012.

Махрачева Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект): монография. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008.

О ТРАНСФОРМАЦИИ ОНИМОВ В ДИСКУРСЕ: ОНИМИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ

Н.В. Васильева
(г. Москва, Россия)

В статье рассмотрены онимические фантомы, которые появляются только в дискурсе в результате особой трансформации имени собственного.

Ключевые слова: русская ономастика, онимический фантом, функции имён-фантомов

В статье будут рассмотрены особые «фантомные» типы употребления имен собственных (ИС) в дискурсе, когда имя начинает выполнять совсем не те функции, которые в норме ожидаются от него как языкового и лингвокультурного знака, а именно: функции идентификации объекта проприальной номинации и его индивидуализации. Среди «привычных» функций ИС можно также назвать характеристику, на которой базируется детально разработанная в настоящее время в рамках лингвокультурологии концепция прецедентных имен в разных типах текста/дискурса, ср. [Нахимова 2007; Завьялова 2015] и много других работ.

Как следует из этой теории, необходимым условием приобретения именем статуса прецедентного является общеизвестность ИС, которая и дает возможность его сигнификации и затем – путем переноса семантических признаков и/или слотов фрейма – возможность дальнейшего употребления уже в виде имени-характеристики. Имена-фантомы, о которых далее пойдет речь, в отличие от имен-характеристик, не подвергаются в дискурсе сигнификации. Они предстают в виде пустых словесных оболочек, за которыми не скрывается ни денотат (как у «нормальных» ИС), ни набор семантических признаков (как у нарицательных существительных или имен, подвергшихся деонимизации). Однако, несмотря на свою «фантомность», имена эти успешно выполняют в дискурсе ряд функций, которые мы далее перечислим.

1. Функция коммуникативно-модального триггера.

Лингвистов давно занимает оним *Пушкин* в расхожих выражениях типа *А кто платит будет, Пушкин?* или *А кто уроки делать будет, Пушкин, что ли?* Это происходит потому, что для ИС *Пушкин* – в данном контексте – прецедентность в традиционном понимании сродни прокрустову ложу, так что интерпретировать это имя как прецедентное приходится только с помощью экстенсии типологии прецедентных имен, ср. [Радбиль 2016: 53].

Попробуем разобраться, какую функцию выполняет это имя, являющееся, на наш взгляд, типичным онимическим фантомом. Если рассмотреть обычный вопрос, без «довеска» *Пушкин*, например, *А кто мусор выносить будет?* (вопрос, уместный при распределении поручений), то это запрос об актанте: вопрос задается, чтобы выбрать кого-то из участников ситуации. При добавлении слова

Пушкин – вследствие невозможности выбора данного актанта – в вопросе появляется модальность долженствования: надо мусор выносить, надо платить, надо уроки делать (остальные оттенки подскажет ситуация). Таким образом, онимический фантом *Пушкин* формирует коммуникативно-прагматический сдвиг от простого запроса об актанте к жесткой модальности долженствования.

2. Следующая функция онимических фантомов – фатическая. Широко понимаемая фатическая функция может, как известно, реализоваться в трех сферах:

- поддержание контакта;
- выражение корпоративности/причастности к некоторой референтной группе;
- праздноречевая деятельность (Н.Д. Арутюнова), т.е. безадресное либо самоадресованное локутивное самовыражение.

Нас будет интересовать вторая и третья из названных сфер фатики. Ярким примером языкового маркера корпоративности является молодежный сленг. В отличие от герметизма и криптолаллии воровского арго, для сленга основной является функция пароля («я – свой»), выражающаяся в надевании коллективной маски, демонстрирующей отношение к миру. Неоднократно отмечалась игровая функция сленга, его «людическая направленность» [Береговская 1996: 40]. В сленге есть слова, которые сами по себе арготизмами не являются, но несут в себе «мощный арготический потенциал» [Елистратов 1994: 650]. Таким словом является онимический фантом *Буденный*. Он появляется в связанном выражении *Здравствуй, лошадь, я Буденный*, смысл которого – просто приветствие, но приветствие среди своих, т.е. по сути пароль.

Примеры имитации праздноречевой деятельности можно обнаружить в современной поэзии, ср. фрагмент из стихотворения Бориса Кочейшвили «Боровицкая – Владыкино»: *сел на Боровицкой / и кроме / боров госпожи Вицкой / ничего не пришло в голову / приближается Чеховская / а там переход / на Пушкинскую / и Чехов не чех / и Пушкин не палил / из пушки.*

Лирический герой этого стихотворения, отталкиваясь от реальных названий станций метро, воспроизводит фатические речевые акты с онимами-фантомами с целью получения удовольствия от локутивного самовыражения.

Онимические фантомы могут возникать в дискурсе в результате эктериоризации таких ментальных операций, которые предполагают перечисление возможностей. Например, расшифровка незнакомых адресату аббревиатур. Этим приемом пользуется Милан Кундера в романе «Подлинность», героиня которого по имени Шанталь на протяжении довольно продолжительного отрезка повествования пытается разгадать аббревиатуру *С.Д.Б.*, которой подписаны приходящие к ней любовные письма. Кундера демонстрирует весь алгоритм поиска имени, превращая аббревиатуру в онимические фантомы, находящиеся уже на грани материализации:

С. Д. Б., повторяла она с улыбкой: Сириль–Дидье Бургиба. Серж–Давид Барберусса. <...> «Дю Барро» – это было в самый раз. Во всяком случае, ее обожателя звали не Сириль–Дидье и не Серж–Давид, поскольку «Д» оказалось частицей «дю». Имя у него могло быть только одно. Сириль дю Барро. Или Серж. Она тут же вообразила себе разорившуюся аристократическую семью из провинции. Семейство, смехотворно гордящееся своей частицей «дю». Представила себе этого Сержа дю Барро у стойки, выставяющего напоказ свое безразличие,

и тут же подумала, что эта частица ему идет, вполне соответствует его облику пресыщенного аристократа. (Перевод с фр. Ю. Стефанова).

Введение в ткань повествования онимических фантомов представляет собой специфический прием, имитирующий реализацию фатической функции.

Онимические фантомы можно, очевидно, считать особой трансформацией собственного имени. Онимические фантомы появляются только в дискурсе. Их основная функция – фатическая. Они отличаются от другого типа трансформированных онимов – квазионимов (ср. *тебе не Душанбе?* = не жарко; *бутылка готовчук*), которые лишь маскируются под онимы, являясь по сути апеллятивами [Васильева 2000: 13-15]. От имен-характеризаций, у которых уже сформировался или находится в стадии формирования сигнификативный компонент, онимические фантомы отличаются отсутствием такого компонента. Указание на «фантомные» функции известных имен должно найти отражение в словарях прецедентных имен: без этого картина будет неполной.

Литература

Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.

Васильева Н.В. Онимический мир жаргона. М.: Институт языкознания РАН, 2000. 20 с.

Елистратов В.С. Арго и культура // Елистратов В.С. Словарь молодежного арго (материалы 1980-1994 гг.). М.: Русские словари, 1994. С. 592-699.

Завьялова Г.А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2014. 185 с.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Ур-ГПУ, 2007. 207 с.

Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49-54.

ЭРГОНИМИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Т.А. Сироткина
(г. Сургут, Россия)

На материале эргонимии г.Перми доказывается, что эффективным способом номинации предприятий продолжают оставаться отантропонимический и оттопонимический; выявляются удачные и неудачные названия, отражая тем самым прагматический потенциал языковых единиц, что облегчает восприятие тех или иных ономастикем.

Ключевые слова: лингвоэкология, номинация, эволюция эргонимикона города Перми

Как известно, лингвистическая экология предполагает выявление сильных и слабых сторон в общественно-речевой практике и формулирование соответ-

вующих рекомендаций в адрес субъектов языковой политики. Следует согласиться с тем, что лингвоэкология позволяет выявить факторы успешной коммуникации, установить их эффективность, как для развития творческой личности, так и для интеракции [Поликарпов 2013: 262].

Эргонимия (совокупность названий предприятий и организаций) является, безусловно, одним из самых подвижных и развивающихся разрядов ономастической лексики. Эргонимы, по наблюдениям исследователей, с одной стороны являются «результатом деятельности индивидуального языкового сознания», с другой – «ориентированы на массовое прочтение и предполагают активизацию культурных смыслов, актуальных для значительного числа адресатов наименований» [Жадоло 2012: 627]. По словам В.Я. Черняк, городские «надписи, вывески и другие минитексты дают богатый материал для размышлений об особенностях современной языковой ситуации, о языковом вкусе и языковой моде» [Черняк 2014: 169].

Особенно интересно, в частности, и в плане лингвоэкологии, исследование эргонимии отдельно взятого города, поскольку «город как материализованно-вещественный объект, как территория, текст, социокультурное пространство и как образ представляет собой феномен духовной жизни человека, концентрирующий в себе ценности, идеалы различных социумов на всех этапах материальной и социокультурной деятельности. Выражение этих ценностей и идеалов носит семиотический характер и отражено в его языке» [Яковлева 2012: 246]. В данном случае категория пространства отражает региональную картину мира, те представления, которые сложились у жителей определенного города.

Проблемы эволюции эргонимикона города Перми были рассмотрены нами в одной из предыдущих работ [Сироткина 2013]. В настоящей статье на материале названий медицинских учреждений города Сургута, представленных в справочной системе «2ГИС» (данные на январь 2015 года) проанализируем ведущие принципы их номинации и попытаемся оценить, какие из них являются наиболее эффективными. Необходимо отметить, что особенностью взятого для анализа источника материала обусловлено то, что в анализируемую группу попали не только собственно медицинские учреждения (аптеки, диагностические центры и т.д.), но и учреждения, лишь опосредованно связанные с лечением (магазины косметики, парфюмерии).

Одним из принципов номинации любого разряда эронимов, как известно, является ономастический – названия учреждений образуются в этом случае от других собственных имен. Не являются исключением и медицинские эргонимы. Они могут быть образованы от антропонимов, топонимов, этнонимов.

Концептуальную область «Человек» образуют антропонимные названия. Чаще всего используются в целях номинации личные женские имена: аптеки *Настенька*, *Настена*, салоны косметических услуг *Арина*, *Аэлита*, *Галина*, *Гульнара*, *Диана*, *Элен*, *Юлия*. В единичном случае используется фамилия владельца бизнеса (*Студия Ольги Каленской*). Нередки в составе эргонимикона прецедентные имена (аптека *Авиценна*, салоны косметических услуг *Афина*, *Ева*, *Клеопатра*, диагностический центр *Гиппократ*), выбор которых определяется спецификой данного вида эргонимов.

Концептуальную область «Место» составляют названия, образованные от топонимов. Чаще при этом используются макротопонимы – Россия, Урал, Си-

бирь (аптеки *Регион Сибирь*, *Сибирское здоровье*, магазин медицинских расходных материалов *Гекса-Урал*, магазин косметики *Звенящие кедры России*). В некоторых случаях функционирует микротопоним Югра (*Югра-косметик*). Реже используются гидронимы (*Каспий*, *Живая косметика Мертвого моря*). Примыкают к эргонимам данной группы отэтнонимные образования (*Японская косметика и бытовая химия*, аптека *Русский стиль*).

Спецификой объектов номинации обусловлено использование отфитонимического принципа номинации (не встречающегося в других разрядах эргонимии, например, в названиях сургутских ювелирных магазинов). Он лежит в основе таких названий, как *Ромашка*, *Сакура*, *Алоэ-вера*, *Магнолия*, *Вереск*.

Еще одним способом номинации является опора на ключевые слова. В данной группе эргонимов таким словом являются лексема *здоровье*, образующая одноименную концептуальную область (*Здоровое поколение* *Здравушка*, *Мелодия здоровья*, *Мир здоровья*, *Сибирское здоровье*, *Здрава*, *Заветное здоровье*, *Галерея красоты и здоровья*; к этой же группе можно отнести название *Неболей-ка*).

Кроме того, необходимо отметить существование опорных слов для каждой из подгрупп рассматриваемых именовании. Так, роль опорного слова в названиях аптек выполняет иноязычный компонент *фарм*, использующийся в целой группе имен: *ФармЛайн*, *Фармадом*, *Фармаком*, *Фармакопейка*, *ФармаЛайф-Югра*, *Фарматон*, *Фарма*, *Фармика*, *ФармМагнитПлюс*. В названиях медицинских центров несколько раз встречается компонент *доктор*: *Наш доктор*, *Доктор+*, *Альфа-доктор* и др. Компонент *мед* представлен практически во всех разрядах медицинских эргонимов: магазины медицинского оборудования *Медснаб*, *Медсервис*, магазин медицинских расходных материалов *Медком*, медицинская лаборатория *МироМед*, медицинский центр *ПрофЭнергомед*, диагностический центр *vitaМед*.

Ряд эргонимов образует концептуальную область «Товар», т.е. в названии оказывается заложена информация об основных видах представляемой фирмой продукции (оказываемых услугах). Данному принципу отвечают, например, названия аптек *Аспирин плюс*, *Витаминка*, названия магазинов *Бутик бижутерии и косметики*, *Магазин косметики*, *Магазин нижнего белья и парфюмерии*, *Мыльная лавка*, медицинских центров *Центр восстановительной криотерапии*, *Поликлиника профилактических мед.осмотров*.

Еще одна группа медицинских эргонимов – имена, символизирующие успешный результат лечения. В данную группу входит название медицинского центра *Долголетие*, косметических салонов *Новый стиль*, *Красатуля*, *Кокетка*, *Королева стиля*, *В Шоколаде*.

Отдельно можно назвать эргонимы, имеющие символическое значение «хороший», «лучший», «первый», «высокого качества». Это такие имена, как *Викор-Люкс*, *Премьер*, *Престиж*, *Прима*, *Лучший выбор*, *Шик и блеск*, *Элитная парфюмерия*, *Premium*, *Статус*, *Бомондъ*, *Подיום*, *Элит*.

В некоторых случаях смысловую нагрузку несет оформление эргонимов. Так, например, не случайна дифференциация прописных и строчных букв в названии косметологического салона *КОСМЕТОЛОГиЯ*.

Что касается структуры рассматриваемых эргонимов, преобладают однословные и двусловные именовании, построенные по модели «прилагательное + существительное» или «существительное + существительное». Однако встреча-

ются и названия, состоящие из большего количества компонентов (*Кабинет красоты на проспекте Мира*).

Значителен процент (особенно среди названий косметологических фирм – 42 из 121) эргонимов, оформленных латиницей. Это не только названия, имеющие в составе иноязычную лексику (*GoldenStyle*), но и имена, представляющие собой русские слова, написанные нерусскими буквами (*Krasa*).

Таким образом, эргонимия является тем разрядом лексики языка, которая отражает систему ценностей современного горожанина. Рассматривая эргонимию в аспекте лингвоэкологии, необходимо отметить, что большая часть вопросов связана с иноязычными онимами. Подобные названия не всегда понятны носителям языка и вполне могли бы быть заменены русскими. Эффективным способом номинации предприятий продолжают оставаться отантропонимический и оттопонимический, отражающие ономастический фрагмент русской языковой картины мира. Удачными можно считать также те названия, отражающие специфику предприятия, поскольку демонстрируют прагматический потенциал языковых единиц и облегчают восприятие тех или иных ономалексем.

Литература

Кадола Т.А. Полилог культур в наименованиях городских торговых объектов (на материале эмпоронимов города Абакана) // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Мат-лы V Междунар. конф-и. Варшава, 2012. С. 625-630.

Поликарпов А.М. Экологические аспекты интегративного переводоведения // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Калуга, 2013. С. 258-265.

Сироткина Т.А. Проблемы эволюции городского эргонимикона (на материале эргонимии г. Перми) // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Мат-лы III Междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. С. 178-182.

Черняк В.Д. Пространство современного города как текст // Русская речевая культура и текст: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Томск, 2014. С. 169-174.

Яковлева Е.А., Емельянова А.М. Город как текст: эргонимы Уфы в динамике развития // Ономастика Поволжья: мат-лы XIII междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 246-250.

НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТВЕРИ В МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ

М.В. Ахметова
(г. Москва, Россия)

В статье рассматривается функционирование катойконимов в тверской печати и устанавливаются факторы, обусловившие их функционирование.

Ключевые слова: тверские СМИ, название жителей, город Тверь

Тверь – один из немногих населенных пунктов постсоветского русскоязычного пространства, где и в местной печати, и в разговорном языке практически сосуществуют четыре варианта названий жителей (катойконимов): *тверяки*,

тверитяне, тверичи, тверичане (порядок слов соответствует тому, что указан в словарях названий жителей).

Цель настоящей статьи – выявить, как функционируют катойконимы в тверской печати (главным образом в газетах) и какие факторы обусловили такое функционирование.

На протяжении почти 60 лет, когда Тверь носила название Калинин (1931–1990), названия жителей, образованные от ойконима *Тверь*, были вытеснены в разговорную речь, а в печати ограничены историческими контекстами.

По воспоминаниям моих информантов (полевые материалы 2014 г.), в советское время в бытовой речи наряду с *калининцами* использовались названия *тверичи, тверяки* и *тверичане*, по данным Словарей названий жителей – *тверяк* и *тверичанин* (калининские газеты 1960–1970-х гг.). Во второй половине XX в. в Калинин появляются онимы, связанные с названием *Тверь*, в том числе ансамбль танца «Тверичане» и ВИА «Тверичи»; скульптура, парикмахерская и радиопередача «Тверичанка»; незадолго до возвращения городу имени в телеэфир вышла телепередача «Тверь и тверяки».

В конце 1980-х гг. открывается движение за возвращение городу исторического названия. Однако в материалах, опубликованных в контексте дискуссии о возвращении названия Тверь, вопрос о названии жителей не рефлексировался и имел явно подчиненное значение. Примечательно, что и материалы специального выпуска газеты городского Совета народных депутатов (бывшей «Калининской правды») под названием «Тверь», который вышел 29 июля 1990 г., к празднованию в честь переименования города, отразили удивительное разнообразие в выборе самоназвания: *тверичане, тверичи, тверитяне* и субстантивированное прилагательное *тверские*.

Через месяц с небольшим после подписания указа Президиума Верховного Совета СССР о переименовании города Калинина в город Тверь в первом номере газеты «Тверские ведомости» вышла статья зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета, профессора Р.Д. Кузнецовой, в которой обосновывалась наибольшая, с точки зрения автора, релевантность названия *тверитяне*: оно появилось в XVII в., «когда формировались общерусские национальные нормы языка» и соответствует «характерной для всей Тверской области модели образования [катойконимов]». О названии *тверяки* автор высказывался как о «чужом, разговорном, даже просторечном», появившемся якобы уже после переименования Твери, о названии *тверичи* – как об устаревшем, а о названии *тверичане* – лишь как об обусловленном влиянием популярной радиопередачи «Тверичанка» [Кузнецова 1990].

В начале 1990-х гг. норма устанавливалась в тверских газетах по-разному. Так, в областной «Калининской правде» (с июля 1990 г. – «Тверская жизнь») поначалу использовались разные названия. 1 августа 1990 г. в газете открылась «сменная страница» «Тверь и тверичане», посвященная актуальным проблемам города; 11 апреля 1991 г. она была переименована в «Тверь и тверитяне» однако на протяжении 1990–1992 гг. все четыре варианта в газете употреблялись фактически равномерно, хотя можно говорить об определенных колебаниях (так, в августе 1990 г. чаще употреблялось название *тверяки*, в сентябре – *тверитяне* и т.д.). В «Тверских ведомостях» с самого начала использовался исключительно

вариант *тверитяне*, в новой независимой газете «Вече Твери» – преимущественно *тверичи*, хотя изредка попадали и другие варианты.

Если говорить о времени с конца 1990-х гг., материалы базы данных «Интегрум» дают основание говорить о следующих предпочтениях в газетах.

1. *Тверитянин/тверитянка*: «Тверская жизнь» (1999-2014), «Тверские ведомости» (2004-2014), «Афанасий-биржа» (1997-2012), «Край справедливости» (2012-2014), «Караван + Я» (2003-2014). В сетевых изданиях с этими номинациями конкурирует *тверичанин/тверичанка* («Городской портал» в 2013-2014 гг., «Смена +» в 2010-2014 гг., «Тверские чрезвычайные новости» в 2013-2014 гг.).

2. *Тверичанин/тверичанка*: «Аргументы и факты – Тверь» (2008-2014), «МК в Твери» (2000-2014), «Комсомольская правда – Тверь» (2007-2012), «Труд-7 – Тверь» (2010-2013).

3. *Тверич/тверичанка*: «Вече Твери» (1999-2012), «Позиция» (1999-2004); в газете «Горожанин» (2006-2010) с ним конкурировал вариант *тверитяне/тверитянка*.

4. В газете «Караван + Я» в 1999-2002 гг. отмечено использование практически всех вариантов в м.р., при этом доля *тверяков* составляла 17,6%. Похожие показатели давала «Тверская газета» (2004-2012).

Таким образом, название *тверитянин/тверитянка* утвердилось практически в половине местных газет (отмечу, что оно же предпочитается в наиболее авторитетной историко-краеведческой литературе), а название *тверяк/тверячка* за последние два десятилетия стал фактически маргинальным.

Показательно, что редакционная политика газет, касающаяся выбора того или иного варианта, касалась и представителей власти. О правке в соответствии с предпочтениями конкретных СМИ свидетельствует и то, что идентичный текст, опубликованный в разных газетах (например, отчетная речь главы городской администрации), мог различаться лишь обращением к жителям.

Возможно, именно поливариантность в печати обусловила то, что в газетных материалах вопрос об именовании жителей чаще затрагивался в виде не столько утверждения о правильности того или иного названия, сколько недоуменного вопроса либо простой констатации этой поливариантности. Материалы, непосредственно посвященные именованию, были единичны. Например, в 2001 г. «Вече Твери» (где в качестве основного были приняты названия *тверичи* (*тверич*, *тверичанка*) провела опрос, кем больше себя чувствуют горожане, *тверичами* или *калининцами* («Вече Твери», 19.07.2001). Сама постановка вопроса подразумевала скорее исторические и идеологические, чем лингвистические акценты, и именно об этом в первую очередь говорили опрошенные, назвавшие себя *тверичами* и *тверичанками*, хотя неясно, чем был обусловлен выбор этих вариантов: заданным вопросом, отбором редакции или правкой. В 2006 г. в газете «Горожанин» был размещен опрос, предваренный преамбулой: «С возвращением нашему городу исконного названия Тверь возник вопрос, на который до сих пор нет однозначного ответа: как нас теперь называть?» Опрошенные называли варианты *тверич*, *тверичанин* и *тверичанка*, но также не исключено, что редакция отбирала варианты, релевантные для газеты.

Однозначные утверждения «правильности» одного из вариантов звучали в печати гораздо реже. Примечательно, что это были голоса «в защиту» двух популярных вариантов «нормативного» и «разговорного».

С одной стороны, несколько раз публиковались четкие заявления о том, что жители города должны именоваться *тверитянами*. Авторы статей [Ильин 1998; Заровный 2011] апеллировали к благозвучию этого варианта, а также к авторитету употреблявших его классиков литературы и не в последнюю очередь – к авторитету науки, т.е. к статье Р.Д. Кузнецовой 1990 г.

С другой стороны, название *тверяки*, которое в большинстве полемических материалов 1990-2010-х гг., как правило, либо вовсе игнорировалось, либо третирувалось как малограмотное, определенно нуждалось в «защите» – будь то прямое утверждение о его «правильности» или метаязыковой комментарий со ссылкой на авторитет. Так, в репортаже о праздновании столетия со дня рождения Б.Н. Полевого пассаж о том, что вспомнить писателя пришли «сотни тверяков», сопровождался репликой: «Слово «тверяки» здесь написано не ошибочно: именно так называли себя наши горожане испокон веков, и именно на этом настаивал Борис Николаевич...» («Тверская жизнь», 18.03.2008). О предпочтении этого варианта ни разу не было заявлено от лица сотрудников газет; оно звучало скорее в качестве личного мнения, в частности пишущего лица – будь то классик русской советской литературы Борис Полевой (к авторитету которого апеллировал автор процитированной выше заметки), ныне живущий и широко известный в Твери и за ее пределами поэт А.Д. Дементьев, подчеркнувший в речи на своем юбилее: «Я – тверяк, мне это слово больше нравится, чем тверичанин» («Вечер Твери», 22.07.2008), или малоизвестный местный поэт Б.И. Зверев, в своем юмористическом стихотворении заявлявший о «корявости» названий *тверичи*, *тверичане* и *тверитяне* и ссылавшийся на традиционный узус: «Я не могу взять в толк никак, / Зачем в словах такая скачка. / Ведь раньше был мужик – тверяк, / А женщина была тверячка» [Зверев 2006].

Таким образом, язык тверской печати стал пространством уникального эксперимента – фактической реставрации катойконима, маргинального как для узуса, так и для прецедентных онимов, но свойственного при этом (наряду с другими!) литературе XIX в. Успешность этого предприятия стала возможной благодаря длительной временной лагуне – периоду деактуализации любых дериватов от названия *Тверь*. Кроме того, эти усилия усугубили тенденцию к маргинализации названия *тверяки*, вероятно наметившуюся уже в XX в.

В то же время можно говорить об определенном сопротивлении узуса, о чем свидетельствует и то, что часть тверских СМИ использует иные варианты, и то, что само «правильное» название оказывается требующим «защиты» не в меньшей степени, чем его «разговорный, даже просторечный [Кузнецова 1990] синоним *тверяки*.

Литература

Заровный Я.И. Тверитянин – это звучит гордо. В защиту научных гипотез и здравого смысла // Тверская газета. 2011. 18 марта.

Зверев Б. Как нас теперь называть // Горожанин. 2006. 16 нояб.

Ильин М. Мы – тверитяне! // Афанасий-биржа. 1998, май (1-7), № 18.

Кузнецова Р. Мы – тверитяне // Тверские ведомости. 1990. 27 авг.

ЭТНОНИМЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

М.Р. Багомедов
(г. Махачкала, Россия)

Статья посвящена рассмотрению имён собственных, обозначающих людей по месту жительства или национальной принадлежности; устанавливается, что не только диалектное членение того или иного языка, но и постоянно действующие процессы словообразования способствуют появлению «этнической» лексики; доказывается, что этнонимы и имена происхождения, образованные от этнических и географических наименований, являются именами собственными.

Ключевые слова: ономастическая лексика, этнонимы, топонимическая система, даргинский язык

Наряду с множеством ономастических проблем с точки зрения общей и частной ономастики сегодня актуальным остается вопрос о границах «ономастического пространства». В частности, в специальной литературе обсуждается вопрос внесения (или невнесения) в ономастическую лексику этнонимов, номенов (номенклатурные наименования, термины родства, названия растений...) и названий жителей тех или иных областей [Бондалетов 1983: 8]. Одни исследователи относят этнонимы к ономастике, другие – включают в их в разряд апеллятивной лексики. По функциональным особенностям этнонимы сближаются с названиями животных, растений, минералов, химических элементов... и уподобляются апеллятивам. Этнонимы (вместе с многими другими именами) занимают промежуточное место между системными апеллятивами и истинными онимами [там же: 29]. Рассматривая промежуточные и бесспорно ономастические слои лексики, А. Белецкий приходит к выводу о нестабильности границ между ними [Белецкий 1972: 18].

А.В. Суперанская оспаривает мнение ономастологов и рассматривает категории лексики, которые не входят в ономастическое пространство (этнонимы, имена происхождения по месту жительства и др.). Ученый признает, что названные классы лексики сопровождаются коннотацией (например, этнонимы вызывают культурно-исторические, территориальные, этнографические и иные ассоциации). Столь же очевидна их связь с антропонимами и топонимами (обнаруживающаяся не только в общей основе, но и в чередовании в ономастических полях). А.В. Суперанская считает, что по лингвистическим параметрам этнонимы являются именами нарицательными [Суперанская 1973: 295], поскольку обозначают неиндивидуальные объекты. Того же мнения придерживается Н.В. Подольская: «Этноним – имя нарицательное для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.)... Термин по своей структуре соответствует онимам других классов, однако он не обозначает имена собственные, хотя существует и противоположное мнение; этнонимы тесно связаны с антропонимами, топонимами и генонимами, поэтому их изучением занимается ономастика» [Подольская 1988: 152]. Однако по традиции они считаются именами собственными [Попов 1973: 7].

С нашей точки зрения, этнонимы и имена происхождения, образованные от этнических и географических наименований, являются именами собственными, поскольку: а) наделены усиленной денотативной функцией – одновременно ука-

зывают на два денотата (этнос или человек и географическая среда); б) этнические и географические термины полисемичны (исторически или реально); в) наличие топонима как основы имен происхождения обуславливает как ономастическое образование, так и размежевание имени нарицательного и собственного. Тут уместно привести этноним *Карахъан* «аварец», которым обозначают представителя одного из народов Дагестана. По этому поводу З.Г. Абдуллаев дает следующее разъяснение: «Топоним *Карахъан* «аварец» образован, очевидно, из ойконима *Карахъ* «Карах» – название родины известного богослова и летописца Мухаммеда Тахира ал-Карахи» [Абдуллаев 1993, Ч. 2: 199]. Таким образом, этнонимы и имена происхождения, несмотря на специфику (не являются индивидуальными именами), должны быть рассмотрены в ономастическом пространстве. Вместе с тем, изучение имен данного класса сопряжено со многими трудностями собственно языкового и экстралингвистического порядка.

Многообразие имен собственных, обозначающих людей по месту жительства или национальной принадлежности, объясняется не только диалектным членением того или иного языка, но и постоянно действующим процессом словообразования. Имена собственные несут отпечаток исторических эпох, смена которых отражалась на восприятии этноса и индивида [Абаев 1959: 83].

Зафиксированные нами топонимические единицы даргинского языка этого класса можно подразделить на две группы:

1) отражающие национальную принадлежность. Например: *ГяраблахГубри* «Арабское кладбище» (с. Калакорейш), *ЖугьутКъатти* «Еврейское ущелье» (Кайтагский район), *ЖугьутЛунала хЯбри* «Еврейское кладбище» (с. Чумли), *ЖугьутКавшибкъатти* «Ущелье, где убили еврея» (с. Меусиша), *ЖагьутИшури* «Еврейский валун» (с. Цураи), *ЭрмунтлахIарби* «Армянское кладбище» (с. Дибгалик), *Эрмунтела хЯбри* «Армянское кладбище» (с. Уркарах) и др. Также отмечены названия народов Дагестана. Например: *Гяндишяри* «Андийский пруд» (с. Усиша), *Булугуналагьуни* «Лакская дорога» (с. Мургук), *БулеччурурсилацIелтта* «Стела лакской девушки» (с. Танты) и др.

б) отражающие принадлежность к определенному населённому пункту Дагестана: *ГарбукIхьурабиргьван* «Место привала арбукцев (кубачинцев)», *Ширелакхари* «Кладбище ширинцев», *Цибллукадиркъа* «Равнина зильбачинца» (с. Меусиша), *Тилишарччилахъяб* «Трисанчинский перевал» (Дахадаевский район), *Цилбучилакъатти* «Зилбачинское ущелье» (с. Кудугу), *Хурранкавиш бахI* «Вершина, где был убит гуллинец, т.е. житель с. Гулли», *Чишала гIиници* «Кишинский родник», *Уссилагьуни* «Усишинская (Меусишинская – М.Б.) дорога», *ГарбучIила вацIа* «Кубачинский лес» (с. Уркарах), *ХьярбукилакъаттабилвацIа* «Лес в ущелье харбукцев» (с. Киша), *Урцеки гIиниз* «Урцекинский родник», *ГяитIа хъарахъ* «Кутан аштынца» (с. Губден), *МухIан кавшиб мер* «Место, где убили мугинца», *Муграшинкъан* «Мельница мугринца», *Бурдекила хIеркI* «Река бурдекинцев», *ХIалреладубура* «Гора гуллинцев», *МахIаргилакъада* «Ущелье махаргинцев», *СиргъантлабяхI* «Склон сирагинцев» (с. Мургук), *Уркарахъиаркъянгьуни* «В Уркарах идущая дорога» (с. Цизгари), *АхьушаннацIелтта* «Стела акушинца (акушинец вместе с телегой упал в пропасть и разбился)», *БулхъраннацIелтта* «Стела балхарца (во время совершения намаза, возвращавшийся с базара балхарец, поскользнулся, упал на камни и разбился)», *УргIараннацIелтта* «Стела ураринца (на этом месте житель с. Урари попал в автокатастрофу и погиб)» (с. Танты и др.).

З.Г. Абдуллаев отмечает, что в этнонимах, образованных от ойконимов морфема -у играет роль детерминативного суффикса со значением признака собирательного множества, ср.: *хлур-у-хъ* «хюркилинцы», *цлудхъ-у-р* «цудахарцы», *урхъ-у-хъ* (даргинский литературный язык *урк-у-хъ* – М.Б.) «уркарахцы», *хлям-у-р* «гамринцы», *муг-у-р* «мугринцы», *бахъуи-у-ни* «акушинцы», *лавашак-у-нт* «левашинцы» и т.д. [Абдуллаев 1993, Ч. 2: 111].

С другой стороны, по так называемой «этнической» лексике не всегда можно делать точные выводы об этногенезе, потому что порой и частный факт, случайное явление порождает окказиальное название. Таковым является, например, микротопоним *ГярабляхI* «Склон Араба» (кутан колхоза «Кудагу»). Казалось бы, это название связано с арабом (человеком арабской национальности). С этого склона вместе с комбайном скатился человек по имени *Гяраб* «Араб». Оттуда и пошло это название. В с. Кудагу отмечены и другие микротопонимы, связанные с данным антропонимом *Гяраблашурагы* «Пруд Араба», *Гяраблэкъарсакъ* «Карсак Араба». Тут уместно отметить, что данное мужское личное имя является заимствованным из арабского языка. В с. Меусиша зафиксирован микротопоним *АбгъанРасвашилкъан* «Мельница Абган Расула», т.е. Мельница Афганца Расула» (в своё время Расул работал в Афганистане, в результате чего получил прозвище *Абгъан* – Афганец).

Литература

- Абаев В.И.* Этнические названия на -ец в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959. С. 83-90.
- Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык. II. Морфология. М., 1993. 473 с.
- Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972. 211 с.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. Москва, 1983. 224 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. 364 с.

ПОЛЬСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В РУССКИХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЛЕТ

Виктор Шетэля (Szetela)
(г. Москва-Варшава, Россия-Польша)

В статье рассматриваются польские фамилии, образованные от общеславянских корней, и иноземные фамилии, адаптированные в польском антропонимиконе, которые могут восприниматься на страницах российских газет как отечественные антропонимы, между тем устанавливается, что подобного рода фамилии могут вызвать и недоверие в силу их очевидной принадлежности к иноязычной среде.

Ключевые слова: польская антропонимика, российские газеты

В свое время журналист газеты «Голос» так высказывался об иноязычных антропонимах в русской речи: «Действительно, для русского уха, особенно для

уха народного, нехорошо звучит иностранное имя: часто совершенно незаслуженно относительно лица, носящего такое имя. Вспомним, например, предубеждение, которое внушал народу и армии честный и благородный Барклай потому только, что имя его было не русское» [Голос, № 275, 5 октября 1867, с. 1]. Для «русского уха нехорошо звучит иностранное имя».

Интересно, какую оценку можно дать польским, по сути близкородственным к русскому языку, антропонимам, носителями которых также являются видные польские личности.

Обращаясь к теме *польской антропонимики*, необходимо определить содержание, а иногда и условность употребления этого термина применительно к фамилиям польского происхождения, которые мы находим, например, в газетных материалах.

Здесь могут быть исконно польские фамилии, а также антропонимы романогерманского происхождения, усвоенные польским языком.

Во-первых, некоторые польские фамилии, образованные от общеславянских корней, могут восприниматься с некоторой натяжкой как отечественные. Так можно сказать о фамилиях **Замойский** (Zamojski), **Лангевича** (Langiewicz), **Понятовский** (Poniatowski), возможно, – **Домбровский** (Dąbrowski), **Мачуговский** (Maczugowski) и др. См. примеры употребления этих фамилий в следующих фрагментах газетного текста:

– «Ординат Замойски назначен Президентом оного [«временного военного центрального правления»]» [Санкт-Петербургские ведомости за 1809 г., № 58, С. 758: далее: СПб. вед.],

– «Ордината Замойского (ordynat то же, что по нашему майорат), князей Сангушко, Сапеги и других больших панов» [Московские ведомости за 1863 г., № 165: далее: Моск. вед.],

– «Замойский отправился в село Клеменсево (Люблинской губернии, Замосцъенского уезда) и там устроил два образцовые фольварки» [Исторический вестник 1880, Т. III: 100];

– «некоторые сведения о состоянии армии Лангевича, непосредственно пред постигшим ее поражением» [Моск. вед. 1863: 68, 2].

Но здесь на восприятие этой последней, упомянутой фамилии мог повлиять так называемый экстралингвистический фактор. Фамилия называющая, известного предводителя мятежного (польского) войска, тем самым отрицательно сказалась на его носителе. Возможно, что данный фактор мог сыграть плохую шутку и со следующими именами:

«Главная квартира Князя Понятовского находится в Трзеснии неподалеку от Сендомира...» [СПб. вед. 1809: 58, 758];

«Декан Домбровский» [СПб. вед. 1807: 48, 600];

«Генерал Домбровский доносит 11 го числа из Лубохнии, что форпосты, по ту сторону Пилицы стоявшие, выгнали Австрийцев из Иновлодца» [СПб. вед. 1809: 58, 759];

«Униатский Дзекан Мачуговский» [СПб. вед. 1807: 38, 465].

Одновременно с подобными оттенками употреблялись антропонимы в положительно-оценочных контекстах:

«Его Императорское Величество объявляет Высочайшее Свое благоволение всеми войсками *Польской* армии: ... дивизионным генералам: Сераковскому, Хлопицкому...; Бригадным генералам: графу Потоцкому (Станиславу)...» [СПб. вед. 1815: 96, 1003].

Данный факт интересен тем, что два названных здесь дивизионных генерала впоследствии встали во главу польского национально-освободительного движения. Зыгмунт Сераковский был даже публично казнен через повешение.

Можно допустить, что присоединение польских территорий в начале XIX века к Российской империи поспособствовало также введению в список фамилий империи некоторые фамилии, вследствие чего многие из которых со временем стали восприниматься уже как русские.

Таким наглядным примером может послужить фамилия князя Адама **Чарторьского** (Czartoryski), который был личным другом Александра I, занимал высокий пост в Санкт-Петербургской администрации. В русских текстах эта фамилия имеет различные варианты написания. Ср.:

«14 июля 1804 кн. Чарторыйский представил «Предначертаание устройства училищ в округе Импер. Виленского округа». Доклад указал картину беспорядков, происх. в результате отсутствия определенной системы: училища, содержимые разными духовными обществами (иезуитами, пиарами, доминиканцами, базилианами), училища, устроенные бывшей Эдукационной Комиссией, русские народные училища, находившиеся во введении Комиссии об учреждении народных училищ, не имели единства ни в устройстве, ни в управлении, ни в учебных планах» [Рождественский 1902: 83];

– «Чарторьжского» [СПб. вед. 1809: 75, 961];

– «жонд за то, что назначил своим агентом Чарторыйского, как представителя шляхты» [Моск. вед. 1863: 190];

– «Назначение Чарторыйского очевидно пуф, ибо и без того известно, что он член парижского центрального комитета» [Моск. вед. 1863: 167].

Тогда, может быть, не столь важным был мятежный характер их носителей, т.к. российских бунтовщиков с исконными фамилиями было также достаточно много.

Отметим случай, когда фамилия не склонялась, что определенно добавочно указывало на её иноязычное происхождение, например:

– «Генерал Розницки взял уже, как говорят, города Виелицку и Бохнию, где находятся славные соляные заводы» [СПб. вед. 1809: 71, 912];

– «Генерал Мандет за нарушение Краковской капитуляции вызван был Польским Генералом Розницки на поединок, но он не принял сего вызова» [СПб. вед. 1809: 71, 912].

Под этим углом можно рассматривать следующие употребления польских фамилий. Например, не вызывает сомнения принадлежность таких фамилий, как Бржежанский, Бржостовский к польским фамилиям, о чем свидетельствуют следующие тексты:

– «предводитель главного корпуса инсургентов, Бржежанский, предложил положить оружие при Шроде» [Моск. вед. 1848: 57, 467];

– «каштеляниц Полоцкий Александр Бржостовский» [СПб. вед. 1808: 57, 852];

– «войт Пржеменецкий» [СПб. вед. 1808: 82, 1204];

– «Шляхтичи Гаисинского повета: Семен Ястржемский ружье, саблю и 4 руб.» [СПб. вед. 1807: 52, 647];

– «полковник Гжендзинский» [Правда 1939: 91, 5].

Представленные фамилии являются фамилиями реальных, часто исторических личностей.

Если обратиться к произведениям русских классиков, например, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, то обнаруживается целый ряд придуманных фамилий положительных или отрицательных персонажей. Так, прозвище **Корнишон** (от польск. *korniszon* от франц. *cornichon*) – «мелкий огурчик, замаринованный в уксусе» [Ушаков 1935: I: 1471]: «Юстин **Помада** ходил на лекции, давал уроки и был снова тем же детски-наивным и беспечным «Корнишоном», каким его всегда знали товарищи, дававшие ему эту кличку» [Лесков 1889, IV: 60].

Во-вторых, иноземные фамилии, адаптированные в польском антропонимиконе, могут восприниматься на страницах российских газет как отечественные, но могут вызвать и недоверие в силу их очевидной принадлежности к иноязычной среде.

Литература

Газета «Московские ведомости» (М., 1848-1865 гг.).

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» (СПб., 1801-1815 гг.).

Журнал «Исторический вестник» (1880, Т. III, С.100).

Лесков Н.С. Некуда // Лесков Н.С. Собр.соч. СПб., 1889, Т. IV.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802-1902. СПб., 1902.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935, Т. I.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМА «КОНДУРЧА»

Н.В. Беленов
(г. Самара, Россия)

Статья посвящена анализу этимологии гидронима «Кондурча», имеющим в топонимической литературе различные точки зрения о его происхождении; учитывая исторические данные и археологическую реконструкцию истории региона, автор предлагает свою точку зрения, доказывая, что гидроним «Кондурча» относится к числу угро-мадьярских гидронимов в Самарском Поволжье.

Ключевые слова: гидроним Кондурча, этимология, фонетическое заимствование

Река Кондурча протекает по территории Самарской области и Татарстана, является правым притоком реки Сок. В письменных источниках гидроним известен с начала X века в форме «Кюнджюлю» (реконструкция А.П. Ковалевского), из записок секретаря багдадского посольства к болгарскому эльтеберу Альмушу Ахмеда ибн Фадлана [Ковалевский 1956: 96]. По-видимому, это болгарская форма гидронима, сообщённая ибн Фадлану проводниками, местное же население,

судя по дошедшей до настоящего времени форме, именовало реку иначе. Этническая принадлежность кочевого и полукочевого населения того времени, располагавшегося к югу от течения Большого Черемшана, достоверно не определена. Однако, судя по совокупности косвенных данных, это было угорское население. Ахмед ибн Фадлан говорит о местных жителях, как о разбойниках и убийцах, называя их «башкирами». В то же время, известно, что «башкирами» в эпоху средневековья часто именовали угро-мадьярское население [Беленов 2012: 50]. Кроме того, пребывание в бассейнах рек Самары и Сока угорского населения в IX-X веках фиксируется и археологически, как, впрочем, и на всей территории бывшей Волжской Булгарии [Казаков 2007: 33]. Наконец, доминиканский монах Юлиан, посетивший Среднее Поволжье в канун монгольского нашествия, встретил на левых притоках Волги угро-мадьярское население, язык которого практически не отличался от венгерского языка того времени [Аннинский 1940: 12]. Впрочем, у отечественных и венгерских исследователей традиционно популярна версия о том, что встреча Юлиана с венграми произошла не в Самарском Поволжье, а в Приуралье, на реке Белой. Возможно, такой интерпретации во многом способствовала распространённая ранее гипотеза, восходящая ещё к эпохе средневековья, о тождестве древних венгров и башкир, в настоящее время практически не имеющая поддержки у специалистов, по крайней мере, в своём классическом варианте [Бикбулатов 2002: 49].

В этой связи, заслуживает особого внимания вопрос об угро-мадьярской топонимии на территории Башкортостана, в особенности в бассейне реки Белой. Как представляется, она на данной территории, хоть и в незначительном количестве, но наличествует. Взять хотя бы особенно интересные для нас в свете анализируемого гидронима топонимы с основой «кондор/кондур»: *Кундурмарт* (с венгерскими параллелями) [Камалов 1997: 117]; *Кундряк* (башк. Кундерек); *Кандры-куль*.

При этом венгерский исследователь Г. Дьёни, со ссылкой на И. Вашари, сообщает, что последний, рассматривая проблему венгерских заимствований в башкирском, в связи с работой С.Ф. Миржановой по данной тематике, пишет буквально следующее: «Существуют только два случая («лапак» – «низкий», по-венгерски «lapos» и «шеп» – «красивый», по-венгерски «szer»), когда о венгерском заимствовании мог бы возникнуть научный вопрос [Дьёни 2008: 32].

Со своей стороны хотели бы отметить, что оба приведённых слова имеют и в венгерском, и в башкирском общий источник заимствования, а именно – булгарский язык. Сравните в чувашском языке: «шеп» – «красивый, изящный, замечательный, великолепный»; «лапа/лапă/лапам» – «низменный, низинный».

Таким образом, можно резюмировать, что достоверных следов заимствований из венгерского языка в башкирских диалектах до сих пор не обнаружено, что является веским доказательством того факта, что ко времени прихода кыпчакскоязычных предков башкир на территорию современного Башкортостана угро-мадьярское население там уже не было. При этом наличие угро-мадьярского топонимического пласта на территориях, позднее заселённых башкирами, свидетельствует о том, что на более ранних исторических этапах угро-мадьярское население там присутствовало.

Перейдём к анализу гидронима «Кондурча». В топонимической литературе по данному вопросу широко распространено мнение о тюркской принадлежно-

сти данного гидронима. Наиболее известная этимология такова: от чувашского «хӑнтӑр» со значением «бобр». Действительно, в Среднем Поволжье весьма распространены гидронимы с подобным значением, как на огурских, так и на огузских языках, однако форма их несколько иная. Для огузо-кыпчакских характерны гидронимы типа «Кондузла», для огурских – «Хантарла» [Никонов 1967: 266].

Обращает на себя внимание, прежде всего, финаль «ча» вместо «ла». Если «ла» здесь была бы закономерна. Учитывая форму тюркских прилагательных, то финаль «ча», исходя из чувашского языкового материала, могла появиться лишь в результате включения в гидроним элемента «çĕ/ çă/ чен», который отражает принадлежность к какому-либо виду деятельности, профессии. Так, если работа «ёç», то «ёç» – «работник»; «вӑрман» – «лес», «вӑрманçă» – «лесник» и т.д. В соответствии с этим, значение названия «Кондурча» с чувашского должно быть не «Бобровая/Бобровка», а «Бобровник/Река бобровников/охотников на бобра?», что семантически неубедительно.

Кроме того, для чувашской гидронимии в целом такие формы нетипичны. Если же предполагать исходной всё же форму «Хантарла», то очевидно, что гидроним «Кондурча» разительно отличается от формы «Хантарла», поэтому сторонникам гипотезы о единой праформе происхождения данных названий необходимо серьёзно аргументировать свою точку зрения убедительными примерами соответствующих фонетических изменений. По нашему же мнению, в этом нет необходимости, так как принадлежность гидронима угорская, а не тюркская [Беленов 2016а: 133].

Наиболее удачная реконструкция гидронима Кондурча, на наш взгляд, принадлежит Л. Рашоньи, который возводит его к древнемагьярскому «kondor» со значением «бобр» и «kondoros» – «богатый бобрами» [Rashonji 1964: 49]. Небезынтересно указать, что форма «Кондурча» для названия реки является достаточно новой, установившейся не ранее середины XVIII века. Так, Х.А. Чеботарёв в «Географическом методическом описании Российской империи» 1776 года отмечал, что эту реку называют также «Кундура», что ближе к варианту Л. Рашоньи. По-видимому, форма «Кондурча» закрепились при переносе на реку названия прилегающей местности, хотя для последнего первичным был гидроним.

Таким образом, считаем, что гидроним «Кондурча» относится к числу угро-магьярских гидронимов в Самарском Поволжье, что хорошо согласуется с исторической и археологической реконструкциями истории региона [Беленов 2016b: 88].

Упомянутая у ибн Фадлана форма «Кюнджюлю», по нашему мнению, является болгарской, возможно, бытовавшей параллельно с угро-магьярской версией. Её этимология, по-видимому, в корне отличается от угорской, хотя и не исключено фонетическое заимствование, и нуждается в отдельном исследовании.

Литература

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.-Л., 1940.

Беленов Н.В. Проблема MAGNA HUNGARIA и угорская гидронимия Среднего Поволжья // Общественные науки. 2016. № 2. С. 132-136.

Беленов Н.В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте. Самара, 2016.

Беленов Н.В. Угро-мадьярская эпоха в истории степей Восточной Европы // European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches. Stuttgart, 2012. С. 49-51.

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

Дьёни Г. Венгерские элементы в топонимии Башкирии // Вопросы ономастики. 2008. № 5.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Камалов А.А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Никонов В.А. Нерешённые вопросы ономастики Поволжья // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1967. С. 265-274.

Rashonji L. Baskurt ve Macar yurtlarindaki ortak cografi adlar uzerine. Ankara, 1964.

НАЗВАНИЯ КВАРТАЛОВ СЕЛА В СИРХИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

П.К. Курбанова
(г. Махачкала, Россия)

В статье рассматриваются названия кварталов села в сирхинском диалекте даргинского языка – микропонимам селения Гуладты Дахадаевского района Республики Дагестан; выявляются одно-, двух- и трёхсловные микропонимы.

Ключевые слова: даргинская топонимия, названия кварталов, селение Гуладты, Республика Дагестан

Исследованию сирхинского диалекта даргинского языка посвящен ряд трудов дагестанских учёных, в числе которых выделяются исследования А.А. Кадибагамаева, З.А. Кадибагамаевой, П.М. Габибуллаевой, Н.М. Гусеновой, С.С. Ибрагимовой и др. Обзор литературы свидетельствует, что до сих пор не было специального лингвистического исследования, посвященного комплексному изучению топонимического материала сирхинского диалекта даргинского языка. Сведения, имеющиеся в трудах отдельных исследователей, носят фрагментарный характер [Курбанова 2015: 52-54].

Селение Гуладты расположено между рекой *Хула хлеркI* («Большая река») и горным хребтом *Лес* («Скала»). Его территория граничит с землями ряда даргинских населённых пунктов: Урари, Урхниша, Бакни, Мирзидти Дахадаевского района и Бутри, Цугни Акушинского района.

Названия кварталов, занимая промежуточное положение между ойконимирами (названиями аулов) и микропонимимирами, представляют большой интерес для изучения даргинской топонимии [Абдуллаев 1980: 84].

В даргинской топонимии словами-индикаторами в названиях кварталов служат термины со значением «квартал»: *ши*, *махьи*, *кент*, *къатI* [Багомедов 2013: 267]. В качестве примеров можно привести следующие топонимические единицы:

Хъариши (Хъарша) «Верхнее село», *Убяхлиши* «Нижнее село» (с. Киша), *Къиркъирмаши* «Голодное поселение» (с. Кудагу), *ШурмарккватI* «Каменистый квартал», *ПинциккватI* «Квартал родника», *ГилаккватI* «Задний квартал» (с. Меусиша), *ХъаршелаккватI* «Квартал верхнего села», *ХъаршелаккватI* «Квартал нижнего села» (с. Дейбук), *Буцра (Буцрамахъи)* «Буцра» (Хутор Буцра) (с. Аймаумахи), *Хъариши* «Нижнее село», *Хъариши* «Верхнее село», *Дайиши* «Центр села», *Гила кват* «Задний квартал», *Самари* Самари (этимология затемнена), *ЦиркIвакент* ЦиркIвакент (новый квартал, построенный в местности *ЦиркIвала шурми* «Валуны цирква») (с. Ираки) и др. Исследователи отмечают, что топонимический термин *кватI* имеет соответствие в лакском и аварском языках [Абдуллаев 1980: 86].

В рассматриваемой топонимической системе зафиксированы следующие названия кварталов села: *Хъарица* «Верхний квартал», *Хъарица* «Нижний квартал», *ЦухIми катта* «Овраг цухми», *Мизгитлиса* «Перед мечетью», *Ккумаса* «Перед годеканом», *Къякъя* «Пчелиные соты» (густонаселенный квартал), *Азбарлагъела* «За двором», *Пажжи* «Пажи», *Ттингитна* «По имени основателя квартала», *Цела* «Цела» (квартал вокруг горки), *Къяцала бур* «Порог коз», *Барце* «Барце», *Къвилци катта* «Овраг Килци», *Цархъне* «Царкне», *Мизлахъулла ганцIа* «Склон маленькой пашни», *Къумайла ГIялилла умх* «Двор Кумаева Али», *Адамлаумх* «Двор Адама», *Бадавлаумх* «Двор Бадава», *Къуллаллаккватта* «Ущелье источника», *Хурбаллахъхъун* «Дорога кладбища», *Байрахълисала* «Возле знамени», *Чирагъкабилицан* «Место, где ставят светильник», *Алхъви* «Алхи».

Как видно из примеров, отмечаются одно-, двух- и трёхсловные микротопонимы. Среди однословных единиц выделяются однокомпонентные и двухкомпонентные названия. Однокомпонентные названия: *Алхъви* «Алхи», *Барце* «Барце», *Къякъя* «Пчелиные соты», *Пажжи* «Пажи», *Ттингитна* «По имени основателя квартала», *Цархъне* «Царкне», *Цела* «Цела» (квартал вокруг горки). Как правило, этимология однокомпонентных микротопонимов затемнена. Двухкомпонентные названия: *Байрахъ+лисала* «Возле знамени», *Ккума+са* «Перед годеканом», *Мизгит+лиса* «Перед мечетью», *Хъар+ица* «Верхний квартал», *Хъар+ица* «Нижний квартал».

Двусловные названия кварталов села наиболее частотны, среди них выделяются: *Адамлаумх* «Двор Адама», *Азбарлагъела* «За двором», *Бадавлаумх* «Двор Бадава», *Къяцала бур* «Порог коз», *Къвилци катта* «Овраг Килци», *Къуллаллаккватта* «Ущелье источника», *Хурбаллахъхъун* «Дорога кладбища», *ЦухIми катта* «Овраг цухми», *Чирагъкабилицан* «Место, где ставят светильник».

Как показывают вышеприведённые примеры, определяющее слово стоит в генитиве, а определяемое в абсолютиве, и то и другое – в единственном числе. Исследователи даргинской топонимии считают, что среди топонимических единиц сложного типа, прежде всего, выделяются наименования с определяющим в генитиве [Багомедов 2013: 90].

Зафиксированы два трёхкомпонентных названия: *Къумайла ГIялилла умх* «Двор Кумаева Али» и *Мизлахъулла ганцIа* «Склон маленькой пашни».

Литература

Абдуллаев И.Х. Названия кварталов лакских аулов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 84-89.

Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. 347 с.

Курбанова П.К. История исследования топонимов сирхинского диалекта даргинского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2015. Вып. 1 (152). С. 51-55.

НАЗВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

В.М. Касьянова
(г. Москва, Россия)

В статье рассматриваются названия детских изданий, состоящие из иноязычных слов или представляющие собой двуязычные номинации, что способствует разрушению графического облика русского слова, его морфемной структуры, морфологической отнесенности.

Ключевые слова: лингвоэкология, номинация, наименование, детские периодические издания

Наименования печатных изданий выполняют помимо собственно номинативной функции и другие, прежде всего побудительную, прямо или косвенно призывая потребителей купить данный журнал или газету и указывая на их преимущества по сравнению с другими, и воздействующую, формируя приоритеты и определяя жизненные ценности и идеалы. Наиболее ярко это заметно в названиях детской прессы, то есть журналов и газет, ориентированных на детей и подростков.

Давно известно, что именно язык формирует национальное самосознание. Русский поэт П.А. Вяземский считал, что «родной язык нам должен быть главной основой и общей нашей образованности и образования каждого из нас». И справедливость этих слов не вызывает никаких сомнений, потому что знание родного языка является фундаментом национальной идентичности человека.

Соотношение родного и иностранного языка в учебном процессе волновало и гениального русского писателя Ф.М. Достоевского, который был убежден в том, что «лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде». Между тем многие родители начинают учить своих детей иностранному языку уже с трех-четырёх лет, так как уверены, что его знание – ключ к успешной карьере. Возможно, такое представление о первостепенности иностранного языка и обусловило столь характерную для последнего десятилетия тенденцию к появлению на рынке российской прессы детских периодических изданий, имеющих иноязычные названия.

В настоящее время в России существует порядка 600 детских периодических изданий, большая часть из которых журналы. При этом среди самых популярных, то есть имеющих большой тираж и значительное количество отзывов в Интернете, около 10% составляют издания, понимание названия которых предполагает хотя бы элементарное представление об английском языке.

С этой точки зрения можно выделить следующие группы наименований.

Во-первых, издания, сохраняющие оригинальное английское название (*Angel's friends; Angry Birds; Cool girl; Hello Kitty; Peppa Pig; Bravo. Posters; Cool girl; Elle Girl; Equestria girls; Ever; Filly; Game. Exe; LEGO Elves; LEGO Star Wars; Lego. Ninjago; My little pony; Play-Doh; Speak out; Star wars; Teens; The CAT Collection; The DOG Collection; Winx; Yes!*). Часть приведенных наименований непосредственно связана с распространенными играми, поэтому легко понимается (*Angry Birds; LEGO Star Wars; Lego. Ninjago*), но некоторые требуют обращения к словарям (так, название журнала *Elle Girl* связано с журналом *Elle* – в переводе с французского «она»); в наименовании *Filly* скрывается отсылка к сказочному королевству, в котором живут лошадки *Filly*; журнал *Equestria girls* погружает читателей в мир сказочной страны Эквестрия, а *LEGO Elves* (ср. *an elf*, pl. *elves*) предполагает знакомство с жизнью сказочных эльфов.

Во-вторых, издания, представляющие собой двуязычные номинации различного типа. Это могут быть наименования, включающие в нетранслитерированном виде имя персонажа (*Лошадки Filly; Модница Kitty; Marvel Мстители; Yoo Hoo и друзья*); сюда же можно отнести и названия-дубликаты типа: *Коллекция Хот Вилз. Коллекция Hot Wheels; Играем с Barbie Играем с Барби*), в которых имена героев приводятся параллельно на языке оригинала и в транслитерации.

К этой же группе относятся и расчлененные наименования, в состав которых входит иноязычное слово, указывающее на основной признак, основную черту героя (*Talking Том и его друзья*).

Имеются и названия, включающие иноязычную аббревиатуру. Например, серия комиксов в жанре фэнтези *W.I.T.C.H. Ведьма; W.I.T.C.H. Твой стиль; W.I.T.C.H. Чародейки* (название W.I.T.C.H. – аббревиатура от английских имён девочек: Will, Irma, Taranee, Cornelia и HayLin).

Достаточно популярны журналы с двойными наименованиями: оригинальным (чаще английским) названием и его русским переводом (*Я принцесса / I am Princess; Lego Nexo Knights / ЛЕГО Нексо Рыцари; Peppa Pig / Свинка Пенна; В мире животных / World of Animals; Вместе / Together; Музыкант-классик / Musician-classic; Студия Антре / Studio Entree*); при этом в русском варианте названия возможны лексемы, отсутствующие в оригинале; к примеру, журнал *Monster High* («старший монстр») имеет русский вариант названия *Школа Монстров*; журнал *Pixie – Малышки Пикси* (*Pixie* – небольшие создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей).

Во многих наименованиях русская часть выступает как своего рода приложение к иноязычному наименованию, уточняя содержание издания, его жанровую отнесенность, тематику, форму представления материала и т.д. (*Animal Planet Детский клуб; Bratz Модница* (*Bratz* – это серия кукол); *Furby. Твои новые друзья* (*Furby* – интерактивная говорящая игрушка); *LEGO Самodelки; Lego Chima. Легенды Чимы; National Geographic. Юный путешественник; Scooby-*

Doo! Великие тайны мира (Scooby-Doo – мультперсонаж); Yes! Звезды; Компьютер-мouse; Ранетки. Dream Team. Весьма популярна серия журналов с общим названием *Winx: Winx Весёлые игры; Winx Волшебный клуб; WINX Клуб крутых девчонок; Winx club «Мои любимые куклы»; WINX Школа волшебниц; WINX. Друзья навсегда; WINX. Клуб фанаток; Winx. Твой стиль* и др., в том числе с транслитерированными единицами (*Винкс. Волшебная Комната; Винкс. Ты искренняя или притворищица? Тесты и головоломки*) (само слово *Winx* имеет разные толкования: «фантастическая победа» или от слова *Wings* «крылья» с заменой конечного *gs* на *x*).

Наименования, в которые входит иноязычное имя и цифровое обозначение, имеющее определенное значение, единичны. Например, журнал *Ben 10* продолжает сюжетную линию фильма о приключениях десятилетнего мальчика Бена, при помощи найденного прибора превращающегося в одного из 10 супергероев.

На рынке российской детской прессы популярны также издания, включающие иноязычное имя реального или вымышленного персонажа и русский подзаголовок, отражающий содержание данного журнала и его цели (*Moxie Mini. Новогодняя сказка (Moxie Mini – маленькие куколки); Тачки Disney Pixar; Энциклопедия Disney*); при этом в рекламных целях может быть использована языковая игра, в частности окказионализмы (*Disney. Узнавайка*).

Ряд наименований представляет собой транслитерацию английского слова без перевода: *Хот Вилз; Эль Герл* (ср. *ELLE girl*), иногда параллельно с оригинальным названием: *Братц Bratz*. Интересно, что наименование *Кукумбер* (англ. *cucumber* «огурец») (так зовут главного героя одноименного стихотворения Пола Уэста) представляет собой сознательное использование иноязычной лексики русскими авторами.

Потенциального читателя должны, по замыслу создателей журналов, привлечь и названия, в которых графически выделенный иноязычный корень комбинируется с русским аффиксом (*ГЕОлёнок; ТОП-модельКА*).

Включение в русское наименование отдельных латинских букв (*Великий Дракон* – латинская буква *D*) встречается очень редко, так же как и транслитерация латинскими буквами русского слова (*RPO детей* – транслитерация русского предлога).

Третий тип наименований представляют собой полностью переведенные названия (словосочетания или предложения) с сохранением в транслитерированном виде имени героя (*Багз Банни и его друзья; Открой мир с Волли; Узнай историю с Волли; Приключения Скуби-Ду; Приключения Шрека; С Барби ты можешь всё!; Секреты Сабрины (Сабрина – это потомственная ведьма!); Томас и его друзья; Коллекция Хот Вилз (Hot-Wheels – «горячие колеса», «машинки»); Фифи и цветочные малыши (Фифи – так зовут незабудку, которая живет в Саду цветочных малышей); Человек Паук: Супер-Враги в Супер-Сражениях; Черепашки Ниндзя*).

Наконец, следует отметить, что многие названия журналов представляют собой номинативные конструкции, представляющие собой транслитерированные имена героев (*Бэйби Борн; Микки Маус; Покемон; Робокар Поли (трансформер, справедливый полицейский); Симпсоны; Сисси принцесса; Смурфики; Том и Джерри*) или топонимы (*Улица Сезам*).

Рассмотренные печатные издания достаточно востребованы на рынке, и не последнюю роль в этом играет именно наличие в названии иностранного слова или его элемента, которые имплицитно подчеркивают «международность» журнала, его широкую популярность на мировом рынке СМИ, что позволяет русскоязычным читателям почувствовать себя частью мировой культуры.

К сожалению, иноязычные лексемы, образующие подобные названия, размывают литературное пространство русского языка, нивелируют различия между русским и нерусским, «вымывают» из русского языкового сознания веками закрепленные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо» (*Играй и учись с Человеком-Пауком!* – вот кто становится примером для подражания).

Кроме того, названия детских изданий, состоящие из иноязычных слов или представляющие собой собственно иноязычное вкрапление, обычно печатаются более крупным и ярким шрифтом и занимают наиболее выигрышное положение на странице, способствуя разрушению графического облика русского слова, его морфемной структуры, морфологической отнесенности, что ведет к ошибкам в речи детей, в частности к нарушениям в склонении имен собственных, неумению видеть склоняемые и несклоняемые существительные.

Наконец, нельзя не отметить и то, что обилие подобных названий не лучшим образом сказывается на формировании духовно-нравственных основ современного ребенка, который растет в преклонении перед иностранным, видит в героях, носящих чуждые имена и совершающих не всегда, мягко говоря, достойные поступки, пример для подражания, и тратит свое свободное время на чтение журналов, цель которых часто сводится всего лишь к тому, чтобы научить своих читателей «сориться и мириться, устраивать вечеринки и даже петь последние хиты» (как говорится в аннотации к журналу *Hello Kitty*).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

С.К. Сатиева
(г. Майкоп, Россия)

Вопрос о наличии лексического значения у собственного имени окончательно не решен; в статье предпринята попытка рассмотреть диалектическую связь социального и индивидуального в его семантике в языке и в речи и выявить различное наполнение денотативного и сигнификативного содержания в семантике разных тематических разрядов онимов, учитывая при этом когнитивную интерпретацию.

Ключевые слова: ономастика, концептуальность имени собственного

Динамика собственных имен и новые методы их изучения в последнее время становятся все более актуальными и дискуссионными, «переключение фокуса ономастических исследований на специфику вербализации знаний о человеке и пространстве, т.е. вербализацию мысли (курсив наш – С.С.), создает возможности для изучения различных способов формирования и представления ономастического знания» [Щербак 2008: 36].

Когнитивная наука привнесла много нового в лингвистический аппарат, тем самым усилив антропоцентрический подход к его изучению. Концепт как базовая единица когнитивной семантики, в котором принято описывать понятийную сторону языка, дает возможность по-другому взглянуть и на специфику онимов, рассмотрев вопрос о его семантике.

Несмотря на накопленные многими веками знания, до сих пор существуют разные точки зрения на наличие лексического значения у собственного имени.

По словам М.Э. Рут, «несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении имен собственных, мнений остается столько же, сколько спорщиков». Причина, по мнению лингвиста, кроется в неоднозначности представления «семантики онома» и отсутствие методики исследования для каждого типа онома [Рут 2001: 59].

Многоаспектное рассмотрение данного вопроса выделило 3 основные группы ученых, по-разному анализирующих данную проблему.

Самая распространенная трактовка этого вопроса связана с именем философа Дж.Ст. Милля (1865), указывающего на чисто идентифицирующую функцию собственных имен, за содержанием которых отсутствует денотативный признак: они «подобны меловой отметине на доме: имеют цель, но лишены значения» (цит. по [Арутюнова 1977: 190]).

Вторая группа ученых, таких как О. Есперсен, Г. Сёренсен, М. Бреаль, В.И. Болотов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, С.И. Зинин и др., считает, что значения имена собственные получают только в *речевом контексте*. Более того, по мнению О. Есперсена, в различных контекстных ситуациях имена собственные обладают, точнее, «коннотируют» большее количество признаков, чем имена нарицательные [Есперсен 1958].

Третья группа в лице лингвистов (Л.В. Щерба, В.А. Никонов, М.В. Горбаневский, И.В. Крюкова, М.Н. Морозова, А.В. Суперанская, Л. Ступин, А.С. Щербак и др.) признают наличие значения у онима как в языке, так и в речи. При этом ученые оговаривают, что значение имени собственного отличается от значения имен нарицательных. «Лексическое значение имени собственного в языке – это общее понятие о ряде или классе предметов, каждый из которых (из предметов) может быть назван данным именем; в речи же это общее значение имени собственного каждый раз дополняется конкретным содержанием о том или ином отдельном предмете» [Ступин 1969: 224].

По мнению А.В. Суперанской, значение имени собственного отличается от значения имени нарицательного, и для того, чтобы понять сущность онимов, «необходимо установить, к какому предмету они относятся, узнать понятийную соотнесенность этого предмета, а уж потом установить, что данный предмет называется так-то». И далее: «поскольку имя собственное явление более социальное, чем имя нарицательное, одной этой связью его значение не исчерпывается. Помимо чисто лексического компонента, в значение ИС входят компоненты и экстралингвистические, в том числе *эстетический, аффективный, морально-и социально-оценочный*» (курсив наш – С.С.) [Суперанская 2009: 266].

Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку она учитывает оба взгляда на интерпретацию семантики онима: во-первых, диалектическую связь социального и индивидуального в его семантике в языке и в речи, и, во-вторых,

различное наполнение денотативного и сигнификативного содержания в семантике разных тематических разрядов онимов.

Современные работы с опорой на традиционное понимание ономастической лексики теперь в имени собственном усматривают не только наличие семантики, но и понимают его как корпус неязыковых, т.е. фоновых знаний, ассоциаций, представлений исторического, этнографического и культурного плана [Чесноков 2002], как символ, обладающий расширенной ассоциативной сетью потенциальных значений [Карабулатова 2007: 22], как средство сохранения исторической памяти народа и орудие формирования и выражения ономастического знания в человеческом сознании [Щербак 2008: 11]. Эти и подобные определения привели к появлению новой концепции имени собственного и к возникновению термина «ономастический концепт».

Понятие *ономастический концепт*, по мнению А.И. Белоусовой, было введено в научный оборот в 2003 году И.Э. Ратниковой в ее монографической работе «Имя собственное: от культурной семантики к языковой» [Белоусова 2011: 4].

Так, под концептуальностью имени собственного автором понимается «совокупный объем представлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием онимического знака, которые сложились у носителей данного языка» (цит. по [Голомидова 1998: 16]).

Сегодня этот термин активно используется в исследованиях А.С. Щербак, где его интерпретация нам представляется наиболее приемлемой: «Ономастический концепт – это единица ономастического знания, определяющая семантику имен собственных вообще, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак 2008: 15]. Как часть языковой картины мира, ономастический концепт представляет собой универсальную единицу хранения и передачи ономастической информации, куда входят, согласно мнению М.В. Голомидовой, как вербальные, так и невербальные знания (ассоциации, представления, эмоции, чувства, образы и т.п.). Это некое динамичное единство, с одной стороны, характеризующееся чисто лингвистическим содержанием (то есть лексическим значением, заложенным в энциклопедическом знании), с другой, присущими ей в ходе исторического развития национально-культурными особенностями и возможными трансформациями семантики.

А.С. Щербак выделяет два основных типа ономастического знания: антропонимическое и топонимическое, куда входят соответствующие концепты. *Антропонимический концепт* – это единица знания о человеке и его свойствах, определяющая семантику имен собственных; *топонимический концепт* – единица знания о пространственных и их географических характеристиках, определяющая семантику имен собственных [Щербак 2008: 15]. Безусловно, рекламные имена, обязанные антропонимам и другим типам онимов, сами по себе приобретают новые коннотации, являются знаками соответствующих концептов, имеющих мировую известность (например, концепт моды «Шанель» <антропоним *Коко Шанель*).

Ономастические исследования, сопряженные с проблемой концепта, в настоящее время становятся актуальными, поскольку в них наблюдается многообразие теоретических разработок по проблеме соотношения имени собственного и концепта, представляются различные подходы к анализу и построению семантической структуры того или иного типа онима, изображаются возможные транс-

формации концепта в диахронном срезе – а это позволяет не только обнаружить факт отражения в имени собственном понятий духовной культуры определенного этноса, но и создать его интерпретационную модель.

Однако главной проблемой в исследовании того или иного онима является вопрос: может ли это имя собственное быть концептом?

На вопрос «Концепт, или Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет?» остро и лаконично на этот вопрос отвечает в своей работе Л.А. Грузберг. Ученый предлагает следующую «технологию» его определения, первоначально выявив дифференциацию между словом и концептом. [Грузберг 2002: 58-61].

Наиболее существенное отличие между данными категориями лингвист видит в специфике их *внутреннего содержания*. Если внутреннее содержание слова представляет собой *единство семантики и коннотаций*, то внутреннее содержание концепта это, прежде всего, *совокупность смыслов*.

Вторая отличительная особенность, по мнению автора, это наличие *антиномии*. В концепте эта специфика присутствует, в слове – нет.

Третье отличие заключается в *субъектном факторе*, представляющем собой «один из импульсов изменения (движения) концепта», отсюда понятна динамичность концепта, которой нет у слова.

И, наконец, эти понятия фигурируют в *разных контекстах*: слово реализует себя в речи, концепт же формируется в «текстах культуры» (прецедентных текстах, художественных дефинициях и авторских концепциях).

В подтверждение своих позиций лингвист приводит в пример такие концепты, как «слово», «смерть», «игра», но не ограничивается только апеллятивной лексикой. По мнению Л.А. Грузберг, имя собственное тоже может являться концептом. Приведенный в заголовке статьи топоним *Америка*, подвергшись анализу по предложенной ею схеме, предстает как «культурно-ментально-языковое образование» (Ю.С. Степанов), которое в русском языковом сознании, безусловно, представляется концептом, «поскольку, кроме лингвистической информации, заложенной в его денотате, несет в себе важную *общекультурную значимость* для русского народа, символизирует *«процветание, империю зла, богатство, передовые технологии, врага № 1, предел мечтаний русского обывателя, самую справедливую страну мира»* и т.д. (курсив наш – С.С.), а Финляндия – всего лишь название страны и соседа России [Грузберг 2002: 58-61].

Понятно, что не каждый оним может стать концептом. Ведь основными принципами для соотношения имени собственного и концепта должны быть сущность семантики, а также неременная отнесенность к ментальной организации человека. Имя собственное только тогда становится именем концепта, когда оно оказывается *объектом постоянной рефлексии* коллективного *сообщества* носителей языка и обладает национально-культурной значимостью.

Литература

Арутюнова В.М. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 188-207.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 1998. 232 с.

Грузберг Л.А. Концепт, или отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? // Филолог. 2002. № 1. С. 58-61.

Карабулатова И.С. Современные трансформации имени собственного и проблемы толерантного коммуникативного поведения // Язык города: Материалы международной научно-практической конференции (8-9 ноября 2007 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. С. 20-29.

Рут М.Э. Антропонимы: Размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. Вып. 4. С. 59-64.

Ступин Л.П. О лексическом значении имен собственных // Вопросы теории и истории языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 273 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

Чесноков И.И. О месте онима в языковой репрезентации концепта // Ономастика Поволжья / отв. ред. В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2002. С. 22-23.

Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; ООО «Центр-пресс», 2008. 197 с.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОНИМИЧЕСКОМ КОНЦЕПТЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Е.В. Бодрова
(г. Сургут, Россия)

В статье делается попытка рассмотреть литературные антропонимы в когнитивном аспекте; на материале произведения «Дикие животные сказки» Л.С. Петрушевской доказывается когнитивное восприятие читателями имен собственных, использованных в художественных произведениях автором, но в то же время утверждается, что имена собственные отражают мировоззрение автора.

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, культурные традиции, эколингвистика

В последние десятилетия политические и социальные процессы, происходящие в России, привели к экологическому кризису языка: оскудению словарного запаса, пренебрежению этикетом и культурой речи носителей языка, загрязнению языка средств массовой коммуникации. Между тем, язык – это зеркало народного сознания, отражение стиля жизни и мышления народа. Возможно, экологический кризис языка явился одной из причин актуальности и развития когнитивной лингвистики как науки, изучающей язык через народ и народ через язык. Когнитивная лингвистика рассматривает способы репрезентации концептов на всех уровнях языка, в первую очередь на семантическом.

В связи с этим актуальным является изучение языка художественных произведений популярных среди читателей современных авторов с точки зрения когнитивной лингвистики, ведь в языковых единицах этих текстов отражается весь диапазон знаний об этих единицах. Одним из таких писателей является Л.С. Петрушевская, язык произведений которой отличается своей «натуральностью», так

как сюжеты произведений черпаются ей «...из гула городской толпы, уличных разговоров, рассказов в больничных палатах, на скамеечках у парадных» [Русские писатели 1998: 185]. Именно поэтому изучение произведений Л.С. Петрушевой интересно и с точки зрения экологии языка, и с точки зрения когнитивной лингвистики.

Опираясь на работы А.С. Щербак, в которых рассматриваются способы репрезентации ономастических концептов, осмыслиется термин «ономастический концепт» как «...особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности... Он встраивается в концептуальную систему языка, являясь неотъемлемой частью языковой картины мира» [Щербак 2012: 37-38], мы определяем термин «художественный ономастический (антропонимический) концепт».

Художественный антропонимический концепт означает особый тип антропонимического знания, определяющий все многообразие семантического наполнения литературного антропонима в системе художественного пространства произведения. Рассмотрим художественный антропонимический концепт на примере литературных антропонимов из произведения «Дикие животные сказки» Л.С. Петрушевой.

Прямое значение компонентов именования персонажа *собака Гуляш* не раскрывают его глубокое содержание. Так, в толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой даются следующие определения словам *собака* и *гуляш*. Собака – 1. Домашнее животное семейства псовых, 2. *перен.* О злом, грубом человеке, 3. Знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек. *Гуляш* – кушанье из кусочков мяса в соусе [Ожегов 1999: 149, 739]

Мы не находим общих сем, связывающих эти два слова. Однако в народном сознании существует ассоциация, играющая решающую роль в выборе именования собаки *Гуляш*. Дело в том, что в обиходе существует довольно распространенная шутка о том, что в местах общественного питания мясные блюда готовят из кошек и собак.

В имени персонажа сказки, наивной дворняги, грязной, с блохами, отражается апеллятивно-мотивированный способ словообразования от названия мясного блюда *гуляш*. Этот персонаж сосуществует с многочисленным семейством блох, которые ежедневно питаются им. Таким образом, художественный ономастический образ выражается в данном случае во всем многообразии семантического наполнения лексем, служащих для именования собаки, построенном на иронии автора, на языковой игре.

Подруга Гуляша – *гиена Зоя*. Этот персонаж также характеризуется каждым компонентом имени-словосочетания. В толковом словаре *гиена* – «хищное млекопитающее южных стран, питающееся падалью» [Ожегов 1999: 130]. Имя *Зоя* в переводе с греч. означает «жизнь» [Суперанская 2006: 388]. Так, в сознании людей гиены – это животные «низшего уровня», так как они питаются объедками «благородных» животных, неприхотливы, имеют неприятную внешность. Л.С. Петрушевская описывает этих персонажей в неприятных для читателя позах и манерах, одновременно иронизируя и заставляя читателя брезгливо относиться к героям. Например, «...тут гиена Зоя зевнула с подвизгом, видимо, утомлённая родами...», «...отвечала Зоя, всё ещё вылизывая своих пашенков...», «...супруги

поскакали обратно, благо Гуляш в это время добивался взаимности Зои и был, что называется, близок», «... на слова собаки Гуляша никак не реагировала, только всё любовалась своим помётом (т.е. детьми в целом, не подумайте про навоз)...» [Петрушевская 1996] и т.п.

Одновременно с негативно-брезгливым отношением, которое заложено в названии *собаки Гуляша* и апеллятиве *гиена*, возникает мысль о том, что этими эпизодами показана жизнь в самых непосредственных её проявлениях, без всякой цензуры, что, в общем-то, и заложено в этимологии имени *Зоя*.

Итак, когнитивное восприятие имён читателями заключается в следующем: *собака Гуляш* и *гиена Зоя* – семья, которой присущи бедность, необразованность, плебейство, бесцеремонность, низкий социальный уровень и, как говорится, «собачьи» отношения в семье. Именование персонажа *Клоп Мстислав* гиперболизирует когнитивное восприятие образа сказки. В данном случае и прямое, и переносное словарное значение апеллятивного компонента онима характеризуют персонаж. *Клоп* – 1. Насекомое с колющим хоботком, питающееся кровью людей, животных или соком растений. 2. Малыш, кнопка (в 4 значениях) (*разг. шутол.*)» [Ожегов 1999: 278].

Дело в том, что герой произведения лаборантом, к тому же он стажер, поэтому «маленький человек», но он мечтает о карьере, просится на курсы повышения квалификации, чтобы брать анализы *крови*. Так он желает отомстить за своих погубленных, то есть вытравленных предков («...а клоп Мстислав снова и снова, сидя на простыне, клялся отомстить за кровь отца»). Отсюда древнерусское имя Мстислав, образованное от основ слов *мстит* и *слава* [Суперанская 2006: 245]. Становится ясно, что иначе данного персонажа и не назовёшь: *клоп*, потому что насекомое, питающееся кровью, *Мстислав* – потому что персонаж имеет мечту отомстить за предков. Образ персонажа и его «говорящая» мотивированность именованья создают четко обозначенный художественный антропонимический концепт.

Подобным образом, с точки зрения когнитивной лингвистики, можно рассмотреть именование каждого персонажа, его образ и в целом систему образов и именованья в произведении, а также можно выявить стилистические особенности употребления того или иного имени автором. Это связано с нацеленностью автора на когнитивное восприятие читателями имен собственных, использованных в художественных произведениях автором.

Таким образом, рассмотрение литературных антропонимов с точки зрения когнитивной ономастики весьма важно, поскольку они отражают как мировоззрение автора, так и читателя. Следует учитывать тот факт, что с культурными традициями народа связано восприятие, представление и продуцирование информации, заложенной в литературных антропонимах.

Литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Петрушевская Л.С. Собрание сочинений. Тт. I-V. Т. 3. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996.

3. Русские писатели, XX век: Биобиблиогр. словарь. Чч. I-II. Ч. М-Я / под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. С. 184-187.

4. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 544с.

5. *Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. 319 с.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ГОДОНИМАХ ГОРОДА МАХАЧКАЛЫ

Л.Н. Рабаданова
(г. Махачкала, Россия)

Автор статьи рассматривает географические термины в махачкалинской урбанонимии, излагает интересные факты в истории становления махачкалинской урбанонимической системы, которые выявляются при сравнении годонимов столетней давности с сегодняшними; устанавливает частотные и редкие термины.

Ключевые слова: географические термины, махачкалинская урбанонимия, годонимы, Республика Дагестан.

Исследователи отмечают обилие и разнообразие географических терминов в топонимии Дагестана, в особенности богатство, детализацию и дифференциацию орографической терминологии данного полиэтнического региона, что определяется природными условиями территории. Выявление и описание этих средств сегодня приобретает большое значение.

В современных годонимах Махачкалы представлены следующие географические термины: *улицы* – Магомеда Гаджиева, Маячная, Громова, Сергея Лазо; *проезды* – Степной, Первый проезд, Второй проезд, Третий проезд; *тупики* – Первый тупик, Второй тупик, Третий тупик; *переулки* – Индустриальный, Студенческий, Умаханова; *шоссе* – Промышленное шоссе; *проспект* – проспект Акушинского; *площадь* – Университетская площадь.

В адресно-телефонном справочнике [2006] представлен список улиц г. Махачкалы, где зафиксировано 296 наименований, из которых 266 улиц, 9 проездов, 6 тупиков, 6 проспектов, 5 переулков, 2 шоссе, 2 площади. Зафиксирован единственный случай использования термина *бульвар*: *Родопский бульвар*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в махачкалинских годонимах в квадрате А3-А4 карты г. Махачкалы представлены 19 улиц, включающих в свой состав слово *линия*: *1-я линия улица, 2-я линия улица ... 19-я линия улица*; как правило, эти улицы в народе называют: *Первая линия, Вторая линия* и т.д., т.е. «линия» в устной речи получил статус термина.

С точки зрения исходного языка географические термины, как и топонимы, разнородны, хотя основная масса их является исконной [Багомедов 2013: 18]. В языках народов Дагестана термины, представленные в годонимах, как правило, используются в заимствованной форме из русского языка. В данном случае действует орфографическая норма, по которой все русские заимствования (кроме исключения, например, дарг.: секунда – *секунд*, минута – *минут*, резина – *резин*,

котлета – *котлет*, каша – *каш*, ботинка – *батинка*, туфля – *туфли*, одеяло – *ади-ял*, сажень – *сажан*, верста – *верст*, копейка – *кепек*, ведро – *бадира*, труба – *турба*, папироса – *папрус*, крупа – *курпа*, нефть – *набт*) пишутся по правилам орфографии русского языка [Абдуллаев 1989: 14]. Например: *площадь, проезд, тупик, переулок, шоссе, проспект, бульвар*. Исключением является термин *улица*, который функционирует в следующих формах: аварский *къватI* (улица Магомеда Гаджиева – *МухIамад XIажиевасул къватI*, улица Батырая – *БатирайилкъватI*); даргинский *къакъа* (улица Магомеда Гаджиева – *МяхIяммад XIажиевла къакъа*, улица Батырая – *Батирайла къакъа*); кумыкский *орам* (улица Магомеда Гаджиева – *Магъаммат Гъажиевни орамы*, улица Батырая – *Батырайны орамы*); лакский *куча* (улица Магомеда Гаджиева – *МахIаммад XIажиевлул цIанийсса куча*, улица Батырая – *Батыраялул цIанийсса куча*); лезгинский *куъче* (улица Магомеда Гаджиева – *Мегъамед Гъаджиеван куъче*, улица Батырая – *Батыраян куъче*); табасаранский *кюче* (улица Магомеда Гаджиева – *Мягъямяд Гъажиевдин кюче*, улица Батырая – *Батырайны кюче*) и др.

В официальных письменных источниках используются конкретные термины русского языка. Например, проспект Шамиля, переулок Умаханова: аварский – *Шамилл проспект, ГIумахановасул переулок*; даргинский – *Шамилла проспект, Умахановла переулок*; кумыкский – *Шамилни проспект, Умахановну переулок*; лакский – *Шамиллул проспект, Оьмахановлул переулок*; лезгинский – *Шамилан проспект, Умаханован переулок*, табасаранский – *Шамиллин проспект, Умахановдин переулок* и др.

В разговорной речи ко всем названиям данных объектов применяется один термин *улица*, а иногда уточняющие слова. Например, проспект Шамиля, переулок Умаханова: аварский – *Шамилл къватI, ГIумахановасул къватI*; даргинский – *Шамилла къакъа, Умахановла къакъа*; кумыкский – *Шамилни орамы, Умахановну орамы*; лакский – *Шамиллул куча, Оьмахановлул куча*; лезгинский – *Шамилан куъче, Умаханован куъче*, табасаранский – *Шамиллинрягъ (кюче), Умахановдин жилгъа* и др.

Интересные факты в истории становления махачкалинской урбанонимической системы наблюдаются при сравнении годонимов столетней давности с сегодняшними.

К началу XX века «территория Петровска (ныне Махачкала) состояла из 16 улиц, 17 переулков и 6 площадей, среди которых *Соборная площадь* (ныне пл. им. Ленина), *Провиантская площадь* (пл. Коминтерна), *улицы Бяратинская* (ныне ул. Буйнакского), *Инженерная* (проспект Р. Гамзатова), *Садовая* (ул. Даниялова), *Миллионная* (ул. Пушкина), *Соборная* (ул. Манташева, бывш. Оскара), *Грязная* (ул. Герцена), *Подгорная* (ул. Свободы), *Нагорная* (ул. Заманова, бывш. Краснофлотская), *Тюремная* (ул. Левина); переулки *Кузнечный* (ул. Г. Цадасы), *Безымянный* (ул. Шеболдаева), *Армянский* (ул. Дахадаева), *Артиллерийский* (ул. Э. Капиева), *Бассейный* (ул. Горького), *Вокзальный* (ул. Эмирова)» [Геворкьян 2007: 10].

Как видно из примеров, в годонимах того периода наблюдается выраженная географическая привязка. Эта система именования подверглась коренным изменениям. Нынешнюю систему именования улиц обозначают термином *именное название*, где в основном наблюдается *именное название улиц*.

Выступая единицами апеллятивной лексики, термины обозначают как конкретные предметы, так и целые классы, к которым относятся данные предметы (горы, ущелья, скалы, родники и т.п.). На известном этапе жизни у носителей языка возникает потребность дать имя какому-либо месту, играющему важную роль в истории, быте, являющемуся ориентиром. Даже те наименования, в которых отражены свойства объекта, появились, прежде всего, в силу исторических причин. Так рождаются составные топонимы (с географическим термином в своей структуре).

Географические термины в махачкалинской урбанонимии соотносятся следующим образом: *улица* – 265 (90%), *проезд* – 9 (3%), *тупик* – 6 (2%), *проспект* – 6 (2%), *переулок* – 5 (1,6%), *шоссе* 2 (0,6%), *площадь* – 2 (0,6%), *бульвар* – 1 (0,3%).

Таким образом, в годонимах Махачкалы лидирует термин «улица», а остальные термины составляют минимум от общего количества названий улиц. К редко используемым можно отнести термины: «*проезд*», «*тупик*», «*проспект*», «*переулок*», «*шоссе*», «*площадь*».

Литература

- Абдуллаев З.Г.* Орфографический словарь даргинского языка. Махачкала, 1989.
Адресно-телефонный справочник «Желтые страницы. Дербент + Республика». Махачкала, 2006.
Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... доктор. филол. наук. Махачкала, 2013.
Геворкян Д. Петровск на рубеже веков // «Махачкалинские известия». 2007.18.05. № 19.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИКРОТОПОНИМОВ СЕЛЕНИЯ ГУРБУКИ КАРАБУДАХКЕНТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Н.М. Алиханова
(г. Махачкала, Россия)

Статья посвящена анализу микротопонимов одного из уникальных населённых пунктов Дагестана – с. Гурбуки Карабудахкентского района; выясняется происхождения топонимических единиц и выявляются различные семантические группы.

Ключевые слова: полиэтничный регион, дагестанские топонимы, микротопонимы, семантика онима

Изыскания в области изучения дагестанских топонимов заметно отстают от исследований по общим вопросам дагестанского языка (фонетики, морфологии, синтаксиса). Необходимо отметить, что, имея давнишние традиции в изучении топонимики, проделав огромную работу по накоплению и детальному анализу

географической номенклатуры, ученым еще предстоит огромная работа [Багомедов 2013: 48].

Особую тревогу вызывает состояние незафиксированного материала, который безвозвратно может быть потерян как ценнейший лингвистический материал. Сбор и последующее изучение онимов на территории Дагестана и Кавказа в целом имеют значение как в собственно лингвистическом отношении, так и с точки зрения лингвоэтноэкологии [Багомедов 2013: 21]. Необходимо всесторонне и детально изучить ономастический материал каждого селения полиэтнического региона.

Наше исследование посвящено семантическому анализу микропонимов одного из уникальных населённых пунктов Дагестана – с. Гурбуки Карабудахкентского района. Оно образовалось в 1929 году в результате переселения нескольких хозяйств из селения Губден. Здесь проживают даргинцы.

Семантика основ топонимических единиц вызывает большой интерес лингвистов, т.к. дает обширный материал о типах слов, использованных в качестве основы имени собственного, и в них сохраняются лексические единицы, которые в современном языке вообще не употребляются или частично видоизменились. Как справедливо отмечают ученые [Суперанская 1973: 257; Никонов 1965: 95], семантический анализ имен собственных не должен сводиться к анализу значения основы, тем более нельзя отождествлять со значением апеллятива (даже при условии полного фонетического и морфологического совпадения).

Для выяснения происхождения топонимических единиц мы пользовались различными словарями, справочниками и пособиями. Неоценимую помощь оказали старожилы селения, которые помогли выяснить происхождение ряда названий географических объектов. Среди микропонимов с. Гурбуки выделяются определенные семантические группы. Так, отмечаются пары семантических тополексем, указывающие на:

1) месторасположение в пространстве: *Ахъу дал* («Верхняя часть села») – *Уди дал* («Нижняя часть села»);

2) размер: *Хулалмижит* («Большая мечеть») – *БишитIал мижит* («Маленькая мечеть»);

3) время возникновения объекта: *Буркъа школа* («Старая школа») – *Сагай школа* («Новая школа»), *Дуркъабе хIебре* («Старое кладбище») – *Сагаите хIебре* («Новое кладбище»), *Буркъа больница* («Старая больница») – *Сагай больница* («Новая больница»).

В группе топонимических единиц, объединенных по признаку рельефа, выделяются следующие подгруппы:

а) названия склонов: *БурхIила бяI* («Солнечный склон»), *АчилабяхI* («Склон Ачи»), *Замбай* («Замбай»);

б) названия ущелий: *Мурбелакъада* («Сенокосное ущелье»);

в) названия пещер: *БурхIила гIиникъ* («Пещера солнечной стороны»);

г) названия ям, углублений, отверстий: *ГъурбукIила хулалчукъла* («Большая гурбукинская яма»).

В своей основной массе слова, называющие животных, в микропонимах указывают на местность, где обитают представители фауны. Например: *Къялела кIав* («Пруд коров»).

Среди географических названий выделяются те названия, которые связаны с полеводством и явно свидетельствуют о многообразии полевых культур. Пшеница, рожь, ячмень, лён издавна занимали господствующее положение в хозяйственном быту у гурбукинцев. О широком распространении зерновых культур свидетельствует наличие местного названия *дурегли* («ток, гумно»). В с. Гурбуки сегодня зафиксированы следующие названия гумен: *Дагъладурегли* («Гумно Дага»), *Салтабяхъладурегли* («Гумно Салтабака»), *Бяйладурегли* («Гумно Бая»).

Данная группа является наиболее объемной и разнообразной. Сюда же входят топонимические единицы, которые объединены в следующие группы:

а) названия пашен: *БурхИла хъу* («Пашня на солнечной стороне»), *Клавлакъашлахъу* («Пашня около озера»), *Гела Дагълахъу* («Пашня заднего Дага»), *Дагълахъу* («Пашня Дага»), *Салтабяхълахъу* («Пашня Салтабака»), *Бяйлахъу* («Пашня Бая»);

б) названия мельниц: в данное время в селении функционирует только одна мельница – *ГъурбукИла шункъа* («Мельница Гурбуки»);

в) названия покосов: *Салтабяхъла мура* («Покос Салтабака»), *БурхИла мура* («Покос солнечной стороны»), *Кавла-къашла мура* («Покос террасы озера»);

г) названия садов и отдельных деревьев: *Губданилаанхъ* («Губденкий сад»), *БягЛлилаанхъ* («Черешневый сад»), *Гинцбелаанхъ* («Яблоневого сад»), *ГимиргЛулелаанхъ* («Айвовый сад»);

д) названия прудов: *Къялела клав* («Пруд коров»), *Анхъламякълала клав* («Пруд возле сада»);

е) названия канав: *Жангаларугери* («Канавы Жанга»);

ж) названия дорог: *Школалагъуни* («Школьная дорога»), *Палантеллагъуни* («Дорога в планы»), *Губдани гЯруйгъуни* («Дорога в Губден»), *Жангани гЯруйгъуни* («Дорога в Жанга»);

з) названия мостов: *ГъурбукИла гуми* («Гурбукинский мост»).

Отмечены географические названия, в которых зафиксированы личные, родовые имена людей и прозвища. Например: *Мемилаанхъ* («Сад Меми (Магомед-да)»), *Гъазиханхъаанхъ* («Сад Газихановых»).

Встречаются также гидронимы: *Къуллала гЛиниз* («Обустроенный родник»), *ДугЯрти шин дашуй гЛиниз* буквально («Холодная вода, текущая из родника»).

Литература

Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. 347 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 177 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 364с.

ЯВЛЯЛСЯ ЛИ ЭКОЛОГИЧНЫМ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЙ ОНОМАСТИКОН?

С.С. Калинин
(г. Кемерово, Россия)

В статье рассматривается функционирование имен собственных в культуре древних германцев и становление древнегерманской ономастической системы; в авторском понимании раскрывается сущность термина «экологичность».

Ключевые слова: древнегерманский ономастикон, номинация, экологичность

Специфика архаических языческих культур, в том числе и древнегерманской культуры, заключается, в том числе, и в их отношении к имени. В отличие от современного состояния ономастикона, когда внутренняя форма большинства имен стерлась и уже не ощущается их носителями. В древнегерманском социуме внутренняя форма имени была очевидна большинству носителей, поскольку в процессе номинации использовали корнеосновы живого языка. В этом отношении был более экологичен, чем современные германские и славянские ономастиконы, поскольку в них в течение исторического времени проникло большое количество заимствованных имен из других языков, внутренняя форма которых была неясна носителям. Объясняется это, с одной стороны, развитием межкультурных контактов и коммуникаций, с активным контактом германцев с другими этносами (в западном ареале – с латинской культурой и производными от нее романскими культурами, в восточном ареале – преимущественно с греческой культурой). С другой стороны, заимствование имен происходило, очевидно, под влиянием христианизации германских племен и постепенного перехода от архаической языческой ментальности к христианской. Использование имен известных святых в номинации объясняется, в первую очередь, социальным и культурным престижем онимов, связанных с христианской культурой. Вместе с тем, старые онимы не отошли окончательно на периферию языка, но приобрели «новое звучание» под влиянием христианизации, были приспособлены к новой культуре: так, например, имя западногерманской богини *Вальдборги*, в честь которой проводился известный праздник – ночь с 30 апреля на 1 мая, стало именем новой христианской святой – *Вальпургии*. Очевиден сильный энергетический и экологический потенциал традиционных германских имен, позволяющий им активно употребляться вот уже на протяжении нескольких столетий после христианизации германских народов.

Имя собственное в традиционной культуре функционирует принципиально в ином ракурсе по сравнению с современной секулярной культурой. Прежде всего, следует отметить, что в то далекое время миф и ритуал пронизывал жизнь людей и служил для организации жизни. Архаическая культура была вообще ориентирована преимущественно на имя собственное [Лотман, Успенский, 1992: 69]. Любое событие, в том числе и наречение имени человеку, природному объекту, какому-либо священному месту сопоставлялось с определен-

ным мифологическим сюжетом. Так, в германо-скандинавской мифологии известен сюжет о наречении богами именем первых людей, которые изначально не имели души, после чего они ожили и обрели душу. Имена первых людей германской мифологии – *Аск* и *Эмбла* (дисл. Askr, Embla) – буквально переводятся как «ясень» и «ива», Данные образы естественно соотносятся с образом Мирового Древа, Древа Жизни – *Иггдрасиля* (дисл. Yggdrasill). По древнегерманским представлениям Мировое Древо находится в центре мира, организует мироздание как в вертикальной проекции (от мира богов до подземного мира), так и в горизонтальной проекции (оппозиция «свой – чужой») [Проскурин, Центнер 2009: 54]. В использовании апеллятивов в качестве имен собственных с общим значением «дерево», которые, к тому же, можно соотнести с образом Мирового Древа, проявляется тесная связь архаического человека с природой, неспособность к обособлению человеческого «Я» относительно внешнего природного мира. Н.Д. Арутюнова упоминает в этом отношении о том, что архаический человек в процессе концептуализации мира был склонен выбирать в качестве символов именно природные явления, природные объекты, растения и животных [Арутюнова 1999: 340]. В этом проявлялась экологичность древнегерманского сознания, тесная связь архаического человека с природой, неразделенность и невыделенность человеческого «Я» из окружающей среды. Архаический человек, древний германец относился к природе как к живому существу, в отличие от современного человека с его утилитарно-механистическим отношением к природному миру. Древние германцы представляли мир в виде живого существа; согласно древнегерманской мифологии мир был создан богами из тела гигантского первочеловека *Имира*. Вот как это описывается в эдической песни «Речи Вафтруднира»:

Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем.

Таким образом, древний германец относился к миру, в котором он обитал, как к живому организму, использовал для его языкового обозначения антропоморфную метафору (различные объекты мира представлялись ему различными частями тела побежденного Имира). Он считал, что Вселенная, которая его окружает, – живое существо, несущее в себе таинственные животворящие силы, жизненную энергию. В этом принципиальное отличие взгляда на мир, принятого в традиционных культурах, от общепринятого абсолютно утилитарного отношения к природе, принятого в современном технократическом обществе.

Еще одной особенностью, связанной с функционированием имен собственных в культуре древних германцев, является довольно интересное явление, заключающееся в том, что один и тот же мифологический или эпический персонаж (какое-либо божество, герой) мог носить несколько различных равнозначных имен. Данное явление широко известно в индоевропейской ономастике, но особенно ярко оно проявилось у древних германцев. Наличие множества имен у од-

ного носителя объясняется тем, как пишет Т.В. Топорова, что имелось «стремление отразить различные аспекты субъекта... Имя выполняло определенную коммуникативную задачу, оно передавало информацию о характеристиках субъекта» [Топорова, 1994: 8-9]. Имена-прозвища могли заменять в течение жизни основное имя. Они могли даваться не только по внешним характеристикам носителя, но и, как говорится в «Младшей Эдде», по его деяниям [там же]. Например: «Одина называют Alföðr («Всеотец»), ибо он отец всем богам. И еще зовут его Valföðr («Отец павших»), ибо все, кто пал в бою – его приемные сыновья» [там же]. Различными именами мифологический либо эпический персонаж назывался в зависимости от ситуации и контекста употребления. Эти имена восходили к различным апеллиативам, каким-либо образом семантически связанными с ситуацией. Таким образом, в древнегерманском ономастиконе потенциально любой апеллиатив мог стать именем собственным. В этом проявляется экологичность данного ономастикона, его стремление к разнообразию, его принципиальная незавершенность, в отличие от ономастиконов современных, в котором набор потенциально возможных имен четко регламентирован и установлен. Ономастикон древних германцев – это энергетическая система, в гумбольдтианском понимании этого термина.

В эддических песнях имеется большое количество примеров перечисления имен мифологических персонажей, в частности, имен богов. Приведем отрывок из песни «Речи Гримнира», где верховный бог германо-скандинавов Один перечисляет свои многочисленные имена:

Звался я Грим,
звался я Ганглеры,
Херьян и Хьяльмбери,
Текк и Триди
Тунд и Уд,
Хар и Хельблинди;
... с тех пор как хожу
среди людей, немало
имен у меня.

Примечательно, что среди имен, которые перечисляет Один, большинство составляют обычная апеллиативная лексика, как, например, «страшный», «ужасный», «воин», «странник» и т.п., что еще раз свидетельствует о большом экологическом потенциале древнегерманского ономастикона.

Таким образом, мы на нескольких примерах доказали экологичность древнегерманской ономастической системы, дальнейшее изучение которой способно глубже раскрыть сведения о ментальности древних германцев, о том, как эти люди видели и представляли мир, как они воспринимали свое место в нем.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 895 с.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Избранные статьи. Тт. I-III. Т. 1 (статьи по семиотике и типологии культуры). Таллинн: «Александр», 1992. С. 58-75.

Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предыстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск: НГУ, 2009. 196 с.

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВТОРИЧНЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

А.В. Уразметова
(г. Уфа, Россия)

В статье на основе анализа вторичной топонимической номинации, в результате которой формируется *топонпрозвище*, рассматривается структура топонпрозвищных единиц с участием трех составляющих: субъект – объект – номинация; устанавливается, каким способом членится окружающая нас действительность и с какими объектами связана производная ономастическая лексика, репрезентирующая окружающий нас мир.

Ключевые слова: первичная и вторичная номинация, топониминация, структура топонпрозвища, функции топонпрозвищных единиц

Вторичная топонимическая номинация преимущественно функционирует в разговорной речи, прессе и художественной литературе. Она представляет собой многофункциональное явление, так как в большинстве случаев в ней реализуется несколько функций одновременно, а творческий характер языковой деятельности позволяет создавать все новые и новые топонимические прозвища. Исследование процессов формирования и функционирования вторичных топонимических номинаций позволяет показать,

В зависимости от разновидности базовых слов номинация делится на первичную и вторичную. Первичная номинация есть первообразное наименование, для которого характерно «простое» отношение, отражающее элементы действительности.

Лингвистов интересуют проблемы семантики вторичных топониминаций, вопросы их функционирования и предназначения. Вторичная номинация представляет собой «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Сквира 2013: 97]. Под *вторичной номинацией* топонимического объекта понимается *топонпрозвище*, то есть иной способ наречения уже названного топографического объекта. Вторичные топониминации характеризуются прецедентным содержанием, а их основная когнитивная функция заключается в «хранении общеизвестных и/или нестандартных/необычных когниций» [Голубева 2008: 22]. Это явление, характерное для любой культуры, представляет собой важный источник пополнения словарного состава языка. Вторичная номинация образуется в результате семантического переосмысления общеупотребительной лексики, терминов и жаргонизмов. Она является результатом лингвокреативного мышления, поскольку представляет собой интерпретацию человеком окружающей действительности. Следовательно, структура *топонпрозвища* образуется с участием трех составляющих: субъект –

объект – номинация. Изучение вторичной топонимической номинации позволяет выявить взаимосвязь между субъектом и объектом топонимического наречения.

Топонимические прозвища сосуществуют параллельно с собственно топонимами. Они присваиваются как макротопонимам (названиям крупных географических объектов), так и микротопонимам (названиям небольших местных объектов). Количество прозвищ географического объекта регламентируется законом синонимической аттракции, который объясняет прямо пропорциональную зависимость между степенью общественного внимания к объекту номинации и количеством называющих его синонимов, например город *Москва* имеет несколько топонимов: *Белокаменная, Златоглавая, Большая деревня, Город на семи холмах, ДС, Лужки, Мойшква, Мос-Вегас, Москальск, Москвабад, Москоу-сити, Нерезиновая, Нерезиновск, Нероссия, Первопрестольная, Понаеховск, Порт пяти морей, Собянинск, Третий Рим, МСК*, а город *Иваново* имеет лишь одно прозвище – *Город невест*.

Топонимические прозвища как *варианты топонимов*, обусловленные функциональной, эмоциональной и социальной нагрузкой, отражают языковую универсалию, которая связана с синонимией вследствие *семантического изнашивания* устоявшихся форм, а также с проявлением *языкотворчества*.

Вторичные топонимические номинации характеризуются наличием ядерных и периферийных функций. Ядерными функциями топонимов являются *номинативная* и *заместительная*. *Номинативная* (идентифицирующая) функция присуща всей топонимии, которая включает как топонимы, так и топонимические прозвища, и является обязательной функцией, указывающей на связь номинации с референтом. Однако степень проявления идентифицирующей функции в собственно топонимах и в топонимических прозвищах может быть различной, например, в топониме *Москва* она проявляется частично, так как номинация может относиться и к городу и реке, в то время как вторичные номинации *Белокаменная, Златоглавая, Первопрестольная* однозначно указывают на столицу России.

В некоторых случаях идентифицирующая функция вторичных номинаций может быть ослаблена, поскольку дополнительная характеристика географического объекта не всегда позволяет правильно идентифицировать его, например, прозвищем *Чикаго* называют города *Чайковский, Челябинск, Черногорск, Чита*, а *Восточными воротами* – населенные пункты *Ванино, Находка, Владивосток*. *Заместительная* функция свойственна всем топонимическим прозвищам, поскольку все они используются в качестве синонимов собственно топонимов.

Прочие функции относятся к функциональной периферии. *Характеризующая* функция, присущая практически всем топонимическим прозвищам, указывает на то, что прозвище не просто называет объект, но и отражает признак, предписываемый ему. Вторичная номинация раскрывает различные параметры географического объекта, что позволяет дополнительно его охарактеризовать, например, *Город на Неве* (Санкт-Петербург), *Столица Урала* (Екатеринбург), *Столица деревень* (Тюмень), *Середина Земли* (Иркутск), *Колыбель космонавтики* (Калуга). Однако для топонимических прозвищ, образованных путем сокращения официального названия, характеризующая функция не свойственна. В данном случае прозвища выполняют функцию *экономии лексических средств*, например, *Екат*

(Екатеринбург), *Ирк* (Иркутск), *Йошка* (Йошкар-Ола), *Камень* (Камень-на-Оби), *Новосиб*, *Сиб* (Новосибирск), *Орех* (Орехово), *Прокоп* (Прокопьевск), *Ха*, *Хаб*, *Хабар* (Хабаровск) и т.д. Среди топонимов русского языка встречаются также двух- и трехбуквенные сокращения, например, *БГ* (Борисоглебск), *ЕКБ* (Екатеринбург), *МСК* (Москва), *НН* (Нижний Новгород), *СПб* (Санкт-Петербург), *УУ* (Улан-Удэ).

Нередко вторичные номинации являются средством создания выразительности, что связано со *стилистической* функцией, придающей тексту яркий и образный характер. Топонимические прозвища создают особый мир, в котором отражается индивидуальный стиль самого автора произведения. «С помощью авторской вторичной номинации читателю передается мировосприятие и мироощущение писателя» [Коваленко 2008: 86], например, номинация *Град Петров* (Санкт-Петербург), которая произошла из вступления к поэме «Медный всадник» А.С. Пушкина.

Многие топонимы ярко эмоциональны, экспрессивны и выполняют *эмоционально-оценочную* функцию. Они также могут использоваться при *создании комического эффекта*, в частности таких комических приемов, как сарказм и ирония, например, вторичные номинации *Междур* (Междуреченск), *Сверхжлобск* (Екатеринбург), *Хитроград* (Биробиджан) носят пренебрежительный или шуточный характер и звучат грубо. Значительным ироническим потенциалом обладают модели, позволяющие соотносить урбанонимы с названиями других, как правило, более крупных городов. Часто такие прозвища основаны на фонетической близости, например, *Биробейджанейро* (Биробиджан), *Париж* (Барыш), *Рио-де-Житомир* (Житомир), *Камерун* (Кемерово), *Копейскгаген* (Копейск), *Лиссабон* (Лесозаводск), *Питер* (Петропавловск-Камчатский).

Собственно топонимы и топонимические прозвища выступают в качестве средства хранения и передачи культурно-исторической информации. Они могут быть определены как пространственно-временные и историко-культурные вехи жизни народа и языка. В художественной литературе они нередко используются в качестве «говорящих имен» [Верещагин, Костомаров 2005: 104], которые несут культурно-национальную информацию. Как в поэзии, так и в прозе для вторичной топонимации характерна *символическая* функция. В определенных случаях прозвище функционирует в качестве символа, представляя собой «свернутый текст», для развертывания которого необходимо владение экстралингвистическими знаниями о географическом объекте, которому предписана данная номинация, например, *Пряник* (Тула) (тульский пряник – символ города), *Козлоград* (Тверь) (в Тверской губернии выделывали сафьян – козлиную кожу), *Три шурупа* (Уфа) (символ Уфы «три шурупа» произошел от названия города на башкирском языке, написание которого напоминает шляпки трех завинченных шурупов).

С точки зрения теории коммуникации топонимическим прозвищам, как прецедентным феноменам, в определенных контекстах присуща *парольная* функция (способность вторичной номинации относить обозначаемый объект к пространству «своей» или «чужой» культуры) и *миромоделирующая* функция (способность передачи через топонимическую модель действительности). Многим топонимическим прозвищам свойственна *рекламная* функция. Стремление привлечь к топографиче-

скому объекту особое внимание и разрекламировать его подталкивает носителей языка создавать самые разнообразные рекламные вторичные номинации, например, *Маленький Париж* (Высоковск), *Столица мира* (Барнаул), *Автоград* (Тольятти), *Русский Детройт* (Калуга). Следует отметить, что рекламная функция присуща большинству топонимических прозвищ, правда, некоторые из них не всегда соответствуют действительности [Уразметова 2014: 176].

Вторичная топонимическая номинация преимущественно функционирует в разговорной речи, прессе и художественной литературе. Она представляет собой многофункциональное явление, так как в большинстве случаев в ней реализуется несколько функций одновременно, а творческий характер языковой деятельности позволяет создавать все новые и новые топонимические прозвища. Исследование процессов формирования и функционирования вторичных топонимических номинаций позволяет показать, каким способом членится окружающая нас действительность и хотя бы частично ответить на вопрос о том, с какими объектами связана производная лексика, репрезентирующая окружающий нас мир.

Литература

Голубева Н.А. Вторичная или повторная номинация? Прецедентная номинация // Вестник Томского государственного университета. 2008. Вып. 10 (66). С. 16-23.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005. 1308 с.

Коваленко К.В. Вторичная номинация как средство индивидуально-авторской экспрессии // Альманах современной науки и образования. Тамбов, № 8 (15). Чч. I-II. Ч. I. 2008. С. 85-88.

Сквира В.К. Понятие, виды и способы номинации политической лексики в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 4. С. 97-101.

Уразметова А.В. Метафора как способ создания вторичных номинаций (на материале топонимических прозвищ штатов США) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. №5, Т. 20. С. 175-178.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИМЯ ГОСУДАРСТВА: К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

О.Н. Кушнир, М.В. Тодика
(г. Сыктывкар, Россия)

Статья посвящена изучению современного периода развития русского языка, который характеризуется компрессивностью словообразования, интенсивным развитием аббревиации; при анализе официального имени государства и субъектов России выявляются сокращенные официальные имена, которые свидетельствуют о проявлении пренебрежения к языку.

Ключевые слова: имя собственное, аббревиация, официальное имя государства и имена субъектов России

Официальное имя человека определяется Н.А. Петровским как имя *документальное*, «по паспорту» [Петровский 1966: 17]. Определение, на наш взгляд,

весьма удачное, поскольку «документальный» имеет значение «основанный на документах, подтвержденный документами» [см., например: Ефремова 2000; Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Это определение уместно отнести и к имени государства/субъекта государства: официальное имя государства подтверждено документом – конституцией/уставом. Так, по Конституции наше государство имеет официальное имя – Российская Федерация, или Россия. Ни о какой возможности официально именовать государство или соответствующие организации при помощи аббревиатуры «РФ» в тексте Конституции нет и речи, хотя такое употребление в неофициальном дискурсе весьма распространено. Обратим внимание, что сокращение имени государства в сложных наименованиях возможно, и оно происходит разными способами и чаще от слова «Россия», например: Минобрнауки России, ФСО России, Росархив и др.

Иначе обстоит дело с именами «государственно-территориальных образований», или субъектов России. Широко распространенные официальные сокращения большинства из них не закреплены документально в соответствующих конституциях / уставах. Так, имя «Республика Коми» не имеет документально закрепленного сокращения «РК», нет официального сокращения «РБ» для имени «Республика Бурятия», «РА» – для имени «Республика Алтай» и др. [Конституции Российской Федерации].

Между тем сокращенные имена субъектов России применяются в официальных, то есть документально закрепленных названиях государственных учреждений и даже органов власти субъектов; см., например, официальные сокращенные наименования организаций Республики Коми: ГКУ **РК** «Республиканская общественная палата Главы Республики Коми», АУ **РК** «Комфорт», ГКУ **РК** «Центр казначейского и бухгалтерского обслуживания» и др. [Республика Коми], наименования органов власти Республики Бурятия: Минсоцзащиты РБ, Минкультуры РБ [Органы государственной власти Республики Бурятия], наименования организаций Республики Алтай: БУРА «ЦАБП» (Бюджетное учреждение Республики Алтай «Центр автоматизации бюджетного процесса»), БУЗ **РА** «Республиканская больница» и мн. др.

Очевидно, что «современный период развития русского языка характеризуется интенсивным развитием аббревиации – одной из разновидностей компрессионного словообразования» и потому что аббревиация является «чрезвычайно актуальным и продуктивным средством номинации», «одним из активных источников неологизации..., дающая возможность при минимальной затрате усилий, связанных с речевой деятельностью, передавать и принимать максимум информации» [см. об этом, например: Бирюкова 2007: 4; Иванова 2015: 4; Тибилова 2011: 3]. Но в данном случае речь идет об имени собственном, которое в официальном употреблении невозможно изменить, сократить, упростить и проч. по своему усмотрению. Достаточно напомнить о ситуации с наличием / отсутствием буквы «ё» в имени гражданина, которая вызывает столько дискуссий, но разрешается исключительно правовым путем.

Важен и другой аспект – значимость функций имени собственного, в том числе функции номинативной, имеющей цель отличать однотипные объекты

друг от друга [Суперанская 1973]. Но сокращение «РК» как официальное применяется в наименовании органов власти, организаций и Республики Коми, и Республики Калмыкии, и Республики Карелии, и Республики Крым; сокращение «РА» – в наименованиях органов власти, организаций и Республики Адыгея, и Республики Алтай. Такого рода омонимия противоречит функциональным свойствам официально-деловой речи, создавая «помехи» в коммуникации.

Заметим, что во всех случаях официальное сокращение имени субъекта России представлено в виде так называемой «инициальной» аббревиатуры, тогда как сокращения типа «Минобразования Бурятии», БУЗ Алтая «Республиканская больница» и под. (по аналогии с сокращенными наименованиями, включающими «второе» имя нашего государства – «Россия») не нарушают никаких правил.

Важно указать, что с правовой точки зрения такие сокращенные официальные имена субъектов России не запрещены, значит не нарушают конституции / уставы этих субъектов. Однако считаем, что такие сокращенные *официальные* имена демонстрируют другое – очевидное неуважение к своему государству, то есть к себе, друг к другу, и в совокупности с другими проявлениями пренебрежения к языку формируют отнюдь не патриотические чувства по отношению к своему народу и государству.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи: автореф. дис. ... канд. филол.н. М., 2007.

Иванова М.А. Аббревиатуры в структуре профессиональной англоязычной личности бизнесмена: автореф. дис. ... канд. филол.н. Пятигорск, 2015.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Конституции Российской Федерации. – URL: <http://constitution.garant.ru/region/>

Органы государственной власти Республики Бурятия: официальный портал. – URL: <http://egov-buryatia.ru/>

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 17.

Республика Алтай: официальный портал. – URL: <http://altai-republic.ru>

Республика Коми: официальный портал. – URL: <http://www.rkomi.ru>.

Суперанская А.В., Салтмане В.Э., Подольская Н.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд.филол.н. Астрахань, 2011.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ЗНАК¹

А.С. Щербак
(Тамбов, Россия)

В статье рассматриваются имена собственные как знаки знаков в аспекте когнитивного понимания; обосновывается, что ономастический знак – это любое имя собственное как вторичный знак, отражающий языковые и энциклопедические знания и служащий для организации ономастического знания в сознании человека.

Ключевые слова: имя собственное, типология ономастических знаков, урбанонимы

Как известно, изучение теории знаков началось еще в Античные времена. Слово «знак» возникает уже в текстах Аристотеля.

В теории Ф. де Соссюра предмет лингвистики был ограничен только языковыми знаками, в качестве которых выступали слова и словосочетания. Однако господствующее соссюровское положение о произвольности знака не в полной мере способно отразить идеи ономастического знака.

Появление новых идей о теории знаков связано с именем американского философа Ч. Пирса, который подчеркивал, что существует три вида знаков, к числу которых ученый относил *иконы*, или подобия, выполняющие функцию передачи идей и репрезентирующие вещи, просто имитируя их; *индексы*, или указатели, которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними; *символы*, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями благодаря привычке [Пирс 2009: 88-95].

В последние десятилетия в лингвистической науке подчеркивается важность развития когнитивной лингвистики, в рамках которой рассматривается вопрос о когнитивной природе имени собственного. Это направление в лингвистике представляется чрезвычайно перспективным, поскольку ономастика в целом отражает способы обработки и хранения информации с помощью языковых знаков. С точки зрения когнитивного подхода к ономастике, предметом её изучения является особое рода *ономастический знак*, который реализуется в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах и служит репрезентантом ономастического знания в широком смысле [Щербак 2008; 2012: 78-83; 2013: 143-148; 2014: 131-136].

В аспекте когнитивного понимания, ономастический знак – это любое имя собственное как вторичный знак, отражающий комплекс знаний об имени собственном (языковые и энциклопедические знания) и служащий для организации ономастического знания в сознании человека.

По мнению многих ученых, имена собственные по своему происхождению вторичны. Отсюда следует, что абсолютно немотивированных (не обладающих качеством производности) имен собственных нет вовсе. Есть все основания считать, что первые антропонимы и топонимы возникли из описательных конструкций, например, *гора, на которой нет растительности* – это *Лысые горы*. Ср. так

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации РГНФ-2016 проект № 15-04-00379.

же: словом *рогач* в тамбовских говорах обозначают приспособление, при помощи которого вынимали и ставили чугуны в печь:

[Чугуны ис пчИ рАжАми дъставАли] /с. Донское, Тамбовский р-н, Кузнецова М.И., 1943 г.р., запись 2003 г./.

В Тамбовском районе Тамбовской области разлив *Рогачи* получил название по форме берегов, возможно, из-за несколько неспокойного нрава, поскольку определение *рогачи(и)* восходит к глаголу *рогачить*, означаемому «браниться, ругаться, ссориться», в тамбовских говорах это слово означает «упрямый человек». На данной территории известна прозвищная фамилия *Рогачев*, восходящая к прозвищу *Рогач*, фамилия Рогачко'в – по прозвищу Рогачо'к: рогачок от рогач. Обращает на себя внимание тамбовский фразеологизм «*Быть в рогачах*», что означает «Быть у кого-то на побегушках, выполнять грязную (черную) работу».

[Ана у няё в рагачАх хОдить и фсё за ниё дЕлаить] /с. Горелое, Тамбовский р-н, Спешинская С.А., 1943 г.р., запись 2003 г./.

Иными словами имя собственное является знаком знака и мотивировано, поскольку его создание основано на уже существующих в системе языке связях и мотивациях.

Чтобы назвать что-либо, нужно представить не только конкретный субъект или объект через посредство вербального знака, но и сделать это знание знакомым в языковом сознании, т.е. закрепить за ним определенную форму репрезентации в языке. Ономастический знак служит для передачи информации, маркировки лиц, животных, топографических объектов, видимых и невидимых в ситуации общения. Так, населенные пункты *Березовка*, *Липовка*, *Малиновка* и т.п. – знак местности с определенным характером растительности. Населенные пункты Тамбовской области, включающие в свое название элементы, обозначающие религиозные реалии, типа *Покрово-Васильево*, *Покрово-Марфино*, *Сабуро-Покровское*, *Покрово-Ендовище*, *Покровское* – знак села (известно, что в деревне как типе поселения не было церквей).

Индекс – это знак, связанный с действительностью причинно-следственными отношениями. Индекс как знак в большей степени проявляется в топонимах, связанных с обозначением природных объектов. Их названия отражают информацию о естественно-географических свойствах реалий. Наличие приставок в русских топонимах типа ЗА-, ПО-, ПОД- являются собой знаки-индексы, информирующие о территории, скажем, расположенной по ту сторону чего-либо, что названо производящей основой (*Заречье – за рекой*, *Залесье – за лесом*, *Заворонежская Слобода – за Воронежом*, *Заволжье – за Волгой*, *Заболотье – за болотом*); к местности, расположенной вдоль того, что названо производящей основой (*Поречье – по реке*, *Поволжье – по Волге*); к территории, расположенной под тем, что названо производящей основой (*Подгорная река*, *Подгорный ручей*, озеро *Подгорье*, сёла *Подгорное*, *Подгорье* – под горой; *Подлесное*, *Подборье* и т.п.).

По своей природе имена собственные стремятся быть *символами* (символ – это знак, не имеющий сходства с чем-либо другим) и служить средством связи с реальной действительностью. Топоним *Ташкент* воспринимается как название жаркой территории; *Урюпинск* как символ провинциальности, удаленности; *Чернобыль* как символ страшной катастрофы, *Хиросима* как символ бедствий ядерного взрыва; *Иван* – это символ русской нации, а *Ганс* – символ немецкой и т.д.).

Писатель Ю.Н. Тынянов ввел в обиход термины «говорящие имена», «говорящие фамилии», которые представляют собой иконический знак. *Иконический знак* – это знак, отсылающий к объекту, который он обозначает и с помощью которого мы «прочитываем» фамилию или прозвищное имя. В этом отношении достаточно ярко говорит о себе номинация персонажей в литературном произведении. Иными словами, в основу ономастического знака ложится знание о мире как объектное знание и знание о языке, т.е. языковое знание.

Таким образом, в центре внимания изучения имен собственных оказывается не просто ономастический знак как словесное обозначение объекта, лица в виде его названия, а представление, отраженное в языковом сознании и закрепленное в мышлении мира субъектов и объектов. Однако нельзя не принять во внимание смешанный характер ономастических знаков, среди которых резко очерченную границу провести порой невозможно, поскольку за ономастическим знаком как «символом» в сознании человека может закрепляться одновременно и индекс как знак и иконический знак.

В г. Тамбове, как и в любом другом городе, обращают на себя внимание названия магазинов, театров, ресторанов, например, кафе «*Жар-пицца*». В знаковой форме владельцы заведения выразили основную суть сферы своей деятельности. Так, первая часть названия являет собой существительное ЖАР, что наводит горожан на мысль о горячей еде. Написанное через дефис второе слово ПИЦЦА несет информацию о специализации заведения – изготовление пиццы. Таким образом, в сознании человека возникает образ известной сказочной *Жар-птицы*, получившей известность в городе как название пиццерии «Жар-пицца» Именно благодаря индексу «пицца» отражается суть данного названия, следовательно, и деятельности заведения.

Название ресторана «*Гренок*» наводит горожан на мысль, что в этом заведении готовят прекрасные гренки.

Не только заведения общественного питания имеют знаковые названия. Вспомним о магазине с символическим названием «*Уютerra*», специализирующимся на продаже товаров для дома. Корень «уют» позволяет говорить о знаке – индексе, благодаря которому складывается впечатление о том, что именно в данном магазине продаются вещи, способствующие уюту в доме, тем самым привлекая покупателей.

Названия магазинов детских товаров, таких, как «*Детский мир*», «*Яселька*», знаково информируют нас о том, что в них мы можем приобрести одежду для своих малышей, владельцы прямо указывают на свою специализацию. Существуют названия, по которым не так просто определить сферу деятельности и раскрыть смысл. К примеру, название «*Рыжий кот*» в большей степени наводит нас на мысль, что это заведение каким-нибудь образом относится к домашним животным, товарам для них, быть может, это ветеринарный центр. На самом деле «*Рыжий кот*» – это название полиграфии. Подобного рода названия не позволяют потребителю понимать его в буквальном смысле слова.

На протяжении многих лет изучение семантики имен собственных как языковых знаков, обращенных к информации, выработанной сознанием, не являлось приоритетом исследователей при традиционном ономастическом подходе. Между тем, сама идея о том, что ономастические единицы как единицы языка отра-

жают систему знаний о мире и представляют собой результат постижения человеком явлений реального мира и их интерпретацию языковым сознанием, была заложена еще в глубокой древности.

Говоря о функциях онимов, ученые приписывают им, кроме дифференцирующей и идентифицирующей функций, еще и номинативную функцию, из чего следует, что при обсуждении семантики онимов нет особого смысла акцентировать внимание на номинативной функции онимов, поскольку эта функция присуща всем знаменательным словам (как именам собственным, так и именам нарицательным).

Литература

Пирс Ч.С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.

Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. 2009. №3(7). С. 88-95.

Щербак А.С. Таксономическая классификация ономастических единиц как основа разработки проблем когнитивного аспекта ономастики // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. В.З. Демьянков. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014., С. 131-136.

Щербак А.С. Базовые положения теории когнитивной ономастики // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика. Итоги. Перспективы. М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2013. С. 143-148.

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: *монография*. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2012.

ТОПОНИМ ТАМБОВ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ТАМБОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А.О. Попова, К.С. Беляева
(Тамбов, Россия)

Статья посвящена выявлению топонимического материала в почерке писателей, жизнью и творчеством связанных с Тамбовским краем, который взаимодействует с другими ресурсами произведения, его поэтической структурой

Ключевые слова: топонимическая лексика, творчество тамбовских писателей

Непреходящими ценностями русской культуры на протяжении нескольких столетий являются Петербургский и Московский тексты русской литературы, которые имеют свои главные темы и мотивы, типы лирических героев, свои языковые особенности [Шурупова 2011].

Возникает вопрос: можно ли говорить о том, что провинциальный город может иметь свой текст, скажем, город Тамбов?

Русский город Тамбов, основанный в 1636 году как крепость для защиты юго-восточных окраин Московского государства от набегов кочевников, –

один из стариннейших городов Центрального Черноземья России, расположен в 467 км от Москвы. Статус губернского города Тамбов получил в 1796 г. Название города восходит к мордовским корням [Щербак 2006: 99-101].

Писатели, жизнью и творчеством связанные с Тамбовским краем, активно использовали в своих произведениях *топонимы* (названия населенных пунктов) и *гидронимы* (названия рек). Степень связи того или иного писателя с Тамбовским краем определяется содержанием и характером конкретных его произведений, создающих вместе с произведениями других авторов «тамбовский текст» русской литературы.

Многие поэты и прозаики посвящали свои строки городу Тамбову (Валентина Дорожкина, Андрей Белкин, Валерий Марков, В.А. Богданов, С.Н. Сергеев-Ценский, В.Н. Афанасьев, И.В. Шамов, Татьяна Курбатова, В.Г. Руделев и др.).

Обращают на себя внимание строки Сергеева-Ценского (1875-1958), нашего земляка, который вырос в Тамбове. Он мысленно переносился в край, пробудивший в нём поэта и художника, сердцем видел его красоту и навсегда остался благодарным своей малой родине:

Вот они, тамбовские просторы!
Нет, их не состарили года:
Я купался в море, видел горы,
Но душой стремился лишь сюда.

Валентина Тихоновна Дорожкина – яркий представитель региональной художественной литературы – в стихотворении «Мой Тамбов» признаётся в любви городу:

Не отхожу я от вагонных окон –
Я признаюсь тебе в любви, Тамбов...

Она пишет о реке Цне, называя её «...зелёная и ласковая Цна...», и о *«милей Набережной»*:

Небо опять хмурится –
Осень в мои края.

Набережная улица,
Милая ты моя...

Любовь к городу Тамбову, верность и уважение к родному краю есть основной постулат творчества В.Т. Дорожкиной.

Не выразить все чувства в слове,
И остается лишь сказать:
Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать.

О родном городе пишет А.В. Макаров в стихотворении «Ещё раз о Тамбове»:

Я молюсь, хоть и это не ново:
Сохрани, Боже мой, и спаси
Музучилище – гордость Тамбова,
Зоин памятник – гордость Руси...

В этом стихотворении поэт рассказывает о городе, его достоянии, его общественных деятелях:

Каждый вечер сюда залетая
С тех краев, где неведомо зло,
Боборыкина тень золотая
Опускает на город крыло....

В данном отрывке мы встречаем фамилию (антропоним) Боборыкин, который сыграл важную роль в жизни города. В 1626 году он был воеводой города, под его руководством велось строительство крепости Тамбов.

В стихотворении «Деревенька Горки» А.В. Макаров восхищается тамбовской деревенькой:

Вкус полыни горький.
Комариный звон.
Деревенька Горки,
Бондарский район....
...
Заиграет гармошка «Странанье»,
Запечалятся волны на Цне...
Ах, какое у речки названье,
Словно твой поцелуй в полусне...

Думается, что в этом стихотворении присутствует поэтическое авторское толкование *гидронима* «Цна»: «словно твой поцелуй в полусне».

Известно, что Аркадий Васильевич Макаров был из Бондарского района, и в своем творчестве он несколько раз использует название местности «Бондари». В стихотворении «На реке Вороне» поэт гордится рекой на тамбовской земле:

Ждать не буду дня второго,
И других не надо дней,
Коли есть река Ворона
На Тамбовщине моей.

В стихотворении, которое называется «Стихи о Тамбове», он пишет:

Скупа природа в Бондарях –
Бугор да яма.
Пустьрь за школой и овраг
В огне бурьяна....

В стихотворении «На Родине в Бондарях» мы встречаем описание местности, её достопримечательностей, употребление названия речки *Малый Ломовис*.

Таким образом, каждый из поэтов искренне раскрывает свои чувства, признается в любви к городу. Эмоциональность, экспрессивность и оценочность поэтического текста во многом достигается за счет использования топонимического материала, который в стихотворении взаимодействует с другими ресурсами поэтических строк, его поэтической структурой.

Имена собственные, в частности топонимы, способствуют созданию образной структуры стихотворения, они являются важным фрагментом языковой картины мира поэта.

Литература

- Дорожкина В.Т.* Избранное. Тамбов, 2004.
Люблю тебя, Тамбов! Стихи о родном городе / Ред.-сост. В.Т. Дорожкина. Тамбов, 2007
- Макаров А.В.* На той стороне. Книга стихотворений. Белгород, 2014.
- Шурупова О.С.* Концептосфера Петербургского и Московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с.
- Щербак А.С.* Город Тамбов на реке Цне // Русский язык в школе. 2006. № 4. С. 99-101.

БЕССУФФИКСАЛЬНЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛИИ: НЕСТАНДАРТНЫЕ ИЛИ НЕСТАНДАРТИЗИРОВАННЫЕ?

В.О. Максимов
(г. Москва, Россия)

В статье рассматривается процесс стандартизации русских фамилий, утверждается, что традиционный русский фамилиекон постепенно сокращается, теряя настоящие шедевры антропонимического творчества наших предков, в то же время происходит и встречный процесс: возникают новые фамилии как результат самостоятельного творчества.

Ключевые слова: традиционный русский фамилиекон, бессуффиксальность русских фамилий

В письмах, приходящих от посетителей сайта Информационно-исследовательского центра «История фамилии» (familii.ru) значительную часть составляют вопросы с просьбой объяснить, как появилась та или иная *необычная* фамилия. Причём очень часто под необычностью фамилии подразумевается её бессуффиксальная форма (фамилия не оформлена никаким патронимическим суффиксом). Необычными считают свои фамилии, например, люди с фамилиями *Ус* и *Санько*, *Фортальный* и *Прищеп*, а тем более *Скалозуб* и *Коробочка* (эти фамилии не придуманы Гоголем и Грибоедовым, а существуют на самом деле).

В одном из писем был задан вопрос о происхождении фамилии *Княжище*, которая была определена как *очень редкая* и *необычная*. По данным задавшего вопрос, в начале XX века его предки – поляки, после третьего раздела Речи Посполитой выселенные из родных мест – проживали в Суражском уезде Витебской губернии.

Фамилия *Княжище* действительно редка. Но не уникальна. Её основой является широко известное у славян нецерковное имя *Князь*, точнее его уменьшительная форма *Княжище*. Сложно однозначно сказать, по какой причине предок получил такое имя. В XV-XVII вв. у славян существовали и другие имена, повторяющие названия различных знатных титулов (*Царь*, *Султан*, *Король*, *Боярин* и т.п.). Возможно, родители полагали, что таким «знатным» именем смогут выразить свою радость от появления нового члена семьи – долгожданного сына.

В XIV-XVI вв. подобное имя могли дать и с охранительной целью: наши суеверные предки верили, что «знатные», «грозные» и даже «опасные» имена

смогут отпугнуть от их наследников нечистую силу: отсюда и распространённость фамилии *Злобин* (она восходит к очень популярному в старину имени-оберегу *Злоба*). Прозвище *Князь* мог получить и заносчивый мужчина, гордец, и просто статный юноша. И совсем сложно сказать, по какой причине в обиходе его звали не *Князем*, а *Княжищем*, поскольку суффикс *-ИЩЕ* в прошлом имел не увеличительное, а уменьшительное значение. Когда точно произошла перемена его значения на противоположное, сложно сказать однозначно.

Принято считать, что «водоразделом» служит XVII век. Но подобные изменения в языке происходят не одномоментно, поэтому не исключено, что кое-где прозвище *Княжище* и в XVI веке уже толковалось как «усилительная», экспрессивная форма прозвища *Князь* (например, «очень гордый»), а где-то и в XVIII столетии такое прозвище было всего лишь детским вариантом прозвища *Князь* (например, как умилительная констатация членами семьи или соседями бойкого и независимого характера малыша).

Подобные формы были в прошлом известны и у других имён, как крестильных, так и нецерковных, например: *Иванище*, *Петрище*, *Усище* (*Ус*), *Бочище* (*Бок*) и его вариант, отражающий аканье – *Бачище*, *Ртище* (*Рот*) или более близкое по «тематике» к основе фамилии *Княжище* имя *Царище* (*Царь*). Все они сохранились в основах традиционных русских фамилий *Иванищев*, *Петрищев*, *Усищев*, *Бочищев*, *Бачищев*, *Ртищев* и *Царищев*. Традиционных в том смысле, в каком часто употребляют само выражение «русская фамилия», то есть оформленная одним из самых распространённых патронимических суффиксов (*-ов*, *-ев*, *-ин*). Подобные фамилии порой называют ещё стандартными. На самом деле такое определение является некорректным.

Речь идет о том, что фамилии с суффиксами *ов*, *-ев*, *-ин* являются наиболее распространёнными у русских, но ими вовсе не ограничивается список типов фамилий, которые по праву можно назвать русскими. По той, например, причине, что они издавна бытуют и русских людей и, значит, вполне вписывались в представление о том, что такое *русская фамилия*.

Приведу два примера. На территории России встречается фамилия *Бочищев*. Она редка, но не единична: бытует в разных землях от Твери до Самары. Ещё более редка фамилия *Бачищев*. Среди жителей Минской области с давних времён встречаются фамилии *Бочище* и *Бачище*.

На рубеже XIX-XX вв. фамилия *Княжище* действительно встречалась в основном у поляков (во всяком случае у католиков), проживавших в западных губерниях Российской империи (на территории Белоруссии). Но в XVI-XVII веках схожие имена бытовали и у восточных славян, что подтверждают старинные грамоты. Например, в 1519 году в Суздальском уезде упомянут *Ивашко Князицо*: записано именно так, но в имени *Князицо* несложно угадать диалектную форму имени *Княжище*, тем более, что в другой грамоте этот *Ивашко* записан как *Ивашко Княжищев*. На основании этого можно высказать предположение, что вторая часть его полного именованья – *Князицо* досталась ему «по наследству» и первоначально принадлежала отцу. В грамотах 1550-х годов также упоминается *Гридя Васильев сын Княжищев*, житель Тверского уезда, а в 1641 г. – *Иван Княжищев*, казак в городе Курске; в Московском уезде в XVII веке существовало село *Княжищево*.

Интересен тот факт, что в документах витебского воеводы в 1538-1539 году среди жителей Витебского повета встречаются упоминания имён *Князищо* и *Кнежищо* (оба именованья относятся к одному и тому же человеку), а также семейных прозваний *Князищов*, *Кнежыщов*, *Княжищов* и *Каняжищов*. Следовательно, имя или прозвище *Княжище* не является особенностью польского именника. Любопытно также, что, например, польский учёный Казимир Рымут вообще не упоминает эту фамилия среди польских. Возможно, не является случайным совпадением и то, что фамилия *Княжище* в начале XX века бытовала там же, где четырьмя столетиями ранее было зафиксировано бытование имени *Князищо* (*Кнежыщо*) и семейного прозвания *Князищовы* (*Кнежыщовы*).

Может быть, их предки не были переселенцами из королевства Польского, а являлись потомками коренных жителей Витебщины, в определённый период перешедших из православия в католичество? И хотя в первой половине XVI века их семейное прозвание записывали как *Князищовы* или *Кнежыщовы*, но в окончательной записи «победил» бессуффиксальный вариант.

Пример *Ивашка Князища* (так склоняет в грамоте его имя и прозвище современник ему делопроизводитель) показывает также, что ещё в XVI веке даже в самом «сердце» исторической части Московской Руси наследственное именование могло и не дооформляться патронимическим суффиксом. Но постепенно в русском делопроизводстве была выработана единая формула передачи полного именованья человека, которая предусматривала, что всякого царёва подданного или – позднее – гражданина Российской империи хотелось бы внести в списки согласно придуманного нашими бюрократами «стандарта».

Такие процессы мы можем наблюдать не только в западных губерниях Российской империи, но и в восточных, где на протяжении XVIII-XIX веков постепенно происходило сокращение фамилий с окончанием на *-их/ых* (*Узких*, *Широкых*) и замена их на «узаконенные» (*Узков*, *Широков*).

Таким образом, правильнее было бы сказать, что происходил процесс стандартизации русских фамилий. Причём, такую форму фамилий как «правильную» восприняли не только русские в широком смысле этого понятия (русскими в тот период называли себя все восточные славяне). Недаром такой тип фамилий получил большое распространение у армян, подменив в наследственных именованьях многих семей традиционную форму с окончанием на *-ян/яниц*. Но это в большей степени связано с тем, что в период оформления фамилий у граждан Российской империи на её территорию переселилось большое число армян из Османской империи, которые, видимо, восприняли такую форму фамилий как обязательный атрибут российского гражданина. Но одновременно с этим мы знаем, что там, где к тому времени уже вполне сложилась своя национальная традиция записи фамилий, особых претензий российское чиновничество не предъявляло. Хотели грузины сохранить свои наследственные имена – сохраняли. Те, кто колебался, могли позиционировать себя как *Чубиновы*, а потом вновь *Чубинашвили*. Сохранили свои фамилии литовцы, латыши и эстонцы.

Возвращаясь к собственно славянским фамилиям, можно предположить, что, если бы процесс стандартизации начался несколько раньше, а сама Рос-

сийская империя просуществовала бы несколько дольше, то такая стандартизация охватила бы значительную часть того населения, которое считало себя русским. Но это диктовалось не столько бюрократическими установками, сколько пожеланиями самих граждан, о чём свидетельствует массовость перемен фамилий в первые годы Советской власти, сильно упростившей эту процедуру. Причём, одним из самых частых видов перемены фамилии было дооформление уже существующей до формы, которая к тому времени ощущалась как «стандарт»: *Козёл* становился *Козловым*, *Баран* – *Барановым*, *Злоба* – *Злобиным*, и их можно понять.

Там же, куда эти веяния эпохи не докатились, граждане продолжали без каких-либо юридических проблем пользоваться своими «нестандартизированными» фамилиями. В тех землях, где среди земляков были распространены фамилии *Червяк*, *Блоха* и *Гнида* (даже в 40-е годы XX века в Советском Союзе проживали сотни семей с этими фамилиями), фамилия *Княжище* воспринималась как поистине аристократическая.

Казалось бы, точку в процессе стандартизации должно было поставить принятие в XIX в. законов, предписывающих каждому гражданину Российской империи иметь официальную фамилию, следствием чего стала их письменная фиксация. Однако процесс дооформления фамилий до формы, которая к тому времени воспринималась как реальный «стандарт», продолжился и позднее. Происходит он и сегодня, хотя законодательно вообще никак не предписан. Это означает, что причины этого следует искать в личных предпочтениях граждан, их недовольством фамилией, доставшейся по наследству. Например, с исчезновением некоторых реалий, изменением восприятия слов, их называвших, при переселении носителя иноязычной фамилии в русскоязычную среду или с появлением новых слов, омонимичных основам фамилий, некоторые их носители начинают испытывать дискомфорт при упоминании своих фамилий.

Проблемы сегодня возникают, например, у носителей фамилий *Гей* и *Гейко* (фамилии сохранили звучание краткой формы церковного имени *Аггей*) или обладателей молдавской фамилии *Пона* (диалектный вариант прозвища *Понэ* – «поп»).

На наш взгляд, более интересен другой случай. Причину недовольства своей фамилией объяснил молодой человек по фамилии *Лантев*. Он сообщил, что его дразнят *Лантём*, а это оскорбительно, поскольку слово *ланоть* ассоциируется с понятием «деревенщина». Фамилия *Ланоть* была редкой и в середине прошлого столетия, но встречалась практически на всей территории Белоруссии и в восточных областях Украины. К сожалению, не располагая информацией, много ли сегодня осталось семей с такой фамилией. Сто лет назад слово *ланоть* тоже не было атрибутом принадлежности к высшему классу, но фамилия *Лантев* не вызвала никаких негативных ассоциаций.

Основываясь на беседах с посетителями нашего центра, могу сделать предположения, что фамилии, судьба которых – исчезнуть или быть несколько изменёнными, далеко не единичны.

Печально, что традиционный русский фамиликон постепенно сокращается, теряя настоящие шедевры антропонимического творчества наших предков, хотя

объективность и неизбежность этого процесса всё же понятна. Но одновременно происходит и встречный процесс: возникают новые фамилии – результат самостоятельного творчества. Причём без какого-либо насилия со стороны сотрудников регистрирующих учреждений, значительная их часть создаётся по самой распространённой русской модели: при помощи патронимических суффиксов. Уверен, что анализ их производящих основ также будет очень интересен и познавателен.

Литература

- Судебная книга витебского воеводы М.В. Клочко 1533-1540. М., 2008.
Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995.
Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005.
Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке. СПб., 2001.

ТАМБОВСКИЕ ФАМИЛИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ ПРОФЕССИЙ

Лю Цзюань
(г. Хайнань, Китай)

В статье предпринята попытка рассмотреть фамилии в телефонном справочнике г. Тамбова и описать наиболее частотную семантическую группу фамилий, которые восходят к профессии, что дает интересный материал для изучения истории экономического и культурного развития Тамбовской региона.

Ключевые слова: тамбовские фамилии, трудовые традиции, региональные апеллятивы

В основу данной статьи проложены наблюдения, которые были получены при анализе фамилий в телефонном справочнике г. Тамбова.

В соответствии с апеллятивами, к которым восходят фамилии, зафиксированные на территории Тамбовской области, выделяется семантическая группа фамилий, которые восходят к профессии. В числе самых частотных фамилий выделяются фамилии *Кузнецов*, *Пчелинцев*, *Толмачев*. Рассмотрим эти фамилии подробнее.

Кузнецов – это кузнец, коваль, ковач, кто кузнечит, кует на кузне, занимается кузнечным делом или кузнечеством [Даль, Т. II: 212].

Толмачев – переводчик с языка на язык (глаголу «толмачить, толковать, объяснять, рассказывать подробно, внушать, заставлять понять») [Даль, Т. IV: 412].

Пчелинцев – пчелинец, пчеляк, пчеловод, пчеловодец – пасечник, кто выводит пчел и ходит за ними [Даль, Т. III: 24].

По данным телефонной базы 2000 года, только в Москве проживает более 300 семей Пчелинцевых. Однако учитывая тот факт, что слово «пчелинец» чаще всего встречалось в южных и волжских русских говорах, можно предполагать,

что в этих землях фамилия Пчелинцев ещё более распространена. По статистическим данным, *Пчелинцевы* и *Пчельниковы* расселены на территории Тамбовской области в селах Тамбовского, Мичуринского, Рассказовского, Сосновского и Моршанского районов.

Данный факт позволяет судить, что, видимо, еще в VIII-XIX веках именно в этих районах было особо развито пчеловодство. Распространенность данных фамилий на территории Тамбовской области говорит о разветвленности рода, раскрывает пути миграции русского населения как внутри данной территории, так и за ее пределами. История этих фамилий связана с историей заселения Тамбовского края.

Изучение подобного рода фамилий представляет особый интерес, поскольку они входят в трехчленную форму именованя человека (ФИО), а апеллатив, лежащий в их основе, содержится во множестве русских пословиц и поговорок о кузнеце. Например:

*Не кует железа молот, кует кузнец.
Кому до чего, а кузнецу до наковальни.
Для того кузнец клещи кует, чтобы рук не жгло.
У кузнеца – что стукнул, то пятак.
Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует.
У кузнеца углей не проси.
Куй железо, пока горячо.
Кузнец клещи берет – от огня руки бережет.
Кузнец клещи кует, чтобы руки не жгло.
Кузнец коня кует, а лягушка туда же лапу сует.
Кузнецу лихо, что в кузнице тихо.
Как на дворе лед, так кузнецу мед.
Плох тот кузнец, который боится дыма.
У кузнеца руки черны, да хлеб бел.
Не молот железо кует, а кузнец, что молотом бьет.
Кузнецом никто не рождается.
Кузнецу, что козлу, – везде огород.*

Ученые подчеркивают, что фамилии, образованные от названий профессий, составляют достаточно «разветвленную в семантическом отношении группу, в которой по значению фамильных основ можно выделить несколько подгрупп» [Королева 2012: 69]. Речь идет о том, что «профессиональные» фамилии могут восходить к апеллативам, обозначающим наименование продукта труда, наименование процесса труда, наименования средств труда, а также наименования смешанного типа, указывающие и на процесс, и на продукт труда. В этом плане интересна фамилия *Пчелинцев*.

В старину *пчелинцами* на Руси часто называли пасечников, т.е. пчеловодов, бортников. Такие «профессиональные» прозвания существовали на Руси издавна, в официальных документах они помогали выделить конкретного человека в массе людей. «Пчелинцев» (ты чей?) – это отчество отца, образованное от прозвища деда.

Старожилы села Черняное Тамбовского района Тамбовской области до сих пор употребляют устойчивое выражение «На слива'нках и мёд едят», не отмеченное ни одним словарём.

Как известно, мед в России качают до Медового Спаса, а принимать его в пищу можно только после Медового Спаса, который отмечается 14 августа – «Спасовка-лакомка». Этот день считается медовым разговеньем, в деревнях пчеловоды приносят осветить мед в церковь. «На Первый Спас и нищий медку попробует», – гласит русская пословица.

Слива'нки – это остатки последнего меда в емкости, из которой уже распределен мед по другим емкостям после медогона. Данное выражение означает, что, даже если не позволяет обычай, то все равно можно сделать и некоторое исключение: не пропадать же остаткам такого ценнейшего продукта, можно и нарушить обычай. Смысл выражения «На слива'нках и мед едят» понимается так: если что-то и запрещено, то иногда можно нарушить.

С промыслом бортничества и пчеловодства связано много русских диалектных слов, которые со временем вышли из обихода и сохранились лишь в русских фамилиях. Эти фамилии отражают трудовые традиции, т.е. род занятия русских предков. Например: *Пчелинцев, Пчельников, Пасечный, Ульев, Бортников, Зе'мцов, Земцо'в*. Все фамилии, зафиксированные на территории Тамбовской области, восходят к именованию человека по роду его деятельности. Для обозначения человека «кто водит пчел и ходит за ними» (по словарю В.И. Даля), т.е. пчеловода, занимающегося пчеловодством, или пасечника, работника на пасеке, а также содержателя пасеки, в русских говорах отмечены следующие слова: *пчели'нец, пче'льник, пчеляк, земе'ц, пчеловод (пчеловодка), пчеловодец, пчелопа'сек, пчелух*.

Фамилия *Ульев* говорит сама за себя, указывает на образ жизни предков, на то, что человек занимался пчеловодством. *Бортников* – от диалектного слова «бортник» – человек, собирающий мёд.

Подобного рода профессиональные фамилии дают интересный материал для изучения истории экономического и культурного развития Тамбовской региона, поскольку раскрывается спектр общерусских ремёсел и промыслов, скрывающихся за той или иной фамилией.

Читатель вряд ли сегодня отгадает загадку, некогда звучавшую среди тамбовских жителей: «В темной клетке понёвки ткёт».

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1989-1991.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Тт. I-II. М.: Художественная литература, 1984.

Королёва И.А. История фамилий, образованных от названий профессий, в русском языке (на материале смоленской деловой письменности // Известия Смоленского государственного университета. 212. № 2 (18) С. 69-78.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ¹

А.А. Казанкова
(г. Тамбов, Россия)

В статье предпринята попытка доказать перспективность осуществление системной лингвокультурологической интерпретации диалектной и ономастической лексики с целью описания языковой и лингвокультурной ситуации на территории Тамбовского края.

Ключевые слова: диалектная лексика, ономалексемы, топонимы Жердевского района Тамбовской области

Социокультурные и политические изменения в России, с одной стороны, пробудили интерес общества к национальной истории и национальным культурным ценностям, с другой стороны – привели к существенной трансформации лингвокультурной ситуации в российской провинции. Меняется соотношение разных форм существования языка, диалектная лексика как хранитель русской духовной и материальной культуры, уходит из активного запаса, появляется так называемый региолект (термин А.С. Герда). Особенно неблагоприятному влиянию времени подвержены ойконимы. Эти обстоятельства создали базу для научной проблемы. Отсутствие единого алгоритма работы с региональным топонимическим материалом создает главную проблему, с которой сталкивается лингвокраеведение. В настоящее время лингвокультурная ситуация в российской провинции характеризуется существенной трансформацией русских говоров. Речь идет о том, что языковая региональная культура растворяется в общей культуре. Последние десятилетия XX века и начало XXI века в России отмечены значительными социокультурными и политическими изменениями, что находит отражение в наименовании и переименовании тамбовских населенных пунктов.

Изучение фактов материальной и духовной культуры и сбережение ценностей духовной культуры исследуемого региона, являющего собой Тамбовский край – территорию позднего заселения, необходимо в современных условиях интенсивных экономических и демографических изменений.

В существующих научных трудах недостаточное внимание уделено развитию региолекта, диалекта и ономастикона, демографическим процессам провинциальной территории – Тамбовского края. Выявление регионально-национального своеобразия народной картины мира позволяет решить фундаментальные вопросы формирования и развития русской культуры одного из регионов Российской провинции.

Современные лингвокультурологические и этнокультурные изыскания характеризуются междисциплинарной направленностью, что связано с перестройкой современной лингвистической и общенаучной парадигмы и ее ориентацией

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации РГНФ-2016 проект № 15-04-00379.

на изучение ментальных процессов и культурных фактов. Анализ лингвистического материала все больше ориентируется на рассмотрение фактов сквозь призму сознания личности, ее картины мира. Современная антропологическая лингвистика все активнее обращается к явлениям отражения в языке духовной культуры народа и его картины мира (С.М. Толстая, Н.И. Толстой, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Н.В. Васильева, Л.А. Климкова и др.). Эти исследования опираются на концепцию В. фон Гумбольдта о языке как трансляторе духовной культуры, идеи М.М. Бахтина, Ш. Бали, Э. Бенвениста, М. Вебера, Э. Гуссерля, Э. Кассирера и др. об отражении этнокультурной информации.

Еще в конце XX столетия имена собственные стали рассматриваться в аспекте осмысления этнокультурной информации, личностных смыслов и фоновых культурных ассоциаций носителя языка, когнитивных моделей восприятия топообъектов (В.Н. Топоров, Е.Л. Березович, Е.М. Верещагин, М.В. Голомидова, М.В. Горбаневский, Л.М. Дмитриева, М.Э. Рут, В.И. Супрун и др.).

Начиная с 1995 года, коллектив тамбовских ученых активно ведет работу по сбору и обработке ономастического материала. Развитие данного направления связано с работами Л.И. Дмитриевой. Параллельно велась работа над сбором диалектного материала под руководством С.В. Пискуновой, в настоящее время ономастические изыскания ведутся под руководством А.С. Щербак.

Однако на сегодня сформировалась потребность в синтетическом осмыслении механизмов организации и функционирования языковой картины мира и культуры в российской провинции. Перспективным является лингвокультурологический комплексный подход к исследованию диалектных фактов, которые оказываются вписанными в широкий ономаконтекст, позволяющий реконструировать ментальные структуры, выявить основные ценностные ориентиры в жизни российской провинции, которые отражаются в языковом и культурном материале.

Осуществление системной лингвокультурологической интерпретации диалектной и ономастической лексики с целью описания языковой и лингвокультурной ситуации на территории Тамбовского края должно ставить перед собой следующие задачи:

- сбор, систематизация диалектного и топонимического материала;
- обобщение и анализ лингвистического материала (записи речи информантов-старожилов);
- описание символов духовной культуры (Бог, вера, любовь и др.);
- описание фактов материальной культуры (промыслы, пища, одежда и др.);
- выявление особенностей взаимодействия материальной и духовной культуры в сознании тамбовских жителей, эволюции региональной языковой системы;
- определение значимых концептуальных фрагментов языковой региональной картины мира;
- создание Вопросника «Географические, личные и другие имена в тамбовских сёлах»;
- разработка методических рекомендаций по лингвистическому краеведению.

Комплексное исследование имеет два основных направления: диалектология и ономастика. Предметом анализа являются прежде всего активные коммуника-

тивные процессы и связь используемых в них языковых репрезентаций с синхронно действующим менталитетом народа (идеи А.А. Потебни, М.М. Покровского, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, Н.И. Толстого).

Необходима комплексная обработка собранного диалектного и топонимического материала, который зафиксировал и сохранил региональные компоненты культуры Тамбовщины. Важен не иллюстративный подход, а целостное, системное описание единиц языка (диалектных и топонимических) и культуры в их корреляции и взаимодействии с учетом определения региональных особенностей лингвокультурной ситуации Тамбовского края, коренное население которого с XVII века составляла мордва, марийцы, татары, древнейшее население данной территории – тюркские кочевые племена.

Совокупность названий Тамбовской области представляет собой четко слаженную организованную систему, хотя и функционирующую по основным ономастическим принципам, но имеющую свои индивидуальные особенности, обусловленные природным ландшафтом ареала, темпоральными и этическими факторами (субстратные, исконно русские, современные названия), диалектным воздействием. Именно многообразие факторов, влияющих на формирование и бытование топонимов, объясняет ценность топонимикона данного ареала в лингвокультурном плане, поскольку четко прослеживаются тенденции в номинации топообъектов и их функционировании. В связи с тем, что микротопонимия является наиболее подверженной влиянию времени, ее изучение в аспекте духовных традиций наиболее ценно.

Проблема изучения географических названий, кроме того, представляет интерес не только для языкознания, но и для истории, поскольку топонимия дает информацию о миграциях населения в прошлом. Многие названия бесследно исчезают. Отсюда задача быстрейшей лингвистически точной фиксации географических названий.

Город под названием *Жердевка* в Тамбовской области возник в 1954 г. из слияния трех поселений: поселка при сахарном заводе, пристанционного поселка *Жердевка* и села *Чибизовки*. Выселок *Чибизовка* – такое первоначальное название имело поселение, затем с 1885 г. оно стало именоваться селом *Чибизовка*. Название города обязано фамилии первого жителя *Федора Тимофеевича Жердева*.

Город расположен на р. *Савале*, притока *Хопра*, по течению справа в нее втекают *Бурначка*, *Осиновка* и *Осиновая*.

По мнению В.Н. Топорова и О.Н. Трубачёва название реки *Савала* восходит к иранским языкам, а именно к иранскому апеллятиву *saw* – «черный» (в армянском языке – *сев*, в осетинском – *сау*). Ученые приводят в своих работах множество примеров гидронимов, которые восходят к иранским языкам. Между тем, известно, что в древности со словом «черный» многие народы, в частности тюрки, иранцы, угро-финны связывали свое представление о пространстве, увязывая его с практикой ориентации в окружающем мире. Этим словом они обозначали *север*, северную сторону небосклона, где находилась Полярная звезда.

Г.Л. Щеулина, учитывая мнение В.А. Семушнина, высказывает предположение о том, что *Савала* значит «северный приток». Поскольку начало свое река *Савала* берет из родников балки, расположенной севернее станции *Чакино*

в Ржаксинском районе, и, будучи притоком Хопра, течет строго с севера на юг, то мнение Г.Л. Щеулиной вполне убедительно [Щеулина 2006: 16].

Л.И. Дмитриева и А.С. Щербак, которые ссылаются на мнение Э.М. Мурзаева, считают, что название реки восходит к угро-финскому слову *САВ* – «ручей, вытекающий из озера», а элемент гидронима *ЛА* скорее всего русифицированный: *ляй* - *ля* - *ла* – «река, вода» [Дмитриева 2000: 24].

К.А. Гибшман придерживается версии, что в переводе с татарского *савала* означает «пустое место», т.е. свободная территория у реки между уже существовавшими к тому времени с. *Сукмановкой* и с. *Бурнаком*. Скорее всего, это ложная этимология, т.к. эти сёла появились в то время, когда татар уже не могло быть на территории района, а все гидронимы иноязычного происхождения к тому времени уже были обозначены [Гибшман 1999: 9].

Среди жителей Жердевского района бытует легенда, согласно которой когда-то на месте города *Жердевка* было поселение под названием *Савлея*, и располагалось оно на берегу безымянной реки. Поселение называлось так по мужскому имени *Савва* или *Савин*. По названию этого поселения стала называться безымянная река – *Савала*.

Эта неоднозначность топонимов порождает топонимические легенды как жанр устного народного творчества и составляющую часть устной истории, а также поддерживает разнообразные народные этимологии и «краеведческие» версии происхождения топонимов, отсюда и суффиксальное разнообразие. Ср.: *Сукмановка*, *Сукмачовка*, *Сукманка*, *Сухманка*. Такое разнообразие суффиксов вполне может объясняться влиянием устной формы речи.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно сделать некоторые выводы. Учитывая то, что на территории Жердевского района жили люди кочевых племён, проходили ногайцы, татары и другие народности, было бы логично предположить, что они могли давать названия рекам, болотам и иным географическим объектам на своём языке. Затем на территории поселялись другие группы людей, которые вносили изменения в эти названия. Одним словом, происходил неизбежный процесс наложения одного ономастического пласта на другой. В результате такого смешения истинная этимология названия затемнялась, и порой невозможно отыскать первоначальный аппелятив, к которому восходит то или иное название местности.

Литература

Щеулина Г.Л. Топонимика Верхнего и Среднего Подонья в этнокультурном и антропоцентрическом аспектах. Липецк: ЛГПУ, 2006. 144 с.

Дмитриева Л.И. Щербак А.С. Словарь гидронимов Тамбовской области. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 41 с.

Гибшман К.А. История села Туголуково. Тамбов, 1999. 158 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНИМОВ

Сюй Чунсюань, Син Цзинцзин
(г. Тяньцзинь, Китай)

Статья посвящена осмыслению номинативных процессов и словообразовательных типов в этнонимии; устанавливаются варианты этнонимов в современных источниках и наиболее характерные словообразовательные этнонимические модели у славян, описываются этнические предки современных китайцев

Ключевые слова: лингвокультурология, этническая общность, этническое название

В научной литературе под термином «этноним» понимается слово, которое служит для обозначения любого этноса (этнической группы, плени, народа, национальности и т.п.) [Подольская 1988: 167].

Г.Ф. Ковалёв подчеркивает: «Можно с уверенностью утверждать, что этническое название (этноним) является специфической неотделимой частью национального самосознания того или иного народа, народности или какой-нибудь этнической общности. Это, пожалуй, сопоставимо только с личным именем человека, с той лишь разницей, что отдельно взятый человек не испытывает коллективного чувства солидарности с одноименными ему Владимирами...», в той же степени, как он не ощущает это, осмысляя себя русским» [Ковалёв 2003: 107].

Научное изучение, например, славянских этнонимов началось только в XVIII веке, несмотря на то, что уже в эпоху средневековья предпринимались попытки выяснить, откуда появились этнические названия и что они могут обозначать.

Большинство учёных изучение этнонимов связывало с изучением истории языка и этногенеза того или иного этноса. Так, среди учёных, изучавших славянскую этнонимику, были М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, А.А. Потебня, А.А. Шахматов. В наше время этнонимы были предметом рассмотрения в работах О.Н. Трубачёва, В.А. Никонова, В.И. Супруна, А.И. Попова и др.

Славянские языки получили в наследие от общеславянской эпохи практически одинаковые или очень близкие словообразовательные модели и средства. Компактное расселение в общеславянскую эпоху определяло и хозяйственное единообразие и культурную близость славянских племён. А это, в свою очередь, сформировало и близкие номинативные процессы и номинационно-словообразовательные типы в этнонимии. Наиболее характерными типами этнонимических моделей у славян были:

1. бессуффиксальный тип: *чехы, сырбы, хорваты*;
2. с суффиксом *ĭne/-ane/-ǫne*: *словѣне, поляне* и др.;
3. с суффиксом **-itji*: *радимичи, вятичи, дреговичи, кривичи*.

Во многих славянских языках отмечаются собирательные этнонимы. В древних собирательных этнонимах очень долго совмещалось два значения:

собственно этнонимическое и территориальное. Второе значение, будучи вторичным, тем не менее со временем начало доминировать над первым, чисто этнонимическим. С изменением структуры географической номинации у славян, особенно восточных (переход от номинации территории по этносу, совпадающей с названием этноса, к собственно территориальной номинации, использующей присущие ей топонимические форманты), необходимость в этнонима-хоронимах отпала.

В результате часть таких образований стала хоронимами в чистом виде: *русь, литва, морава*; этнонимы приобрели свои форманты: *русские, литовцы, мораване* и т.д.

По мнению лингвистов, слова *русь* и *рос* загадочны и таинственны. Насчитывается не менее 17 различных научных гипотез о происхождении термина Русь. Факты языка свидетельствуют о том, что слово *русь* собирательное имя существительное древнерусского языка в форме женского рода и единственного числа, от которого трудно образовать форму единственного и множественного чисел этнонимов.

Китайский этнос складывался с IV тыс. до н.э. (эпоха неолита) в бассейне реки Хуанхэ. Со II тысячелетия до н.э. различные государственные образования на территории Китая создавались племенами **инь, чжоу, хуася** (этнические предки современных китайцев).

Полное имя китайца может быть двусложным и трёхсложным четырехсложным. В раннем детстве он носил «молочное» имя (*жу-мин*, или *сяо-мин*), известное только в семье.

Таким образом, варианты этнонимов в современных источниках распределяются на четыре группы:

1. Этнонимы с различающимися корневыми основами (**венгры и мадьяры, камбоджийцы и кампучийцы** и т.д.).
2. Этнонимы, оформленные разными суффиксами-формантами (**лаосцы-лаотяне – лаотянцы**).
3. Бессуффиксные и суффиксальные варианты этнонимов (**абхазы и абхазцы, чечены и чеченцы** и т.д.).
4. Неизменяемые и изменяемые варианты этнонимов (**сомали и сомалийцы** и т.д.).

Причины появления такой яркой и многообразной вариативности могли быть различными.

Литература

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв.ред. А.В.Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.

Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 236 с.

КИТАЙСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

Чжэй Итин, Тянь Юньянь
(г. Тяньцзинь, Китай)

Статья посвящена изучению особенностей китайской системы именования и рассмотрению современных фамилий китайцев, отличающихся от древних; осмысливается информация о присвоении двойных фамилий (по отцу и матери).

Ключевые слова: китайский антропонимикон, официальное имя китайца, формы именования и обращения

Жители Китая не имеют отчества, как люди, живущие в России. Полное официальное имя китайца включает два элемента: стоящую на первом месте фамилию, или наследственное имя (НИ). Оно может быть односложным, например *Ван, Ян, Чжоу, Чжэй* и др., или двусложным, например *Сьма, Оуян*. Полное имя китайца может быть: во-первых, двусложным (по-китайски записывается двумя иероглифами); в этом случае оно состоит из двух односложных частей – наследственное имя (НИ) и именика имен (ИИ): *Ду Фу, Лу Синь, Ван Мэн*); во-вторых, трёхсложным (по-китайски записывается тремя иероглифами); в этом случае оно состоит из одного слога ИИ и двух слогов ИИ и одного слога ИИ (*Сьма Цянь, Оуян Сю*); в-третьих, четырёхсложным (по-китайски записывается четырьмя иероглифами); в этом случае оно состоит из двух слогов ИИ и двух слогов ИИ (*Сьма Сянжу*).

До сравнительно недавнего времени китаец на протяжении своей жизни имел несколько ИИ. В раннем детстве он носил «молочное» имя (*жу-мин*, или *сяо-мин*), известное только в семье.

Мотивировка выбора молочного имени может быть различной. В одних случаях в качестве *жу-мин* выбираются аппеллятивы, значение которых отражает какую-либо отличительную черту ребёнка, например, *Хэйтоу* (черномазая), в других значение имени передаёт какое-либо пожелание родителей в связи с рождением младенца: например, имя *Линди* (приведёт младших братьев) могли дать девочке в той семье, где с нетерпением ждали рождения сына.

В качестве ИИ может выступать практически любое сочетание иероглифов, имеющих знаменательное значение. Поскольку какие-либо специальные антропонимические форманты отсутствуют, возможны любые синтаксические связи между компонентами ИИ: определение и определяемое (*Дачунь* – большая весна), сказуемое и дополнение (*Аньчжи* – успокоим его), однородные члены (*Шучжэнь* – непорочная и чистая) и т.д.

Официальные ИИ мужчин обычно имеют значения, связанные с такими качествами, как мужество, ум, доблесть, способности; а также могли выражать пожелание богатства, знатности, радости и пр. (*Ювэй* – имеющий большое будущее), а женские ИИ полное имя – пожелание красоты, изящества, сравнение с добродетелью или с названиями цветов, бабочек и т.п. (*Минся* – светлая заря, *Шуин* – непорочный лепесток и пр.).

Таким образом, хотя имена собственные у китайцев не имеют каких-либо формальных признаков, позволяющих отличить мужское имя от женского, тем

не менее в большинстве случаев по семантике имени можно определить пол его носителя.

Несмотря на то что в китайской антропонимии отсутствует канонизированный список ИИ, выбор официального имени не был совершенно произвольным. Он регламентировался некоторыми правилами, известными под названием системы *пай-хан* – выстраивание в ряд, согласно которым имена всех представителей одного поколения в пределах родственной группы включали повторяющийся общий элемент. Система *пай-хан* на современном этапе – это результат позднейшего её развития.

Однако ещё несколько столетий назад эта система существовала в несколько ином варианте. Она объединяла родственников одного поколения в пределах не только семьи, но и гораздо более широкой родственной группы, клана – *цзунцзу*, в который входили семьи, родственные между собой: главы этих семей по мужской линии были потомками одного общего предка. Семьи одного *цзунцзу*, образовавшиеся в результате сегментации одной большой семьи, даже в XX веке продолжали сохранять определённые хозяйственные, идеологические и общественные связи. В каждой семье, входившей в *цзунцзу*, была *цзяту* (семейная родословная книга), в которой непременно был список иероглифов для слогов, которые в обязательном порядке должны были включаться в имена членов данного *цзунцзу*. Общим элементов мог быть или один из двух иероглифов ИИ (например: *Ван Лида*, *Ван Лифу*, *Ван Лиси*, где общий первый слог ИИ – *Ли*; *Чэнь Гофу*, *Чэнь Лифу*, где общий второй слог – *фу*), или же графический детерминатив в составе иероглифа, если ИИ было односложным. В последнем случае таким детерминативом чаще всего служили знаки, обозначающие пять стихий – воду, огонь, металл, дерево, землю.

Согласно древним космогоническим представлениям китайцев, последовательность стихий порождает все сущее. Поэтому если в именах представителей одного поколения присутствует знак (вода), то в следующем поколении общий элементом должен быть (огонь) и т.д. Таким образом, благодаря системе *пай-хан* по ИИ человека можно было определить степень его генеалогического родства с другими представителями той же родственной группы. Обычно один общий элемент ИИ объединял представителей мужского поля данного поколения, другой – женского. Иногда, однако, это разделение по признаку поля не было выдержано, и ИИ всех братьев и сестер имел один и тот же общий элемент.

Помимо ограничений, обусловленных системой *пай-хан*, при выборе имени раньше учитывались и другие обстоятельства, например, связанные с днём рождения ребёнка. Если этот день характеризовался недостаточной выраженностью той стихии, сочетание которой со стихией данного поколения предвещало ребёнку счастье, то этот недостаток (восполнялся) введением в ИИ соответствующего графического элемента.

Если набор ИИ китайцев практически неограничен, то количество НИ сравнительно невелико – оно не превышает нескольких сотен. Четыре-пять фамилий встречаются особенно часто: *Чжан*, *Ван*, *Ли*, *Чжао*, *Лю*.

На протяжении нескольких столетий наблюдается процесс сужения круга употребительных НИ. В отличие от ИИ, современные китайские фамилии в зна-

чительной степени десемантизировались, т.е. утратили своё реальное знаменательное значение.

Современные фамилии китайцев отличаются от древних НИ: если в наше время китайские фамилии неизменны и переходят от отца к детям на протяжении неограниченного числа поколений, то первоначально НИ могли меняться. Древние НИ образовывались или от ИИ деда, или от названия его ремесла, занятия, должности, или же от названия места жительства. Такие НИ выполняли определённую социальную функцию, указывая на принадлежность человека к той или иной родственной группе (клану). Это, в свою очередь, регламентировало обязательства человека по отношению к другим лицам, носящим ту же НИ. Причем изменить своё НИ мог лишь глава семьи, отпочковавшейся от первоначальной группы родственных семей и положившей начало новой клановой организации. С течением времени по мере формирования современных фамилий они постепенно утрачивали свою основную социально-различительную функцию.

Сила традиции тем не менее такова, что в Китае все однофамильцы считаются родственниками. Поэтому до 1911 г. браки между однофамильцами запрещались вне зависимости от того, существовали между юношей и девушкой реальные родственные отношения или нет.

Наследование фамилии происходит по отцовской линии. Женщина, до замужества носившая фамилию отца, выйдя замуж, не меняла её, а присоединяла к ней фамилию мужа. Таким образом, замужняя женщина носила сразу две фамилии, и её полное имя состояло обычно из четырёх иероглифов, например: **Хуан Ван Цецин** (Цецин – ИИ, Ван – НИ отца, Хуан – НИ мужа). За последние десятилетия этот обычай изживается.

Для различных сфер общественной жизни характерны разные формы именования и обращения.

В семье старшие именуют младших по ИИ (молочному, при обращении к ребёнку, или официальному). Называть по имени старших родственников считается невежливым. Поэтому как при упоминании о старшем родственнике, так и особенно при непосредственном обращении к нему китаец употребляет вместо ИИ соответствующий термин родства.

Особенностью китайской системы именования является тот факт, что к термину родства в этом случае добавляется обозначение относительного возраста именуемого лица в пределах его поколения. Отсюда такие типичные для Китая формы обращения, как «третий братец», «старшая невестка» и т.д.

Супруги при людях называют друг друга не просто по ИИ, а добавляют и фамилию, что отнюдь не придаёт обращению официальность.

Формой официального обращения к старшему мужчине прежде было «НИ+сяньшэн – господин», к пожилой женщине – «НИ+тайтай – госпожа», к молодой женщине – «НИ+сяоцзе – барышня». После установления народной власти в Китае эти формы обращения вышли из употребления, за исключением первого, употребляемого и сейчас в случае подчеркнуто вежливого именования старших, преимущественно в среде интеллигенции. Наиболее употребительной формой официального обращения в настоящее время является «НИ+тунчжи – товарищ».

Более употребительная форма официально-вежливого обращения образуется посредством присоединения к НИ наиболее должности именуемого. Это единственно возможная форма обращения подчиненного к начальнику или к лицу, занимающему более высокое общественное положение, например: профессор *Фу*, директор *Ван*, врач *Лю*, заведующий отделом *Ли*. В официальной переписке обращения с добавлением к имени прилагательных типа русских дорогой, глубокоуважаемый не употребительны.

Ласкательные и уменьшительные формы ИИ отсутствуют. Вместе с тем существуют такие обращения к детям, как, например: *сяо гуи* (чертенок), не имеющие ругательного или пренебрежительного оттенка. К своим сверстникам-взрослым китайцы по-дружески часто обращаются, добавляя перед фамилией слово *лао* – старший, например: *Лао Ван* (старший Ван). Почтительное обращение к старшим также включает то же слово *лао*, но в этом случае оно ставится после фамилии, например: *Лю Лао* (почтенный Лю).

Если русские фамилия имеют множество корней, то в Китае, где живет 1,3 млрд. людей, на 85% населения приходится 100 фамилий. Из этого следует, что в Китае многие носят одинаковые фамилии, из-за чего происходит путаница. Так, на апрель 2007 года, в Китае было 93 миллиона человек по фамилии *Ван*, 92 миллиона – *Ли* и 87 миллионов людей с фамилиями *Чжан*. Всего же в Китае насчитывается 1601 фамилия.

Китайские государственные СМИ распространили информацию, что вскоре детям можно будет присваивать двойные фамилии (по отцу и матери). По нынешним законам, ребёнок в Китае получает фамилию отца или матери. Теперь родителям с фамилиями *Чжу* и *Чжоу* будет предложено соответственно четыре варианта фамилии детей: просто *Чжу* или *Чжоу*, а также *Чжучжоу* или *Чжоучжу*. Также предлагается, что допустимое китайское имя может состоять не более, чем из 6 иероглифов. Агентство Синхуа подсчитало, что в этом случае возникнет около 1,28 миллионов новых фамилий.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

РУССКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО В ГЕРМАНИИ

Сергей Бирюков
(г. Галле-Витенберг, Германия)

Статья посвящена рассмотрению процесса проникновения русской литературы в немецкое пространство; на богатом иллюстративном материале показан спектр современной русской поэзии, представленный поэтами, проживающими в Германии.

Ключевые слова: русское поэтическое слово, Германия, творческое сообщество

Творческие контакты русских и немецких поэтов имеют давние традиции, обширны и плодотворны. Отсчет можно вести со времен уже Михаила Ломоносова, как известно, учившегося в Германии и вместе с немецкой женой привезшего в Россию немецкую тоническую систему стихосложения.

Можно напомнить о Федоре Тютчеве, 20 лет прожившего в Баварии в качестве российского посланника, дружившего с Гейне и Шлегелем. Опубликовал его стихи с заголовком «Стихи, присланные из Германии» в России А.С. Пушкин.

Учитель Пушкина Василий Жуковский, замечательный поэт-романтик, переложивший на русский язык немало немецких стихов, последние 12 лет своей жизни провел в германских краях (он был женат на немке) и умер в Баден-Бадене.

Напомню также об Иване Тургеневе, учившемся в Германии и имевшем широкий круг знакомств в литературных кругах. Наконец знаменитые 20-е годы 20-го века – «русский Берлин».

С другой стороны, можно вспомнить крупных русских поэтов с немецкими корнями, таких, как Иван Хемницер, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Зинаида Гиппиус, Константин Вагинов (Вагенгейм), Марина Цветаева... Последняя была также причастна и к «русскому Берлину».

Пожалуй, сегодняшнее присутствие русских поэтов в Германии можно сравнить с 20-ми годами. Но лишь отчасти, «русский Берлин» продолжался все-таки весьма краткий период. В Германии после падения стены и распада СССР по разным причинам оказалось довольно много авторов, пишущих на русском языке. Здесь и любители и профессионалы, и авторы, разные по возрасту и степени известности.

За 20 лет произошло много. Были инициированы журналы и альманахи, выходят книги, устраиваются фестивали, чтения. Поэтическое сообщество понесло и потери. Не стало Ольги Бешенковской, Марии Каменкович, Глеба Цвеля,

Алексея Парщикова, Вилена Барского, Ры Никоновой (Анна Таршис), Сергея Сигея (Сергей Сигов). Совсем недолго прожила в Берлине Анна Альчук.

Ольга Бешенковская – поэтесса родом из ленинградского андеграунда, проявила себя в Германии наиболее активно, она была причастна к организации журнала «Родная речь», составляла антологии, организовывала фестивали, публиковала в газетах обзоры стихов, писала стихи также и на немецком языке.

Алексей Парщиков – один из наиболее ярких русских поэтов конца 20 века – вызвал интерес у группы молодых немецких поэтов, его стихи переводил один из лидеров новой немецкой поэзии Хендрик Джексон. Книга Парщикова «Erdöl» в переводе Джексона вышла в Берлине. Это двуязычное издание, следовательно, обращенное к билингвальному читателю.

Также двуязычно вышла книга стихов Анны Альчук «schwebe zu stand» в переводах Габриеле Лойпольд, Хенрике Шмидт и Георга Витте. Следует сказать, что Анна Альчук – автор экспериментальных стихов, художница и эссеистка, одна из значимых фигур московской художественной сцены, жила в Берлине временно (меньше года) и только входила в местное художественное пространство. Но ее присутствие уже было заметно.

Выход книг и публикаций, к сожалению, часто и непоправимо запаздывает. В случае же с Глебом Цвелем это запаздывание оказалось и посмертным. Живя в Германии с конца 80-х годов, он остался самиздатным автором, каким был в своей московской жизни. Кроме небольшого круга знакомых в Дортмунде, о нем мало кто знал. Между тем это оригинальнейший авангардный поэт. Его творчество еще ждет своего открытия. В Москве готовится издание его стихов.

Целый ряд поэтов продолжает работать в Германии, к их числу относятся: Игорь Бурихин, Вальдемар Вебер, Анри Волохонский, Наталья Генина, Марина Гершенович, Анатолий Гринвальд, Семён Гурарий, Александр Дельфинов, Ольга Денисова, Дмитрий Драгилёв, Тамара Жирмунская, Елена Иноземцева, Генрих Киришбаум, Илья Китуп, Вадим Ковда, Александр Лайко, Марина Майер, Борис Марковский, Ольга Мартынова, Вадим Перельмутер, Ирина Рашковская, Евгений Сухарев, Сергей Тенятников, Вадим Фадин, Демьян Фаншель, Александр Филюта, Даниил Чкония, Борис Шапиро, Валерий Шерстяной, Лариса Щиголь, Олег Юрьев.

Фактически перед нами спектр современной российской поэзии. Здесь и традиционалисты, и экспериментаторы, и представители авторской песни и поэтического слэма. Живут поэты в разных городах Германии, пересекаются лично на фестивалях или заочно на журнальных и интернетных страницах не так часто. По-разному сложились и отношения поэтов с немецкой литературной сценой. Описать пути всех названных авторов в одной статье не представляется возможным, поэтому я лишь эскизно коснусь творчества некоторых из них.

Марина Гершенович (р. 1960) родом из Новосибирска, живет в Дюссельдорфе. Она известна как автор оригинальных стихов, текстов песен и как переводчик с немецкого и английского. В частности в её переводе вышла книга стихов немецкой поэтессы Маши Калеко.

Стихи Гершенович проникновенно лиричны, недаром их так охотно кладут на музыку исполнители авторской песни. Поэтесса сама часто участвует в фести-

валях авторской песни, которые регулярно проходят в Берлине и Вупертале. Ее стихи – это напряженное вслушивание в свой внутренний мир и мир близких. Перемена места жительства оказывается лишь внешней, не затрагивающей внутренней сути. По отношению к внешнему миру поэтесса становится внимательным наблюдателем. В ее стихах, написанных в Германии, немало примет и деталей окружающей жизни, но главным остается постоянное стремление к познанию непознанного.

Не зная плана улицы своей,
страны не зная, правящих в ней партий,
не доверяя типографской карте,
но – собственной судьбе и только ей,
возьмешь билет плацкартный, как всегда
рискуя перепутать время, место,
и переменишь жизнь, и это вместо
того, что было до... И все же, да,
оглянешься и, сдерживая шаг,
переведешь дыхание, так надо,
иначе пульса тёмная цикада
зальётся, голос разума глуша...
Оглянешься, и что увидишь ты?
Скрещение двух сил неистребимых:
желание познать своих любимых
и ужас абсолютной темноты.

Александр Лайко (р. 1938) переехал в Берлин из Москвы в 1990 году. Он организовал в Берлине русско-немецкий литературный журнал «Студия», в котором печатаются произведения русских и немецких авторов в оригиналах и переводах. Сам Александр Лайко – автор острых стихов, напоминающих о стиле Владислава Ходасевича, жившего в 20-е годы в Берлине. В качестве примера приведу стихотворение «Немецкий паспорт».

Офелия пила сырую воду,
А Виолетта пела о любви.
Прибыв надясь в Берлин из Навои,
Девицы здесь не делают погоду,
Но есть соображения свои:
К примеру – замуж выйти сходу;
На готов пожилых ведут охоту,
К венцу готовы, только позови.
Ну, да, не Гамлет. Нет. И не Альфред.
И все-таки не худшие мужчины:
Хорст выпить не дурак, но ортопед,
А Курт на пенсии – плетет корзины.
Офелия вино пьет из пакета,
Поет в церковном хоре Виолетта.

Стилистически отточенная ирония, переходящая в сарказм, контрастная лексика (от самой высокой до нарочито сниженной) – все это делает стих Лайко неповторимым и запоминающимся. Вечные темы в его стихах остро приправлены

современными реалиями, на которые автор смотрит с некоторым прищуром жизненного и литературного опыта.

Вадим Фадин (р. 1936) – известный поэт и прозаик, приехал в Германию из Москвы в 1996 году, в настоящее время живет в Берлине. Вместе с женой Анной они организовали литературный салон, который стал незаменимой площадкой для поэтических и прозаических чтений, дискуссий, местом, где происходят встречи русских и немецких литераторов. Здесь выступают как литераторы, живущие в Германии, так и приезжающие из России и других стран.

Вадим Фадин – поэт философского склада, тяготеющий к внятному исчерпывающему изложению смысла. Его стих емок, филигранно выверен. Вероятно, здесь сказывается его музыкальное и техническое образование, склонность к математической точности высказывания. Его стихи втягивают читателя в трудный процесс осмысления бытия. Неслучайно одна из его книг, вышедшая в 2006 году, называется «Нить бытия». Здесь подчеркивается и тонкость и длительность процесса осмысления. Приведу заключительное стихотворение этой книги.

Шар Монгольфье наполнен сладким дымом,
и мне, чтобы остаться невредимым,
достаточно поддерживать огонь –
не в очаге. Глава программы школьной
напомнит, что неверен путь окольный
ни в играх и ни в суете погонь:
чреват неожиданной встречей с колокольней.

Сегодняшнее время – лишь отсрочка;
как выглядит над ними оболочка,
судить возможно лишь со стороны,
но нет возврата, и горелка пышет,
и видно с высоты, и слышно свыше,
что жители покинутой страны
рассыпаны по раскаленной крыше.

Внутренне напряжение здесь перекрывается естественностью речи, способной передать тончайшие оттенки раздумий поэта.

Борис Шапиро (р. 1944) живет в Германии с 1975 года. Он окончил физический факультет МГУ, защитил докторскую диссертацию в Тюбингене, затем работал по специальности, продолжая также заниматься литературой (стихи, переводы, эссеистика). Освоив язык, он стал писать и по-немецки. Его первая книга вышла на немецком языке (*Metamorphosenkomn*, 1981). Он отмечен несколькими немецкими литературными премиями. Переводил стихи Нелли Закс, Пауля Целана, Герты Мюллер и других. Выпустил ряд книг на русском языке.

Для его русских стихов характерен поиск новых средств выразительности, смена образных систем, разнообразие ритмических рисунков, внимание к звуковой стороне стиха. Заметно воздействие новейшей немецкой поэзии, в частности, Пауля Целана. Последнее особенно интересно, поскольку Целан испытал значительное влияние русской поэзии, которую активно переводил.

ЧУВСТВЕННОСТЬ отчуждения,
тачка памяти гроыхает
от одной бульжной ухабы
к другой о том, как
заживо рван.
Судьба, кузнечик,
зеленый фрак,
любезно так предлагает:
Подано, господа,
зализыванье ран.

Вадим Перельмутер (р. 1943) родился в Москве, окончил Литературный институт. С 1997 года живет в Мюнхене. Поэт, переводчик, историк литературы. Дебютировал в печати еще в середине 60-х годов, Перельмутер остается одним из самых интересных поэтов. Его стихи отличает высокая поэтическая культура, унаследованная им от Серебряного века. Он является тончайшим знатоком русской поэзии на протяжении всей ее истории. Автор работ о Пушкине, Вяземском, Случевском, Ходасевиче, Штейнберге, Шервинском, Шенгели, Тарловском и многих других русских поэтах, открыватель творчества выдающегося писателя Сигизмунда Кржижановского, Перельмутер скупно публикует собственные стихи. Но каждая его публикация вызывает интерес читающей публики. Его поэзия сочетает в себе классическую строгость с авангардным поиском, взвешенную серьезность с тонкой иронией.

Особое место в его творчестве занимают минималистичные жанры – одностроки, двустишия и придуманное им самим определение «немногострочья». Из последних, опубликованных в мюнхенском альманахе «Доминанта», и приведу примеры.

сначала цветы потом листья
южная формула
теории относительности

будущее – туман
только светятся
кое-где окошки

Дмитрий Драгилёв (р. 1971) в 1994 году переехал в Германию из Риги, где окончил историко-философский факультет Латвийского университета. В Германии окончил высшую школу музыки (Веймар) и отделение славистики университета Йены. Сейчас живет в Берлине. Выступает как джазовый пианист, пишет работы о музыкантах. Его стихи часто построены как джазовые импровизации, в которых большое место уделено звуковым переключкам и комбинациям, как в приводимом ниже стихотворении.

В то же время он испытал влияние русских поэтов метаметафористов, особенно Алексея Парщикова, с которым общался в течение ряда лет. Метафорическая многослойность стиховой ткани, прерываемая джазовыми синкопами, так можно определить базовый элемент поэзии Дмитрия Драгилева.

А что если попробовать в терцию
В кварту пробовали уже
Ведь это в конце концов
Более близкое двухголосие
И все-таки остающееся
На минимуме дистанции
В пределах необходимых
Для благозвучия
И согласия
Пусть даже не очень модно
В силу нового понимания
Гармонии
А что если запахи снов
Предпочитают
Не чертополох
Но звук,
Свернутый в трубочку
Есть много похожих слов
Гармония и Германия
Гарпия и Гермина
Но мы не о них
И не о сходстве вообще

Генрих Киришбаум (р. 1974) родился в Москве, детство провел во Владивостоке, Алма-Ате, Санкт-Петербурге. В Регенсбурге получил образование как славист и защитил докторскую диссертацию. Как славист он много занимался творчеством Осипа Мандельштама и других русских поэтов-акмеистов. В стихах, вошедших в книгу «Междуречие» (СПб., 2003), ощущается явное воздействие поэтики Мандельштама.

Но в то же время эти стихи уже свидетельствуют об обретении собственного оригинального стиля. Позднее стилистика меняется, но автор остается верен принципам акмеизма, тяготея к вещному слову. В описании природных явлений он действует как первооткрыватель. Эти описания можно сравнить с описаниями натуралистов, если бы в них не было сильнеешего поэтического элемента, возникающего за счет особой энергетики антропоморфных сравнений.

С обрыва за перевал,
по гулким углам расщелин
щерясь, щебень
в ключицах скал.
Голые гланды льда;
вглубь котловины тесной
застывает отвесной
судорогой вода.
На склоне,
сплетаясь стволами,
сосновый стланик;
рыжие иглы гладят
скулы, лоб валуна.

Воздух прозрачен от истощенья.
Тишина
промерзает до дна ущелья.

Анатолий Гринвальд (р. 1972) родился в городе Семипалатинске (Казахстан), с 1997 года живет в Лейпциге, где окончил университет. Занимается журналистикой. Автор нескольких книг стихов, публикаций в интернете. Отличительная черта его стихов – сугубо бытовой материал переплавляется, и в результате сам текст становится бытийственным. Здесь вопросы существования обсуждаются с последней степенью откровенности. Стихи Анатолия написаны в лучших и самых высоких традициях русской поэзии, они одновременно восходят и к Есенину и к современной рок-поэзии.

В книге «Чернильный город» (2003 г.) поэт ярко и своеобразно воспроизводит пути собственного взросления, постижение мира, который расширяется в пространстве, но сужается во времени. Часто его стихи запечатлевают поток сознания вперемешку с потоком действительности, как это происходит в стихотворении «Попавшие под душ».

где твоё небо бродит отражается в чужих окна
зависло в чужой стороне над французским Лионом
а здесь снова дождь третий день мокнут
деревья птицы и почтальоны
всё в порядке не правда ли всё в порядке
девушка в сапогах до причинного места
хорошо быть хиппи пить пиво и жить в палатке
но нет денег купить палатку и джинсы такой неудачный месяц
искать спички где они могут быть может в куртке
разозлиться бы написать текст да муза сегодня немая
прожжённый диван в фужере зачем-то окурки
девушка в сапогах даёт в долг сапоги не снимает

Особо следует сказать о поэтах, которые развивают авангардные традиции, причем не только русского авангарда, но и немецкого. Прежде всего это *Валерий Шерстяной* (р. 1950), живущий в Германии более 30 лет и действующий в основном на немецкой сцене экспериментальной поэзии: визуальная, звуковая поэзия, перформанс, радиокомпозиции, выступления с музыкантами. Валерий неустанно пропагандирует русский исторический авангард, он автор многочисленных перформансов по произведениям Хлебникова, Крученых, Маяковского, Каменского, Хармса, записанных на аудио и видео.

Во многом благодаря активным действиям Валерия Шерстяного в немецкой поэтической среде активизируется интерес к русскому авангарду. В последнее время он издал на немецком языке книгу Крученых «Фонетика театра», выпустил собственную книгу эссеистики «Mein Futurismus».

С 1998 года в Германии жили видные деятели современного русского авангарда *Ры Никонова* (1942-2014) и *Сергей Сигей* (1947-2014). Супруги поселились в городе Киль. В СССР они жили в городе Ейске на побережье Азовского моря. В последний год перед отъездом переселились в Петербург, с которым были тесно связаны творчески. Переехав в Германию, Никонова и Сигей продолжили

свою творческую деятельность, в частности работу в области бук-арта, визуальной и звуковой поэзии, а также исследования исторического авангарда. Они выступали с перформансами на нескольких фестивалях в Германии, принимали участие в ряде акций визуалистов.

Таким образом, мы можем говорить о спектре современной русской поэзии, представленном поэтами, проживающими в Германии. По-разному складываются их судьбы в новой стране. Большинство их публикаций и выступлений происходит в России. Однако с появлением интернета это становится уже не столь принципиально.

Публикации в любой стране доступны в любой другой. Выступления, снятые цифровой камерой, мгновенно тиражируются тем же интернетом. Кроме того, за эти годы в самой Германии русские литераторы инициировали несколько литературных изданий, одни из которых уже прекратили существование, как «Родная речь», «Зеркало загадок», «Зарубежные записки», «Студия», другие продолжают выходить («Крещатик», «Доминанта», «Берлин. Берега»).

Можно говорить и о том, что в некоторых городах ситуативно сложились своеобразные русские поэтические сцены (Берлин, Мюнхен, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне).

Нельзя не отметить и тот факт, что появление в Германии столь значительного количества русских литераторов (включая и прозаиков, и представителей других жанров) не могло не сказаться на более активном проникновении русской литературы в немецкое пространство.

ФЕНОМЕН ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Россия)

В статье предлагается концепция романного дискурса как программа деятельности персонажа; доказывается, что художественная функциональность феномена повседневности выполняет целый ряд важных функций (идеологическую, сюжетообразующую, композиционную и характерологическую).

Ключевые слова: феномен повседневности, английский роман, образ повседневности персонажа

Повседневность осознается как научная проблема в начале прошлого столетия (З. Фрейд. «Психопатология повседневной жизни», 1904) [Фрейд 1997] и с этого времени исследуется культурологами, философами, психологами, филологами [Бродель 1986; Касавин, Щавелев 2004; Ортега-и-Гассет 2005; Сыров 2000; Шапинская 2009]. Социологи трактуют повседневность как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Бергер 1995: 38]. Согласно известному определению

Анри Лефевра, повседневность представляет собой самостоятельный срез жизни общества, включающий, в свою очередь, ряд уровней, имеющих собственное значение [Lefebvre 1961: 58]. Повседневность индустриального общества, по мнению Лефевра, существенно отличается от повседневности общества традиционного. И это отличие наиболее отчетливо проявляет себя в восприятии времени. В повседневной жизни, утверждает Лефевр, человек постоянно находится между двумя полюсами – двумя типами времени: циклическим, обусловленным природным ритмом и характерным для традиционного общества, и новым, кумулятивным, линейным, прогрессивным, связанным с механическими объектами, уже не имеющими ритмического характера.

Кумулятивное время пронизывает все, однако повседневность тяготеет к высвобождению из его пут и тем самым актуализирует другой, традиционный тип времени – для отдыха, творчества и, в конечном счете, для восстановления жизненных сил человека. Как справедливо отмечает Н. Шихардин, эта координата повседневности у Лефевра «совпадает с ее рассмотрением в других концепциях (например, в социальной феноменологии А. Шюца)» [Шихардин 2008: 16]. «Повседневная жизнь есть... время желания, спонтанного обновления», – утверждает Лефевр [Lefebvre 1961: 182]. Этой сферой реализации индивидуальных желаний, сферой спонтанного обновления в условиях технологического прогресса стала, по Лефевру, повседневность. Только она позволяет индивиду обеспечивать себе условия для проявления личностной свободы и тем самым – для самосохранения и развития личности. Вот почему, считает Лефевр, сфера повседневности (читай – сфера приватной жизни) уже во второй половине XX века обретает для человека большее значение, чем сфера производства. «Здесь происходит переворот в человеческом существовании, сглаживаются драмы и трагедии эпохи. Повседневность приводит даже вопреки себе к торжеству добра. Бегство в повседневность, предлагаемое Лефевром, напоминает идею Руссо о спасении от пороков современного мира возвращением к естественному существованию...» [Derrida 1980: 17].

Трактуя повседневность как некую противоположность потребительскому миру, Лефевр становится одним из создателей идейного комплекса, провоцирующего напряженные размышления художников рубежа XX-XXI столетий над поставленной еще Кафкой проблемой спасения личности от технологических и бюрократических тотальностей.

И. Макьюэн (р. 1948) – один из таких художников. Его роман «Невыносимая любовь» («Enduring Love», 1997) – шестой по счету в творческой биографии писателя – начинается описанием события, ставящего, по знаменательному слову автора, «флажок на карте времени» [Макьюэн 2007: 2]. Речь идет о том моменте, когда герои – преуспевающий журналист и его жена, ученый-филолог, занимающийся творчеством Д. Китса, – оказываются ввергнутыми в мучительную историю, причиной которой стало трагическое происшествие с огромным воздушным шаром. В результате этого погиб человек – один из тех, кто вместе с центральным героем пытался предотвратить катастрофу. Этот «флажок на карте времени» отделяет спасительную повседневность центральных героев от огромного и пугающего своей непостижимостью мира: «Вспомнить начало легко. Было солнечно, мы сидели под дубом, укрывшись от сильного порывистого ветра. Я стоял на коленях в траве, держа в руке штопор, Кларисса протягивала мне

бутылку – «Дом Гассак» урожая 1987 года. Этот момент – флажок на карте времени: я протянул руку, и когда холодное горлышко и черная фольга коснулись моей ладони, мы услышали крик. Кричал мужчина» [Макьюэн 2007: 2].

Тем самым точка «встречи» повседневности с миром, лежащим за ее пределами, становится отправной точкой в развитии сюжета, а идея борьбы/взаимодействия/взаимопроникновения этих сфер – сюжетообразующим фактором и композиционным стержнем романа. Уже в его начале мы узнаем о том, что герои, муж и жена, встречаются друг с другом после шестинедельной разлуки («самой долгой за семь лет нашей с Клариссой жизни вместе» [Макьюэн 2007: 2]), что Кларисса в эти недели изучала обстоятельства последних дней жизни Джона Китса и его любви к Фанни Брон.

Третьим участником драмы становится Джек Перри – двадцативосьмилетний религиозный фанатик, убежденный в том, что «Бог готовит ему испытание, которое он должен выдержать» [Макьюэн 2007: 251]. Во время происшествия с воздушным шаром он встречается взглядом с Джо и решает, что Джо в тот момент влюбился в него. Перри воображает, что задание Бога состоит в том, чтобы ответить на любовь Джо и «привести его к Господу». Его уверенность возрастает, когда он узнает, что Джо – широко известный автор научно-популярных статей, написанных с атеистической точки зрения.

Обстоятельства, описанные в романе, даны с разных точек зрения, поскольку в нем три основных повествователя. Кроме того, финальные страницы романа демонстрируют еще одну точку зрения, по-видимому, претендующую на особую объективность. Они написаны в форме медицинского документа – «истории болезни» пациента психиатрической клиники, куда помещен Джек Перри.

Экспозиция романа предельно детализирована. Уже в начале повествователь намеренно медлит с развитием действия, стремясь задержать наш взгляд на подробностях, которые он прямо называет успокаивающими. Повествователь тщательно фиксирует действия героя, ожидающего встречи с женой. Ведь они, хоть и совершаются в не совсем обычный день, сами – из сферы их благополучной повседневности, обустроенной за семь лет счастливого брака («...набрал продуктов для пикника, главным лакомством которого должна была стать большая головка моцареллы, которую продавец выудил из глиняной бочки деревянной лопаткой... купил маслин, готовый салат и фокаччу...» [Макьюэн 2007: 5]). Даже приобретение редчайшей букинистической книги ко дню рождения жены выглядит в сравнении с дальнейшими событиями одной из привычных составляющих их общего жизненного уклада, исполненного уважения и внимания к интересам и пристрастиям друг друга. Итак, экспозиция строится как воспоминание о спокойном счастье, которое дает повседневность.

Но здесь же, в начале романа, заложена и прямо противоположная идея – об имманентной тревожности повседневья, которое несет в себе точку бифуркации, отмечающую множество вероятных выходов в мир непредсказуемости и вызывающую в памяти образ игры, тоже предполагающую разные и при этом равновероятные исходы: «Я задерживаюсь на предшествующем, ибо тогда еще были возможны другие развязки; с высоты ястребиного полета сближение шести фигур на зеленой плоскости – успокаивающая геометрия, легко узнаваемый символ бильярдного стола» [Макьюэн 2007: 4].

Уже из сказанного ясно, что для Макьюэна мир непредсказуемости, очевидно, не исчерпывается, как для Лефевра, социальной современностью. Он соотносен с миром Вселенной – каким он был при ее рождении. Именно этот образ возникает в сознании центрального героя (Джо), когда он бежит к воздушному шару, совершившему неудачную посадку: «Это был огромный шар с гелием, природным газом, скованным из водорода в ядерном горниле звезд первым, в начале сотворения многочисленных и разнообразных материй Вселенной, включая нас самих и все наши мысли. Мы бежали навстречу катастрофе, которая сама по себе была своеобразным горнилом, где личности и судьбы переплавлялись в новые формы» [Макьюэн 2007: 4-5]. Этот мир, лежащий за пределами повседневья, чреват опасностями – вплоть до гибели – но вместе с тем – рождениями и пере-рождениями, обретением нового знания о себе и других.

Так уже в начале романа фиксируется мысль о сложном характере обеих изображаемых сфер – повседневности и мира за ее пределами.

Повседневность сложна не только вследствие того, о чем было сказано выше. Повседневность исторична. В ней выделяются различные страты – в зависимости от социального, профессионального, возрастного, психологического, интеллектуального статуса проживающих ее субъектов. Так, повседневность Джо-журналиста, специализирующегося на естественнонаучной проблематике, и его жены, филолога Клариссы, существенно отличается от повседневности несостоявшегося учителя английского языка Джеда Перри, а также других персонажей романа из среды рабочих и мелких предпринимателей. А повседневность их всех, британцев конца XX столетия, конечно, отличается от повседневности современников Шекспира или Диккенса.

Романтики, как правило, отвергали повседневность как чуждую творческой личности. Однако фигура романтика Д. Китса оказывается у Макьюэна вписанной в повседневность – пусть и особую, окрашенную итальянским колоритом»: «Китс посетил виллу Боргезе, прогулялся на Корсо. С удовольствием послушал Гайдна в исполнении Северна; возмущившись качеством стряпни, кинул в окно свой обед и даже подумывал о новом стихотворении» [Макьюэн 2007: 9]. Этот прием становится оригинальным способом характеристики поэта. Его повседневная неловкость в манерах (*тактика*), привычная для друзей и знакомых, но отличающая поэта от окружающих, оказывается, в конечном итоге, созвучной творческой *стратегии* романтика (Макьюэн приводит письмо Д. Китса, содержащее «знаменитое прощание, столь пронзительное в своей сдержанности и учтивости: «Вряд ли сумею с Вами попрощаться, даже в письме. Я всегда так неловко откланивался. Благослови Вас Господь! Джон Китс» [Макьюэн 2007: 9]). Перечень художественных впечатлений, поэтических занятий и творческих планов Китса, перемежающихся бытовыми подробностями, – с одной стороны, будто бы поддерживает идею романтического контраста поэзии и обыденности (перспектива романтика), а с другой – подчеркивает умозрительность такого противопоставления, далекого от реальности (перспектива Макьюэна-автора).

Если говорить о других героях Макьюэна, то повседневность для них – преимущественно сфера безопасности или, по крайней мере, умиротворения. Они переступают ее границу, когда слышат крик о помощи, что совершенно отчетливо фиксируется повествователем: «Это было начало и, соответственно, конец.

Завершилась глава, нет, целый этап моей жизни» [Макьюэн 2007: 10]. При этом Макьюэн формулирует признаки повседневности своих героев – стабильность, защищенность, взаимопонимание, любовь и свобода: «Семь лет нашего бездетного брака прошли в любви... Мы жили в квартире, стилизованной под ар-деко, на севере Лондона, без особых волнений... в целом ничто не угрожало нашему существованию, полному глубины и свободы» [Макьюэн 2007: 10-11].

Несмотря на свою принципиальную противопоставленность этой супружеской паре, Джед Перри тоже воспринимает повседневность как охранительное пространство. Правда, для него оно к тому же наполнено провиденциальным смыслом. Это пространство, с точки зрения Джеда, дано человеку, чтобы предаваться мыслям о Боге. В одном из писем, обращенных к объекту своей болезненной страсти, замешанной на религиозном чувстве, Джед пишет: «Я считал, что нахожусь как бы в убежище – и в ожидании. Я всегда отдавал себе отчет, что получил этот потрясающе красивый дом не просто так. Во всем этом чувствовался промысел, и моя обязанность, как я думал (и время подтвердило мою правоту), заключается в том, чтобы быть готовым и внимать тишине» [Макьюэн 2007: 103-104]. Повторим: несмотря на религиозную окрашенность в трактовке повседневности, идея защищенности, с ней связанная, сохраняет для Джеда свою актуальность. Подобное отношение к повседневности демонстрируют и второстепенные персонажи (вдова Логана, Гэдд и др.). Тот факт, что столь разные персонажи сходным образом воспринимают повседневность, свидетельствует, вероятно, о том, что таковы, в понимании автора ее наиболее общие, конститутивные черты.

Таким образом, повседневность трактуется как сфера относительной стабильности и защищенности человека. Вместе с тем феномен повседневности в художественном дискурсе не лишен негативных коннотаций, так как, во-первых, его границы проницаемы для вторжений из «большого мира», а во-вторых, человек, находящийся в сфере повседневности, испытывает напряжение между соблазном защищенности и тягой к *выходам за пределы*, в пугающе непредсказуемую неизвестность. Время повседневности не противопоставляется в романе времени социальной современности – как это имело место у А. Лефевра. Скорее, роман соотносит время повседневности со временем иного масштаба – космическим временем мироздания.

Выход за пределы повседневности дает герою современного английского романа возможность по-новому осмыслить себя и свое место в мире. Все это обуславливает художественную функциональность феномена повседневности. Во-первых, сама постановка проблемы повседневности провоцирует необходимость осознания пределов «everyday life», что закономерно приводит к стремлению понять, а что же находится вне этих пределов? Тем самым на идеологическом уровне возникает дихотомия бытового и бытийственного, выводящая художественный дискурс на уровень философской рефлексии. Во-вторых, основополагающая роль феномена повседневности в структуре сюжета обуславливает создание особого хронотопа, представляющего собой противоречивое единство двух ипостасей пространства-времени: профанного и сакрального. В-третьих, построение сюжета, содержание и особенности его экспозиции, кульминации и развязки оказываются напрямую зависимыми от моментов «встречи» повседневного и чрезвычайного. В-четвертых, характеры персонажей выстраиваются как

результат их взаимодействия с повседневностью. Повседневность формирует человека, но вместе с тем – становится результатом его деятельности. Особенности психического и интеллектуального состояния персонажа, его нравственных ценностей и социального статуса отражаются на восприятии повседневности, потому образ повседневности данного персонажа становится важным средством его (персонажа) характеристики.

Это позволяет заключить, что феномен повседневности выполняет в романном дискурсе целый ряд важных художественных функций, а именно: идеологическую, сюжетобразующую, композиционную и характерологическую.

Литература

- Derrida J. «Violence and Metaphysics» // Writing and Difference / J. Derrida. L., 1978.*
Golding W. The Rites of Passage / W. Golding. L., 1980.
Lefebvre, H. Everyday Life in Modern World / H. Lefebvre. N. Y.: Vintage Book, 1961.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Тт. I-III. Т.1. М., 1986.
Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
Макьюэн И. Невыносимая любовь. М.: Эксмо, 2007.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Ермак, 2005.
Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (Методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. 2.
Фрейд З. Психопатология обывденной жизни. СПб., 1997.
Шапинская Е.Н. Критическая концепция повседневности П. Лефевра // Полигнозис. 2009. № 2 (35).
Шихардин Н.В. Концепция повседневности в неомарксизме А. Лефевра // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2008. №1. С. 16-19.
Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1998.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ОБЪЕКТИВАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»)

С.В. Белоусова
(г. Архангельск, Россия)

На материале романа Т. Толстой «Кысь» автор статьи анализирует словообразовательные окказионализмы, которые становятся средством репрезентации основных мотивов романа и формируют особенности индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: словообразовательные окказионализмы, Т. Толстая, роман «Кысь», идиостиль писателя

В художественном тексте словообразовательные окказионализмы наряду с другими словообразовательными средствами становятся носителями концепту-

альной информации и являются одним из средств текстообразования, так как обеспечивают внутритекстовые связи деривационного значения, участвуя в формировании деривационных смыслов, отражающих особое, образное восприятие действительности. В художественном тексте именно окказионализмы становятся основным объектом рефлексии как автора, так и читателя.

Задача статьи – показать роль словообразовательных окказионализмов в презентации индивидуально-авторской картины мира в романе Т. Толстой «Кысь».

В отличие от ранних произведений, в романе «Кысь» звучит авторская мысль о трагизме утраты в современном мире духовности, нравственности, о поиске внутренней гармонии. Результатом этого процесса становится трансформация «культурной» памяти. Наиболее ярко эта идея отражена через героев романа, в первую очередь через их язык. Не случайно одним из основных приемов, используемых Т. Толстой в романе «Кысь», является несобственно-прямая речь, что позволяет автору не только сблизиться с героем, но и передать свое отношение к описываемым в произведении событиям.

Окказиональные словообразовательные средства в романе Т. Толстой «Кысь» несут определённую смысловую нагрузку в развитии действия, так как в художественном произведении окказионализмы становятся одной из составляющих идиолекта автора, помогая передать мировосприятие писателя, особенности индивидуальной картины мира.

Действие романа происходит в Федор-Кузьмичске, мир в котором вывернут наизнанку: мутировали не только природа и люди, но и язык. Город населяют Прежние, перерожденцы и голубчики. Речь голубчиков примитивна и безграмотна, она передает примитивизм их мышления.

Так, употребляемое в речи голубчиков производное «*хлебед*а» образовано путем сложения слов «хлеб» и «еда», но возникают и другие ассоциации: «хлеб» и «лебеда». В словаре С.И. Ожегова зафиксировано следующее значение слова «лебеда»: «травянистое или кустарниковое растение, засоряющее посевы» [Ожегов 1996: 314]. Таким образом, хлеб «голубчики» сравнивают с сорняком, что является алогичным для менталитета русского человека. Окказионализм «хлебеда» отражает отсутствие моральных ценностей в Федор-Кузьмичске, так как хлеб считается не только едой, но и одной из духовных ценностей для человека. Хлебом-солью встречали гостей, выражение «хлеб да соль» употребляли в качестве приветствия, «хлеб-соль водить» означало «дружить домами, семьями».

Червырь, которого жители городка употребляют в пищу, становится неким атрибутом образа жизни всего населения: «Так. Опять мышиный супчик. Государственная еда, конечно, не чета домашней <...>. Зато *червырей* в супчик бабахнуто – скулы свернешь. Вот *червырей* не жалеют» [Толстая 2001: 40]. Подобно слепым «червырям» живут «голубчики» в незнании, их жизнь бессмысленна: «Вдавиться бы в землю, в глину уйти, слепым *червырем* стать...» [Толстая 2001: 45-46]. Окказионализмы объективируют не только простые структуры знания, но и концепты.

Одним из базовых концептов в романе является концепт ЗНАНИЕ. Аффикс *-ырь-* имеет архаическую маркированность, придает слову негативную насмешливо-ироничную коннотацию, указывая на бездумное, неосознанное существо-

вание: «И ведь как раньше глуп был, слеп Бенедикт, как все равно слепцы на торжище: поют-заливаются, а сами во тьме живут, им и в полдень темно! Как понятия-то у него не было, будто у *червыря!*» [Толстая 2001: 277]. Так автор выражает свое ироничное отношение к голубчикам, показывает их ограниченность, глупость. В русской культуре червь – хтоническое нечистое животное, относимое к разряду гадов.

В русской языковой картине мира червь связан с такими понятиями, как тоска, горе. Т. Толстая в своем романе продолжает эту традицию, поэтому состояние тоски, какой-то непонятной тревоги передается именно так: «И будто *червырь* сердце точит, точит... Плюнешь и назад пойдешь» [Толстая 2001: 8]. Наблюдается некая причинно-следственная буквализация: жители едят червырей, поэтому те изнутри «едят» жителей.

В производном «*перерожденец*» префикс *пере-* актуализирует значение «повторность действия», то есть родиться заново, измениться. В романе Т. Толстой перерожденцами становятся те, кто жил до Взрыва, но утратил духовные связи с прошлым. Префикс *пере-*, таким образом, указывает на некую цикличность, повторяемость, невозможность что-либо изменить в происходящем. Так Т. Толстая выражает протест против обывательского благополучия и успокоенности, изображает ужас бытия в Федор-Кузьмичске: герои живут в бездуховном мире, в котором нет места человеческим ценностям и культуре, уважению и состраданию.

Перерожденец Тетеря вспоминает лишь о материальном благе, в его мире нет места культурному наследию: «У меня распашонка в Свиблове лучше была. <... У меня сервант был зеркальный... Телевизор Рубин – трубка итальянская... Стенка югославская – шурич достал, санузел раздельный, фотообои золотая осень. <...>» [Толстая 2001: 175].

Мотив деградации как духовной, так и физической становится актуальным, герои теряют способность развиваться духовно и приобретают повадки животных: «А у перерожденцев – хоть они, наверно, не люди – когтей нет. На ногах у них ноги, а на руках руки. Только грязные: они ж целый день в валенках, если в карты не играют. А то иногда сядет, ногу выпростает и за ухом чешет, быстро-быстро; ну вот приглядишься и видишь: когтей нет» [Толстая 2001: 176]. Происходит не просто перерождение, а вырождение.

Потеря человеческого облика приводит к проявлению звериной сущности не только во внешности, но и в языке: «Нет у нас слов, не знаем! Как все равно у зверя дикого, али слеповрана, али русалки – нет слов, *мык* один!» [Толстая 2001: 221]. Безаффиксное производное «*мык*» реализует семантику предметности и способствует экспрессивизации текста. Возникает и ассоциация с глаголом «мыкаться». Моделируя дискурс голубчиков, автор передает их «автопортрет»: как говорят, так и живут, так и чувствуют. Сам Набольший Мурза, Федор Кузьмич, от страха начинает проявлять звериные повадки: «И от страха и криков людских опять помутилось у Бенедикта в голове, только и видел, что Федор Кузьмич ручищами *толк*, да на пол *прыг*, да и был таков» [Толстая 2001: 69].

Важную роль в жизни «голубчиков» играет ржавь, которая применяется практически во всех сферах деятельности: «Она в любое дело идет. Ее и курят,

и пьют, и чернила из нее варят, и нитки красят <...> Брага из нее хороша, особенно когда мороз на дворе. Дом тоже утеплять можно...» [Толстая 2001: 48]. Производное «ржавь», вероятней всего, произошло от существительного «ржавчина», имеющего значение «красно-бурый налет на железе, образующийся вследствие окисления и ведущий к разрушению металла» [Ожегов 1996: 668]. Ржавь «разъедает» жителей Федор-Кузьмичска, уничтожает их. В романе слово приобретает символический смысл и становится маркером смысловой доминанты разрушения личности.

Производное «жестоковыйный» образовано от слов «жестокий» и «выя» по аналогии с церковнославянским «жестокосердный». В минуту отчаяния Бенедикт чувствует свое сердце не в груди, а в шее: «<...> а сердце в шее колотится, под язык подступает, уши глушит» [Толстая 2001: 125]. Кроме того, возникает ассоциация с выражением «выть хочется». Замена компонентов в структуре слова маркирует важность для голубчиков не сердца как средоточия чувств, а шеи, на которую можно надеть хомут.

В Федор-Кузьмичске сердце вытесняет шея, что является символическим: пропозициональным становится знание о бремени, тяжести. Жители Федор-Кузьмичска посадили себе на шею Федора Кузьмича. Смена власти в городке не вызывает никакого волнения, ропота. К новому правителю сразу же приходит делегация «народных представителей», «голубчики» добровольно сажают себе на шею другого тирана.

Производное «жестоковыйный» также ассоциируется с глаголом «выть», который передает состояние «голубчиков»: воет Оленька, жалуясь на невнимание к ней мужа, воет Бенедикт, когда впервые убил «голубчика», воет в северных лесах неведомая кысь, нагнетая страх и тоску на жителей Федор-Кузьмичска, воет человек, побывавший в лапах кыси.

Производное «шестипалый» вызывает ассоциации со стихотворением А.С. Пушкина «Пророк», в котором упоминается «шестикрылый серафим». «Ну чистый даун. Шестипалый серафим. Пощечина общественному вкусу», – такую характеристику дает памятнику Пушкина Лев Львович, так как Бенедикт сделал поэту шесть пальцев. Так передается авторская ирония: в мире голубчиков высокое легко заменяется низким. Крылья в русской культуре символизируют духовность. Сочетание «шестипалый серафим» становится маркером бездуховности. В сочетании взаимодействуют две концептуальные сферы, связанные с метаконцептом НОРМА: увечье (отклонение от нормы) и высокое (святое). Концептуальная инференция (выводное знание) – идея абсурдности.

В Федор-Кузьмичске нет культурной памяти, у голубчиков свой культурный идеал в лице Федора Кузьмича, выдающего произведения известных поэтов и писателей прошлого за свои творения.

Мы рассмотрели не все словообразовательные окказионализмы, встречающиеся в романе Т. Толстой «Кысь». Однако анализ представленных в статье окказионализмов показал, что в романе Т. Толстой они становятся средством репрезентации не только основных мотивов, но и объективируют базовые концепты, формируя особенности индивидуально-авторской картины мира.

Литература

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.

Толстая Т.Н. Кысь. М.: Подкова, 2001. 320 с.

Б. АКУНИН И ДЖ. ЛЕ КАРРЕ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА («ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ», «МАЛЕНЬКАЯ БАРАБАНЩИЦА»)

Д.С. Гудин
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена сопоставительному анализу романов Бориса Акунина и Джона Ле Карре, в ходе которого выявляется типологическое сходство и различие на сюжетно-фабульном уровне, уровне героев, идеологическом уровне.

Ключевые слова: компаративистика, роман «Турецкий гамбит» Бориса Акунина, роман Джона Ле Карре «Маленькая барабанщица»

Георгий Шалвович Чхартишвили (р. 1956) – российский писатель, создавший под псевдонимом *Борис Акунин* литературный проект об аристократе XIX века ЭрASTE Петровиче Фандорине. Каждый новый роман о Фандорине представляет собой отдельную жанровую разновидность детектива. Например, первый из серии – роман «Азазель» (1998) – это «конспирологический» детектив; роман «Левиафан» (1998) – «герметичный» детектив и т.д.

Цель статьи состоит в компаративном анализе романа Бориса Акунина «Турецкий гамбит» (1998), который определяется как «шпионский детектив», и романа английского писателя, мастера шпионской прозы, Джона Ле Карре (John le Carré, р. 1931) «Маленькая барабанщица» («The little drummer girl», 1983). При анализе произведений важно учитывать специфику литературной традиции, к которой принадлежат авторы.

Н.Л. Потанина, рассматривая романы Акунина в ракурсе межкультурной коммуникации, подчёркивает общую английскую направленность – «англизованность» [Потанина <http://www.3.letops.z8.ru/sience/Essay/text19.htm>;; <http://www.3.letops.z8.ru/sience/Essay/text20.htm>].

Так, в повести «Декоратор» (1999) Акунин выдвигает собственную версию о личности *лондонского* убийцы, известного как Джек-Потрошитель; а в большинстве его произведений присутствуют персонажи *англичане* (баронесса Маргарета Эстер, корреспондент Маклафлин, Кларисса Стамп, дворецкий Фрейби и т.д.). Акунин во многом развивает традиции *английского* детектива в русском литературном пространстве, непосредственно реализуя те или иные классические приёмы (например, «Левиафан» как «герметичный» детектив сближается с романами Агаты Кристи). Подчеркнём, что в своём блоге Акунин в числе любимых писателей называет Артура Конана Дойла и Агату Кристи [Акунин URL: <http://borisakunin.livejournal.com/130253.html>]. Важно, что Акунин обращается к творчеству великого английского писателя Чарльза Джона Хаффема Диккенса

(Charles John Huffam Dickens, 1812-1870). Один из романов Акунина, «Любовник смерти» (2001) (согласно авторской жанровой трактовке – «диккенсовский детектив»), содержит аллюзии на роман Диккенса «Приключения Оливера Твиста» («The Adventures of Oliver Twist», 1838). Н.Л. Потанина справедливо отмечает, что Акунин использует так называемый «диккенсовский код», тем самым удовлетворяя потребность массового читателя в атмосфере спокойствия и порядка викторианской эпохи [Потанина URL: <http://www.3.letops.z8.ru/sience/Essay/text20.htm>].

В свою очередь, Чарльз Диккенс, заложивший основы критического реализма, оказал влияние на всю последующую историю как мировой, так и, прежде всего, английской литературы. Джон ле Карре (настоящее имя – Дэвид Корнуэлл, David Cornwell) в своём творчестве продолжает традиции его великих предшественников.

В интервью для радио «Свобода» британский писатель и критик Адам Сисман, автор книги «John le Carré. The biography» (2015), указывает на особое влияние творчества Диккенса на становление Ле Карре как писателя: «Диккенс – его (Ле Карре – Д.Г.) ролевая писательская модель. Он хотел бы стать современным Диккенсом» [Голицына URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27345039.html>]. В контексте статьи это утверждение осознаётся как чрезвычайно важное: у Акунина и Ле Карре есть общий писательский ориентир – Чарльз Диккенс. С другой стороны, на обоих писателей огромное влияние оказали детективы Артура Конана Дойла (Arthur Conan Doyle, 1859-1930).

По признанию Акунина, «... «Этюд в багровых тонах» – повесть, с которой начинается взрослый возраст детективного жанра» [Акунин URL: <http://borisakunin.livejournal.com/130253.html>]. Особый интерес представляют исследования Оуэна Дадли Эдвардса (Owen Dudley Edwards, 1938), почётного председателя «Общества Артура Конан Дойла», упоминавшего о прямом влиянии произведений о Шерлоке Холмсе на эстетические воззрения Ле Карре [Hawkins-Dady 1996: 426]. Это позволяет обосновать правомерность компаративного анализа романов Б. Акунина и Дж. Ле Карре с целью установления типологических взаимосвязей на уровне жанровой специфики, особенностей сюжетостроения, проблемно-тематического диапазона, характерологии.

Шпионский роман / шпионский детектив – разновидность детективного жанра, сюжет которого сосредоточен вокруг деятельности разведывательных спецслужб. Традиционное для детектива антагонистическое начало в таких произведениях выражается через противостояние двух систем [Николюкин 2001: 223]. Жанр шпионского романа приобретает особую популярность в период разгара Холодной войны. Это объясняется тем, что подобные романы выполняли не только развлекательную функцию, но и формировали образ «идейного врага» [Благин 2012].

Создавая «Турецкий гамбит» как шпионский детектив, Акунин обращается к опыту мастеров жанра. Так, Фандорин в читательском сознании ассоциируется со спецагентом Джеймсом Бондом (подобно герою Флеминга (Ian Lancaster Fleming, 1908-1964), он привлекателен, силен, пользуется успехом у женщин и т.д.), однако, в отличие от Бонда, для Фандорина понятия нравственности и чести становятся первостепенными, его миропонимание проникнуто чувством

трагизма. В романе «Турецкий гамбит» личность Эраста Фандорина уходит на второй план. Повествование сконцентрировано вокруг Варвары Андреевны Суворовой, «женщины передовых взглядов», которая отправляется в зону боевых действий русско-турецкой войны (1877-1878) к месту службы её жениха – Петеньки Яблокова. Акунин сознательно уводит своего героя в тень, подобно Ле Карре, который в романе «Маленькая барабанщица» впервые в своём творчестве сделал главной героиней женщину. Внимание читателей обращено к образам девушек, оказавшихся в эпицентре военных действий (русско-турецкая война и арабо-израильское противостояние) и хитроумной шпионской авантюры (разоблачение турецкого шпиона Анвара-эфенди и устранение главаря террористов – Халиля).

Целесообразно подробно рассмотреть образы героинь и провести аналогии. Варвара Суворова характеризуется своим отцом как «полоумная нигилистка». С точки зрения героини, её путешествие в зону боевых действий – во-первых, романтическое приключение, во-вторых, – это бунт против социальной несправедливости и, думается, попытка самореализации: «Вот в Американских штатах уже есть и первая женщина-врач Мери Джейкоби, и первая женщина-священник, Антуанетта Блеквелл, а в России всё косность и домострой. Но ничего, дайте срок» [Акунин 2014: 8-9]. Акунин описывает эволюцию героини, которая поступает на акушерские курсы, но, не сдав практического экзамена, вынуждена перевестись на курсы телеграфисток, а после чего отправилась в тамбовское имение воспитывать крестьянских детей. По ходу развития сюжета ей предстоит оказаться в плену у башибузуков, стать причиной смертельной дуэли, влюбиться в Фандорина, принять участие в захвате Константинополя, поспособствовать разоблачению шпиона Анвара-эфенди, и, в конечном итоге, вернуться к обыденности.

Действие романа Ле Карре «Маленькая барабанщица» происходит в начале 80-х гг. XX века. Мы можем констатировать определённый параллелизм жизненного пути героинь. Так, Чарли является «идейной» бунтаркой (её прозвище – «Красная Чарли»): «Она была яркой пацифисткой, последовательницей суфизма, участницей антиядерных маршей, активисткой общества защиты животных и – пока опять не втянулась в курение, – сторонницей запрещения табака в театре и на подземном транспорте» [Ле Карре 1993: 92]. Она анархистка, социалистка, увлекалась деятельностью Че Гевары, посещала семинары радикалистов. Она будет завербована Моссадом, успешно пройдёт внедрение, будет обучаться в военизированном лагере ООП (Организации Освобождения Палестины), увидит войну своими глазами, войдёт в ближний круг главаря террористов Халиля и поспособствует его уничтожению. И Варвара, и Чарли стремятся найти себя в жизни. Некоторая стихийность их увлечений обусловлена отсутствием жизненного опыта и конкретных целей. Они обе подвергают сомнению традиционные модели поведения, посредством бунта пытаются пошатнуть систему, закрепостившую личность. Но героини обречены на разочарование, так же, как и другие представители их поколений, рождённые в кризисные периоды заката эпох.

Во многом близки образы Фандорина и Гади Беккера. Так, Фандорин – агент Третьего Отделения, после гибели жены переживает духовный кризис. Он отправляется добровольцем на Балканскую войну, попадает в плен, а после осво-

бождения примыкает к русским войскам и раскрывает личность турецкого шпиона. Он выполняет долг перед родиной, хотя считает войну губительной для России. После завершения русско-турецкой войны Фандорин отправляется в Японию. Подобного рода стоический пессимизм испытывает и Гади Беккер, сотрудник Моссада, отвечавший за вербовку и обучение Чарли. Ему неприятно разыгрывать плейбоя и быть «наживкой» для молодой актрисы. В начале романа мы узнаем, что все его попытки оставить службу и найти себя в мирной жизни оказываются бессмысленными. Он боевой офицер, легенда, молодые солдаты называют его «Steppenwolf» (Степной волк): «Это же был Беккер, говорили они друг другу, <...> это был сам легендарный Гади... человек, сражавшийся за Голландские высоты в тылу врага, за линией фронта сирийской армии...» [Ле Карре 1993: 392-393]. И Фандорин, и Беккер – сотрудники секретных служб, прошли через боевые действия, имеют карьерные успехи, но каждый из них глубоко несчастен, они оправдывают свою деятельность борьбой за высшие ценности, но их философия переживает кризис. Они пытаются сбежать от своего одиночества – Беккер уходит со службы, Фандорин – покидает страну. Тема одиночества и разочарованности является ключевой в финалах обоих романов. «Турецкий гамбит» заканчивается расставанием Варвары и Эраста. В финале романа Ле Карре героиночки, Чарли и Гади Беккер, встретившись, сквозь ночной город уходят в неизвестность: «И они, вцепившись друг в друга, двинулись по тротуару в этом совсем чужом для них городе» [Ле Карре 1993: 479].

Подводя итог, подчеркнём, что романы Бориса Акунина и Джона Ле Карре имеют типологическое сходство, явленное на сюжетно-фабульном уровне, уровне героев, идеологическом уровне. Однако различным, с нашей точки зрения, является освоение писателями жанра детективного и шпионского романов. Борис Акунин сознательно акцентирует развлекательный характер своих произведений [Юсипова URL: <http://www.guelman.ru/culture/reviews/2001-07-27/Usipova260701/>], в то время как Джон Ле Карре стремится расширить жанровые границы, сообщить шпионскому роману многосмысленность, усложнить его проблемно-тематический диапазон.

Литература

- Акунин Б.* Турецкий Гамбит. М.: Захаров, 2014.
- Акунин Б.* Любовь к истории. Блог Бориса Акунина. URL: <http://borisakunin.livejournal.com/130253.html> (дата обращения: 8.08.2016).
- Благин А.А.* Английские шпионские романы как оружие идеологического противоборства 1950-1970-х гг.: автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2012.
- Голицына Н.* Он хотел бы стать современным Диккенсом. Радио Свобода. 15.11.15. <http://www.svoboda.org/content/article/27345039.html> (дата обращения: 12.08.2016).
- Ле Карре Д.* Маленькая барабанщица. М.: Вагриус, 1993.
- Николюкин А.Н.* Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001.
- Потанина Н.Л.* Англomanия Б. Акунина: фактор успеха? URL: <http://www.3.letops.z8.ru/science/Essay/text19.htm> (дата обращения: 11.08.2016).
- Потанина Н.Л.* Диккенсовский код в современном российском детективе. <http://www.3.letops.z8.ru/science/Essay/text20.htm> (дата обращения: 8.08.2016).

Юсупова Л. От Эраста Петровича к героям безбумажной литературы. Ведомости. URL: <http://www.guelman.ru/culture/articles/Usipova260701.htm> (дата обращения: 13.08.2016).

Hawkins-Dady Mark Reader's Guide to Literature in English. London-Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1996.

УТРЕННИЙ ПЕЙЗАЖ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО¹

Лю Яньпин
(г. Даньчжоу, Китай)

В данной статье под авторской картиной мира понимается система знаний о мире, выраженная в языке писателя; рассматривается специфика авторского лексико-семантического поля «утро» в индивидуально-авторской картине мира С.Н. Сергеева-Ценского.

Ключевые слова: пейзаж, С.Н. Сергеев-Ценский, индивидуально-авторская картина мира, лексико-семантический анализ художественного текста

Интерес к изучению картины мира не ослабевает у современных лингвистов, что связано, прежде всего с тем, что «картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. <...> опосредует человеческое мировосприятие и миропредставление, лежит в основе миропонимания, позволяя осмыслить происходящие в мире события, помогая построить субъективные образы конкретных ситуаций объективной действительности [Соколова 2010: 169]. Особой разновидностью картины мира является языковая картина мира (ЯКМ). Как отмечает А.А. Буров, ЯКМ «включает в себя словарь, совокупность образов, закрепленных в языковых знаках, идиостиль говорящего, языковую идеологию носителей языка, тип ассоциативно-вербального отражения мира» [Буров 2006: 43].

Наряду с этим, современными исследователями художественного текста рассматривается такое понятие, как авторская картина мира, которое не имеет однозначной трактовки. Как отмечают И.А. Щирова, Е.А. Гончарова, «авторская картина мира фиксирует, в первую очередь, уникальность творческого субъекта: ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события. Вместе с тем, как и картина мира любого индивида, она включает в себя универсальное и национальное» [Щирова, Гончарова 2006: 92].

В данной статье под авторской картиной мира понимается система знаний о мире, выраженная в языке писателя, творческий акт изображения образа мира в языке. Индивидуально-авторская картина мира отражает восприятие мира конкретным носителем языка посредством языковых единиц.

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта № qnj1524 Хайнаньского университета (本文系海南大学青年基金 ▪ 目№ qnj1524 ▪ 阶段性研究成果)

Изучение лексико-семантической системы писателя с помощью полевой методики позволяет эксплицировать авторское мировоззрение, выявить специфику его ценностной ориентации и языковых приоритетов, особенностей индивидуально-авторского словоупотребления [Кочнова 2015: 53]. Под такой экспликацией понятия понимается «средство актуализации элементов индивидуального опыта и знания, их «переброски» из «второго эшелона» на «передний край сознания» [Кацнельсон 2011]. Иначе говоря, структура лексико-семантического поля, составленная автором, не совпадает с лексико-семантическим полем в общенародном языке.

Рассмотрим специфику авторского лексико-семантического поля «утро» в индивидуально-авторской картине мира С.Н. Сергеева-Ценского. В воззрениях человека на природу сложились устойчивые представления о частях суток. Так, утро связывается с наступлением нового дня, началом жизни, пробуждением природы. В творчестве С.Н. Сергеева-Ценского слово *утро* наряду с номинативным значением: «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня» [Ожегов, Шведова 1993: 841], обозначает начало дня, но в его семантике зафиксирован дополнительный компонент «начало движения», выраженный такими глаголами, как *завонить*, *запестреть*, *зашевелиться* и др. Например: «Утром, на рассвете, колокола **завонили** к заутрене, и **зашевелилась** толпа. ... Ярмарочная площадь **запестрела** будками, палатками, ...» («Сад»).

Активную роль в языковом выражении специфики образа утра в авторской картине мира С.Н. Сергеева-Ценского играют лексические единицы с семантикой растительного и животного мира. С наступлением утра вся природа оживает: «Когда он рано утром пошел по улице, навстречу ему гнали **волов** в поле, ... Где-то вдали подымался высокий **журавль** колодца...» («Сад»). «Утро было серенькое... На огородах высокими рядами цвели **подсолнухи**. ... На лесной опушке белыми пятнами вкropились в темную зелень молодые **тополи**, и издали было видно ....» («Сад»).

У С.Н. Сергеева-Ценского слово «утро» имеет также символическое значение – «время радости и благодати», например: «Проснулись поздно в сарае. Утро было ясное, небо чистое. .... Выходили рабочие, умывались, **молились на солнце богу**» («Лестная топь»).

Описание «утреннего цвета» занимает особое место в пейзажах писателя, Тему красоты и жизни в изображении утра выражают прилагательные с семантикой цвета: «Утром, на рассвете... Над рекой еще ползал **синеватый** туман, и казалось...» («Сад»). «Утро было **серенькое**, подслеповатое, как близорукие глаза... **Ярко-желтые** головы их, поднимаясь от земли... На лесной опушке белыми пятнами вкropились в **темную** зелень молодые **тополи**...» («Сад»). Единицы лексико-семантического поля «звук» связаны с восприятием утра как начала нового дня: «Утром, на рассвете, колокола **завонили** к заутрене, ... а монастырь за рекою, закутанный около земли в туман и потому казавшийся в воздухе, **звонил** о бесплотном боге» («Сад»).

Таким образом, проведенный семантический анализ фрагментов утреннего пейзажа показывает, что слово «утро» имеет индивидуальный статус в языковой картине мира С.Н. Сергеева-Ценского. Употребление лексем, выражающих миропонимание писателя, реализует в контексте сложную семантическую структуру, ярко выраженное индивидуально-авторское значение.

Литература

- Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды. Монография. Пятигорск, 2008.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова и обозначение. М., 2011.
- Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика. 2015. № 3. С. 53-57.
- Сергеев-Ценский С.Н. Собрание сочинений. Тт. I-XII. Т. 1. М., 1967.
- Соколова М.Г. О существе фразеологической картины мира в отличие от других картин мира // Вектор науки ТГУ. 2010. № 4(14). С. 169-173.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
- Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб., 2006.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В КАРТИНЕ МИРА Е.И. ХАРЛАНОВА

Н.Г. Серебрянникова
(г. Тамбов, Россия)

На примере образа «время в статье рассматриваются основные особенности языковой картины мира поэта Е.И. Харланова», который формируют систему других художественных образов и задает тон всему произведению, заставляя читателя совершенно по-другому увидеть знакомые вещи и обыденные ситуации.

Ключевые слова: поэзия Е.И. Харланова, образ времени, поэтическая интерпретация

Согласно принципам функционального подхода к явлениям языка и дискурса, язык понимается как живая система, тесно взаимосвязанная с другими живыми системами, включая окружающую среду, социум и самого человека как биологический вид. Таким образом, язык как знаковая система, имеющая непосредственное отношение к процессу порождения и передачи информации, соотносится с представлением о ноосфере и семиосфере, а значит – и о биосфере, развивающейся по своим естественным природным законам. Известно, что одним из главных показателей жизнеспособности экосистемы является принцип биологического разнообразия. Можно сказать, что биоразнообразие – это ключевое понятие в природоохранном дискурсе.

Если принять во внимание, что в рамках экологии языка принято метафорически переносить на язык различные экологические понятия, например «экосистема», «окружающая среда», то вполне возможно говорить в данном случае и о принципе разнообразия, применительно как к языку в целом, т.е. к определённой системе знаков и символов, так и к конкретной реализации этой системы – к речи. В данном случае весьма актуальным, с точки зрения экологии языка и речи, является обращение к литературно-художественному дискурсу, в котором ярко проявляется индивидуальность поэта, отражается его языковая лич-

ность, непосредственно обогащающая речевую культуру своим творческим разнообразием. «Мы исходим из такого понимания речи, – отмечает В.Г. Руделев, – которое, конечно, предполагает различные уровни коммуникации, однако начало подлинной речи – там, где начинается творчество и кончается повторение уже когда-то сказанного» [Руделев 2001: 11].

В настоящее время широкое распространение получило представление «об индивидуальном характере всякого владения языком, о неповторимости языкового мира каждой личности», так как сам процесс познания невозможен без изучения языка, а «понять природу языка и объяснить её можно лишь исходя из человека и его мира» [Кузнецов 1999: 1].

В данной работе мы хотели бы рассмотреть основные особенности языковой картины мира поэта Е.И. Харланова, но поскольку в рамках небольшой статьи трудно рассмотреть все аспекты, мы остановимся на одном из тех образов, который, на наш взгляд, является главным для понимания творчества Е.И. Харланова. Таким образом-концептом для поэта является «время». Именно оно формирует систему других художественных образов, именно на его значимом фоне происходят основные события, описываемые поэтом, именно оно часто задает тон всему произведению, заставляя читателя совершенно по-другому увидеть знакомые вещи, обыденные ситуации.

Концепт-образ «время», созданный поэтом, дает ощущение циклических повторов, вращений, перемещений в рамках тех событий, свидетелем которых является автор или читатель. И в данном случае образ круга, временного колеса, кольца вступает в противоречие с научным представлением о времени и, отчасти, с устоявшимся сравнением времени с линией, дорогой, движущейся вперед. Например, И.В. Подольская отмечает: «Будучи по образованию математиком и защитив кандидатскую диссертацию по философии, Е.И. Харланов хорошо представлял себе концептуальное определение Времени (как формы последовательной смены явлений и состояний материи) и его основных свойств: длительности, неповторяемости; такое определение времени навязывает его представление в виде убегающей линии, луча, стрелы. Как поэт Е.И. Харланов представлял себе Время несколько иначе – в виде круга, кольца, хоровода событий, обтекающего событие ручья» [Подольская 2004: 56].

Время у Е.И. Харланова, если можно так сказать, является некой сущностью или субстанцией, разумеется, воображаемой, которая может мыслиться отдельно не только от объектов окружающего мира, но и каким-то образом – от самих дискретных временных понятий, например – дня, ночи, осени, лета. Так, время может «обтекать» стоящий неподвижно день, поскольку дискретные отрезки времени тесно увязываются с событием, пространством, с тем, что непосредственно видит поэт, а само время при этом как концептуальная, отвлеченная сущность, может проходить рядом, обволакивать события, не затрагивая их, а только бросая на них некие «отблески», похожие на воспоминания. Так рождаются интуитивные прозрения поэта, который способен видеть истинную природу вещей, скрытую от глаз обывателя. Именно об этом стихотворение Е.И. Харланова «Отблески».

Поэт на закате солнца смотрит на перламутровый, переливающийся вечерними красками ручей и видит многоцветные блики. Но это отблески не вод ру-

чья, а временного потока, обтекающего это прекрасное событие, непосредственно явленное его взору [Харланов 1993: 43]:

Стоит недвижно бабье лето,
и время обтекает день.
Так женское литое тело
блестит в струящейся воде...

Не говорите:
«Все проходит».
Скажите лучше:
«Все идёт,
души касаясь в хороводе
закатов, снов, стеклянных вод...»

Именно эта непрерывность хоровода времени в стихотворении Е.И. Харланова «Отблески» делает эфемерное, казалось бы, неуловимое – постоянным. Именно поэтому чувства и мысли человека не исчезают, а втягиваются во временной поток, возвращаясь снова и снова, напоминая о себе как будто всплывающим в нашем воображении внутренним светом, воспоминаниями, отблесками [Харланов 1993: 43-44]:

И эта ярмарка пространства
нам обнаружит, как ручей,
серебряное постоянство
неуловимейших вещей

...

Нас озаряет то простое,
что перламутр и волн и слов –
лишь только отблеск,
но в основе
взаимность долгая миров

Такое видение мира для поэта не исключение, данное стихотворение, хотя и является уникальным по своей форме и поэтическому содержанию, но в основе своей типично для Е. И. Харланова. Можно сказать, что именно такого рода произведения составляют основу его творчества, и именно они формируют харлановское специфическое видение вещей, создавая тем самым его неповторимую, отличную от других картину мира. В этой картине мира, как уже отмечалось, одну из главных ролей играет образ времени.

Время, часто представляющееся поэту в пространственных образах [Подольская 2004: 77], непосредственно формирует саму ткань, основу картины мира, которая, благодаря особому видению Е.И. Харланова, предстает как картина динамичная. В мире, нарисованном воображением поэта, все как будто движется. Смещаются временные пласты, эпохи, одно событие наплавает на другое, а сквозь него просвечивает ещё одно. Вполне осязаемые объекты сплетаются с воображаемыми, – и весь этот водоворот повторяется. Создаётся ощущение, что мир многослоен, многомерен, в нем все постоянно вращается, перемещается, как будто летит. Ср.: стихотворение Е.И. Харланова «У старой ивы» [Харланов 1993: 91]:

И если мир остановить в тот миг,
когда прописан он и прорисован
на небосклонах,
как в гравюрах книг, –
красива,
но плоска его основа!

Летят куда-то судьбы и сады,
вращаются миры невнятно глазу.

Это стихотворение Е.И. Харланова очень показательно. Оказывается, мир, для того чтобы его рассмотреть, нужно остановить, так как он непрерывно «вращается». Но такой мир, без движения, для Е.И. Харланова – не настоящий, он только плоская копия, картина из книги. Подлинная же картина бытия является совершенно иной, и поэт способен показать это читателю благодаря поэтической интерпретации такой абстрактной сущности, как время.

Литература

Кузнецов З.А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.

Подольская И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова). Монография. Тамбов, 2004.

Руделев В.Г. Исследование проблем экологии языка и речи // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки, 2001. № 1(21). С. 10-19.

Харланов Е. У придорожного камня: Стихи. Тамбов, 1993.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА»

А.А. Плужникова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена анализу двух ярких женских образов в неоготическом романе английской писательницы Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»: образу Маргарет Ли и образу Виды Винтер.

Ключевые слова: Д. Сеттерфилд, роман «Тринадцатая сказка», женские образы

В разное время, начиная с эпохи античности, особое внимание привлекает образ женщины, место которой в жизни общества менялось в зависимости от исторических и социокультурных условий.

Например, в английской литературе XIX века традиция изображения женских образов связана с творчеством Чарльза Диккенса, Уильяма Мейкписа Теккерея, сестёр Бронте, Элизабет Гаскелл и др. К числу значительных произведений английского реализма принадлежит роман Шарлотты Бронте (Charlotte Bronte, 1816-1855) «Джейн Эйр» («Jane Eyre», 1846-1847). Новаторский характер

романа определялся тем, что главной героиней здесь выступает простая женщина, которая мужественно отстаивает свои права, человеческое достоинство, преодолевает все препятствия и удары судьбы. Как подчёркивают исследователи, женщина в творчестве Бронте – это независимая, самодостаточная личность, наделённая твёрдыми нравственными принципами и самоуважением. Именно образ свободолюбивой девушки, которая по силе духа и развитию интеллекта не уступает мужчине, становится одним из ведущих в английской литературе XIX века.

К изображению женских образов в XX веке обращаются В. Вулф, Д. Дю Морье, М.В. Льоса, Д. Лессинг, Дж. Фаулз и др.

На рубеже XX-XXI веков интерес к созданию женских образов, к осмыслению женских судеб и обретению женщиной нового социального статуса по-прежнему сохраняется. В числе современных авторов, которые подвергают художественной рефлексии женскую тему, можно назвать, например, Дж. Уинтерсон, Э. Елинек, М. Дреббл, Д. Сеттерфилд.

Цель статьи заключается в характеристике женских образов, воплощённых в неоготическом романе английской писательницы Д. Сеттерфилд (Diane Setterfield, р. 1964) «Тринадцатая сказка» («The Thirteenth Tale»), который был назван «живым викторианским романом» [Нестеров: электронный ресурс]. По версии газеты «New York Times» он стал бестселлером № 1.

Уточним определение понятия «образ». Т.Н. Гурьева даёт следующую интерпретацию: «Образ художественный – универсальная форма отображения действительности в искусстве и литературе, в частности, образ художественный условно подобен реальности, но отражает её в соответствии с законами художественного восприятия – типизирует, обобщает» [Гурьева 2009: 194]. А.К. Дрёмов считает, что «художественный образ – особое, эстетическое единство общего и единичного, выраженное в конкретно чувственном, единичном» [Дрёмов 1961: 92]. В.И. Новиков и Е.А. Шкловский пишут о том, что «образ – одно из основных понятий литературы, определяющее природу, форму и функцию художественно-литературного творчества. Тем самым перед писателем встает задача показать героя в окружающей его общественной, природной, вещной среде, воспроизводя её с достаточной степенью полноты, т.е. образно» [Новиков, Шкловский 2001: 223-224].

Под образом в статье будет пониматься совокупность компонентов, работающих на создание художественного целого.

Повествование в романе «Тринадцатая сказка» начинается с того, что Маргарет Ли – главная героиня романа, предпочитающая современности Диккенса и сестёр Бронте, получает письмо от известной писательницы Виды Винтер, содержащее просьбу последней написать её биографию. Первоначально Маргарет хочет отклонить эту просьбу, но одна фраза из письма («Скажите мне правду») начинает её беспокоить: «...мне тоже никогда не говорили правду, и я была вынуждена доискиваться её самостоятельно, втайне от всех. «Скажите мне правду». То-то и оно» [Сеттерфилд 2015: 33].

Маргарет работает в букинистическом магазине отца, который для неё является сосредоточением жизни. «Однако реально для нас (я говорю об отцовской и моей реальности, не притворяясь, будто реальность одна и та же для всех) магазин является центром мироздания.... Магазин был моим домом и мо-

ей работой одновременно. Он был для меня гораздо лучшей школой, нежели обычная общеобразовательная, а позднее стал моим личным университетом. Он был всей моей жизнью» [Сеттерфилд 2015: 21-22]. Сеттерфилд наделяет главную героиню такими качествами, как замкнутость, скромность, застенчивость, общение с другими людьми её тяготит. Не складываются также отношения Маргарет и с матерью.

Самым страстным увлечением Маргарет были книги: «...я их не просто читала – я их проглатывала за один присест» [Сеттерфилд 2015: 24]. В книгах Маргарет находила то, что не могла найти в реальной жизни, они были её спасением.

Однако вовсе не Маргарет является главной героиней романа Сеттерфилд. В процессе чтения мы понимаем, что на первый план выходит Вида Винтер. «Кожа лица излучает мягкий алебастровый свет; она кажется ещё белее по контрасту с изящными завитками медно-красных волос...», но особое внимание привлекает описание «нечеловечески зеленых глаз» [Сеттерфилд 2015: 18], – таковы портретные характеристики Виды. Весь её образ соткан из изысканных, порой даже экстравагантных, деталей. Всё в нём кажется неестественным – очки, макияж, наряды, цвет волос и цвет глаз. Мисс Винтер, «...любимый автор английских читателей, современный Диккенс, величайший живой классик...» [Сеттерфилд 2015: 16], настоящая история которой не известна никому. По мере того, как тайна Виды будет раскрываться, исчезнет и весь её «помпезный образ» [Сеттерфилд 2015: 56] – в конце она предстанет перед читателем такой, какая есть.

С самого начала рассказа Виды Винтер повествование становится двусторонним, так как читатель, с одной стороны, находится в настоящем Маргарет Ли, а с другой стороны, он отправляется в прошлое Виды Винтер в поместье Анджелфилд. Сеттерфилд использует приём рассказа в рассказе, чтобы глубже раскрыть внутренний мир главных героев.

Вида Винтер рассказывает историю своего детства. Весь роман – это трагедия одного человека, которая началась задолго до его рождения. «Это история Анджелфилда. Деревни Анджелфилд. Усадьбы Анджелфилд. Супругов Анджелфилд – Джорджа и Матильды; их детей – Чарли и Изабеллы; детей Изабеллы – Эммелины и Аделины. История их жизни, их радостей и страхов. И их семейного привидения» [Сеттерфилд 2015: 73]. Это семейное привидение в конце книги представляется читателю еще одной девочкой-близнецом, дочерью Чарли. Маргарет фиксирует историю Виды Винтер и как будто переживает её наяву. Рассказываемая история начинает влиять на современную действительность, получает своё продолжение в ходе расследования Маргарет: найдено тело одной из близнецов в руинах поместья Анджелфилд. Кому, как не ей понять историю о родстве душ сестёр?! Ведь она сама является одной из них, страдая от отсутствия своей сестры и ощущая себя неполноценной.

Можно заметить некую схожесть двух героинь – Маргарет Ли и Виды Винтер. Обе живут отстранённо от внешнего мира, пребывая в своих «заточениях». Если для Виды Винтер – это её дом, то для Маргарет – магазин отца. В ходе повествования читатель узнает, что их личные истории тесным образом переплетаются: в центре обеих историй оказывается загадочная связь близнецов.

Таким образом, Д. Сеттерфилд в романе «Тринадцатая сказка» создаёт два ярких женских образа – образ Маргарет Ли и образ Виды Винтер. С одной стороны, это две разных героини (скромная, замкнутая девушка, «книжный червь», и неординарная, сильная, эффектная женщина), но, с другой стороны, их судьбы идентичны. На протяжении всего романа читатель наблюдает за жизненными перипетиями обеих, сопереживает им и разгадывает тайны, в которые героини оказываются вовлечены волей авторского воображения.

Литература

Гурьева Т.Н. Образ // Новый литературный словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. С. 194.

Дрёмов А.К. Художественный образ. М.: «Советский писатель», 1961.

Нестеров В. Чисто английское воскрешение // Газета.ru: электронная газета // http://www.gazeta.ru/culture/2007/09/11/a_2147886.shtml (дата обращения: 8.09.2016).

Сеттерфилд Д. Тринадцатая сказка / пер. с англ. В. Дорогокупли. СПб.: Азбука, 2015. 448 с.

Энциклопедический словарь для юношества. Литературоведение от «А» до «Я» / сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. М.: Издательский дом «Современная педагогика», 2001. С. 528.

«ВЕЧНЫЙ ЮНОША»: М.А. ЩЕГЛОВ О С.А. ЕСЕНИНЕ

Д.А. Алфёрова
(г. Тамбов, Россия)

На материале статьи М.А. Щеглова «Есенин в наши дни», в которой утверждается значительность личности и творчества С.А. Есенина в истории русской литературы XX века, доказывается, что появление статьи известного критика и литературоведа М.А. Щеглова во многом способствовало возвращению наследия поэта в активный читательский и исследовательский оборот, дало начало новому этапу есениноведения.

Ключевые слова: поэзия Есенина, статья М.А. Щеглова «Есенин в наши дни»

Работы известного критика и литературоведа М.А. Щеглова отличаются тонким вкусом, большой филологической культурой. Современные литературоведы считают М. Щеглова «лучшим советским критиком 50-х годов» и «одним из лучших критиков второй половины XX века» [Кормилов 2002: 132].

После долгого «молчания» и отсутствия официального интереса к поэзии С.А. Есенина, вызванного еще в 1927 году «Злыми заметками» Н.Бухарина, вышло в свет и буквально в тот же день разошлось среди читателей – при полутора стотысячном тираже – двухтомное собрание стихотворений и поэм С. Есенина. На это знаменательное событие сразу же откликнулся М. Щеглов. В 1956 году в третьем выпуске журнала «Новый мир» была опубликована его статья «Есенин в наши дни», уже в названии которой утверждается актуальность творчества

Есенина для поколения середины XX века. Эта работа стала настоящим «актом нового утверждения в сознании читателей» имени Есенина [Лакшин 1984: 56].

Радостно восприняв официальное признание творчества Есенина, чья поэзия продолжала волновать читателей, несмотря ни на какие запреты, М. Щеглов задается вопросом: «В чем причины столь постоянной и необманчивой популярности лирики Есенина, почему редко и скудно издававшийся – годами имевший хождение в рукописных тетрадках, – Есенин и сейчас один из самых известных и любимых русских поэтов, не потерявший ни доли своего обаяния, проложивший свою тропу к действительно массовой лирике?» [Щеглов 2001: 97].

Чтобы ответить на заданный вопрос, автор подробно, непредвзято и без излишнего пафоса анализирует творчество С. Есенина. Здесь рассмотрены разные темы есенинского творчества: отношение к революции, неразделенные чувства любви, мысли о смерти и об ушедших годах, любовь «до горечи и боли» к Родине.

По словам М. Щеглова, «Есенин – родное дитя революционной поры» [Щеглов 2001: 98]. Так начинается анализ революционной есенинской поэзии. Но, несмотря на убедительные возгласы поэта, «Мать моя – родина, я – большевик» [Щеглов 2001: 98], реальные революционные события, резкие перемены в деревне в есенинском художественном представлении воплощались в размышления о гибели патриархальной, уединенной, с замкнутыми интересами и обычаями Руси. Поэту казалось, что исчезла близкая природе и глубоко поэтическая целая область жизни, а значит, и область чувств.

Критик говорит о том, что с годами под ударами времени и истории распадается в поэзии Есенина милый его сердцу призрак кроткой Руси – «покойного уголка». Поэзию начинает пронизывать «журавлиная тоска». Поэтому вместо свирелей и «коровьих вздохов» мы слышим в стихах Есенина «ржавь и жуть», глубокое душевное беспокойство, драматическое разноречие чувств.

М. Щеглов, анализируя творчество С. Есенина, говорит о тяжелом жизненном опыте, смертельном споре душевной тьмы и света, надежд и отчаяния, который выразился в острейшем лирическом конфликте, и исключает привычку к падению, оправдание его, смакование ничтожества, «откола» от мира и беспросветности.

По мнению автора, поэзия Есенина набирает яркие душевные краски осени, когда он пишет о Родине. Потому что «возвышенное и интимное чувство, которое он испытывает к родной земле, к родной старине, к сородичам, к самому пейзажу, звукам, запахам и краскам родных мест, – все это передано в его стихах пылко и неповторимо, от простого и преданного признания:

Я люблю родину,
Я очень люблю родину!.. –

до азартного, восторженного вызова небу:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» –
Я скажу: «Не надо рая.
Дайте родину мою!» [Щеглов 2001: 107]

Любовь ко всему родимому, к «пенатам», родному крову, очагу, к близким – это самая светлая, безнадрывная тема есенинской лирики. Стихи Есенина, обращенные к заброшенному деревенскому дому, старушке матери, – это драгоценные выражения русской лирики. М. Щеглов сравнивает эти стихотворения с пушкинским «Посланием к няне».

Поэт постоянно с тоской тянется к ясной, незапятнанной любви, поэтому в эти минуты есенинская лирика любви приобретает особенную эмоциональную трепетность – «окаянные» мотивы в ней то и дело сменяются и оттеняются целомудрием первой нежности, музыкальной грустью первоначальных бед и обид любви, – так видит динамику развития поэтических мотивов М. Щеглов.

Итак, в чем тайна этой поэзии? На этот вопрос Щеглов отвечает следующим образом: «Есенинская лирика – лирика антииндивидуалистическая, лирика общения. Она полна внутреннего расположения к людям, юной дружественности ко всему на свете. И дело не только в том, что многие лирические миниатюры поэта имеют прямое обращение к кому-то – к женщине, другу, матери, – что они предполагают в ком-то сопереживание. Есенин рассказал о себе всю правду в певучих, подкупающих своей музыкальностью и какой-то «закадычной» дружеской интонацией стихах. И этот порыв к людям, эту открытость и поэтизацию простых человеческих чувств, весь очень доступный, эмоциональный мир поэзии Есенина мы воспринимаем глубоко и признательно» [Щеглов 2001: 112-113].

Поэтому Щеглов говорит о том, что «состав» поэзии Есенина сложен и противоречив. Тут и подлинно высокая струя, настоящая классика русской лирической поэзии, и рядом то, что, будучи преувеличенным, создало двусмысленную славу Есенина как «российского скандального пиита» [Щеглов 2001: 114]. Но и то, и другое – и настроения светлые, ласковые, мажорные, и мотивы тоски, боли, печали – все это внутренне принадлежит поэзии Есенина.

Позднее творчество Есенина как бы растворилось в распадном общественном явлении – в так называемой «есенинщине», и под флагом борьбы с нею разные ретивцы постарались изъять стихи Есенина из обращения.

«В искусстве есть вечные юноши, – пишет М. Щеглов. – Когда-то в Италии певца Собинова звали не иначе как «этот юноша». В поэзии Есенина тоже увлекательно и свежо звучит звонкий и нежный юношеский тенор, хватающий за душу /.../ Не верится, что Сергею Есенину было бы сейчас шестьдесят лет, настолько его образ сросся в нашем представлении с юностью, с удалью и печалью русской молодости. Поэтому сколько ни пройдет времен, а «этот юноша» всегда останется нам дорог и внятен, «как родина и как весна» [Щеглов 2001: 115].

Примечательно, что найденную М. Щегловым формулу – «вечный юноша» – уже применительно к судьбе и личности самого критика употребит В.Я. Лакшин, сокурсник Щеглова и сотрудник редколлегии «Нового мира», где начинал работать М. Щеглов: «Вечным юношей» останется Марк Щеглов в нашей памяти» [Лакшин 1984: 63].

Таким образом, статья М.А. Щеглова «Есенин в наши дни», утверждая большое значение личности и творчества С.А. Есенина в истории русской литературы XX века, во многом способствовала возвращению наследия поэта в ак-

тивный читательский и исследовательский оборот, дав начало новому этапу есениноведения.

Литература

Кормилов С.И. Жанры рецензии и статьи-рецензии в творчестве М.А. Щеглова // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке. Концепции и поэтика. Сб. статей и мат-лов / Ред.-сост. В.В. Перхин. СПб., 2002.

Лакишин В.Я. Марк Щеглов – «вечный юноша» // Вторая встреча: Воспоминания, портреты, статьи. М.: Сов писатель, 1984.

Щеглов М.А. Есенин в наши дни // На полдороге. Слово о русской литературе. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

ПОВЕСТЬ «ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОДЫ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Я.Э. Трункова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена изучению испанской повести анонимного автора XVI века «Жизнь Ласарильо с Тормеса», в которой представлен новый тип героя – пикаро: это хитрый, изворотливый, легко подстраивающийся под новые жизненные обстоятельства образ повести Ласаро.

Ключевые слова: испанская литература, повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса», новый тип героя

В XV веке теологическая эпоха Средневековья уступает место Ренессансу. Впервые за несколько столетий в центре внимания оказываются не Бог и связанная с ним идея спасения, а человек. Теперь человек мог проявлять в полной мере свой темперамент, интеллект, свою образованность, свой талант. Идеальный человек, по мнению гуманистов, это «универсальный человек», человек-созидатель, человек-энциклопедист. Гуманисты Ренессанса считали, что возможности человеческого познания беспредельны, ибо разум человека подобен божественному разуму, а сам человек является как бы смертным богом. Сам термин Ренессанс впервые появляется в работе итальянского историка искусств Джорджо Вазари (1511-1574) «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550).

В каждой европейской стране развитие литературной традиции эпохи Ренессанса происходило обособленно, в силу социально-экономических условий, существовавших в этих странах. Так, в испанской литературе этого периода буржуазное направление менее ощутимо, чем в других странах (Италии, Германии, Англии и др.). Это объясняется тем, что в Испании развитие буржуазии происходило медленными темпами, так как до 1492 года шла длительная борьба испанцев и португальцев с маврами на Пиренейском полуострове – так называемая Реконкиста (исп. «отвоёвывание»). В связи с этим центральное место в испан-

ской ренессансной литературе занимают национальное самосознание и мотивы народного творчества.

Названные черты, характерные для испанской литературы, прослеживаются в повести «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злключения». «Первые дошедшие до нас издания «Жизни Ласарильо с Тормеса» датируются 1554 годом, хотя наиболее достоверное время написания повести – 1525-1526 годы» [Томашевский 1975: 10]. Несмотря на большое количество проведенных исследований (преимущественно испанскими учеными), автор этой повести так и не был установлен. Вероятно, «Жизнь Ласарильо с Тормеса» не является целиком и полностью результатом авторского творчества, а в большой мере это произведение испытало на себе влияние народного сознания.

Повествование в этом произведении, написанном живым народным языком, ведется от первого лица: «Чтобы не наклепать горшей беды, бедная мать моя скрепя сердце подчинилась приговору и – от греха подальше – нанялась в услужение к приезжим в гостиницу Солана» [«Жизнь Ласарильо...» 1975: 26]. При первом знакомстве с этой повестью может показаться, что ее содержание составляют незатейливые фольклорные анекдоты, собранные воедино в автобиографической повести. Н.Б. Томашевский отмечает: «Многочисленными исследованиями выяснены различные литературные и фольклорные источники «Жизни Ласарильо»: зависимость, к примеру, «Рассказа пятого» повести от четвертой новеллы сборника Мазуччо Салернитано, а быть может, и от четвертой «Макеронии» Теофило Фоленго, использование мотивов «слуги многих господ», «дома, где никогда не пьют и не едят», или «репы вместо колбасы на вертеле» и т.д.» [Томашевский 1975: 10]. Однако стоит отметить, что сквозь пласт народного творчества проступает яркая панорама испанской жизни XVI века.

Так, например, в повести автор акцентирует внимание на бедности и нищете, в которую впала ранее высокоразвитая в социальной и экономической сфере Испания в XVI веке. Такие коренные изменения произошли вследствие кризиса феодального строя. На улицах испанских городов теперь не давали прохода просящие милостыню. В рассказе первом главный герой оказывается в подобной ситуации. Ласаро поступает на службу поводырем к слепому мужчине, который добывает себе пропитание только благодаря умению выпрашивать деньги у прохожих: «Ему были известны тысячи способов и приемов выманить деньги. Он говорил, что знает молитвы на любой случай: и для бесплодных женщин, и для беременных, и для несчастных в супружестве, чтобы мужа их любили» [«Жизнь Ласарильо...» 1975: 28].

Центральный образ повести – Ласаро с Тормеса, жизненный путь которого (от рождения на мельнице на реке Тормес до женитьбы и службы глашатаем) и составляет основную канву данного произведения. Появление такого образа объясняется по-разному. Так, С. Ерёмин считает, что образы слепца и мальчика-поводыря автор заимствовал из одного французского фарса XIII века. В то же время К. Державин отмечает, что герой Ласаро многократно встречается в испанской литературе XVI-XVII веков как народный персонаж: «Подобные упоминания встречаются в тексте вступительных пародийных стихотворений к «Дон-Кихоту» Сервантеса, а также в XXII главе первой части этого романа» [Державин 1967: 7].

Каждый рассказ символизирует определенный этап в жизни главного героя. В первых двух рассказах Ласарильо предстает немного наивным, по-детски видящим мир. Он со злобой относился ко всем невздам, практически на каждом шагу обманывал своих хозяев – слепца и священника. Затем, в третьем рассказе, Ласарильо сталкивается с обманом дворянина. Тогда главный герой сам пытается выпросить еду у людей – это его первая попытка «заработать» себе пропитание, а не добыть его нечестным путем. Он уже чувствует ответственность за хозяина, которого ему стало жалко. С этого момента начинается взросление Ласаро, он перестает обманывать и лукавить, а уже в шестом рассказе «на свои немалые сбережения сумел уже вполне прилично одеться» [«Жизнь Ласарильо...» 1975: 62].

В финале Ласарильо предстает уже вполне взрослым человеком: он нашел постоянную работу, женился и стал выше всяких сплетен и обманов.

Исходя из вышесказанного, следует, что все события, описываемые в повести, существуют неотрывно от социально-экономических реалий испанской жизни XV-XVI веков. Конечно, конкретных исторических фактов в повести нет, но социальная обстановка соответствует реальности XVI века.

В отличие от средневекового рыцарского романа, «Жизнь Ласарильо с Тормеса» вполне реалистична, в ней отражается национальная жизнь и отсутствуют сказочные мотивы. Н. Томашевский отмечает: «Рыцарский роман был ориентирован на побуждение читателя к рыцарской жизни, являлся своего рода путеводителем к этико-сентиментальному совершенству. Книга же о Ласарильо – горькое, ироничное «введение в жизнь», показательная автобиография, руководство по искусству жизни среди «невзгод и злоключений» [Томашевский 1975: 10].

Можно сделать вывод, что повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса» является одним из первых образцов плутовского романа. Об этом свидетельствуют и относительная реалистичность, и низкий разговорный стиль, которым написана эта повесть, и сам сюжет повести: жизненный путь молодого человека, который с помощью своей ловкости переборол многие жизненные трудности. Но самое главное, это образ Ласаро, который существенно отличается от средневековых доблестных рыцарей, совершающих подвиги. Ласаро – это новый тип героя – пикаро (от исп. *pícaro* – плут, мошенник): хитрый, изворотливый, легко подстраивающийся под новые жизненные обстоятельства.

Таким образом, повесть анонимного автора XVI века «Жизнь Ласарильо с Тормеса» противопоставлена рыцарским романам, которые в то время были популярны в Испании. Эта повесть символизирует начало новой эпохи испанской литературы – эпохи пикаресок. Однако «Жизнь Ласарильо с Тормеса» – это только предтеча плутовского романа, поскольку события поданы автором с некоторой умеренностью, гуманистическим оттенком. Традиции плутовского романа в большей мере были воплощены уже в «Гусмане из Альфараче» (первая часть – 1599 г.; вторая – 1604 г.) Матео Алемана и в «Истории жизни пройдохи по имени дон Паблос» Франсиско Кеведо (первая публикация – 1623 г.).

Литература

Державин К.Н. Предисловие к повести «Жизнь Ласарильо с Тормеса». М., 1967. 80 с.

Еремина С. «Жизнь Ласарильо с Тормеса». М., 1975. 558 с.
Жизнь Ласарильо с Тормеса / пер. с исп. К. Державина. М., 1975. 558 с.
Томашевский Н.Б. Плутовской роман. М., 1975. 348 с.

РОМАН Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ» В ОЦЕНКАХ КЛАУСА КЁЛЕРА¹

К.Ю. Горячева
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена изучению творчества современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка сквозь призму критического анализа немецкого исследователя Клауса Кёлера.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка, роман «Возвращение», немецкий исследователь Клаус Кёлер

Роман современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, р. 1944) «Возвращение» («Die Heimkehr», 2006) известен широкому российскому читателю значительно меньше, чем роман «Чтец» («Der Vorleser», 1995), который был воспринят как очередной отклик на многочисленные дискуссии по поводу концептуального понятия «Bewältigung der Vergangenheit» («преодоление прошлого»), с середины 1950-х годов прочно вошедшего в политический и научный лексикон Германии [Платицына 2015: 66]. Впрочем, и роман «Возвращение» правомерно рассматривать в русле литературы об историческом прошлом Германии, связанном с трагедией национал-социализма.

Эта книга, повествующая об отце и сыне, разлучённых войной, о поиске и возвращении (физическом и ментальном), становится объектом пристального внимания немецкого исследователя Клауса Кёлера в работе «Всё в полном порядке: как Вальтер Кемповский, Бернхард Шлинка и Мартин Вальзер заматают обломки цивилизации под ковер» («Alles in Butter: Wie Walter Kempowski, Bernhard Schlink und Martin Walser den Zivilisationsbruch unter den Teppich kehren», Würzburg, 2009). Отметим, что данное исследование не переведено на русский язык и представляет особый интерес для литературоведов, занимающихся изучением творчества Б. Шлинка. Роману «Возвращение» в работе К. Кёлера посвящены следующие главы:

1. «Entschoerfung des Themas durch Literarisierung» / «Смягчение темы с помощью литературализации».

По мнению К. Кёлера, Шлинка прибегает к смягчению (ослаблению, разряжению) чрезвычайно острой для немецкой литературы темы «непреодоленного прошлого». Это диктуется стремлением писателя защитить своего персонажа. В романе «Возвращение» воспроизводится история сложного поиска сыном отца, участника Второй мировой войны, который, как мы понимаем, был адептом национал-социализма. Однако, по мнению К. Кёлера, это обстоятельство био-

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации Гранта Президента РФ, проект № МК-7193.2015.6

графии героя не подвергается критическому анализу. Б. Шлинк, замечает исследователь, не отступая от основного замысла произведения, трансформирует историю нациста, внёсшего значительный вклад в формирование научной теории о праве, в историю возвращения на родину: «Я хочу раскрыть эту тему так, чтобы никому не пришлось бояться критики, и чтобы каждый мог свободно говорить, что он всё-таки тоже был связан с Третьим рейхом» [Koehler 2009: 283].

Ослабление злободневной темы успешно достигается благодаря принципу параллельного повествования. «Романы для удовольствия и приятного чтения», повествующие о судьбе вернувшихся, послужили фабульной основой для романа Шлинка: «Дедушка и бабушка Петера (героя романа «Возвращение» – К.Г.) редактируют небольшие романы подобного рода и возвращают внуку гранки как черновик. Таким образом, полным текстом он не владеет, поэтому начинает искать недостающие части сам, после того как в нём пробуждается принципиальный интерес к этой истории» [Koehler 2009: 284].

2. «**Das Heimkehr-Motiv, panoramafuellend**» / «**Заполняющий панораму мотив возвращения домой**».

Поиски героем недостающего конца рукописи переходят в поиски отца, оказавшегося автором этой «книжонки» о судьбе возвратившегося на родину Карла. Эту фабулу Шлинк использует для того, чтобы обратиться к целому ряду аналогичных историй. Нельзя не учитывать, подчёркивает К. Кёлер, что возвращение – это ключевой концепт романа. «Есть с десяток вариантов концовки подобной истории. Ты и представить себе не можешь, какую бездну историй о тех, кто вернулся домой, рассказывали и печатали после войны. Был даже такой жанр – романы о солдатах, вернувшихся с войны, как, к примеру, жанр любовного и военного романа», – говорит мать Петера [Шлинк 2010: 78].

3. «**Mit der Odyssee in der Hand**» / «**С «Одиссеей» в руке**».

К. Кёлер акцентирует влияние поэтики «Одиссеи» Гомера, которое, безусловно, обнаруживается в романе Б. Шлинка. Исследователь отмечает, что Шлинк испытывает на прочность мотив «одиссеи» как *путешествия, странствия, приключения, возвращения на родину*. Праформа всех историй о возвращении – гомеровский эпос. «Одиссея» сопровождает главного героя в поисках недостающих фрагментов «Романа для удовольствия и приятного чтения», но вместе с тем она приоткрывает некую завесу тайны, связанной с автором рукописи: «То, что я прочёл, не помогло мне. Казалось, перед автором лежали чистые листы, а рядом «Одиссея», которую он без какой-либо доли фантазии просто пересказывал своими словами, перенося все приключения из мира легенд в мир Карла. Скорее тут чувствовалась некая игра. Человеку нужно было написать книгу, он затеял рассказать историю о солдате, возвращающемся с войны, он знал, как эти люди разговаривают, знал «Одиссею» и решил не затрачивать особых усилий» [Шлинк 2010: 83].

Важно вслед за К. Кёлером отметить, какое значение имеет эпос Гомера в жизни главного героя, Петера Дебауера. Увлекаясь поисками, сын повторяет виртуозную игру отца. Находясь под впечатлением от «Одиссеи», он выбирает для общения людей, которые полностью соответствуют образам произведения: «Если изнасилованная мной журналистка – родом из земли киконнов, а ублажающая меня Беттина принадлежит к племени лотофагов, то теперь на очереди была

одноглазая женщина – циклоп. Однако мне не хотелось бы встретиться ни с великаншей, у которой один глаз по середине лба, ни с Сциллой, чудовищем со многими головами, зубами, лапами, ни с Харибдой, поглощающей и изрыгающей из себя морские воды. Не было никакой надежды и на то, что я встречу хотя бы одну из шести сестёр, у которой было бы шестеро братьев. <...> А вместо великанши подошла бы кассирша из супермаркета, не такая огромная, как царица лестригонов, которую Гомер сравнивает с вершиной горы, а такая, как дочь царицы, которую Гомер называет просто сильной и крепкой» [Шлинк 2010: 119].

Кёлер констатирует чрезмерную увлечённость Шлинком «Одиссеей», из которой в контексте романа важен только мотив возвращения домой. Пройдя трудный путь, испытав тяжесть скитаний, теперь, после долгих странствий, герой писателя должен вернуться назад и постараться начать жить заново.

4. «Die Geschichte und der Alltag» / «История и повседневность».

Отец рассказчика Петера Дебауера после окончания войны живёт и работает в Америке, он известен под другим именем – Джон де Баур. Писатель, с точки зрения К. Кёлера, заинтересован в отображении целой жизни героя, которое позволяет избежать узости оценок. Джон де Баур с гордостью говорит о том, чего он добился в Америке, и о самой Америке, которая предоставила такую возможность. При этом бывший пособник нацизма не испытывает раскаяния: представления о стыде ему чужды. Между отцом и сыном не случится разговора о вине и ответственности (подобный разговор, как мы помним, происходит между Михаэлем Бергом и его отцом – К.Г.). Так же, как бывший эсэсовец Ханс Эрнест Шнайдер или историк, «интеллектуальный предшественник уничтожения» Теодор Шидер, Дебауер спокойно ведёт двойную жизнь.

Шлинк, как отмечает К. Кёлер, показывает нам человека, привычный уклад жизни которого не нарушается даже после того, как становятся известны неблагоприятные факты его биографии. Научный мир по-прежнему признаёт авторитет де Баура, однако вокруг его интеллектуальной честности разворачивается полемика: стремился ли де Баур он с помощью своей теории избежать ответственности или им руководили исключительно профессиональные интересы?

Друзья де Баура проводят конференцию, посвящённую осмыслению его научных концепций. Кёлер справедливо указывает на эпизод романа, в котором обсуждаются военные публикации де Баура. В них со всей очевидностью обнаруживается духовная слепота героя, его лояльность по отношению к идеологии национал-социализма. Джон де Баур переубеждает тех, в ком зарождаются подозрения, бросающие тень на его репутацию. Он выходит из ситуации обвинения и остаётся безнаказанным. К. Кёлер приходит к заключению о том, что мы становимся свидетелями «коронации разложения» человеческой личности («die Kroenung der Verkommenheit»).

Бернхард Шлинк, по мнению Клауса Кёлера, не выводит на первый план тему «Третьего Рейха», но, моделируя художественное пространство романа, нивелирует её остроту и полемичность. Роман «Возвращение» зеркально отображает десятки аналогичных историй, которые, переплетаясь в национально-культурном сознании человечества, обращают нас к вечному сюжету духовного странствия.

Литература

Платицына Н.И. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» // Филологическая регионалистика. 2015. № 3-4 (15-16). С. 66-72.

Шлинка Б. Возвращение. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.

Koehler K. Alles in bitter: Wie Walter Kempowski, Bernhard Schlink und Martin Walser den Zivilisationsbruch unter den Teppich kehren. Wuerzburg: Koenigsbausen & Neumann, 2009. 472 s.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

У.А. Мусабекова, Максат Абилкасым
(г. Астана, Казахстан)

В статье рассматривается историческая основа формирования мифопоэтических традиций тюркских народов; осмысляется появление многочисленных версий и вариантов *дастанов*, записанных у узбеков, казахов, каракалпаков, азербайджанцев, башкир, татар, турок, алтайцев, а также таджиков; устанавливается, что во всех национальных версиях имеется древнейшее общее зерно и национальный колорит.

Ключевые слова: мифы и мифологемы, казахский героический эпос, архетип *древа*, национально-культурная картины мира

Тюркские народы «издавна были связаны между собой древней языковой общностью, длительным соприкосновением, этническим и культурным взаимодействием в условиях совместной исторической жизни» [Жирмунский 1958: 36]. В период Золотой Орды эти отношения еще более укрепляются, развиваются. И одним из самых существенных результатов таких связей является творческий обмен культурными ценностями. Наиболее ярко такой обмен прослеживается в фольклоре. Многочисленные национальные версии и варианты дастанов, соотнесенных с эпохой Золотой Орды, являются доказательством взаимосвязи этих народов.

Эпический сюжет – понятие цельное. Его можно описать через мотивы. Обобщенное описание сюжета через мотивы дает нам определенную обобщенную сюжетную канву. И такое обобщение делается на основе всех имеющихся вариантов эпоса и сказки. Оно называется сюжетным инвариантом. На основе анализа более 80 казахских героических эпосов Ш. Ибраев выявил следующий инвариант казахского героического эпоса и выделил 3 основных типичных мотива:

1. Детство батыра, женитьба/сватовство героя, включающее в себя описание рода, племени, родителей героя, чудесное появление героя, детство, первый подвиг, известие о невесте, состязание с невестой, победа и возвращение героя с невестой.

2. Подвиги, свойственные батыру – известие о нападении врага, отправление на битву, состязание батыров, единоборство и победа батыра, возвращение с победой.

3. Освобождение от врага, плена рода. Включает в себя следующие мотивы: известие о пленении невесты или родственников, намерение врага жениться на

невесте батыра, тайная встреча с невестой или появление на свадьбе невесты в образе чужого, узнавание героя во время борьбы, возвращение на родную землю или наказание противников, пиришество.

Данная схема в общих чертах характеризует сюжетно-композиционную структуру казахского героического эпоса в целом.

Первый сюжет является основой многих сказок и эпических архаических эпосов: «Дотан», «Кубыгул», «Куламерген-Жоямерген», «Ер-Тостик».

Второй инвариант имеется в эпосе «Камбар батыр», «Ер Таргын».

Третий сюжетный инвариант, а также и все остальные в полной мере представлены в таких знаменитых эпосах как «Кобланды», «Алпамыс», «Карабек» [Ибраев 2010: 33-37].

Многочисленные версии и варианты дастана записаны у узбеков, казахов, каракалпаков, азербайджанцев, башкир, татар, турок, алтайцев, а также таджиков. Во всех этих национальных версиях имеется древнейшее общее зерно, а в отличных друг от друга национальных версиях отражаются специфические черты национальной культуры и быта, относящиеся к более поздним периодам. В то же время основная сюжетная линия, имена главных героев едины для всех версий, часто встречаются и текстовые совпадения. Отдельные мотивы имеют аналоги и за пределами фольклора тюркских народов. В корне имени героя (*Алпамыш* или *Алпамша*) лежит слово *алпын*. Согласно словарю Махмута Кашгари, оно означает «силач, великан, богатырь». Это слово встречается и в эпитафических памятниках тюркской рунической письменности, найденных в бассейнах рек Орхона и Енисея и датированных V–VIII веками. Имя это давалось в качестве прозвища, титула или воинского звания местным богатырям: Йиген-Алп-Туран, Ининчу алп [Кашгари 1960: 340]. С древних времен булгарам были известны сказания и легенды об алыпах. Фрагменты некоторых из них дошли и до наших дней. Отдельные мотивы этих легенд и сказаний созвучны с дастаном об Алпамыше. Фрагменты сказаний и легенд об алыпах зафиксированы в путевых записях арабских путешественников Ахмета ибн Фадлана (X в.) и Аль-Гарнати (XII в.) [Мелетинский 1976: 43-53].

При обращении к традиционному мировоззрению казахов для нас первостепенным является не представление о разного рода сверхъестественных магических существах и отношениях с ними, но ощущение некоей единой космической силы, присутствующей в любое единичности, придающей целостность и смысл конкретному существованию. Присутствие этого единого гармонизирующего начала воспринимается не как нечто фантастическое, а как облагораживающий и очищающий повседневное бытие идеал.

Этот идеал воплощен в образе эпического батыра, который является манифестацией единого, своего рода инкарнацией вечной силы. Такое мировосприятие оформилось в тотемизме, например, эпос «Алпамыс», как один из самых архаичных в казахской традиции. Архаичность его подтверждается и его распространенностью и многовариантностью, и образом главного героя, имеющего параллели в целом ряде эпосов тюркских народов Сибири, Средней Азии и Закавказья.

Выявляя в эпосе «Алпамыс» систему смыслов, заложенных в него тотемизмом, мы рассматриваем в русле разработанных О. Фрейденберг представлений о нем, как архаическом, акаузальном, нерасчлененном и конкретном мировоззрении.

Один из основополагающих законов развития заключается в том, что на стадии мифологических представлений не начинается подлинный процесс творчества и созидания, человек считает себя частью огромной и пока непознанной природы. Для системы его представлений вполне логично, что он воспринимает окружающий мир в аналогии с самим собой – таким же одухотворенным, живым и дышащим организмом.

Среди этих архетипов особое внимание привлекает архетип *древа*. Оно обычно выступает как символ, состоящий из трех частей и объединяющий в себе начало и конец мира. Перводрево, Мировое древо, в мифологии является анимистическим существом, каждая из частей которого имеет свое глубокое значение. В представлении народов Дальнего Востока, сибирских тюрков мифическое древо считается живым существом, корнями уходящим в земные недра, а ветвями охватывающим бескрайнее небо и соединяющим небо и землю. По ветвям этого древа шаманы поднимались в верхние слои небес, к богу Неба.

Так, легенда о Коркуте имеет 7 основных мифологем: *камень, вода, могила, музыка, материнское молоко, огонь, ветер*. Эти мифологемы отдаленно напоминают 5 основных элементов даосизма и 4 основных элемента (стихии) древних греков. В тенгрианстве таких элементов – 7. В сакрализации числа 7 не следует обязательно видеть влияние древнего Вавилона или семибожного индоиранского пантеона.

Как показали некоторые исследователи, сакрализация числа 7 может быть связана с хорошо известным воинам, скотоводам и охотникам фактом существования 7 шейных позвонков у человека и большинства животных, откуда по аналогии проистекает представление о 7 небесах. Кроме того, сакрализация числа 5 связана с 5 основными ориентациями: 4 стороны и света и центр – точка отсчета. Следовательно, число 5 дополняется до семи вертикальной ориентацией вниз и вверх.

При сравнении системы 7 стихий тенгрианства с другими системами, отмечается переплетение физических представлений о происхождении и существовании мира с представлениями о справедливом и гармоничном существовании человека, о его статусе в этом мире. Отдельные ипостаси Коркута имеют сходство с сакральными представлениями самых разных традиций, так что можно говорить о том, что все они являются осколками некогда общей для человечества мифологии.

Любая история функционирует на мифологемах, которые вырабатываются в рамках культурно-этнического самосознания народа, а затем трансформируется под влиянием сопряженных с историческим развитием процессов. Мифология является самым древним, архаическим, идеологическим образованием, имеющим синкретический характер. Таким образом, мифологическое мышление является неотъемлемой частью мышления, а его реализация осуществляется в мифах и мифологемах, составляющих мифологическую концептосферу национально-культурной картины мира.

Литература

Жирмунский В.М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Ибраев Ш.И. От фольклористики до тюркологии. Научное издание. Кокшетау. Изд: КГУ им. Ш.Ш. Уалиханова, 2010. 224 с.

Каизгари М. Туркий сузлар девони. Т. 1. Ташкент, 1960. С. 340, 351.
Рефулле Ф. Миф и история // Символ. 1992. № 15.
Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

ТОПОНИМ ХАРБИН КАК ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСЕМА

Хэ Юйдань
(г. Тяньцзинь, Китай)

В статье предпринята попытка рассмотреть топоним Харбин в этнолингвокультурологическом аспекте; анализируются ключевые идеи стихотворения «Стихи о Харбине» Арсения Несмелова, харбинского поэта, прозаика, журналиста, способствующие пониманию образа китайского города с русской судьбой.

Ключевые слова: топоним Харбин, Арсений Несмелов, «Стихи о Харбине»

Китайский город *Харбин* с русской судьбой, расположенный в северо-восточном Китае, является административным центром провинции Хэйлунцзян. Топоним Харбин (в китайском языке 哈爾濱, упр. 哈尔滨, пиньинь: *Hā'ěrbīn*, палл.: *Хазрбинь*), согласно современному китайскому административному делению, является городом субпровинциального значения.

22 мая 1896 года по старому стилю в Москве между уполномоченными двух стран был подписан соответствующий секретный договор о союзе двух государств, по которому правительство Китая разрешило Русско-Китайскому банку приступить к финансированию строительства и участвовать в управлении и последующей эксплуатации железной дороги на территории Северо-Восточного Китая [Гончаренко 2009: 10-11].

Китайская Восточная дорога была построена за 5 лет. Из Москвы с Курского вокзала 1 июля 1903 г. был отправлен первый поезд в русский город, построенный на русской земле и пропитанный «русскостью».

После основания Китайской Народной Республики роль Харбина как центра тяжёлой промышленности расширилась. В него были переселены многочисленные выходцы из южного Китая. В настоящее время Харбин стал одним из главных перевалочных пунктов в торговле с Россией, чему обязан своим нынешним бурным ростом. В настоящее время Харбин стал коммерческим и культурным центром Китая. Сегодня её центральная улица, одна из немногих, сохранившая исторический облик, называется «Арбат».

Впервые в китайских документах 1864 года название географического места упоминается не как город, а как поселение. Однако для русских эмигрантов в Харбине дата факта основания Харбина как железнодорожного центра Маньчжурии возле Китайско-Восточной железной дороги никогда не подвергался сомнению; строился город под руководством русских инженеров, но рабочими на его строительстве были по преимуществу китайцы. Традиционно считается, что

название города Харбин восходит к маньчжурскому словосочетанию, означающему «длинный остров».

Это город воспевали в своих стихотворениях многие русские поэты. Так, книга «Русский Харбин» О.Г. Гончаренко начинается с эпитафии – строками Ф.И. Тютчева:

Запад, Юг и Норд в крушени,
Троны, царства в разрушени –
На Восток укройся дальний
Воздух пить патриархальный.

Арсений Несмелов (настоящее фамилия Митропóльский) – талантливый харбинский поэт, прозаик, журналист, офицер Царской Армии(8 (20) июня 1889 – 6 декабря 1945) в «Стихах о Харбине» писал:

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет, –
Изыскательской палатки
Канул давний след...
Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков. Нет с былым и робкой связи, –
Русский рок таков.
Инженер. Растёгнут ворот.
Фляга. Карабин.
– Здесь построим русский город,
Назовём – Харбин.
Без тропы и без дороги
Шёл, работе рад.
Ковылял за ним трёхногий
Нивелир-снаряд.
Перед днём Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?
Не державное ли слово
Сквозь века: п р и к а з.
Новый город зачат снова,
Но в последний раз.
...
Как чума, тревога бродит, –
Гул лихих годин...
Рок черту свою подводит
Близ тебя, Харбин.
Взрывы дальние, глухие,
Алый взлёт огня, –
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.

На осколке мы планеты

В будущее мчим!
Скоро ль канут иль не скоро,
Сумрак наш рассей..
Про запас Ты, видно, **город**
Вырастила сей.
Сколько ждать десятилетий,
Ч т о, к о м у беречь?

Позабудут скоро дети

Отческую речь.

...

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, **что построен**
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек, –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.

Он возьмёт с собой словарь

Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!
Первые жители Харбина были русскими.

Обращают на себя выделенные слова, с помощью которых автор стихотворения пытается обратить внимание читателя на ключевые идеи. Ср: «*Петровская закваска*», (сопоставление со строительством города Санкт-Петербурга Петром I), «*Российский флаг, «державное слово*», (строительство города имело большое значение для России), «*русское кладбище*» (от 60000 до 8000 тысяч).

С 1952 Восточно-Китайская железная дорога полностью перешла в собственность Китая.

Литература

Гончаренко О.Г. Русский Харбин. М.: «Вече», 2009. 256 с.

Арсений Несмелов Стихи http://az.lib.ru/n/nsmelow_a/text_1932_stihi.shtml

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМА В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

МАССОВАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: В ПОИСКАХ РЕЧЕВОГО ИДЕАЛА¹

О.С. Иссерс
(г. Омск, Россия)

Статья посвящена изучению феномена массовой речевой культуры, что позволяет расширить представления о функционировании современного русского языка в условиях его демократизации и «коллоквиализации», усиливающегося влияния медиасферы и изменения ценностных ориентиров по отношению к «образцовой» речи; доказываемся, что знания о явлениях массовой речевой культуры важны и в аспекте коммуникативной дидактики – для обучения эффективной, этически корректной речи, отвечающей современным представлениям о социальной норме.

Ключевые слова: медиасфера, «массовая культура», феномен современной коммуникации, коммуникативная дидактика, речевой идеал

В 30-40-е годы XX века благодаря трудам представителей Франкфуртской социологической школы (М. Хоркхмаймер, Д. Макдональд и др.) широкое распространение получил термин «массовая культура», который, в первую очередь, использовался для критики телевидения. Широкое изучение этого феномена началось в 60-е гг., и с тех пор появилось множество определений, причем все они сходятся в том, что под этим явлением понимают **широко распространенные в каком-либо обществе культурные элементы** [Swingewood 1977; Нашествие поп-культуры... 2007]. Культура приобретает определение массовой, или поп-культуры, при условии широкой популярности в обществе и в современном ее понимании включает в себя литературу, СМИ, музыку, кинематограф, гастрономию, спорт и т.д.

В исследовании феномена культуры выделяются несколько подходов: дескриптивный, исторический, нормативный, психологический и др. [Мацумото 2008: 31-32]. Эти подходы показывают, что понятие и термин «культура» может использоваться для описания и объяснения различных сфер деятельности, моделей поведения, событий и структур нашей жизни.

В отечественной традиции понимание культуры применительно к речевой и коммуникативной практике (*культура речи, речевая культура*) учитывает три аспекта – нормативный, этический и коммуникативный [Культура русской речи... 2007: 287; Ширяев 2000: 13]. Однако, несмотря на декларирование таких признаков, как эффективность речи и соблюдение этических принципов, в фоку-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-55003 а(р)

се научных и научно-методических исследований, как правило, находится нормативное использование языковых единиц. Это и понятно: категории эффективности и этики носят гипотетический, в значительной степени субъективный характер, их гораздо сложнее «диагностировать» лингвистическими методами, чем нарушение языковых норм.

Знанию последних уделяется повышенное внимание и в практике преподавания языка в школе и в вузе, они же проверяются и в тестовых заданиях ЕГЭ. Те подходы к культуре, которые в этнографии, антропологии и других «науках о человеке» связаны с дескриптивным подходом, в русистике традиционно относятся к сфере описания функционирования языка – различных его форм, в т.ч. и нелитературных (разговорной речи, просторечия, жаргонов и т.д.). А это далеко не всегда попадает под понимание «культуры» – скорее, маркируется как нарушение норм культуры речи.

Отсюда в современном словоупотреблении сложилось противопоставление всего, что не соответствует нормам литературного языка, как «культуры vs. бескультурия». Эти подходы особенно заметны в дискурсивных практиках носителей языка, далеких от научных знаний о языке и речи. Разумеется, этот подход, интерпретирующий все отступления от стандарта как признак речевого «бескультурия», отличается от научного (см., в частности, [Ширяев 1991; 1996; 2000]).

В научной традиции – как в отечественной, так и в зарубежной – неоднократно предпринимались попытки выделить уровни, или регистры, национальной речевой культуры, которые коррелируют с общей культурой человека [Гольдин, Сиротинина 1993, 1997]. В этом подходе существенным фактором для определения уровня является личность говорящего, его статус и социальная роль. Так, представителями элитарного типа языковой личности в работах О.Б. Сиротининой и ее учеников являются образованные люди – ученые, врачи, писатели (см., например, [Сиротинина 2000; Сиротинина, Кузнецова, Дзякович 2001]). По мнению авторов, само наличие большого запаса слов находится в прямой связи с типом речевой культуры, который, в свою очередь, тесно связан с типом общей культуры. Как правило, хорошая речь продуцируется носителями элитарного типа речевой культуры [Сиротинина, Кузнецова, Дзякович 2001].

Для анализа явлений массовой речевой и – шире – коммуникативной культуры эти параметры (уровень образования, профессия, статус), как представляется, имеют меньший удельный вес, чем широкая употребительность («массовость»). Более того, они в данном подходе, скорее всего, должны нивелироваться: популярность тех или иных речевых норм и коммуникативных стереотипов предполагает, что это нравится всем либо употребляется всеми – независимо от статуса и уровня образования. Современная коммуникация демонстрирует значительное влияние образцов массовой речевой культуры на формирование социальных норм и стереотипов, что ставит на повестку дня необходимость изучения этого феномена.

В настоящее время применительно к русскоязычной коммуникации и вербальному коду также можно говорить о явлениях массовой культуры – в такой же степени, как о культуре политической, психологической и т.д. Она формируется как некий новый способ общения, используемый множеством людей – независимо от их статуса и социальной роли – как в публичном общении, так и в повседневной жизни. Эти образцы речевого поведения активно транслируются и

тиражируются СМИ (речевые мемы, цитаты персонажей рекламных роликов, модные обороты речи и т.п.). Проекты «Слово года», ставшие популярными в последнее десятилетие, также демонстрируют полубившие россиянам слова и выражения, которые массово используются в речи самых разных социальных групп (например, выражение *как-то так*, которым стало принято заканчивать речь, вошло в топ «фраз 2013 года»).

Именно поэтому, на наш взгляд, современная речевая и – шире – коммуникативная практика требует ответа на ряд взаимосвязанных вопросов. Чем массовая речевая культура отличается от «культуры речи»? Кто сегодня законодатель речевой моды и вкусов? Какие явления относятся к массовой культуре в современной русской речи и коммуникации? Как описывать эти явления?

В отличие от нормативного подхода, принятого в ортологии, в описании массовой культуры не предполагается оценочность, основанная на соответствии нормам литературного языка (нет противопоставления «хорошей» и «нехорошей» речи). Если учитывать тот факт, что последнее массовое обследование функционирования русского языка проводилось в 60-70-х гг. прошлого века [Русский язык по данным массового обследования 1974]), то мы вынуждены признать, что оценка употребительности того или иного варианта во многом основана на лингвистическом чутье кодификатора. Нормы ретроспективны по определению, но в отсутствие свежих репрезентативных количественных данных один из критериев – следование традиции – становится чуть ли не единственным. Мы не очень хорошо представляем, как говорит сегодня среднестатистический россиянин в различных коммуникативных сферах. Но мы интуитивно знаем, как сейчас не принято говорить (*пойдем в кабак* – говорят иностранные русисты, изучавшие русский язык в 70-х; *кулинАрия*, *мизЕрный* – лакмусовая бумажка для диагностики речи филологов и интеллигенции «кому за 50»).

Исходя из потребностей дескриптивного описания можно определить массовую культуру русской речи как элементы дискурсивных практик, принимаемые большинством (вне зависимости от уровня образования) как норма. Их оценка как соответствующих социальным нормам коммуникации основана на высокой частотности и обусловлена социальными, когнитивными и собственно коммуникативными причинами.

Таким образом, исследование массовой речевой культуры в контексте процессов современной русскоязычной коммуникации позволит сформировать на пересечении коммуникативистики и коллоквиалистики новую научную область, тесно связанную с социальными процессами, происходящими в России. По точному замечанию И.Б. Левонтиной, «наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена» [Левонтина 2016: 15]. Лингвистическая диагностика состояния социума в России второй половины 10-х гг. XXI века через анализ массовой речевой культуры позволит лучше понять его, даст возможность выявления скрытых импульсов развития российского общества, не всегда доступных для изучения методами социологии, социальной психологии, политологии и других наук.

С точки зрения социального заказа актуальность представляет выявление своего рода законодателей речевой моды – публичных персон, тех, кто оказывает наибольшее влияние на формирование речевых вкусов и модных трендов в сфере коммуникации. Для сегодняшней языковой ситуации их социальный статус су-

ественно отличается от 70-80-х гг. прошлого века: это персоны из сферы масс медиа, публичных коммуникаций, шоу-бизнеса.

В целях определения речевых идеалов, отражающих представления об образцовой русской речи, актуальные для настоящего времени, в Омской области было проведено пилотное исследование методом анкетирования. В качестве информантов выступали учителя русского языка средних школ г. Омска (всего 48 чел., мужчины и женщины, стаж работы по специальности – не менее 3-х лет). Один из вопросов анкеты, адресованной учителям-словесникам, формулировался так: «Назовите несколько фамилий известных людей – наших современников, которых Вы считаете образцом грамотной, культурной, выразительной речи (укажите их профессию)». На него не все смогли дать быстрый и убедительный ответ, многие пытались привести в качестве примера деятелей культуры прошлого века, которые являлись несомненными образцами качественной русской речи, – академиком Д.С. Лихачева, В.В. Виноградова и др.

Были получены следующие ответы, которые отражают спектр возможных ориентиров в сфере сегодняшней массовой речевой культуры (каждый участник опроса мог дать более 1 ответа):

- телеведущие – 25 (наиболее часто упоминается В. Познер);
- писатели – 19 (Э. Радзинский, Т. Толстая, Дм. Быков, А. Проханов и др.),
- актеры режиссеры, представители сферы культуры – 13 (В. Смехов, И. Кваша, Л. Филатов, Э. Рязанов и др.),
- политики – 6 (В. Путин, С. Лавров, В. Жириновский),
- преподаватели (как правило, тех вузов, где учились опрашиваемые) – 6;
- ученые-лингвисты – 2 (М. Кронгауз, А. Зализняк).

Показательно, что в список носителей образцовой речи не попала ни одна персона из медиасферы омского региона, а 8 информантов вообще затруднились дать ответ на этот вопрос.

Значительный разброс мнений обнаружился и в ответах на вопросы о качестве русской речи (*Что Вам не нравится (раздражает) в современной русской речи? Можете указать общие тенденции, отдельные слова и выражения*).

Анализ показал, что оценки современного состояния русского языка нередко формируются на ложных посылах о его «порче», пагубном влиянии языковых заимствований, они связаны с недооценкой коммуникативного и креативного потенциала всех уровней языка. Учитывая, что учительство по определению является главным звеном в формировании языкового вкуса подрастающего поколения и его постоянным транслятором, проблема изучения массовой речевой культуры обретает практическую значимость. Проведенное пилотное исследование ставит задачу изучения массовых представлений как о речевом идеале, так и о носителях этого идеала.

Изучение феномена массовой речевой культуры позволит расширить представления о функционировании современного русского языка в условиях его демократизации и «коллоквиализации», усиливающегося влияния медиасферы и изменения ценностных ориентиров по отношению к «образцовой» речи. Знания о явлениях массовой речевой культуры важны и в аспекте коммуникативной дидактики – для обучения эффективной, этически корректной речи, отвечающей современным представлениям о социальной норме.

Литература

- Гольдин В.Е. Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
- Крысин Л.П. Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) // Труды Института им. В.В. Виноградова. Вып. 1. М., 2014. С. 358-387.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2007.
- Левонтина И.Б. Русский со словарем. М., 2010.
- Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб., 2008. 668 с.
- Нашествие поп-культуры: поп-дипломатия и поп-политика. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1296> (26.07.2007).
- Русский язык по данным массового обследования. М.: Наука, 1974.
- Сиротинина О.Б., Кузнецова Н.И., Дзякович Е.В. и др. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.
- Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века. М., 2000.
- Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
- Ширяев Е.Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.
- Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи: Учебник для вузов. М., 2000.
- Swingewood A. The Myth of Mass Culture. Humanities Press, 1977.

ДРУГОЙ В МАСС-МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

В.И. Шаховский, Е.Ю. Кислякова
(г. Волгоград, Россия)

Статья посвящена анализу сложных теоретических проблем нового направления лингвистики – эмотивной лингвоэкологии; доказывается, что СМИ должны использовать средства митигации (смягчения) в подаче негативных фактов. Для этого желательно пересмотреть языковую политику в разграничении коммуникации, информации и пропаганды и активизировать терапевтическую, а не разрушительную функцию языка. То есть сделать общение экологичным.

Ключевые слова: эмотивная лингвоэкология, медийная коммуникация, экологический цензор, категория *инакости*, позиция *Я – Другой*.

Современный меняющийся мир, как известно, не может не влиять на изменение самой коммуникации: ее многочисленных форм, средств, тактик и стратегий. Все подобные изменения обусловили новые требования времени, новый социальный запрос, который вызван напряженным дискурсом в различных сферах

и видах/типах общения, например, даже дипломатический дискурс как составляющая политического дискурса также иногда испытывает перевес в сторону эмоции, что не может не находить своего отражения в средствах массовой коммуникации.

Это привело к зарождению нового направления в науке о языке – эмотивной лингвоэкологии, являющейся логическим продолжением эмотиологии, истоки которой начинаются в середине 70-х годов прошлого столетия (см., напр.: [Шаховский 2008]). Эмотивная лингвоэкология имеет целью теоретически обосновать практику современного человеческого общения не только в монологическом, но и в полиязычном континууме. Это самостоятельно развивающаяся наука, у которой есть свой объект, предмет, цель, задачи, понятийно-терминологический аппарат и методология исследования эмотивного общения в разных дискурсах, которая основывается на базовых принципах эмотиологии и коммуникологии [Эмотивная лингвоэкология ... 2013; Шаховский 2016].

Как известно, в определении коммуникации как процессе социального конструирования акцент делается на обязательном наличии *Другого*, его «подключении» к посланному смыслу нового смысла того, как он воспринял это сообщение, иными словами, коммуникация предполагает, что некое сообщение переживается *Другим*. Учитывая преобразования, происходящие в современном русскоязычном пространстве, на наш взгляд, усложняется этот процесс взаимопонимания, а также изменяется характер эмоциональной коммуникации в сторону неэкологичности на всех уровнях взаимодействия *Я-Другой*: в межличностной, групповой, институциональной и межкультурной сферах.

Каждый из нас имеет индивидуальное представление о явлениях объективной действительности, которое имеет как логико-рациональные, так и образно-эмоциональные характеристики – свой набор референций, свое концептуальное содержание знака. Чем больше представления о мире варьируются у коммуникантов, тем более эксплицитно проявляет себя категория *инакости* в процессе общения [Кислякова 2012: 276-280], иными словами, градус *инакости* в коммуникативной ситуации зависит от таких дискурсивных параметров, как тема общения, участники коммуникативного события, контекст, пресуппозиции и др. Например, если коммуницирующие стороны исходят из различных когнитивно-целевых установок, *инакость* проявляется через разобщенность, отстраненность, эмоциональный накал.

Рассмотрим следующий пример: «Начну с того, что это оборудование противоречит заявлениям президента Путина, что их усилия в Сирии сосредоточены на экстремистах. Я не знаю, чтобы ИГ или «Аль-Каида» имели там самолеты. У России могут быть другие разведданные, но я в этом глубоко сомневаюсь» (из заявления пресс-секретаря президента США Дж. Эрнеста – www.gambler.ru). В приведенном контексте фраза «глубоко сомневаюсь» выражает пейоративную эмоцию недоверия, а также осуждения, что дисгармонизирует взаимоотношения между Россией и США и потому является неэкологичным высказыванием для российской общественности.

Все сложнее становится выражать свои позитивные чувства в силу того, что с помощью русского языка в российском обществе уже сформировалось обширное негативное поле эмоциональности, которое активизирует проявления негуманных,

часто аморальных действий и состояний членов общества по отношению друг к другу: апатию, недружелюбие, равнодушие, хамство, зависть, ложь, подлость, предательство, агрессию и т.д. Таким образом, языковые процессы оказываются напрямую связанными с нравственным, духовным и правовым состоянием общества, а также с тем, какая в нем сложилась традиция отношения к *Другому*.

Понимание *Другого* в рамках русскоязычной культуры отражено в соответствующем понятии «другой». Современные словари русского языка фиксируют это слово как многозначное, и среди его значений наблюдаются противоположные семемы (см., напр.: [Словарь русского языка 1981; Толковый словарь русского языка... 1998]).

Еще в древности Гераклит указывал на такое явление, как регулирующую функцию противоположностей. Он назвал его *Enantiodromia*, или встречный бег, имея в виду, что все переходит в свою противоположность. Язык не является исключением в этом плане, в частности, в языковой семантике однополярная номинация может стать амбивалентной, и даже поливалентной, например, семантика слова «другой» имеет энантиосемичный характер [Кислякова 2015]. «Другой» может быть как «различный», так и «аналогичный». Отсюда мы сделали вывод, что семантическим «краеугольным камнем» лексемы «другой» выступает не традиционная архисема «отличие», а семантический признак «вариативность». Иными словами, *Другой* может быть разным другим – от потустороннего или существующего параллельно *Другого*, до *Другого* как ближнего и даже такого же *Другого*.

Если посмотреть на это явление с позиции эмотивной лингвоэкологии, то, учитывая полисемантическую упомянутую выше лексему, *Другой* как потенциальный коммуникант может задавать разнообразную тональность общения в различных коммуникативных ситуациях, особенно эмоциональных. Смена партнера приводит к переключению параметров экологичности/неэкологичности. Рассмотрим это на примере образовательного дискурса, в частности, коммуникативной ситуации, вызванной темой слияния двух ведущих волгоградских университетов – ВГСПУ и ВолГУ.

Напомним, 30 декабря 2015 года бывший министр образования Д. Ливанов подписал указ о реорганизации данных вузов, которая предполагала присоединение ВГСПУ к ВолГУ в качестве структурного подразделения. Это инициировало целый ряд речевых событий на уровне властей города и глав университетов, а также широкой общественности (в том числе в социальных сетях). Несмотря на то, что происходящее оценивалось негативно в обсуждении этой идеи в коммуникативном сообществе, губернатор и ректоры упомянутых вузов поддерживали политику министерства, что подтверждается следующими цитатами из встречи А. Бочарова с ректорами университетов: «*Решение ученых советов говорит о государственном подходе в вопросах развития высшей школы*» (www.krivoezerkalo.ru). Языковая номинация «государственный подход» имеет в качестве своей референции завуалированную оптимизацию высшей школы. Будучи семантически девальвированным словом, «оптимизация» все реже звучит в дискурсе политиков, однако его языковые подмены не умаляют неэкологичности таких высказываний. Именно поэтому коммуникативное поведение региональных властей вызвало ответную обвинительную реакцию: «*Будь местный губернатор немного сообразительней, он бы легко отбил атаки ратующего за опти-*

мизацию всего и вся министра Ливанова и сохранил ВГСПУ» (из интервью с экс-депутатом Государственной Думы от Волгоградской области А. Корендяевым – www.forum-volgograd.ru).

Приход на сцену *Другого* в лице нового министра образования позволил А. Бочарову сменить полюс риторики: «*Будет ли это «слияние» или «поглощение» одного вуза другим? Мне представляется, что важно сохранить ВГСПУ как вуз профильный, педагогический, самостоятельный*» (www.v1.ru). Новая политика министерства образования сделала коммуникацию по вопросу объединения более экологичной, позитивной и, возможно, эффективной. Планировавшаяся оптимизация не состоялась.

Таким образом, параметры экологичности/неэкологичности общения должны включать в себя, по нашему мнению, представления о модусе реализуемых эмоций в конкретной коммуникативной ситуации [Шаховский 2013], а также градус инакости в том или ином коммуникативном взаимодействии между участниками общения.

Эмоции человека являются мотивационной основой сознания/мышления/речи. Они обладают *амбивалентной* энергетической мощностью, в связи с чем, будучи транслируемыми языком, они могут быть как экологичными, так и неэкологичными для человека, его языка, культуры и социума. В этом и заключается двунаправленная ценность эмоций: и положительная, и отрицательная. Знание об этом должно быть заложено в коммуникативную компетенцию в виде эмоциональных, эмотивных и экологических конститuentов.

С позиций экологичности можно говорить о противоположных модусах противоположных эмоций, а также о противоположных модусах одной и той же эмоции и, следовательно, о противоположных модусах ее экологичности. Отрицательные эмоции, например гнев, ярость, могут в определенных коммуникативных ситуациях быть экологичными, например, благородный гнев: *Пусть ярость благородная вскипает, как волна // Идет война народная, священная война*.

Кроме этого, мы считаем необходимым учитывать категорию инакости в разных коммуникативных локусах. Об этом, например, свидетельствуют дискурсивные практики использования обценных выражений: ситуации их использования, как это ни странно, могут быть вполне экологичными с точки зрения их участников, но неэкологичными в ситуациях с повышенной степенью *инакости* (например, в присутствии посторонних людей, детей это в высшей степени неэкологично).

Мы считаем, что экологичной является не такая коммуникация, в которой выражены исключительно положительные эмоции, а такая, в основе которой лежит конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего, а также взаимный позитивный настрой коммуникантов на нетождественность друг друга как предпосылку для собственного личностного развития. Здесь уместно вспомнить слова Э.М. Ремарка: «Я – это не то, что вы видите во мне; я – это то, что я вижу в вас». Объяснение этой цитаты можно увидеть в одном из тезисов Э. Левинаса: межсубъектное пространство несимметрично, а сама дружба – это невзаимозвратимое отношение [Levinas 1985]. Именно поэтому, по нашему мнению, *Я Другого* может быть отражено в структуре личности фрагментарно, например, в форме ино-образа. Исследователь А.С. Корчак называет это явление «отноше-

нием к *Другому*», вошедшем в структуру личности, при этом характеризуя его как фундамент межличностной коммуникации, поскольку диалог – это главная составляющая человеческого существования [Корчак 2003]. Следовательно, как конституент любого дискурса, ино-образ должен быть адекватным ситуации для экологичной коммуникации, а это требует формирования особой компетенции – аллологической (от термина аллология – наука о *Другом*) [Половцев 2008].

После того, как Н. Хомский обосновал свою теорию «Competence and Performance» и запустил в научный обиход понятие языковой компетенции, были выявлены также лингвострановедческая, эмоциональная, эмотивная и в завершение экологическая компетенции, каждая из которых базируется на определенных теоретических основаниях. Все перечисленные компетенции приобретают еще большую значимость в категориальной парадигме инакости, поскольку все они обслуживают общую деятельность – познание *Другого*, включая *Другого* во мне.

Принимая в качестве отправной точку зрения на *Другого* как необходимого конституента бытия *Я*, можно выдвинуть гипотезу о том, что *Другой* в идеальной сущности представляется экологичным понятием, т.к. он созидает *Я*. Производя коммуникативное действие, мы находимся в реляционном взаимодействии как с нашими непосредственными коммуникативными партнерами, так и «скрытыми другими», т.е. всеми людьми, которые встречались нам на нашем жизненном пути и чьи влияния сформировали наше *Я*. Говоря с другими, в нашем голосе звучит множество голосов. Рассуждая в терминах М.М. Бахтина, «каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний (по-Бахтину, полифония), с которыми оно связано» [Бахтин 1997: 195].

Учитывая данные умозрения исследователя М.М. Бахтина, следует подчеркнуть, что *инакость* как коммуникативная категория актуализируется в процессе общения с определенной функциональной особенностью – распознать степень готовности *Другого* к *со-трудничеству*, *со-действию*, *со-переживанию* и разделению взглядов и мнения коммуниканта. При этом готовность понимается не как желание (не столько как желание), но как «когнитивно-коммуникативная зрелость», компетентность воспользоваться данным извне (изначально чужеродной среды) языком, конвенциональным знаком как знаком освоенным в той или иной мере, ориентируясь на его объективное значение. Однако необходимо учитывать, что каждое слово в словаре потенциально готово стать средством общения, но в речевом употреблении оно становится ситуативно обусловленным, модифицированным контекстуальными некодированными смыслами, коннотативами и пр.

В реальной коммуникации возникающие при встрече с *Другим* различные Ино-образы как компоненты того или иного дискурса ситуативны и могут варьироваться в различных коммуникативных локусах, что на уровне языка осознается как новая адгерентная семантика. Отсюда возможность мены модуса экологичности *Другого* на неэкологичный или псевдоэкологичный. Примером могут послужить многочисленные заявления зарубежных политиков о необходимости создания благоприятных условий для беженцев из Сирии, но на самом деле весь мир наблюдает за циничными издевательствами над нуждающимися людьми со стороны тех, кто реально мог бы что-то предпринимать и изменять в сложившейся ситуации.

Предупреждение неэкологичного общения должно начинаться с ранних лет, поэтому представляется целесообразным ввести в коммуникативную компетенцию языковой личности теоретические знания и практические навыки психолингвистического феномена эмоционального тьюнинга во время обучающей коммуникации.

Как разновидность адаптирующей функции языка, эмоциональный тьюнинг направлен на решение проблемы кооперативного общения в условиях новых, агрессивных коммуникативных эмоциональных ситуаций, которое невозможно без настройки коммуникантов друг на друга. Думается, он должен способствовать формированию эмоциональной, эмотивной и экологической компетенций как компонентов коммуникативной компетенции говорящего, и, как следствие, компетентное взаимодействие с *Другим*, или аллологическую компетенцию.

Взаимный тьюнинг партнеров общения предполагает гибкое варьирование их идентичностей. Как указывает немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, «идеи уникальности индивида, постоянного выбора собственной идентичности приводят в дальнейшем, при появлении темы коммуникации, к представлению, согласно которому идентичность невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» (цит. по: [Половцев 2008: 21]). Приведенное высказывание философа заключает в себе мысль о том, что человек находит себя вне самого себя. Конституирование личности происходит в непрерывном процессе общения с внешней средой обитания, существенным элементом которой является другая личность.

Согласно коммуникологам, во взаимодействии коммуникантов происходит согласование наших *Я* – соотнесение того, как вижу себя в данной ситуации я сам, с тем, как видит меня мой собеседник. В этом смысле любое коммуникативное взаимодействие – это одновременно «переговорно-договорной процесс, процесс согласования идентичностей» [Межличностная коммуникация: теория и жизнь 2011], при этом в одном разговоре согласование может проходить мирно и незаметно, в ином – напряженно, активно, временами даже агрессивно, крайне неэкологично, поскольку коммуниканты не видят, не понимают, не принимают ино-образ *Другого*, находятся в плену вымышленных ино-образов, что не приводит к положительной прагматике в коммуникации. Например, если сформирован ино-образ как образ врага, то он тяжело поддается дешифровке и модификации в положительный образ, и не сводится к единому коммуникативному центру. Ино-образ в таком случае искажен как в кривом зеркале между гранями вербального и акционального поведения коммуникантов, что фиксируется в языковой форме и оказывает отрицательное воздействие на здоровье пользователей языка.

Общеизвестно, что эмоции играют важную роль в развертывании уже существующих дискурсов, возникших несколько ранее за счет новой реальности современного социума, а также высока их роль в формировании совершенно новых дискурсов, соответствующих значимым/ключевым природным, политическим, экономическим и другим факторам. Например, давно существуют дискурс СМИ, политический дискурс, медицинский дискурс и др. Примерами недавно появившихся дискурсов, обусловленных научно-техническими достижениями, а также разнообразными политическими внутрикультурными и межкультурными событиями, являются такие дискурсы, как «Украина», «Гей-дискурс», «Web-дискурс», «конфессиональный дискурс», «дискурс Сирии» и др. Приведем примеры креа-

тем появившихся дискурсов: *депутаны, гибридное государство, настоящие киприоты России, «страна-малина», узник совести, выдвигенщина, застелье, молчевидец, переагрузия, кадыринг, «Макаревича на «Смак»», ампутация совести, продуктовый крематорий, ублюди, лингвалидол, открывзить, гденукович и др.* (см. Приложение 2 в монографии: [Шаховский 2016]). Среди выявленных креативом превалируют неэкологичные, вербализующие ино-образы разных *Других*. Эти овеществленные в слове *Другие* не всегда получают адекватное понимание, что может препятствовать успешной коммуникации.

Естественно, что как дескрипция различных событий в стране (природные и технократические катаклизмы, политические события, теракты, войны и т.д.), так и эмоциональная реакция на них высвечивают огромную роль эмоций в обеспечении жизнеустойчивости человека. Человек в зависимости от конкретной эмоциональной ситуации выбирает соответствующие языковые средства в данном конкретном общении. Этот выбор осложняется тем, что отсутствует прямая зависимость между положительной эмоцией и экологичностью коммуникации, отрицательной эмоцией и неэкологичностью коммуникации, поскольку существует еще и третий параметр – параметр *инакости* как категориальный признак любой коммуникации, активно участвующий в формировании лингвистически опасного/безопасного общения. Например, недавно появившаяся в СМИ креатива *кагорная проповедь* одними может восприниматься гедонистически как утонченная игра слов и смыслов и вызывать положительные эмоции, для других (например, верующих православных) такая дистрибуция слова *проповедь* будет восприниматься как кощунство.

Многочисленные коммуникативные ситуации демонстрируют случаи нервного срыва и у пользователей языка, и у самого языка, настойчиво указывают на необходимость перемещения проблемы экологичности языка и экологичного интеллекта/мышления/сознания в центр исследовательской тематики и практических действий представителей науки, культуры, общественных организаций, правительства, профессиональных корпораций, и особенно СМИ. Ведь медиасфера не только отражает все происходящее в современной российской действительности, но и рефлектирует это происходящее через свое собственное восприятие и через комментарии, которые могут модифицировать восприятие и понимание коммуникативной ситуации. Эти рефлексии требуют новых номинаций (креативом), референтами которых являются новые события и их оценивание через эти номинации и комментирование, которые в свою очередь комментируются другими СМИ через оценочные креативы. Например, следующие креативы выражают реакцию слушателей/читателей на явно ложную информацию как результат расхождения ожидаемого и реального образа журналиста: *журнаглисты, журнализы, журналюги, СМИсители, СМИюги, смысловики, стереть информацию, стрессоизлучатель, трепортер, трепортаж* и др.

Трудно отрицать тот факт, что экологичная коммуникация существует. Однако баланс, как нами упоминалось выше, сдвинут в сторону негатива. Это нарушает впечатление о языке. СМИ должны учитывать, как такой негативный язык влияет на здоровье. Если говорить с читателями только на таком негативном языке, то есть вероятность, что язык сузится до круга только негативной лексики, а вся положительная часть вначале уйдет в маргинал, а потом постепенно сотрется и забудется. Такое однобокое использование языка оказывает нега-

тивное психоэмоциональное воздействие на читателя, слушателя, зрителя и на общество в целом, ведет к деформированию языковой личности.

Поскольку СМИ отражают не просто событийный новостной ряд, но еще сопровождают его критической аналитикой в отношении других по принципу «свой-чужие», то безусловна определяющая роль масс-медиа в формировании культуры взаимодействия *Я – Другой*. При этом СМИ отдана прерогатива позиционировать *Другого* в том или ином виде, а поскольку, исходя из преобладающего количества негативных креативов, *Другой* представлен неэкологично, то формируемое в российском обществе отношение к *Другому* в различных сферах коммуникации (образование, медицина, религия) приобретает черты вражеского, а иногда даже воинствующего. Следовательно, эмотивная лингвоэкология как наука не столько дескриптивная, сколько прескриптивная, должна быть направлена на разработку механизмов выявления и предупреждения острых «коммуникативных углов», особенно в сфере политики, дипломатии, межконфессионального общения, образовательного дискурса, а также СМИ.

Резюмируя вышесказанное, эмотивная лингвоэкология поднимает проблему ответственности СМИ за их речевое поведение, проблему падения авторитета СМИ из-за их системной неэкологичности и формирования негативного реагирования на информацию у получателей, что относится к глобальной проблеме, обсуждаемой на данной конференции.

Напрашивается вполне естественный вывод о том, что СМИ должны использовать средства митигации (смягчения) в подаче негативных фактов. Для этого желательно пересмотреть языковую политику в разграничении коммуникации, информации и пропаганды и активизировать терапевтическую, а не разрушительную функцию языка. То есть сделать общение *экологичным*. Такой терапевтический эффект может быть достигнут при единственном условии – возможности многочисленности точек зрения на происходящие события и факты, другими словами, обязательного учета позиции *Другого*. Только это, а не единственная точка зрения, развивает позитивную креативность мышления у коммуникантов, позволяет читателю, слушателю, зрителю учиться сопоставлять разные мнения, анализировать их, соотносить с собственными наблюдениями и вырабатывать собственную позицию и время от времени ее корректировать через многоточие зрения. При верной самоориентированности и правильном эмоциональном саморегулировании адресат отметит неэкологичные послылы и вызовы, зафиксирует свое внимание на правильном русском языке. А это возможно в том случае, если у коммуниканта сформирован внутренний экологический цензор, воспитывать который нужно с рождения.

Литература

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Работы 1940-х – начала 1960-х годов Тт. I-V. Т. V. М.: Русские словари, 1997.

Кислякова Е.Ю. Категория инакости в коммуникативистике // Вестник Брянского государственного университета, 2012. № 2. С. 276-280.

Кислякова Е.Ю. Семантика другого: опыт семасиологической конкретизации // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 18-24.

Корчак А.С. Проблема «Другого Я»: философско-методологический анализ : дис. ... канд. фил. Наук, Иваново, 2003.

Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / Под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011.

Половцев Д.О. Проблема инаковости в творчестве Э.М. Форстера : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2008.

Словарь русского языка: Тт. I-IV. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.

Толковый словарь русского языка конца XX в. (Языковые изменения). СПб.: «Фолио-пресс», 1998.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Монография. Волгоград: изд-во И.П. Поликарпов И.Л., 2016.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 53-61.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СМИ И МЕДИЙНОЙ РЕКЛАМЕ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Н.В. Баско
(г. Москва, Россия)

В статье предпринята попытка проанализировать иноязычные заимствования в современных российских СМИ и медийной рекламе последних двух десятилетий в аспекте речевой культуры и их влияния на лингвистическую экологию.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, российские СМИ, медийная реклама, речевая культура

Речевая культура является важнейшей формой национальной культуры, составной частью культуры народа, связанной с использованием языка. «Речевая культура означает умение выбрать нужную лингвистическую форму, способ выражения в зависимости от условий коммуникативного акта: ситуации, коммуникативной цели, социальной и функциональной роли коммуникантов, их взаимоотношений» [Азимов, Щукин 2009: 217].

В данной статье предпринята попытка проанализировать иноязычные заимствования в современных российских СМИ и медийной рекламе последних двух десятилетий в аспекте речевой культуры и их влияния на лингвистическую экологию.

Активное заимствование лексики и фразеологии из английского языка (преимущественно из его американского варианта) является одной из главных, ярко

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-34-11114.

выраженных тенденций в развитии современного русского языка двух последних десятилетий.

По мнению Л.А.Вербицкой, «сегодняшний наплыв американизмов, переполнивших экономическую, коммерческую, финансовую, музыкальную лексику, язык рекламы и средств массовой информации, трудно сравнить с любым другим периодом развития русского языка» [Вербицкая 2016: 13]. О значимости и масштабности этого языкового процесса свидетельствуют не только исследования известных ученых Г.Н. Складневской, Л.А. Вербицкой, Ю.П. Караулова, Л.П. Крысина, А.Н. Баранова, но и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в которых фиксируется употребление языковых единиц в различных контекстах. При анализе иноязычных заимствований в языке СМИ и в медийной рекламе мы опираемся прежде всего на данные Газетного корпуса русского языка как составной части НКРЯ.

Известно, что динамические процессы в языке активизируются в условиях смены социально-культурных парадигм, эволюционных общественных сдвигов, чем и характеризуется период российской истории конца XX – начала XXI века. Экстралингвистические факторы: изменения в общественно-политической жизни, в экономике, в социально-культурной сфере – приводят к изменениям в языке. Поток англоязычных заимствований в русский язык в полной мере отражает эти изменения. Новые заимствованные слова и фразеологические обороты получают отражение прежде всего в СМИ (печатных и электронных): *имидж, саммит, тренд, омбудсмен, ноутбук, дилер, папарацци, девелопер, прайс-лист, пресс-релиз, промоутер, сайт, секьюрити, ток-шоу, транш, холдинг, эксклюзив* и множество других.

В условиях нарастающей глобализации лавинообразный неконтролируемый поток заимствований из английского языка в национальные языки, включая и русский, является знаковым процессом, происходящим в лексике в течение двух последних десятилетий. По мнению ученых, «в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на культуру и на язык как одну из важнейших форм культуры» [Миронов 2006: 27].

В связи с этим в современной лингвистической науке появился новый термин «языковая глобализация». Этот термин ввели в употребление учёные, которые исследовали влияние глобализации на функционирование национальных языков. Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [Глобалистика 2003: 1304]. «Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки, включая и русский язык, англицизмов. Этому способствует объективная необходимость заимствования русским языком терминов, обозначающих новые для российского общества реалии и понятия в политической, финансово-экономической и научно-технической сферах. Огромный массив новой заимствованной лексики и фразеологии стремительно заполняет тематические пространства, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни современного российского общества, и первая письменная фиксация их происходит именно в российских СМИ.

Среди иноязычных заимствований, касающихся сферы политики и государственного устройства, можно назвать такие лексические заимствования, как *авторитаризм, имидж, импичмент, истэблшмент, конфромизм, лобби, мейнстрим, омбудсмен, парламентаризм, пресс-релиз, саммит, спикер, спойлер, тренд*. Фразеологическими заимствованиями политического дискурса являются такие американизмы, как *дорожная карта, хромая утка, челночная дипломатия, гражданин мира, грязные технологии* и др.

Заимствования в финансово-экономической сфере связаны с названием новых профессий, видов деятельности и понятий рыночной экономики, новых для российского общества: *акционер, бренд, брокер, девелопер, дилер, дистрибьютор, менеджер, промоутер, ритейлер, секьюрити, фрилансер, хакер, акция, бартер, лизинг, транш, холдинг; голубые фишки, отмывать деньги, прайс-лист, утечка мозгов, финансовая пирамида, черта бедности, чёрный нал* и др. Широко распространенными заимствованными терминами в научно-технической сфере, прежде всего в сфере компьютерных технологий, являются такие новые языковые единицы, как *айпад, айфон, блогер, гаджет, дисплей, ноутбук, онлайн, офлайн, сайт, спам, смартфон, твиттер* и множество других.

Высокая частотность употребления иноязычных слов и фразеологизмов в российских массмедиа свидетельствует о том, что в целом процесс заимствования этих единиц русским языком был вызван объективной необходимостью, а не связан с сиюминутной «модой» на англицизмы. Новые лексико-фразеологические заимствования помогли ликвидировать «семантические пробелы» в русском языке для обозначения новых понятий, появившихся в российском обществе на рубеже столетий в связи с проведением общественно-политических реформ и построением в стране рыночной экономики. «При этом многие частотные слова, преимущественно термины информатики, употребляются в текстах современных газет, журналов, деловой литературы нередко в написании латиницей, что демонстрирует их недостаточную освоенность языком (*Unix, notebook, BMW, CD, CD-ROM, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, on-line, Pentium, PR, VIP, Windows*).

Отмечается также еще одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики русским языком – комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (*IBM-совместимый, PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-номер, VIP-мероприятие, Web-сайт, WEB-страница, Web-сервер*), а также некоторых слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (*PRщик, VIPовский* и т. п.).

Этот лексический материал чрезвычайно важен для лингвистической науки и для современного языкового сознания, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух разноязычных систем и зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова» [Скляревская 2001: 177].

Говоря о фразеологических заимствованиях, следует отметить, что основным способом освоения иноязычных фразеологических оборотов русским языком является фразеологическое калькирование – процесс, при котором устойчивое словосочетание (фразеологическая калька) возникает в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма: *citizen of the word* – гражданин мира; *blue chip* – голубая фишка; *brain drain* – утечка мозгов; *golden parachute* – золотой пара-

шот; lame duck – хромая утка. Первоначально заимствованная лексика и фразеология функционируют исключительно в терминологической сфере и остаются известными специалистам в конкретной области экономики, политики, науки, техники. По мере роста употребительности иноязычных языковых единиц в определенных терминологических системах расширяется сфера их функционирования в целом: фразеологизмы терминологического характера проникают в общелитературный русский язык и становятся понятными, узнаваемыми для рядовых носителей русского языка [Баско 2014: 18]. Посредником в этом процессе оказываются российские средства массовой информации. Они являются главным проводником новых заимствованных слов и фразеологизмов терминологического характера, которые благодаря регулярной повторяемости в СМИ проникают в общелитературный язык. В наше время они широко распространены в медийных текстах различных жанров: в публичных выступлениях и интервью политиков, государственных деятелей и ведущих экономистов, в экономических и политических обзорах аналитиков, в дискуссиях на телевидении, на радио, в прессе по актуальным проблемам современной жизни российского общества.

Следует признать, что в наше время СМИ не только максимально быстро отражают смену социально-политических ориентиров и культурных ценностей, но и служат своеобразным «мостом», проводником новых языковых единиц (из терминологии и жаргонов) в общелитературный язык. Иначе говоря, СМИ не только фиксируют новые языковые факты, но в свою очередь оказывают сильное воздействие на национальный язык. Массмедиа – телевидение, пресса, радио, Интернет в наше время стали проводниками и популяризаторами новых, появившихся за последние десятилетия иноязычных слов и образных выражений. Таким образом, повторяемость в медийном пространстве заимствованной лексики и фразеологии обеспечивает их быстрое освоение населением, прежде всего молодёжью, и стремительностью вхождения в речь современных носителей языка, а затем в общелитературный язык. Известный российский ученый Ю.А. Бельчиков назвал тенденцию возрастающего влияния языка СМИ на общелитературный язык «медиаизацией» русского языка [Бельчиков 2012: 35]. Заимствованные слова и фразеологические обороты являются отражением в русском языке общего процесса языковой глобализации. Освоение иноязычных языковых единиц терминологического происхождения русским языком свидетельствует о формировании в конце XX века – начале XXI века интернационального лексико-фразеологического фонда.

В аспекте культуры речи иноязычные слова и фразеологические обороты терминологического характера, адаптированные русским языком, соответствуют нормам речевой культуры. В-первых, они органично вписались в определённые функциональные разновидности языка, используются в научном стиле речи (в устной и письменной формах) или благодаря регулярной повторяемости в СМИ становятся языковыми единицами межстилевого характера. Во-вторых, они соответствуют литературной норме, нормативному критерию (некоторая вариативность в их написании, которая при этом наблюдается, не влияет на основные грамматические параметры единицы, а свидетельствует лишь о продолжающейся адаптации иноязычной единицы в русском языке). В-третьих, они соответствуют коммуникативному критерию – использование иноязычных средств

языка в материалах современных российских СМИ всегда соответствует теме и цели общения: это политическая сфера, экономическая или бизнес-сфера, научно-техническая сфера. Возможно, в своём последующем развитии некоторые из заимствованных единиц межстилевого характера приобретут переносные значения, но это вопрос будущего.

Необходимость заимствования терминов для обозначения новых для российской действительности реалий в политической, экономической, научно-технической сферах понятна и обоснована. Иноязычные заимствования не могли бы так активно проникать в язык и адаптироваться в нем, если бы не были востребованы российским обществом и не обслуживали бы его потребности.

В то же время нельзя не отметить некоторую избыточность американизмов в современной речи россиян, что получает отражение в российских СМИ. Ведь у многих заимствованных слов есть русские семантические эквиваленты, которые все чаще вытесняются иностранными синонимами. Например, *бизнесмен* – *предприниматель*, *консенсус* – *согласие*, *легитимность* – *законность*, *толерантность* – *терпимость*, *тренд* – *направление*, *стагнация* – *застой*, *шопинг* – *покупки*, *креативный* – *творческий*, *коммуникация* – *общение*, *инвестировать* – *вкладывать*, *тинэйджер* – *подросток*, *секьюрити* – *охрана*. Здесь нельзя не сказать о негативной роли российских массмедиа в распространении и популяризации иноязычных слов и выражений среди российского населения. «В последние 15 лет существенное, и отнюдь не лучшее влияние на язык оказывают телевидение и мультимедийные средства, в том числе интернет» [Вербицкая 2016: 13].

Особую тревогу и озабоченность лингвистов и культурологов вызывает использование иноязычных слов в некоторых медийных рекламных текстах. Нами были проанализированы рекламные объявления в газетах «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Работа в городе», а также телевизионная реклама. Наблюдения показали, что чаще всего газетные рекламные объявления, радио- и телереклама сообщают об открытии в городе новых торговых заведений, например: «*Посетите новый ХАУС БЫТА на проспекте Вернадского*»; «*БИР и ФИШ МАРКЕТ ждет посетителей. Мы открылись*»; «*СУШИ ШОП. Ресторан и продажа на вынос*»; «*WINE HOUSE. Для самых изысканных гурманов и ценителей*»; «*А Вы покупаете продукты в ФУД СИТИ?*» (реклама нового супермаркета).

Различные по содержанию рекламные объявления в СМИ предлагают разнообразные формы отдыха и развлечений, сообщают об услугах различных фирм, о сдаче в аренду коммерческих или офисных помещений. Приведём примеры таких рекламных объявлений: «*КУБИНКА ФИШИНГ ПАРК (рыбалка, отдых, ресторан)*»; «*Строительная фирма «Американ Дрим». Все для Вас*»; «*Сдаются помещения под ШОУ РУМЫ*»; «*ШУЗМАСТЕР. Гарантируем отличное качество!*»; «*Mirinda – оттянись со вкусом!*»; «*Не тормозни – Сникерсни!*».

Написание кириллицей иностранных слов в медийной рекламе не делает эти слова понятными и узнаваемыми для носителей русского языка, их нельзя отнести к иноязычным заимствованиям. Такое использование иностранных слов в рекламе противоречит стилистическим нормам русского языка и нарушает коммуникативный принцип рекламного сообщения. Рекламный текст адресован прежде всего массовому читателю, а потому должен быть близок ему по лексическому наполнению, по структуре и по выражению национальной ментальности. В приве-

денных же выше рекламных объявлениях не учитывается ориентация на массового читателя, поэтому подобная реклама вызывает раздражение или отторжение у значительной части россиян, особенно среднего и пожилого возраста.

Такие рекламные объявления в СМИ не выполняют основную функцию рекламного текста – привлечения внимания к сообщаемой в рекламе информации, хотя рекламодатели, вводя в рекламный текст «чужие», иностранные слова, рассчитывали на создание определенного эффекта неожиданности, экспрессивности, оригинальности рекламного текста. В результате погоня за эффектом и оригинальностью вошла в противоречие с нормами культуры речи, в то время как соблюдение функционально-стилистических норм является залогом ситуативной адекватности любого рекламного текста.

Нелепыми в газетной рекламе представляются читателям названия некоторых рабочих вакансий в объявлениях о приёме на работу: *менеджеры по клинингу* (уборщицы) или *менеджеры по продажам* (продавцы). Об этом не без иронии пишет академик Л.А. Вербицкая: «Особенно курьезно иногда выглядят названия рабочих вакансий, среди которых главное слово – *менеджер*. Например, *менеджеры по клинингу* (уборщицы), *менеджеры по продажам*, *менеджеры по работе с клиентами*, *сэйлзменеджеры*, *акаунт-менеджеры*, *ивент-менеджеры* [Вербицкая 2016: 15]. Концентрируясь на необычности, экстравагантности и привлекательности рекламы, создатели рекламных текстов нередко пренебрегают общими законами и принципами русского языка, по которым создаются грамотные и выразительные тексты, соответствующие сложившимся нормам речевой культуры. Не стоит забывать и о том, что правильная стратегия формирования рекламного сообщения должна строиться с учетом национально-культурных традиций общества и не противоречить психологическим, этическим, нравственным нормам, сложившимся в нем.

Подводя итоги, отметим, что иноязычные заимствования, благодаря повторяемости в СМИ, активно проникают в повседневную жизнь россиян, в сферу обыденного общения носителей русского языка. Употребление россиянами «чужой» английской лексики в речи, в СМИ, в медийной рекламе в наше время становится не только чем-то привычным, обычным, но и модным, престижным.

Сами носители русского языка бессознательно способствуют усилению роли английского языка, занижая субъективные оценки своего родного русского языка. Привычность россиян к повседневному присутствию чужого языка в сфере обыденного общения, в современных российских СМИ, в медийной рекламе, «стирание» межъязыковых лексических различий служит унифицированию естественной культурной и ментальной дифференциации этносов. А это является одним из факторов, негативно влияющих на развитие и использование русского языка, на экологию языка и на национальную культуру в целом.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009.

Баско Н.В. Русский язык на рубеже веков: основные тенденции развития // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сб. науч. и науч.-метод. статей / ред. кол. Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 10. С. 15-23.

Бельчиков Ю.А. О понимании адресатом речи социокультурной информации в условиях межкультурной коммуникации // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. V Межд. науч. конф. Варшава, 2012. С. 32-36.

Вербницкая Л.А. Русский язык современной России // Болгарская русистика». София, 2016. № 1. С. 9-17.

Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003.

Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство и кризис культуры // Вопросы философии. 2006, № 2. С.27-38.

Склярская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам, Сеул, 2001. № 6. С. 177-202.

ЖАНР ЮБИЛЕЙНОЙ СТАТЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. КУДИМОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ О С.Н. СЕРГЕЕВЕ-ЦЕНСКОМ)

А.В. Жигульская, Н.В. Сорокина
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена рассмотрению юбилейной работы поэта и переводчика Марины Кудимовой «Самоцветы, цветоткани. К 140-летию С.Н. Сергеева-Ценского», опубликованной в специализированном тамбовском литературном издании «Рассказ-газета»; установлено, что юбилейный материал удивительным образом сочетает в себе моменты личного восприятия автором творчества С.Н. Сергеева-Ценского и тонкого литературоведческого анализа.

Ключевые слова: творчество Марины Кудимовой, жанр «юбилейная статья», С.Н. Сергеев-Ценский

М.В. Кудимова известна больше как Об особенностях ее поэтической манеры писали Е.А. Евтушенко, В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова и другие [Евтушенко 1999, Дорожкина 2016; Полякова 2011]. Однако в творчестве М.В. Кудимовой, особенно в последнее время, значительное место занимает публицистика, внимание исследователей к которой не так постоянно и глубоко, как к ее поэтическому творчеству. Сегодня литературно-критические работы М.В. Кудимовой должны быть достойно представлены в арсенале писательской критики XX века [Сорокина 2009: 405].

К юбилеям русских классиков М.В. Кудимовой написано несколько работ. Как правило, авторы юбилейных статей сосредотачиваются на «выявлении позитивного вклада писателей в русское творчество, в художественную культуру, на оценки роли их личности и творчества в жизни и судьбе нации» [Перхин 2001: 55].

Юбилейные работы М.В. Кудимовой значительно отличаются от классических образцов подобного жанра. Одна из статей – «Самоцветы, цветоткани. К 140-летию С.Н. Сергеева-Ценского» [Кудимова 2015]. Работа опубликована в специализированном тамбовском литературном издании «Рассказ-газета».

Юбилейный материал удивительным образом сочетает в себе моменты личного восприятия автором творчества С.Н. Сергеева-Ценского и тонкого литературоведческого анализа. Воспоминания и впечатления детства Марины Кудимовой, факты тамбовского и крымского периодов писателя соседствуют в работе с высказываниями авторитетных литературоведов, критиков, с фактами биографии писателя.

Публикация М. Кудимовой о С.Н. Сергееве-Ценском построена на принципах линейной композиции. В статье представлена естественная последовательность событий. «Меня впервые повезли к морю в 14 лет после операции по удалению миндалин», – так начинает М. Кудимова. Автор рассказывает о том, где пришлось узнать о творчестве русского советского писателя: «Отдыхать полагалось культурно, а организованная экскурсия без поездок, на которые жалелось пляжное и процедурное время, была одна – в дом-музей С.Н. Сергеева-Ценского». И уже в первой части М. Кудимова соединяет собственные детские впечатления с мудрыми оценками уже взрослого критика. Поэтому возникает, с одной стороны, категоричность детского читательского восприятия: «Никакого Ценского не читала и не собиралась – это уже тогда было «не круто». А с другой стороны – сожаление, что талант Сергеева-Ценского ни прежде, ни сегодня по достоинству не оценен широкой публикой. Ведь по повести «Чудо», например, «можно учиться России»; рассказы писателя украсили бы любую антологию; знаменитое выражение «печаль полей», автором которого является Ценский (об этом почему-то тоже забывают), использовал Горький при описании таланта Есенина.

Другим произведениям М. Кудимова дает яркие эпитеты: пронзительная «Печаль полей», грандиозная «Севастопольская страда». Потому больно осознавать, что Ценский «попал под санкции нашей литературной расточительности», при которой о писателе забывают, переставая его читать, изучать. Это тем более несправедливо по отношению к Ценскому, чьи книги уже давно переведены на десятки языков, а сейчас актуальны как никогда: «Кажется, сегодня, после крымских событий, «Севастопольскую страду» должны бесплатно раздавать в городском транспорте. Нет, не раздают – и даже не вспомнили».

Так через всю статью, призванную по случаю юбилея быть пафосно торжественной, проходит социальная проблема неактуальности, непопулярности творчества С.Н. Сергеева-Ценского в современных условиях жизни: «Можем позволить себе роскошь забыть писателя – просто перестать его читать. И кризис чтения в «самой читающей» мне кажется своего рода расплатой за эту расточительность», – горько замечает критик. М. Кудимова призывает, чтобы читателей становилось больше, а ценителей творчества – еще больше.

Статья разделена на пять частей, обозначенных арабскими цифрами. Фактическими сведениями о литературной судьбе писателя наполнены центральные части юбилейного эссе. Приводится характеристика А.И. Цветаевой творческой жизни Сергеева-Ценского («Он втихую продолжал традиции дореволюционной христианской литературы, не критикуя вождей СССР»), упоминается Письмо Первому съезду российских писателей и поддержка Сергеевым-Ценским кандидатуры М.А. Шолохова при выдвижении на Нобелевскую премию (именно к Ценскому обратились из Нобелевского комитета как к авторитетному, почи-

таемому писателю); подчеркивается высокая оценка творчества писателя «самым титулованным русским критиком» Д.П. Святополк-Мирским, назвавшем «Рассказ профессора» «шедевром прямого и сгущенного повествования»; констатируется факт миллионных тиражей произведений писателя как свидетельство популярности его книг в годы Великой Отечественной войны; дается определение Горьким романа «Валя» как «лучшей книги XX века».

И параллельно с этим – непростая судьба публикации и распространения романа «Валя», отсутствие, после 1955 года, собрания сочинений писателя. К этому можно прибавить и значительные купюры при публикации книг Ценского в советское время. Всё это подтверждает «неровный, пульсирующий, временами немыслимо противоречивый, предельно алогичный» характер рецепции его творчества в России [Хворова 2015: 42].

Юбилейная статья М. Кудимовой наполнена и обогащена художественными средствами выразительности, создающими своеобразие авторского текста, подчеркивающими все тонкости мыслей или образов. Например, эпитеты: «маленькая санаторная Алушта», «операция была мучительная», «чувствовала себя умудренной и утомленной переживанием», «вольнлюбивые рассказы», «скромной методичке», «большой читатель», «полное забвение» и т.д. Риторический вопрос: «Кто виноват, что не читана?», восклицательные предложения: «Ну, посмейтесь, Бог с вами!», «Учительнице непременно следовало происходить из Кирсанова – откуда же еще!» – подчеркивают публицистичность стиля как необходимого условия юбилейной работы, смелое вовлечение читателя и слушателя в разговор по наболевшей теме. Отбор точных слов и конструкций, умелое и бережное отношение автора к слову помогают нам насладиться языком мастера, понять основную мысль текста.

Заключительная часть юбилейного очерка вновь возвращает к мысли о необходимости возвращения незаслуженно забытого писателя к массовому читателю. Большие надежды М. Кудимова возлагает на тамбовских деятелей культуры: «Работу по возвращению не просто имени, а книг, в силах выполнить только мои земляки – и никто другой!». Все, что делается по увековечиванию памяти Ценского, происходит, по большей части, именно в Тамбове: деятельность Лаборатории по изучению творческого наследия С.Н. Сергеева-Ценского в контексте русской литературы в Тамбовском университете, издание областной библиотекой пособий, создание маленького музея в Коптевской школе Рассказовского района, присвоение улице и библиотеке имени писателя.

В название анализируемой юбилейной работы вынесены слова из стихотворения С.Н. Сергеева-Ценского «Наш язык». Этим стихотворением М. Кудимова завершает свою статью, тем самым лишь в конце материала даёт возможность читателю понять смысл заглавия статьи – строки, «актуальные сегодня как никогда»:

И слово вещее мы ценим,
И слово русское мы чтим,
И силе слова не изменим,
И святотатца заклеим:
Тех, кто стереть готовы грани
Всех слов родного языка,

Всех самоцветов, цветотканей,
До нас дошедших сквозь века;
Кто смотрит взглядом полусонным,
Забившись зябко в свой шалаш.
Кто пишет языком суконным
И выдает его за наш...

Литература

Дорожкина В.Т. Поэт для «вчитывания» // Тамбовский край талантами богат... Тамбов, 2016. Т.2.

Евтушенко Е.А. Десять веков русской поэзии. М., 1999.

Кудимова М.В. Самоцветы, цветоткани. К 140-летию С.Н. Сергеева-Ценского // Рассказ-газета. Тамбов, 2015. № 5. С. 3.

Перхин В.В. «Открывать красоты и недостатки...»: Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб., 2001.

Полякова Л.В. «Перечень причин» Марины Кудимовой // Тамбовская магистраль русской литературы. Тамбов, 2011.

Сорокина Н.В. У нас были и литература, и критика // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 3.

Хворова Л.Е. С.Н. Сергеев-Ценский в современном изучении и миропредставлении: к 140-летию со дня рождения писателя // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов, 2015.

АНТИЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ УКРАИНЫ)

А.М. Григораш
(г. Киев, Украина)

В статье представлены наблюдения о функционировании в газетных материалах элементов молодежного сленга и жаргона, использование которых требует большой осторожности; обосновывается принципиальная возможность и желательность любого понятия выразить средствами русского литературного языка.

Ключевые слова: современные СМИ, пресса Украины, антиэкология языка

Язык современных СМИ отличается процессами тотальной вульгаризации. Издаются и читаются газетные материалы, откровенно ориентированные на вульгарно сниженную, порой инвективную речь. Такое снижение языка СМИ в настоящее время связано с недостаточностью общей и – как следствие – речевой культуры, снижением уровня интеллигентности говорящих и пишущих, низким уровнем языковой и речевой компетентности.

В идеале квалифицированный журналист должен использовать в своих материалах чистую, правильную, литературную речь. Однако средства массовой ин-

формации предлагают потребителю информационный поток, который зачастую не отличается грамотной речью. Существует ряд факторов, которые усиливают тенденцию к искажению литературного языка, к максимальному его приближению к бытовой речи людей. Естественно, язык журналистов должен быть простым, лаконичным, понятным каждому читателю. Но необходимо разграничивать тексты, написанные доступным литературным языком, и тексты, далекие от литературного языка, но максимально приближенные к разговорной речи за счет снижения общей культуры журналистского повествования.

М.М. Тягунова выдвигает следующие требования к правильной речи: «Экологически чистая речь (хорошая, этичная) – это речь 1) правильная, 2) точная, 3) ясная, 4) логичная, 5) простая (естественная, ненапыщенная), 6) богатая (с учетом полноты использования разнообразных речевых средств), 7) сжатая, 8) чистая, 9) живая (нешаблонная, выразительная, образная, эмоциональная), 10) благозвучная)». Скрупулезно перечислив эти требования, М.М. Тягунова приходит к неутешительному выводу: «К сожалению, сегодня нельзя говорить о том, что язык средств массовой информации отвечает всем десяти требованиям. Более того, можно без зазрения совести сказать, что язык масс-медиа не реализует практически ни одного из десяти пунктов. Сами собой отпадают семь: правильность, точность, ясность, чистота, логичность, богатство и благозвучность» [Тягунова 2006: 2].

Использование сленга в речи журналистов проявляется прежде всего в жанре интервью, который максимально приближен к жизни и является отражением наиболее живой, разговорной, подвижной речи: «*Обращаюсь сейчас к тебе, да, к тебе, читатель этой статьи. Ты, **чувак**, один из последних, кто до сих пор ничего не слышал об этом, на первый взгляд слегка **мажорном**, но, в сущности, еще не полностью обвешанном цепями обладателе всяческих музыкальных премий, не говоря уже о прекрасном, почти нулевом Бенгли. Средства массовой информации подсадили тебя на Нелли на уровне подсознания*» («Зеркало недели», 20.05.16); «*Буду делать молоко с солью, мне нравится и мне **пофиг**, что потребителю не нравится*» («Сегодня», 21.05.16); «*Реально ли в украинском прокате **“отбить”** расходы на такой фильм, как ваш?*» («Сегодня», 21.05.16).

Обратимся к Толковому словарю молодежного сленга Т.Г. Никитиной: «**Чувак**. Молодой человек; мужчина» [Никитина 2003: 685]. Невольно возникает вопрос: уважаемый читатель, молодой человек, мужчина, вам нравится такое обращение непосредственно к вам лично?

Сленговая лексема **мажор** зафиксирована с двумя значениями: 1. *ирон. Преуспевающий бизнесмен, «новый русский».* 2. *пренебр. Байк. Молодой владелец мотоцикла (проспонсированный родителями), не принадлежащий к движению байкеров, но подражающий им* [Никитина 2003: 325]; прилагательное **мажорный** в вышеприведенном газетном контексте образовано от существительного **мажорво** во втором значении.

Подсадить. *Приучить кого-л. к употреблению наркотиков* [Никитина 2003: 449]; возможно, точно зная первоначальное значение данной лексемы, журналисты вообще отказались бы от ее употребления в таких количествах, в которых она фиксируется в современных газетных материалах.

Пофигу, пофиг. кому что, безл-предик. *Безразлично, все равно* [Никитина 2003: 460]. С двумя значениями в словаре Т.Г. Никитиной зафиксирована лексема **отбиться: Отбиться**. 1. *Торг. Продав товар, вернуть вложенные в него деньги*. 2. *Лечь спать* [Никитина 2003: 403]; в газетном контексте функционирует глагол «отбиться» в первом словарном значении.

Все так же бессмертен на страницах современной русскоязычной прессы Украины воровской жаргон, приобретший широкую известность не в последнюю очередь благодаря прежде всенародно любимым кинофильмам («Место встречи изменить нельзя», «Ликвидация» и т.п.): «*Раз за разом “оборотни” доверяют новому помощнику все сильнее. Не таясь, они берут его на встречи с коммерсантами (как правило, встречи такие происходят либо в «Каретном ряду», либо в другом «подкрышном» заведении – «Пиццерии» в Лиховом переулке). Как-то раз он присутствует даже на «стрелке» с солнцевскими*» («Московский комсомолец в Украине», 9.03.15); «*Кроме Европы в газовых разборках неизбежно окажется задействована и Азия, представители которой подписали с «РосУкр-Энерго» контракты на поставку газа*» («КП в Украине. Киевский выпуск», 5.10.16). См. в соответствующем словаре: «**Крышевать.** *За определенную плату обеспечивать кому-л. «крышу» – защиту от ржкета*» [Никитина 2003: 290]; очевидно, именно это значение глагола вызвало к жизни лексическую инновацию «**подкрышное**», причем ее новизна подчеркивается кавычками; «**Разборка.** *Ссора, конфликтная ситуация; выяснение отношений, самосуд*» [Никитина 2003: 490].

Поражает воображение также обилие бранной, инвективной лексики в русскоязычных СМИ Украины. Традиционно подобные слова фигурируют в так называемой «желтой прессе». Пальма первенства в данном случае принадлежит чрезвычайно популярной у невзыскательного читателя, но специфической для интеллигентного человека газете «Бульвар Гордона», также изобилующей всевозможными интервью, причем в основном с людьми творческими, имеющими отношение к высокому искусству. Вслушаемся же в речь творческой интеллигенции: «*Уж сразу скажи, что я блядь*» (20.12.15); «*Грудь висит, жопа низко, ягодич кот наплакал*» (20.12.15); «*В конце концов, я не вижу смысла обходить эту тему стороной. Трахаются-то все!*» (20.05.15); «*Всех этих пидарасов нужно уничтожать*» (20.03.25).

Однако следует отметить, что серьезная, аналитическая, являющаяся форпостом государственной политики Украины пресса недалеко ушла от прессы специфически «желтой». Ярким примером этой тенденции является популярный «серьезный» еженедельник «Зеркало недели»: «*Игорь, давайте все-таки разрешим проблему жанра. Детектив? Жлоб-арт (как некое ноу-хау в украинском кино)?*» (20.05.16); «*Кто-то брезгливо заметит: дескать, автор видит только дерьмо*» (4.12.15).

Достаточно часты случаи, когда большая государственная политика, как внутренняя, так и внешняя, невольно провоцирует употребление соответствующей лексики, причем не только в газетах оппозиционной направленности, но и вполне лояльных к собственному государству: «*Я с суками, блядьми и тварями не буду принимать участие ни в каком парламентском заседании*» («Зеркало недели», 4.12.15); «*Барна – парень сельский, знает, за что нужно хряка от корыта тянуть: за яйца, и надо Яценюку их уже оторвать. Тимошенко – лидер*

коммунистических бабушек и, главное, реальная дура. Янукович двумя обедами одновременно подавился, Коломойский – очень плохой человек, а Саакашвили – венчик в заднице. Когда его засовывают в ж... олигархам – это весело, а когда тебе – уже нет» («Бульвар Гордона», 31.12.15); «Западные сельскохозяйственные корпорации уже бьют копытами в предвкушении невиданных барышей. Не часто такая **«шара»** выпадает. Раньше-то у них как было: захватывали целые континенты, туземцев истребляли, добро вывозили. А тут соседи по Европе сами голову в петлю суют со счастливой улыбкой идиота. Если вы не догадались – это про Украину. Народа, правда, многовато, но подсократят, там, в меморандуме, все расписано...» («Рабочая газета», 7.10.16]; в словаре Т.Г. Никитиной лексема **шара** зафиксирована с четырьмя значениями: 1. *Шанс, возможность*. 2. *Муз. Об импровизации*. 3. *Без труда, легко*. 4. *Бесплатно, даром*[Никитина 2003: 692-693]; в рассматриваемом газетном контексте лексема употреблена в наиболее распространенном четвертом значении.

Использование сленга, жаргонной и инвективной лексики можно рассматривать также как некий стилистический прием, который применяется с разнообразными целями: для передачи определенного колорита описываемых явлений («правды жизни»), для выражения личных взглядов автора на происходящее (в некоторых случаях это можно рассматривать как своеобразный «крик души»), для речевой характеристики героев газетных материалов. Однако никакие цели не оправдывают, с нашей точки зрения, подобное обилие нелитературных слов и выражений в языке современных СМИ, особенно с учетом того, что газеты рассчитаны на все слои общества. Зачастую подобный стиль языка СМИ имеет крайне негативный характер. За попыткой журналистов максимально приблизить свои статьи к жизни стоит проблема общего падения культуры речи.

Таким образом, следует признать, что язык является сложнейшим образованием с множеством жестких норм, не менее жестких закономерностей и едва заметных тенденций. Категорические суждения о языке вообще и о сленге и жаргонных словах и выражениях в частности далеко не всегда способствуют выяснению истины. Сходной позиции придерживаются и другие лингвисты. Констатируя неизбежность функционирования в газетных материалах элементов молодежного сленга и жаргона, они призывают к осторожному отношению к ним, утверждают принципиальную возможность и желательность любое понятие выразить средствами русского литературного языка.

Литература

Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 736 с.

Тягунова М.М. Иметь свободу слова – не значит быть безграмотным: о языке современных СМИ Украины // Русская словесность в школах Украины. 2006. № 5. С. 2-6.

МЕДИАТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ¹

С.В. Гуськова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена анализу медиатекстов в аспекте культуры речи, в ходе которого изучена совокупность новостных материалов, опубликованных на тамбовском областном портале *top.68* (www.top68.ru), зарегистрированном в качестве сайта, учредителем которого является АО «Издательский дом «Мичуринск»; выявленные различные виды нарушения языковых норм проиллюстрированы примерами.

Ключевые слова: нормированность языка, медиатекст, региональные интернет-издания, нарушение языковых норм

В так называемый постперестроечный период в Российской Федерации актуализировалась проблема сохранения и повышения культуры речи творческих сотрудников средств массовой информации, претерпевающей изменения не в лучшую сторону. Представляется, что главной причиной такого явления стал переход в государстве к рыночной экономике, давший импульс для возникновения массы новых печатных изданий, теле- и радиоканалов, интернет-СМИ. Причем, форма учредительства масс-медиа стала преимущественно коммерческого характера, в связи с чем зачастую во главе редакций находятся люди, не имеющие профессионального филологического, в том числе журналистского, образования, а это главным образом сказывается на качестве медиа-сообщений. И, можно констатировать, что следствием такого процесса стало существенное расшатывание за последние 25 лет языковых норм в недрах масс-медиа.

Стоит уточнить, что под «языковой нормой» (или «нормой литературного языка») понимаем соответствие употребляемых в тексте языковых единиц общепринятым правилам, образцам [Гуськова 2013: 5-9]. Нарушениями языковой нормы, или речевыми ошибками, являются оговорки в устной речи, ошибки и опечатки на письме. В то же время журналисты в стремлении повысить экспрессивность медиатекста в своих сообщениях часто преднамеренно используют отступления от языковых норм. Отступления от норм также способствуют созданию более колоритного образа героя публикации (к примеру, когда кто-либо цитируется в тексте с соблюдением его языка и стиля), при этом журналист может отлично владеть нормами русского литературного языка.

Обычно выделяются следующие виды языковых норм:

- орфоэпические (нормы ударения и произношения);
- лексические (употребление слова в том или ином значении);
- морфологические (употребление тех или иных форм слова или частей речи);
- синтаксические (употребление словосочетания или предложения);

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК–2850.2015.6

- орфографические (нормы правописания);
- пунктуационные (нормы постановки знаков препинания);
- стилистические (выбор слов или построение предложений в соответствии со стилем).

Объектом анализа медиатекстов в аспекте культуры речи в настоящем исследовании избрана совокупность новостных материалов, опубликованных на тамбовском областном портале *top.68* (www.top68.ru), зарегистрированном в качестве сайта, учредителем которого является АО «Издательский дом «Мичуринск». Выбор в пользу данного портала был сделан в силу того, что, кроме электронного ресурса, учредитель и издатель выпускает в свет большинство районных общественно-политических газет, а также их сетевые версии, в совокупности размещая на страницах печатных изданий и на интернет-портале огромный текстовый массив.

Выявлено, что часто обнаруживается нарушение стилистических норм. Так, например, в материале *«На борьбу с мусором в Тамбове вышли сотрудники администрации и волонтеры»* (опубликован 07.10.2016 г., автор В. Степанова) очевидно отсутствие связи между абзацами:

«– Субботники у нас проходят регулярно с весны. Но уборку не надо продолжать, её нужно заканчивать. У жителей должно появиться понимание, что не только администрация ответственна за чистоту города, но и сами жители. Люди живут в городе, отдыхают, ходят в парки, леса – убирайте за собой мусор, который сами туда приносите. Не оставляйте отходы, тогда ваши дети будут бегать не по стеклу, а по зелёной траве и вам самим будет приятно возвращаться на природу, а не на свалку, – призывает тамбовчанин Сергей Прохожий».

Сегодня в городе существует 547 мест сбора отходов. Количество несанкционированных свалок, пожалуй, может посоревноваться с этой цифрой.

Участники субботника призывают жителей любить город и думать о будущем своих детей и внуков, для этого нужно хотя бы убирать за собой мусор».

Во-первых, в тексте отсутствует указание того, кто такой Сергей Прохожий. Во-вторых, хотя текст и подчинен одной теме, однако связь между цитируемыми абзацами отсутствует – каждый из них выступает самостоятельным микротекстом – информацией.

Выявлено нарушение лексических норм. Например, в материале *«На Тамбовский фестиваль книги и чтения «Читаем вместе!» приедут зарубежные писатели»* (опубликован 06.10.2016 г., автор Б. Сизов) даже не обладающий глубокими знаниями о языковой культуре читатель способен обнаружить излишние повторы:

«В Тамбове на фестиваль книги и чтения «Читаем вместе!» приедут известные писатели из Белоруссии и Москвы. В этом году тамбовские читатели смогут пообщаться с Андреем Жвалевским и Евгенией Пастернак, которые приедут на Тамбовщину из Минска, а так же с российской писательницей из столицы России Мариной Кудимовой».

Семейный фестиваль, посвященный чтению и книгам, проходит в Тамбовской области уже в 10 раз. В программе фестиваля запланировано около 30 ме-

роприятий: авторские встречи, выставки, различные PR-акции. Основными площадками станут городские и районные библиотеки. В акции примут участие так же и тамбовские писатели: Юрий Мецераков, Татьяна Маликова, Елена Владимирова.

Стартует книжный праздник 10 октября. В этот день в областной детской больнице пройдет социальная акция «Не теряй времени – ЧИТАЙ!». А в библиотеках, школах, интернатах и детских домах области состоятся творческие встречи с известными авторами.

Продлятся различные мероприятия в Тамбове две недели и завершится фестиваль 28 октября Богдановскими чтениями в Мордовском районе с участием Виктора Сошина, Анатолия Парпары, Валентина Суховского, Аршака Тер-Маркарьяна».

Очевидно, что в небольшом по объему журналистском материале множество повторов одинаковых и однокоренных слов в соседних предложениях. Также не рекомендуется использовать одни и те же или однокоренные слова в заголовке и первом предложении основного текста, а это обнаруживается в данной публикации («Тамбовский фестиваль» в заголовке и «В Тамбов на фестиваль» в первом предложении). Во втором абзаце текста используются цифровые обозначения. Отметим, что в случаях, когда число может быть заменено одним словом, предпочтительнее вариант написания буквами («в десятый раз», «около тридцати мероприятий»). Тем более что формулировка «в 10 раз» некорректна, так как не сразу становится понятным окончание.

Обнаруживаются орфографические ошибки, причем некоторые из них уже стали типичными для региональных изданий (печатных и электронных). Например, часто городскую и областную думу пишут с заглавной буквы («Дума»), хотя таким образом пишется только «Государственная Дума». Пример находим в тексте «Жители Тамбова намерены защищать троллейбусное движение города, которое в ближайшем будущем ждут перемены» (опубликован 06.10.2016 г., автор Б. Сизов): «Жители города Тамбова подписывают интернет-петицию под названием «Спасем троллейбус Тамбова», выступая против предложенной схемы оптимизации троллейбусного движения депутатами города на заседании Тамбовской городской Думы».

В медиатекстах часто нарушаются морфологические нормы. В качестве примера приведем заголовок материала – «Останки двух тамбовчан, пропавших без вести в Великой Отечественной войне, были найдены под Тверью и возвращены на родину» (опубликован 03.10.2016 г., автор Б. Сизов). Предпочтительный вариант устранения ошибки: «Останки двух тамбовчан, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны...».

Проведенный анализ медиатекстов опубликованных на региональном интернет-портале приводит к выводу о том, что нарушение языковых норм журналистами совершенно очевидно. Устранение различных ошибок необходимо, ведь грамотность сообщений СМИ выступает одной из составляющих визитной карточки любого масс-медиа. Поэтому их учредителям и издателям, в том числе в регионах, можно рекомендовать обращать особенно пристальное внимание на речевую грамотность каждого конкретного журналиста, а также прикладывать

максимум усилий к тому, чтобы материалы до выхода в свет были вычитаны не только творческими сотрудниками редакции (самими авторами текстов), но и выпускающим редактором и корректорами.

Литература

Гуськова С.В. Культура речи журналиста. Практикум для студентов вузов (Электронный ресурс): учебно-метод. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 97 с.

РЕЧЕВЫЕ ШТАМПЫ И КЛИШЕ В ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ТАМБОВСКАЯ ЖИЗНЬ»)

С.В. Пискунова, Н.А. Кирьянова
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматриваются примеры речевых штампов и клише в статьях газеты «Тамбовская жизнь»; проанализировано их употребление в публикациях об открытии на территории области воинских мемориалов, при описании сельскохозяйственных работ, в статьях об экономике и политике; приводятся примеры статей, в которых отсутствуют элементы авторского стиля и присутствует употребление значительного числа шаблонных выражений.

Ключевые слова: газета «Тамбовская жизнь», речевые штампы и клише

Средства массовой информации играют огромную роль в жизни современного общества. Являясь частью информационного поля, язык СМИ, несмотря на глубокую изученность, продолжает вызывать исследовательский интерес, т.к. оперативно отражает лингвистические явления, характерные для нашей эпохи. Л.Ф. Гиренок подчеркивает, что средства массовой информации занимают активную позицию на медиарынке, поскольку, кроме информационной, просветительской, развлекательной функций, они все чаще возлагают на себя функции интерпретации и редактирования окружающей действительности. «Формируя информационную повестку дня, СМИ накладывают свой отпечаток на образ действительности, занимаются своего рода виртуализацией окружающего мира [Гиренок 2001]. С.О. Беляков замечает, что «именно анализ текстов массовой коммуникации позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных языков, которые наблюдаются в данный период [Беляков: www.CyberLeninka.ru].

Одной из характерных черт публицистики является использование наиболее типичных для конкретного момента общественной жизни способов изложения материала: наиболее частотные лексемы, популярные фразеологизмы и метафоры. Как известно, особенностью публицистического стиля является широкий охват лексики литературного языка: от научных и технических терминов до слов разговорной речи, вульгаризмов и жаргонизмов.

Язык статей региональных общественно-политических периодических печатных изданий представляет в данном случае особый интерес для лингвистов, т.к., как справедливо замечает О.Н. Савинова, данные СМИ «вступают в конкурентные отношения с активно развивающимися источниками мощных информационных потоков – информационными агентствами, PR-структурами, Интернет» [Савинова 2007: 26]. В связи с этим, значительного внимания заслуживает использование в публицистике речевых клише и штампов. Как правило, они ничего нового не вносят в содержание высказывания, но их функция не случайна. Ю.В. Калугина, в частности, отмечает, что речевые штампы «являются средством коогезии текста» [Калугина: www.CyberLeninka.ru]. В.М. Бурунский, суммируя основные свойства речевых клише, выделяет следующие характеристики: «структурная устойчивость, регулярность употребления, воспроизводимость в готовом виде, закрепленность за стандартными ситуациями, анонимность употребления, краткость формы» [Бурунский: www.CyberLeninka.ru]. Поэтому данные компоненты публицистического текста способствуют увеличению скорости восприятия информации, но одновременно «засоряют» язык, приводят к его стандартизации, унифицированности речи, что создает экологические проблемы.

Г.Я. Солганик обращает внимание на то, что ключевую роль в выявлении специфики языка СМИ играет политика, которая оказывает на него значительное и многообразное воздействие, составляя основу его содержания и определяя его особенности [Солганик: www.CyberLeninka.ru].

Газета «Тамбовская жизнь» издается с 1917 года и является главным общественно-политическим изданием Тамбовской области, которое описывает и анализирует основные события жизни региона. Рассмотрим употребление речевых штампов и клише на примере публикаций об открытии на территории области воинских мемориалов:

Е. Радзецкая «Благодарность за мирное небо» (от 24 августа 2016)	М. Матюшина «Времени не стереть святую память» (26 августа 2016)	С. Колебанов «Год сорок первый, начало июня, все еще живы» (30 августа 2016)	М. Матюшина «Всем тем, которых забывать нельзя» (20 сентября 2016)
увековечение памяти	увековечение имен земляков	увековечение памяти	увековечение памяти
величественный мемориал	открытие мемориала	в церемонии открытия приняли участие	церемония открытия
торжественная церемония	торжественная церемония		торжественная церемония
всенародное движение		всенародное движение	воздвижение мемориала

почтили память павших		почтили память погибших
вручены благодар- ственные письма	вручение благодар- ственных писем	вручены благодар- ственные письма
интересы общества	возложили венки и цветы	возложили цветы
благоустройство территории		благоустройство территории
совершен чин освящения	совершил чин освящения	совершен чин освящения
связь поколений		
дети войны		
в церемонии открытия приняли участие		

Обратим внимание, что особенно часто речевые штампы и клише используются при описании сельскохозяйственных работ. Ср.:

Л. Назаров «Осень торопит земледельца» (16 сентября 2016)	С. Александров «Непогода сместила сроки страды» (23 сентября 2016)	С. Колебанов «О тех, кто впереди» (11 октября 2016)
по оперативным данным	по оперативной информации	по оперативным данным
валовой сбор	зерновой клин	валовой сбор
плантации	плантации	плантации
намолачивают на круг	на круг намолачивают	на круг собирают
аграрии	аграрии	аграрии
средняя урожайность	средняя урожайность	вторая страда
тамбовский каравай	зерновые и зернобобовые культуры	зябь подготовлена
ведут уборку	уборочные площади	
озимые культуры	озимые культуры	озимые культуры

Ярким примером использования речевых штампов и клише может служить статья В. Полозова «С инвестиционного форума – с портфелем соглашений» от 7 октября 2016 г. В ней журналист использует следующие популярные выражения, которые часто встречаются в статьях об экономике и политике: *поделился с журналистами, портфель соглашений, инвестиционные возможности, взаимовыгодные соглашения, привлекательный инвестиционный климат, перспективные проекты, инвестиционно привлекательный регион, стабильно находится, областная власть, экономические принципы, команда губернатора, планируется создать, санкции, антисанкции, программа импортозамещения, передовая технология, стабильная прибыль, открыта для инвестиций, благоприятная почва, экономические зоны, налоговые льготы, резонный вопрос, пополнение казны, потребительский спрос, будущая перспектива, потенциальные инвесторы, федеральные власти, федеральный центр, открывают новые горизонты.*

Отсутствие элементов индивидуального авторского стиля и употребление значительного числа шаблонных выражений прослеживается и в статье О. Новак «Кадры для промышленного роста» от 26 августа 2016 г.: *региональный стандарт, кадровое обеспечение, промышленный рост, кластерная политика, пилотный регион, подписал соглашение, пилотный проект, привлечение инвестиций, долгосрочное прогнозирование, технологическое лидерство, первое лицо, реализация стандарта, дополнительный импульс, опытные венчурные производства, необходимо уделять внимание, учащиеся среднего звена, дуальное обучение, новая система подготовки рабочих кадров.*

Таким образом, данные устойчивые выражения характерны для новостных, информационных статей, являются порой терминами, но при наличии авторского заголовка происходит нейтрализация индивидуальности в сторону стандарта речи, что не способствует развитию русской языковой культуры как национального достояния.

Литература

Гиренок Л.Ф. Реклама и PR в информационном обществе. Теоретико-социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2001. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/328374.html>

Беляков С.О. Проблемы современного русского языка в зеркале СМИ // www.CyberLeninka.ru (дата обращения 10.10.2016)

Савинова О.Н. Пресса на пороге перемен // «Журналист». 2007. № 5.

Солганик Г.Я. Язык СМИ на современном этапе // www.CyberLeninka.ru (дата обращения 10.10.2016)

Калугина Ю.В. Медиа-текст экономического кризиса как разновидность публицистического стиля // www.CyberLeninka.ru (дата обращения 10.10.2016)

Бурунский В.М. Трансформации, претерпеваемые клише в речи // www.CyberLeninka.ru (дата обращения 14.10.2016)

НАРУШЕНИЕ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В РЕКЛАМНЫХ ВЫВЕСКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ Г. СТЕРЛИТАМАКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Л.Ш. Мигранова
(г. Стерлитамак, Россия)

В статье содержится лингвистический анализ рекламных текстов: выявлены нарушения норм русского литературного языка, классифицированы все виды орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых ошибок, что позволяет рассмотреть языковой портрет города, дополняет представления об особенностях функционирования русского языка в различных регионах России и способствует пропаганде культуры речи и бережного отношения к русскому языку.

Ключевые слова: культура речи, городские вывески, рекламный плакат, ошибки в рекламных вывесках

Одним из актуальных направлений современной лингвистики являются исследования в области культуры речи. Культура речи определяет прежде всего правильность речи, т.е. соблюдение норм литературного языка, которые воспринимаются его носителями. Нормы едины и обязательны для всех носителей языка. Главная задача культуры речи – формирование образцовой языковой личности.

Многочисленные городские вывески относят к наружной рекламе, которая является одним из видов коммуникативной системы общества. Бесспорно, главным успехом любого текста, в том числе и рекламного, является правильное, нормированное употребление языка. Рекламные тексты демонстрируют современное состояние русского языка, а их составители показывают недостаточную компетенцию, поскольку мы наблюдаем отступления от литературной нормы.

Рекламная вывеска оказывает огромное влияние на городскую среду, особым образом организуя пространство города. Она является основным объектом городской письменности. Язык – это важная часть городской культуры, носитель культурных ценностей. В последние годы все чаще ставится вопрос об экологии языка.

В городе Стерлитамаке (Республика Башкортостан) нередко можно встретить нарушение норм языка при создании рекламных вывесок, что особенно заметно в наружной рекламе. Их наличие демонстрирует неграмотность редакторов, небрежность при написании текста копирайтеров в рекламном процессе.

В целях мониторинга лингвоэкологического дисбаланса нами проведен лингвистический анализ рекламных текстов: выявлены нарушения норм русского литературного языка, классифицированы все виды орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых ошибок. Подобная работа позволяет рассмотреть языковой портрет города, дополняет представления об особенностях функционирования русского языка в различных регионах России, безусловно, способствует пропаганде культуры речи и бережного отношения к русскому языку.

Следует отметить, что нарушения нормы учеными оцениваются двояко: и как экспрессема, и как ошибка; общеизвестны работы Т.А. Гридиной, В.Г. Костомарова, Б.Ю. Нормана, В.З. Санникова [Гридина 2002; Костомаров 1999; Нор-

ман 2006; Санников 2002]. Мы считаем, что допущенные ошибки в рекламных текстах не всегда следует квалифицировать как языковую игру.

Анализ языкового материала позволяет отметить, что наиболее распространенными являются орфографические и пунктуационные ошибки. Рассмотрим тексты уличной рекламы. Например, кафе «Ватрушкин» предлагало своим посетителям *фитнесс-меню* (причем название написано без кавычек). Отметим, что современной орфографической норме соответствует написание «*фитнес*» [РОС 2007].

Рекламный плакат «Родильного дома городской больницы №3» г. Стерлитамака содержит следующий текст: «В нашем роддоме *организованна* торжественная выписка!». В суффиксах кратких страдательных причастий пишется одна буква н.

Рассмотрим пример – спортклуб «FitnessPark» (к тому же название написано без кавычек, слитно) предлагало своим посетителям «персональные занятия по *супер выгодной* цене». Нарушено одно из правил русской орфографии – правописание слов с иноязычными приставками. Супер- является приставкой и пишется слитно.

Удвоение конечной согласной буквы «ф» в рекламных вывесках чаще встречается в написании фамилий (Nemiroff, Smirnoff), которые представлены в качестве товарного знака. В вывесках магазина «ОбуффЪ», кафе «РюмкоффЪ» (на вывеске – название без кавычек) мы наблюдаем необоснованную замену букв, лишнюю особого смысла, что также приводит к нарушению литературной нормы.

Встречаются ошибки не только в коммерческой, но и социальной рекламе, так, например, на билборде с цитатой из Корана читаем: «Тем кто творит в этом мире добро, будет воздано добром» (Коран 2: 156), на другой растяжке: «Спасибо вам дорогие ветераны!». В первом примере следует поставить запятую после местоимения «тем», т.к. предложение сложное (бессоюзное); во втором примере необходимо выделить запятыми обращение «дорогие ветераны».

Обратимся к билборду оператора сотовой связи «МегаФон», который висит во всех городах России, читаем: «ВСЕ ЧТО НАС СВЯЗЫВАЕТ». Как видим, копирайтер не знает о постановке запятой в сложноподчиненных предложениях.

Две крупные фирмы города – «Башипотека» и «Риком» – запустили рекламную кампанию со слоганом: «Ипотека по новому!». Правописание наречий с приставкой по-, оканчивающихся на -ому: «по-новому». Считаем, что подобные нарушения орфографических и пунктуационных норм являются антиприемами рекламной коммуникации.

На рекламном баннере одной из фирм крупными буквами пестрило слово «ПРОКАТ», далее без знаков препинания перечислялись инструменты (часть во множественном числе, часть в единственном числе), которые предоставляются напрокат. Примечательно то, что напрокат можно было взять и *туристическое снаряжение*.

Неверное словоупотребление привело к нарушению лексической нормы. Прилагательное «туристический» связано по смыслу с существительным «туризм», «относящийся к туризму», «туристский» образовано от существительного «турист», «относящийся к туристу» [Ефремова 2006]. Следовательно, слово «снаряжение» сочетается со словом «туристский».

Рассмотренные нами ошибки в рекламных вывесках невозможно отнести к приемам привлечения внимания, это ошибки вследствие безграмотности рекламистов. Чтобы привлечь внимание аудитории создатели рекламных текстов

нередко перешагивают черту, за которой нарушение нормы становится ошибкой. Нельзя не согласиться с Л.А. Вербицкой в том, что искажение, а зачастую разрушение русского языка неминуемо ведет к разрушению культуры, общественного сознания, нравственности и морали. Реклама воздействует на сознание адресата, его мышление, мировосприятие, культуру.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2002. С. 26-27.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Москва: Златоуст, 1999. 320 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта; Наука, 2006. 344 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

РОС: Русский орфографический словарь: около 180000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / под ред. В.В. Лопатина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 960 с. // <http://www.gramota.ru/slovari/dic>

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Тт. I-III. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>

Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотика русской потребительской рекламы как научное направление и вузовская дисциплина // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. 11-12 декабря 2012 г. Уфа: БГУ, 2012. Т. 2. С. 3-7.

Крылов Ю.В. Нарушение норм языка в рекламном дискурсе (прием и антиприем) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 161-171.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА

С.С. Фролова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена решению проблемы объективности речевого поведения – одной из актуальных в современной журналистике; констатируется, что нарушения, касающиеся этики и эстетики речевого процесса, вызваны различными причинами: от стремления журналиста продемонстрировать собственную индивидуальность, пренебрежения правилами речевого этикета до корыстных побуждений СМИ (желание повысить рейтинг).

Ключевые слова: журналистская практика, категория объективности, нарушение речевого поведения

Согласно теоретическим представлениям о существовании журналистики как социального института, в основу её функционирования положены особые механизмы и принципы. Так, например, одним из важнейших признаётся *принцип объективности*, заключающийся в максимально точном и достоверном изложении фактов действительности. В журналистской практике указанный принцип, как правило, реализуется через явление плюрализма – множества пред-

ставленных точек зрения и суждений относительно конкретной ситуации, а также многообразия различных средств информации [Стровский 2004].

Под объективностью также понимают «отсутствие предвзятости в позиции и в характеристике происходящего, беспристрастное и честное отношение к событиям и людям, способность и возможность высказываться независимо и правдиво» [Мисонжников 2014: 71].

Категория объективности берет свое начало из философской науки, означающее и в философии, и в журналистике «атрибут факта, его качество («объективный факт»)), с чем связан и объект работы журналистов: «можно сказать, что журналисты, с точки зрения нас самих, «работают» не с объективностью как таковой, а с фактами, обладающими свойствами объективности» [Кожемякин 2011]. В связи с этим представляется возможным эксплицировать сущность «объективного материала» в журналистике. Согласно мнению Е.А. Кожемякина, объективный материал должен быть основан на философско-методологических принципах познания: эмпирическом свидетельстве, логическом обосновании и независимости суждений [Кожемякин 2011].

Главная функция *принципа объективности* в СМИ – обеспечение доведения до реципиента достоверной информации, осуществляемое посредством честного и беспристрастного отражения объективной реальности.

Сущность проблемы объективности связана с известным противоречием между стремлением журналиста продемонстрировать собственный стиль в подаче материала (в том числе, при активном использовании языковых средств) и несоответствием транслируемой информации действительности. Это несоответствие проистекает, как правило, из нарушения коммуникативных норм, некорректного использования языковых средств, что, несомненно, противоречит законам этики и эстетики речевого поведения. Актуальность данной проблемы обусловлена несколькими причинами, среди которых можно выделить преобладание следующих процессов в современном обществе: снижение культуры речи, второстепенное значение норм морали и этики, пренебрежение нормами речевого этикета.

Нарушение речевого поведения наиболее характерно для молодого, начинающего журналиста. Оно нередко связано с отсутствием профессионального опыта или личной незаинтересованностью человека, осваивающего основы журналистики.

Способы подачи материалов в СМИ – важный повод для размышлений о процессе коммуникации, в котором участвуют масс-медиа. Некорректность формы подачи материалов может быть обусловлена желанием СМИ привлечь наибольшую аудиторию читателей, зрителей, слушателей с целью повышения собственного рейтинга, намеренно прибегая к нарушениям словообразовательных норм: «имиджевые характеристики» («Российская газета», 12.01.2006), «Если я ездил куда-то – в Швейцарию на лечение, в Лондон за какими-то *интересностями*» («Комсомольская правда», 24.11 – 01.12.2005), грамматики, использованию окказионализмов: «*Забронзовевшую* политическую элиту должны обновить представители гражданского общества, интернет-среды, лидеры мнений. И вот как это можно сделать» (Корреспондент № 1 (489) 12.01.2012), «*Евробабушки*: поющие старушки из Буранова уже победили Диму Билана, а теперь потягуются с другими молодыми исполнителями» (Корреспондент № 10 (498)

15.03.2012) пародирований клише: «Дембеля выражают *глубокую озабоченность*» («Комсомольская правда» 20.03.2004); Как хочется доспать *до светлого будущего* (КП. 29.10.2006), использованию жаргонизмов: «*Лоху* кругом плохо» («Труд» 19.06.2001), «Инструкция для *лохов*» («Труд» 24.08.2004) (курсив наш – С.Ф.).

Часто допускаются фактические ошибки и искажения фактов, например, в номере газеты «Вечерняя Москва» от 18 декабря 2002 г. было указано, что в этот день (то есть 18 декабря) в 1878 году родился И.В. Сталин. Между тем, как известно, Сталин родился 21 декабря 1879 года [Рябинина 2008: 57].

Проблема объективности речевого поведения является одной из актуальных в современной журналистике. Обращение к её осмыслению позволяет констатировать, что нарушения, касающиеся этики и эстетики речевого процесса, вызваны различными причинами: от стремления журналиста продемонстрировать собственную индивидуальность, пренебрежения правилами речевого этикета до корыстных побуждений СМИ (желание повысить рейтинг).

Возможно ли решение анализируемой нами проблемы? Безусловно. Оно должно быть связано с усилением внимания к уровню речевой культуры, осознанием необходимости соблюдения этических и эстетических языковых норм, самосовершенствованием субъекта речи.

Литература

Кожемякин Е.А. Объективность как философская категория в философском дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. № 18 (113), Т. XI.: <http://cyberleninka.ru/article/n/obektivnost-kak-filosofskaya-kategoriya-v-zhurnalistском-diskurse#ixzz4DBV9zso9> (дата обращения: 29.08.2016).

Мисожников Б.Я., Тепляшина А.Н. Журналистика. Введение в профессию. СПб.: Питер, 2014. 272 с.

Рябинина Н.З. Технология редакционно-издательского процесса. М., 2008.

Стровский Д.Л. Объективность информации как необходимое условие журналистского познания: // www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=237&level1=main&level2=articles

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ В НОВЫХ МЕДИА

О.Е. Видная
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматривается современная система СМИ, доказывается, что текст и его характеристики служат в большей степени прагматическим целям, выстраивая взаимодействие с аудиторией и определяя меру практического использования информации.

Ключевые слова: современный журналистский текст, медийные платформы в Интернете, цифровой журнализм

Современная журналистика бурно переживает различные метаморфозы. Развитие новых технологий, изменение психологии потребления информации, но-

вые модели коммуникативного поведения и многое другое – все это определяют современное состояние журналистики как особой сферы человеческой деятельности. Журналистика, несмотря на явное размывание термина, была и остается сферой, отвечающей за сбор и распространение социально-значимой информации. Именно социальный институт журналистики, особенно на местах, в регионах, помогает осуществлять деятельность органов государственной власти, направленную на решение острых социальных проблем, влияет на развитие общественного сектора, на бизнес-сообщество. С одной стороны, с развитием новых технологий процесс распространения социально-значимой информации становится более удобным, упрощенным для потребителя. С другой стороны, информационная, содержательная ценность сообщений все больше теряется.

В большинстве случаев, современный журналистский текст создается для размещения и распространения в сети Интернет. Сегодня однозначно надо говорить о повсеместном распространении «цифрового журнализма» (синонимы – интернет-журналистика, мультимедийная журналистика, он-лайн – журналистика). Большинство сетевых изданий – это информагентства (они, кстати, часто и сами себя позиционируют таким образом). Основной акцент делается на информационной составляющей сообщений. И как результат – дублирование или вторичность информации, множественное копирование одного и того же материала, что увеличивает информационный поток, но имеет, к сожалению, малую уникальность. Качество текста (конечно, не всегда, но, как правило) имеет вторичную важность, так как конкуренция между новостными сайтами происходит именно в скорости появления материала в сети – это подчеркивают журналисты, работающие в сетевых изданиях.

В связи с этим, кардинально меняются функции и задачи журналиста. Молодой специалист, приходя в редакцию, приспосабливается к тем поведенческим стандартам и профессиональным шаблонам, которые действуют в рамках редакции. Особенно это заметно в рамках регионального информационного пространства. Все заметнее ощущаются новые тенденции журналистской профессии: умение быстро получать и минимально обрабатывать исходную информацию, продвигать контент в социальных сетях. Журналист, в этом случае, выступает в роли канала передачи, посредника. Основная задача: выложить новость быстрее других. Традиционная система журналистики включала в себя публицистическую или образную обработку фактов, но это требует временных и творческих затрат от журналиста.

Многие медийные платформы в Интернете используют журналистов для того, чтобы обработать готовую информацию в стиле своего издания. Активно работает такое понятие как рерайтинг, так как достаточное количество онлайн-СМИ требуют от журналиста именно вторичной переработки информации по определенным шаблонам (обговаривается, например, использование ключевых слов или количество знаков в заголовке, или другие формальные элементы). Эта отрасль информационно-коммуникативной деятельности получает сейчас широкое распространение. Вторичная информация, дублирование, копирование стали повсеместной проблемой. В региональной журналистике практически не востребованы аналитические и художественно-публицистические жанры. То есть, специалист, производящий действительно новую информацию

с целью увеличения общественного блага, гармонизации социальных отношений. Таким образом, функции журналиста в аспекте его работы с текстом (речь идет об основной массе) заметно упрощаются.

И хотя местная журналистика «знает» талантливых авторов, однако на уровне региона сложно говорить об их значении и влиянии на общественную ситуацию. Региональный журналист по объективным причинам практически никогда не выходит за четко очерченный круг профессиональных обязанностей. От него зачастую никак не зависит вектор общественного развития.

Если ранее за той или иной информацией читатель или зритель обращался к конкретному СМИ, и знал, что именно оно сможет удовлетворить его информационные потребности, то сейчас потребитель в поиске информации идет не через персонификацию источника, а от сформулированного информационного заказа. Ему не важен источник информации, разве, что его надежность, и то не всегда. Современный читатель и зритель – пользователь всего информационного пространства. Все меньше остается людей, которые обращаются именно к медиабренду. Уже не один год даже студенты журфака не могут назвать конкретные источники получения информации или, например, любимое СМИ, еще сложнее назвать конкретного автора-журналиста. В подавляющем большинстве – это интернет-пространство в целом, включающее и информационные сетевые издания, и блогосферу, и социальные сети. Формируется новый стиль поиска и потребления информации, особая «цифровая» информационная культура [Видная 2010].

В ответ на эти запросы бурно развивается сектор непрофессиональной журналистики и блогосфера. Развитие технологий в сфере видео и звукозаписи; доступность соответствующего оборудования; развитие системы доставки информации, каналов передачи видеоизображения; возможность он-лайн просмотров – все это ведет к созданию многочисленного любительского видеоконтента. Видеоблогеры составляет конкуренцию даже крупнейшим телеканалам. Особенно это проявляется в таком направлении, как культура, досуг, развлечения, спорт, утилитарная информация. Закадровый текст во многих видеоматериалах – обычная разговорная речь, которая не предполагает какой-либо обработки. Чем ближе текст к реальности, чем больше в нем элементов сленга, жаргона, просторечий, и тем больше это ценится у пользователей. Таким образом, планка правильной и грамотной речи опускается все ниже. Это формирует языковую среду и культуру молодежи, целых поколений.

Многие блогеры к тому же не только создают свой уникальный, часто мультимедийный контент, но и аккумулируют информацию из сети Интернет на какую-либо тему на своих страницах, отсылают на другие Интернет-страницы. И такие материалы далеки от стандартов качественного текста и грамотной речи, не всегда имеют информационную ценность и выразительность, злободневность и социальную значимость. Однако исключать такие информационные потоки из коммуникативного обмена невозможно, так как они имеют свою аудиторию.

Текст и его характеристики служат в большей степени прагматическим целям, выстраивая взаимодействие с аудиторией, определяя меру практического использования информации. Эта тенденция характеризует современную систему СМИ, подчиняя себе и логику развития профессии.

Литература

Видная О.Е. Функционирование журналистской информации в новых медиа // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2010. № 2 (10). С. 66-74.

ТЕКСТ КАК ОСОБАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

Лэй Хунъин, Цуй Исинь
(г. Ухань, г. Хайнань, Китай)

Статья посвящена изучению компьютерного текста как особой формы коммуникации; утверждается, что, будучи формой коммуникации, компьютерный текст одновременно является и продуктом первичной коммуникативной деятельности, т.е. пишущего, и продуктом вторичной коммуникации, т.е. читающего; доказывается, что в этом случае корректно говорить о том, что текст служит не единицей общения, а формой коммуникации.

Ключевые слова: экология языка и речи, текст и его функции, речевой этикет компьютерного текста, речевая толерантность

Как известно, тексты, выполняют множество функций: *информативную, социальную, коммуникативную, эмотивную, эстетическую, фатическую (контактоустанавливающую), прагматическую* [Бурыкин 2000: 107-110].

В настоящее время коммуникативная сущность текста наиболее ярко проявляется в компьютерном тексте, который используется в деловом, в научном и в повседневном общении (симпозиумы, конгрессы, конференции, переговоры, заседания, семинары (участники находятся в разных городах и в разных точках земного шара). Компьютерные тексты, являясь средством синхронной коммуникации, становятся особой формой коммуникации.

Будучи формой коммуникации, компьютерный текст одновременно является и продуктом первичной коммуникативной деятельности, т.е. пишущего, и продуктом вторичной коммуникации, т.е. читающего. В этом случае корректно говорить о том, что текст служит не единицей общения, а формой коммуникации.

Чтобы через текст состоялось общение адресанта и адресата (заметим, что *адресант* – отправитель информации, высказывания; *адресат* информации – лицо или лица, по отношению к которым данная информация является организующей), необходимы следующие факторы:

- Знание языка (кода), знание языковой картины мира у коммуникантов.
- Общность концептуальной картины мира.
- Наличие контакта (канала связи), который служит способом общения и условием речевой коммуникации, включая и т.д.
- Коммуникативная ситуация (обстоятельства общения, сфера общения, характер ситуации) – это лингвистические условия, в которых сформировалось высказывание. Под высказыванием понимается наименьшая речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений и лингвистически оформленная как предложение полной или неполной структуры. Синонимами к слову «высказывание» является предложение, фраза, выражение.

– Коммуникативное намерение (интенция) определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания, т.е. спрашивает ли он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует.

– Оценочная функция (наличие не только вербальный состав фраз, но и их стилистическая окраска и эмотивный рисунок высказывания).

– Прагматический критерий, который позволяет сделать акцент на состоянии мировоззрения – убеждения пишущего в момент речевого высказывания, его целеустановке, к созданию условий для однозначного и безапелляционного принятия информации в том ракурсе, в каком пишущий о них высказался.

Нами замечено, что компьютерный текст, отличающийся диалогичностью, характеризуется особым речевым контекстом, что объясняется недостаточным социальным контролем пишущего и отсутствием непосредственного контакта собеседников лицом к лицу.

Обратим внимание на такое явление, как речевой этикет компьютерного текста. Этикет (франц. *etiquette*) – это «установленный порядок поведения, форм обхождения (в дипломатических кругах, при дворе монарха и т.п.» [Ожегов 1986: 791]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2000 г.): этикет определяется как «установленный, принятый порядок поведения, форм обхождения» [Ожегов, Шведова 2000: 913].

Согласно утверждению Н.И. Формановской, *этикет* – это совокупность правил поведения, установленных в человеческом коллективе и принятых как норма общения в различных жизненных ситуациях, а *речевой этикет* – это «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 2008: 9].

Для компьютерного текста в аспекте речевого этикета характерны следующие признаки:

1. Выполнение обязательного требования общества: если хочешь быть «своим» в определенной группе – большой или малой, национальной, социальной – нужно исполнять соответствующие установки для создания письменного текста.

2. Обязательное исполнение знаков этикета, которые воспринимаются адресатом как социальное «поглаживание». В русском языке существует целая система словесных «поглаживаний», так называемые слова вежливости: *Здравствуйте* – «будьте здоровы», *Спасибо* – «спаси вас Бог за доброе дело»; *Извините* – «признаю свою вину и прошу снять с меня грех», *Благодарю* – «благо дарю» и т.д.

3. Воспроизведение этикетных выражений, являющих собой речевое действие, или речевой акт, то есть выполнение конкретного действия с помощью речи: «*советую*», «*обещаю*», «*благодарю*»

4. Открытое использование местоимений Я и ВЫ: «*Я благодарю Вас/тебя*»; «*Извини (-те) меня*» и пр. Представление коммуникантов может быть и скрытым, имплицитным: *Виноват (Я перед Вами)*. *Спасибо (Я говорю Вам)*.

5. Наличие прочной связи речевого этикета с категориями вежливости.

Таким образом, речевой этикет является составной частью культуры письменного общения человека. Являясь элементом национальной культуры, речевой этикет отличается яркой национальной спецификой. Не менее важной, чем кате-

горя вежливости, считается категория толерантности – проявление тех или иных этикетных норм другими народами.

Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – «терпение»), введенный в 1953 г. английским иммунологом П. Медавара, служил для обозначения «терпимости» иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям. В XX в. слово «толерантный» использовалось очень узко, только в составе медицинских терминов.

Однако в настоящее время значение этого термина расширяется, он становится предметом социокультурных размышлений. В лингвистической литературе появляется все больше работ ученых, решающих проблемы *речевой толерантности* вообще и её отношений с инвективностью. Здесь очень много неясного. Видимо, потому, что само понятие толерантности для отечественной коммуникативной русистики еще совсем новое.

Сегодня можно говорить о *речевой толерантности* применительно к русскому литературному языку, к системе его норм. Это может оказаться весьма полезным для решения проблем экологии языка и речи.

Литература

Бурыкин А.А. Коммуникативные и социальные функции языка // Вестник Магнитогорского университета. 2000. № 1. С. 107-110.

Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 354-358.

Ермакова О.И. Этика в компьютерном жаргоне // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 246-253.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Изд-во Икар, 2007. 480 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ЛЕКСЕМЫ СЛОВО

Чжу Сяоян
(г. Шэньян, Китай)

На материале пословиц о СЛОВЕ в статье доказывается, что в основе экспрессивных единиц, какими являются пословицы, лежит сосуществование двух отличных друг от друга видов информации: сведений о мире (научно-бытовая картина мира) и сведений об отношениях субъекта речи к миру (субъективная картина мира); утверждается, что национально-культурная самобытность русских пословиц отражает все оттенки функционирования лексемы СЛОВА в высказываниях, четко выделяя силу уникальности фактов материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: русские пословицы и поговорки, лексема *слово*, национальная специфичность

Пословицы – широко распространенный жанр устного народного творчества. Они сопровождают людей с давних времен. Такие выразительные средства,

как точная рифма, простая форма, краткость, сделали пословицы и поговорки стойкими, запоминаемыми и необходимыми в речи. Пословица способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. В пословицах отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Специфичность пословиц заключается в следующем:

1. Пословицы – тексты коллективные, концептуализирующие веками накопленные наблюдения и опыт человека в его повседневной жизни.

2. Пословицы создаются и употребляются для передачи народной мудрости, которые связаны с обязательным указанием на то, что человек считает ценным, что он не считает плохим и что безразличным.

3. Пословицы характеризуются яркой национальной нагруженностью и очень наглядно отражают национальную специфику мировоззрения народа – его картину мира. В данных текстах находят отражение условия жизни носителя языка, их история, быт, место проживания, наложившие в своей совокупности огромный отпечаток на особенности национального мировосприятия. Национальный характер видения мира проявляется в отборе разных образов для выражения тех или иных понятий, а так же в актуализации разных признаков предметов, взятых для наименования объектов действительности, несмотря на то, что процесс познания окружающего мира носит в определенной степени интернациональный характер.

4. Пословицы дают определенное представление о наивной (бытовой, ненаучной) картине мира и представляют собой бесчисленные житейские выражения, описывающие понимание и нестереотипное, эмоционально-образное видение определенных жизненных ситуаций, явлений и предметов.

5. Цель пословиц состоит в образном осмыслении интерпретации реальной действительности, что позволяет рассматривать их как языковые единицы, репрезентирующие эмоциональную модель характера.

6. Являясь единицами вторичной номинации, тексты пословиц обнаруживают наличие своеобразно наложенных друг на друга двух картин мира. Первая картина мира представляет собой буквально воспринимаемый образ реальной действительности, т.е. непереосмысленный дословный перевод пословицы, употребляемый только относительно описываемой ситуации. Вторая картина мира является результатом эмоционально-чувственного взаимодействия человека с окружающей реальностью и представляет собой качественно новый взгляд на реальную действительность, т.е. ее переосмысление и применение к различным ситуациям.

Обе картины мира соприкасаются друг с другом, причем вторая картина мира тесно связана с первой как опорой в изначальном отображении определенной ситуации реального мира.

Наличие двух пересекающихся картин мира доказывает специфичность концептуализации действительности исследуемыми текстами. Она заключается в том, что в основе экспрессивных единиц, какими являются пословицы, лежит сосуществование двух отличных друг от друга видов информации: сведений

о мире (научно-бытовая картина мира) и сведений об отношениях субъекта речи к миру (субъективная картина мира).

В русском языке существуют так много пословиц о СЛОВЕ, русский человек употребляет их очень часто в разговорной речи, в письменном тексте различных стилей. Этот факт непосредственно указывает то, что русский народ высоко ценит слово.

Русский народ считает, что СЛОВО играет главную роль в жизни человека, дает ему большую возможность выражать себя, помогает людям лучше и яснее воспринимать друг от друга. Ср.:

Хорошее слово и змею выманит из гнезда.

Доброе слово и вершину гор расплавит.

Слово быстрее ветра, сильнее ружья.

На великое дело – великое слово.

Рассматривая пословицы о СЛОВЕ, можно рассмотреть их в трех аспектах.

Во-первых, данные пословицы свидетельствуют о том, что СЛОВО обладает силой воздействия на человека, напоминает нам, что мы можем добиться свои цели, если будем правильно употреблять слова. Таким образом, пословицы советуют нам говорить так, чтобы можно было добиться цели.

Во-вторых, СЛОВО в пословицах служит средством, с помощью которого можно получить совет, как лучше что-либо сделать. В этом пословицы с компонентом СЛОВО предостерегают от опасности, например:

Слово – меч.

Слово не стрела, а ранит.

Слово ранит сильнее, чем топор.

Не ножа бойся – языка.

Словами туда и сюда, а делами никуда.

Эти пословицы знакомят людей с негативной силой СЛОВА, дают возможность нам представить язык как действенную силу.

В-третьих, нейтральная позиция СЛОВА, указывающая, что СЛОВА человек употребляет в зависимости от того, насколько он их сам понимает:

Слово спасает, но оно же и убивает.

От слова спасение, от слова и гибель.

Одним словом можно убить, другим воскресить.

Последние пословицы говорят о том, что в разных ситуациях использование слова может привести к разным последствиям, следовательно, нужно обдуманно употреблять слова в речи.

Таким образом, специфика пословиц, заключается в том, что национальные особенности мировосприятия отражены в основном в значении реалий, в свою очередь влияющих на целостное значение самих текстов. Национально-культурная самобытность русских пословиц отражает все оттенки функционирования СЛОВА в высказываниях, четко выделяя силу уникальности фактов материальной и духовной культуры. Так, высказывание в виде пожелания *«питу и и'дери»* означает, чтобы у человека было много еды и питья [Щербак 2015: 35].

Однако современный человек может не знать семантическое значение этого устойчивого выражения. Между тем, слово, опираясь на архаическое представление о человеческом общении, отражает словотворчество, в котором усматривается одно из высших проявлений действия языка.

В славянских языках *слово*, *слава*, *слыть*, *слух* являются однокоренными, они восходят к индоевропейскому корню *k¹leu (*слышатъ*).

Этимология слов, выражающая понятие СЛОВО, позволяет выявить на материале пословичных текстов три концептуальных области: ГОЛОС, ЗНАНИЕ, ПОРЯДОК, при этом связь между понятиями СЛОВО и ПОРЯДОК является ведущей при осмыслении лексемы СЛОВО.

Литература

<http://referatwork.ru/refs/source/ref-39935.html#Текст работы>

<http://reftrend.ru/854518.html>

Щербак А.С. Корень ПИИТ- в русском топонимиконе // Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки. Вып. (1). 2015. С. 34-38.

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

КОНКУРС РУССКОЙ ПЕСНИ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Гань Сяоцзюань
(г. Хайнань, Китай)

Статья посвящена описанию проведенного всекитайского конкурса «К России с любовью: в Китае поют русские песни», в котором приняло участие отделение русского языка Прикладного научно-технического института Хайнаньского университета, где конкурс русской песни стал традиционным и любимым мероприятием; каждый год с 2013 года конкурс проходит в Концертном зале института 6 июня – в Международный День русского языка.

Ключевые слова: конкурс русской песни, тематика песен, процесс обучения русскому языку, Китай

Всем известно, что китайцы – одна из самых музыкальных наций в мире. Китайская музыкальная культура имеет давние традиции. В современном Китае популярностью также пользуются русские песни.

По мнению информационного агентства Синьхуа, русские песни отличаются высокой лирикой и нравственностью, такие песни никогда не умирают. Особенно китайцам нравятся мелодичные русские песни: «Подмосковные вечера», «Катюша», «Ой цветет калина», «Тройка» и др., переведенные на китайский язык. В Китае их можно найти в любом KTV (караоке-баре). В некоторых районах Китая созданы хоровые коллективы, исполняющие русские песни. В большинстве своем эти песни вошли в песенный репертуар жителей Поднебесной в советский период, но и сегодня в Китае их не только помнят, но и проводят много конкурсов на лучшее исполнение.

В 2009 году, в «Год русского языка в Китае», был организован всекитайский конкурс «К России с любовью: в Китае поют русские песни». Конкурсантам было предложено выбрать для исполнения одну из ста песен, представленных на специальном интернет-сайте. В этот список входили такие песни, как «Ромашки спрятались», «Эй, ухнем», «Птица счастья», «Малиновый звон», «Позови меня с собой» и др. Конкурс был очень масштабным: отборочные туры проходили на вузовском, городском, провинциальном уровнях. В СМИ писали о том, что география конкурса охватила всю страну, число участников превышало 13 тысяч человек. В сентябре в посольстве КНР в Москве состоялся полуфинал. Сообщения о ходе голосования регулярно транслировались по телевидению, а информация о конкурсантах размещалась на веб-ресурсе международного радио Китая. «Страницу» конкурса в Интернете посетило свыше 10 миллионов пользователей, более 200 тысяч человек участвовало в интернет-голосовании.

Из личного опыта могу отметить, что отборочные туры проходили очень строго: жюри обращало внимание на фонетику, музыкальные данные, артистизм исполнителей. Автор статьи тоже участвовала в конкурсе, но, к сожалению, не смогла пройти все отборочные туры. Однако меня приятно удивило, что в Китае есть так много людей, которые знают и любят русские песни.

Сегодня традиция конкурсных программ исполнения русских песен продолжается. Цель данной статьи – рассказать о конкурсе русской песни в Хайнаньском университете.

На отделении русского языка Прикладного научно-технического института Хайнаньского университета конкурс русской песни стал традиционным и любимым мероприятием. Каждый год с 2013 года конкурс проходит в Концертном зале института 6 июня – в Международный День русского языка. Конкурс отличается массовостью, так как в нем участвуют все студенты отделения русского языка: соревнуются не индивидуальные исполнители, а группы 1-3 курсов. Торжественный характер конкурсу придают оформление сцены, отличная подготовка и организация мероприятия, хорошо продуманная одежда ведущих и участников концерта. Решение о том, кто лучше спел и представил зрителям русскую песню, принимают члены жюри, в которое входят руководители и преподаватели института.

На этапе подготовки выбирается тематика песен (например, в 2015 году конкурс проходил под девизом «Как прекрасен этот мир!», в 2016 году – «С песней по жизни»), преподаватели помогают студентам выбрать песню для исполнения, студенты продумывают танцевальные элементы, которые сопровождают исполнение песни, одежду, аксессуары. Так, в 2015 году первое место заняла группа, исполнившая песню «Здравствуй, мир, здравствуй, друг», во время исполнения каждый студент держал флажок какого-либо государства мира. У солистов в руках были флаги КРН и РФ. А в 2016 году победителями стала группа второкурсников, исполнившая песню «Школьная пора».

Конечно, подготовка и проведение конкурса требует от преподавателей и студентов много времени, сил, а от руководства университета – финансовой поддержки. Но польза от этого мероприятия несомненна. По верному замечанию преподавателей кафедры русского языка Прикладного научно-технического института Хайнаньского университета профессора У Пина и доцента И.В. Поповичевой, в процессе подготовки к конкурсу студенты начинают лучше понимать русскую речь, конкурс развивает творческие способности обучающихся, сплоченность между однокурсниками, повышается общая культура студентов, которые, участвуя в подобных мероприятиях, учатся держать себя на сцене, не бояться выступлений на русском языке перед большой аудиторией [Поповичева, У Пин 2016].

Безусловно, хорошие песни приносят наслаждение любому человеку. В то же время изучение национальной песенной культуры очень важно при обучении иностранному языку: обращение к русской песенной традиции позволяет глубже узнать национальную историю, культуру, особенности национального мировоззрения и характера русских людей. Кроме того, изучение русских песен способствует развитию у иностранцев слухового восприятия русской речи, произносительных навыков, расширяет кругозор учащихся (см., например: [Русские песни на уроке 2012]). Как отмечают М. Тульская и В. Сосновский, песня стимулирует

все каналы восприятия информации и удовлетворяет потребности всех типов учащихся [Тульская, Сосновский 2013].

Таким образом, в процессе обучения русскому языку песни играют важную роль.

Литература

Поповичева И.В., У Пин Из опыта работы отделения русского языка Прикладного научно-технического института Хайнаньского университета (Китай) // *Aktuální pedagogika*. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. №1. С. 79-84

Русские песни на уроке: Хрестоматия по русской фонетике и интонации / Сост. А.Л. Максимова, Л.Ю. Ильке. СПб., 2012.

Тульская М., Сосновский В. Песня на уроках русского языка (Презентация в Будапеште (08.06. 2013). [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// http://e-toile.russchool.eu/assets/files/results_e-toile/hungary/budapeszt_song_on_lessons.pdf](http://e-toile.russchool.eu/assets/files/results_e-toile/hungary/budapeszt_song_on_lessons.pdf) (Дата обращения 20.09.2016)

РОЛЬ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ван Хуэй

(г. Даньчжоу, Китай)

В статье дается определение патриотизма на основе лексикографических источников; аргументируется важность песенных текстов в деле воспитания подрастающего поколения посредством лексико-семантического анализа данных текстов.

Ключевые слова: песенный текст, патриотизм, лексико-семантический анализ песенного текста

В настоящее время социально-экономическое развитие, нестабильная международная ситуация способствуют повышению роли духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения, сохранению и развитию взаимодействия между поколениями, а также сохранению национальных культурных ценностей современного общества. Так, по справедливому замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2006: //homepages.tversu.ru/~ips/JubMinas.html].

Термин «патриотизм» имеет различные значения: «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [Лопатин 1998: 423]; «привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям» [Бородулина 2003: 544]; «любовь к земле, где родился и вырос, гордость за исторические свершения народа» [Лихачев 1998: 54]; «патриотизм проявляется в чувстве гордости за достижения родной страны, в горечи за её неудачи и беды, в уважении к историческому прошлому своего народа, и бережном отношении к народной памяти, национально-культурным традициям» [Давыдов. 1993: 110].

Авторы книги «Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях» дают определение системы патриотического воспитания, которая включает в себя соответствующие государственные учреждения, общественные организации, нормативно-правовую и духовно-нравственную базу воспитательной, образовательной и массовой просветительской деятельности <...> [Быкова, Лутовинаова 2010: 294]. Одной из важных составляющих этой базы являются патриотические песни, которые являются эффективным средством духовно-нравственного воспитания, укрепления чувства любви к родине, гордости за нее. В силу этого, песенный текст играет важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения, чему способствуют следующие факторы. Патриотические песни характеризуются общепонятным языком и поэтому легче принимаются и запоминаются основной массой людей.

Рассмотрим, например, текст песни «Лучший город земли»: *Ты никогда не бывал / В нашем городе светлом, / Над вечерней рекой / Не мечтал до зари. / С друзьями ты не бродил / По широким проспектам, – / Значит, ты не видал / Лучший город земли. / Песня плывет, / Сердце поет. / Эти слова / О тебе, Москва!* (Когда душа поет... 2001). В этой песне в семантике слов *светлом, широким, лучший, земли, тебе* и сверхсловных единиц *песня плывет, сердце поет* выражается любовь к родному городу, которая коррелирует со значениями слова «патриотизм», приведенными выше.

Москва – это столица России, символ страны, поэтому, несомненно, эта патриотическая песня вызывает отклик в обществе, каждое ее слово известно многим поколениям русских людей. К такого рода песенным текстам можно отнести, например, песни: «С чего начинается родина?», «Снится мне деревня», «Моя Москва» и др., написанные в разные временные периоды, но от этого не утратившие своего патриотического звучания.

Патриотические песенные тексты способствуют усилению чувства национального достоинства и гордости за свою родину, уверенности в собственных силах и победе, в военные годы они поднимали боевой дух армии, помогали народу преодолевать суровые испытания во имя свободы своей Родины. Автор песенных текстов передает слушателю, читателю или певцу реальную картину мира через созданные им художественные образы, которые позволяют адресату прочувствовать авторский замысел. Это наблюдается, например, в песне «Лучший город земли», где посредством лексических единиц *светлом, широким, лучший, сердце, тебе* создается образ города символа Москвы, и в песне «Моя Москва» – с помощью лексем *гордиться, дорогая, моя, люблю, золотая*. В тексте песни «Солдатский вальс» патриотическая семантика репрезентируется посредством слов *повидаться, вновь, вернусь, верю, земля, Родина-Отчизна, навеки, родной*, в них отражены любовь к Родине, которая дает уверенность людям в собственных силах.

Тексты таких песен, как «Если завтра война», играют роль призыва, поднимающего боевой дух войск: *Если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет, как один человек, весь советский народ за свободную Родину встанет!* (Когда душа поет... 2001).

В песне «В путь-дорожку дальнюю» с помощью лексических единиц *сокол, саблю, пику, Кубань, Родину, отличись* передается готовность людей на жертвы ради своей Родины.

Таким образом, песенные тексты играют важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения и сохранении этого чувства у представителей разных поколений, сохранении народного единства.

Литература

Когда душа поет: Самые популярные песни XX века / сост. Ю.Г. Иванов. Смоленск, 2001.

Лихачев Б.Т. Педагогика: курс лекций. М., 1998.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1998.

Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина и др. М., 2003.

Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях: учебное пособие / А.Н. Выршиков, С.Н. Климов, М.Б. Кусмарцев, И.В. Метлик [и др.] / под общ. ред. А.К. Быкова и В.И. Лутовинова. М., 2010.

Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. М., 1993.

Тер-Минасова С.Г. К вопросу о норме в языке и культуре. 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubMinas.html> (дата обращения 28.10.2016).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А.Б. Туманова
(г. Алматы, Казахстан)

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы – сохранение чистоты языка, над которой должны работать не только специалисты-языковеды, преподаватели, учителя, но и каждый носитель современного русского языка; доказывается, что необходимо серьезное рассмотрение экологических проблем языка (это касается не только русского языка) на государственном уровне, уровне министерства образования, руководства вузов.

Ключевые слова: экология языка и речи, высшая школа, дисциплина для магистрантов, Республика Казахстан

Известно, что все изменения в языке напрямую связаны с кардинальными изменениями в обществе. Особенно это наглядно представляется во времена больших социальных преобразований/революций, каковым является и перестроечное время – распад Советского Союза. Это отразилось не только на судьбах целых народов, но и на «судьбе» русского языка, который официально признавался и признается средством межнационального общения во всех союзных республиках. Понятно, что измененные социальные условия в странах ближнего и дальнего зарубежья (так называемый социалистический лагерь) повлияли на статус русского языка, он стал терять свои лидерские позиции. Это привело к нивелированию литературных норм, снижению лексической, грамматической и стилистической грамотности, вульгаризации разговорной и письменной речи, общему снижению культуры общения, бурному процессу вестернизации, жаргонизации и т.д. Конечно, состояние русского языка (и как средст-

ва межнационального общения в том числе) в последние десятилетия вызывают серьезную озабоченность и языковедов, и учителей, и писателей, и общественных деятелей и др.

В этой связи и на нашей кафедре – кафедре русской филологии и мировой литературы проведен ряд научно-методических семинаров по актуальным вопросам современной лингвистики и литературы. В результате обсуждений в программы обучения были введены новые элективные курсы (элективный курс – это дисциплина по выбору обучающихся в рамках кредитной технологии обучения) для бакалавриата, магистратуры, докторантуры, содержание которых соответствует требованиям современного времени.

В данной статье мы остановимся на описании только одного элективного курса «Экологические аспекты современного русского языка» (варианты названий курса: «Экология языка», «Экология русского языка: теория и практика»). Дисциплина является новой в перечне общеобязательных и предлагаемых курсов для магистрантов в послевузовском образовании Республики Казахстан (по специальностям: «Русская филология», «Русский язык и литература»).

Проблеме сохранения языка посвящены труды известных зарубежных, российских и казахстанских ученых (Э. Хауген, В. Трампе, А. Филл, И. Шторк, П. Финке, М. Халлидей, М. Деринг, П. Мюльхойслер, Л.В. Щерба, Д.С. Лихачев, Д.Э. Розенталь, Л.И. Скворцов, В.Г. Руднев В.Г., А.В. Кравченко, А.Д. Потапов, А.П. Сквородников, В.Л. Янин, Б.Н. Головин, Д.Э. Сулейменова, Л.В. Екшембеева, З.К. Сабитова, Е.А. Журавлева и др. Работы этих ученых послужили основой для нового научного направления в лингвистике, названной терминами *экология языка* (эколингвистика, или лингвозэкология, или лингвистическая экология). С целью описания теоретического материала данного курса кратко изложим основные положения некоторых научных работ.

Понятие «экология языка» внес в научный оборот американский ученый-лингвист Э. Хауген (70-е годы XX в.). Он определяет экологию языка как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением/обществом, которое использует язык как один из своих кодов, имеющего социальную и физиологическую природу. Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям. Поэтому предметом экологии языка, по мнению Э. Хаугена, является взаимодействие следующих ключевых понятий: язык-языковая личность – окружающая среда [Haugen, 1972].

Существенный вклад в разработку нового научного направления внес австрийский лингвист Алвин Филл; он выделил различные области эколингвистики и определил терминологию:

- эколингвистика (Ecolinguistics) – общий термин для всех областей исследований, которые объединяют экологию и лингвистику;
- экология языка (языков) (Ecologyoflanguage(s)) исследует взаимодействие между языками (с целью сохранения языкового многообразия);
- экологическая лингвистика (Ecologicallinguistics) накладывает термины и принципы экологии на язык (например, понятие экосистемы);
- лингвистическая (языковая) экология (Languageecology, linguisticecology) изучает взаимосвязь между языком и «экологическими» вопросами [Fill 2001: 48].

В современное время термин «экология» в науке не воспринимается только как понятие естественно-научной сферы, он широко используется и в гуманитарном дискурсе. Данный термин способствовал написанию значимых работ об экологии культуры (Д.С. Лихачев), об экологии языка малых народов (Ф. Данеши, С. Чмейркова), об экологии слова (Л.И. Скворцов); ученые Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина разработали новое научное направление «Проблемы экологии русского языка» (под руководством В.Г. Руделёва) и др.

Так, Д.С. Лихачев, рассуждая об экологии, соотносит это понятие с культурой человека. Он пишет: «Я давно уже говорю о том, что наш «дом», в котором живет человечество, состоит не только из природного комплекса (в который входит и человек как часть природы), но и из комплекса культуры» [Лихачев 1979]. Ученый утверждает, что экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. По мнению, Д.С. Лихачева, вопрос о нравственной экологии по-прежнему остается малоизученным, он даже и не поставлен нашей наукой «как нечто целое и жизненно важное для человека»

Мысль о сохранении чистоты (правильности) литературного языка как обязательного компонента культуры речи как индивида, так и общества в целом представлена во всех учебниках и учебных пособиях по культуре речи (см. работы Д.Э. Розенталя, В.И. Максимова, Л.А. Введенской, Л.Г. Павловой, Л.К. Граудиной, Е.К.Н. Ширяева, А.П. Сквородникова и др.). С более широких позиций к этому вопросу подходит Л.И. Скворцов, он утверждает: «В русском литературном языке сконцентрирована наша национальная культура. И пока мы хорошо говорим и пишем по-русски, нам не грозит никакая денационализация – при всех экономических и политических переменах или даже катаклизмах» [Скворцов 1994]. Ученый подчеркивает значение предмета лингвистической экологии, которым является культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования, эстетика речи. По словам Л.И. Скворцова, современная устная и письменная речь стилистически снижается и огрубляется. Язык художественной литературы испытывает тенденции к безликости и стандартности. Язык науки страдает от ненужной усложненности, обилия не всегда оправданных иноязычных заимствований в области терминологии [Скворцов 1994 81-86].

С позиций лингвоэкологического подхода Л.В. Щерба широко пропагандировал необходимость бережного отношения к литературному языку одновременно как к культуре и как к орудию культуры. Ученый очень метко и наглядно сравнивает язык, у которого разрушена стилистическая структура, с расстроенным музыкальным инструментом, «с той только разницей, что инструмент можно немедленно настроить, а стилистическая структура языка создаётся веками» [Щерба 1942: 48-53]. Мы согласны с утверждением Л.В. Щербы о том, что

целью лингвистической экологии является и сам литературный язык, и человек, пользующийся им. Цель эта состоит в заботе о воспитании мыслящего и действующего человека-творца, для которого традиционные литературные нормы – одновременно и нравственные требования, и основа для творческого выражения нового содержания, новых мыслей и идей, выдвигаемых потребностями духовной жизни общества. Данная цель нами взята за основу в процессе разработки содержания элективного курса «Экологические аспекты современного русского языка».

Обзор научной литературы по рассматриваемому вопросу позволяет нам представить следующее толкование термина: *экология языка (лингвоэкология, эколингвистика, лингвистическая экология)* – это новое направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования коммуникации как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества в целом.

Как видим из вышесказанного, лингвоэкология – новое научное направление, многоаспектное и сложное, в связи с этим допускающее различные подходы к решению ключевых вопросов. Содержание теоретической части элективного курса по экологии языка, описанное выше, является примерным, оно может варьироваться в зависимости от специализации магистрантов, их пожеланий, а также предпочтений самого преподавателя. Так, профессор нашей кафедры Л.В. Екшембеева элективный курс «Экология русского языка: теория и практика» проводит в формате научно-исследовательского проекта. Магистранты осуществляют учебное исследование в одной из наиболее уязвимых сфер функционирования языка: Интернет-общения, средств массовой информации (СМИ), языкового оформления сайтов, общения в системных играх и др.

В связи с тем, что в науке нет единого мнения относительно понятия «среда» в рамках курса преподавателем определяется тематика исследования: Что же составляет среду обитания языка, и какие формы принимает их взаимоотношение? Для выяснения этого вопроса проводится учебное исследование с помощью метода когнитивного картирования. По определению Л.В. Екшембеевой, когнитивное картирование представляет собой процедуру систематической репрезентации причинных утверждений, которые способствуют решению конкретной научной проблемы. Основными элементами репрезентации в процедурах когнитивного картирования являются понятия, объединенные в цепочки на основе причинно-следственных отношений, которые графически представлены стрелками входящими, символизирующими доминирование причинных отношений, и выходящими, указывающими на следственные отношения [Екшембеева 2009].

Для выявления параметров среды обитания языка и форм взаимоотношения языка со средой своего обитания базовыми понятиями были определены следующие: *язык, человек, природа, социум, культура, мышление, речевая деятельность*. В рамках исследования магистрантами выстраивается схема, при помощи стрелок устанавливается взаимосвязь между рассматриваемыми понятиями, определяется иерархия их взаимоотношений, делаются выводы. Аналитические

данные, полученные в процессе когнитивного картирования, подтверждают, что лингвоэкология как наука изучает взаимоотношение языка как объекта исследования и человека как среды его обитания. Осознание человеком сути экологических проблем в языке внушает надежду на оздоровление социума, в том числе и через повышение речевой культуры [Екшембеева 2013: 5].

Как известно, в научной литературе выделяются три основных аспекта экологии языка:

1) интралингвальный (связан с культурой речи, стилистикой, риторикой и включает исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи);

2) интерлингвальный (связан с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле);

3) транслингвальный (связан с использованием единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и со средствами иного языка, принадлежащего другой культуре в художественной литературе, фольклоре, публицистике) [Бернацкая 2003: 32-38]. Учитывая широту проблематики указанных аспектов, нами рассматривается первый аспект экологии языка. Остальные же два аспекта представляют перспективы для дальнейших исследований и разработок в этой области.

Элективный курс «Экологические аспекты современного русского языка» предложен для магистрантов 1 курса русского отделения по специальности «Русский язык и литература», составляет всего 30 кредитов (1 лекция + 1 семинарское занятие), рассчитан на один семестр (2015-2016 уч. год).

Данный курс нацелен не только на совершенствование и углубление знаний и умений, полученных магистрантами бакалаврами при прохождении дисциплин, ориентированных на изучение системы русского языка и ее единиц в синхронии и диахронии, но и овладение научным аппаратом новых направлений гуманитарного знания, к числу которых относится лингвоэкология.

Содержание курса (теоретическая и практическая части) предусматривает оказание помощи магистранту разобраться в вопросах о специфике взаимодействия языка и общества, языка и индивида, языковых нормах, об особенностях функционирования и использования русского языка в современном мире. Важное место на семинарских занятиях отводится обсуждению научной литературы по актуальным проблемам лингвоэкологии (глобализация, компьютеризация, вестернизация, вульгаризация и жаргонизация языка) и решению практических заданий и упражнений, направленных на формирование знаний, умений и навыков по специальности в лингвоэкологическом аспекте, совершенствование языкового чутья и аналитических способностей.

Задачи курса:

– представить картину возникновения и основных этапов развития лингвоэкологии как особой отрасли гуманитарного знания;

– познакомить магистрантов с основными категориями лингвоэкологии;

– рассмотреть особенности литературного языка и языковой нормы с современных позиций;

– охарактеризовать состояние русского языка с позиций лингвоэкологии;

- определить роль лингвоэкологических знаний в современном обществе;
- уметь пользоваться научно-исследовательским аппаратом лингвоэкологии и основными методами исследования языковых единиц.

В содержание курса включены 15 тем лекционного и практического характера, например: «Лингвистическая экология – новое направление в изучении современного русского языка», «Русский язык в современном мире и общие проблемы лингвоэкологии», «Современный русский литературный язык: лингвоэкологический аспект», «Лексические нормы русского языка: лингвоэкологический аспект», «Стилистический аспект лингвоэкологии. Статус языка в СМИ» и др.

В течение учебного семестра предусматривается выполнение различных видов самостоятельных работ магистрантов, направленных на совершенствование умений и навыков творческого подхода к поиску необходимой литературы, развитие аналитических способностей, индивидуальное решение поставленных задач. Так, например, при проведении семинарского занятия на тему «Влияние глобальных процессов на состояние общей культуры и культуры общения: глобализации, компьютеризации, вестернизации, вульгаризации и жаргонизации языка» магистранты выбирают одну из проблем лингвоэкологии, самостоятельно подбирают материалы из различных источников (научные журналы, научные обзоры, публицистические и справочные материалы, интернет-ресурсы и др.). Затем ведется большая подготовительная работа: изучение подобранных материалов, обработка нужной информации (проведение анализа и синтеза, сравнения, обобщения), подготовка выводов и формулирование своего мнения относительно изучаемой темы в виде эссе. Такого рода работа предполагает индивидуальный подход к решению поставленных задач, раскрытие творческих способностей обучающихся. На собственно семинарском занятии проводится дискуссия о состоянии русского языка в современных условиях.

Кроме самостоятельной работы магистрантов в аудиторное и внеаудиторное время по темам курса (программы обучения по дисциплине), проводится самостоятельная работа магистрантов под руководством преподавателя (СРМ). В качестве примера кратко опишем одну из видов СРМ: подготовка, организация и проведение тестирования с целью выявления уровня сформированности знаний, умений, навыков в определенной области языкознания (по орфоэпии, орфографии, лексикологии, морфологии, синтаксису, стилистике). Подготовительная работа проводится на семинарских занятиях в группе в два этапа. На первом этапе выполняются следующие виды работ: 1) подготовка каждым магистрантом по 5 тестовых заданий; 2) обсуждение и анализ формулировок заданий; 3) выбор наиболее эффективных тестовых заданий; 4) компоновка из предложенных тестовых заданий 2-х вариантов тестов; 5) коллегиальная оценка содержания и качества тестов. Следует уделять особое внимание магистрантов на то, чтобы тесты обязательно имели направленность на выявление практических умений и навыков тестируемых. В ходе выполнения такой системы работы магистранты учатся профессионально грамотному составлению тестов.

На втором этапе проводится выбор контингента и тестирование. Нами выбраны следующие группы тестируемых: школьники средних классов, старше-

классники, нефилологи-первокурсники, студенты филологического факультета. Итоги тестирования и их анализ представлен магистрантами в форме отчетов, основные выводы которых обсуждаются в группе, затем выявляются и формулируются наиболее значимые. Как видно, СРМ – объемная и сложная работа, требующая от обучающихся самостоятельности, достаточного количества времени и профессионально ориентированных умений и навыков.

Итоги тестирования и их анализ представлен магистрантами в форме отчетов, основные выводы которых обсуждаются в группе, затем выявляются и формулируются наиболее значимые. Как видно, СРМ – объемная и сложная работа, требующая от обучающихся самостоятельности, достаточного количества времени и профессионально ориентированных умений и навыков.

Тщательный анализ результатов тестирования позволяет сказать следующее: твердое/мягкое произнесение согласных звуков в заимствованных словах (их наплыв в современный русский язык огромен!), правильная постановка ударения в частотно используемых словах русского и иностранного происхождения требует вдумчивого наблюдения, дополнительного углубленного изучения и запоминания, введения словарей, охватывающих словарный минимум актуальных аспектов русского языка на современном этапе его развития.

Таким образом, проблема сохранения чистоты языка актуальная, над которой должны работать не только специалисты-языковеды, преподаватели, учителя, но и каждый носитель современного русского языка. Кроме того, необходимо серьезное рассмотрение экологических проблем языка (это касается не только русского языка) на государственном уровне, уровне министерства образования, руководства вузов.

Литература

Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестник КрасГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 4.

Екшембеева Л.В. Когнитивное картирование лингвистического знания. Учебное пособие. Алматы: Бастау, 2009. 133 с.

Екшембеева Л.В. Экология языка: теория и практика обучения // V Международная научная конференция «Казахстан в международном образовательном пространстве». 4 апреля 2013 г. КазНПУ им. Абая. Алматы: КазНПУ, 2013.

Лихачев Д.С. Экология культуры. М., 1979. №7. С. 173-179.

Скворцов Л.И. Язык общения и культура (экология и язык), 1994. РЯШ, №1. С.81-86.

Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М.: Просвещение, 2009. 208 с.

Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития // Советская педагогика, 1942. № 3-4. С. 48-53.

Haugen E. The Ecology of language / Essays by Einar Haugen. Standford: Standford University Press, 1972. 366 p.

Fill A. Ecolinguistics. State of the Art 1988 // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Muhlhausler. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P.43-54.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСПЕКТИРОВАНИЯ

К.О. Сапарова
(Узбекистан, г. Ташкент)

В статье рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы обучающихся, которая должна быть научно обоснованной, базироваться на предварительном овладении обучающимися инструментарием самостоятельного изучения, состоящего из перечня основополагающих, обязательных знаний, умений и навыков обучающихся работать с учебно-научной, научно-справочной, научно-информативной и собственно научной литературой, в число которых входят и умения конспектировать учебный материал.

Ключевые слова: самостоятельная работа обучающихся, основы конспектирования, обучение самостоятельному конспектированию

Самостоятельная работа в процессе обучения и изучения любой теоретической или прикладной дисциплины занимает одно из ключевых положений в системе как среднего, так и среднего профессионального и высшего образования. Исходя из целей и задач конкретного курса выделяются разные требования к способностям самостоятельной работы обучающихся.

Однако существует определенный набор знаний, умений и навыков в учебной деятельности обучающихся, которые востребованы при организации самостоятельной работы во всех направлениях современного образования. Это знания, умения и навыки самостоятельного ведения научно-исследовательского творчества в рамках изучаемых учебных дисциплин.

Ведение научно-исследовательской деятельности обучающимися предполагает самостоятельную подготовку темы на основе изучения учебной литературы, первоисточников, с использованием интернет-ресурсов.

Самостоятельная работа обучающихся по содержанию может быть очень разнообразной и состоять, например, из изучения и письменных кратких ответов на вопросы, реферирования научных статей и фрагментов монографий и выступления на их основе с докладом на практических/семинарских занятиях и т.п.

Подобная работа требует от обучающихся сформированности знаний, умений и навыков работы с научной литературой. Так, например, подготавливая краткие ответы на предложенные вопросы, обучающийся должен уметь подбирать ответы по существу вопроса, с цитатами, выписками из научных произведений.

Реферирование научно-исследовательских работ и фрагментов монографий предполагает овладение обучающимися более широкого спектра знаний, умений и навыков, которые включают в себя умение не только грамотно подбирать ответы на вопросы, но и формулировать самим эти вопросы, понимать суть темы изучения, составлять план, работать с научной литературой, конспектировать, знать элементы реферирования, рецензирования, написания собственного научного текста, редактирования и др. Вышеперечисленные знания, умения и навыки самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы обучающихся необходимо

целенаправленно формировать непосредственно в самом учебном процессе, параллельно с обучением самой темы занятия.

Подготовка обучающихся к самостоятельной работе предусматривает знание ими функционально-стилевых особенностей научного стиля, в частности таких его разновидностей, как учебно-научный, научно-информативный, научно-справочный подстили. Так, знание учебно-научного подстиля обучающимися заложит основы умений и навыков работы с учебниками, учебными и учебно-методическими пособиями, сборниками задач и упражнений, лекциями. Для самостоятельной работы при этом ключевым будет являться умение самостоятельно конспектировать учебный материал.

Конспектированию учебного или иного материала надо специально обучать, хотя многим может показаться, что здесь и само собой все ясно, нет ничего сложного. На самом деле обучающийся перед тем, как начать конспектирование, должен уже быть ознакомлен рядом понятий типа формы записи информации, способы изложения в научном тексте, тезис, типы тезиса, конспект, тексты-описания, тексты-повествования, тексты-рассуждения, умозаключение, доказательство, определение, вывод и т.д.; должен знать, как строится текст в научном стиле, какую информацию содержат абзацы, какие бывают абзацы и для построения какого типа научного текста они обычно используются и т.п. Кроме этого, обучающийся должен иметь представление о конспекте как одном из жанров учебно-научного подстиля, о правилах и способах его составления.

Иными словами, умение конспектировать – это своего рода «искусство» для обучающегося, которым надо овладеть. От успешного овладения этим «искусством» будут зависеть в дальнейшем умения и навыки реферирования, написания собственного научного текста (научных статей, тезисов докладов, рефератов, курсовых и т.п. работ).

На наш взгляд, обучение самостоятельному конспектированию необходимо проводить совместно с обучением правилам цитирования и оформления ссылочного аппарата, поскольку это послужит оригинальности создаваемых произведений и снижению плагиата в работах обучающихся.

В целом, организация самостоятельной работы обучающихся должна быть научно обоснованной, базироваться на предварительном овладении обучающимися инструментарием самостоятельного изучения, который состоит из перечня основополагающих, обязательных знаний, умений и навыков обучающихся работать с учебно-научной, научно-справочной, научно-информативной и собственно научной литературой, в число которых входят и умения конспектировать учебный материал.

Литература

Колесникова Н.И. От конспекта к диссертации: Учебное пособие по развитию навыков письменной речи. М.: Флинта; Наука, 2002. 288 с.

Расулова М.И., Сапарова К.О. Магистерская диссертация по филологическим дисциплинам (методические указания по написанию и оформлению). 2-е изд., перераб, доп. Ташкент: QUDRAT PRINT, 2011. 176 с.

Перегудов Л.В., Саидов М.Х., Аликулов Д.Е. Методология научного творчества. Ташкент: Молия, 2002. 124 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМОВ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ЧТЕНИЕ И ПИСЬМО НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОНОМАСТИЧЕСКОМУ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЮ

Л.Н. Верховых
(г. Борисоглебск, Россия)

В статье представлен опыт работы с ономастическим материалом в средней школе, где факультативные занятия по ономастическому лингвокраеведению являются плодотворной почвой для реализации следующих педагогических технологий: проблемное обучение, проектная деятельность, технология развития критического мышления через чтение и письмо, технология дебатов, игровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, технология «Портфолио».

Ключевые слова: факультативный курс «Ономастическое лингвокраеведение», приемы технологии развития критического мышления, чтение и письмо

Ономастическое лингвокраеведение – интегрированный факультативный курс, углубляющий основной курс русского языка посредством изучения имен собственных определенного края.

Занятия по ономастическому лингвокраеведению являются плодотворной почвой для реализации следующих педагогических технологий: проблемное обучение, проектная деятельность, технология развития критического мышления через чтение и письмо, технология дебатов, игровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, технология «Портфолио».

Рассмотрим, как может использоваться технология развития критического мышления через чтение и письмо (далее – ТРКМЧП) при изучении курса «Ономастическое лингвокраеведение». Наиболее органично встраиваясь в процесс обучения русскому языку, данная технология позволяет эффективно организовать обучение в рамках системно-деятельностного подхода. Кроме того, применение ТРКМЧП на занятиях, посвященных изучению ономастических закономерностей региона и основанных на интеграции русского языка, литературы, истории, географии, культуры региона, способствует развитию логического, критического и творческого мышления учащихся.

Приведем примеры заданий к факультативному курсу «Ономастическое лингвокраеведение» (раздел «Антропонимика») для 5-6 классов. В основе предлагаемых упражнений приемы «Инсерт», «Толстые» и «тонкие» вопросы, «Верные и неверные утверждения», «Кластер».

«Инсерт» (от *insert – interactive noting system effective reading*, «интерактивная размечающая система для эффективного чтения и размышления») – один из приемов развития критического мышления, «маркировка текста значками по ходу чтения» [Добротина 2014: 98].

1. Внимательно прочитайте отрывок из книги ученого-ономатолога Александры Васильевны Суперанской. Выделите в тексте известную информацию (v), новую (+), информацию, которая противоречит тому, что вы уже знали (–),

непонятную, требующую пояснения информацию (?). Используя сделанные пометы, заполните таблицу.

Сформулируйте основную мысль каждого абзаца, основную мысль всего текста. Приведите свой пример отличия имени собственного от нарицательного.

у уже было вам известно	+	-	?
	новая информация	информация противоречит тому, что вы знали или думали	непонятно, об этом вы хотели бы узнать больше)

Так что же такое имя?

Это, прежде всего, **слово**, которое склоняется и согласуется в предложении по всем правилам нашего языка. Но это **особое слово**, которому незримо законами предписывается **не иметь нарицательного значения** и, тем самым, не участвовать в смысловом содержании предложения. В состав предложения имена входят как закрытые знаки, как индивидуальные названия конкретных людей, обозначающие своим **звучанием**, а не смыслом составляющих их слов. Есть также имена географических объектов, небесных тел и ряда других категорий вещей реального мира, которые также обозначают своим звучанием. Но мы, в данном словаре, интересуемся исключительно личными именами людей.

Хотя собственные имена произошли от нарицательных, им тем не менее предписывается отказаться от исторического нарицательного значения, а вместо этого – обрести тесную связь с теми людьми, которых они называют, и быть их индивидуальными обозначениями. Вы можете возразить: в мире существуют тысячи **Иванов, Марий, Натальи, Елен**. Но, употребляя эти имена, мы каждый раз имеем в виду только одного конкретного человека, выделяя его из тысяч других. И родители, когда у них рождается ребёнок, долго и тщательно выбирают для этого маленького конкретного человечка имя, которое будет закреплено за ним в индивидуальном порядке и записано в его первом детском документе – свидетельстве о рождении.

Таким образом, имя – это **индивидуальное название человека**, которое обретает своё значение от характерных особенностей именуемого и обозначает только то, что это – его личное имя. Если у вас один знакомый по имени **Иван**, то, произнося это имя, вы представляете себе его внешность, голос, манеры. Если у вас несколько знакомых с таким именем, вы дополняете это имя фамилией или прозвищем (например, **Иван Петров** или **Иван Кудрявый**) и всё равно имеете в виду только одного конкретного человека. Не существует класса **Иванов**, наделённых одной общей характеристикой, кроме той, что у них одинаковые имена.

В этом, между прочим, состоит коренное отличие имён собственных от нарицательных. **Имя нарицательное** – это всегда **имя класса**, имеющего определённые характеристики и отличающегося от прочих классов вещей.

А.В. Суперанская

Прием «толстые» и «тонкие» вопросы используется с целью совершенствования школьниками умений критически воспринимать информацию и задавать вопросы. Данный прием также является и вспомогательным диагностическим

средством: по характеру, глубине задаваемых вопросов можно понять и степень усвоения материала.

«Тонкими» называются вопросы репродуктивные, требующие однословного ответа (*Кто...? Что...? Когда...? Где...? Мог ли...? Как звали...?*), а «толстыми» – вопросы, требующие пояснения, рассуждения «Объясните, почему...? Почему вы считаете...? Предположите, что будет / было бы, если / если бы...? Верно ли...? и подобные [Добротина 2014: 102].

Задание:

2. Прочитайте отрывок из книги Г.Ф. Ковалева «Пушкин. Ономастический комментарий».

Пушкин высоко оценивал народную сказку. В заметках «Опровержение на критики» он писал: «Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка»...

Пушкин с детства вбирал в себя русский фольклор. Его первыми гидами в страну русской сказки были крестьяне подмосковного сельца Захарово, в которое в раннем детстве вывозили его родители на лето, слушал он сказки и от бабушки своей Марии Алексеевны Ганнибал, родовым имением которой было село Коренёвщино, что недалеко от Липецка, ранее – Воронежская губерния.

Жемчужины русского фольклора преподносились Саше Пушкину и слугой Никитой Козловым и, конечно, Ариной Родионовной Яковлевой. Причем последняя не только заложила в Сашу первые впечатления от русских сказок, песен, прибауток, но и в зрелые годы поэта служила ему верным справочником по русскому фольклору. Много было почерпнуто поэтом и среди крестьян села Михайловского (Псковская губерния), и села Болдино (Нижегородский уезд)...

Однако основным источником имен в сказках А.С. Пушкина следует все же признать лубочную «Сказку о Бове-королевиче». В различных вариантах этой сказки мы встречаем имена персонажей почти всех сказок А.С. Пушкина: *Салтан, Додон, Гвидон, Чернавка*. Можно предположить, что такой персонаж, как *Симбалда*, помог поэту выбрать имя *Балда*.

Примечание:

Гид – это человек, сопровождающий туристов и показывающий им достопримечательности города, местности.

Лубочная литература – массовая, народная литература, дешевые издания для народа с яркими картинками.

Задание:

Выпишите имена собственные в таком порядке:

- 1) названия людей;
- 2) географические названия;
- 3) названия произведений.

К данному тексту составьте таблицу «толстых» и «тонких» вопросов. Выполните фонетический разбор подчеркнутого слова.

«Тонкие» вопросы
Кто...?
Что...?
Когда...?

«Толстые вопросы»
Объясните, почему...?
Почему вы считаете...?
Предположите, что будет, если...?

Где...?
Мог ли...?
Как звали...?

Верно ли...?

Прием «верные и неверные утверждения». Суть данного приема в следующем. «Учитель предлагает учащимся ряд утверждений по еще не изученной теме, учащиеся выбирают те, которые, по их мнению, соответствуют действительности. Затем учащиеся обосновывают свое мнение. После знакомства с основной информацией (текст параграфа, слова учителя или подготовленного ученика) предлагаем учащимся возвратиться к данным утверждениям и оценить их достоверность, используя полученную информацию» [Добротина 2014: 101]. Этот прием используется для актуализации опорных знаний учащихся, развития умения критически воспринимать информацию, выбирая верные и неверные утверждения, развития умения доказывать свою точку зрения.

Предлагаем первоначально беседовать с учащимися по утверждениям, выведенным на экране (используется мультимедийная презентация), а затем уже, после объяснения нового материала, письменно работать с утверждениями.

Верно или неверно? Выпишите верные утверждения.

1. Имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним, название географического объекта – это антропонимы.

2. Фамилия – это официальное именование, зафиксированное в государственных документах, родовое имя человека, переходящее от отца к сыну.

3. В основе русских фамилий находятся только календарные имена.

4. При образовании фамилий к основе на твердый согласный присоединялся фамильный суффикс *-ов*, а к основе на гласный и мягкий согласный – *-ин*, *-ев*.

5. Трехчастная структура названия человека *имя + отчество + фамилия* отличает русские именованья от других.

К приемам технологии развития критического мышления через чтение и письмо также относятся «Ромашка вопросов Блума», «Знаю – хочу узнать – узнал», «Кластер», «Синквейн», «Фишбоун», «Тематический алфавит», «Двойной дневник». Приемы развития критического мышления могут использоваться и при изучении других разделов курса «Ономастическое лингвокраеведение».

Литература

Верховых Л.Н. Программа курса «Ономастическое лингвокраеведение» для 5-6 классов (Модуль 1. Антропонимика, или Тайны имен и фамилий) // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. 2016. №2(10). С.78-98.

Добротина И.Г. Современные модели уроков русского языка в 5-9 классах: пособие для учителей общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2014. 192 с.

Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 223 с.

Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Изд.-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.

Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий. Книга для учителя. Воронеж: Издат.-полиграфический центр «Научная книга», 2012. 278 с.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005. 384 с.

РЕЧЕВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ

Л.Н. Клокова
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена методическим аспектам обучения русскому языку; рассматриваются речевые упражнения как упражнения в естественной коммуникации в различных видах речевой деятельности; доказывается, что формированию коммуникативной личности учащегося способствует комплексное и разностороннее обучение с применением, в частности, системы речевых упражнений.

Ключевые слова: обучение русскому языку, речевые упражнения, коммуникативная личность учащегося

Трудно сейчас встретить человека, полностью равнодушного к современной речи и удовлетворённого её состоянием. На колебания и сложность норм современного русского литературного языка сетует и стар и млад. Впрочем, образованная часть общества никогда не была безразличной к своему языку. Почти всегда находились сторонники языкового обновления, даже реформ языка, а с другой стороны, пуристы-ревнителю чистоты и правильности старых, традиционных речевых навыков. Спор между ними – это непреходящий спор, чем-то похожий на извечную проблему «отцов и детей».

Но в последнее время интерес к родному языку стал носить отнюдь не отвлечённый характер. Беспокойная мысль (правильно или неправильно?), творческие муки слова вышли за пределы академических кабинетов.

Возрастающий интерес к родному языку и повышенные требования к форме речи знаменуют собой новый этап в обучении русскому языку. Методика преподавания русского языка начинает носить сугубо прагматический характер. Новые условия, в которых работает сегодня и будет работать завтра наша школа, требуют от учителя-словесника и преподавателя-филолога глубоких и разносторонних знаний как в методике преподавания русского языка, так и, безусловно, в теории современного русского литературного языка.

В период реформирования системы образования всё более важным становится развитие навыков коммуникации, формирование коммуникативной личности учащегося. И основная роль в решении данной проблемы отводится урокам русского языка.

Важным компонентом урока являются речевые упражнения. Речевые упражнения – это упражнения в естественной коммуникации в различных видах речевой деятельности. Речевые упражнения развивают речевые умения. При выполнении таких упражнений языковой материал не даётся. Внимание говорящего направлено на содержание высказывания.

Речевые упражнения включают в себя:

1) задания по передаче содержания: пересказ, описание, выражение отношения, оценки события, факта;

2) ситуативные: построение высказывания на основе учебно-речевых ситуаций;

3) игровые: ролевые игры, интервью, викторины, конкурсы.

Речевые упражнения имеют своей целью подготовку учащихся к речевой деятельности.

Первым и наиболее важным этапом на этом пути является усвоение лексических единиц, пополнение собственного лексикона путём изучения необходимого теоретического языкового материала по лексикологии и лексикографии; чтение художественной литературы, предусмотренной программой школьного курса. На уроках русского языка желательна вести систематически учёт новой лексики.

Работа над лексическим материалом демонстрирует безусловные системные связи, существующие в языке. Именно работа со словом и над словом приводит нас к необходимости изучать и правильно применять в речевой ситуации синонимы и антонимы, омонимы, уметь разнообразно использовать полисемантность русского слова.

Однако работа над словом не может быть ограничена лексическим уровнем языка. Необходим и обязателен выход на другие ярусы языковой системы: морфологический, синтаксический.

Упражнения, которые могут быть использованы учителем, это задания на сочетаемость слов (например, из двух колонок слов необходимо составить все возможные сочетания или самостоятельно подобрать слова, сочетающиеся с заданным списком); на группировку слов по тематическому признаку; составление предложений с новыми словами.

Важным компонентом речевых упражнений является умение учащихся работать с различными словарями: энциклопедическими, толковыми, орфоэпическими, этимологическими. Приобретение умений и навыков работы со словарём расширяет кругозор учащегося, ему открывается возможность из словарной статьи получить объёмную, исчерпывающую информацию о значении слова, его грамматических категориях, об особенностях слова, которые даны в пометах.

На наш взгляд, самым важным условием формирования коммуникативной личности учащегося наряду с разнообразными принципами и методами обучения, использования всевозможных форм уроков, внеклассных занятий, является глубокое, вдумчивое чтение художественной литературы, как классической, так и современной. Прочтение художественного произведения требует от учащегося осмысления прочитанного, анализа сюжета произведения, описания образов героев. Устные ответы при анализе художественного произведения потребуют от учащегося умения правильно, логично, последовательно передать сюжетную линию произведения, отметить композицию, языковые и стилистические особенности языка произведения.

Итогом изучения художественного произведения может быть написание сочинения по данному произведению, где учащийся раскроет свои знания законов письменной речи, степени изученности произведения, продемонстрирует орфографическую и пунктуационную грамотность.

Итак, говоря о формировании коммуникативной личности учащегося, мы думаем, что комплексное и разностороннее обучение с применением, в частности, системы речевых упражнений, позволит решить эту непростую задачу.

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Л.Е. Хворова, Ян Кунь
(г. Тяньцзинь, Китай)

Статья посвящена рассмотрению базовой основы практики преподавания русской словесности как иностранной, в которой были избраны четыре традиционные, фундаментальные опоры, вытекающие из традиционной, базовой специфики многолетнего преподавания – говорение, аудирование, чтение и письмо.

Ключевые слова: совершенствование методики, обучение русскому языку как иностранному, практика «вытягивания» значения слова, межпредметные связи

Методика базируется на основе опыта преподавания студентов-стажёров, приезжающих на краткосрочное обучение из различных районов Китая, а также на основе преподавания словесности в КНР. Синтез предметного обучения, сочетающий в себе, помимо литературы, основы языковой подготовки, истории, культуры в целом, в частности, музыкальной и художественной, в описываемой практике преподавания идет непосредственно от литературы, основ, прежде всего текста художественного, хотя и не только от него, но не от языка как такового. «Ключи» данной методики имеют ряд специфических причин.

Лекции в традиционном понимании, как их обычно привыкли воспринимать студенты – носители русского языка, в аудитории студентов включенного обучения невозможны по целому ряду обстоятельств: разное, неровное, неравномерное владение русским языком; относительно малый срок пребывания (от 8 до 9,5 месяцев) в России, если вести речь непосредственно о них; необходимость практически стихийного, моментального адаптирования преподавателем содержания лекции к аудитории, которая слушает материал в данный момент и в данном месте; весьма поверхностные знания русской литературы и творчества русских писателей мирового масштаба (Толстого, Достоевского, Чехова) особенно в русле специфической духовно-культурной парадигмы. Приведем пример вопросов: «*Что Вы знаете о Ф.М. Достоевском?*» Ответ: «*Он был сумасшедший*». «*Что Вы знаете о И.С. Тургеневе?*» Ответ: «*Он описывал природу*».

Как следует из выше приведенных ответов, такие выводы не отражают даже весьма поверхностных знаний о русской словесности. В подобных наивных незнаниях скрыт, однако, существенный факт – факт незнания многих важных деталей, формирующих, в конечном счете, неверное, искаженно опасное представление о России в целом. Это, если угодно, достаточно опасный момент для нас, вполне возможно, гораздо более, чем для них, ибо совокупность искаженных представлений может породить опасные мифы, стимулирующие развитие такого негативного явления, как информационные и «сетевые» войны, о чем в последнее время стали говорить довольно часто. Еще один существенный момент, который необходимо учитывать – невозможность предвидения деталей уровня владения языком сидящих в аудитории студентов – стажёров из Китая.

Существенным фактом является также и ориентация многих приезжающих на стажировку студентов включенного обучения на знания, прежде всего, современной русской литературы, и в частности, литературы постмодернизма, на крайне досадное и ошибочное представление о том, что, с одной стороны, вся русская классическая литература им хорошо известна (это можно было услышать, к большому сожалению, и от представителей Пекина), с другой стороны – что литература специфики постмодерна это какая-то иная словесность, не вышедшая, не трансформированная из традиционной, что категорически неверно.

Все перечисленные причины, среди которых можно выделить и целый ряд других, побудили к серьезному пересмотру, совершенствованию методики, по возможности, предельно адаптированной к разнородной аудитории, которая бы учитывала максимум из того, что озвучено выше.

В связи с этим базовой основой практики преподавания русской словесности как иностранной были избраны четыре традиционные, фундаментальные опоры, вернее так, – «четыре кита», вытекающие из традиционной, базовой специфики многолетнего преподавания – говорение, аудирование, чтение и письмо.

Сущность так называемых «инноваций» в привычной, образовательной парадигме при этом заключается отнюдь не в игнорировании традиционных правил и норм преподавания и тотальной заменой их усовершенствованной техникой, которая зачастую откровенно вредит слушателям, отучая их работать, думать, нацеливая на достижение легкого, следовательно, сомнительного результата. Напротив, *инновационный в данном представлении подход заключается в обязательном сочетании «живого» слова и действия преподавателя с элементами тех возможностей, которые предоставляются различными техническими ресурсами.*

Подтверждение этому также можно было обнаружить из личной практики обучения студентов – стажеров. Например, откровенно можно заметить, что при записи на доске тех или иных фрагментов звучащей лекции слушатели внимательно следят за движением руки преподавателя и начинают в хорошем смысле «копировать» это движение.

Это объясняется, конечно же, прежде всего принципиальным различием основ письменности в китайском и русском языках. Техническое демонстрирование так называемых «слайдов», равно как и иных средств, разумеется, абсолютно не отменяется. Не приходится сомневаться, что все это напрягает преподавателя, но ради улучшения результата с этим приходится смиряться. В старых, добрых традициях российской (советской) методики обучения как иностранному русскому, так и русскому языку межнационального общения, живое слово преподавателя всегда имело первостепенное и очень важное значение.

Выше было сказано о необходимости рефлексии междисциплинарного синтеза с опорой в данном случае на базу литературы, где те или иные слова, словосочетания, предложения рассматриваясь в процессе текстового окружения, проще говоря, вступали в процесс коммуникации.

С одной стороны, в пределах данного текста, с другой – в процессе взаимодействия текста с читателем, когда могут «подсказать» то или иное значение слова, либо вовсе незнакомого слова, либо объяснить его, не обращаясь к русско-китайскому электронному словарю, где далеко не всегда учтены все самые раз-

нообразные оттенки значения тех или иных слов русского языка. Так, при изучении текстов художественных произведений А.С. Пушкина, в частности, повести «Капитанская дочка», может таким образом рассматриваться слово «крепостной». Студенты из Китая часто синонимизируют его со словом «раб». Однако рабства, подобного западноевропейскому, в России никогда не было, и доказательством этому может служить, в том числе, и русская корневая основа. Крепостной – это «крепкий», что означало «крепкий хозяин», который обязан был заботиться о своих крестьянах. Здесь имеет место синтез истории, литературы, культуры и языка. На примере анализа содержания повести «Капитанская дочка» можно судить, с одной стороны, о тех или иных значениях слов, с другой стороны – параллельно знакомиться со спецификой культурно- исторического идеала, образца, эталона того образа жизни и быта, который мастерски воссоздавал именно Пушкин, опираясь, по его выражению, на «привычки милой старины». Другое дело, что во всяком деле, как и в крепостном праве, были негативные стороны, отклонения от нормы, но это уже совсем другой разговор, и оттенки этого смысла также надо оговаривать.

Практика «вытягивания» значения слова посредством его корневой основы на занятиях, проводимых у китайских студентов – явление постоянное. В той же повести можно обнаружить слова «свобода» и «воля», которые в русском сознании не были и не могли быть синонимичными.

Если сравнивать, к примеру, повести Пушкина «Дубровский» и «Капитанская дочка», обращаясь к этимологии слова «дубрава» («межпредметная цепочка» – *фольклор* (реминисценция из 19 главы повести) – *литература* – *язык* – *история*, можно, в конечном счете, понять, почему именно эту повесть писатель не закончил, бросил, и, напротив, так бережно отнесся ко второй.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне молодцу думу думати.

Зеленая дубрава – мир вольной молодецкой жизни, «зеленая» – в данном случае – «молодое». Мать – дубрава, оберегающая, укрывающая своих детей. У разбойников нет родственников, они лишены этого. Отсюда и фамилия *Дубровский* и персонаж, который порывает со своими родными. Дубрава – вольное пространство. Родители традиционно проклинали детей, ушедших в разбойники.

Здесь же пытаемся объяснить слова «свобода» и «воля». У Пушкина это неполные синонимы, хотя некоторое сходство есть в значении. В принципе, утверждается, что это вообще не синонимы, если иметь в виду древнерусское значение, и последующее «бытование» значений этих слов, а скорее – антонимы.

Итак, «свобода» предполагает «включение» человека в системы родовых, социальных, духовных отношений. Есть, между прочим, у В.И. Ленина знаменитое выражение «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», и с этим поспорить трудно.

Слово «воля» этимологически связано с властью. Традиционно культурное понятие «Божья воля». При анализе важно опираться на так называемые «ключевые» слова, предложения, абзацы. Их поиск – это отдельная большая тема.

В данном случае одну из основополагающих мыслей в «Капитанской дочке» озвучивает Василиса Егоровна, жена коменданта крепости: «В животе и смерти

Бог волен». Понятие «воля Божья» сакральное, его нарушение – «своя воля», «своеволие». Воля – желанна, но это путь греха. Своеволие – традиционно понятие Ф.М. Достоевского. Греховность доказывают такие русские пословицы, как «*Вольному – воля, спасенному – рай*» или «*Воля хуже неволи*».

Таким образом, при анализе двух пушкинских произведений мы пользуемся различными межпредметными связями – знаниями из области лингвистики, русского фольклора, истории и культуры.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ, ОТРАЖЕННЫЕ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Ли Кэн Хой, И.В. Поповичева
(г. Хайнань, Китай)

На материале русских и китайских пословиц и поговорок рассматриваются вопросы воспитания подрастающего поколения, устанавливаются содержательные различия, связанные с разными приоритетами тех или иных направлений в воспитании.

Ключевые слова: народная педагогика русских и китайцев, трудовое воспитание, нравственное воспитание, умственное воспитание, сходство и различие

Народная педагогика – важная часть общей духовной культуры народа. Под народной педагогикой принято понимать совокупность накопленных и проверенных практикой педагогических, эмпирических знаний, опыта, передававшихся из поколения в поколение в устной форме [Волков 1999]. О важности изучения традиций народной педагогики писали многие известные китайские и русские ученые, педагоги, общественные деятели: Конфуций, Янь Чжи Туй, Сы Ма Гуан, Ван Шоу Жэнь, Цзэн Гуо Фан; К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский, Д.С. Лихачев, В.П. Аникин и др.

Легенды, эпосы, сказки, половицы и поговорки, народные песни, былины по праву считаются золотым фондом народной педагогики, они имеют огромное воспитательное значение, так как, знакомясь с произведениями народного фольклора, ребенок с детства проникался уважением к предкам, национальной культуре, усваивал мировоззрение, социальные нормы, ценности, традиции своего народа.

«*В полой воде нет рыбы, а в пословице нет лжи*», – говорят о пословицах русские люди. Рожденные в разных культурных традициях и формах, многие пословицы отражают универсальные для всего человечества смыслы. Например, сходство пословиц о воспитании у разных народов проявляется прежде всего в их назидательном содержании, адресованном родителям или детям. Рассмотрим наиболее важные воспитательные идеи, которые нашли отражение в русских и китайских пословицах и поговорках.

Как и в других национальных традициях, народная педагогика русских и китайцев предписывала родителям не только заботиться о жизни и здоровье ребенка, но и о его воспитании. Родители считались первыми и самыми важными вос-

питателями. Приведем примеры (1) русских и (2) китайских пословиц: 1) *Умел дитя родить, умей и научить; Не тот отец-мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил; Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить; Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается; Дитя-тко – что тесто: как замесил, так и выросло; К чему ребенка приучишь, то от него и получишь; Оттого парень с лошади свалился, что отец криво посадил;*

2) *Вол – для пахоты, лошадь – для верховой езды, дети – для воспитания, а не то – будут баловаться; Отцы передают сыновьям, сыновья – внукам; Человек не понимает, если не учат. Колокол не звонит, если не ударяют в него. Дерево не растет, если не обрезают. Ребенок не будет хорошим, если не воспитывать; Кормит ребенка, но не воспитывает – отец виноват, учит, но несерьезно – учитель ленивый; Ветку не обрезаешь – дерево растет криво. Ребенка не учишь – он не станет выдающимся человеком; Детей – не учить, ошибка отца; Учить детей хорошо – жить в процветании. Учить детей недостойно (недостаточно) – семье остаться без последнего гроша; Нет больше наслаждения, чем читать книги. Нет дела важнее, чем учить сыновей; Растить сына и не учить его – значит растить осла. Растить дочь и не учить ее – значит растить свинью.*

Народная мудрость, основанная на многовековом опыте и отраженная в пословицах, указывала на большую роль в воспитании детей личного примера родителей:

1) *Каков отец, таков и сын; Какие родители, такие и дети; Кобылка – брык, и жеребенок – брык; Родители трудолюбивы – и дети не ленивы; Хороший пример – наилучшая проповедь; Добрый пример лучше ста слов;*

2) *Какие отцы, такие и сыны; Какова мать, такова и дочь; Лучшие один раз учить примером, чем тысячу раз учить словом; В первую очередь почитай родителей и слушайся их, если хочешь, чтобы твой сын так делал; Хоть одно слово или пример родителей полезны для детей на всю жизнь; Хочешь узнать отца – прежде посмотри на его сына; У тигрицы не рождаются дворняги; У хорошей матери рождаются хорошие сыновья, от хорошего зерна получается хороший рис; Если отец не умеет пахать, то и сын не научится сеять.*

В китайской традиции считалось, что родители должны воспитывать своего ребенка на протяжении всей жизни (*Семья – это первая и вечная школа, родители – это первые и вечные учителя*).

У русских много паремий о постоянном посильном участии родителей в жизни детей, об ответственности и беспокойстве за них независимо от возраста сына или дочери (*Детки маленькие – поест не дадут, детки велики – пожить не дадут; Маленькие дети – руки болят, большие дети – сердце*).

Отмечается множество пословиц и поговорок о вредности для ребенка чрезмерной родительской заботы:

1) *Засиженное яйцо – всегда болтун, занячичный сынок – всегда шалун; Нехваленая девка дороже хваленой; Кто детям потакает, тот потом слезу проливает; Гладенькая головка – отцу не кормилец; Водила за ручку – получила белоручку;*

2) *Баловать ребенка, хорошего ребенка не будет; Баловать детей – вред, строго относиться – значит любить; Баловать детей – делать им хуже; Ребенок, часто хваленный, своевольный; У матери, балующей детей, плохие дети;*

У детей, избалованных родителями, нет прекрасного будущего (перспективы); Любящая мать – это хорошо, но для сына чрезмерная любовь – плохо; Любимец родителей – не почтительный и не послушный; Любимец не может открывать дело. Красивая жена не может поддерживать состояние семьи; Балованный ребёнок непочтителен. Балованная собака непослушна – лезет на плиту; Одну хворостину трудно зажечь, одного сына трудно учить (т.е. одного сына трудно воспитать трудолюбивым и ответственным по причине чрезмерной родительской любви к нему).

В большинстве национальных культур выделяются следующие главные направления народной педагогики: трудовое, нравственное, умственное воспитание детей.

Трудовое воспитание подрастающего поколения у всех народов является главной задачей семьи и общества. Во всех языках существует много пословиц о важности труда, трудолюбия в жизни человека. Например, о пользе для человека трудолюбия и о вреде лени следующие русские пословицы и поговорки: *Труд кормит, а лень портит; Хочешь есть калачи – не сиди на печи; Где труд, там и радость; Уменье работать дороже золота; Труд – дело чести, будь в труде на первом месте; Воля и труд дивные всходы дают; Кто любит труд – того и люди чтут; Не потрудишься – так и счастья не узнаешь; Кто любит трудиться, тому без дела не сидится; Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится.*

Как в русской, так и в китайской народных традициях, ребенок получал необходимые знания и навыки трудовой жизни в первую очередь в семье, в семье он усваивал систему традиционных норм и ценностей, среди которых главной ценностью признавался труд (трудолюбие) [Поповичева И.В., Чжен Хао 2014]. На несомненную важность формирования у детей потребности в труде, обучения трудовым навыкам и умениям указывает, например, китайская пословица: *Подарить детям много имущества не так хорошо, как подарить им хотя бы одно умение.*

Нравственное воспитание детей также было важной задачей семьи и общества, оно имело цель научить ребенка отличать хорошее от плохого, вырастить человека с высокими моральными качествами, в культуре и поведении следующего социально признанным правилам и нормам (*Нравственность и умения (мастерство) – это лучшее имущество для детей* – китайская пословица). На становление воспитательных ориентиров в сопоставляемых культурах огромное влияние оказали разные национальные культуры и религии, но многие нравственные ценности, которые ими манифестировались, были универсальны.

Так, у русских почтение к родителям объявлялось делом богоугодным, а забвение, пренебрежение – осуждались (*Живы родители – почитай, померли – поминай; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает*).

В китайской истории, как известно, большое влияние на содержание воспитательных норм оказали конфуцианские заповеди. Среди них первенство отводилось сяо – «сыновней почтительности» (*Не чтить родителей, поклонение богам не помогает; У воды есть источник, у дерева есть корень. Не признаешь родителей – скотина*). В Китае культ отцепочтительного сына долгое время поддерживался официальными властями, обществом и всегда строго осуществлялся на практике [Решетнева 2006]. Выполнение сыновнего благочестия, полная

покорность воле родителей является основным нравственным требованием в системе отношений в китайской семье [Линь Лю 2011].

Согласно китайским традициям, в качестве важных и положительных качеств родители должны были также воспитывать в детях гуманность, благопристойность, вежливость, самостоятельность, патриотизм, смелость, честность [Решетнева 2006: 18; Ван Янь Янь 2007: 55]. В соответствии с воспитательными идеалами русских людей, родители должны были формировать в ребенке уважение к старшим, любовь к родной земле, религиозность, соборность, подвижничество во имя Отечества и ближнего [Голикова 2007: 20].

В народных представлениях русских и китайских людей об умственном воспитании детей можно выделить два основных направления: 1) воспитание разумности и обучение с целью получения знаний практического характера, 2) обучение грамоте, наукам. Китайское слово 智慧 – zhìhuì (*чжихуй*) соединяет в себе значения «ум», «разум», «кругозор». Китайцы понимают zhìhuì как «наличие разумности в поведении и всей деятельности человека, развитую способность мышления и обладание различными эмпирическими и научными знаниями» [Лю Линь 2005: 76].

И русские, и китайцы высоко ценят ум (*Сильный телом победит одного, сильный умом – тысячи; Был бы ум, будет и рубль, не будет ума, не будет и рубль; Умную голову почитают смолоду; У умной головы сто рук; Человека красит голова, а не шапка; Счастье тому бывает, кто в труде да ученье ума набирает; Умный всегда в почёте* – русские пословицы; *Ум дороже золота; Есть ум – прокормишь и тысячу ртов, нет ума – с трудом проживешь и один; Большая физическая сила может победить только одного человека, а знания – тысячи людей; В Поднебесной нет трудных дел, надо только, чтобы были люди с головой* – китайские пословицы).

В содержание представлений об умственном воспитании детей русские и китайские люди включали 1) знание и соблюдение ими правил поведения в обществе, 2) знание ими явлений, процессов, происходящих в природе, 3) знание счета и родного языка, 4) знание сведений по истории, географии, астрономии, 5) знание правил и способов ведения сельского хозяйства и домашних работ, 6) знания ремесел [Русские дети 2006; Лю Линь 2005].

Источниками получения знаний были повседневная жизнь семьи, наставническая и обучающая деятельность взрослых, жизненная практика (*Сидя у ма-тушки на сарафане умён не будешь; Ученье без практики, что пчела без меду; Ученье без умения – не польза, а беда* – русские пословицы), а также книги (*Лучше обучить сына одной книге, чем оставить ему корзину золота; Коли есть поле, да не посеешь – будут амбары пусты. Коли есть книги, да не читаешь, будут сыновья и внуки глупы* – китайские пословицы).

Желание видеть своих детей грамотными отражало стремление народа к образованию и наукам. Грамотность и специальные знания сравнивались с богатством и золотом (*Ученье дороже богатства* – русская пословица; *Оставить детям много золота не так хорошо, как научить их быть грамотными* (но: *Лучше не знать иероглифов, чем не знать людей*); *Знания – сокровище, которое повсюду следует за тем, кто им обладает* – китайские пословицы).

Отношение к учителю (воспитателю) должно было быть почтительным и уважительным (*Почитай учителя как родителя; Учитель в школе, что посеет в поле* – русские пословицы; *Любящая жена почтительна к свекрови, любящий сын почтителен к учителю; Груда книг не заменит учителя* – китайские пословицы).

Итак, русские и китайские культуры очень разные, но в народной педагогической мысли русских и китайцев можно найти много сходного. Это объяснимо тем, что представители разных культур переживали сходные жизненные ситуации, опыт их оценки и познания порождал сходные умозаключения назидательного характера.

В русских и китайских пословицах нашли отражение такие идеи народной педагогики, как: первые и самые важные воспитатели – это родители; какие родители, такие и дети; воспитывать детей надо с раннего детства; родителям следует заботиться о трудовом, умственном, нравственном воспитании детей; дети должны быть благодарны своим родителям и учителям, уважительно относиться к ним.

Но есть и различия, которые можно заметить как в форме, так и в содержании пословиц. Отличается образный строй изречений (*На осине яблоки не родятся; У ленивой пряжи и на себя нет рубахи; – От горькой тыквы-горлянки родятся только горькие тыквы-горлянки; Слоновий бивень не вырастет у собаки; Яка оценивают по носу, девушку судят по родителям; На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше*).

Содержательные различия связаны с разными приоритетами тех или иных направлений в воспитании (например, для китайцев в нравственном воспитании особенно важны соблюдение традиций, этики отношений, ритуалов и «сыновья почтительность»): *В Поднебесной нет неправых родителей; Бывает три случая непочитания родителей, нет потомка – самый страшный из них; Отец жив – смотри на его поступки, отец умер – помни о его воле*, а также их демонстрируют пословицы, отсылающие нас к традициям жизни и быта народов (*Хочешь есть каша – не сиди на печи; – Нефрит без обработки не будет драгоценностью*).

Литература

Ван Янь Янь Традиции семейного воспитания в Китае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2007. Вып. 43 (2). С. 54-57.

Волков Г.Н. Этнопедагогика. М., 1999.

Голикова Н.В. Ценностные основания воспитания детей в крестьянской семье: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Петрозаводск, 2007.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.

Линь Лю Нравственное воспитание детей в современной китайской семье на основе народной педагогики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://disus.ru/r-pedagogika/414879-1-vozpitanie-detey-sovremennoy-kitayskoj-seme-osnove-narodnoy-pedagogiki.php> (Дата обращения 15.10.2016).

Линь Лю Умственное воспитание в китайской народной педагогике // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа, 2009. № 5. С. 76-88.

Поповичева И.В., Чжен Хао Традиции семейного воспитания крестьянских детей в русской и китайской культурах: сопоставительный аспект // Приволжский научный вестник. Ижевск: Издательский центр научного просвещения, 2014. № 8 (36). С. 107-113.

Решетнева У.Н. Этнопедагогика китайских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006 .

Русские дети: Основы народной педагогики. СПб., 2006.

Русско-китайский и китайско-русский сборник пословиц. Харбин: Хейлунцзянский университет, 2011.

Сборник китайских пословиц (Чжунго яньюй дачюэнь) / Сост. Вэнь Дуаньчжэн. Шанхай, 2004.

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЭКОЛОГИИ

Н.Г. Блохина
(Тамбов, Россия)

Статья посвящена рассмотрению методологических принципов, которым должно подчиняться построение всякой научной теории как логической системы; обосновывается, что для системного подхода к изучению языка характерны определенные принципы: гомогенность, принцип консеквенции и принцип унификации; доказывается, что упорядоченное изучение грамматических уровней – морфологии и синтаксиса – способствует культуре речи и культуре мышления.

Ключевые слова: русская лингвистика, системный подход, языковой уровень, экология языка и речи

Современный русский язык представляет собой сложную систему, части которой находятся в отношениях постоянной и необходимой взаимосвязи: один участок этой системы не существует без другого.

Грамматика представляет собой единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и отвлечённых значений по функциям в языке, а также по характеру отношений как друг к другу, так и к единицам других подсистем грамматики. Такими частными системами внутри грамматики являются морфология и синтаксис.

Грамматика языка – это не линейная плоскостная организация, а «система систем». Это качество грамматического строя требует таких методов его изучения и описания, которые способны отразить специфику категорий каждого участка в отдельности и всю сложность исследуемого объекта в целом.

Система, организуя «материю языка» на любом его уровне, ставит перед исследователем проблему взаимодействия формы и содержания в самом широком смысле.

Существуют определённые методологические принципы, которым должно подчиняться построение всякой научной теории как логической системы. Для системного подхода к изучению языка характерны следующие принципы: гомогенность, принцип консеквенции и принцип унификации.

1. Принцип **гомогенности**: всякая теория, объясняя одни факты другими, должна оперировать только такими фактами, которые носят гомогенный (однородный) характер с точки зрения её предмета: в рамках данной теории научное объяснение не может строиться на фактах, лежащих за пределами её предмета.

2. Принцип **консеквенции** (последовательности): в рамках данной теории невозможно допускать логические противоречия; приняв те или иные положения теории за истинные, мы обязаны считать истинными и все вытекающие из данных положений следствия независимо от того, подтверждаются ли эти следствия эмпирическими фактами или нет. С принципом консеквентности связано применение мысленных экспериментов.

3. Принцип **унификации** (объединения): всякая теория должна стремиться к объединению отдельных областей своего предмета на основе единых принципов. Для того чтобы объединить отдельные области той или иной науки, необходимо установить, что этим областям присуще подобие (изоморфизм), то есть наличие общих закономерностей. Принцип изоморфизма и связанное понятие изоморфизма применимы не только в точных науках, но и в лингвистике. Это объясняется тем, что в основе функционирования единиц фонологической системы и единиц грамматической системы (морфологии и синтаксиса) языка лежат однородные отношения как на синтагматической оси, так и на парадигматической. Анализ этих отношений позволяет раскрыть законы аналогии, подобия (изоморфизма), связывающие языковые уровни в единую грамматическую систему.

Таким образом, системный подход к изучению языка рассматривает его как особый целостный объект, как соответствующую «онтологическую сферу» (онтология – учение о бытии, об основных началах всего существующего) с её внутренними законами. Для понимания целостности и единства языка важны два понятия: система и структура. Понятие «система» предусматривает взаимосвязанность, взаимообусловленность однородных явлений языка. Структура – результат вертикального анализа языка от периферии вглубь (или наоборот), это та «ось», на которой крепятся различные её уровни, образуя единство разнородных элементов в целом.

Системный подход к изучению языка по-особому рассматривает проблемы абстракции. Конкретна только речь.

Грамматическая абстракция обладает особым качеством: синтаксические схемы и морфологические модели могут вмещать и менять любой лексический материал.

В отличие от абстракции лексической грамматическая абстракция – это не номинативная, а реляционная (относительная) абстракция, то есть абстракция отношений и характеристик.

Для доказательства системных отношений между морфологией и синтаксисом рационально использовать морфологические схемы частей речи и синтаксические схемы анализа по членам предложения [Блохина 2002]. Все части речи в морфологии характеризуются по общей схеме: а) определяются семантические признаки; б) грамматические признаки; в) потенциально определяются синтаксические функции каждой части речи.

Реально функция каждой части речи определяется в предложении (при переходе из одного уровня грамматики – морфологии в синтаксис).

За каждой частью речи закреплены условные синтаксические функции: за существительным – быть в предложении подлежащим, дополнением, обстоятельством; за прилагательным – быть определением, за краткой формой – быть сказуемым и т.д. Но каждая часть речи может выступать не только в ос-

новых функциях, но и в других, в таком случае меняется в какой-то степени семантика.

Системность между языковыми единицами наблюдается не только между морфологией и синтаксисом. С помощью словообразования может меняться семантика языковой единицы, и как следствие, изменяется в таком случае и синтаксическая функция. Например, отвлечённые отглагольные существительные открывают возможность для «определённого» наименования действиям и для использования соответствующих наименований в синтаксической роли подлежащего, дополнения, обстоятельства. Ср.: *Проверка закончилась. После проверки комиссия уехала.*

Важнейшие функции в грамматическом оформлении предложения выполняют фонетические (ритмо-мелодические) средства устной речи [Скобликова 1979: 231-232].

Системная организация языковых единиц характерна не только между разными уровнями, но и внутри уровня между его подсистемами, например, между простым и сложным предложением. Это можно наблюдать между членами простого предложения и придаточными предложениями сложноподчинённого предложения: деление придаточных частей соответствует делению по членам предложения в простом предложении. Почти все виды придаточных соотносятся с членами простого предложения.

Бессоюзные сложные предложения долгое время соотносили и определяли как бессоюзные сложносочинённые и бессоюзные сложноподчинённые. Методом их разграничения служил способ подстановки: если между составными частями бессоюзного предложения можно ставить сочинительный союз, то предложение будет **бессоюзным сложносочинённым**, если подчинительный союз, то **бессоюзным сложноподчинённым**. Но есть такие бессоюзные предложения, в которых равноправно могут быть вставлены как сочинительные союзы, так и подчинительные. Например: *Лето припасает – зима поедает*. Здесь составные части можно соединить двояко:

Лето припасает, а зима поедает.

Если лето припасает, то зима поедает.

Это пример очень интересен в том плане, что резкой границы между сочинением и подчинением иногда провести нельзя. Такие примеры наглядно иллюстрируют системность языка. Можно привести множество подобных примеров.

В настоящее время бессоюзные предложения обрели самостоятельный статус, они не делятся на бессоюзные сложносочинённые и бессоюзные сложноподчинённые. Важное место в разделе «синтаксис» занимают простые предложения, так как они являются «прообразом» моделей сложного предложения.

Системный подход к изучению языка, вскрывающий явления подобия (изоморфизма) между отдельными уровнями языковой системы, даёт возможность сократить систему терминов, представить языковую организацию в компрессии. Такой подход к изучению языка возник не на пустом месте, он является логическим продолжением тех представлений приёмов и методов, которые возникли в языковом сознании за всё время его развития.

Упорядоченное изучение грамматических уровней – морфологии и синтаксиса – с учётом влияния других языковых подсистем раскрывает закономерности

языкового оформления мысли, способствует культуре речи и культуре мышления, так как обеспечивает необходимую предпосылку всякой истинной культуры – сознательное отношение к использованию того национального достояния, каким является родной язык.

Литература

Блохина Н.Г. Современный русский язык. Учебник «Морфология», «Синтаксис». Тамбов, 2002.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: «Просвещение», 1979.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СВЕТЕ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Э.Н. Анохина
(г. Москва, Россия)

Статья посвящена проблемам обучения русскому языку как иностранному в транслингвальном аспекте, который связан с использованием языковых единиц, реалий родного языка и родной культуры в заданном контексте средствами русского языка (как иностранного), принадлежащего другой иноязычной культуре; данное взаимодействие культур наиболее наглядно проявляется при написании иностранными обучающимися эссе.

Ключевые слова: практика преподавания РКИ, развитие навыков письменной речи, транслингвальный аспект лингвоэкологии, конкурсная защита эссе

Эколингвистика как одно из современных направлений в области языкознания, сформированное на стыке социального, психологического и философского направлений, с нашей точки зрения, находит практическое применение в методике русского языка как иностранного.

В данном случае мы говорим о транслингвальном аспекте лингвоэкологии, который осуществляется на занятиях по русскому языку при развитии навыков письменной речи у иностранных обучающихся. Транслингвальный аспект связан с использованием языковых единиц, реалий родного языка и родной культуры в заданном контексте средствами русского языка (как иностранного), принадлежащего другой иноязычной культуре. Данное взаимодействие культур наиболее наглядно проявляется при написании иностранными обучающимися эссе.

Обучение этому творческому виду письменной речи предполагается на Первом сертификационном уровне, хотя подготовка к нему осуществляется поэтапно на Элементарном и Базовом уровнях. После выбора темы эссе, подготовки, написания эссе, составления презентации к эссе следует его защита перед товарищами и жюри, состоящем из преподавателей. Конкурсная защита своего эссе дает возможность иностранным обучающимся продемонстрировать не только исследовательскую и творческую деятельность, но и уровень владения русским языком.

Разумеется, написать эссе иностранцу, учащемуся на подготовительном факультете, трудно. Для этого необходимо иметь навыки письменной речи и творческие способности. Но если написание эссе является не спонтанным желанием преподавателя, а к его написанию ведет длительная и кропотливая работа по обучению творческой письменной речи, то и успех будет очевидным.

Исходя из своей практики преподавания РКИ, мы рекомендуем следующую систему подготовки к написанию эссе. В учебнике «Дорога в Россию» (Базовый и Первый сертификационный уровень) предусматривается много заданий на развитие коммуникативной компетенции: приводятся пословицы в соответствии с грамматической темой урока, а обучающимся необходимо сказать, как они их понимают. Целью данных заданий является развитие навыков устной монологической речи у иностранных обучающихся. После того, как этот вид работы обучающиеся освоят, задания усложняются. Например, предлагаются такие: напишите, как вы понимаете фразу или выражение. Следующий этап предполагает написание ответа по плану: вступление, основная часть, заключение. То, что обучающиеся делали раньше, является основной частью будущего эссе. Во вступлении необходимо согласиться с фразой, то есть после повторения фразы и указания на ее автора, если таковой имеется, должна следовать фраза: «Я согласен со словами...». Заключение может состоять из одного предложения – вывода по теме.

Наверное, у многих может возникнуть вопрос: почему выбрано именно эссе? Слово *эссе* пришло в русский язык из французского *essai* и переводится как «попытка, проба, очерк», исторически восходит к латинскому слову *exagium*, которое обозначает «взвешивание». В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина *эссе* определяется как «очерк, трактующий какие-нибудь проблемы не в систематическом научном виде, а в свободной форме». Таким образом, творческое эссе – небольшая по объёму письменная работа, в которой автор выражает свою точку зрения или передаёт свои чувства по какому-либо поводу с целью заинтересовать, заставить задуматься воображаемого читателя. Поэтому в эссе автор не претендует на исчерпывающую трактовку темы, он высказывает свою точку зрения. Следовательно, можно выделить две основные функции творческого учебного эссе – оказать эстетико-эмоциональное (эссе-описание) или логико-эстетическое воздействие (эссе-рассуждение).

Цель написания эссе – развитие навыков самостоятельного творческого мышления и умения в письменной форме изложить собственные мысли. Эссе – жанр, обладающий определённой структурой. Для текстов этого жанра обязательны название, введение, центральная часть и заключение, которые являются отдельными абзацами. Центральная часть представляет собой последовательность из трёх-четырёх абзацев, оформленных с помощью средств связности.

Главная идея эссе получает своё выражение в *тезисе*, который может быть сформулирован во введении (тогда он становится главным для восприятия всего эссе) или может находиться в заключении (тогда он выполняет функцию подведения итога). Факультативными элементами структуры могут являться примеры из жизни, иллюстративные сюжеты, упоминание схожих проблем или явлений. Лучше приводить 2 аргумента в пользу высказанного тезиса, чтобы не перегружать изложение.

Для жанра эссе особенно важно учитывать *краткость и образность*, при этом необходимо учитывать следующие моменты:

- 1) во вступлении и заключении необходимо сфокусировать внимание на проблеме,
- 2) выделить абзацы и красные строки,
- 3) абзацы должны быть связаны логически для достижения целостности высказывания,
- 4) стиль написания должен быть *эмоциональным, образным, художественным*, потому что цель – воздействовать на читателя / слушателя.

Специалисты считают, что предложения должны быть короткие и разнообразные по интонации. Стиль эссе отражает особенность личности автора.

Перед тем как написать аргумент к высказанному тезису, обучающийся должен задать себе вопросы:

- а) о каком событии я хочу рассказать, чем оно запомнилось мне, чему научило меня,
- б) что заставило меня поступить определенным образом,
- в) почему мне нравится предмет / явление.

Разумеется, такие важные моменты для написания эссе не всегда в полном объеме преподаватель имеет возможность сказать обучающемуся, ведь обучение идет на русском языке, и уровень языковой подготовки и фоновые знания обучающихся могут быть недостаточно высокими. Если фоновые знания обучающихся слабые, то пошаговая технология обучения написанию эссе ограничивается последовательным выполнением заданий без комментариев. Если фоновые знания обучающихся высокие, то преподаватель имеет возможность познакомить с некоторыми теоретическими сведениями об истории и особенностях написания эссе, в том числе и разных его видов.

После того, как обучающиеся напишут эссе, следует конкурс письменных работ. И только лучшие работы могут быть представлены к защите. Для защиты обучающиеся должны сделать презентацию. Обычно иностранные обучающиеся делают ее самостоятельно. При необходимости преподаватель оказывает помощь в ее подготовке и оформлении. Трудности могут быть в неумении оформить презентацию, в наличии не только коммуникативных, но и грамматических ошибок. И только потом следует защита своего эссе, о которое оценивает жюри, состоящее из преподавателей.

Несомненно, что написание эссе и его защита направлены на перспективную подготовку иностранных обучающихся к написанию и защите курсовых и дипломных работ. Практика участия в конкурсе эссе снимает психологические трудности и мотивирует к коммуникации по свободной заданной теме.

Литература

Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов. Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. С. 41-47.

Нечипоренко В.Ф. Лингвофилософские основы эколлингвистики. Калуга: Калужская облорганзаация союза журналистов России, 1998. 210 с.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Г.А. Баудер, О.А. Симонов
(г. Мичуринск, Россия)

В статье рассматриваются проблемы развития художественно-творческих способностей школьников; доказывается, что воспитание их творческих способностей будет эффективным лишь в том случае, если оно будет представлять собой целенаправленный процесс, в ходе которого решается ряд частных педагогических задач, направленных на достижение конечной цели; театрализованная деятельность даёт прекрасные возможности для развития творческих способностей школьников.

Ключевые слова: творческий потенциал, компоненты творческого развития детей, эстетический потенциал, театральная деятельность

В настоящее время исследованию проблем творческого развития детей посвящены работы Н.А. Терентьева, Л. Футлик, Г.В. Ковалева, А. Мелик-Пашаева и др., в которых рассматриваются вопросы развития творческих способностей учащихся и подчеркивается активная природа творческой деятельности.

Художественно-творческие способности являются одним из компонентов общей структуры личности. Их развитие способствует совершенствованию личности ребенка в целом. Как утверждают психологи Л.С. Выготский, Л.А. Венгер, Б.М. Теплов, Д.Б. Эльконин и др., основой художественно-творческих способностей являются общие способности. Если ребенок умеет анализировать, сравнивать, наблюдать, рассуждать, обобщать, то у него, как правило, обнаруживается высокий уровень интеллекта. Такой ребенок может быть одаренным и в других сферах: художественной, музыкальной, сфере социальных отношений (лидерство), психомоторной (спорт), творческой, где его будет отличать высокая способность к созданию новых идей. Исходя из анализа работ отечественных и зарубежных психологов, которые раскрывают свойства и качества творческой личности, были выделены общие критерии творческих способностей: готовность к импровизации, оправданная экспрессивность, новизна, оригинальность, легкость ассоциирования, независимость мнений и оценок, особая чувствительность.

В. Глоцер и Б. Джеферсон утверждают, что «любое вмешательство педагога в процесс творчества ребёнка вредит индивидуальному выражению личности». Они считают, что творчество детей возникает спонтанно, интуитивно, в советах взрослых, и в их помощи дети не нуждаются. Следовательно, роль педагога в данном случае должна заключаться в том, чтобы уберечь детей от ненужных воздействий со стороны и тем самым сохранить самобытность и оригинальность их творчества.

А.В. Запорожец, Н.А. Ветлугина, Т.Г. Казакова и другие признают интуитивность и самобытность детского творчества, но вместе с тем считают нужным разумное влияние взрослого. Можно сделать вывод, что вмешиваться в творчество детей можно по-разному. Если ребёнок с помощью взрослых научится соответствующим способам действий, будет положительно оценивать

своё творение, то такое вмешательство будет способствовать детскому творчеству. Л.С. Выготский обращает внимание на то, что в развитии детского творчества необходимо соблюдать принцип свободы, который является обязательным условием любого творчества. Это говорит о том, что творчество детей не может быть ни обязательным, ни принудительным. Оно может возникать только из детских интересов.

Изучив психолого-педагогическую, методическую искусствоведческую литературу по данной теме, можно предположить, что творческое развитие детей является важнейшей актуальной задачей в современной педагогической практике и теснейшим образом связано с искусством.

Театрализованная деятельность развивает личность ребенка, прививает устойчивый интерес к литературе, музыке, театру, совершенствует навык воплощать в игре определенные переживания, побуждать к созданию новых образов, к мышлению. Самый короткий путь эмоционального раскрепощения ребенка, снятия сжатости, обучения чувствованию и художественному воображению – это путь через игру, фантазирование, сочинительство. Все это может дать театрализованная деятельность. Именно драматизация связывает художественное творчество с личными переживаниями, т.к. театр обладает огромной силой воздействия на эмоциональный мир ребенка.

Детское творчество тесно связано с игрой, и грань между этими понятиями не всегда отчетливая. В творчестве поиск и сознание нового. Игра же изначально таковой цели не предполагает. В личностном плане детское творчество не столько основано на имеющихся задатках, знаниях, умениях, навыках, сколько развивает их, способствуя становлению личности, созданию самого себя. Оно служит более средством саморазвития, нежели самореализации. Один из существенных признаков детского творчества – его синкретическая природа, о которой говорит Л.С. Выгодский, когда «отдельные виды искусства еще не расчленены и не специализированы». Синкретизм роднит творчество с игрой, о чем свидетельствует то, что в процессе творчества ребенок стремится опробовать разные роли.

Театрализованная деятельность требует от детей внимания, сообразительности, быстроты реакции, организованности, умения действовать, подчиняясь определённому образу, перевоплощаясь в него, живя его жизнью. В.Г. Петрова отмечает, что театрализованная деятельность лежит глубоко в природе детей и находит свое выражение стихийно, независимо от желания взрослых.

Стремление к действию, к воплощению, к реализации, которое заложено в самом процессе воображения, именно в театрализации находит полное осуществление. Другой причиной близости драматической формы для ребенка является связь всякой драматизации с игрой. Игра – наиболее доступный ребенку и интересный для него способ переработки и выражения впечатлений, знаний и эмоций (А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин и др.).

В театрализованной игре осуществляется эмоциональное развитие: дети знакомятся с чувствами, настроениями героев, осваивают способы их внешнего выражения, осознают причины того или иного настроения. Велико значение театрализованной игры и для речевого развития (совершенствование диалогов и монологов, освоение выразительности речи). Театрализованная игра является средством

самовыражения и самореализации ребенка. Театрализованно-игровая деятельность детей рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах:

1) как разновидность художественной деятельности, где интегрируется со следующими видами деятельности: литературная, музыкальная и изобразительной;

2) как творческая сюжетная игра, бытующая в самостоятельном игровом опыте ребенка. Так достигается сочетание косвенного руководства ею с предоставлением ребенку возможности свободного самовыражения и бытование театрализованной игры в самостоятельной детской деятельности.

Существуют различные игры. Одни развивают мышление и кругозор детей; другие – ловкость, силу; третьи – конструкторские навыки. Есть игры, направленные на развитие творчества у ребенка, в которых ребенок проявляет свою выдумку, инициативу, самостоятельность.

В театрализованных играх развиваются различные виды детского творчества: художественно-речевое, музыкально-игровое, танцевальное, сценическое, певческое. Дети стремятся к художественному изображению литературного произведения не только как «артисты», исполняющие роли, но и как «художники», оформляющие спектакль, как «музыканты», обеспечивающие звуковое сопровождение. Каждый вид такой деятельности помогает раскрыть индивидуальные особенности, способности ребенка, развить талант, увлечь детей.

Существует немало современных концепций творческого развития личности. Опираясь на теоретический материал, можем отметить, что для успешного развития творческих способностей детей необходимы определенные условия: тёплая дружелюбная атмосфера в семье и детском коллективе, свобода в выборе деятельности, ненавязчивая, умная, доброжелательная помощь взрослых, характер творческого процесса, создание обстановки, опережающей развитие детей.

Воспитание творческих способностей детей будет эффективным лишь в том случае, если оно будет представлять собой целенаправленный процесс, в ходе которого решается ряд частных педагогических задач, направленных на достижение конечной цели. Детский возраст даёт прекрасные возможности для развития творческих способностей, и от того, насколько были использованы эти возможности, во многом будет зависеть творческий потенциал взрослого человека.

Таким образом, выделяются четыре компонента творческого развития детей: действующее лицо (созидатель), процесс действия (творчество), продукт действия (произведение) и контекст, в рамках которого происходит действие.

Литература

- Ерофеева Т.И.* Игра-драматизация // Воспитание детей в игре. М., 1994.
Жуковская Р.И. Игра и ее педагогическое значение. М., 1975.
Основы театральной культуры / Сост. Ю.И. Рубина и др. М., 1991.
Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 9-20.

К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Ж.И. Жеребцова
(г. Тамбов, Россия)

В статье поднимаются вопросы об оказании методической поддержке дагестанских учителей-словесников в различных формах; об объединении усилий дагестанских педагогов в подготовке учебно-методического комплекса лингвокультурного характера; о необходимости исследовать интерференциальные процессы; доказываемся, что результаты подобной работы представляются перспективными как в плане повышения качества обучения в регионе, в совершенствовании педагогического потенциала дагестанских учителей, так и в сфере развития методики преподавания русского языка как неродного.

Ключевые слова: учителя-словесники, Дагестан, языковая интерференция, русский язык как неродной

В последнее время вопросы преподавания русского языка как государственного языка Российской Федерации заслуживают особого внимания и глубокого изучения в аспекте сохранения, продвижения и поддержки на территории республик Российской Федерации. Одной из причин такого внимания можно считать недостаточный уровень владения русским языком у учащихся республиканских школ.

Проведение курсов повышения квалификации для учителей-словесников в Республике Дагестан в сентябре 2016 года в рамках мероприятий Федеральной целевой программы «Русский язык 2016-2020 гг.» «Развитие содержания, форм, методов повышения кадрового потенциала педагогов и специалистов по вопросам изучения русского языка (как родного, как неродного, как иностранного) в образовательных организациях Российской Федерации, а также по вопросам использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» позволило выявить ряд факторов, которые вступают друг с другом в противоречие и, на наш взгляд, снижают эффективность процесса обучения русскому языку в дагестанских школах.

В целях освещения ситуации, связанной с изучением русского языка в Дагестане немного остановимся на портрете обучаемой аудитории. Языковая ситуация в городских и сельских районах Дагестана значительно отличается. Если в городской местности в общественных местах дагестанцы говорят по-русски, то в сельской местности, наоборот, доминирующим является язык этноса.

Исторический процесс распространения русского языка на территории Дагестана, каналы усвоения русского языка в настоящее время, языковая характеристика местного населения, классификация нестандартных грамматических явлений, вызванных процессом интерференции (последствия влияния одного языка на другой) с первым языком, подробно изучены и изложены в работах М.А. Даниэля и Н.Р. Добрушиной. Здесь же подчеркивается специфика современного Дагестана, которая состоит в стремительном росте русскоязычного населения при почти полном отсутствии этнических русских. В этой ситуации формируется

специфический вариант русского языка, обладающий определенными отличительными чертами. Русский вариант Дагестана развивается в тесном контакте с местными языками, число которых около сорока. В этой взаимосвязи русская речь носителей каждого из этих языков, особенно в селах, может иметь какие-то особые черты, обусловленные именно этим языком [Даниэль 2013; Daniel 2011].

Описываемый процесс, на наш взгляд, напрямую связан с распространением **языковой интерференции**. На сложность преодоления интерференции в учебном процессе указывают и местные учителя русского языка. Отметим, что в Дагестане мы имеем дело с двумя типами интерференции: внутренней и внешней.

Внутренняя интерференция вызвана стремительной урбанизацией в республике, которая приводит к утрате национальной идентичности, а соответственно, и знания местных языков. Нередко городские дети с рождения владеют русским языком как родным, поскольку русский язык в семье является единственным средством общения в ситуации, когда родители принадлежат к разным языковым группам и проживают в городе. Так, уже в процессе формирования первичной языковой личности ребенок впитывает в себя факты интерференции от родителей, и для него это считается нормой.

Говоря об изучении русского языка под влиянием родного, нерусского, мы также сталкиваемся с процессом *внешней* интерференции на тех же фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях. В высокогорных районах Дагестана национально-культурная составляющая населения четко выражена, и средством межличностного общения остается национальный язык. Часто дети получают дошкольное воспитание дома, не посещают детские сады, и к моменту начала учебы в школе не говорят по-русски, а в школе начинают изучать русский язык как неродной, вследствие чего происходит наложение одного языка на другой.

Необходимость в преодолении интерференции языков в дагестанских школах сопряжена с другой проблемой, а именно, готовностью учителей-словесников осуществлять процесс обучения русскому языку в условиях двуязычия – государственного и национального языков.

Здесь, прежде всего, мы говорим о **методической подготовке учителей** в сфере русского языка как неродного. Проведенные курсы повышения квалификации для учителей Дагестана показали, что подход к преподаванию русского языка в школе с позиции «как неродного» является для большинства педагогов новым. Однако, следуя результатам обратной связи, необходимо отметить готовность учителей и высокую мотивацию к развитию в этой новой для них методической области.

Важно, что в условиях доминирования полиэтнической среды дагестанские учителя находятся в «эпицентре» языковых проблем. Результаты анкетирования дагестанских учителей – слушателей курсов повышения квалификации показали, что вопросы интерференции и способы ее преодоления в учебном процессе требуют внимательного детального изучения и развития. Если рассматривать процесс обучения русскому языку как неродному с позиции интерференции, то следует отметить не только значимость и ценность подробного и глубокого изучения фактов языковой интерференции, но и их отражение в содержании учебного материала. Здесь особое внимание следует уделить **учебно-методической составляющей** образовательной деятельности.

Прямое общение с учителями-словесниками республики Дагестан показывает, что вопросы обучения русскому языку в регионе остаются на протяжении десятилетий острыми и открытыми. Ситуация осложняется полиязычностью в регионе, многонациональностью учащихся в одном классе, ограниченностью повседневной русскоязычной среды в высокогорных районах, отсутствием универсального учебника, учитывающего разноуровневость и родной язык обучаемых. Учителя также отмечают потребность в совершенствовании практического владения русским языком и у русскоязычных дагестанцев, необходимость в более активном включении в обучение приемов работы над развитием видов речевой деятельности, расширение содержания обучения за счет усиления лингвострановедческого и лингвокультурного компонентов.

Следуя требованиям Федерального государственного образовательного стандарта, при обучении русскому языку мы видим необходимость в более активном использовании **лингвокультурного подхода**, который, в свою очередь, предполагает учет диалога культур как одного из основных методов обучения в полиэтничном классе. Содействие в осуществлении межкультурной коммуникации, сохранение собственной национальной идентичности, воспитание толерантного отношения к неродной культуре, формирование духовно-нравственной составляющей личности, уважительного отношения к русскому языку как государственному языку Российской Федерации – все эти задачи должны, на наш взгляд, решаться учителем ежедневно на каждом уроке, а соответственно, и быть выражены в содержании учебного материала.

В рамках одного учебного комплекса невозможно учесть потребности каждой обучаемой аудитории, поэтому в ходе курсов повышения квалификации была сделана попытка представить дагестанским учителям методику обучения русскому языку с позиции обучения «как неродному» языку. Перед учителями поставлена непростая задача, успешность решения которой во многом сопряжена с личной мотивацией в области становления собственной методики преподавания РКН, ежедневной трудоемкой работы по подготовке к занятиям, анализа собственных результатов педагогической деятельности и их совершенствования.

Итак, мы рассмотрели некоторые факторы, которые оказывают влияние процесс обучения русскому языку в школах Дагестана.

Выводы из всего вышеизложенного можно сформулировать следующим образом:

1. Необходимо регулярно оказывать методическую поддержку дагестанским учителям – словесникам в различных формах: курсы повышения квалификации, методические разработки уроков, тематические презентации, проведение открытых уроков и др.

2. На основе исследования интерференциальных процессов целесообразно разработать комплекс упражнений, направленный на устранение влияния родного языка на русский.

3. Объединить усилия дагестанских педагогов в подготовке учебно-методического комплекса лингвокультурного характера (художественные произведения с сильной нравственной составляющей, фольклорные произведения: сказки, легенды, национальные праздники, обычаи, традиции, образцовые произведения живописи, народных промыслов и т.п.) обеспечивающих межэтническую комму-

никацию в целях знакомства с другой культурой и сохранения собственной национальной идентичности.

Результаты подобной работы представляются нам перспективными как в плане повышения качества обучения в регионе, в совершенствовании педагогического потенциала дагестанских учителей, так и в сфере развития методики преподавания русского языка как неродного.

Литература

Даниэль М.А., Добрушина Н.Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции, 2013 // URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1237/danielma.pdf>. (дата обращения 14.10.2016).

Daniel Michael, Nina Dobrushina and Sergei Kniazev Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. In: *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia, 40, 2011, Pp. 65-93.

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ПРЕДЛОЖНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УЧАЩИХСЯ-ДАРГИНЦЕВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Э.М. Габибова
(г. Махачкала, Россия)

В статье рассматриваются проблемы преподавания родного и русского языков в дагестанской национальной школе; выявляются типичные ошибки учащихся-даргинцев, испытывающих большие трудности при изучении русского языка, обусловленные типологическими различиями между сравниваемыми языками.

Ключевые слова: даргинский язык, грамматические особенности словосочетаний в русском языке, методика преподавания

Преподавание родного и русского языков в дагестанской национальной школе ориентировано на формирование гармонического координативного национально-русского двуязычия, развитие всех видов речевой деятельности на обоих языках, воспитание билингвальной языковой личности [Абдуллаев 2007: 76]. Для практической реализации этого процесса необходимо использовать различные методы и приёмы.

В связи с этим важное практическое и теоретическое значение имеет изучение типов синтаксических связей слов в русском словосочетании, которые отличаются от связей слов в родных языках учащихся-дагестанцев [Методика русского языка в дагестанской национальной школе 2004: 382]. Различия в типах подчинительной связи слов и грамматических особенностях словосочетаний в русском и даргинском языках обусловлены типологическими расхождениями. Между сравниваемыми языками имеются и различия структурного характера.

Характеризуя способы синтаксической связи, следует указать на то, что в даргинском языке как в плане содержания, так и в плане выражения довольно чётко дифференцируются сочинительные и подчинительные словосочетания.

В плане содержания компоненты сочинительного словосочетания даргинского языка, как и других языков, равноправны и независимы друг от друга [Мусаев 2001: 99-100]. Проблемы изучения словосочетания даргинского языка в школе освещаются в отдельных научных работах [Багомедов 2006: 76-96, 166-167].

В отличие от русского языка в дагестанских языках, в том числе и в даргинском, различается послеложное и беспослеложное управление. По нашим наблюдениям, с этим обстоятельством связано то, билингвы-даргинцы, как и многие учащиеся школ Республики Дагестан, испытывают затруднения при изучении русских предложных и беспредложных словосочетаний, которые, в свою очередь, обусловлены типологическими различиями между русским и даргинским языками в области глагольных и именных словосочетаний.

Предложные глагольные словосочетания, состоящие глагола и имени существительного, в косвенных падежах могут выражать в русском и даргинском языках отношения пространственные, объектные, временные, определительно-обстоятельственные, целевые, причинные. отношения совместности. Например: идти по дороге – *гуйчивадвашес* (пространственные отношения), взять у брата – *узизбадкасес* (объектные отношения), читать до утра – *шаладикайчи учлес* (временные отношения) и т.д. Вышеприведённые примеры свидетельствуют о том, что в даргинском языке вместо отдельных предлогов в глагольных сочетаниях употребляются послелогии.

Как известно, в русском языке связь между словами, входящими в глагольные предложные словосочетания, осуществляется с помощью различных падежных флексий и предлогов, а в даргинском языке – при помощи падежных аффиксов (каждый аффикс здесь имеет одно окончание) и иногда послелогов, зависящих от лексико-грамматического значения стержневого слова. Это обстоятельство является причиной того, что учащиеся-даргинцы при изучении русских предложных глагольных и именных словосочетаний испытывают большие трудности, обусловленные типологическими различиями между сравниваемыми языками, допускают ошибки типа: *идти школу, пойти другу, жить в Кавказе, слезать из крыши, выйти с комнаты, дом на берегу* и т.д.

Словосочетаниям, состоящим из глагола и имени существительного в винительном падеже с предлогами *в, за, на, о (об), по, при, под, с, сквозь, через*, выражающим различные пространственные, временные, объектные, определительно-объяснительные, целевые и другие отношения, в даргинском языке соответствуют словосочетания с глаголом в качестве главного слова и существительным в качестве зависимого слова в большинстве случаев в местных падежах: смотреть в глаза – *хлулбази хлериклес*. поцеловать в лоб – *андализибайкес* и т.д. Нам думается, что этим и обусловлены в основном ошибки в речи учащихся как на смешение предлогов, так на их пропуск: *поступлю в химический факультет, я тоже поступлю институт, сел на кровати, глаза смотреть, лоб поцеловать* и др.

Каким же образом построить работу по устранению этих и подобных им ошибок учащихся. Для выработки навыков в употреблении словосочетаний данной модели мы считаем необходимым их сгруппировать по предлогам, проводить параллели с даргинским языком и составить предложения с ними. Особо следует акцентировать внимание учащихся на отсутствие в даргинском языке моделей словосочетаний с зависимым словом – именем существительным в ви-

нительном падеже с предлогами *о, по, про, под*: *ударить о камень, стоять по горло в воде, вспомнить про случай* и др. Всем подобным словосочетаниям в даргинском языке соответствуют модели с зависимым именем существительным в основных и местных падежах. Ошибки учащихся в речи, типа: *ударить на камень* (вместо: о камень), *споткнуться за порог* (вместо: о порог), *наестся до горло* (вместо: по горло), *говорить про тебе* (вместо: про тебя) можно объяснить вышеприведённым фактором.

Зафиксированные нами у учащихся-даргинцев ошибки типа: *стоять за дверь, поспориться с товарищам, сидеть между деревьях* и др. обусловлены тем, что словосочетаниям, состоящим из глагола и имени существительного в творительном падеже с предлогами *с, за, под, над, между, меж, промеж* и выражающие совместные определительно-обстоятельственные, объектные, временные, причинные и пространственные отношения, в даргинском языке соответствуют словосочетания с зависимым словом – именем существительным в одном из местных сериальных падежей. Предложным глагольным сочетаниям с зависимым словом – именем существительным в родительном падеже, выражающим большей частью определительно-обстоятельственные отношения (действия, место, время, способ, причину, цель его совершения), реже и объектные отношения, в даргинском языке соответствуют словосочетания с зависимым словом – именем существительным в одном из местных падежей: *выехать из города – шагьарлизиваддурахъес*, плакать от радости – *разидешиливисес*, ушел с утра – *савлиличивадарякъун*, добежать до дома – *хьуливаайчи дуцлухъес*, уйти без платка – *кIана агарлиаррукъеси* др.

Ошибки же и употреблении словосочетаний с зависимым словом – именем существительным в дательном падеже с предлогами *к, по, навстречу, вслед, благодаря, подобно, согласно*, выражающим объектные, временные, целевые, пространственные, определительно-обстоятельственные, причинные и другие отношения: *выйти доске, плыть по море, благодаря меня* и др. обусловлены тем, что в даргинском языке им соответствуют словосочетания с зависимым словом именем существительным в местных падежах: *идти к другу – гьалмагъличичукъес* (букв. друге идти), *бродить по лесу – вацIализив къяйцIикIес* (букв. лесе ходить), *пойти по направлению к городу – шагьарла шайчивяхI ватихъес* (букв. городской сторону пойти) и др.

Поэтому недостаточно, чтобы учитель русского языка лишь попутно указывал на черты сходства и расхождения между фактами русского и родного языков. Важно, чтобы ученик осознал языковые факты, только при этом условии можно выработать у нерусских учащихся навыки правильного сочетания слов в русском языке [Методика русского языка в дагестанской национальной школе 2004: 382-383]. Необходимо вести целенаправленную и систематическую работу над словосочетанием, над установлением зависимости между словами в предложении, над формированием навыков практического овладения падежами.

Литература

Абдуллаев А.А. Двухязычие как объективная реальность и общественная потребность и задачи совершенствования его функционирования. Махачкала, 2007. 124 с.

Багомедов М.Р. Методика изучения простого предложения на уроках даргинского языка (на даргинском языке). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 237 с.

Методика русского языка в дагестанской национальной школе / под ред. Г.И. Магомедова. Махачкала: Издательство НИИП, 2004. 616 с.

Мусаев М.-С.М. Даргинский язык / отв. ред. М.Е. Алексеев. М.: Academia, 2001. 184 с.

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.И. Полунина, А. Попова
(г. Мичуринск, Россия)

Статья посвящена описанию тематических групп бытовой лексики, зафиксированной на территории Мичуринского района Тамбовской области, которую следует использовать при изучении курсов «Лексикология русского языка», «Русская диалектология»; доказывается, что живой фактический материал будет способствовать приобщению обучающихся к познанию материальной и духовной культуры региона.

Ключевые слова: бытовая лексика, мичуринские говоры, Тамбовский край

Изучение памятников минувших эпох есть путь к познанию национально-языковой культуры. Существительные «*быто*» и «*быт*» являются древнейшими словами, соотносящимися в русском языке с обозначением имущества. В «Юридическом лексиконе» Я. Гурлянда (1885) существительное «*быто*» трактуется как «старинно-русский термин, значащий: пожитки, скарб». Исследованный К.П. Смолиной материал подтверждает это определение [Смолина 1990]. Слова «*быто*», «*быт*» употребляются в значении «движимое имущество». К.П. Смолина, выявляя значение слова «*быт*», самым детальным образом анализирует смысловую структуру этого слова, определяет семный состав значений, который включает четыре семы: «материальные ценности», «материальные ценности в их совокупности», «определенный вид имущества», «принадлежность» [Смолина 1990: 83].

По-видимому, слово «*быт*» соотносится со значением слов «жирный», «здоровый», т.к. «здороветь» и «толстеть» может только тот, кто имеет «достаток, имущество». В памятниках древнерусского языка XI-XII веков слова «*быто*» и «*быт*» употреблялись крайне редко, в основном в значении «движимое имущество». Ни в церковно-юридической литературе, ни в официально-деловой письменности данное слово не употребляется.

В словаре С.И. Ожегова: «*Быт* – общий жизненный уклад, повседневная жизнь» [Ожегов 1983: 57]. Слово «*быт*» настоящее время толкуется как «повседневная жизнь с установленными правилами, обычаями, привычками». На основании данного определения понятие «бытовая сфера» определяется следующим образом: «это существующая в действительности повседневная жизнь с установленными правилами, обычаями, привычками». Следовательно, лексика бытовой сферы – это лексика, областью распространения которой является повседневная жизнь. По мнению Г.Н. Лукиной, бытовая лексика отражает материальную культуру [Лукина 1987: 245].

В мичуринских говорах по материалам, полученных от информаторов, выделяются следующие тематические группы бытовой лексики:

– **названия кушаний:** коврижки, тюря, размазня, краюшка, сайка. *Коврижка* – бытовой пряник с узорами. *Тюря* – тюрка, самая простая еда, хлеб или сухари, корки, покрошенные в воду с солью, хлебная крошка на квасу, иногда с луком, иногда крошево хлебное во щак. *Краюха, краюшка* – крайний отрезок, ломоть от края, хлебная горбушка. *Сайка* – булка, пшеничный хлебец самого крутого замесу;

– **названия напитков, преимущественно хмельных:** бражка, сбитень, ерофей, сивуха. *Бражка* – домашнее, крестьянское, корчажное пиво; хлебный напиток, иногда более похожий на квас. *Сбитень* – горячий напиток из подожженного меду с пряностями. *Ерофей* – горькое вино, настойка, водка, настоянная травами *Сивуха* – протак, полугар, хлебное жидкое, дурное вино с пригарью, брандахлыст;

– **названия одежды, головных уборов, обуви:** зипун, шугай, кокошник и др. *Зипун* – русский кафтан без козыря (колнера, стоячего ворота), вообще крестьянский рабочий кафтан, верхний кафтан от непогоды из понитка, домотканого сукна, белого, серого, смерого; шабур, чатан, сермяга, азам. *Шугай* – шугайка, шугаец, шугайчик, шугаек, шугашка – род суконной или ситцевой, шелковой, даже порчевой короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застежками, с перехватом и с ленточной оторочкой кругом. *Кокосник* – народный головной убор русских женщин в виде опахала или округлого щита вокруг головы;

– **названия построек и их частей:** изба, лачужка, овин, чулан и др. *Изба* – крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом, жилая горница, комната, чистая (не стряпная половина), людская или кухня, жилье для прислуги в барском дворе. *Лачужка* – хижина, плохая избенка. *Овин* – строение для сушки хлеба в снопах. *Чулан* – отгороженная от сеней или комнаты кладовая, особо для съестного; у крестьян это род клетки в просторных сенях, где лежит запасная одежда, а летом спят; стряпная в избе, за перегородкой;

– **названия предметов домашнего обихода:** лукошко, ушат, плошка и др. *Лукошко* – гнутый коробок, кузовок, обечайка с доньшком из дранки, лубка, бересты, а по назначению своему зовется набиркою, мостинкою, ягодницей, грибовницей, ималкою. *Ушат* – обрубная посуда для носки вдвоем воды, с ушами, с проемами в двух супротивных клепках. *Плошка* – низкий, широкий, развалистый сосуд, глиняный, черепяный; латка, глиняная сковородка, круглая или долгая;

– **названия музыкальных инструментов:** волынка, дудка. *Волынка* – телячий или козий мех, снятый дудкой, бурдюком, зашитый наглухо и снабженный сверху надувною трубкою, а снизу одной – двумя игральными, по которым волынщик перебирает пальцами. *Дудка* – народное музыкальное орудие у пастухов, ребят, нищих, редко употребляемое вместе с прочими народными музыкальными орудиями;

– **слова, связанные с обычаями, обрядами, суевериями:** ворожба, зелье, приворот, посиделки.

Ворожба – шепты, лечение у бабки, шептухи; ворожба как злой умысел, порча людей. *Зелье* – снадобье, лекарство, еда, отвар. *Приворот* – зелье, знахар-

ское снадобье, приворотный корешок; любжа, чем привораживают людей одного к одному. *Посиделки* – сборище крестьянской молодежи по осенним и зимним ночам под видом рукоделия, пряжи, а более для рассказней, забав и песен, вечерки, вечерницы.

– *названия игр, плясок*: байки, жмурки и др. *Байки* – говор, речь, гуторка, произношение, выговор, способ выражения, образ объяснения, побасенка, прибаска, сказочка, присказка. *Жмурки* – глаза, тазы, баньки, буркалы. Игра, в которой один, с завязанными глазами, ловит других; жачки, жмаканцы.

Этот перечень названных тематических групп дает яркое представление о мире крестьянского быта на Тамбовщине и может быть использован при изучении курсах «Лексикология русского языка», «Русская диалектология».

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1989-1991.

Лукина Г.Н. К семантической характеристике бытовой лексики древнерусского языка XI-XIV вв. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. М., 1990.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Т.О. Коноплева
(г. Москва, Россия)

В статье делается попытка обосновать необходимость анализа институциональных альтернатив, что позволяет обозначить подходы к решению проблем, которые появляются в связи с возникновением и изменением различных институтов, в том числе в рамках институциональной модернизации российской системы образования.

Ключевые слова: система образования, институциональная экономика

Развитие сферы образования в нашей стране на данном этапе нуждается в институциональной модернизации своей экономической системы для более качественного и эффективного выполнения различных задач, в основном носящих стратегический характер: повышения качества национального человеческого капитала в научно-образовательном пространстве страны.

Экономическая система образования представляется как упорядоченная совокупность хозяйственных связей и отношений, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления образовательных услуг на различных уровнях общественной организации с целью удовлетворения потребностей экономических субъектов в образовании при ограниченных ресурсах, выделяемых на эти цели. Экономическая система образования не может существенно отличаться от производства материально-технических благ. Это

вытекает из особенностей образования как сферы накопления и воспроизводства человеческого капитала, результаты деятельности которой реализуются в перспективе.

Экономические отношения, в том числе и отношения, возникающие в сфере образования, тяготеют к внутренней упорядоченности и систематизации. С позиции теории институциональной экономики исследование экономической системы предполагает, что взаимодействие экономических субъектов, осуществляющих процессы производства, распределения, обмена и потребления, разворачиваются не в чистом рыночном пространстве, а в поле, где функционируют разнообразные институты.

Взаимопроникновение экономического пространства и институционального поля обуславливает расширенную трактовку трансакционных издержек, первоначально понимавшихся лишь как издержки рыночного обмена. Анализ подходов к определению трансакционных издержек позволяет сделать вывод о том, что они выступают, как:

- критерии влияния на возможности реализации прав для осуществления экономически значимых действий;
- препятствие для реализации возможностей, предоставляемых различными формами социально-экономических взаимодействий, трансакционные издержки ведут к росту экономических потерь, для уменьшения которых требуются специальные институты;
- стоимость ресурсов, отвлеченных в целях создания и использования институтов как способа экономии трансакционных издержек;
- база для оценки эффективности того или иного института на основе определения экономии или прироста трансакционных издержек при трансформации институциональной структуры.

Трансакционные издержки являются одной из центральных категорий не только институционального анализа, но и теории управления инновациями, поскольку затраты на продвижение инноваций на стадии внедрения превышают в 6-8 раз затраты на создание новшества. Это является еще одним подтверждением востребованности методологии новой институциональной теории для анализа проблем экономики общественного сектора, в том числе экономики образования.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ (Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р) развитие образования в области инновационного предпринимательства является базовой компетенцией в развитии социальных институтов. В экономическом пространстве происходит вовлечение и соединение в процессе производства образовательных услуг различных ресурсов. Совокупность соответствующих ресурсов производства оказывает экономическое воздействие на трансакцию. В отличие от сферы производства материально-технических благ в сфере образования процесс производства образовательных услуг совпадает с процессом их потребления.

Отношения и связи в рамках образовательного процесса обеспечивают воздействие институционального поля на трансакцию. Институтация как отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни вводит человека в статус исполнителя особого социального значимого типа действия. Изначально статус

субъекта существует как продукт институций, пока он производится для себя, но в дальнейшем, когда статус начинает пользоваться спросом извне, он производится для других, на продажу и превращается в товар, а производящая его институция оборачивается своеобразным человеческим капиталом, приносящим доход. С этой позиции образовательный статус, полученный в результате инвестиций в образование, связан с возможностью получения денежных и неденежных выгод.

Процесс перехода институтов из одной страны в другую требует переосмысления мирового опыта и актуализации собственного институционального потенциала. В условиях глобализации такие процессы существенно активизируются, при этом возникает проблема трансплантации, заимствования и переноса институтов, сформировавшихся в одной экономической системе в другую экономическую систему. Появляется необходимость выявления взаимозависимости и комплиментарности заимствуемых институтов и сложившейся институциональной среды. Существующая институциональная система может оказывать жесткое воздействие на заимствуемый институт. Негативный опыт российских реформ доказывает невозможность прямого переноса зарубежных институтов в российскую среду. Этот опыт должен учитываться при институциональных изменениях инновационной системы России и инновационного образования как ее базового элемента, связанных с внедрением рыночной модели и положениями Болонского процесса, в соответствии с которым функционирует европейское образовательное сообщество.

Исследуя институциональные изменения, необходимо учитывать, что институциональная структура обладает свойством инертности, которое заключается в том, что большинство институциональных инноваций оказываются отвергнутыми в процессе эволюции экономической и социальной системы. Институциональная инерция, с одной стороны, выполняет защитную функцию, как реакцию системы на разрушающие ее инновации, с другой стороны, замедляет модернизацию этой системы, что иногда выражается в возвращении к привычным схемам.

Анализ институциональных альтернатив позволяет обозначить подходы к решению проблем, которые появляются в связи с возникновением и изменением различных институтов, в том числе в рамках институциональной модернизации российской системы образования.

Литература

Федеральный закон от 21.07.2011 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117193/ Дата обращения: 20.10.2016

Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Режим доступа: http://base.garant.ru/70106124/#block_72. Дата обращения: 20.10.2016

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.И. Полунина, А. Свиридова
(г. Мичуринск, Россия)

В статье развитие интереса учащегося к русскому языку рассматривается на соотношении нескольких мотивов: интересно, поскольку занимательно; подражание учителю, вера в его слово; прагматический аспект (осознание практической потребности в знаниях по предмету).

Ключевые слова: эффективность обучения, русский язык, познавательная активность

Главная задача обучения русскому языку – развивать школьника как личность, умеющую полноценно владеть устной и письменной речью.

Одна из наиболее актуальных проблем современной школы – падение интереса учащихся к русскому языку и, как следствие, неумение правильно выразить свою мысль. С давних пор роль интереса в повышении эффективности обучения отмечалась такими методистами, как Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский и др. На роль интереса в работе по языку обратил внимание Ф.Ф. Фортунатов. Он писал: «...необходимо вести преподавание русской грамматики в этих школах так, чтобы учащиеся находили практическое применение получаемых сведений», поскольку «чисто теоретического интереса к изучению грамматических явлений родного языка нельзя, понятно, ждать». Интерес (в методическом плане) – эмоциональное отношение учеников к предмету, которое вызывает у детей желание познать изучаемое и стимулирует увлечение этим предметом [Прохоров 2000]. Познавательный интерес мотивирует ребенка на учебную деятельность. Решая проблему развития интереса у учащихся к изучению русского языка, нужно учитывать, что русский язык – это не только предмет изучения, но и средство обучения в работе по другим предметам. Еще педагоги-классики, такие, как Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др., утверждали, что учитель должен сформировать новый тип общения с учениками, который способствовал бы познавательной активности, развитию трудолюбия, самостоятельности, интереса к окружающему миру. В условиях обычного школьного обучения у большинства учащихся учебно-познавательные мотивы находятся на низком уровне. Теоретический курс русского языка достаточно труден, поэтому часто не интересен, не привлекателен для школьника, что отражается на его учебной деятельности по усвоению данного предмета, поэтому необходимо использование на уроках русского языка дополнительных средств, способствующих возникновению познавательного интереса у учащегося.

Интерес к русскому языку соотносится с мотивами учения. Выделяется несколько этапов в развитии у учащихся интереса к русскому языку: 1) занимательно, поэтому и интересно; 2) вера в слово учителя о значимости предмета; 3) осознание практической потребности в знаниях по предмету [Подгаецкая 2005].

Любой, даже самый трудный материал, запоминается учащимися без особого труда, если при его объяснении на уроке использовать принцип занимательно-

сти, разнообразные игровые моменты, вызывающие у учеников положительную мотивацию к изучению русского языка.

Интересные схемы, таблицы, истории, сказки благотворно влияют на отношение учащихся к русскому языку как к учебному предмету, при этом это способствует развитию у них наблюдательности, фантазии и зрительной памяти. Развитие интереса к изучению русского языка должно способствовать повышению результатов изучаемого предмета. Методы обучения и средства в построении интересного занятия по русскому языку играют важную роль. Основная цель обучения русскому языку состоит в формировании и совершенствовании умений и навыков владения языком в различных сферах речевого общения. Занимательный материал – материал, необходимый для создания интереса и для привлечения внимания детей к уроку. К занимательному материалу относятся сказки, загадки, стихи, ребусы, кроссворды, головоломки др. На уроках русского языка могут широко использоваться игры. Языковые игры развлекательны и содержат дидактический материал. Выделяют игры, в основе которых лежит наблюдение; игры на конструирование, на изобретение новых структур; игры творческие; игры по языковому материалу (словесные, грамматические, буквенные и др.) [Лозинская 2000].

Эффективным средством активизации познавательной деятельности учащихся и повышения у них интереса к изучаемому предмету является использование информационных технологий в образовательном и самообразовательном процессе. Информационно-коммуникационные технологии позволяют разнообразить формы работы, деятельность учащихся, активизировать внимание, повышают творческий потенциал личности.

В школьный период ребенок старается узнать как можно больше о мире, поэтому, если найти правильные подходы, обучение русскому языку из сложной и утомительной необходимости может превратиться в увлекательное путешествие в мир знаний. Использование занимательного материала, представляющего собой сильнейший фактор психологической адаптации ребенка в новом учебном пространстве, поможет решить проблему естественного ненасильственного внедрения ребенка в мир познания родного языка.

Во время обучения у учащихся формируется интерес к учебным предметам, выявляются склонности к различным областям знания, видам труда, развиваются нравственные и познавательные стремления. Этот процесс происходит не автоматически, он связан с активизацией познавательной деятельности учащихся в процессе обучения, развитием самостоятельности школьников.

Разнообразие игровых моментов на уроке позволяет учителю вызвать активную заинтересованность учеников. Трудные задания привлекают учеников своей новизной, необычностью, нестандартностью, что способствует созданию положительной эмоциональной обстановки.

Развитие воображения и творческих способностей является важнейшей задачей образования. Этот процесс пронизывает все этапы развития личности, пробуждает инициативность, самостоятельность принимаемых решений, привычку к свободному самовыражению, уверенность в себе, потому что истинная цель обучения – это не только овладение определёнными знаниями, умениями и навыками, но развитие и воспитание творческого человека [Власенков 2004].

При развитии познавательной активности учащихся должен стремиться к развитию и сам педагог. Только такая совместная деятельность приведет к желаемому результату.

Л.Н. Толстой писал: «Чем труднее работать учителю, тем легче учиться ученику». Эти слова заставляют задуматься. Действительно, если учитель серьезно анализирует свою работу, продумывает цели и задачи каждого урока, внимательно относится к подбору материала, творчески подходит к выбору форм и методов проведения уроков, то тем самым он создает условия, способствующие повышению уровня мотивации учения, познавательной активности, расширению кругозора, развитию интереса к предмету и творческих способностей учащихся. А при этих условиях детям учиться легко и интересно.

Литература

- Власенков А.И.* Развивающее обучение русскому языку. М.: «Академия», 2004. 526 с.
- Лозинская Т.П.* Русский язык – это интересно: Книга для учителя Брянск: Курсив, М.: Московский лицей, 2000. 192 с.
- Подгаецкая И.М.* Воспитание у учащихся интереса к изучению русского языка». М.: «Просвещение», 2005. 263с.
- Прохоров А.М.* Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Научное изд-во Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1458 с.

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ. ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕМЫ)

Г.Б. Григорьева
(г. Семей, Казахстан)

В статье рассматривается эколингвистическая сторона речевой культуры личности журналиста; обосновывается, что преподаватель должен формировать у студентов правильное восприятие действительности с одной стороны, с другой – свой собственный образ – человека, не просто работающего с информацией (собирающего, обрабатывающего), но знающего ту форму, которую должна приобрести последняя, чтобы не просто адекватно, а еще и этично передать содержание фрагмента действительности, представляющего общественный интерес.

Ключевые слова: профессия журналист, эколингвистический аспект, речевая культура журналиста

В процессе подготовки будущих журналистов следует учитывать некоторые особенности данной профессии, в частности ее публичный характер, коммуникативную природу продуктивной деятельности, участие в формировании общественного мнения и др.

Опираясь на общую схему процесса журналистской деятельности, представленную во многих учебниках по журналистике: **ЖУРНАЛИСТ – ОКРУЖАЮЩАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ИНФОРМАЦИЯ – ПРОДУКТ ОБРАБОТКИ**

ИНФОРМАЦИИ – АУДИТОРИЯ, преподавателю необходимо учитывать одну очень важную позицию в своей работе. Педагог должен формировать у студентов правильное восприятие действительности с одной стороны, с другой – свой собственный образ – человека не просто работающего с информацией (собирающего, обрабатывающего), но знающего ту форму, которую должна приобрести последняя, чтобы не просто адекватно, а еще и этично передать содержание фрагмента действительности, представляющего общественный интерес.

Особенность журналиста-профессионала состоит в том, что он, как никто другой, должен много читать, размышлять, обладать умениями сравнивать, анализировать, уметь задавать вопросы и слушать, иметь собственное мнение и др., а затем уметь облекать информацию в соответствующий продукт (текст в широком и узком понимании слова).

Можно согласиться с мыслью В.В. Познера, о том, что «нынешняя подготовка журналистов в системе высшего образования, охватывающего в настоящее время в первую очередь тех, кто поступает в вузы сразу после окончания школы, – это издевка, поскольку нельзя научить журналистике молодых людей, не имеющих глубоких знаний в определенной области, обладающих минимальным жизненным опытом», высказанной на одной из открытых лекций, прочитанной студентам факультета журналистики МГУ. Журналист – человек, умеющий донести до читателя, слушателя, зрителя то информацию о событии, о котором он знает в полноте, в историческом или социокультурном разрезе. Во многих странах обучают творческому процессу создания текстов тех, кто уже имеет высшее образование и испытывает огромное желание рассказывать об этом широкой аудитории.

Но, поскольку все же на постсоветском пространстве журналистике обучают в вузах, в ходе профессиональной подготовки следует обращать внимание на формирование облика будущего журналиста, одной из составляющих которого, на наш взгляд, является эколингвистическая сторона.

Эколингвистика представляет собой научное направление в изучении языковой сферы обитания человека и общества, формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка при возможном решении проблем окружающей среды [Иванова 2007: 41-47]. Эколингвистика представляет собой молодую отрасль науки о человеке, объединяющую философию, психологию, лингвистику и другие научные знания, помогающие изучить человека как сложного субъекта познания, как человека говорящего – речевую личность, решающую средствами языка (в речевом исполнении) конкретные прагматические задачи.

Опуская аспекты исследования в данном научном направлении, отметим, эколингвистический подход в обучении речи будущих журналистов-носителей и «преобразовывателей» информации, который также можно рассматривать и изучать в практическом и теоретическом планах.

Говоря об эколингвистической составляющей текстов, создаваемых журналистами, безусловно, следует учить студентов, как правильно, точно, логично, образно излагать мысли, облекая их в форму текста.

В последнее время особое внимание обращается на энергетику слова – связь с ноосферой, разумной оболочкой Земли, открытой советским ученым В.И. Вернадским. Очень много наблюдений лингвоэкологов связано с языковым воздей-

ствием на массовое сознание через средства массовой информации, массовую печать, аудио- и видеопroduкцию и т.п. Часто влияние СМИ оценивается как негативное, оно катастрофически сказывается на состоянии интеллекта и нравственного здоровья личности. Сегодня ученые говорят и об энергичной природе слова, которое воздействует на вещественный мир, восстанавливая его либо разрушая [Русинова 2011].

Как известно, символ (а слово и есть символ, даже более, – концепт), несет не только смысловую нагрузку предмета, но и выражает его сакральную суть и мощь и также обладает властью воздействия, притяжения или подавления [Лотман 2000]. Можно говорить о переходе внутренней формы слова во внешнюю, особенно через так называемые «проявленные» корни, в которых связь корня слова с действительностью легко устанавливается. Пронаблюдайте за корнями приведенных ниже слов:

волнуюсь – волна; обостряю (проблему) – острый; (разрешите), перебыю (вас) – бить; (можно) прерву (вас), прервемся рвать, возмущаться – мутить, мутный, восхищаться – похитить и др.

Подобные слова легко вспоминаются, так как являются общеупотребительными и входят в речевой оборот многих людей. Этот ряд можно без труда продолжить. Но замечают ли употребляющие эти и многие другие похожие слова на последствия, которые насыщаются словесной энергетикой. Вот на это и следует обращать внимание студентов при составлении ими текстовых форм.

Есть и другая категория слов:

благотворный – творящий благо; благодарный – благо дарящий, подарок – дар, смиренный, смиренный – мир; спокойный – покой.

Какой лексический рисунок выбирает автор, какие установки при этом он реализует – эффект разорвавшейся бомбы, управляемый хаос, паника, агрессия. Такие состояния могут содержать в себе структурированные тексты.

Считаем, что работа в данном направлении должна вестись систематически, как при анализе текстов СМИ, так и при составлении собственных.

Лингвисты акцентируют внимание, всячески подчеркивают причинно-следственные связи в отношениях между состоянием речи, состоянием мысли, состоянием сознания, которые являются предпосылками поступков; поступками, которые составляют сущность поведения людей, и поведением людей, которое определяет судьбу народа.

Эколингвистическая сторона речевой культуры личности в формировании профессионального облика может представлять интерес не только в аспекте подготовки будущих журналистов, но и при подготовке специалистов в любой области, а также для каждого человека, поскольку коммуникация в социуме осуществляется посредством языка, и ничего более универсального человечество пока не выработало.

Литература

Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Б. Попова. Ч.: ИИУМЦ «Образование», 2007.

УРОКИ СЛОВЕСНОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Т.А. Денисова
(г. Тамбов, Россия)

Статья содержит задания, которые позволяют обеспечить построение учебного процесса на основе личностно-деятельностного подхода и переход от репродуктивного способа обучения к задачному, результатом которого является овладение учащимися универсальными учебными действиями (метапредметными умениями), соответствующими возрастным и психологическим возможностям, как средством социализации личности ученика.

Ключевые слова: уроки словесности, грамотность учащегося, коммуникативные и познавательные метапредметные умения

Современное общество предъявляет к человеку все более жесткие требования: ему необходимо быть эффективным, конкурентоспособным работником, творческим, самостоятельным, ответственным, коммуникабельным человеком, способным действовать в ситуации неопределенности, иначе говоря, обладать комплексным личностным ресурсом, обеспечивающим возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром в той или иной области. Соответственно, возрастает роль социальных и коммуникативных умений, умения работать в команде, принимать решения, а новый подход к пониманию образовательных результатов определяет необходимость отказа от привычной знаниевой парадигмы образования.

Таким образом, возникает противоречие между требованиями, которые предъявляет к человеку эпоха взаимодействия и диалога, и неготовностью подрастающего поколения к практической реализации этих требований.

Разрешение данных противоречий требует системы обучения, основополагающим принципом которой должен быть принцип деятельностного подхода, целью которого является формирование функциональной грамотности, т.е. способности человека вступать в отношения с внешней средой, быстро адаптироваться и функционировать в ней. Системно-деятельностный подход определяет необходимость представления нового материала через развертывание последовательности учебных задач, моделирования изучаемых процессов, использования различных источников информации.

Таким образом, возникает необходимость создания условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных и иных проблем, составляющих содержание образования, и воспитания выпускника, умеющего ориентироваться в меняющихся жизненных условиях, гибкого в принятии решений, умеющего искать ответы на поставленные вопросы и ориентироваться в информационном пространстве, иначе говоря, возникает необходимость формирования метапредметных умений.

В этих условиях задача учителя состоит в формировании и развитии в ходе образовательного процесса условий для обучения учащихся самостоятельному конструированию своего знания, необходимого для решения возникающих перед ним задач, для объединения элементов знаний в нужные комбинации, а затем – в новое знание. Уроки словесности – самая благодатная среда для формирования коммуникативных и познавательных метапредметных умений, лежащих в основе функциональной грамотности. Можно выделить основные принципы работы над их формированием:

- Коммуникация – взаимодействие «говорящих сознаний» (принцип единства лингвистики, психологии, культурологии);

- Принцип синергетичности слова;

- Принцип применения механизмов инференции;

- Принцип изучения литературы в контексте культуры (анализ литературного произведения с онтологической, аксиологической, национально-культурной точки зрения).

Каждому из выделенных принципов соответствуют приемы формирования заявленных компетенций. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Коммуникация – взаимодействие «говорящих сознаний» (принцип единства лингвистики, психологии, культурологии). Реализация этого принципа связана с анализом взаимодействия мыслительных и языковых структур в индивидуальной и национальной концептосферах, характерного для новой научной парадигмы изучения и описания языка – когнитивной. В общем виде ее можно определить как реализацию человеческого опыта и знаний в языковых категориях. Когнитивная семантика учитывает не только объективные, существенные свойства и характеристики объектов, но и специфику восприятия человеком той или иной ситуации, его индивидуальный опыт. Это позволяет наиболее полно и глубоко проанализировать и описать значения слов, знания о мире, которые хранятся в человеческом сознании в виде категорий. Речь в данном случае идет о пополнении единства «человек – картина мира – язык – культура» связкой «мышление». Это очень важно для формирования функциональной грамотности, т.е. способности человека свободно использовать навыки чтения и письма для целей получения информации из текста, ее преобразовании и передачи в реальном общении.

Принцип применения механизмов инференции. В процессе формирования компетентного читателя важно опираться на принцип «Текст – «не стена, а стекло», т.е. формировать умение видеть и извлекать имплицитную информацию из текста, применять механизмы инференции (семантического вывода).

В.В. Красных устанавливает соотношение трех уровней значения и понимания текста. На первом, поверхностном уровне, происходит восприятие формы, понимание прямого значения компонентов текста. На втором, глубинном уровне, осуществляется понимание непрямого значения, т.е. дополнительных смыслов, подтекста и т.д. Наконец, на третьем уровне, который называется смысловым, в индивидуальном когнитивном пространстве реципиента формируется восприятие концепта, который стал отправной точкой для порождения текста [Красных 1998]. По словам В.В. Красных, «текст покоится на ситуации», но происходит это опосредованно, через отражение ситуации в сознании автора. Концепт при этом является и отправной точкой при порождении текста, и конечной точкой при его восприятии.

В паре «автор – реципиент» каждый обладает индивидуальным когнитивным пространством. При пересечении индивидуальных когнитивных пространств возникает «общая зона», которая позволяет автору и читателю понимать друг друга. Справедливым в этом ракурсе рассмотрения интерпретации концепта представляется мнение Д.С. Лихачева: «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта» [Лихачев 1993: 5].

Для реализации этого принципа целесообразно использовать следующие приемы:

- анализ прецедентных текстов, афоризмов;
- анализ публицистических текстов, художественных текстов притчевое характера (Д.С. Лихачев, «Письма о добром и прекрасном», «Заветное»; Н. Рерих, «Нерушимое»; А. де Сент-Экзюпери, «Планета людей»).

Умению различать фактуальную и подтекстовую информацию, соответственно, формированию функциональной грамотности, а также способности делать выбор, планировать деятельность и отстаивать свою точку зрения, устанавливать причинно-следственные связи может способствовать следующее задание. По итогам изучения повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» учащимся для написания сочинения предлагается не перечень тем, а перечень афоризмов и следующий алгоритм выполнения задания:

1. Проанализируйте предложенные афоризмы.
2. Выберите наиболее понятный (удобный, соответствующий вашему восприятию произведения).
3. Используйте выбранный афоризм как эпитафия к сочинению.
4. Сформулируйте тему вашего личного сочинения в соответствии с выбранным эпитафией.
5. Напишите сочинение, соответствующее сформулированной теме.

В качестве эпитафий восьмиклассникам предлагаются следующие афоризмы:

1. Следует тратить тело и дух для добычи пищи, но не следует тратить для этого чести (А. Платонов)
2. Ценность чувства измеряется жертвой, которую вы готовы принести за него (Д. Голсуорси)
3. Предельное мерило ценности человека – не то, как он ведет себя в часы уюта и удобства, а то, как он держится во времена борьбы и противоречий (М. Кинг)
4. Попробуй исполнить свой долг, и сразу узнаешь себе цену (И. Гете)
5. Цена человека определяется тем, как он оправдывает свои поступки (В. Швобель)
6. Власть не развращает. Развращает страх – страх потерять власть (Д. Стейнбек)
7. Нет более безнравственного образа жизни, чем у воюющих ради платы, без уважения к делу, которому они служат (Гроций)
8. Многие хотели бы стать благородными орлами, но как только они поднимаются ввысь, то напоминают воронов, высматривающих падаль (В. Швобель)
9. В основе своей бунт – это язык неслышанных (М. Кинг)

10. История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков (В. Ключевский)

Подобные задания позволяют обеспечить построение учебного процесса на основе личностно-деятельностного подхода и переход от репродуктивного способа обучения к задачному, результатом которого является овладение учащимися универсальными учебными действиями (метапредметными умениями), соответствующими возрастным и психологическим возможностям, как средством социализации личности ученика.

Литература

Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник МУ.1998.№ 1.С. 26-37.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. №1. С. 3-9.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Ю.А. Непрокина
(г. Тамбов, Россия)

В статье рассматривается использование регионально ориентированного материала на уроках РКИ, что не только помогает сформировать у обучающихся прочную коммуникативную компетенцию, но и позволяет преодолеть проблемы межкультурной коммуникации; доказывается, что региональная художественная литература является благодатным материалом для углубления знаний студентов о русском языке.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, региональная художественная литература

Обучение иностранных студентов русскому языку не мыслится без культуроведческого аспекта. Знакомство с культурой страны изучаемого (русского) языка, осознание учащимися системы ценностей, традиций и норм русской культуры является одной из главных задач в преподавании РКИ. Зачастую иностранные студенты, приезжающие в Россию учиться, имеют искаженные сведения об обычаях, традициях нашей страны, о русских людях, или не имеют их вовсе. Язык содержит не только лексические и грамматические факты, но и культурно-исторический слой, без знания которого невозможна успешная коммуникация.

Наряду с этим нам представляется актуальным и важным включение в процесс обучения регионального компонента. Этому способствует несколько причин. Во-первых, преподаватель обязан помочь своим студентам пройти активную социализацию в том конкретном регионе, где проходит их обучение, где они живут, взаимодействуют с социумом. Насколько будет успешна адаптация к жизни

в России, в частности в городе Тамбове, настолько комфортна и успешна будет учебная деятельность студентов. Во-вторых, региональность конкретизирует общую национальную картину мира, закрепляясь в текстах, в речи народа. Каждый регион имеет «свое лицо», поэтому важно познакомить студентов с определенными историческими данными, с реалиями действительности, характерными для конкретной местности, с обычаями и традициями края. Презентация регионального материала может осуществляться уже на начальном этапе обучения в виде уроков-экскурсий по историческим местам, посещения музеев, театров, проведения русских народных праздников с участием русских и иностранных студентов (*Новый год, Масленица* и др.)

Как известно, знание иностранного языка предполагает не только приобретение языковой и речевой компетенций, но и восприятие, осознание особенностей менталитета носителей языка. По мнению Е.И. Пассова, изучение иностранного языка немыслимо без изучения национального менталитета, так как «взаимопонимание в межкультурном диалоге достижимо лишь в том случае, если участники диалога знакомы с национальной культурой, признают ее самоценность, т.е. понимают и приемлют менталитет друг друга» [Пассов 2002: 76].

Огромным потенциалом, дающим возможность получить знания о национальных особенностях русского мышления, картине мира, развить коммуникативные умения, обладает художественная литература. Различные аспекты использования художественного текста на занятиях РКИ освещались в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1987], Н.В. Кулибиной [Кулибина 1999], Т.Е. Печерицы [Печерица 1986], А.Н. Щукина [Щукин 2003] и мн. др. Неоспорим факт необходимости использования художественных текстов при обучении иностранному языку. Как отмечает Л.В. Соколова: «В художественном тексте национальный язык и речемыслительная деятельность носителей того языка воплощены с такой полнотой и глубиной, что представить себе полноценное обучение языку и речевой деятельности на этом языке без использования художественных текстов невозможно» [Соколова 2010: 624-629]. И с этим нельзя не согласиться.

Формированию лингвокультурной компетенции, следовательно, и коммуникативной в достойной мере могут способствовать произведения региональной художественной литературы таких авторов, как А.М. Акулинина, В.И. Герасина, В.И. Селиверстова, С.Н. Сергеева-Ценского и др., где отчетливо выступает неповторимое лицо тамбовского региона, а регионально-национальный языковой материал позволяет посредством чтения и обсуждения на занятиях РКИ раскрыть национально значимые черты характера, попытаться усвоить русскую ментальность, культуру, мировосприятие. Тематика произведений тамбовских авторов сопряжена с решением вечных общенациональных вопросов добра и зла, войны и мира, жизни и смерти, которые волновали и будут волновать человечество.

Художественный текст многофункционален и критерии отбора для использования в языковом учебном процессе зависят от многих факторов. В числе основных факторов выделяются следующие: уровень языковой подготовки обучающихся, цель обучения, актуальность проблематики текста для конкретной аудитории, информативность.

Художественный текст бывает сложен для восприятия не только иностранному реципиенту, но носителю языка. Это объясняется тем, что декодирование заложенного в тексте внутреннего смысла – сложный психологический процесс, который ориентирован на личность и затрагивает мыслительные и творческие способности индивида. Вслед за Н.В. Кулибиной мы считаем, что на занятии РКИ основное внимание должно уделяться процессу смыслового восприятия текста через интерпретацию языковых средств выражения и «работа над художественным текстом может (и должна) быть организована как практика чтения, конечной целью которой является обучение когнитивной (интерпретационной) деятельности (при чтении художественной литературы)» [Кулибина 1999: 124]. Поэтому определяющим фактором при отборе материала должно быть «узнавание ситуации, представленной в тексте (в её основных чертах), это важное условие понимания художественного текста [там же: 128]. Не противоречит этому мнению и позиция Т.Е. Печерицы, которая считает, что оптимальный тип художественного текста должен быть реалистичным с единственной точкой зрения, которая в тексте должна быть выражена эксплицитно [Печерица 1986: 88].

Для адекватного смыслового восприятия художественного текста в иностранной аудитории возможна его методическая обработка, не нарушающая аутентичности. Применяя разработанную Н.В. Кулибиной «когнитивную модель» при чтении художественного текста, мы привлекаем внимание студентов к ключевым моментам интерпретации текста, таким, как: языковые средства выражения времени, пространства повествования, персонажей, значимых событий. Во время чтения студентам предлагается осмыслить и описать возникшие в воображении образы.

В процессе работы с тамбовским региональным текстом особое внимание обращается на изобразительные средства языка с семантикой сезонности, которые рассматриваются как особые текстовые единицы [Пискунова 2002], т.е. помимо основного значения, зафиксированного в словарной дефиниции, слова «обрастают» дополнительными текстовыми смыслами.

Наряду с другими изобразительно-выразительными средствами языка произведения, пейзажные текстовые единицы позволяют раскрыть характеры героев, определить психологическое, эмоциональное состояние, мотивацию тех или иных поступков героев, описывают сугубо национальные реалии окружающего мира. Данные языковые единицы актуализируют не только национальные черты современного сознания, но и отголоски традиций и культуры прошлого, приобретая дополнительные мифологический, символический, коннотативный смыслы, ярко отражая специфику русского национального характера. Помимо этого, лексический пласт с семантикой сезонности содержит диалектную лексику, которая служит наиболее емким средством отражения народной культуры тамбовского региона, так как представляет исторический фрагмент языковой картины мира [Непрокина 2008].

Динамическая природа текста предполагает развитие его ключевых элементов, для чего автор использует разнообразные изобразительно-выразительные средства языка. Здесь задача преподавателя состоит в том, чтобы напра-

вить студента на сопоставление этапов развития одного образа на фоне других образов в тексте, выявить изменения, произошедшие в нем, интерпретировать все новые и новые языковые средства его описания. Многослойная семантическая структура текстовых единиц «сезонности» предполагает кропотливую, но интересную работу по их интерпретации в структуре художественного текста, которая должна осуществляться на притекстовом этапе путем актуализации экстралингвистической информации, использования языковой догадки, контекстного окружения. В процессе прочтения текста в сознании реципиента постепенно формируется целостный художественный образ, позволяющий проникнуть в суть произведения, постичь всю глубину заложенного автором смысла.

Таким образом, использование регионально ориентированного материала на уроках РКИ не только помогает сформировать у обучающихся прочную коммуникативную компетенцию, но и позволяет преодолеть проблемы межкультурной коммуникации.

Региональная художественная литература – это богатый материал для углубления знаний студентов о русском языке, культуре, традициях и обычаях русского народа, посредством чего у иностранных студентов воспитывается толерантное отношение к другому образу жизни, мышлению, восприятию мира, что особенно важно в условиях погружения в языковую среду.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. К вопросу о лингвострановедческом аспекте прочтения произведений русской и советской классической литературы // Лингвострановедение и текст. М., 1987.

Кулибина Н.В. Когнитивная модель чтения художественной литературы в лингводидактическом осмыслении // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 10.

Непрокина Ю.А. Текстовые единицы «Времена года» в системе языковой культуры тамбовского региона: дис. ... к. филол. наук: Тамбов, 2008.

Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. 2010.

Печерица Т.Е. Использование художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному // Отбор и адаптация текстов для чтения в группах студентов-филологов подготовительных факультетов М.: МГУ, 1986. 96 с.

Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): монография. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 408 с.

Соколова Л.В. Лингвокультурологический анализ образов-символов художественного текста в практике преподавания русского языка как иностранного // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: Современное состояние и перспективы. Гранада: 2010. Т.1.

Щукина А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Г.Ш. Джумагулова, Р.Т. Бейсекова
(г. Шымкент, Казахстан)

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования гражданской активности школьников-подростков, под которой понимается целенаправленный процесс организации учебных и внеучебных форм жизнедеятельности обучающихся; доказывается, что этот процесс направлен на становление и развитие у подростков целостного и осознанного представления о сущности гражданственности.

Ключевые слова: гражданская активность школьников-подростков, развитию активной гражданской позиции, методика формирования гражданской активности школьников

В современном сложном по своему содержанию и тенденциям развития мире исследователи В.Г. Бочарова, Р.Г. Гурова, Н.И. Иорданский, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, А.Н. Леонтьев, А.В. Мудрик и др. выделяют несколько факторов, влияющих на личностное развитие детей и молодежи.

Первая группа факторов связана с общими процессами – достижениями научно-технического прогресса и разрабатываемым требованиями к молодому поколению независимо от личностных способностей, склонностей; сложной структурой, насыщенностью и противоречивостью информации, разнопланово действующей на растущую личность, еще не имеющей четкой жизненной позиции; экологическим, социально-экономическим и политическим кризисом, который вызывает у молодых людей чувство безнадежности и безысходности.

Вторая группа факторов связана с новой системой связей и отношений в производственной и социокультурной жизнедеятельности людей. На смену централизации, стандартизации все более активно молодые люди стремятся к оригинальному, самостоятельному проявлению, действию, вычленению и освоению общечеловеческих проблем. На смену массовому производству и массовому распределению, массовому отдыху и массовому образованию приходит стремление к индивидуализации, самостоятельности.

В связи с этим, В.Г. Бочарова отмечает необходимость изучения микросреды личности, разделяя ее институциональную (формальную) и неинституциональную (неформальную) сферы. Подчеркивая неравномерность влияния сфер микросреды на формирование и развитие личности, В.Г. Бочарова отмечает, что институциональная (формальная) сфера (к данной сфере относятся социальные институты воспитания) по своей природе является более организованной, имеющей, как правило, педагогически целесообразную направленность [Бочарова 1994: 8-12].

Что касается микросреды, окружающей людей вне официальных, государственно-учрежденных институтов, т.е. неинституциональной (неформальной) открытой микросреды, то она характеризуется отсутствием четких, строго очерченных формализованных структур.

Проблема также состоит и в том, что ценности и интересы подростков ограничены в основном сферой досуга: модой, музыкой, развлекательными мероприятиями, часто малосодержательным общением. Подростковая субкультура носит в основном развлекательно-рекреативный и потребительский характер, а не познавательный, созидательный и творческий.

Неформальные объединения подростков – это одно из проявлений субкультуры, форма общения и жизни подростков; общества, группы сверстников, объединенных занятиями, интересами, ценностями, симпатиями. Неформальные отношения есть в формальных группах – классных, школьных коллективах; наряду с официальной структурой класса есть группы на базе межличностных отношений. Неформальные группы возникают обычно не в классе, не в деловых отношениях, а наряду с ними и вне школы. Они играют важную роль в жизни подростков, удовлетворяют их информационные, эмоциональные и социальные потребности: дают возможность узнать то, о чем нельзя поговорить с взрослыми, обеспечивают психологический комфорт, учат выполнению социальных ролей.

По мнению исследователей, свое социальное назначение гражданская активность выполняет через реализацию ряда функций:

1. Информативно-ориентировочная функция, которая состоит в том, что гражданственность несет в себе определенную совокупность знаний о своем Отечестве и обязанностях, которые будучи усвоенными личностью, преобразуются в ее поступки и действия.

2. Мобилизационно-побудительная функция, которая в условиях активной деятельности личности выражается в том, что чувство гражданственности побуждает граждан к активным действиям, помогает преодолевать трудности и достигать конкретные результаты в повседневной деятельности. Данная функция реализуется в готовности к учебе, труду, героическим поступкам, самопожертвованию, стремлении к самовоспитанию.

3. Регулятивно-оценочная функция гражданской активности выражает способность личности определять соответствие своих действий интересам Отечества. Она является мерилем нравственной оценки ее поведения со стороны окружающих.

4. Интеграционная функция проявляется в единении соотечественников независимо от их возраста, социальной и национальной принадлежности.

Гражданская активность человека не только социально-историческое явление, но и качество личности, выражающееся в преданности и любви к своей родине, своему народу. По мнению исследователя Н.И. Рейнвальда, моральный долг человека это осознанная потребность поступать в соответствии с той или иной этической нормой поведения или, другими словами, осознание своих обязанностей перед обществом. Человек, проникшийся чувством долга, считает себя обязанным действовать должным образом. Он испытывает при этом чувство личной ответственности за осуществление порученного или добровольно взятого на себя дела [Рейнвальд 1987: 160-161]. Ученый отмечает, что чувство долга (переживание своей обязанности действовать определенным образом) в ясно осознаваемом или скрытом виде является обязательной составной частью всех моральных и морально-политических чувств. Это чувство может достигать такой

силы, что человек действует так, «как велит ему долг», даже при угрозе гибели [Рейнвальд 1987: 15-18].

Рассматривая деятельность субъектов воспитания в контексте формирования гражданской активности учащейся молодежи, можно констатировать, что она зачастую не имеет научно-обоснованных развернутых программ деятельности и ориентирована на выполнение весьма ограниченных задач. Степень их организованности, как правило, является невысокой, а эффективность функционирования зависит от самых различных факторов, среди которых особую роль играют местные условия, материальная база, финансовая поддержка со стороны спонсоров и т.д.

Кроме того, каждое из ведомств и общественных объединений исходит из своих собственных представлений об организации и механизме осуществления формирования гражданской активности учащейся молодежи, основы которого определяются не столько интересами общества, сколько их спецификой и реальными возможностями.

Оценивая деятельность основных субъектов, непосредственно призванных осуществлять формирование гражданской активности подрастающего поколения на современном этапе, можно констатировать, что важнейшим, на сегодняшний день среди этих субъектов, осталась в основном семья. Но и здесь мы наблюдаем негативные изменения такого плана, что за последние годы возможности семьи в деле формирования у подрастающего поколения патриотизма и гражданственности оказались подорванными. Вследствие правовой, моральной, экономической незащищенности усилилась конфликтность отношений между супругами, родителями и детьми [Куликова 1999]. Неблагополучие многих семей, высокий уровень безработицы, а с другой стороны – чрезмерная занятость родителей во многих благополучных семьях, неблагоприятные семейные отношения обуславливают отчужденность детей, проявления жестокости и насилия по отношению к ним, рост социального сиротства повлекли за собой резкие формы асоциального поведения.

Новые черты приобрело и участие молодежных и детских общественных объединений в воспитательном процессе. Если в прошлом пионерская и комсомольская организации в образовательных учреждениях были частью единой системы воспитания, то в настоящее время детские и молодежные объединения в основном действуют за пределами учреждений образования, их социально-педагогический потенциал оказывается невостребованным обществом в полном объеме.

Рассматривая роль общеобразовательной школы как непосредственного субъекта в процессе формирования гражданской активности школьников, исследователи подчеркивают кризисное состояние в решении данной проблемы. Анализируя состояние воспитательной работы в школе, ученые утверждают, что эта работа в настоящее время не выполняет свою педагогическую функцию. Причины кроются, прежде всего, в «отсутствии гибких целеполагающих ориентиров воспитания личности молодого человека» [Сазонов 200]. В школе таким понятиям, как нравственность, патриотизм, гражданственность, трудолюбие, порядочность перестали уделять должное внимание, а взамен этих ценностей в практику обучения и воспитания внедряются выгода, главенствующая роль денег. Так, вместо высокогуманного и бескорыстного тимуровского движения появились

бизнес-планы, общественно-полезную работу подменили развлекательные шоу-программы и конкурсы.

Свертывание деятельности детских и подростковых организаций, пропаганда по телевидению и видео насилия, психология индивидуализма и потребительства нанесла огромный ущерб делу воспитания подрастающей молодежи. Дискредитация в значительной мере подверглась не только практика гражданского воспитания, но и сама идея формирования личности гражданина-патриота [Алмонд 1992: 23-26]. Таким образом, сегодня особенно актуально встает вопрос об идеологических, ценностных и жизненных ориентирах в воспитании подрастающего поколения.

Специфика формирования гражданской активности подрастающего поколения определяет место этого направления в общей системе воспитания молодежи Казахстана. Мы считаем, что знание этой специфики и учет ее в практике воспитательной работы позволят более четко планировать и осуществлять процесс формирования гражданской активности школьников-подростков в общеобразовательных школах.

Вместе с тем, исходя из принципа комплексного подхода к воспитанию, важно помнить и о следующем. Являясь частью воспитания, гражданское воспитание органически связано также с духовным, политическим, патриотическим, нравственным, правовым его сторонами. Гражданская активность, в целом – это воспитанное чувство гражданственности у человека с ранних лет, со школы. Это чувство остается на всю жизнь первоосновой его поступков и поведения во имя благоденствия и процветания своего Отечества.

На первое место в структуре модели гражданской активности школьников-подростков мы ставим *мотивационный компонент*, т.к. в качестве исходной посылки служило утверждение личностно-ориентированного подхода в современной психологии и педагогике о том, что одним из условий формирования личности подростка является удовлетворение потребности в самовыражении и самореализации. Без учета интересов, индивидуальных особенностей, ценностных ориентаций никакое воспитание, в том числе и процесс формирования гражданской активности не будет иметь положительного результата.

Когнитивный компонент определяет содержание процесса гражданской активности школьников-подростков, т.к. гражданская активность возможна на основе конкретной совокупности знаний сущности и содержания гражданственности как интегрального качества личности.

Кроме того, в структуре модели изучаемого качества мы выделяем *процессуальный компонент*, поскольку данный компонент как исполнительный является одним из самых значимых, потому что через него мы видим степень выраженности этого свойства личности на данном возрастном этапе.

Таким образом, под формированием гражданской активности школьников-подростков мы понимаем целенаправленный процесс организации учебных и внеучебных форм жизнедеятельности обучающихся. Этот процесс направлен на становление и развитие у подростков целостного и осознанного представления о сущности гражданственности, позитивной мотивации и ценностных установок соблюдению прав и обязанностей граждан, развитию активной гражданской позиции, умений и навыков ее выражения в поведении и деятельности учащихся.

Литература

- Бочарова В.Г. Педагогика социальной работы. М., 1994. 208 с.
Рейнвальд Н.И. Психология личности. М., 1987. С. 160-161.
Куликов Т.А. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: Академия, 1999. 232 с.
Сазонов В. Организация воспитательной работы в классе. М.: Педагогический поиск, 2000. 160 с.
Алмонд Г., Верба И. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 23-26.

ТРЕЙЛЕРЫ КАК ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ КУРСЕ РКИ

И.В. Топоркова
(Китай, Шанхай)

В статье рассматривается использование в качестве материала для занятий по русскому языку трейлеров (тизеров), оказывающих влияние на выбор иностранными учащимися определенной кинокартины, выпущенной на российском рынке, а значит, так или иначе выполняющих страноведческую функцию; обосновывается, что отбор и построение видеоряда в трейлере (тизере), а также подбор ряда звукового являются отражением русского мышления.

Ключевые слова: методика обучения, иностранные студенты, русский язык, трейлеры

При обучении иностранных учащихся восприятию аудио- и видеоряда, как правило, используются следующие разновидности видеоматериалов: фильмы разной продолжительности и их части (так называемые «нарезки»); ролики, в том числе и рекламные; клипы, а также трейлеры (тизеры). Последние являются хорошей базой для выхода в речь по принципу – от частного к общему, развивают активное внимание, формируют аналитические способности, создают условия для прогнозирования.

Разграничение понятий

Под **трейлером** следует понимать видеоролик небольшой продолжительности, состоящий из ряда наиболее зрелищных фрагментов фильма и используемый прежде всего в целях анонсирования и рекламирования этого фильма.

Тизер, как и трейлер, выполняет рекламную функцию, однако подача информации иная: в основе тизера лежит интрига, т.е. дается часть информации о кинопродукте, но сам продукт не демонстрируется. Таким образом, тизер выстраивается на эффекте недоговоренности, в отличие от трейлера, где акцент делается на зрелищности.

В описываемой методике использования данного вида видеоматериалов, на наш взгляд, нет необходимости разграничения понятий *трейлер* и *тизер*, так как и тот, и другой в качестве материала для использования в аудиовизуальном курсе схожи: яркая доступная форма и минимальная продолжительность (как правило, трейлер (тизер) длится 1,5-2 минуты) способствуют одной целевой направленно-

сти – рекламированию нового кинопродукта, привлечению внимания зрителя. А значит, методы работы с ними не имеют принципиальных различий.

Особенности трейлеров (тизеров) как материала для аудиовизуального курса

1. Базовая составляющая трейлера (тизера)

Трейлеры включают в себя *видеоряд*, *аудиоряд* и *текстовый ряд*. Благодаря этому восприятие материала происходит аудиально и визуально, также идет процесс считывания текста.

Для каждого трейлера (тизера) характерны минимальная *продолжительность* и *фрагментарность* текста, позволяющая после просмотра «дорисовать», собрать воедино всю картину.

Следует обратить особое внимание на *лексическую* составляющую трейлера (тизера), который демонстрирует особенности современной речи, выдвигая на первый план те обороты и фразы, которые соответствуют последней моде. Такая особенность дает иностранным учащимся возможность познакомиться с наиболее актуальными образцами речи и усвоить их.

Однако среди высказываний, характерных для современной русской речи (в первую очередь устной), в трейлере (тизере) иногда может содержаться лексика, выходящая за пределы норм литературного языка. И хотя процент таких языковых единиц достаточно мал, следует обращать на это внимание в процессе отбора материала для работы с иностранными учащимися.

Виды трейлеров (тизеров) и их особенности

Среди многообразия видеоматериала можно в первую очередь выделить трейлеры (тизеры) на российские фильмы, а также трейлеры (тизеры) на зарубежные фильмы российского происхождения, так называемые «русские трейлеры». Последние представляют собой не перевод готового зарубежного продукта, а собственный продукт, трейлер на определенный зарубежный фильм, как вариант.

Использование в качестве материала для занятий трейлеров (тизеров) на российские фильмы предпочтительнее не только с языковой точки зрения, но и потому, что они могут оказывать влияние на выбор иностранными учащимся определенной кинокартины, выпущенной на российском рынке, а значит, так или иначе выполняют страноведческую функцию. Кроме того, отбор и построение видеоряда в трейлере (тизере), а также подбор ряда звукового как наиболее важных являются отражением русского мышления.

Основные виды работы с трейлерами (тизерами)

В качестве заданий, способствующих наиболее полному усвоению и дальнейшему использованию изученного, можно использовать несколько видов заданий. Сгруппируем их по принципу степени усвояемости аудиоряда.

Начальный этап предполагает такие виды заданий, как расстановка фраз в правильном порядке; соединение начала фразы с ее завершающей частью (например, вопроса и ответа).

Вместе с этим идет работа над лексикой, отдельными словами и фразами, нуждающимися в пояснении.

На завершающем этапе предполагается воссоединение отдельных фрагментов трейлера (тизера) в единую картину и ее описание. Также необходимо про-

гнозирование, суть которого – на основе трейлера (тизера) определить, каково содержание фильма.

В качестве дополнительного задания можно предложить учащимся создать собственный трейлер (тизер) после просмотра полной версии кинокартины.

При использовании трейлеров (тизеров) зарубежных фильмов (речь идет о переводных и собственно российских версиях на одну и ту же кинокартину) возможны следующие варианты работы:

- изучение каждого из трейлеров с использованием указанных выше заданий;
- сопоставление содержания двух трейлеров (тизеров);
- комментирование выбора речевых средств, участвующих в создании смыслового ряда в каждом из них (предпочтения русских создателей с учетом интересов российского зрителя);
- выявление сферы интересов российского зрителя на основе просмотренного.

Поэтическая работа с трейлерами (тизерами)

1. Просмотр трейлера (тизера) с целью получения общего представления о фильме.

Усвоение звукового ряда на данном этапе минимально. Учащиеся вычленяют из речевого потока лишь отдельные, наиболее четко произнесенные слова и фразы. Во время первого просмотра иностранцы прежде всего опираются на визуальное восприятие, а не на аудиальное.

В качестве варианта работы первый раз можно просмотреть трейлер (тизер) без звука, опираясь только на видеоряд и текст.

2. Вторичный просмотр позволяет переключить внимание на звуковой ряд, соединив его с визуальным. Данный этап предполагает следующие виды работы:

1) работа с текстом и беззвучным изображением

Как правило, текст отличается лаконичностью и лексически прост, поэтому его можно использовать в качестве базы для дальнейшего выхода в речь. В итоге на уровне текста получаем картину, благодаря которой уже можно получить информацию о фильме и его героях.

Приведем примеры *текстового ряда* (ТР) из трейлера к фильму «Экипаж» и возможные комментарии к ним:

ТР: Его жизнь – полёт. (*Комментарий:* многозначность фразы – профессия и жизненное кредо);

ТР: От создателей «Легенды № 17» (*Комментарий:* рекламный трюк; обращение к ранее вышедшей в прокат кинокартине с участием того же актера в главной роли).

В качестве завершающей стадии на этом этапе следует связать текст с видеорядом для получения более полного представления о фильме.

2) работа в аудиорядом

Следующий этап предполагает подключение к уже знакомому (видеоряд и текст) «нового» – аудиоряда. На данном этапе акцент делается на восприятии последнего и его усвоении, чему способствует определенная серия заданий.

Для первого задания отбираются те фразы, которые отличаются наибольшей сложностью восприятия и при этом необходимы для создания цельной картины;

усвоение таких фраз основано на принципе их узнавания, вычленения из речевого потока.

В качестве заданий можно предложить стандартные для аудиовизуального курса упражнения, среди которых:

- расположение фраз в правильном порядке;
- поиск продолжения фразы;
- подбор правильного варианта для продолжения фразы из нескольких предложенных.

Следует учесть, что некоторые слова и фразы требуют лексического комментария, особенно если они выходят за рамки речевых стандартов.

3) *работа с контекстом*

Для усвоения наиболее употребительных фраз и выражений, а также умения их правильно использовать в зависимости от ситуации следует давать задания, ориентированные на определение значения фразы вне контекста и в контексте (Фраза «Вот мы и дома» в трейлере «Экипаж» несет иную смысловую нагрузку, нежели в ситуации бытовой).

4) *заключительный этап работы*

На основе полученных знаний иностранные учащиеся получают наиболее полное представление о содержании фильма, представленного в трейлере, и могут в устной или письменной форме рассказать, о чем этот фильм. Кроме того, на данном этапе они могут определить, стоит ли смотреть этот фильм, насколько удачно создан трейлер, и смог ли он их заинтересовать.

В качестве задания студентам можно предложить составить краткое описание содержания фильма (устное или письменное).

Перечисленные выше задания представлены в определенной последовательности, позволяющей расширять знания постепенно, что способствует их более прочному усвоению. Фрагментарность трейлера позволяет проработать каждую часть аудио- и видеоряда и текста без потери целостности, а затем собрать все фрагменты воедино, получив представление о содержании еще не просмотренного фильма и его героях, а также спрогнозировать развитие сюжетной линии.

КУЛЬТУРА РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Е.В. Дубровина
(г. Тамбов, Россия)

Статья посвящена проблемам обучения нормам устной и письменной речи на занятиях по русскому как иностранному, что является необходимым условием овладения коммуникативной компетенцией.

Ключевые слова: русский язык, иностранные студенты, культура речи

Одним из важнейших показателей коммуникативной компетенции иностранных учащихся на современном этапе обучения русскому языку как иностранному выступает культура русской речи, в основе которой находится норма-

тивный аспект. В Большом энциклопедическом словаре, посвященном вопросам языкознания, понятие «культура речи» имеет следующее значение: «Культура речи – это владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи; раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры» [Головин 2008]. Коммуникативная норма позволяет участникам общения правильно понимать друг друга. Любой человек, попадающий в иноязычную языковую среду и желающий общаться с природными носителями языка, должен освоить эту норму – иначе никакая коммуникация невозможна.

Обучение русскому языку как иностранному предполагает, что иностранные учащиеся обретают способность пользоваться данным языком в контекстах и ситуациях, типичных для повседневной коммуникации того народа, язык которого они изучают. В процессе обучения русскому языку как иностранному перед преподавателем стоят две задачи: с одной стороны, научить иностранных учащихся правильному произношению, интонации, употреблению слов и форм, построению предложений и словосочетаний, соблюдению строевых норм языка; с другой стороны, научить правильному построению письменных и устных текстов, использованию речевых средств в полном соответствии с их стилистическим и лингвострановедческим статусом в изучаемом языке, с речевым поведением носителей современного литературного языка. Эти две задачи взаимосвязаны, так как учащиеся не только получают знания, но и приобретают навыки коммуникативной деятельности на русском языке. Таким образом, языковая компетенция предполагает владение на хорошем уровне культурой неродной речи.

Под культурой речи применительно к русскому языку как иностранному следует понимать владение нормами устного и письменного литературного языка, умение использовать выразительные языковые средства, модели речевого этикета и осознанно использовать их в реальных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи [Мацко, Торохтий 2011: 142]. Владение речевым этикетом порождает доверие и уважение, позволяет чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать непонимания и затруднения в общении.

Работа над культурой речи ведется с первых уроков русского языка как иностранного (введение формул приветствия и прощания типа «Здравствуйте!», «Привет!»; «До свидания!», «Пока!») и продолжается на протяжении всего процесса обучения. В данный момент существуют специальные учебники по культуре речи для иностранцев. Надо заметить, что такой учебник не может полностью совпадать с учебником по той же дисциплине для русскоязычных учащихся, так как содержательный и методический аспекты изучения курса культуры речи в иностранной аудитории имеет свою специфику. Поскольку основные ошибки и трудности употребления языковых единиц у носителей языка и студентов-инофонов лежат в разных плоскостях. Так, например, особую специфику имеет работа по изучению лексических норм [Будильцева, Новикова 2011: 65]. Нередко именно в связи с проблемами словоупотребления связано неумение иностранцев адекватно выразить свою мысль, вследствие чего слушающий или читающий может понять данную мысль неправильно, искаженно.

Преподавателю русского языка как иностранного следует осознавать, что у иностранных учащихся уже сложившиеся представления о своем народе и других народах. Поэтому важно научить их видеть различия между культурами, улавливать особенности другой культуры, преодолевать стереотипы. В условиях современного обучения, когда в одной учебной группе учатся представители разных стран, обладающие специфическими особенностями национального характера и мышления, вопрос о межкультурной коммуникации приобретает особое значение. В связи с этим преподавателю необходимо учить уважению к уникальности каждой культуры, терпимости и гибкости в своем ответном поведении. Культурное многообразие предполагает межкультурное взаимное обогащение. Сокращение межкультурной дистанции, воспитание готовности адаптироваться к иному поведению представителей другого народа создаст возможность выработки оптимальной стратегии сотрудничества на занятии.

Таким образом, обучение нормам устной и письменной речи на занятиях по русскому как иностранному является необходимым условием овладения коммуникативной компетенцией.

Литература

Будильцева М.Б., Новикова Н.С. Обучение лексическим нормам студентов-иностранцев в курсе «Русский язык и культура речи» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. Вып. № 3. С. 63-68.

Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2008.

Мацко И.В., Торхтий Л.С. Межкультурная коммуникация в преподавании русского языка как иностранного // Материалы Международной виртуальной конференции по русистике, литературе и культуре, 2011 // [www.mgu-russian.com/download.php?.../Межкультурная%20коммуникация%20в%](http://www.mgu-russian.com/download.php?.../Межкультурная%20коммуникация%20в%20)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

Р.Д. Елибаева, Г.Ш. Джумагулова
(г. Шымкент, Казахстан)

В статье рассматриваются проблемы изучения речевой коммуникации в негуманитарном вузе; доказывается, что профессионально-речевая культура студентов должна повышаться за счет привлечения профессионально направленных методик, ориентированных на профилактику ошибок русско-казахской языковой интерференции, а также за счет широкого внедрения инновационных технологий преподавания и создания специальных коррективных программ, учебно-методических комплексов нового поколения.

Ключевые слова: русский язык, культура речи, русско-казахская языковая интерференция

Одним из приоритетных направлений изучения языковых дисциплин в нефилологическом вузе можно считать ориентацию на формирование речевой компетенции в сфере делового и профессионального общения.

В последнее время отмечается необходимость переосмысления содержания, форм, технологий языкового образования. На смену лингвоцентрической концепции языкового образования приходит антропоцентрическая, когда в центре внимания оказывается человек с присущими ему индивидуальными качествами, способностями, потребностями. В связи с этим задачей языковых дисциплин в нефилологическом вузе должно стать формирование коммуникативно-прагматических способностей личности, необходимых для реализации профессиональной, деловой, управленческой деятельности.

Следует отметить, что проблема обучения грамотной, красивой, убедительной речи существовала всегда. А.П. Чехов еще в 1893 году писал: «В сущности для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания обучение красноречию следовало бы считать неизбежным».

Широкое понятие культуры речи непременно включает в себя то, что называют культурой общения, культурой речевого поведения. Чтобы владеть ею, важно понимать сущность речевого этикета. Термин «речевая культура» – это совокупность знаний, умений навыков, обеспечивающих незатрудненное построение речевых высказываний для оптимального решения задач общения. При обращении к феномену «речевая культура» мы опираемся на теорию речевой деятельности, рассматриваемую современной психологией и лингвистикой.

В педагогической теории речевой деятельности речевая культура рассматривается как один из важнейших показателей духовного богатства человека, культуры его мышления, как средство развития личности [Ксенофонтова 1999: 37]. В.А. Сухомлинский называл речевую культуру зеркалом духовной культуры человека, важнейшим средством облагораживания его чувств и мыслей.

В коммуникации люди передают друг другу ту или иную информацию, те или иные мысли, что-то сообщают, к чему-то побуждают, о чем-то спрашивают, совершают определенные речевые действия. Однако прежде чем перейти к обмену логико-содержательной информацией, необходимо вступить в речевой контакт, а это совершается по определенным правилам. Мы их почти не замечаем, поскольку они привычны. Заметным становится как раз нарушение неписаных правил: обращение на «ты», знакомый не поздоровался при встрече, кого-то не поблагодарил за услугу, не извинились за проступок. Поэтому так важно обратить внимание на правила вступления в речевой контакт, поддержания такого контакта, ведь без этого деловые отношения невозможны.

Правила речевого поведения регулируются речевым этикетом, сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта. Это ситуация обращения, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, сочувствия и соболезнования, одобрения и комплимента, приглашения, предложения, просьбы совета и мн. др. Речевой этикет охватывает собой все, что выражает доброжелательное отношение к собеседнику, что может создать доброжелательное отношение к собеседнику, что может создать благоприятный климат общения. Богатый набор языковых средств дает возможность выбрать уместную для речевой ситуации и благоприятную для адресата *ты* или *вы* форму общения, установить дружескую, непринужденную или, напротив, официальную тональность разговора.

Студентам важно подчеркнуть, что в речевом этикете передается социальная информация о говорящем и его адресате, о том, знакомы они или нет, об отношениях равенства/неравенства по возрасту, служебному положению, об их личных отношениях (если они знакомы), в какой обстановке (официальной или неофициальной) происходит общение и т.д.

Таким образом, выбор наиболее уместного выражения речевого этикета и составляет правила вступления в коммуникацию. В языковых знаках речевого этикета заложены, а в речи реализуются социальные сигналы типа *свой – чужой*, *знакомый – незнакомый*, *далекий – близкий* и т.д., с одной стороны, и *равный – старший – младший* по возрасту и/или положению – с другой.

Употребляя выражения речевого этикета, мы совершаем сравнительно несложные речевые действия: обращаемся, приветствуем, благодарим. В языке существует множество способов это делать. Вся языковая социальная информация заложена в речевом этикете в наибольшей степени. Социальная заданность ритуальных знаков этикета воспитывается в людях с раннего детства.

Исполнение знаков этикета воспринимается адресатом как социальное «поглаживание»: «Здравствуйте» – будьте здоровы; «Благодарю» – благо дарю; «Извините» – признаю свою вину и прошу с меня снять грех и т.д. произношение этикетного выражения представляет собой речевое действие, или речевой акт, т.е. выполнение конкретного дела с помощью речи.

Речевой этикет связан с категорией вежливости. С точки зрения речевого поведения вежливость предполагает оказание знаков внимания, одобрение, проявление такта, не позволяющего вторгаться в личную сферу собеседника, проявления желания оказать услугу, помочь тому, кто в этом нуждается. И все же люди понимают друг друга. Понимание постоянно корректируется, поскольку общение – это не просто передача информации (знания, фактических сведений, указаний, приказаний, деловых сообщений), а обмен информацией, предполагающей обратную связь.

Культура поведения в любом общении не мыслима без соблюдения правил вербального этикета, связанного с формами и манерами речи, словарным запасом, т.е. со всем стилем речи, принятым в общении людей.

Исходя из всего вышеизложенного, можно определить, что речевая культура – это процесс сознательного отбора и использования тех языковых средств, которые помогают осуществлять речевое воздействие и являются необходимыми для данного конкретного случая речевого общения.

Исходя из вышеизложенного, можно определить, что речевая культура рассматривается как совокупность таких качеств речи, которые оказывают наилучшее воздействие на адресата с учетом конкретной обстановки и в соответствии с поставленной задачей.

Итак, можно дать подробную характеристику качествам речи, которые так необходимы в обучении студентов:

1. Соблюдение норм литературного языка (ударения, грамматики), т.е. правильность речи. Языковые нормы изменяются медленно, и на каждом этапе развития, в том числе и на современном этапе, национальный литературный язык характеризуется устойчивостью совокупности норм употребления [Шатравко 2010: 24]. Таким образом, правильность литературного словесного выражения

состоит в соответствии литературной языковой норме. Правильность – первое и главное из положительных коммуникативных качеств речевой культуры.

2. Точность речи, точность словесного выражения – максимальное соответствие употребляемых слов называемым предметам и явлениям деятельности и раскрываемым понятиям. К числу таких явлений относится омонимия, синонимия, паронимия, полисемия.

3. Логичность, последовательность характеризует речь с точки зрения содержания, проявляются в смысловом сцеплении единиц языка в речи в соответствии с законами логики и мышления. Это выражается в правильном порядке слов, переходе от одной мысли к другой.

4. Чистота речи связана с отсутствием в речи диалектизмов, жаргонизмов, варваризмов, слов-паразитов, канцеляризмов. Отвергается то, что не соответствует литературно-языковой норме, затрудняет восприятие речи.

5. Выразительность речи – структурные особенности, помогающие поддерживать внимание и интерес у говорящего и слушающего. Выразительность может быть акцентологическая, лексическая, словообразовательная, интонационная, стилистическая.

6. Неповторимость речи – отсутствие повторения одних и тех же знаков, разнообразие языковой структуры (запас слов, словосочетаний, лексическое, фразеологическое, семантическое богатство).

7. Эстетичность речи. Эстетической стороной обладает каждый стиль, но у каждого своя эстетика. Так, разговорный стиль характеризуется свободой, непринужденностью, простотой воспроизведения речи; деловой стиль – точностью, однозначностью, объективностью, ясностью, однозначностью, объективностью, определенностью, научный стиль – точностью, ясностью, однозначностью, логичностью, доступностью.

Речевая культура вырабатывает умения отбирать и употреблять языковые средства в процессе языкового общения. В большинстве исследований по проблемам развития речи и речевой культуры обращается внимание на то, что творческое развитие личности невозможно без умения четко, логично и правильно мыслить и выражать свои мысли. Речевая культура и ее развитие – задача каждого преподавателя. Речевое развитие студентов должно обогащаться преподавателями в соответствии с особенностями и потребностями каждого предмета, и каждый преподаватель-предметник должен совершенствовать речевую культуру, как свою, так и студента.

Студент, получивший высшее специальное образование, должен наряду с профессиональной подготовкой получать и навыки управленческой коммуникации, владеть культурой и стилистикой делового общения, публичной речи. При этом показательно, что сами студенты-старшекурсники признают недостаточную подготовку в сфере профессиональной коммуникации и культуры речи. Опрос студентов 3 курса педагогического факультета (специальности «Педагогика и психология» ЮКГИ имени Мардана Сапарбаева) показал, что 87% из них хотели бы повысить уровень своей подготовки по культуре профессиональной речи, овладеть законами и правилами публичных выступлений.

Проведенный нами критический анализ речевой подготовки студентов 3 курса позволил выявить ряд типичных ошибок:

– недостаточное знание нормативного аспекта культуры речи: нарушение акцентологических норм (ходатАйство, дОговор, прИнять, красивЕе, осУжденный);

– нарушение морфологических норм (договорА, более лучший);

– нарушение синтаксических норм, особенно связанных со знанием правил управления (оплатить за аренду; согласно правил), ошибки в построении предложений с причастными и деепричастными оборотами; неточное словоупотребление; и т.д.

– неумение грамотно выстраивать композицию речи;

– неумение точно и ясно определять тему и цель выступления;

– слабая убедительность, аргументированность, доказательность приводимых положений;

– недостаточное владение речевыми выразительными средствами воздействия на аудиторию;

– слабое владение техникой речи;

– незнание законов логики в речи оратора и их нарушение;

– незнание тактики и стратегии проведения деловых бесед, совещаний, переговоров;

– не владение методами активного слушания;

– неумение четко и грамотно формулировать выводы и подводить итоги выступления.

Главной целью в развитии профессиональной культуры речи является формирование образцовой языковой личности высокообразованного специалиста, речь которого должна соответствовать принятым в образованной среде нормам и отличаться выразительностью и красотой.

К сожалению, в учебных планах подготовки студентов в негуманитарных вузах отсутствуют дисциплины языкового цикла (кроме русского и профессионального русского языка), призванные формировать необходимые профессиональные коммуникативные компетенции будущих специалистов. На наш взгляд, решить проблему можно путем включения в подготовку специалистов профессионально ориентированных языковых спецкурсов, целью которых должно стать формирование профессионально значимых коммуникативных знаний, умений и навыков. Можно, на наш взгляд, выделить следующие направления в практике преподавания языковых дисциплин в негуманитарном вузе: культура и стилистика публичной речи руководителя, культура служебной и управленческой коммуникации, коммуникативный менеджмент в широком смысле этого слова (деловая переписка, служебное общение, рекламная деятельность и т.д.).

Одним из важнейших условий создания профессионально-ориентированного обучения должно стать соответствующее содержание учебного материала: отбор профессионально направленной лексики, грамматики, учебных заданий, тематики рефератов, речевого общения. Учебную коммуникативную деятельность с целью приобретения навыков профессионального общения целесообразно организовывать на основе моделирования ситуаций различных типов, включенных в контекст будущей специальности студентов, при этом большое внимание следует уделять вопросам предупреждения ошибок русско-казахской языковой интерференции.

Чтобы коммуникация в профессиональной и деловой сферах общения была успешной, недостаточно просто хорошо знать язык, грамматику, лексику, правила орфоэпии, необходимо научиться грамотно пользоваться своей речью, учитывая множество риторических, стилистических, психолингвистических факторов, обеспечивающих убедительность и эффективность речи. Изучение речевой коммуникации в негуманитарном вузе, безусловно, должно носить прагматический, практико-ориентированный характер, должно быть расширено и обогащено за счет привлечения профессионально направленных методик, ориентировано на профилактику ошибок русско-казахской языковой интерференции. Для формирования профессиональной культуры речи в современных условиях необходимо широкое внедрение инновационных технологий преподавания, создание специальных коррективных программ, учебно-методических комплексов нового поколения.

Литература

Ксенофонтова А.Н. Новые подходы к построению системы образования // Вестник ОГУ, 1999. № 2 .С. 35-40.

Шатравко Н.С. Функционирование русского языка в двуязычном образовательном пространстве. СПб.: Златоуст, 2010. 242 с.

ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ПРОДУКТИВНЫХ И РЕЦЕПТИВНЫХ ВИДАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ДЛЯ ДЕТЕЙ С НЕРОДНЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

Т.М. Арсланова, Т.А. Головачева
(г. Тамбов – г. Мирный Архангельской области)

В статье рассматриваются игровые приёмы и технологии обучения русскому языку как неродному; устанавливается отличие таких занятий от обычных уроков, доказывается, что использование игрового метода для обучения русскому языку как неродному является самым продуктивным.

Ключевые слова: русский язык, школьники-билингвы, игровые технологии, тренировочные упражнения

Современные условия жизни общества сопряжены со значительной миграцией населения или проживанием некоренного населения в русскоязычной среде, в которой они, как правило, не теряют родной язык, в связи с чем развитие речи детей протекает в условиях билингвизма.

Двуязычным, или билингвом считается человек, более или менее постоянно пользующийся в жизни двумя языками. Наиболее характерным типом билингвизма в России является национально-русский язык, который усваивается как путем обучения, так и непосредственным общением с русскоязычным населением. Считается, что по-настоящему нормально двуязычие развивается в случае,

если хотя бы на одном языке человек может адекватно выразить любую свою мысль. Если же речь полноценно не сформирована ни на одном языке, то разрушается сама структура мысли, и попытки самовыражения терпят крах. Это ведет не только к психологическим стрессам, но и к глубоким потерям в качестве общения.

Особенностью работы со школьниками-билингвами является то, что решение этих задач происходит с учетом принципов изучения русского языка как иностранного. Этой специфике подчинена логика построения уроков, их содержание, методы и приёмы обучения. В работе стоит придерживаться лексико-грамматического подхода к планированию и проведению данных занятий.

Создание технологии невозможно без творчества, поэтому каждый педагог – творец технологии, даже если имеет дело с заимствованиями. Таким образом, дидактическая игра – это целенаправленная творческая деятельность, в процессе которой обучаемые глубже постигают явления окружающей действительности, познают окружающий мир.

Игровые технологии являются одной из уникальных форм обучения, которая позволяет сделать интересными и увлекательными не только работу учащихся на творческо-поисковом уровне, но и будничные шаги по изучению русского языка. Занимательность условного мира игры делает положительно эмоционально окрашенной монотонную деятельность по запоминанию, повторению, закреплению или усвоению информации, а эмоциональность игрового действия активизирует все психические процессы и функции ребенка. Другой положительной стороной игры является то, что она способствует использованию знаний в новой ситуации. Таким образом, усваиваемый учащимися материал проходит через своеобразную практику, вносит разнообразие и интерес в учебный процесс.

Согласно классификации Г.К. Селевко, выделяются следующие педагогические технологии по преобладающему (доминирующему) методу [Селевко 1998]: игровые; догматические, или репродуктивные; объяснительно-иллюстративные; развивающее обучение; проблемные, или поисковые; программированное обучение; диалогические; творческие; саморазвивающее обучение; информационные (компьютерные).

Ю.К. Бабанский, выделяет неимитационные и имитационные и формы (виды) занятия [Бабанский 2000]. Характерной чертой неимитационных занятий является отсутствие модели изучаемого процесса или деятельности. Активизация обучения осуществляется через установление прямых и обратных связи между преподавателем и обучаемыми. Отличительной чертой имитационных занятий является наличие модели изучаемого процесса (имитация индивидуальной или коллективной профессиональной деятельности). Особенность имитационных методов является разделение их на игровые и неигровые. Методы, при реализации которых обучаемые должны играть определенные роли, относятся к игровым.

Творческий характер игры подтверждается тем, что школьник не копирует жизнь, а, подражая тому, что видит, комбинирует свои представления. При этом он передает свое отношение к изображаемому, свои мысли и чувства. Это роднит игру с искусством, но ребенок – не актер. Он играет для себя, а не для зрителей,

он не разучивает роль, а создает ее по ходу игры. Когда ребенок входит в образ, у него живо работает мысль, углубляются чувства, он искренне переживает изображаемые события.

Игровые технологии направлены на решение конкретных задач в обучении детей, но в то же время в них появляется воспитательное и развивающее влияние игровой деятельности. Использование дидактических игр как средство обучения школьников определяется рядом причин:

1) игровая деятельность как ведущая в младшем школьном возрасте еще не потеряла своего значения в среднем звене, поэтому опора на игровую деятельность, игровые формы и приемы – это наиболее адекватный путь включения обучающихся в учебную работу;

2) освоение учебной деятельности, включение в нее детей идет медленно;

3) игровые технологии способствуют развитию у детей психических процессов;

4) недостаточно сформирована познавательная мотивация. Мотив и содержание учебной деятельности не соответствуют друг другу.

При проведении игр необходимо сохранить все структурные элементы. Так как именно с их помощью решаются дидактические задачи. Взаимоотношения между детьми и педагогом определяются не учебной ситуацией, а игрой. Дети и педагог – участники одной игры. Нарушается это условие, и педагог становится на путь прямого обучения. Таким образом, игровая технология – это игра только для ребенка, а для взрослого – это способ обучения. Цель игровых технологий – облегчить переход к учебным задачам, сделать его постепенным. Из сказанного выше можно сформулировать основные функции игровых технологий: функция формирования устойчивого интереса к учению; функция формирования психических новообразований; функция формирования собственно учебной деятельности; функция формирования общеучебных умений, навыков самостоятельной учебной работы; функция формирования навыков самоконтроля и самооценки; функция формирования адекватных взаимоотношений и освоение социальных ролей.

Таким образом, игровые технологии – сложное, многогранное явление.

Педагогический потенциал игры для детей с разными языками состоит в том, чтобы при обучении новому языку использовались те типы *спонтанных игр*, которые в действительности происходят между детьми и ведут к усвоению речи. Коммуникативно-деятельностный подход к обучению детей-билингвов русскому языку как новому, неродному требует соблюдение ряда принципов: обучение должно представлять собой коммуникативное взаимодействие детей и взрослых – друг с другом и между собой – даже в отсутствие полноценного общего языка; – в процессе обучения должно происходить взаимное культурное «обогащение» учащихся; – учебный процесс должен быть максимально ориентирован на события реальной жизни, естествен, с этой целью используются в качестве материала ситуации реального общения; – педагогический коллектив должна объединять установка на максимальное использование русской речи на уроке и готовность к организации занятий как межкультурного контакта учащихся.

На начальном этапе обучения русскому языку как неродному учащиеся овладевают основами всех видов речевой деятельности: аудированием, говорением

(монологической, диалогической речью), чтением и письмом как средством фиксации устной речи. Одной из особенностей обучения языку как неродному на начальном этапе является многократное повторение и фонетическая отработка грамматических структур, лексики по данной теме и т.д. Зачастую такое повторение не только однообразно и скучно для детей, но и создает значительный шумовой фон на уроке, который утомляет и является причиной снижения работоспособности. При этом монотонность повторений утомляет больше, чем звуковые волны. В результате однообразия деятельности ведет к снижению интереса и активности на уроке. Избавиться от данных проблем помогают игровые приемы.

Бесспорно, игру можно рассматривать как ситуативно-вариативное упражнение, где создается возможность для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к реальному речевому общению с присущими ему признаками – эмоциональностью, спонтанностью, целенаправленностью речевого воздействия.

В процессе игр лучше формируются грамматические навыки, кроме того, им прививается культура звучащей речи, обогащается словарный запас, развивается умение строить монолог. Игровой материал, должен быть систематизирован по принципу «От простого – к сложному».

Таким образом, игры и упражнения на уроках при формировании грамматических навыков способствуют не только воспитанию у школьников культуры речи, но и стимулируют их общее развитие.

Так, в содержании обучения грамматике рассматриваются те навыки и умения, которыми должен овладеть ученик. Для наиболее эффективного их усвоения используют игровые приемы:

1. *Что он делал?*

Дидактическая задача: тренировка употребления временных форм глагола.

Рассмотрите рисунок в течение одной-двух минут, закройте его и ответьте на вопросы о хозяине квартиры (комнаты), только что ее покинувшем. (Вопросы касаются того, что сделал или не сделал к моменту ухода хозяин квартиры.)

2. *Только что сделано.*

Дидактическая задача: тренировка употребления видовременной формы глагола.

Скажите, используя рисунок и употребляя глагол в соответствующей временной форме, что только что делал каждый из персонажей.

3. *Круговая кинолента.*

Дидактическая задача: употребление прошедшего времени глаголов.

Учитель просит учеников определить тему и сюжет будущего коротенького фильма, собрать киноленту из десятка кадров – событий. Затем надо склеить последний кадр с первым, чтобы получился замкнутый круг кадров – событий. Необходимо постепенно сокращать время просмотра каждого кадра, быстро переключаться на следующий. Перед началом игры учащиеся должны определить цепь взаимосвязанных по теме или сюжету событий, а затем называть их от первого до последнего, которое опять предшествует первому. Каждый раз такое прокручивание ускоряется, что компрессирует навык грамматического оформления сообщений и делает его все более автоматизированным.

4. Спряжение глаголов:

а) Не делайте этого!

Дидактическая задача: тренировка употребления спряжения глаголов на письме.

Используя серию рисунков, напишите как можно больше замечаний от имени строителя парка посетителям, которые совершают неправильные поступки.

б) конструирование.

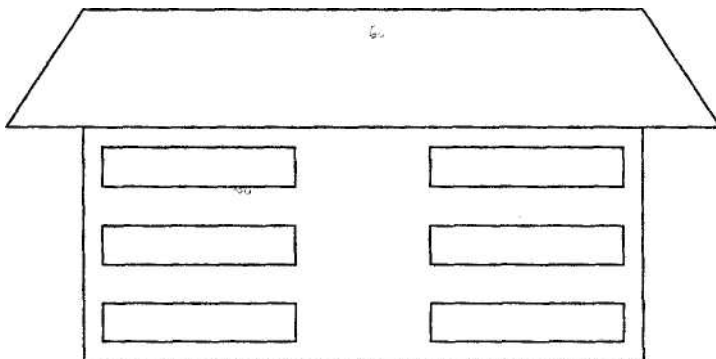
Дидактическая задача: формирование и совершенствование навыка употребления конструкций, включающих глаголы разного спряжения: «Это должно быть...», «Это может быть...», «Конечно...».

Учитель предлагает обучаемым составить и записать предложения на определенную тему с глаголами различных спряжений, используя определенный тип высказывания.

в) *распределительная работа.*

Дидактическая задача: развитие речемыслительной деятельности, умение анализировать, формировать умения использовать принцип дифференциации.

Необходимо «расселить» в окошках личные местоимения, притяжательные местоимения, личные окончания глаголов, глаголы – исключения.

5. Существительные мужского и женского рода единственного и множественного числа:

1. Назови (выпиши) существительные множественного числа.

Дидактическая задача: закрепить формы множественного числа имен существительных, развивать быстроту мышления, слуховое внимание.

а) учитель называет имена существительные в единственном и множественном числе. Учащиеся должны хлопнуть в ладоши или поднять сигнальную карточку, записать, если это существительное множественного числа.

б) учитель называет имена существительные в единственном числе, бросает мяч ученику, который немедленно должен назвать существительное во множественном числе.

6. *Количественные числительные (от 1 до 100); порядковые числительные:*

а) Нарисуй картинку!

Дидактическая задача: закрепить у детей умение правильно называть числа, называть зрительное изображение.

Учащиеся должны нарисовать картинку, соединив все цифры вслух. Соединив все цифры, учащийся должен назвать, кого он нарисовал.

б) Кто считает дальше?

Дидактическая задача: закрепить у детей умения правильно называть числа в пределах 100, развивать быстроту мышления, слуховое внимание.

Начать считать дальше после сказанного числа только после того, как брошен мяч.

Рассмотрев особенности формирования грамматических навыков при обучении неродному языку, следует заметить, что это очень сложный и трудоемкий процесс. Формирование грамматических навыков происходит в несколько этапов:

а) ознакомление с ним и осознание его значения, формы и употребления;

б) тренировка в его практическом использовании по опорам в микроконтексте;

в) применение на репродуктивном и продуктивном уровне.

Каждый из этих этапов имеет свое значение и определенные сложности, особенно для школьников, учитывая их возрастные и психологические особенности.

Процесс формирования грамматических навыков требует больших умственных усилий. В результате этого возникает ряд проблем при обучении грамматике, которые обусловлены различными факторами. Поэтому необходимо использовать игровые приемы при работе над грамматическим материалом, позволяющие избежать однообразной механической тренировки.

Дидактическая игра может быть использована как и на этапах повторения и закрепления, так и на этапах изучения нового материала. Она должна в полной мере решать как образовательные задачи урока, так и задачи активизации познавательной деятельности, и быть основной ступенью в развитии познавательных интересов учащихся.

Включение различных видов игр и игровых ситуаций в процессе обучения способствует успешной коррекции по преодолению неуспешности при изучении русского языка школьниками.

Таким образом, работа учителя нуждается в использовании игровых приемов и отдельных игровых действий, а также подчеркивает особую роль дидактических игровых приемов. Дидактические игры имеют особое воспитательное значение. Игры являются одним из важнейших средств развития самостоятельности.

Формы работы на уроках: работа с кроссвордом; повторение с опорой на русские народные сказки; ребусы; работа с текстом; составление текста с помощью морфемных подсказок; работа по словообразованию с помощью математических понятий; повторение орфографических понятий в игре «Третий лишний» и др.

Работа с кроссвордом

						3					
						д		о		л и	
								с			
								е		4	
2		к		о		о		р		д и	
		1		н		о		я		б р	
								н		а т а	
								ь		р	

Ноябрь – третий месяц осени.

Координата – число, соответствующее точке на координатном луче.

Доли – равны части целого.

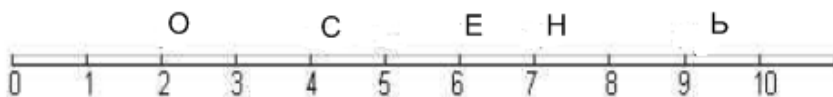
Ар – площадь квадрата со стороной 10 м.

Осень – время года, наступающее после лета.

Математическая часть

– Сейчас мы с вами поработаем на числовой оси.

Отметить на координатном луче точки: Ы(9), О (2), Е (6), С (4), Н (7).

Вопрос: Какое слово получилось на оси? (ОСЕНЬ).

Работа со стихотворением

Обратимся к стихотворению Александра Твардовского «НОЯБРЬ»

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

Работа с текстом

– Сколько предложений в данном стихотворении? (2)

– Всего в стихотворении 20 самостоятельных частей речи. Найдите полные прилагательные. Сколько их? (4). Какую часть составляют полные прилагательные от общего количества? (1/5).

– Составьте предложение об осени, воспользовавшись моими морфемными подсказками:

- из причастия «оголённый» – корень; окончание – из прилагательного «обдутый»: голый;

- из существительного «лесу» – корень; окончание – из существительного «куст»: лес;

- числительное, схожее по значению с числительным «первый»: один;

- глагол – по выбору.

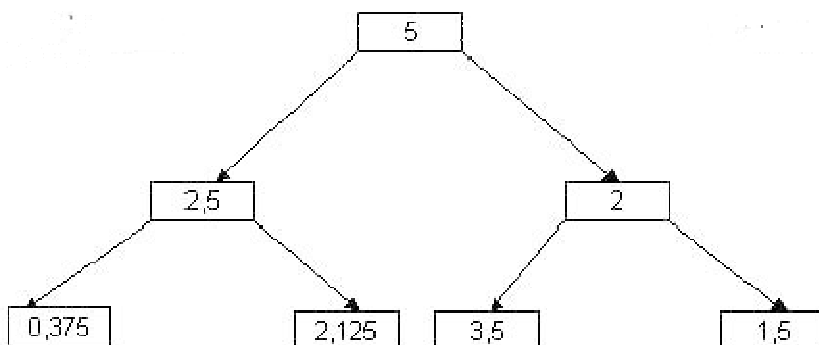
– Какое предложение получилось?

– Назовите устно морфологические признаки найденного существительного (м.р., ед.ч., И.п., 2 скл.)

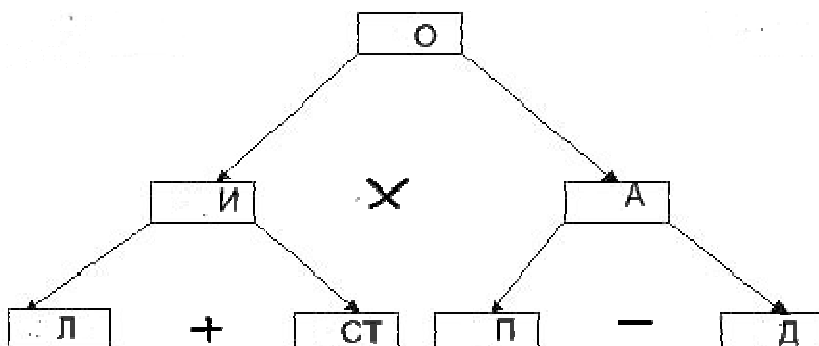
Работа по словообразованию

– На числовом луче построить координаты, получить слово, определить способ образования (сложение основ): – листопад

Л – 0,375;	А – 2;	И – 2,5;	О – 5.
Д – 1,5;	СТ – 2,125;	П – 3,5;	

правильно расставить математические знаки:

Повторение орфографии

Игра «Третий лишний»

Исключите в каждом ряду «лишнее» слово.

1. Коситься, коснуться, касаться.
2. Прикосновение, коса, касательная.

Игра «Корректор»

Составь предложения из слов одного ряда:

1. Солнце, деревьев, вершин, коснулось.
2. И, чуть, лодка, берег, коснулась, остановилась.
3. Вдруг, мелодия, уха, удивительная, коснулась.
4. Осеннее, уже, землю, не греет, солнце.
5. Почти, облака, к, верхушкам, прикасались, берез.

Математический диктант (учитель читает задания, а учащиеся переводят их с русского на математический язык):

1. Два в кубе (2); 2. сумма цифр числа триста пятьдесят девять (3+5+9=17);
3. Разность числа сто тридцать пять и частного чисел сто и четыре (135-100:4=115)
4. Найдите отношение числа двенадцать к числу четыре (12:4=3); 5. Найдите произведение 25 и суммы чисел 12 и 8 (25*(12+8)=500)

- Как записали число на доске? (словами)
- А как записали бы в тетрадях по математически (цифрами)
- Что обозначают в обоих случаях записи? (число)
- Но какой же частью речи является слово «четвёртое»?
- Как определить какой является частью речи данное слово?

Вывод: часть речи определяется по вопросу.

Диктант на смекалку.

Запишите ответы на вопросы словами, затем цифрами:

- Сколько лет жили старик со старухой в «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина? (Тридцать лет и три года – 33).
  - Сколько богатырей было в «Сказке о мертвой царевне»? (семь богатырей – 7)
  - Сколько пятниц на неделе у человека, легко и часто меняющего свои решения? (семь пятниц – 7)
  - Сколько коробов можно наврать? (три короба – 3)
  - О скольких каплях воды говорится во фразеологизме со значением «очень похожи», «одинаковые»? (две капли – 2)
  - Сколько должно быть зайцев, чтобы погнаться за ними и ни одного не догнать? (два зайца – 2)
  - Сколько раз нужно примерить, чтобы один раз отрезать? (семь раз – 7)
  - Какая часть речи помогла нам записать ответы? (имя числительное)
  - На какой вопрос отвечают эти числительные? (Сколько)
  - Что они обозначают? (количество)
- Такие числительные называются количественными
- Посмотрите на запись сегодняшнего числа. Найдите в ней числительное.
  - На какой вопрос оно отвечает? (какое?) Что оно обозначает? (порядок при счете)
  - Как называется числительные (порядковые)

Найдите «третье лишнее».

1. один, одиночка, одиночество
2. пять, пятерка, пятерня
3. четырехугольник, четыре, четверка
4. троеборье, тройка, три

Формулируя выводы о роли и месте игры в системе обучения, хочется подчеркнуть, что игра в определенном смысле универсальна: она взаимодействует практически со всеми методами и формами обучения.

Игра как метод обучения является отличной альтернативой обычным урокам. Отличие таких занятий от обычных уроков состоит в том, что у детей появляется мотивация, которая стимулирует их к изучению новой информации. Применение игровых методов обучения помогут сделать скучную работу интересной и увлекательной. Поэтому мы считаем, что использование игрового метода для обучения русскому языку является самым продуктивным.

Таким образом, место игры на уроке и отводимое игре время зависит от подготовки учащихся, изучаемого материала, конкретных целей и условий урока и т.д. Если игра используется в качестве тренировочного упражнения при первичном закреплении материала, то ей можно отвести 15-20 минут урока. В дальнейшем та же игра может проводиться в течение 3-5 минут и служит

своеобразным повторением уже пройденного материала, а также разрядкой для урока.

Считаем, что игру можно использовать как в начале, так и в середине и конце урока. Хотя более продуктивным является использование игры на двадцатой минуте урока, т.к. сколько бы интересным не был текст урока или выполнение упражнений, ученики устают, нуждаются в отдыхе, а игровые методы и приемы оказывают магическое действие на детей, привлекая как слабых, так и сильных детей.

Литература

Бабанский Ю.Н. Методы обучения в современной общеобразовательной школе. М., 2000.

Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998.

СЛОВА-ПАРАЗИТЫ В РЕЧИ УЧАЩИХСЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

К.Ж. Нургалиева
(г. Семей, Казахстан)

В статье представлен анализ результатов анкетирования казахстанских школьников, проведенного с целью выявления слов-паразитов; установлено, что чаще всего слова-паразиты используются школьниками из-за скудности словарного запаса, иногда на эти слова у подростков возникает мода, поэтому их могут использовать ученики, не имеющие проблем с речью.

Ключевые слова: русский язык, культура речи, слова-паразиты

В русском языке существует множество слов, с помощью которых мы можем выразить свои мысли. Но, к сожалению, на сегодняшний день остро встает вопрос о культуре речи, поскольку наблюдается повсеместное оскудение русской речи, сведения к минимуму употребляемых слов [Введенская, Павлова, Кашаева 2016]. Ученые-лингвисты считают, что «слова-паразиты» используются из-за бедности словарного запаса и связанных с этим регулярных заминок [Граудина, Ширяев 2015; Кормилицин, Сиротина 2014]. Однако, в большинстве случаев, возникает своего рода «мода». Потому их могут использовать и люди, не имеющие проблем с речью.

Некоторые люди намеренно употребляют в своей речи «слова-паразиты». Если человек не хочет отвечать на «неудобный» вопрос, а отвечать все-таки надо, он старается потянуть время. Пока человек произносит свои «*видите ли*», «*понимаете*», «*такое дело*», «*ну*», «*как бы*», «*ну как вам сказать*» и т.п., он лихорадочно думает над тем, что и как ответить. Особенно часто человек, имеющий в своем активном словаре «слова-паразиты» начинает употреблять их, когда волнуется или торопится произнести свою речь. В этом случае «паразиты» говорят о психологических особенностях человека – о том, что он нервный, беспокойный, торопливый.

Мы одновременно говорим и думаем. Человек не всегда успевает сформулировать свою мысль, ему приходится останавливаться, чтобы подумать или подыскать подходящее слово [Левонтина 2014]. Конечно, вы можете замолчать и держать паузу до тех пор, пока не придумаете абсолютно гладкую фразу. Но тогда собеседник засомневается: то ли вы все еще формулируете, то ли уже заснули или отвлеклись. Вот тут и приходят на помощь всевозможные слова-сорняки. Они являются своего рода сигналами: «я здесь», «я на связи», «сейчас уже скажу», ждите ответа».

Слова-паразиты используются часто, как способ подумать хотя бы несколько секунд над заданным вопросом, как желания найти общий язык с собеседником, копируя его движения, мимику и, конечно же, манеру речи. Так же у многих есть «любимые» сорные слова.

В ходе опроса учащихся 7-11 классов (опрошено было 165 человек) мы разработали классификацию слов-паразитов, относящихся к той или иной как части речи или определенным группам слов (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация слов-паразитов

Группа		Слова – паразиты
1	Звуки	э-э-э, мэ-э-э,
2	Частицы	ну, ну вот, вот, типа, как бы так, просто, прямо, так
3	Вводные единицы	вообще, в общем-то, в принципе, допустим, значит, короче, например, понимаешь, собственно говоря, слушай, стало быть, так сказать
4	Местоимения, местоименные наречия	это, это самое, как его, там
5	Переход из одной части речи в другую	блин, черт
6	Модальные слова	конечно, наверное, вероятно, кажется

Заметим, что достаточно часто ученики употребляют «звуковые» слова-паразиты (э-э-э, мэ-э-э, вау!) и устаревшую конструкцию *то бишь*.

На основании проведенного контент-анализа констатируем: причины употребления слов-паразитов:

1. Ограниченный словарный запас.

Зачастую наличием слов-сорняков страдают малообразованные люди. Но бывают и исключения: у некоторых культурных и очень грамотных людей, преобладание такого количества слов становится имиджем. Однако есть разница между сознательным их употреблением и рефлексорным.

2. Низкая скорость мышления.

Если человек не может подобрать нужное слово, то он в большинстве случаев использует для заминки звуки-паразиты. Это всем известные: «Э-э-э», «М-м-м», «А-а-а». Стоит отметить, что такие звуки довольно сильно раздражают и «режут» слух.

3. Отражение поведения человека

Использование некоторых сорных слов может многое поведать о человеке, который использует слово-паразит «короч», скорее всего, не жаждет общаться, не хочет обременять себя объяснениями. Словосочетание «сами понимаете» – это пример оправдывающегося и постоянно извиняющегося перед окружающими человека. «На самом деле» желает изложить людям истину. Этаким человек, борющийся за правду.

4. Эмоциональность и возбужденность.

Будьте спокойны – *«займитесь делом»*.

5. Намеренное использование сорных слов.

Для кого-то такой стиль общения является частью их образа. Есть люди, намеренно вставляющие слова-паразиты в свою речь. Это бывает вполне уместным.

6. Влияние моды.

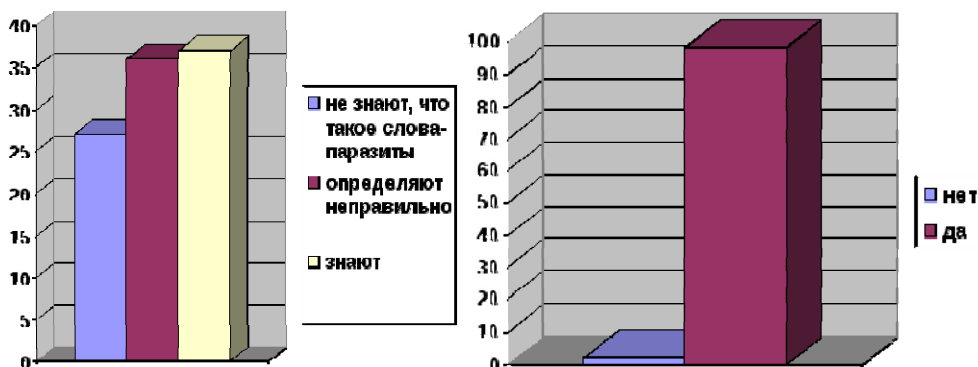
Слово, получившее широкое распространение, начинает прилипать к человеку. Не говорите как все – сразу же отсекайте ненужные словечки.

Нами был проведен эксперимент «Частота употребления слов-паразитов», в ходе которого выявлены особенности употребления слов-паразитов в речи обучающихся разных возрастных групп.

На вопрос анкеты: «Употребляете ли Вы слова-паразиты? Получены следующие результаты:

Диаграмма 1

Слова-паразиты в нашей речи

Таким образом, результаты исследования показали, что большинство учащихся (95,7%) употребляют в своей речи слова-паразиты.

На вопрос анкеты: «Замечаете ли вы в своей речи употребление слов-паразитов»? было установлено, что учащиеся (68,8%) замечают в своей речи слова-паразиты (диаграмма 2).

Из диаграммы 3 видно, что подростки (95,7%) употребляют в своей речи слова-паразиты; наиболее употребляемым словом-паразитом в среде подростков является слово *ну*, на втором и третьем местах по частоте употребления отмечается употребительность слов *вот* и *типа*.

Диаграмма 2

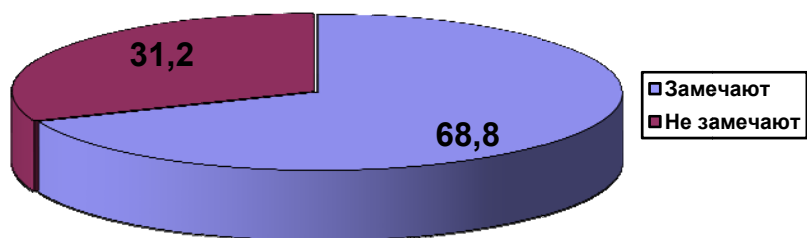
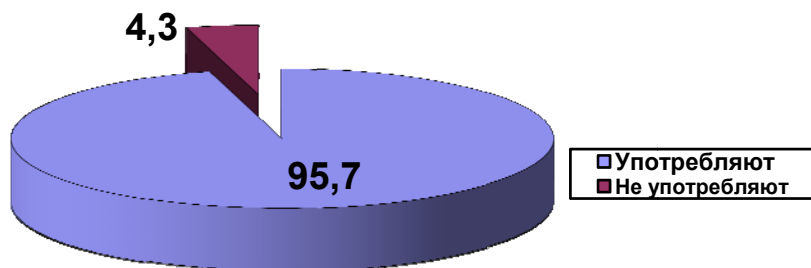
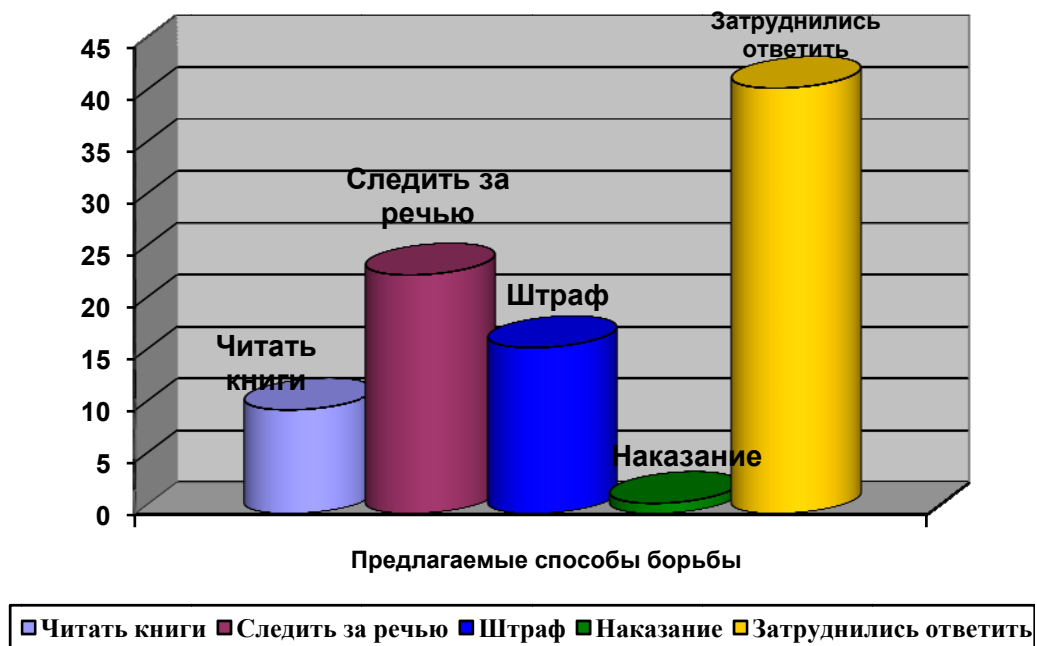

Диаграмма 3

Диаграммы 4

Как избавиться от слов-паразитов

Таким образом, слова-паразиты засоряют речь говорящего, затрудняют ее понимание, отвлекают внимание от содержания высказывания. Чаще всего слова-паразиты используются школьниками из-за скудности словарного запаса. Иногда на эти слова у подростков возникает мода, поэтому их могут использовать ученики, не имеющие проблем с речью.

Нужно прислушиваться к своей речи и прилагать все усилия, чтобы избавиться от ненужных и лишних слов. Выбор человеком того или иного слова свидетельствует о его мироощущении. Но во всех случаях сверхчастотное употребление этих «лишних слов» портит нашу речь.

Литература

Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2016.

Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. М.: «Норма», 2015.

Кормилицина Е.М., Сиротина О.Б. Хорошая речь. М.: «Лимбоком», 2014.

Левонтина И.Б. «О словах-паразитах» // РЯШ, 2014. № 15.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Ян Пэй

(г. Тяньцзинь, Китай)

Статья посвящена осмыслению словосочетания «диалог культур», каждая из которых имеет свой неповторимый стереотип поведения – строго опделённую норму отношений; доказывается, что «этнический образ» активно участвует в реализации диалога культур.

Ключевые слова: диалог культур, этнический образ, базовая оппозиция

В настоящее время международные контакты достигли чрезвычайно высокого уровня. Это явление можно наблюдать в каждой сфере человеческой деятельности: в политике, экономике, науке, культуре и т.п. Безусловно, успешному развитию государственных, официальных, деловых и личных отношений способствует владение иностранными языками.

Слово *чужой* в русском языке, помимо своих значений («чужеземный», «незнакомый», «неродной», «принадлежащий другому»), приобрело значения: «причастный к чему-нибудь», «далёкий от чего-нибудь», «лишённый чего-нибудь», «несвойственный, не подобающий», «неприятный, отвратительный», расширило круг своих значений под влиянием старославянского слова *чуждый*. [Виноградов 1999: 819].

Обращает на себя слова *чужой*, которое возникло от праславянского корня *tjudjъ, заимствованного из гот. *biuda* [Фасмер 1987, Т. 4: 379]. В древности чужое, неведомое, страшное воспринималось как приходящее с войной со стороны, в образе чудища. Выстраивается понятийный ряд: чуждый народ – чужое войско – чужеземцы [Колесов 2000: 64-65].

Интересным является слово *сторона/страна* и его производные. Слово *сторона* имеет значения: «направление; часть целого, пространство, местность вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удалённое; бок, край, грань; край, область, местность, округа, страна».

В рассматриваемом нами контексте важными являются значения «вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удалённое»: то, что находится в СТОРОНЕ, – это чужое.

В.И. Даль приводит одно из значений этого слова: «все, что не мы и что не дома; третьи, сторонние люди» [Даль 1999, Т. III. 331]. Это значение отразилось в бытующих сегодня русских выражениях.

Ср.: *в стороне от чего-либо* – в отдалении, на расстоянии от кого-нибудь;
на стороне – не у себя, в другом месте;
на сторону – в другое место;
со стороны – не из данного места (человек со стороны – чужой, посторонний);
быть в стороне,
гулять на стороне;
казаться со стороны,
обходить стороной и др.

Среди основных признаков межкультурной коммуникации лингвисты отмечают принадлежность коммуникантов к разным лингвокультурам, в особенности осознание ими культурной чужеродности, инаковости партнёра [Рот, Коптельцева 200: 11-13].

Противопоставление чужому проводится по разным параметрам, составляющих этнос:

- государственность: *соотечественник* – *иностранец, чужестранец*;
- территория: *земляк* – *иноземец*;
- язык;
- вера: *православный, правоверный* – *иноверец, безбожник, бусурман*;
- поведение: *варвар, дикарь*.

Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие – как «дикость». Соприкасаясь с другой нормой поведения, каждый член определенного этноса удивляется тому, что он и его соплеменники не такие, как другие, принадлежащие к другому народу.

Слова, называющие своих: *соплеменник, родня, сосед, близкие, приятель, друг* и др., ассоциативно связаны с понятиями «*родной*», *близкий, знакомый, понятный, приятный, удобный, добрый*». Ср.: *старая добрая Англия, Великая/Святая Русь, Поднебесная/Срединная империя, Страна Восходящего солнца* и др.

Слова, называющие чужих: *неприятель, враг, противник, недоброжелатель, чужеродец* и др. – связаны с понятиями «*незнакомый, необычный, непонятный, странный, чудный, пугающий, враждебный, неприятный, далёкий, пришлый*».

Ср.: в Словаре В.И. Даля: *чужой* – «*не свой, сторонний, неизвестный, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный*» [Даль 1999, Т. IV: 613].

Каждый этнос имеет свой неповторимый стереотип поведения. Структура стереотипного поведения – это строго определённая норма отношений: и между

коллективом и индивидом, индивидов между собой. Эти нормы негласно существуют во всех областях жизни и быта как единственно возможный способ общезнания.

В любой культуре есть базовая оппозиция «МЫ – ОНИ», «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Это означает, что «этнический образ» существует в двух ипостасях:

- 1) как представление о членах своего этноса;
- 2) как представление о нечленах своего этноса.

Культура представляет собой ценностно отобранный инвентарь опыта, а язык – это то средство, при помощи которого общество выражает свой опыт и познает окружающую действительность.

Связать в одно целое усилия современников и людей, принадлежащим разным поколениям, позволяет традиция, имеющая основополагающее значение в формировании, развитии языка и культуры народа, это и роднит их, поскольку они по своей природе традиционны.

Литература

Виноградов В.В. История слов /РАН Отдел. лтер. и языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1999. 1138 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1999.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 326 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. Тт. I-IV. М.: Прогресс, 1986-1987.

**КОММУНИКАТИВНЫЙ КРУГ: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, ЭМОЦИИ
(рецензия на книгу: Шаховский В.И. Диссонанс экологичности
в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография.
Волгоград, 2016)**

С.И. Маджаева

Эмоции управляют человеком, они определяют характер индивида и его речь, воздействуют на социальную сущность личности. Данные постулаты верифицированы в монографии профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции».

Автор справедливо утверждает, что в современном обществе язык и речь тесно связаны с эмоциями: мы не можем не отображать происходящее в окружающем нас пространстве; кроме того, эмоции могут определять взаимопонимание или, напротив, отрицательную реакцию на речевой стимул, влиять на судьбу человека и общества. Именно поэтому сегодня существует настоятельная необходимость научиться управлять своими эмоциями при ведении коммуникации.

Тема влияния эмоций на речь и поведение человека поднималась ученым в его книгах «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (1987), «Лингвокультурология эмоций» (2004); «Лингвистическая теория эмоций» (2008), «Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология» (2010), «Голос эмоций в языковом круге *homosentriens*» (2012), «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (2013). Эти работы давно стали настольными книгами не только ученых, занимающихся данной проблемой, но и многих лингвистов, кто не связан напрямую с изучением лингвистики эмоций, но занимается исследованием проблем развития языка.

Рецензируемая монография представляет собой результат многолетних научных изысканий профессора В.И. Шаховского. Во всех своих работах он указывает на то, что нельзя изучать эмоции вне зависимости от общества, человека, языка, так как «эмоции мотивируют все виды экологий: медицины, педагогики, философии, Интернета и др.» [с. 3]. Эта мысль еще раз утверждается и подтверждается примерами в новом издании ученого. Используя новый материал, современную методологию, автор ставит новую задачу – «демонстрация модуса экологичности коммуникации всех видов, коррелирующих с психоэмоциональными факторами, конкретными эмоциогенными ситуациями, в которые попадает эмоциональная языковая личность и общество в целом» [с. 2]. Эти аспекты, на наш взгляд, привлекут внимание новых читателей: ученых-лингвистов, журналистов, педагогов, специалистов-медиков.

Нельзя не отметить объемность и тематическое многообразие монографии (504с). Она состоит из предисловия автора; шести частей «От лингвистики эмо-

ций к эмотивной лингвоэкологии», «Эмоции как психолингвистическая основа эмотивной лингвоэкологии», «Общие вопросы эмотивной лингвоэкологии», «Медийная лингвоэкология», «Экология негативного общения», «Экология позитивного общения», подразделяющиеся в свою очередь на главы и параграфы; послесловия автора; списка литературы; четырех приложений по проблеме экологии эмоций.

Автор монографии анализирует сложные теоретические проблемы новой отрасли лингвистики – эмотивной лингвоэкологии. История становления данной области обсуждается в предисловии. Со времен перехода изучения «человеческого фактора» стало ясно, что «все эмоции дискурсивны, а это указывает на динамический статус языка и его тесную связь с социо-психологическими изменениями в коммуникативном пространстве конкретного языка» [с. 10].

В первой части монографии автор знакомит читателя с историей зарождения и становления эмотивной лингвоэкологии, предметом и основными параметрами экологичности общения. Красной строкой в главе «Экология функционирования языка» проходит вопрос о необходимости расширения семантики термина «экология» за счет психологической и социологической проблематики. Автор доказывает, что существует эмоциональный язык, эмоциональная речь, эмоциональная коммуникация и эмоциональное мышление [с.46], которые имеют параметры экологичности или неэкологичности (см. параграф 2).

Во второй части освещаются вопросы эмоционально-экологического сознания и экологического интеллекта, рассматриваются проблемы смешанного интеллекта. Автор анализирует экологию эмоционального сознания, приемы экологического взаимодействия, эмоционального тьюнинга. Ученый указывает на необходимость приобретения эмоциональной / эмотивной компетенции. Главным постулатом данной части, на наш взгляд, является тезис о том, что «за каждым употребленным словом стоит говорящий и ситуация общения, прежде всего эмоциональная, что может стать средством реализации скрытой амбивалентности семантики любой лексической единицы, преобразуя последнюю в эмоционально-смысловом плане, но сохраняя ее форму и содержание» [с. 92].

Третья часть посвящена магической власти слова. В.И. Шаховский предлагает отмеченные им процессы в языке эмоций рассматривать как «индикаторы изменений в самом сознании человека», доказывает, что преобразования в обществе изменяют характер эмоциональной коммуникации [с. 92-93]. Эмотивное слово рассматривается как действие и как воздействие на речевого партнера.

В четвертой части рассматриваются проблемы медийной экологии, связанные с негативностью новостей, тиражируемых журналистами, а также неэкологичность многих неологизмов – креатем, отмеченных чаще всего негативной эмоциональной семантикой. В данной части автор анализирует плотность эмотивов, негативность медийной коммуникации («баланс сдвинут в сторону негатива» [с. 162]). Ученый утверждает, что основой эмотивной лингвоэкологии общения является коммуникативное благополучие адресата, которое «можно достичь через бережное, этичное обращение с его эмоциями и реализующими их семиотическими знаками» [с.190]. Он считает, что приемы эмоционального тьюнинга предполагают умение коммуникантов отбирать лучшие слова для лучших эмоций, т.е. служить стилистическим и этическим целям общения [с. 190]. Главным

постулатом книги, на наш взгляд, является тезис о том, что без эмоции не существует коммуникации, поэтому «все речевые действия имеют эмоциональные последствия, которые могут быть сиюминутными или отсроченными» [с. 216].

Внимание читателей привлечет часть пятая, посвященная проблеме многогранности негативного общения, возрастающей эмоционализации глобального коммуникативного пространства, интенсификации социальной, этнической, конфессиональной напряженности.

Шестая часть раскрывает вопросы позитивного общения. Автор доказывает, что «рационализация эмоций действительно является глобальной и очень тяжелой проблемой, которую, тем не менее, надо решать сообща» [с. 385], она требует срочного «лингвохирургического вмешательства, потому что слово обладает значительно большей убойной силой, чем вся военная техника» [с. 386].

Актуальной и практически значимой можно назвать решаемую автором монографии задачу – выявить лингвистическую опасность/безопасность для здоровья языка и человека. Так, автор показывает, что креатемы, созданные журналистами, иногда отрицательно сказываются на здоровье человека. В данной части книги автор определяет такие понятия, как тензиональность, толерантность/нетолерантность, речевой перебив. Важным является и поднимаемый в монографии вопрос о необходимости разграничения слов, выражающих эмоциональные состояния человека, и преднамеренное использование эмотивов (включая мат) для оскорбления человека: «каждая из эмоций способна становиться дуальной, конверсироваться, реверсироваться, конвергироваться/кластироваться, что усугубляет тензиональность межперсонального, группового, социального, массового общения...», поэтому обидные и грубые лексемы не всегда связаны с оскорблением, которое «может различаться по форме и по содержанию: по форме это может быть оскорбление, а содержательно – нет или, наоборот» [с. 248].

Автор приходит к выводу: «Трудно скрывать и подделывать (симулировать) эмоции в категориальных ситуациях доминирующего эмотивного тонуса (например, в семейной ссоре). Это трудно, потому что подкорковыми структурами, где находятся корни эмоции, сложно, а иногда и невозможно управлять, т.е. рационализировать эмоции» [с. 300]. Содержание монографии демонстрирует, что эмоционализация мира коммуникации способствует увеличению деструктивного общения, а, следовательно, и деструктивизации эмоциональной картины мира. Ученый считает и доказывает, что эмоции человека обладают амбивалентной энергетической мощностью, в связи с чем, будучи транслируемыми языком, они могут быть как экологичными, так и неэкологичными для человека, его языка, культуры и социума. В.И. Шаховский предлагает ввести эти знания в коммуникативную компетенцию в виде эмоциональных, эмотивных и экологических конституентов. В книге поднимается вопрос о зависимости здоровья человека и здоровья его языка от эмоций, о негативном влиянии нездорового языка на здоровье человека. В этом и проявляется коммуникативный круг: человек – язык – эмоции.

Считаем, что выход данной книги знаменателен уже потому, что в научный оборот вошли новые слова эмотивной лингвоэкологии как раздела лингвистики эмоций: *экологическое сознание / мышление / интеллект; внутренний экологический цензор; параметры экологичности эмоциональной коммуникации; экологическая опасность / безопасность для здоровья языка и говорящего на нем чело-*

века, психоэмоциональное состояние [см. Приложение 1: 455-457]. Автор предлагает различать экологию языка/речи, экологию культуры речи и экологию человека [с. 3]. Все эти понятия требуют лингвистического дефинирования и научного описания.

Как показано в книге, все эмоции дискурсивны. Именно данный тезис определил содержание приложений, имеющихся в рецензируемой монографии. Приложение 1 имеет значение для лексикографов. Автор расширяет когнитивное поле терминов, характеризуя их при помощи эмотивов. Интересным является материал приложения 2, в котором автор выделяет экологичные / неэкологичные креатемы. Разные фреймы (всего их выделено 10) указывают на доминирование негативной коммуникации, доказывающие тезис о влиянии языка СМИ на здоровье социума. Материал данного приложения указывает, что дискурсы порождают экологичные / неэкологичные экологемы, т.к. негативные эмоции, номинированные словами, моделируют поступки человека. В то же время количество положительных креатем в современной коммуникации уменьшается.

Книга написана доступным языком. Читателю должно особенно импонировать использование автором вербальных иллюстраций: примеров из произведений художественной литературы, цитат, притч. В.И. Шаховский проводит тщательный анализ конкретных речевых ситуаций, упоминая реалии и имена людей нашего времени, тем самым, помогая читателю разобраться в сложных дискурсивных эмоциональных ситуациях. Кропотливо собранный материал из различных источников представляет самостоятельную ценность и, безусловно, будет востребован в будущих исследованиях лингвистов.

Данная монография привлекает внимание читателя к проблемам языковой экологии как важнейшему механизму регулирования отношений «язык-человек», «человек-человек». Автор доказывает, что «коммуникация невозможна без эмоций, и надо научиться вести ее положительными экологемами» [с. 323] и предлагает «мысли, ориентирующие на конструктивное общение с учетом ряда психологических, лингвистических и экологических теорий и практик коммуникации людей друг с другом, а также власти с народом и народа с властью» [с. 398].

Считаем, что появление рецензируемого социально значимого исследования не только поможет ученым разных отраслей языкознания ориентироваться в мире лингвоэкологии, но и даст практические рекомендации всем носителям языка по ведению экологичной коммуникации в различных деловых и бытовых ситуациях, опосредованных эмоциями.

**АННОТАЦИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«НЕЙМИНГОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОИЗВОДСТВО»
(М., 2016)**

Т.П. Соколова

Монографическое исследование посвящено разработке теоретических и методических основ нового вида судебной лингвистической экспертизы – нейминговой экспертизы. Актуальность темы обоснована автором монографии на осно-

ве ретроспективного анализа работ по судебной экспертологии и лингвистической экспертизе, в результате которого выявлена необходимость выделения нейминговой экспертизы в самостоятельный вид в связи со спецификой объектов – наименований (неймов). Необходимость правовой защиты личного имени гражданина, авторского имени или псевдонима, наименований как интеллектуальной собственности возникает по многим категориям гражданских, уголовных и административных дел. Вынесению законного и обоснованного решения способствует проведение нейминговой экспертизы – «процессуально регламентированного лингвистического исследования нейма как речевого продукта, завершающегося дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии».

В первой главе подробно рассмотрен генезис нового вида лингвистической экспертизы, сформулированы понятия предмета и объектов нейминговой экспертизы. Будучи не только юристом, но прежде всего лингвистом, автор уделяет большое внимание понятийному аппарату нового вида лингвистической экспертизы, в частности основному термину *имя*, который рассматривается и в контексте нормативных правовых актов (*имя гражданина, доброе имя* и пр.), и в системе лингвистических и ономастических терминов. Терминологическая проблематика затрагивает вопросы дефиниции ряда понятий, противоречивости использования терминов *имя* и *наименование* в юридическом дискурсе, а также вопрос уместности употребления «узконаучных» терминов ономотологии в экспертизе. Особое внимание уделено понятию *нейминга*, его отличию от других видов *языковой номинации*.

Во второй главе на основе анализа судебно-экспертной практики представлена классификация объектов нейминговой экспертизы в соответствии с типовыми задачами: личное имя гражданина, псевдоним, доменное имя, товарный знак (знак обслуживания), фирменное наименование, коммерческое обозначение, географическое наименование, урбаноним. Возможности нейминговой экспертизы показаны на конкретных примерах различных категорий дел, в том числе дела об отказе в регистрации ребенка под именем БОЧ рВФ 260602 (Биологический объект человек рода Ворониных – Фроловых, родившийся 26 июня 2002 г.), дела о творческом псевдониме *МакСим*, многочисленных дел о столкновении товарных знаков и доменных имён («Шелестово /shelestovo» и shelestowo.ru), фирменных наименований (ООО «БалтМедКлиник» и ООО «Балт-Мед»), товарных знаков и коммерческих обозначений («ЯпОна Мама» и «ЯпОна Матрёна»).

Впервые показано, как топонимы и урбанонимы вовлекаются в сферу гражданско-правовых отношений, в частности подробно проанализирована конфликтная ситуация, связанная с переименованием станции метро *Братеево* в *Алма-Атинскую*.

Особое внимание уделено вопросам лингвоэкологии: по мнению автора, нейминговая экспертиза может предотвратить появление скандальных товарных знаков («ШИТ-ПАРАД», «КОЛЫБЕЛЬ, СВАДЬБА И МОГИЛА», «Слеза монашки», «OBSERIN») и урбанонимов («Фудболки», «Вилланж», «Авиню», «Бухни», «Ёшкин кот» и др.).

В русле решения задачи разработки методики нейминговой экспертизы автором проанализированы существующие методические рекомендации (в частности по установлению признаков сходства словесных обозначений) и намечены методические подходы к экспертному исследованию разных типов неймов.

Самостоятельную ценность имеет обширное Приложение «Комментарий к закону города Москвы от 08.10.1997 №40-70 «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» и Методические рекомендации по наименованию объектов города Москвы», где на интересных примерах раскрыта история формирования топонимии Москвы, показано, когда и как появились названия улиц Старой Москвы, как сложились принципы номинации городских объектов столицы. Автор подводит итоги работы комиссии по наименованию улиц в прошлом веке, отмечая удаchi и просчёты, даёт подробный лингвистический комментарий к закону №40-70 и формулирует методические рекомендации по номинации улиц в Новой Москве.

Книга содержит обширный библиографический список, который включает 212 источников.

Монография Т.П. Соколовой будет интересна не только экспертам, но и лингвистам и ономатологам, а также всем, кто интересуется миром имён и названий.

АННОТАЦИЯ НА «СЛОВАРЬ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЮГА РОССИИ» (ЭЛИСТА, 2016)

Н.А. Кичикова, А.А. Бурыкин

Настоящий словарь представляет собой словарь-справочник названий населенных пунктов Юга России, включающий шесть субъектов Российской Федерации: Республику Калмыкия, Астраханскую, Ростовскую, Волгоградскую области и Ставропольский и Краснодарский края – объединенных общей историей региона, физико-географическими условиями.

Топонимическое пространство Юга России содержит несколько исторически различающихся пластов онимов, среди которых топонимы с русской языковой основой составляют наиболее поздний в хронологическом отношении пласт. Их появление связано с присоединением к России территорий, прилегающих к Восточному Кавказу и Дагестану и самого Кавказского региона, что сопровождалось последующим расселением носителей южновеликорусских диалектов по территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, в том числе и на территории современной Калмыкии.

Собранный топонимический материал позволяет обнаружить случаи аналогии внутри топонимии областей и краев Юга России, а именно Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Калмыкия.

Появление одинаковых названий населенных мест внутри региона с единой исторической судьбой обусловлено прежде всего историей переселенческого движения и появления русскоговорящего и украинского населения в этих регионах и специфическим переселенческим характером топонимии, связанным с оп-

ределенными типами новых наименований и модифицированием названий, приносимых с исторической родины перемещающегося населения. Второй причиной появления и поддержания сходств в топонимиконе отдельных регионов Юга России является общность ландшафта и общность функционирующих на данной территории географических апеллятивов, входящих в состав топонимов разных разрядов.

Цель словаря – показать всю полноту, богатство и разнообразие названий населенных пунктов Юга России; продемонстрировать, как разнообразные по структуре и происхождению наименования образуют топонимикон южного региона, как они согласуются с языковой картиной мира жителей региона.

«Словарь названий населенных пунктов Юга России» также имеет своей целью установление единого написания ойконимов на всех картах, в научных, учебных, справочных и других печатных изданиях Российской Федерации.

Не менее интересным предметом в данном словаре оказывается и региональная географическая терминология, участвующая в формировании разных разрядов топонимов, в том числе и названий населенных пунктов.

Наименования населенных пунктов расположены в Словаре в алфавитном порядке. Ойконимы, начинающиеся с цифровых обозначений, предшествуют тем наименованиям, которые начинаются с буквы А русского алфавита.

Словарная статья включает название населенного пункта, область (край, республику), административную принадлежность и род объекта.

Основным источником данного словаря служит база данных почтовых индексов России, включающая все действующие населенные пункты Российской Федерации, распределенные по областям и районам. Исходная база данных, которой воспользовались авторы, содержала названия всех населенных пунктов названных выше регионов, обслуживаемых действующими почтовыми отделениями.

Словари подобного типа представляют собой относительно новое явление в ономастической и конкретно в топонимической лексикографии. Одно из их предназначений – фиксация повторяющихся ойконимов внутри региона, в нашем случае – Юга России, открывающая перспективы лингвистического и лингвокультурологического анализа ойконимов и изучения топонимической картины региона – локального варианта картины мира с собственным содержанием и его топонимического пространства, имеющего уникальную географическую структурированность и вариации языковой основы заполняющих его имен собственных. Сравнение относительной частотности повторяющихся топонимов, в нашем случае – ойконимов, позволяет более детально проследить региональное варьирование географических названий и их производящих основ, дополняющее региональные варианты языковой картины мира с ее лексическими предпочтениями и региолектной и диалектной словообразовательной спецификой.

Ойконимы как класс топонимов являются весьма удобным материалом для топонимических исследований, ибо, как известно, они поглощают и включают в себя имена собственные других разрядов, в том числе топонимы и антропонимы, а также разнообразные, локальные диалектные и разноязычные географические апеллятивы, относящиеся к самым разным тематическим группам. По этой причине лексикографическое аккумулятивное ойконимов, когда алфавитный прин-

цип их группировки позволяет наблюдать словообразовательные гнезда ойконимов, образованных от одной и той же основы, существенно обогащает возможности дальнейшего исследования топонимии региона в целом.

Данный словарь адресован широкому кругу филологов и всем читателям, интересующихся названиями населенных пунктов Юга России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Заира Рабадангаджиевна – аспирант, Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)

Абраменкова Людмила Евгеньевна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Алиханова Нажават Магомедгаджиевна – магистрант, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Алферова Дарья Александровна – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Анохина Эля Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, Военный университет (г. Москва)

Аргунеев Эдуард Петрович – психолог, магистрант лингвистики, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург)

Арсланова Татьяна Михайловна – учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ № 35 (г. Тамбов)

Астраханцева Марина Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель, Тамбовский железнодорожный техникум – филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения» (г. Тамбов)

Ахметова Дана Муратовна – старший преподаватель, кафедра филологических дисциплин, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Ахметова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (г. Москва)

Багомедов Муса Расулович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой дагестанских языков, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Баранова Ольга Петровна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Баско Нина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Баудер Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск).

Бейсекова Райхан Тузельбаевна – старший преподаватель, кафедра педагогики, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Беленов Николай Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет

Белуsoва Светлана Владимировна – аспирант ФГАОУ ВО «САФУ имени М.В. Ломоносова» (г. Архангельск); муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 2», учитель русского языка и литературы (Архангельская область, г. Новодвинск)

Беляева Кристина Сергеевна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Берзина Александра Сергеевна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Беренгольц-Зотова Екатерина Григорьевна – аспирант, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Бирюков Сергей – доктор культурологии, Университет имени Мартина Лютера (Германия, г. Галле-Витенберг)

Блохина Нина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Бодрова Елена Владимировна – ведущий специалист научного отдела, Сургутский государственный университет (г. Сургут)

Бунчук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и общей филологии, Сыктывкарский государственный университет

Бурыкин Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий сотрудник словарного отдела ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург)

Буцких Светлана Александровна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ван Мэн – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Хайнань)

Ван Хуэй – аспирант 3-го курса, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Даньчжоу, Китай)

Васильева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания ФГБУН Институт языкознания РАН (г. Москва)

Верховых Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологических дисциплин и методики их преподавания, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Г. Борисоглебск)

Видная Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Врублевская Оксана Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград)

Габибова Эльмира Магомедовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра методики преподавания русского языка и литературы, филологический факультет, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Галушко Елена Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова (г. Ульяновск)

Гань Сяоцзюань – преподаватель Хайнаньского университета (г. Хайнань, Китай)

Головачева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы школы № 4 г. Мирный Архангельской области

Горбаневский Михаил Викторович – доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, вице-президент Общества любителей российской словесности, член Топонимической комиссии Русского географического общества (г. Москва)

Горячева Ксения Юрьевна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Гочияева Амина Яйлаевна – учитель русского языка, ОСШ №14 имени М. Сапарбаева (с. Карасу Сайрамского района, Южно-Казахстанской области, Казахстан)

Григораш Антонина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра славянских языков, факультет иностранной филологии, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина)

Григорьева Галина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра журналистики, Государственный университет имени Шакарима (Казахстан, г. Семей)

Гудин Денис Сергеевич – студент, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Гуськова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Дай Хуань – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Хайнань)

Денисова Татьяна Александровна – учитель русского языка и литературы СОШ № 6 (г. Тамбов)

Джумагулова Гульнар Шингисовна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий кафедрой педагогики, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Джумадиллаева Гаухар Бисеновна – старший преподаватель, кафедра филологических дисциплин, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (г. Шымкент, Казахстан)

Ду Чуньян – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Хайнань)

Дубровина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Дубровина Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Е Линь – аспирант 3-го курса, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Нанкин, Китай)

Елибаева Раушан Дуйсеновна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра педагогики, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Жеребцова Жанна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Жигульская Анна Владимировна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий кафедрой английского языка гуманитарных специальностей факультета международных отношений, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Исахова Гульжибек Пернебаевна – учитель английского языка, ОСШ №14 имени М. Сапарбаева (с. Карасу Сайрамского района, Южно-Казахстанской области, Казахстан)

Иссерс Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский госуниверситет имени Достоевского (г. Омск)

Казанкова Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, школа № 33 (г. Тамбов)

Калинин Степан Сергеевич – аспирант, факультет романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)

Касьянова Вера Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Кезина Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет

Кирьянова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, член научно-образовательного центра «Русист», факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Кислякова Евгения Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград)

Кичикова Надежда Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (г. Элиста)

Клокова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Козырев Виктор Иванович – кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск).

Колчанов Владимир Викторович – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Коноплева Татьяна Олеговна – магистрантка, Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II (г. Москва)

Косякова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Котяева Н.С. – соискатель, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Элиста)

Краснова Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Курбанова Патимат Курбановна – аспирант, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Кушнир Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и общей филологии, директор института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Левина Александра Валентиновна – студент, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск).

Левина Вера Николаевна – доктор филологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ли Кэн Хой – Хайнаньский университет

Логинов Александр Викторович – доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск).

Лэй Хуньин – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Ухань)

Лю Цзюань – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Хайнань)

Лю Яньпин – аспирант 3-го курса, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Даньчжоу, Китай)

Ляо Хуайшэн – Хайнаньский университет

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, доцент заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет (г. Астрахань, Россия).

Максат Абилкасым – магистрант, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана)

Максимов Владимир Олегович – кандидат филологических наук, генеральный директор Информационно-исследовательского центра «История фамилии» (г. Москва)

Мамирова Шаранат Калибековна – кандидат филологических наук, кафедра филологических дисциплин, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Махрачев Георгий Сергеевич – студент, педагогический институт, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Махрачева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Махрова Маргарита Михайловна – аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Мельникова Оксана Юрьевна – психолог, Региональный социально-психологический центр «Ресурс», Оренбургский государственный университет (г. Оренбург)

Мигранова Лилия Шатлыковна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (г. Башкортостан, г. Стерлитамак)

Милосердова Полина Викторовна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Моисеева Лариса Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Моховикова О.Ю. – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Мусабекова Урзада Абилкасимовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана)

Наумович Валерия Владимировна – преподаватель, кафедра английского языка гуманитарных специальностей, факультет международных отношений Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Непрокина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Никифорова Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал (г. Арзамас)

Николаев Егор Революевич – аспирант, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан» (г. Якутск)

Нуралиева Кульзия Жолдасовна – учитель русского языка и литературы, КГУ «Средняя образовательная школа № 19, (г. Семей, Восточно-Казахстанская область, Казахстан)

Павлова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана факультета филологии и журналистики по учебной и воспитательной работе, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Патракеева Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Тамбовский государственный технический университет

Патракеева Ольга Альбертовна – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Перфилова Мария Николаевна – соискатель, кафедра русского языка и методика преподавания русского языка, Пензенский государственный университет (г. Пенза)

Пискунова Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Плужникова Анна Анатольевна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Полунина Людмила Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск).

Попова А. – студент, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск)

Попова А.О. – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Поповичева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Хайнаньского университета

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Пустовалова О.И. – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Рабаданова Лейла Насруллаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра английского языка для естественно-научных факультетов, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Рожкова Елена Ильинична – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Руделёв Владимир Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Саматаева К.Б. – кандидат филологических наук, кафедра филологических дисциплин, Южно-Казахстанский гуманитарный институт имени Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент)

Сапарова Кундуз Отабоевна – доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Узбекский государственный университет мировых языков (Узбекистан, г. Ташкент)

Сапиева Саида Казбековна – кандидат филологических наук, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Свиридова А. – студент, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск)

Серебренникова Надежда Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Симонов Олег Александрович – заместитель директора ТОГАУК «Мичуринский театр» (г. Мичуринск)

Син Цзинцизи – магистрант кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, кафедра филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут)

Соколова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, магистр юриспруденции, член Международного совета по ономастическим исследованиям (ICOS), член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Москва)

Сорокина Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Степанов Евгений – кандидат филологических наук, главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» (г. Москва)

Сунь Цзя Вень – кандидат филологических наук, помощник декана факультета русского языка Бинхайского института внешних дел Тяньзиньского университета иностранных языков (г. Тяньзинь, Китай)

Сюй Чунсюань – магистрант кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Татарина Е. – студентка, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск)

Темиргазина Зифа Какбаевна – доктор филологических наук профессор, кафедра русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан, г. Павлодар)

Тодика Марина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Управления документации в организации», Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Топоркова Ираида Владимировна – кандидат филологических наук, Китайский педагогический университет (г. Шанхай, Китай)

Трифоновна Мария Эдуардовна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Трункова Яна Эдуардовна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Туманова Айнакуль Бектасовна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

Тянь Юньян – магистрант кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Уразметова Александра Владимировна – кандидат филологических наук, кафедра английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Федотова Ксения Сергеевна – аспирант, кафедра общего языкознания и истории языка, Донецкий национальный университет (Украина, г. Донецк)

Фролова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Фролова Сусанна Саидовна – студентка, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Харченко Вера Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)

Хворова Людмила Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, преподаватель Тяньцзиньского университета иностранных языков (Китай, г. Тяньцзинь)

Холодкова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры русского языка как иностранного, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Худяков Сергей Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, декан факультета филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Хэ Юйдань – преподаватель Бийханьского института внешних дел Тяньзиньского университета иностранных языков (Китай, г. Тяньцзинь)

Цуй Исинь – магистрант кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Чайковская Ирина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Регионального социально-психологического центра «Ресурс», член Гильдии лингвистов – экспертов по документационным и информационным спорам, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург)

Чжай Итин – магистрант кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Чжу Сюян – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Шэньян)

Чубина Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра судебных экспертиз, заместитель директора Института судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (г. Москва).

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград)

Швецова Виктория Михайловна – доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск)

Штетля Виктор (Wiktor Szetela) – кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский государственный педагогический университет (Польша, г. Варшава-Москва)

Щербак Антонина Семеновна – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кафедра русского языка,

русской и зарубежной литературы, журналистики, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ян Кунь – преподаватель Бийханьского института внешних дел Тяньзинского университета иностранных языков (г. Тяньцзинь, Китай)

Ян Пэй – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ян Пейцзюнь – магистрант, факультет филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Китай, Хайнань)

Янускина Валентина Владимировна – аспирант 3 курса, кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

**Материалы V Международной научной конференции
(3-5 ноября 2016 года)**

Ответственный редактор:
Щербак Антонина Семеновна

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Т.Ю. Шаталовой*

ISBN 978-5-905763-75-5

Подписано в печать 07.11.2016 г. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 40,55. Тираж 500 экз. Заказ 148/16.

ООО «Принт-Сервис». 392000, Тамбов, пл. Л. Толстого, д. 4.
Отпечатано в Издательском доме ТГУ имени Г. Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г